

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические записи.

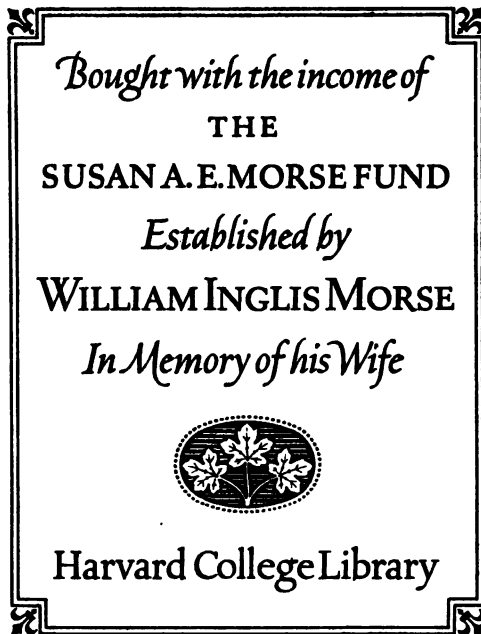
Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические записи.
Не отправляйте в систему Google автоматические записи любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

P Slow 620.5 ($\frac{1904}{11}$)

IX

37

НОЯБРЬ.

1904.

РУССКОЕ БОГЯТСТВО

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

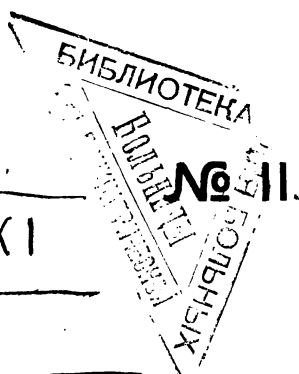
ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ар. б.

1904. XI

II

изв. 1936

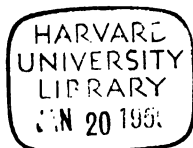

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Н. Н. Клубукова, Лиговская ул., д. № 34.

1904.

Δ
✓ P Slav 620.5 ($\frac{1904}{11}$) ✓

Море 4

СОДЕРЖАНІЕ:

	СТРАНИ.
1. Среди рабочихъ (Очерки съ натуры). <i>С. Подъячева</i> . Окончаніе.	3— 20
2. Историческія основы государственнаго строя современной Франціи. <i>Н. Е. Кудрина</i>	21— 67
3. Случай. Очеркъ. <i>Н. Саларскаго</i>	68— 79
4. Торгующія тѣломъ (Очерки столичной проституціи). Доктора <i>В. Бентовина</i>	80—113
5. Къ источнику исцѣленій. <i>Θ. Крюкова</i> . I—X.	114—142
6. Пѣсни побѣжденныхъ. Стихотворенія. <i>П. Я.</i>	143—144
7. Искупленіе. Легенда. <i>Д. Айзмана</i>	145—156
8. Безработица. Стихотвореніе <i>В. Вашикина</i>	156
9. Городъ брилліантовъ. Романъ <i>Германа Гейерманса</i> . Переводъ съ нѣмецкаго <i>З. Н. Журавской</i> . Продолженіе (Въ приложеніи).	81—128
10. Духовная смута въ освѣщеніи <i>Н. К. Михайловскаго</i> . <i>Нето</i> . I—III.	1— 25
11. Профили (Письмо изъ Англіи). <i>Діонео</i>	25— 48
12. Воспоминанія о Чернышевскомъ <i>Вл. Г. Короленко</i>	48— 71
13. Новыя книги: Д. Мережковский. Дафнисъ и Хлоя.—Мих. Могилянскій. Тина.—Федоръ Заринъ. „Рагузада“.—И. Тенеромо. Катастрофа.—Марія Мара. <i>Confetti</i> .—Алексѣй Мошинъ. Ясная Поляна и Васильевка.—К. Верманъ. Исторія искусства всѣхъ временъ и народовъ.—Куно Франке. Исторія нѣмецкой литературы въ связи съ развитіемъ общественныхъ силъ.—Проф. В. Виндельбандъ. Прелюдіи.—И. Д. Ивановичъ. Борцы и мученики за свободу Болгаріи.—Дѣтскіе приюты-корабли.—Краткій указатель литературы по крестьянскому вопросу.—Великіе люди изъ простаго званія. Е. Чиждова.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.	71— 97
14. Господа юнкеры (Письмо изъ Германіи). <i>Реуса</i>	98—127
15. Изъ записокъ школьнаго учителя. Учебная система. <i>А. Петрищева</i>	128—161

(Ом. на оборотѣ).

16. Хроника внутренней жизни: I. Къ характеристикѣ настоящаго момента.—Странный лозунгъ.—Поиски «внутреннихъ враговъ».—Изъ сессіи уѣздныхъ земскихъ собраній.—Факты изъ жизни народныхъ учителей.—Подвигъ депутата волчанскаго дворянства г. Задонскаго.—Случаи возвращенія лицъ, подвергшихся административной ссылкѣ.—Рѣчь г. Рождественскаго въ нижегородскомъ земскомъ собраніи и рѣшеніе собранія.—Возможныя ожиданія отъ губернскихъ земскихъ собраній.—II. Извѣстія объ еврейскихъ погромахъ.—Беспорядки, произведенныя запасными.—III. Правительственныя распоряженія и сообщенія.—Сообщенія относительно Финляндіи.—IV. Административныя распоряженія по дѣламъ печати. *В. А. Мякотина.* 162—207
17. Галлерей современныхъ французскихъ знаменитостей. *Жанъ-Жоржъ. Н. Е. Рудрина.* 207—249
18. *Политика.* Около войны. - Заграничная хроника. *С. Н. Южакова.* 250—257
19. Къ 40-лѣтію судебныхъ уставовъ. *Н. О. Анненскаго.* 258—264
20. Случайныя замѣтки. «Тѣнь Сморгунера». *Вл. Кор. Капля водъ. А. П. Голось изъ провинціи. Л. Сокальскаго.* Ошибка печати. *В. Р. Удивительный случай безпамятности. Эль-Эмъ.* 264—280
21. Отчетъ конторы редакціи.
22. Объявленія.

СРЕДИ РАБОЧИХЪ.

(Очерки съ натуры).

XVII.

Прошла недѣля. Мы привыкли къ монастырю, освоились съ порядками, приглядѣлись къ монахамъ, хорошо узнали о. Зосиму, который только любилъ напускать на себя строгость и кричать ни къ селу ни къ городу: „я хозяинъ!“— а, въ сущности, былъ добрейшій человѣкъ.

Въ роцу мы ходили каждый день и, по совѣсти сказать, больше „залоговали“, чѣмъ работали... Совѣтъ повара о. Савелья: „какъ ударять къ достойной,—бросайте“ и „по вечеру заавонять къ вечернѣ,—опять бросайте“ мы приняли близко къ сердцу...

Такая жизнь очень нравилась Терехъ-Вохъ. Онъ нѣсколько разъ говорилъ мнѣ:

— Малина, Павлычъ, а не житье — жисть здѣшняя... Истинный Господь! Харчи — помирать не надо... Квасъ — сусло, работа легкая... Не ушелъ бы отседа!..

Насъ навѣщаль по вечерамъ о. Пименъ. Онъ, какъ оказалось, былъ страстный рыболовъ, и какъ-то разъ пригласилъ меня идти на ночь ловить рыбу. Я согласился и съ тѣхъ поръ сталъ ходить съ нимъ почти каждую ночь.

Собравшись съ вечера, забравъ снасти, мы уходили изъ монастыря версты за три, на рѣку. Придя на мѣсто, закидывали удочки и, молча, сидѣли на берегу. Ночи были тихія, звѣздныя, прекрасныя. Съ низкихъ мѣстъ, съ болотъ, гдѣ стояли всю ночь похожіе на дымъ туманы, несло неумолкаемое кваканье лягушекъ, блеянье бекасовъ, жалобное уханье выпи. Лишь только на землю спускалась ночь, и небо становилось темно-синимъ, въ воздухѣ являлись странные звуки; тихіе и жалобно-непонятные, они рождались сами собой, то усиливаясь, то смолкая, то сливаясь въ одну

странную мелодію, наводившую на душу пріятно-сладкую жуть. Они рождались, замирали, таяли и снова оживали въ таинственной прелести ночи.

Къ полночи, когда рыба переставала брать, мы развели небольшой огонекъ и ложились навзничъ, подложивъ подъ себя широкій, старый подрясникъ о. Пимена, захваченный нарочно съ этой цѣлью.

Мы лежали и смотрѣли кверху. Прямо надъ нами сіяло усыянное звѣздами небо. Звѣзды мигали, гасли, падали и манили къ себѣ...

Какая-то тихая непонятная грусть наполняла душу... Хотѣлось не быть человѣкомъ, хотѣлось имѣть крылья... Хотѣлось забыть все, подняться отъ земли, высоко-высоко, и потонуть навсегда тамъ, гдѣ бродятъ эти тихо мигающія, прекрасныя, манящія къ себѣ своей таинственной прелестью звѣзды.

Мы рѣдко говорили, но о. Пименъ часто пѣлъ тоненькимъ голоскомъ. Пѣлъ онъ грустныя вещи, и въ его пѣніи мнѣ слышались слезы и безысходная тоска.

„Въ путь узкій ходіи прискорбный,—тоненькимъ голоскомъ необыкновенно грустно выводилъ онъ,—всѣ въ житіи крестъ яко яремъ вземшии, и мнѣ послѣдовавшии вѣроу, приидите насладитесь, ихже уготовахъ вамъ,—почестей и вѣнцовъ небесныхъ!“

И, помолчавъ, еще съ большею тоской начиналъ другое:

„Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть, и вижду во гробѣхъ лежащую, по образу Божію созданную, нашу красоту безобразну и безславну, не имущу вида“ и т. д.

Передъ восходомъ солнца, когда ярко разгоралась заря и начинали пѣть птицы, когда листья на прибрежныхъ кустахъ, и трава, и цвѣты блестѣли, покрытые росой, мы шли обратно въ обитель и тамъ пили въ каморкѣ о. Пимена изъ грязнаго самоварчика чай или сушеную землянику.

Напившись, я шелъ черезъ дворъ, гдѣ было тихо и бродили только что проснувшіяся куры, въ рабочую и будиль товарищей. Они лѣниво поднимались, долго зѣвали, умывались, крестились на образа и, наконецъ, послѣ долгаго „разламыванья“, отправлялись въ рошу, на работу.

XVIII.

Подошло, такимъ образомъ, время покоса. Дни стояли прекрасные, солнечные, жаркіе, самые благодатные для этого дѣла. На заливному лугу, передъ монастыремъ, трава стояла, но поясъ, съ густымъ плотнымъ подсѣдомъ.

Какъ-то разъ, поздно вечеромъ, когда мы уже легли на

нары, пришелъ о. Зосима и объявилъ намъ, что наша работа въ лѣсу кончена.

— Косить завтра по утру,—сказалъ онъ,—давайте инструменты.

Мы сдали ему топоры, пилы и, очень довольные, снова улеглись спать.

— Еще, ребята, недѣлку аль полторы живанемъ здѣсь да и того... на настоящую добычу!—сказалъ дядя Юфимъ:—Пора! Слава те Господи!

Утромъ о. Зосима позаботился разбудить насъ, когда еще чуть-чуть начинало брезжить. Онъ принесъ намъ новыя, повидимому, только что наканунѣ отбитыя косы и брусочки съ зеркальцами, въ которыхъ торчали тоже совсѣмъ еще новыя бруски.

Осмотрѣвъ косы и перевязавъ ручки, мы отправились за о. Зосимой къ святымъ воротамъ. Здѣсь мы услышали по ту сторону стѣны разговоръ и топанье: это шли косцы. Калитка отворилась настежь, и въ нее, другъ за другомъ, стали выходить послушники съ косами въ рукахъ. Ихъ было человѣкъ двадцать пять, народъ все молодой, здоровый, смѣлый... Одѣты были всѣ одинаково: въ бѣлые длинные подрясники-балахоны. На головахъ были чернаго цвѣта шапочки, по формѣ похожія на поповскія „камилавки“. На ногахъ опорки на босу ногу. Каждый былъ подпоясанъ, кто узенькимъ ремешкомъ, кто веревочкой, и на этихъ ремешкахъ и веревочкахъ висѣли жестяныя брусочки, тоже съ зеркальцами, какъ и у насъ.

Отецъ Зосима, успѣвшій уже, повидимому, „клюнуть“, съ покраснѣвшимъ носомъ, необыкновенно серьезный и растопырившійся, какъ индѣйскій пѣтухъ, повелъ насъ на лугъ.

Съ рѣки поднимался бѣлый туманъ. Здѣсь было сыро, и трава стояла, наклонившись, мокрая отъ росы.

Отмѣривъ шаговъ 70 по берегу рѣчки, о. Зосима остановился и сказалъ:

— Атседа начинайте!

Высокій, рыжебородый, долговолосый послушникъ, вышелъ впередъ и, поточивъ косу, предварительно зачерпнувъ въ рѣчку воды въ брусочницу, сказалъ:

— Свальникъ, что-ль, отецъ?..

— А ты, небось, не знаешь,—усмѣхнулся о. Зосима,—матюшкой, что ли, аль баринъ изъ лягавыхъ?.. Чай, видишь: знамо, свальникъ.

— Да я такъ,—произнесъ послушникъ и, поправивъ на головѣ шапочку и поплевавъ въ руки, пошелъ...

Жикъ! Жикъ!—раздался пріятный звукъ подъ его косой,—жикъ, жикъ...

За этимъ послушникомъ, давъ ему отойти шага четыре, тронулся другой, третій, четвертый...

Мы пошли въ концѣ.

Трава была густая, мѣстами полегшая, спутанная и крѣпкая на косу... Прокосы необыкновенно длинные... Часто попадались кочки, которыя приходилось обкашивать, что задерживало работу, и приходилось торопиться... Подъ ногами кое-гдѣ хлупала вода... Косу приходилось точить то и дѣло.

Дойдя до конца прокоса, почти подъ самую монастырскую стѣну, шедшій впереди послушникъ остановился, обтеръ полонъ балахона потное лицо и, подождавъ немного, когда подойдутъ другіе, началъ дѣлать свальникъ.

Подъ косою трава ложилася
Подъ серпомъ горѣла рожь...

запѣлъ онъ вдругъ густымъ басомъ, покотившимся по лугу и отозвавшимся по ту сторону рѣки въ сосновомъ бору:

Ка-а-тя часу не спала!..

— Вотъ я те задамъ!—завопилъ о. Зосима, перебивая:—Игумену скажу... Ахъ ты, рыжій, красный... Молчать! Я хозяинъ! Не вводи во искушенье... Ахъ ты, лодарь-гладкій!..

Послушникъ громко захохоталъ и крикнулъ:

— Я хозяинъ!

— Я хозяинъ! Я хозяинъ!—подхватило нѣсколько голосовъ.

— Я хозяинъ! Я хозяинъ!—громко и необыкновенно внятно отвѣтило изъ сосноваго бора эхо.

— Молчать!—пуще прежняго завопилъ о. Зосима, въ ярости затоптавъ ногами.—Ахъ вы, лодари! Кашу вамъ жрать-только!.. Игумену скажу... Косите, косите, вамъ говорить!.. Встали, жеребцы стоялые!..

— Я хозяинъ!—опять крикнулъ кто-то.

— Озорной народъ,—вполголоса замѣтилъ дядя Юфимъ.—Да что имъ, правда... Ишь морды то—лопнуть хотятъ... Жеребцы и есть!..

Между тѣмъ взошедшее солнце начинало сильно припекать; трава сохла, и косить становилось труднѣе.

— Коси коса, пока роса,—сказалъ дядя Юфимъ, начиная третій прокосъ.—Роса долой, и мы домой.

Прошли еще по прокоосу. Солнце стояло уже высоко. По времени пора уже было идти завтракать. Но о. Зосима, казалось, и не думалъ объ этомъ. Онъ ходилъ, заложивъ руки за спину, и покрикивалъ.

— Поуспѣшнѣ, рабы Божьи, поуспѣшнѣ!.. Еще прокосикъ, другой... поуспѣшнѣй!..

Прошли еще по прокосу, и рыжій, ходившій впереди послушникъ, бросивъ на землю косу и обтеревъ, какъ и давеча, полый балахона потное лицо, сказалъ:

— Довольно!.. Жрать пора... Эна какую махину смахнули!..

И правда, скопили много... Высокіе, „пухлявые“ валы лежали, какъ гряды.

— Вововъ десятокъ ахнули!

— Болтай!—крикнулъ на него о. Зосима:—Больно много насчиталъ... Скажи пять—и то ладно! Еще бы по прокосику...

— Пять!—передразнилъ его послушникъ.—Эхъ ты „я хозяинъ“!.. Пойдемъ-ка, пойдемъ, нечего разговаривать... Подноси по банкѣ...

— Только объ этомъ и думаешь,—проворчалъ о. Зосима,—налакаться бы поскорѣе...

Недовольный, онъ пошелъ, однако, къ монастырю. Закинувъ за плечи косы, звякая на ходу брусками, и мы всѣ отправились за нимъ.

XIX.

Въ трапезной приготовленъ былъ завтракъ: капуста съ квасомъ, картошка со свеклой и оставшаяся отъ вчерашняго ужина черная каша.

Послушники не сѣли за столъ, ожидая о. Зосиму, который пошелъ къ о. эконому за водкой.

Вскорѣ онъ пришелъ, весь запыхавшись, неся подъ мышкой „чудуху“, и, кромѣ того, въ карманахъ подрясника торчали у него еще двѣ бутылки.

Радостный гулъ голосовъ встрѣтилъ его. Лица у всѣхъ какъ-то расцвѣли, стали радостные, добрые... О. Зосиму окружили...

У многихъ изъ послушниковъ оказалась припасенная заранее посуда: у кого половинка, у кого бутылка. Эти запасливые люди, оказывалось, копили водку, выливая свои „банки“ въ посуду до тѣхъ поръ, пока она не наполнялась до краевъ, и тогда уже водка выпивалась вся сразу...

— Чего пить стакашками? Лизнешь—и не попахнетъ... То ли дѣло сразу... Пить—такъ пить, чтобы покачивало!..

О. Зосима дрожащими отъ волненія руками открылъ пробку и началъ небольшимъ граненымъ стаканчикомъ („семерикомъ“) обносить косцовъ.

Тѣмъ, которые „отливали“, онъ велѣлъ подходить послѣ. Такихъ оказалось человекъ восемь. О. Зосима, наливая имъ „банки“, сказалъ:

— Пьяницы вы, пьяницы горчайшіе!.. Зависть у васъ... нажраться до безчувствія... Эхъ, вы!..

Когда всё выпили, и водки еще осталось много, о. Зосима сказалъ, обращаясь къ намъ:

— Рабы Божьи, подходите!..

Мы не заставили повторять предложеніе и подошли.

— Гоже!—сказалъ дядя Юфимъ, выпивъ и утеревъ рукавомъ губы.—Съ устатку-то гоже... Спаси Христось!..

Сѣли за столъ. О. Зосима, забравъ оставшуюся водку, ушелъ. Мы остались одни, и за столомъ пошелъ веселый оживленный разговоръ, смѣхъ, шутки...

— Ну и жизнь здѣсь,—наклонившись ко мнѣ, тихо произнесъ Тереха-Воха,—истинный Господь, помирать не надо!

— Нравится?

— Жуть!

— Оставайся совсѣмъ...

— Что ты... очумѣлъ? Чай, мнѣ жениться надѣтъ... Такъ я говорю...

Послѣ завтрака косцы-послушники разошлись по кельямъ спать, а мы, не видя о. Зосимы и не зная, что теперь дѣлать, тоже завалились въ рабочей на свои нары. Но долго намъ лежать не пришлось: явился о. Зосима, веселый, разговорчивый, красненькій, по всѣмъ признакамъ сильно выпившій, и весело крикнулъ:

— Эй, рабы Божьи!.. Что это вы... спать? Сонъ пагуба... Подите валы бить... тамъ вонъ у крыльца грабли... Вѣдро Господь посылаетъ... Много хлопотъ мнѣ теперича предстоитъ... Да!.. Одинъ я... за всѣмъ догляди... упустишь вѣдь часъ—все пропало... Я ужъ давно этимъ дѣломъ завѣдую... полная моя власть... Я хозяинъ!..

Нечего было дѣлать—мы вышли изъ рабочей, взяли грабли и отправились на лугъ. Здѣсь уже человѣкъ десять пожилыхъ монаховъ потихоньку ходили и разбивали „граблевищами“ валы. Работа шла лѣниво, неохотно, черезъ пень колоду.

Мы присоединились. Крайній монахъ, съ длинной сѣдой бородой, худой и горбоносый, съ выпуклыми непріятными глазами, покосился на насъ и какъ-то прошипѣлъ:

— Лодари... Кашу только жрать пришли сюды, необузданные!..

— Не болѣ твоего, отецъ, жремъ,—отвѣтилъ Малинкинъ,—чего ты насъ попрекаешь... не твое...

— Молчи!..

— А ты, что за птица така выискалась, чтобъ я передъ тобой молчать сталъ... Начальство здѣшнее, что ли?

— Отстань, деревня!—крикнулъ монахъ и, закинувъ грабли

на плечо, торопливо отошелъ отъ насъ въ сторону на другой валъ, сердито на ходу оглядываясь и сверкая глазами.

— Во, лѣшманъ-то!—произнесъ Малинѣпъ.

— Лѣшманъ и есть!—согласился дядя Юфимъ.

XX.

Разбивъ валы, мы вмѣстѣ съ монахами опять пошли въ монастырь.

Отошла поздняя обѣдня, и позвонили къ обѣду. Пообѣдавъ, я отъ нечего дѣлать сталъ бродить по монастырю. Зашелъ на кладбище, осмотрѣлъ незатѣйливые памятники, почиталъ надписи, подумалъ о смерти; потомъ забрелъ на пчельникъ, гдѣ старый, глуховатый монахъ о. Афмилосій радушно предложилъ мнѣ понюхать съ нимъ табачку изъ берестовой тавлинки.

Вернувшись въ ограду, я увидѣлъ о. Зосиму, который шелъ, покачиваясь изъ стороны въ сторону, по направленію къ высокому столбу съ колоколомъ.

Подойдя къ столбу, онъ остановился, подумалъ, посмотрѣлъ на солнце и, бормоча что-то, схватился за конецъ веревки обѣими руками.

Дернувъ нѣсколько разъ, онъ вдругъ поскользнулся, поѣхалъ ногами впередъ и упалъ навзничъ, не выпуская, однако, изъ рукъ веревки. Его клинообразная борода торчала кверху, колпакъ свалился... Онъ, лежа, дергалъ за веревку и бормоталъ:

— Я хо-о-зяинъ...

Я сталъ его поднимать.

— Я хозяинъ!—закричалъ онъ, тараща на меня пьяные, одурѣвшіе глаза.—Во-о-о-рошить... Я хозяинъ...

Между тѣмъ, на звонокъ собирались монахи и послушники. О. Зосима вырывалъ у меня руку и кричалъ:

— Я хозяинъ...

Мнѣ надоѣло возиться съ нимъ, и я предоставилъ поднимать его подошедшимъ къ мѣсту происшествія монахамъ. Но послѣдніе не торопились поднимать: это для нихъ было развлеченіемъ, случавшимся въ годъ разъ. Слышался смѣхъ, сыпались различнаго рода замѣчанія и остроты.

— Довѣрили козлу огородъ!—сказалъ кто-то:—вотъ такъ „я хозяинъ“!

— Поднимите его,—сказалъ, наконецъ, худощавый, серьезный монахъ.—Грѣхъ смѣяться... не хорошо... Чужіе люди ходятъ... обители конфузъ... Братъ Григорій! Иванъ! сведите

его въ келью... Охъ, грѣхи тяжкіе... Игуменъ тоже: знаетъ—человѣкъ слабъ... нѣтъ, каждый годъ такъ то...

— Жалѣеть его игуменъ... обидѣть старика не хочетъ,—сказалъ другой.

— Братъ Григорій! Иванъ!—уже строго сказалъ серьезный монахъ:—берите подъ руки... ведите... А вы расходитесь,—обратился онъ къ другимъ,—не хорошо... грѣхъ... со всякимъ можетъ случиться... грѣхъ смѣяться... вспомните Ноя!

Два послушника подхватили о. Зосиму, все еще кричавшаго „я хозяинъ“, и потащили почти волокомъ въ келью.

XXI.

Время шло... Проработавъ еще съ недѣлю, мы объявили о. Зосимъ о своемъ желаніи покинуть монастырь.

— Дѣло ваше,—нахмураясь, видимо недовольный, сказалъ онъ.—Знамо, человѣкъ ищетъ, гдѣ лучше... Поработали на преподобнаго... хорошее дѣло сдѣлали... Остались бы еще на недѣльку!

— Нѣтъ, отецъ, намъ разсчета нѣтъ оставаться... ослобони!—отвѣтилъ дядя Юфимъ.

— Дѣло ваше!—опять повторилъ о. Зосима и спросилъ:—Много-ль вы деньгъ здѣсь жили?..

— Да ты, чай, знаешь.

— Надо къ казначею сходить... Вы когда уйдете-то?

— Да нонѣ... получимъ расчетъ, отслужимъ молебенъ преподобному, да и со Христомъ!

— Ну, ладно... схожу уже къ казначею. Пачпорта ваши у него тоже... Только вотъ что, рабы Божьи... половинку съ васъ...

— Какъ же такъ, отецъ: въ тѣ поры половинку, опять половинку... больно много половинокъ-то... У насъ денѣги тоже не шальные...

О. Зосима нахмурился.

— Ну, какъ знаете,—сказалъ онъ,—ваше дѣло... Подождать вамъ денекъ-другой придется... пожить на страннѣ...

— Что такъ?

— Да о. казначею нездоровится... Какъ его беспокоить?.. Нельзя беспокоить! Погодить придется...

— Ну, ну!—покачалъ головой дядя Юфимъ.—Ловко! А ты ужъ, о. Зосима, того... не обижайся... половинку тебѣ въ зубы... Господь съ тобой... грабь! Не ты, такъ другой... Гдѣ наше не пропадало...

О. Зосима улыбнулся и сказалъ:

— Другъ объ дружкѣ—Богъ обо всѣхъ... А намъ гдѣ взять?

Онъ сходилъ къ казначею, принесъ наши паспорта, деньги, и мы, пообѣдавъ въ послѣдній разъ на трапезной, попрощавшись съ о. Зосимой, Пименомъ и отслуживъ молебень, покинули монастырь.

XXII.

Прошло два дня... Мы отошли версть за шестьдесятъ, нигдѣ не найдя работы. По деревнямъ только что начинали косить усадьбы, а настоящаго покоса еще не было.

Мѣстность, гдѣ мы проходили, была глухая, лѣсная... Народъ по деревнямъ жилъ, по выраженію дяди Юфима, сѣрый-лапотники, говорившіе на о и смотрѣвшіе на насъ подозрительно.

Наконецъ, на третій уже день къ вечеру, придя въ большое село Уткино, напившись въ трактирѣ чаю, мы разговорились съ хозяиномъ, и онъ, узнавъ въ чемъ дѣло, предложилъ намъ остаться у него.

— Завтра — воскресенье, помочь у меня будетъ... пять человѣкъ придуть... Коли желаете косить, косите за водку... Ну, а опосля завтра, въ понедѣльникъ, начнете, какъ надо...

— А много-ль положишь?—спросилъ дядя Юфимъ.—Знамоужъ, харчи твои, чай твой.

Трактирщикъ долго и упорно торговался съ нами, но, наконецъ, сошлись на полтинникъ. Мы отдали ему паспорта и остались.

— Такъ завтра по утру помочь у меня,—опять повторилъ хозяинъ.—Водку-то пьете?..

— Пьемъ... Какъ, чай, не пить...

— Ну, и отлично... Косы у меня есть... побить надо только... бой тоже есть... молотокъ, бабка... Нонѣ, пока засвѣтло, побии бы косы-то... Спать на дворѣ будете... стойло тамъ пустое есть... солома... Вамъ гоже будетъ, мягко... Въ избѣ-то тѣсно... бабы... то, се...—Онъ обернулся отъ стойки къ стѣнѣ и постучалъ въ нее кулакомъ:—Эй, Марья, поди сюда...

— Сейчасъ!—послышался за стѣнной тонкій голосъ, и, немного погодя, въ трактиръ, громко хлопнувъ въ стѣнныхъ дверь, вошла толстая, какъ копна, баба.

— Чаво?—спросила она.

— Проводи вотъ робягъ въ стойло, гдѣ солома, укажи имъ... Да дай косы... на сушилѣ онѣ... сыми тамъ... бой дай... гдѣ онъ, не знаешь?..

— Чай, на палатцахъ... тамъ валялся, словно.

— Сыщи... Побейте косы-то, а тамъ ужинать... Марья, ты имъ уже налей похлебать... мурцовку, что ли, сдѣлай, колищей не хватитъ.

— Ладно!—отвѣтила баба.—Кто ихъ зналъ, что придутъ...щей-то мало... Пойдемте...

Она провела насъ на дворъ, указала стойло, гдѣ намъ предназначалось жить, сняла съ сушила косы и принесла бой.

Мы вышли на задворки, гдѣ лежала толстая очищенная „лапа“, и, заколотивъ въ нее „бабку“, пристроивъ коль съ веревочкой, на которую вѣшалось косье, стали бить косы.

Косы оказались старыя, ржавыя, къ бою мягкія; во время работы такія косы приходится безпрестанно точить, иначе онѣ не будутъ рѣзать, и тогда приходится ими не косить, а, какъ говорятъ, „тяпать“, т. е. налегать на плечо, брать на силу.

— Ну, ребята, вотъ такъ косы!—ворчалъ дядя Юфимъ:—эдакими косами траву только мучить.

Покончивъ съ точеньемъ, мы пошли въ свое стойло и легли на солому, поджидая, когда позовутъ ужинать. Стемнѣло... Изъ поля пригнали скотину, и мы очутились въ пріятномъ сосѣдствѣ съ коровами, лошадьми, овцами...

— Неужто-жъ мы этого только и стоимъ,—ворчалъ дядя Юфимъ,—чтобы вмѣстѣ со скотомъ... Ишь, духъ какой тяжелый... Да и сыро... Ну-ну!..

Подойвъ коровъ, толстая баба позвала насъ въ кухню ужинать, для чего устроила намъ мурцовку съ кислымъ жиденькимъ кваскомъ, съ зеленымъ лукомъ и снятками и, поставивъ на столъ чашку, сказала:

— Не взыщите... болѣ ничего нѣтъ.

Мы поѣли этой мурцовки и, прозябнувъ (квасъ былъ колодный), пошли спать.

— Коли такъ станетъ кормить,—сказалъ Малинкинъ,—то ну его къ лѣшему и съ работой!

XXIII.

Утромъ, еще солнце не вставало, хозяинъ разбудилъ насъ:

— Вставайте... пора... Скоро, чай, мужики придутъ.

Мы встали и пошли къ колодцу, достали воды и умылись. Немного погода, пришли и мужики.

— Здорово, ребятунки, здорово, милые!—весело привѣтствовалъ ихъ трактирщикъ, радостный и довольный ихъ приходомъ, равно какъ вѣдренымъ утромъ,—спасибо, пришли... Погода-то больно хороша... Неохота упустить ведро...

Утро, дѣйствительно, было прекрасное. Солнце еще не взошло, но уже весь востокъ горѣлъ, какъ въ огнѣ. Кое-гдѣ разбросанныя золотыя облачка разстилались по

небу и уходили куда-то, словно таяли. Въ чутко дремлющемъ утреннемъ воздухѣ начинали раздаваться живые звуки: вотъ, гдѣ-то вдали послышалось тонкое ржанье жеребенка... вотъ заблеяли овцы... пастухъ заигралъ на жалѣйкѣ пѣсню, ясно выговаривая:

Ка-а-акъ на зорькѣ было на зарѣ,
Да на зарѣ было на утренней...
Та-а-а-мъ дѣвушка коровушку доила.

Влажный вѣтерокъ набѣгалъ волною... Подъ горой, вдали, дымилась рѣчка... Роса крупными алмазами блестѣла на травѣ; тихо шшукались листья; медовый запахъ шелъ отъ цвѣтущей липы; надъ этой липой уже кружились и гудѣли пчелы, а съ поля доносились крики перепеловъ и пѣніе жаворонковъ.

— Ну, братцы, идемте,—сказалъ трактирщикъ,—пора... Сейчасъ, гляди, и солнышко выглянетъ.

Онъ пошелъ впередъ... Мужики и мы, брякая брусками въ брусочникахъ, гуськомъ потянулись слѣдомъ. Идти до лужка, какъ оказалось, было съ версту. Трактирщикъ повелъ насъ, чтобы сократить путь, не по дорогѣ, а межой, черезъ овесъ.

Зеленой чертой ложились наши слѣды по росистой травѣ. На межѣ росли полынь, кашка, мята, издававшая сильный запахъ. Въ овсѣ по сторонамъ кричали перепела; жаворонки то и дѣло взвивались кверху и быстро падали опять, точно камушки. Заяцъ-русакъ, весь мокрый отъ росы, выскочилъ изъ овса на межу, увидалъ насъ, присѣлъ, послушалъ, шевеля ушами, и пустился бѣжать по межѣ, вскидывая задомъ.

— Держи!—крикнулъ идущій впереди трактирщикъ.

— Держи!—звонко раздался его голосъ въ сосѣднемъ лѣсу.

Придя на мѣсто, трактирщикъ остановился, досталъ изъ кармана пиджака платокъ, утеръ лицо и сказалъ:

— Ну, вотъ, Прохоръ, начинайте... Вонъ до энтаго мѣста... до барской канавы... Ты передомъ-то пойдешь?

— Да все одно, чай...

— Нѣтъ ужъ, сдѣлай милость, иди ты... ужъ я тебя знаю... имъ противу тебя не выстоять...

— Конфуаншь, Илья Михалычъ,—отозвались мужики... Нѣшто мы косить не умѣемъ, аль не кашивали?..

— Ну, ладно... передомъ, такъ передомъ,—сказалъ мужикъ, котораго трактирщикъ назвалъ Прохоромъ, и сталъ точить косу.

Мы всѣ послѣдовали его примѣру. Звучное лязганье далеко понеслось по чуткому утреннему воздуху.

— А и прокосы длинны будутъ!—сказаль Прохоръ, отгочивъ косу и сунувъ брусокъ въ брусочницу.—Такъ до канавы, говоришь?..

— До канавы... до самой канавы.

— Ладно... Ну, ребята, не отставать... Прокоса по три до завтрака отмахнемъ... Господи, благослови!

Онъ поплевалъ на ладони, оставилъ немного впередъ лѣвую ногу, замахнулъ косой и пошелъ. Худой мужикъ, тощій и длинный, подождать немного, далъ ему отойти и тоже пошелъ.

Пройдя шаговъ двадцать, идущій впереди мужикъ остановился, нагнулся, поднялъ горсть травы, обтеръ косу, поточилъ ее и, ожидая, когда мы сдѣлаемъ то же, опять пошелъ. Казалось, онъ не косилъ, а игралъ. Коса у него не рѣзала, а, какъ говорятъ мужики, „мылила“. Тщедушный, длинный мужикъ, идущій за нимъ, торопливо махаль со всего плеча, — „тыпаль“, стараясь не отставать.

Дойдя до канавы, идущій впереди мужикъ, повернулся, поточилъ и началъ дѣлать свальникъ. Густой, высокій валъ ложился позади его.

— Ну, и травка!—громко сказалъ онъ подошедшему хозяину.

— А что... хороша?—радостно спросилъ тотъ.

— Малина!.. Не сѣно будетъ, а свинина! Въ каждомъ возу пудъ меду... Вишь, не прорѣжешь... кашка... пырей... Зародить же Господь!..

— Ха, ха, ха!—радостно засмѣялся трактирщикъ, — и то хороша!

— А, чай, дарма досталась... за много-ль взять?

Трактирщикъ не отвѣтилъ на вопросъ и сказалъ:

— Ну, ладно... косите, а я пойду... Закусить тамъ принесу.. водочки... Косите!

— Ступай со Христомъ!—откликнулись мужики.—Ступай... не сумлявайся... не подгадимъ...

Трактирщикъ ушелъ... Мы dokonчили по прокосу и, видя, что трактирщикъ скрылся изъ глазъ, сѣли курить...

XXIV.

— Кури, ребята, отдыхай!—сказаль старшій мужикъ, Прохоръ.—Ну, его къ лѣшему... Задаромъ норовить... Успѣемъ... выпьемъ, вотъ, толи разговоръ другой...

— Принесетъ, небось, бутылку, — сказалъ другой, — наперсткомъ обносить будетъ... Дьяволъ, выжига... Коли-бъ не долженъ, ни въ жисть не пошелъ бы.

— А вы, ребята, что-жъ у его нанялись, что ли? — спросилъ Прохоръ, обращаясь къ намъ.

— Нанялись,—отвѣтилъ дядя Юфимъ.

— Какъ дѣла-то?

— Полтина.

Мужикъ ухмыльнулся и сказалъ:

— Глядите въ оба... Выжига! Норовить на грошъ пятаковъ сцопать...

— Ну?...

— Лѣтось меня такъ нажогъ... Заложилъ я у него шерсть за три съ четвертью, пришелъ выкупать... Насчиталъ на меня проценту... четыре съ гакомъ содралъ... во какъ! А допрежь-то что дѣлалъ, до винополю этой самой... Бывалочка (кабакъ онъ держалъ), принесешь курицу, — стоитъ скажемъ, гривенникъ, „на, говоритъ, возьми три монеты“... Всѣмъ бралъ, разбойникъ... Онъ деньги-то, ишь, въ Москвѣ нажилъ: обобралъ кого-то... бають, придушилъ...

— А то что-жъ, и вѣрно! — сказалъ тощій мужикъ: — отъ святой жизни, думаешь, разбогатѣешь? Какъ же? Пустишь душу въ адъ, будешь богатъ... Онъ вонъ жену свою родную... Стойте, ребята! — перебилъ онъ самъ себя: — идетъ?..

— Идетъ и есть... Коси, ребята!..

Мужики вскочили и дружно принялись за работу, дѣлая видъ, что не замѣчаютъ идущаго полевъ подъ гору трактирщика.

Онъ подошелъ, неся въ правой рукѣ узелокъ, а подъ лѣвой — четвертную, положилъ все это на землю, утеръ лицо платкомъ и, немного подождавъ, вѣроятно, думая про себя: „ишь, мошенники, навалились... диви, я не знаю!“ — крикнулъ:

— Ребятуски, подходи!

Но „ребятуски“, какъ будто, не слышали его крика: никто не оглянулся.

Трактирщикъ подождалъ и опять крикнулъ:

— Прохоръ, подходите! Говорю: бросайте!

— погоди! — отвѣтилъ Прохоръ, — прокосъ пройдемъ... Успѣемъ... время терпѣть... стараемся для твоего здоровья!..

Пройдя прокосъ, онъ обтеръ косу, закинулъ ее за плечо и, не торопясь, пошелъ къ трактирщику.

Остальные мужики сдѣлали то же.

Всѣ мы окружили его, и каждый изъ насъ старался не глядѣть на стоявшую, прислонясь бокомъ къ кочкѣ, четвертную. Всѣ мы занялись совсѣмъ ненужнымъ теперь дѣломъ: кто разглядывалъ косу съ такимъ видомъ, какъ будто ее, надобвшую до смерти, видитъ въ первый разъ, кто поло-скалъ брусочницу, кто вертѣлъ курить...

— Ну, братцы, съ начатиємъ... приступайте... Прохоръ... Аксень... какъ васъ тамъ... подходите!..

Прохоръ подошелъ, взялъ въ лѣвую руку налитую водкой чашку, перекрестился правой на сельскую церковь и, прежде чѣмъ выпить, сказалъ:

— Дай Богъ тебѣ управиться за погоду... Да и трава же— не прорѣжешь! Индо всю поясницу разломило... истинный Господь!

Онъ выпилъ, утерся рукавомъ, передалъ чашку трактирщику, потянулся за кускомъ селедки, осторожно взялъ его двумя пальцами и спросилъ:

— Почему селедки-то продаешь?

— Подходи! подходи!—крикнулъ трактирщикъ.

„Обнеся“ всѣхъ, онъ вдругъ, сдѣлавъ серьезное лицо, энергично заткнулъ пробкой четвертную, молча показывая этимъ, что, дескать, довольно.

— Ну, братцы,—сказалъ онъ,—выпили, закусили, начинать пора, а то жарко будетъ...

— Дѣйствительно, пора,—отозвались мужики, не трогаясь, однако, съ мѣста,—да и трава—погибель! Зародилъ же Царь-Небесный!.. Какъ махнулъ—такъ копна! Много ты сѣна уберешь.

Трактирщикъ только вздохнулъ на это, обвелъ насъ всѣхъ глазами, взялъ посудину и сказалъ:

— Вотъ что, братцы, поднесу я вамъ еще по махонькой, а ужъ вы того... поналяжете... Ужо, по окончаніи, угощенье само собой будетъ... До пьяна напою!

— Да мы, нѣшь, изъ корысти,—загалдѣли мужики,—какъ себѣ.. Нѣшь вина не видывали, что-ли... Да мы его и пить-то путемъ не умѣемъ!

Трактирщикъ, молча, хмурясь, съ недовольнымъ лицомъ и, вѣроятно, думая про себя: „Знаю я васъ... за водку отца родного продадите“, сталъ обносить по другой, но только не по полной.

Эта другая быстро „забрала“ мужиковъ. Они стали поговаривать по другому. Лица покраснѣли, глаза стали свинцовые..

— Ну, братцы, давай!.. Начинай!—орали они, не трогаясь съ мѣста.—Прохоръ, заходи!.. Смахнемъ ногъ тебѣ... Убирай, не зѣвай! Захаръ, неча лясы-то точить... дѣло дѣлать надѣть... Заходи... Господи, благослови!..

— Начинайте, братцы!—сердито крикнулъ трактирщикъ.—Ужо наговоритесь... будетъ время.

— Мы со всѣмъ усердіемъ... какъ себѣ, такъ и тебѣ!—орали мужики и, наконецъ, кое-какъ успокоившись, стали косить.

Трактирщикъ пробылъ около насъ съ часъ времени, въ продолженіе котораго мы усердно работали; но какъ только онъ ушелъ домой, мужики сейчасъ же бросили косить и сѣли.

Солнце стояло уже высоко и дѣлалось жарко. Въ селѣ отзвонили къ обѣднѣ.

— Бросать надо,—сказалъ тощій мужикъ,— коего чорта, въ самъ дѣлѣ... Посидимъ вотъ, курнемъ да и айда!..

— Погоди, вотъ ударятъ къ достойной, тогда и пойдемъ,—сказалъ другой.

— Еще по прокосику одѣлать бы не грѣхъ,—вступился въ разговоръ дядя Юфимъ.

— А ты, старый шутъ, не суйся впередъ отца въ петлю!—осадилъ его тощій мужикъ.

— Старъ селезень, да уха сладка,—отвѣтилъ ему дядя Юфимъ.—Ваше дѣло одно, наше другое!

— Ну, и дери васъ чортъ, помайте...

Ударили къ „достойной“, и мы, бросивъ косить, вмѣстѣ съ мужиками отправились въ село. Солнце стояло высоко, и было жарко... Роса давнымъ-давно сошла, и въ травѣ громко кричали кузнечики-сверчки.

Передъ окнами трактира стоялъ приготовленный для насъ столъ. На столѣ лежалъ уже наръзанный кусками черный хлѣбъ и стояло деревянное ведро съ квасомъ.

Повѣсивъ косы на сучья рябины, мы сѣли на землю въ тѣнь и стали курить.

Вскорѣ вышла изъ трактира работница и поставила на столъ закуску: „холодное“, соленые огурцы, селедки, кислую сѣрую капусту. За ней показался хозяинъ съ четвертной подъ мышкой и съ чайнымъ стаканомъ въ рукѣ.

— Садитесь, православные... милости просимъ!—сказалъ онъ и, обернувшись къ работницѣ, прибавилъ:—Марья, уברי-ка косы-то ихнія... спрячь пакеда отъ грѣха.

— Боишься?—съ улыбкой произнесъ тощій мужикъ.

— Мы учены,—отвѣтилъ трактирщикъ,—лѣтось перерѣзались... Садитесь,—опять произнесъ онъ,—милости просимъ!

Мы устѣли за столъ. Трактирщикъ сталъ „обносить“ большимъ чайнымъ стаканомъ. Дѣлалъ онъ такъ для того, чтобы сразу ошеломить „православныхъ“ и, благодаря этому, выпить меньше водки и израсходовать закуски... И расчетъ его оказался замѣчательно вѣрнымъ. Послѣ перваго же выпитаго стакана мужики „обалдѣли“ и совсѣмъ почти не закусывали... Трактирщикъ, не теряя времени, сейчасъ же началъ „обносить“ по другому разу изъ другой четверти, принесенной работницей... Мужики выпили съ жадностью, и,

когда, немного погода, совершенно опьянѣли, началась обычная безобразная гульба, окончившаяся въ концѣ концовъ дракой...

XXV.

Хозяинъ, дѣйствительно, какъ говорили мужики, оказался „выжигой“. Мы прожили у него всего лишь четыре дня и ушли, пожелавъ ему... всего нехорошаго...

Кормилъ онъ насъ отвратительно, будилъ на работу часа въ два ночи, когда еще было темно, и морилъ на работѣ до самаго поздняго вечера... Ужинали съ огнемъ, спали въ хлѣву... Кромѣ того, разъ ночью онъ поѣхалъ съ нами въ барскій лѣсъ и заставилъ украсть 30 штукъ слегъ...

При расчетѣ, не додалъ по пятаку, ссылаясь на то, что Тереха-Воха нечаянно оборвалъ у него косу объ пенекъ.

— Подавись ты нашими деньгами! — сказалъ ему на прощанье Малинкинъ: — прохвостъ!.. Своего брата грабишь... Отольются тебѣ наши деньги...

— Идите... идите! — кричалъ трактирщикъ, — а то урядника призову... Злая рота!..

Мы ушли... Купивъ затѣмъ въ уѣздномъ земствѣ собственныя косы, мы подрядились косить у богатаго, торговавшего красными товаромъ, купца, „въ лугахъ“.

Тамъ, въ „лугахъ“, мы и жили въ шалашѣ. Хозяинъ-купецъ остался нами доволенъ, — при расчетѣ далъ „на чай“ и, весело улыбаясь, сказалъ:

— Приходите, ребята, на то лѣто, ждате буду... На соѣсть работали!..

Послѣ Ильина дня, когда сжали рожь, мы продали наши косы, вооружились цѣпами, или, какъ выражался Тереха-Воха, „тяпками“ и „ударились“ по молотѣбѣ... На этомъ дѣлѣ мы зарабатывали гораздо больше... За нами ухаживали, кормили хорошо...

Послѣ ржи мы молотили овесъ до самой поздней осени, переходя изъ деревни въ деревню...

Это время я всегда вспоминаю съ любовью.

Осень стояла прекрасная... Днемъ солнце грѣло, точно въ маѣ... На небѣ не было ни облачка... Листъ съ принявшихъ осенній уборъ деревьевъ неслышно падалъ... Клены, липы, березы стояли золотыя; рябины и осины — красныя... Паутина, бѣлыми длинными нитями носилась по воздуху, цѣпляясь за растущую по межамъ дикую рябину и за кусты. Осини ярко зеленѣли, какъ бархатъ... Словомъ, была та „короткая, но дивная пора“, когда:

Весь день стоитъ, какъ бы хрустальный,
И лучезарны вечера...

Природа точно улыбалась на прощанье; все глядѣло какъ-то необыкновенно бодро, празднично, весело....

Вставали мы на работу рано и шли на гумно съ фонаремъ. По утрамъ было свѣжо, но тихо и какъ-то таинственно-прекрасно... Кругомъ ни звука, точно все давнымъ давно умерло... Темно-синее, далекое и глубокое небо горѣло звѣздами, и тамъ, казалось, было еще тише, еще таинственнѣе, чѣмъ на землѣ.

Придя на мѣсто, мы вѣшали фонарь такъ, чтобы онъ освѣщалъ гумно, и, разложивъ снопы, принимались за работу.

— Буцъ, буцъ, буцъ!—раздавались глухіе удары, — буцъ, буцъ, буцъ!..

— Приударьте-ка, ребята,
По буланымъ лошадямъ!—

весело, каждый разъ, затыгивалъ слегка дрожащимъ голосомъ нашъ добрый, милый „старшой“, дядя Юфимъ.

Чтобы шибче ишли!..

Подхватывали мы, и — „буцъ, буцъ, буцъ! буцъ, буцъ буцъ!..“ раздавалось сильнѣе...

Вскорѣ, однако, намъ пришлось разстаться...

Проходя какъ-то разъ уѣзднымъ городомъ, я получилъ печальное извѣстіе изъ дому, благодаря которому мнѣ необходимо надо было вернуться. Я сообщилъ о своемъ рѣшеніи товарищамъ.

— Какъ же такъ,—сказалъ дядя Юфимъ, глядя на меня удивленными глазами,—а мы-то?.. Не уходи, Павлычъ!..

— Не могу... нельзя...

— Ахъ ты, Владычица!.. Жили, жили вмѣстѣ... анъ вонъ оно дѣло-то...

На прощанье мы зашли, конечно, въ трактиръ. Дѣло уже было къ вечеру. Въ трактирѣ, „на черной половинѣ“, было полутемно, гадко, печально. Растрепанный половой подаль намъ бутылку водки съ обрѣзками противной колбасы на закуску, „двѣ пары“ чаю, баранокъ и отошелъ прочь...

Мы всѣ четверо сидѣли грустные и, молча, поочереды тянули изъ граненаго стаканчика водку.

Когда, наконецъ, покончили съ водкой и попили чаю, я сказалъ:

— Ну... прощайте!..

— Прощай, Павлычъ, — отвѣтилъ дядя Юфимъ, моргая

глазами. — Прощай, родной... Дай тебѣ, Господи... живи по Божьи...

Онъ хотѣлъ еще что-то сказать, но только махнулъ рукой и, обнявъ меня, поцѣловалъ. Я почувствовалъ, что и у меня къ горлу подступаютъ слезы...

Тереха-Воха, молча, глядѣлъ на меня во всё глаза, и въ этихъ прекрасныхъ глазахъ стоялъ туманъ.

— Я тебя провожу чутькъ! — наконецъ, вымолвилъ онъ, — за городъ.

Я еще разъ поцѣловался съ дядей Юфимомъ, съ Матинкинымъ и вмѣстѣ съ Терешкой вышелъ изъ трактира.

Мы оставили городъ и вышли въ поле. Вдали видѣлось на моей дорогѣ на горѣ село. Солнце низко стояло на горизонтѣ и ударило намъ въ глаза. Мы остановились.

— Прощай!..

— Прощай, Павлычъ!

Мы три раза крѣпко поцѣловались.

— Дай тебѣ Богъ... неужели не увидимся николи?..

— Богъ знаетъ... Прощай!

Съ грустью въ сердцѣ я пошелъ прочь и, стоядя шаговъ пятьдесятъ, оглянулся.

Тереха стоялъ и смотрѣлъ мнѣ вслѣдъ, всклонясь рукой отъ солнца... Я махнулъ ему еще разъ фуражкой и торопливо пошелъ по убѣгающей вдаль дорогѣ, навстрѣчу заходящему яркому солнцу...

С. Подъимевъ.

Историческія основы государственнаго строя современной Франціи.

I.

Изучая государственный строй различных націй, ихъ „конституцію“ въ широкомъ и узкомъ смыслѣ этого слова, политическій писатель подвергается двумъ противоположнымъ опасностямъ: это, съ одной стороны, преувеличить значеніе формальныхъ, „писанныхъ конституцій“, какъ называютъ ихъ часто во Франціи знатоки государственнаго права, напр. Эмэнтъ; это, съ другой стороны, чрезчуръ пренебрежительно отнестись къ этому формальному, писанному элементу политическаго строя. Умеченія перваго рода, кажется, отживаютъ свое время: вѣра въ единую спасающую силу бумажной формулы значительно ослабла. Люди начинаютъ понимать, что самыя громкія слова, обіщанія и конституціонныя формулы сами по себѣ немного вѣсятъ, если въ обществѣ нѣтъ живыхъ силъ, поддерживающихъ писанное право государства. Громадный талантъ Лассоля успѣлъ, напр., популяризовать въ широкихъ слояхъ демократіи, дѣйствовавшей въ концѣ XIX-го вѣка, истинный взглядъ на значеніе писанныхъ формулировокъ. И мало-мальски мыслящій писатель, знакомый съ лекціей знаменитаго трибуна „О сущности конституцій“, твердо знаетъ теперь, что конституція не есть только формальный договоръ между государемъ и націей, если дѣло идетъ о монархіи, и не только основной законъ, организующій государственное право, если дѣло идетъ о республикѣ, но прежде всего и больше всего „выраженіе отношенія фактическихъ силъ, существующихъ въ данномъ обществѣ“ (thatsächlicher, sozialer und realer Machtverhältnisse). Полагаю поэтому, что особенно бороться теперь противъ стараго метафизическаго воззрѣнія на конституцію значитъ въ сильной степени ломиться въ открытую дверь. Реалистическій взглядъ на формулы, въ которыхъ выражается тотъ или иной государственный строй, безспорно является въ настоящее время господствующимъ. И если вы попытаете заподозрить

объективную точность определения Лассалля и припишете ему умышленное, такъ сказать, заострение формулы въ чисто агитационныхъ цѣляхъ, то я ограничусь указаніемъ хотя бы на Іеринга. Вотъ, дѣйствительно, писатель, котораго нельзя упрекать въ принесеніи науки въ жертву практическимъ соображеніямъ момента. И что же? Вспомните его эффектный и глубокий вмѣстѣ афоризмъ: „право есть защищенный интересъ“; обратите вниманіе, какую роль въ его воззрѣніяхъ играетъ „борьба за право“. И вы придете къ заключенію, что и у этого замѣчательнаго историка-юриста реальная подкладка права и реальныя условія его осуществленія лежатъ во главѣ угла научнаго изслѣдованія юридическихъ отношеній. Закрѣпленіе интересовъ въ правовыхъ формулахъ и столбованіе общественныхъ силъ, борющихся за интересы—таковы, по нашему мнѣнію, основныя пружины эволюціи права, согласно Іерингу.

Но если въ настоящее время реалистическій взглядъ на право вообще и на государственное право въ частности не нуждается въ особомъ доказательствѣ своей научности; и если намъ нечего слишкомъ горячо оспаривать утратившую свой кредитъ метафизическую точку зрѣнія, то изслѣдователю „конституцій“ грозитъ противоположная опасность: черезчуръ перегнуть палку въ другую сторону и, ища „фактическія силы, существующія въ обществѣ“, отказать во всякомъ значеніи словамъ, формуламъ и „писаннымъ конституціямъ“. Реакція противъ преувеличенія силы словъ заходитъ нынѣ порою такъ далеко, что тѣ самые реалистически настроенные изслѣдователи, которые задаются цѣлью исключительнаго изученія фактовъ и фактическихъ силъ въ обществѣ, совершенно пренебрегаютъ анализомъ писаннаго государственнаго права, какъ будто и сама „бумажная конституція“ не является въ извѣстномъ смыслѣ фактомъ, и фактомъ немаловажнаго значенія. Дѣйствительно, какъ бы отрицательно вы ни относились къ писаннымъ формуламъ, не поддерживаемымъ реальными силами, вы не должны забывать, что въ среднемъ нормальномъ случаѣ сами формулы являются закрѣпленіемъ, кристаллизацией отношеній именно между упомянутыми силами и уже поэтому не могутъ быть вещью безразличной. Съ другой стороны, черезчуръ презрительный взглядъ на писанныя конституціи не считается съ тѣмъ обстоятельствомъ, что правовая формула,—какъ и всякая абстрактная общественная формула,—обладаетъ драгоцѣннымъ свойствомъ своеобразнаго идейнаго гипноза. Она выражаетъ фактическія отношенія въ терминахъ человѣческаго сознанія, обращаетъ вниманіе людей на эти нормы и вырабатываетъ среди участниковъ въ данномъ обществѣ привычку считать ихъ обязательными и сообразовать съ ними свое поведеніе. Это могущество психологическаго воздѣйствія самой, казалось бы, годой формулы и самой бумажной конституціи никогда не должно

упускаться из виду именно теми исследователями, которые хотят оставаться на почве реального изучения действительности. Ибо, повторяемъ, данная правовая формула со всеми обычными ассоціаціями идей и чувствъ, возбуждаемыхъ ею у людей, живущихъ подъ ея господствомъ, сама представляетъ собою очень реальное явленіе.

Позволю иллюстрировать это положеніе исторической ссылкой. Кому неизвѣстно, какъ была призвѣчна конституція 4-го ноября 1848 г., составленная учредительнымъ собраніемъ, выросшимъ изъ побѣдоносныхъ февральскихъ баррикадъ. И, однако, не смотря на этотъ бумажный характеръ ея, нужно было три года внутреннихъ и вѣншихъ замѣшательствъ, борьбы партій, расходившихся чувствъ страха и надежды, чтобы Людовикъ-Наполеонъ Бонапартъ продѣлалъ *coup d'Etat* 2-го декабря 1851 г. и далъ Франціи новую мнимо-республиканскую конституцію 1852 г., которая и привела его, наконецъ, благополучно, при помощи сенатусъ-консульта 7-го ноября того же года, къ императорской коронѣ. Надо читать историковъ эпохи, описывающихъ всевозможныя перипетіи борьбы между національнымъ собраніемъ и „принцемъ-президентомъ“, интриги—съ одной стороны, и контръ-интриги—съ другой, колебанія будущаго узурпатора между стремленіемъ сейчасъ же продѣлать переворотъ и желаніемъ оттянуть его, цорю даже прямымъ страхомъ передъ александровымъ рѣшеніемъ гордіева узла,—надо, говорю, прослѣживать день за днемъ исторію этой то глухой, то открытой войны между законодательной и исполнительной властями второй республики, чтобы понять, какою психологическою мощью обладаютъ повидимому самыя призрачныя формулы и бумажныя санкции. Есть историки, которые даже полагаютъ, что кровавая развязка конфликта была вынуждена исключительно самимъ характеромъ конституціи 1848 г., такъ какъ она устраняла всякую возможность легальнаго рѣшенія тяжбы между двумя главнѣйшими органами республики: президентъ республики не имѣлъ, согласно этой конституціи, права распустить національное собраніе, какъ это послѣднее не имѣло права инакожить президента. Не заходя такъ далеко, какъ эти авторы, преувеличивающіе значеніе чисто бумажныхъ отвѣтовъ на роковыя коллизіи не только политическихъ, но и социальныхъ силъ тогдашней Франціи, мы можемъ, однако, видѣть на этомъ примѣрѣ, что психологическое значеніе правовыхъ формулъ далеко не столь ничтожно, какъ это обыкновенно думаютъ, и что сторонникамъ переворота должно было употребить немало усилій, чтобы подготовить общественное мнѣніе къ грубому нарушенію „писанной конституціи“. Припомните хотя бы, какъ послѣ двухъ—трехъ рѣчей, проникнутыхъ имперіализмомъ, грядущій „клятвопреступникъ“ вдругъ останавливается и, напуганный подозрительнымъ отношеніемъ къ нему національнаго собранія и во-

общее сторонниковъ конституціи, рѣзко поворачиваетъ назадъ въ своемъ президентскомъ посланіи отъ 12-го ноября 1850 г.

Никогда еще,—говоритъ одинъ изъ историковъ переворота, — никогда еще, со времени торжественной присяги 20-го декабря 1848 г., Людовикъ-Наполеонъ не выразилъ съ большей энергіей и языкомъ, исполненнымъ большей честности и дояльной искренности, свое непоколебимое рѣшеніе соблюдать конституцію и оставаться вѣрнымъ принятому на себя обязательству чести ¹⁾.

Очевидно, гибель закона игралъ, на ряду съ опасеніемъ неудачи, извѣстную роль въ поведеніи будущаго Наполеона III; и на этомъ частномъ примѣрѣ мы можемъ, какъ мнѣ кажется, достаточно ясно видѣть, въ какой степени безразлично психологическое значеніе правовой формулы.

Мнѣ бы хотѣлось, впрочемъ, продолжить еще анализъ этого значенія и указать на новую сторону „бумажныхъ конституцій“. Допустимъ, что часто и въ сильной степени эти формулы лишь „слова, слова, слова“, выражающія въ самомъ лучшемъ случаѣ мимолетное отношеніе фактическихъ силъ и интересовъ, борющихся за господство въ обществѣ. Но человѣческія слова, именно потому, что они слова, обладаютъ способностью дальнѣйшаго развитія уже только въ силу своей внутренней логики и независимо отъ фактической почвы, на которой они первоначально возникли. Какъ идейные элементы реальныхъ отношеній, они живутъ своеобразною, отчасти самостоятельной жизнью и стремятся тѣсно сродиться и вылиться въ новую, болѣе послѣдовательную и болѣе цѣльную формулу. А эта въ свою очередь можетъ приобрести такое психологическое значеніе, что въ обществѣ найдутся реальные силы, которые захотятъ связать новую правовую формулировку съ защитой своихъ интересовъ и будутъ энергично поддерживать это сначала чисто логическое стремленіе къ цѣльности и гармоніи правосознанія, чтобы подставить новую писанную конституцію старой. Можно ли отрицать историческую важность этой на половину самостоятельной эволюціи „словъ“ и формулъ государственнаго права, которыя, такъ сказать, возвратнымъ ударомъ дѣйствуютъ уже на взаимныя отношенія реальныхъ силъ, борющихся въ обществѣ?

Опять таки я позволю себѣ историческій примѣръ. Конституція третьей республики, та самая конституція, которая является органическимъ закономъ современной Франціи, возникла въ 1875 г. изъ компромисса либераловъ орлеанистскаго лагеря и республиканцевъ. Потому-то она и не начиналась, какъ бы того требовала логика, съ принципиальнаго провозглашенія республиканскаго строя, а, наоборотъ, лишь въ чисто описательной формѣ

¹⁾ Eugène Tenot, *Paris en décembre 1851. Étude historique sur le coup d'État*; Парижъ. 1868, 3-е изд., стр. 35.

изображала его главнѣйшіе органы и при томъ открывала возможность возвращенія къ монархическому режиму путемъ пересмотра конституцій. Но этой ублюдочной конституціей, остающейся въ главныхъ чертахъ и до сихъ поръ безъ измѣненія, завладѣла критика искреннихъ демократовъ и поставила своимъ требованіемъ рядъ существенныхъ поправокъ и модификацій, имѣющихъ цѣлью придать внутренней гармонію и дѣйствительно республиканскій характеръ органическимъ законамъ третьей республики. Уничтоженіе сената и даже уничтоженіе должности президента республики; усиленіе законодательной власти на счетъ исполнительной; расширеніе и преобразование всеобщей подачи голосовъ путемъ введенія *referendum'a*; избираемость, подсудность и смѣняемость представителей исполнительной и судебной властей, и т. п.,—вои эти требованія остаются пока *ria desideria* крайнихъ республиканцевъ. Но, представляя собою результатъ самостоятельной правовой мысли, которая оперируетъ надъ данной конституціей даже независимо отъ тѣхъ чисто практическихъ соображеній, насколько эта работа юридической логики въ состояніи передѣлать сама по себѣ упомянутую ублюдочную конституцію,—представляя, говорю я, въ началѣ проявленіе чисто идеальнаго развитія политическихъ принциповъ, эти кажущіеся пока утопическими планы радикальнаго пересмотра конституцій начинаютъ приобрѣтать въ послѣднее время все большее и большее значеніе. Недаромъ наиболѣе энергичныя и передовыя партіи завладѣваютъ ими въ качествѣ обычныхъ параграфовъ своихъ программъ. Можно даже сказать, что это стремленіе крайнихъ демократовъ внести послѣдовательности и цѣльности въ писанную конституцію 1875 года увѣчалось уже кой какими частными успѣхами. Такъ, еще въ 1884 году оппортунистское министерство Ферри произвело подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія этихъ республиканцевъ частичный пересмотръ черезчуръ монархической конституцій, который если и глубоко разочаровалъ своею умѣренностью искреннихъ демократовъ, все же имѣлъ тотъ результатъ, что замѣнилъ несмѣняемыхъ сенаторовъ выборными, объявилъ республиканскую форму правленія не подлежащею дальнѣйшему пересмотру и измѣнилъ отчасти тѣмъ самымъ характеръ арены политической борьбы. Какъ видите, логика внутреннего развитія правовой мысли рано или поздно врывается въ бумажныя конституцій и, толкая людей къ ихъ измѣненію во имя единства юридическаго міровоззрѣнія, измѣняетъ потомъ отчасти и фактическія отношенія силъ, борющихся за преобладаніе въ обществѣ.

Эти предварительныя объясненія казались намъ полезными въ особенности потому, что государственный строй современной Франціи, какъ онъ проявляется въ политической жизни страны, не настолько значительно отклоняется отъ „писанной конститу-

ним" третьей республики, чтобы мы могли поставить на задний планъ чисто бумажную формулировку этого такъ называемаго французами „публичнаго права“. Оставляя пока въ сторонѣ нѣкоторыя оговорки, которыя мы сдѣлаемъ ниже, мы имѣемъ право сказать, что въ общемъ практика политической жизни течетъ во Франціи по каналамъ той или другой дѣйствующей въ данный моментъ „писанной конституціи“. Эта особенность французскаго государственнаго строя ярко обрисовывается, если сравнить его, напр., съ англійскимъ.

Исследователямъ „публичнаго права“ хорошо извѣстенъ тотъ интересный фактъ англійской государственной практики, который съ такою убѣдительною прослѣживается въ деталяхъ хотя бы Фриманомъ въ его сочиненіи о „Ростѣ англійской конституціи“, а именно, что эта конституція

наша конституція, — какъ выражается упомянутый авторъ, — никогда не была сочинена (собственно „сдѣлана“, made) въ томъ смыслѣ, какъ это разумѣется по отношенію къ конституціямъ разныхъ другихъ странъ. Никогда не было такого момента, когда англичане представили бы свою политическую систему въ формѣ извѣстнаго торжественнаго акта, являющагося изложеніемъ отвлеченныхъ теорій или воспроизведеніемъ современной или прошлой системы другой націи ¹⁾.

Поэтому, если строго держаться буквы закона различныхъ постепенно наслоившихся документовъ и былей, изъ которыхъ слагалась медленно англійская конституція, то очень значительная часть хотя бы современной парламентарной дѣятельности въ Англіи окажется основанною не на писанномъ правѣ, а на обычаѣ, практика же государственнаго управленія — сильно отклоняющеюся отъ юридической формулы. Въ самомъ дѣлѣ, на чтобы уже, казалось, Англія есть страна парламентарнаго правитель-ства *par excellence*, или „правительства кабинета“ (*government of cabinet*), какъ любятъ выражаться сами англичане. И, однако, буква закона совершенно еще игнорируетъ самое существованіе кабинета министровъ. И министры, образующіе въ данный моментъ тотъ или другой кабинетъ, представляютъ собою, согласно писанной формулѣ, не вожаковъ и выразителей политики парламентарнаго большинства, — чѣмъ они являются фактически и на самомъ дѣлѣ, — а лишь „служителей короля“ (*His Majesty's servants*), законный характеръ которыхъ опредѣляется лишь тѣмъ, и только тѣмъ, что они приносятъ присягу въ качествѣ членовъ королевскаго совѣта (такъ называемаго Privy Council).

Не то во Франціи. Здѣсь „торжественный актъ“ провозглашенія конституціи, „писанной конституціи“, совершается всакий

¹⁾ Е. А. Freeman, *Growth of the English Constitution*; Лондонъ, 1872. Ср. замѣчанія къ французскому переводу этого мѣста въ популярномъ руководствѣ конституціоннаго права: Louis Martin, *Précis élémentaire de droit constitutionnel*; Парижъ, 1891, стр. 6—7.

разъ, какъ происходитъ болѣе или менѣе рѣзкое столкновение реальныхъ силъ, борющихся въ обществѣ. И результаты этого столкновения именно и выражаются въ сочиненіи новой конституціи, которая замѣщаетъ старую и имѣетъ цѣлью дать удовлетвореніе новой равнодѣйствующей враждующихъ политическихъ партій. Такимъ образомъ, юридическая формула въ каждый данный моментъ представляетъ, если можно такъ выразиться, неподвижную точку притяженія, вокругъ которой можетъ колебаться политическій маятникъ, но не особенно отклоняясь отъ нея. И практика „публичнаго права“ не отличается значительно отъ его теоретическаго выраженія. Вотъ еще одинъ лишний мотивъ необходимости изучать писанныя конституціи Франціи, когда дѣло заходитъ объ изображеніи ея государственнаго строя.

Начиная съ великой революціи и по настоящее время, Франція насчитываетъ 11 конституцій собственно, или даже 15, если прибавить къ нимъ нѣсколько законодательныхъ актовъ, не бывшихъ въ сущности новыми конституціями, но тѣмъ не менѣе произведшихъ серьезныя измѣненія въ публичномъ правѣ страны. *Первая* по времени—это конституція, вотированная учредительнымъ собраніемъ 3-го сентября 1791 г. и представляющая отъ правную точку революціоннаго законодательства, какъ начальный договоръ между націей и королемъ. *Вторая*, чисто республиканская конституція, носящая дату 24-го іюня 1793 г., обозначаетъ кульминаціонный пунктъ революціи, вводя непосредственное участіе народа въ изготовленіи законовъ. Но вскорѣ революція начинаетъ двигаться по нисходящей вѣтви параболы, и передъ нами *третья* конституція, конституція директорій, вотированная 5-го фруктидора III-го года республики (22-го августа 1795 г.). Паденіе политическаго энтузіазма націи происходитъ со всебольшей и болѣе быстрой: генераль Бонапартъ, ставъ у власти путемъ переворота 18-го брюмера (9-го ноября 1799 г.), вырабатываетъ, при помощи пресловутаго Сьейеса, новую конституцію, *четвертую* по счету, одобренную націей 22-го фримера VIII-го года (13-го декабря 1799 г.) и плохо скрывающую за своимъ сложнымъ quasi-республиканскимъ фасадомъ фигуру абсолютнаго цезаря. Засимъ слѣдуютъ два крупныя акта, которые можно было бы въ сущности считать за особыя конституціи: это—сенатусъ-консультъ 16-го термидора X-го года (4-го августа 1802 г.), провозглашающій Бонапарта пожизненнымъ консуломъ; и сенатусъ-консультъ 28-го флореала XII-го года (18-го мая 1804 г.), вручавшій „правительство республики императору“, т. е., попросту сказать, основывавшій имперію.

Паденіе Наполеона I-го влечетъ за собою новую конституцію, *пятую*, или такъ называемую „хартію 1814 года“, октропированную возвратившимися въ „фургонъ-союзниковъ“ Бурбонами, но сохранявшую часть политическихъ приобрѣтеній 1789 года и

клавшую во Франціи первое основаніе собственно такъ называемаго парламентарнаго режима. Эфемерное возвращеніе Наполеона въ періодъ „Ста дней“ вызываетъ въ 1815 г. къ жизни *шестую* конституцію, носящую названіе „Дополнительнаго акта къ конституціямъ имперіи“ и освещающую, съ нѣкоторыми измѣненіями въ смыслѣ либерализма, принципы хартіи 1814 г. Эта конституція, составленная, какъ извѣстно, при дѣятельномъ участіи ревностнаго защитника парламентаризма, Бенжамена Констана, была унесена вторымъ возвращеніемъ Бурбоновъ, нообъщавшихъ было сначала внести либеральныя поправки въ октроированную хартію, но кончившихъ, въ лицѣ Карла X-го, знаменитыми „ордоннансами“, вызвавшими іюльскую революцію. И вотъ изъ баррикадъ вырастаетъ *седьмая* конституція, такъ называемая „хартія 1830 года“, которая, въ отличіе отъ предшествовавшей, была уже не октроирована монархомъ, а „исправлена“ представителями націи и „принята“ (ассертеэ) королемъ-гражданиномъ“, Людовикомъ Филиппомъ, провозгласившимъ ее 14-го августа 1830 года. Возникшая изъ іюльскихъ баррикадъ, конституція, отмѣчавшая господство цензовой парламентарной буржуазіи, была и похоронена на баррикадахъ же, а именно въ февралѣ 1848 г.: ее смѣнила *восьмая* конституція, вотированная 4-го ноября 1848 г. и означавшая торжество республиканскаго принципа и народнаго самодержавія.

Но вторая республика рухнула подъ ударами реакціи, послѣдовавшей за соціальной борьбой классовъ, и слѣдствіемъ ея *смер* d'Etat 2-го декабря 1851 г. явилась призрочно-республиканская, а на самомъ дѣлѣ цезаристская конституція 14-го января 1852 г., *девятая* по счету, которая была преддверіемъ второй имперіи. Последняя была и формально провозглашена сенатусъ-консултумъ 7-го ноября 1852 г., который можно считать за своего рода конституціонный актъ. Минувъ рядъ сенатусъ-консултовъ; обнародованныхъ въ 60-хъ годахъ и вносящихъ тѣ или другія частныя измѣненія въ публичное право второй имперіи, мы встречаемся съ новой конституціей, *десятой*, при самомъ концѣ царствованія Наполеона III, когда значительныя модификаціи государственнаго строя, возвращавшія Францію къ парламентарному режиму, были сведены въ одно сенатусъ-консултумъ 20-го апрѣля 1870 г. и подтверждены народнымъ плебисцитомъ 8-го мая того же года, стало быть, всего за два мѣсяца съ небольшимъ до франко-прусской войны.

Когда вторая имперія потонула въ крови и грязи, начинается рядъ временныхъ законодательныхъ актовъ, фактически утверждающихъ республику, нока, наконецъ, республиканская форма правленія не была провозглашена если и косвеннымъ, то достаточно определеннымъ способомъ 30-го января 1875 г., т. е. въ тотъ день, когда была вотирована поправка Валлона относи-

момъ-то дѣлѣ эта борьба есть необходимая форма выработки пореволюціоннаго права, распространяющагося изъ Франціи на весь континентъ Европы. Познакомимъ же, прежде всего, читателя съ главнѣйшими принципами конституціоннаго права Франціи, провозглашенными во время первой революціи и въ большей или меньшей степени, явно или въ формѣ подразумѣвающихся положеній, вошедшими въ сознаніе страны и въ область „публичнаго права“ ¹⁾. Это такъ называемые въ политической литературѣ и полемикѣ партій „принципы 1789 года“, резюмированные въ „Провозглашеніи правъ человѣка и гражданина“.

Затѣмъ мы рассмотримъ вліяніе этихъ принциповъ на строй пореволюціонной Франціи, для которой они стали по истинѣ „историческими основами“.

II.

Конституція третьей республики отличается, сказали мы, многою, своимъ фактическимъ, дѣловымъ характеромъ, исключаящимъ какъ отвлеченныя разсужденія, такъ и упоминаніе объ общихъ правовыхъ принципахъ. Она, напр., не только не даетъ знаменитаго „Провозглашенія правъ человѣка и гражданина“, которое съ такими или иными измѣненіями воспроизводится въ трехъ первыхъ конституціяхъ Франціи, но нѣма даже относительно такъ называемыхъ гарантій правъ личности, формулированныхъ во всѣхъ другихъ французскихъ конституціяхъ.

Не таковъ, однако, характеръ французскаго „публичнаго права“ вообще: конституціи Франціи тѣмъ и отличаются въ особенности отъ соотвѣстныхъ политическихъ памятниковъ прочихъ странъ, что провозглашеніе общихъ принциповъ играетъ въ нихъ важную роль. Таковъ уже духъ французской націи, которая беретъ частныя или мѣстныя явленія права, очищаетъ ихъ отъ ихъ спеціальныхъ особенностей и выражаетъ ихъ въ абстрактной общечеловѣческой формѣ, возводя ихъ въ рангъ какъ бы вѣчныхъ и неизбѣжныхъ законовъ человѣческаго общества. Эта черта французскаго правосознанія особенно ярко проявилась въ періодъ первой революціи, въ тотъ періодъ творческаго энтузіазма, который даже скептическій Ренанъ называлъ эпохой „божественной лихорадки, овладѣвшей Франціею“. Дѣйствительно, изслѣдователи конституцій

¹⁾ Во избѣжаніе усложненія этого этюда, имѣющаго главнымъ образомъ популярный характеръ, я употребляю термины „публичное“ или „государственное“ право и „конституціонное право“ почти какъ синонимы. Во всякомъ случаѣ, какъ говоритъ Эсменъ, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ права во Франціи, „конституціонное право есть основная часть публичнаго права: всѣ другія отрасли этого права предполагаютъ его существованіе“. См. А. Esmein, *Eléments de droit constitutionnel français et comparé* Парижъ. 1903 г., 3-е изд., стр. 1 „введенія“.

знаютъ тѣ мѣстные и историческіе прецеденты, равно какъ тѣ идеи различныхъ писателей по политическимъ вопросамъ, которые были источниками современнаго публичнаго права¹⁾. Но кто бросилъ въ міръ основанныя на этихъ прецедентахъ и на этихъ идеяхъ формулы, которыя проникли въ сознание всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, кто, какъ не французы первой революціи, придававшіе мѣстному и историческому всеобщій и обязательный характеръ? Въ самомъ дѣлѣ, ни для кого не тайна, что исторически выработавшаяся конституція Англіи дала богатый фактический матеріалъ для обсужденія вопросовъ свободнаго политическаго строя. Съ другой стороны, писатели и публицисты XVIII-го вѣка, оперировавшіе надъ этимъ матеріаломъ, вдохновлялись положеніями своихъ предшественниковъ и учителей, начинавшихъ уже съ XVII-го вѣка (а въ сущности, въ отрывочномъ видѣ еще съ среднихъ вѣковъ) создавать „школу естественнаго и международнаго права“ (*école du droit de la nature et du droit des gens*),— какъ называетъ ее Эсмейнъ,—наиболѣе крупными представителями которой были Гроцій, Гоббсъ, Пуффендорфъ, Локкъ, Вольфъ, Ваттель, Мабли, Монтескье, Руссо. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ конституціяхъ освобождавшихся отъ англійскаго ига Штатовъ Сѣверной Америки уже были сформулированы основныя положенія современнаго права и даже съ достаточно общимъ и философскимъ характеромъ. Не говорить-ли, напр., провозглашеніе правъ, служащее введеніемъ къ конституціи Южной Каролины, о томъ, что „необходимо часто восходить къ основнымъ принципамъ, чтобы сохранить неопущенныя выгоды свободы?“²⁾. Но надо было явиться людямъ великой французской революціи, чтобы сплавить на огнѣ идейнаго энтузіазма воедино всѣ эти разрозненные и фактическіе, и идейные прецеденты и дать міру какъ бы вѣчные лозунги права и справедливости, не ограничивающіеся ни эпохой, ни мѣстомъ, ни національностью. Во время дебатовъ, происходившихъ въ національномъ собраніи, въ первыхъ числахъ августа 1789 г., по вопросу, составлять-ли, или не составлять общее „Провозглашеніе правъ человека и гражданина“, въ качествѣ введенія въ конституцію, одинъ изъ членовъ собранія, нѣкто Дюпортъ (*Duport*), съ могучею энергіею убѣжденія выразилъ мировое значеніе подобнаго акта.

Нельзя уклониться,—говорилъ онъ,—отъ составленія такихъ декларацій подъ тѣмъ предлогомъ, что общество измѣняется. Именно если бы оно не было подвержено революціямъ, то тогда достаточно было бы сказать, что люди должны подчиняться законамъ. Но вы бросили вашъ взоръ гораздо дальше; вы постарались предвидѣть всевозможныя перемѣны; наконецъ, вы захотѣли дать декларацію, которая подходила бы всѣмъ людямъ и всѣмъ

¹⁾ См., напр., уже цитированное нами популярное руководство: Louis Martin, *Précis élémentaire* etc.

²⁾ Esmein, 1. с., стр. 394.

націямъ. Таково обязательство, которое вы приняли на себя предъ лицомъ всей Европы. Здѣсь нечего бояться высказать истины всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ¹⁾).

Конечно, мы теперь въ состояніи разобраться въ философскихъ и практическихъ преувеличеніяхъ этого взгляда на „Провозглашеніе правъ человека и гражданина“²⁾ какъ на нѣчто, безусловно общее и вѣчное. Но о метафизичности возвращенія, приписывающаго абсолютное значеніе политическимъ (да и всякимъ другимъ) „истинамъ“ писалось довольно. Не надо впадать и въ другую крайность и, на подобіе мыслителей реакціонной исторической школы, отрицать великій смыслъ такихъ мировыхъ формулъ, которыя, если и не могутъ считаться абсолютными истинами,—да и есть ли что абсолютное для развивающагося человека и прогрессирующаго общества?—то за то являются относительными (или если хотите субъективными) истинами цѣлаго историческаго періода. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ принципы, заключающіеся въ „Провозглашеніи правъ человека и гражданина“, не представляютъ до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ своихъ проявленіяхъ, высшей ступени правового сознанія, до какой только могло подняться современное человѣчество, и развѣ они не должны служить маякомъ для странъ, только что высвобождающихся изъ-подъ гнета историческихъ традицій и формъ политическаго насилія? А что же сказать о великомъ историческомъ значеніи „Провозглашенія“ для тогдашняго состоянія Франціи и Европы, которыя только еще рвались къ раскрѣпощенію себя отъ феодальнаго и абсолютистскаго рабства? Я позволю себѣ привести по этому поводу очень справедливую, какъ мнѣ кажется, мысль одного изъ новѣйшихъ историковъ революціи, который, цитируя знакомое уже намъ мѣсто изъ рѣчи Дюпора (Duport), гдѣ говорится объ обязательствѣ, принятомъ на себя французскими революціонерами передъ Европой, продолжаетъ:

Это обязательство революція выполнила „Провозглашеніемъ правъ“. Химера, скажутъ намъ, химера и пустая абстракція! Совсе нѣтъ, если только припомнить,—какъ мы уже констатировали это съ Барнавомъ,—что экономическія и политическія условія³⁾ изъ которыхъ выросла во Франціи революція, были осуществлены въ различныхъ степеняхъ и во всѣхъ прочихъ странахъ Европы. Повсюду въ скрытомъ и неодинаково напряженномъ состояніи назрѣвала европейская революція, и единственнымъ средствомъ для Франціи координировать и оживить эту всеобщую революцію именно и было дать всеобщую формулу своему собственному движенію. Повсюду, въ силу внутренней исторической эволюціи, народы въ концѣ XVIII вѣка были готовы требовать своихъ правъ,—отстаивать свое человѣческое достоинство, и французская революція обнаружила великое историческое пониманіе, призвавъ къ жизни

¹⁾ Esmein, стр. 395—396.

²⁾ Когда говорится о „Провозглашеніи“, то разумѣется, по большей части первое, 1789 г. Есть, какъ извѣстно, еще второе, болѣе радикальное, но менѣе извѣстное „Провозглашеніе“ 1793 г.

общечеловѣческимъ лозунгомъ уже готовое человѣчество. Никогда она не была исполнена столь грандіознаго и доблестнаго реализма, какъ въ ту минуту, когда провозгласила свой высокій идеалъ: „люди рождаются и остаются свободными и равными въ правахъ“. Цѣль всякаго политическаго союза состоитъ въ охраненіи естественныхъ и неотчуждаемыхъ правъ человѣка. Эти права суть: свобода, собственность, безопасность и сопротивленіе насилію. Принципъ всякой верховной власти по существу лежитъ въ націи. Никакая корпорація, никакая личность не могутъ располагать властью, не вытекающею самымъ яснымъ образомъ изъ націи. Законъ есть выраженіе всеобщей воли. Всѣ граждане имѣютъ право способствовать лично или черезъ своихъ представителей его выработкѣ. Законъ долженъ быть одинъ и тотъ же для всѣхъ, покровительствуетъ-ли онъ или наказываетъ. Всѣ граждане, являясь равными въ его глазахъ, имѣютъ одинаковый доступъ ко всѣмъ постамъ, мѣстамъ и должностямъ, соразмѣрно со своими способностями, и безъ всякаго другого различія, кромѣ вытекающаго изъ ихъ добродѣтелей и талантовъ ¹⁾.

Только-что приведенная цитата удобна въ томъ отношеніи, что въ послѣдней своей части дословно воспроизводитъ наиболѣе яркіе параграфы изъ „Провозглашенія правъ“ и даетъ намъ возможность, не входя пока въ подробности, обратить сейчасъ же вниманіе читателей на самыя существенныя стороны этого великаго историческаго документа. Вотированный національнымъ собраніемъ 18—27-го августа 1789 г., онъ сдѣлался со всѣми своими еемнадцатью статьями введеніемъ къ конституціи 1791 г. и, не смотря на многократные возвраты реакціи, остается существеннымъ элементомъ правового сознанія современной Франціи (и большинства Европы). Внутренняя сила этого документа, его, если можно такъ выразиться, центральная ось упирается, словно въ два полюса, въ два основныхъ принципа: одинъ изъ нихъ это верховная власть, суверенитетъ народа; другой—права человѣческой личности. Выражаясь такъ, я употребляю не простую метафору: между народнымъ суверенитетомъ и правами личности есть извѣстная полярная противоположность, извѣстная антиномія, которая разрѣшается системой равновѣсія между требованіями всемогущей народной воли и правомъ человѣческой личности на участіе и развитіе. Великій историческій вопросъ объ отношеніяхъ между обществомъ и индивидуумомъ, конечно, представляетъ собою очень сложную задачу, которая не можетъ быть окончательно рѣшена никакой собственно политической комбинаціей въ рамкахъ современнаго классового строя, основаннаго на борьбѣ группъ и особей ²⁾. Но историческій документъ, занимающій насъ сей-

¹⁾ Это, напр., ясно сознавалъ Прудонъ, ошибка котораго лишь заключалась въ стремленіи рѣшать черезчуръ часто эту глубокожизненную антиномію абстрактнымъ принципомъ „анархія“. Ср. P. J. Proudhon, *Idée générale de la Révolution au XIX-e siècle*; Парижъ, 1851. стр. 283, и его же *Théorie de l'Impôt*; Парижъ, 1861, стр. 9.

²⁾ Jean Jaurès, *La Constituante* (1789—1791); Парижъ, безъ обозначенія даты (1901?), стр. 305—306.

часть, является во всякомъ случаѣ одной изъ самыхъ интересныхъ и удачныхъ попытокъ примирить два элемента политическаго союза: каждую отдѣльную личность и все противопоставляющееся ей общество.

„Возьмемъ сначала принципъ народнаго суверенитета. Юристы вамъ скажутъ, что всякій крупный политическій союзъ „предполагаетъ существованіе общей воли, возвышающейся надъ отдѣльными волями, существованіе власти, обладающей правомъ приказывать и вставлятъ себѣ повиноваться съ цѣлью поддержанія порядка внутри общегитія“ ¹⁾. И эту „общественную власть“, имѣющую принудительный характеръ, они назовутъ „верховной властью“ или „суверенитетомъ“. Мало того, они укажутъ вамъ на юридическую или моральную личность, на „идеальнаго и постоянного субъекта или носителя“ этой власти, а именно „государство, которое сливается такимъ образомъ съ самой верховною властью“ ²⁾. Не предпрѣшая самыхъ формъ этой власти, этого государства, но анализируя его общее понятіе, юристы современной Европы обратятъ къ нему, между прочимъ, то требованіе, чтобы „государственная власть, суверенитетъ функционировалъ исключительно въ интересахъ всѣхъ гражданъ“. И какъ доказательство того, что такое требованіе вытекаетъ изъ самой природы государства, они укажутъ на то, что люди „поставляютъ субъектомъ власти фиктивное лицо, отличное отъ всѣхъ индивидуумовъ, составляющихъ націю, отличное отъ представителей магистратуры и отъ властителей въ той же степени, какъ и отъ простыхъ гражданъ“ ³⁾. Но сами же прибавятъ, что такое понятіе представляетъ собою лишь „медленно выработавшійся продуктъ цивилизаціи“, характеризуетъ лишь „современное право“; но что „долго и часто“ суверенитетъ смѣшивался и смѣшивается съ „властителемъ“. Въ республикахъ античнаго міра граждане, правда, уже доработались до обособленія этихъ двухъ понятій. Средневѣковые теологи въ борьбѣ церкви съ государствомъ выставили тезисъ народнаго суверенитета. Въ XV и XVI вѣкахъ Франція выдвинула цѣлый рядъ такъ называемыхъ „монархомаховъ“ или писателей, боровшихся противъ королевской власти во имя принциповъ народнаго суверенитета. Но эта школа скоро потеряла свой кредитъ въ странѣ; и, когда за періодомъ разложенія феодальной власти, наступила эпоха организаціи абсолютной монархіи, отождествленіе короля и государственнаго суверенитета достигло своей высшей точки, за которой идти дальше было некуда. Не принимались ли Людовику XIV слова: „государство, это—я“? И политическая теологія Воссюэта не доказывала ли подробно какъ

¹⁾ См. J.-B. Simonet, *Traité élémentaire de droit public et administratif*, Парижъ, 1896, 3-е изд., стр., 1.

²⁾ Esmein, I. c., стр. 1.

³⁾ Esmein, стр. 2.

разъ этотъ афоризмъ, выдвигая библейскіе аргументы? Читайте боссюэтовскую „Политику, выведенную на основаніи подлинныхъ словъ Священнаго Писанія“, хотя бы, напр., шестую книгу:

... Все государство заключается въ особѣ монарха. Въ немъ вся мощь. Въ немъ воля всего народа. Лишь онъ одинъ долженъ направлять все къ общему благу... Въ немъ разумъ, управляющій государствомъ. Тѣ, кто думаютъ служить государству инымъ путемъ, чѣмъ служа монарху и повинувась ему, присваиваютъ себѣ часть королевской власти: они возмущаютъ общественное спокойствіе... Король смотритъ издали и съ высоты: поэтому должно вѣрить, что и видитъ онъ лучше; и ему слѣдуетъ повиноваться безропотно, ибо ропотъ предрасполагаетъ къ возмущенію... Лстить народу, дабы отдѣлать его отъ интересовъ короля, значить вести противъ него самую жестокую изъ всѣхъ войнъ и къ прочимъ зламъ прибавить еще возмущеніе. Да возненавидятъ народы... всѣхъ тѣхъ, кто дѣлаетъ видъ, будто бы любитъ ихъ, на падая въ то же время на ихъ короля... Вѣрноподанный любитъ своего короля, какъ общественное благо, какъ спасеніе всего государства, какъ воздухъ, которымъ дышетъ, какъ свѣтъ своихъ очей, какъ жизнь свою и даже больше, чѣмъ жизнь... Власть королей священна... и нѣтъ ничего столь прямо основаннаго на словѣ Божіемъ, какъ повиновеніе законной власти ихъ, къ чему обязываетъ насъ принципъ религіи и совѣсти ¹⁾.

Въ другихъ книгахъ „Политики“ теоретикъ абсолютизма еще ярче подчеркиваетъ божественное право королей и доходитъ до такого энгуизма къ монархіи, что, напр., Поль Жанъ вынужденъ отыскивать нѣчто аналогичное этому „идолопоклонству передъ монархическою властью“ лишь въ религіи браминовъ, напр.:

...Какъ въ Богѣ соединены всякія совершенства и всякія добродѣтели, такъ все могущество отдѣльныхъ лицъ соединено въ особѣ монарха. Что за величіе въ этомъ одномъ человѣкѣ, могущемъ вмѣщать въ себѣ столько всего!.. По истинѣ божественное начало проникаетъ цѣликомъ личность государя и внушаетъ страхъ народу ²⁾.

Замѣтимъ, однако, что на послѣднія слова точно умышленно отклоняется другой современникъ Людовика XIV, Паскаль, которому его монархическія и католическія воззрѣнія не всегда мѣшали проявлять безопаздную силу анализа:

Привычка видѣть королей въ сопровожденіи тѣлохранителей, барабановъ, офицеровъ и всѣхъ тѣхъ вещей, которыя гнутъ человѣческую машину въ сторону почтенія и благоговѣйнаго ужаса, производитъ то, что видъ монарха и тогда, когда его встрѣчаютъ порою одного и безъ всякой такой свиты, вызываетъ въ подданныхъ чувство почтенія и ужаса, потому что они не отдѣляютъ въ мысли его особу отъ свиты, обыкновенно его сопровождающей. И вотъ свѣтъ, не знающій, что такое воздѣйствіе коренится въ упомянутомъ обычаѣ, полагаетъ, что оно, наоборотъ, вытекаетъ изъ самой природы

¹⁾ *Politique tirée des propres paroles de l'Écriture Sainte*; книга VI, параграфы 1-й и 2-й, т. XXIV „Oeuvres complètes, de Bossuet (изд. F. Lachat); Парижъ, 1864, стр. 7—9, passim.

²⁾ *Politique tirée de l'Écriture*; книга II, параграфъ 1-й; и книга V, параграфъ 4.

короля; отсюда слова: „уже на его лицѣ отражается характеръ Божества“ и т. п.¹⁾

Какъ бы то ни было, лишь писателямъ XVIII вѣка, подготовившимъ идейные элементы революціи, и самимъ дѣятелямъ переворота удалось навсегда оторвать понятіе верховной власти отъ понятія монарха и подставить вмѣсто принципа королевскаго суверенитета принципъ суверенитета народнаго. Это и было ярко выражено въ знаменитомъ „Провозглашеніи правъ чело-вѣка и гражданина“,—обстоятельство тѣмъ болѣе замѣчательное, что ни энциклопедисты, ни люди 1789 г. не были, собственно говоря, республиканцами, и ни теорія, ни практика не шли вначалѣ дальше задачи „реформировать монархію“²⁾. Но этотъ рѣшительный шагъ лежалъ и въ логикѣ фактовъ, и въ логикѣ правового сознанія, и онъ былъ одѣланъ: отнынѣ суверенитетъ народа, не смотря на кажущіяся историческія отклоненія, навсегда смѣнилъ для пореволюціонной Франціи суверенитетъ короля³⁾. Я позволю себѣ процитировать здѣсь спокойнаго и серьезнаго спеціалиста, котораго нельзя заподозрить ни въ какихъ агитаціонныхъ стремленіяхъ:

Самымъ важнымъ принципомъ, провозглашеннымъ французской революціей, былъ принципъ народнаго верховенства (*souveraineté nationale*). Въ наши, хотя и столь различныя конституціи, за исключеніемъ хартия 1814 г., признали его и взяли за основаніе. Мало-по-малу онъ обошелъ весь свѣтъ; и тамъ, гдѣ водворился, стремится глубоко измѣнить учрежденія, вытекающія изъ другого источника и принятыя въ то же время современными націями: представительное и парламентарное правленіе. Этой мощью своею онъ обязанъ тому, что выражаетъ собою простую идею, отвѣчающую вмѣстѣ съ тѣмъ инстинктамъ справедливости и равенства, которые коренятся въ самомъ основаніи души чело-вѣка. Принципъ этотъ сводится, дѣйствительно, къ слѣдующему положенію: верховная власть у извѣстнаго народа заключается въ организмѣ всей націи и не можетъ пребывать нигдѣ больше.⁴⁾

Или, какъ говоритъ другой писатель, изслѣдовавшій посто-

¹⁾ *Pensées*, V, 8, стр. 270 гашеттовскаго изданія „Oeuvres complètes de Blaise Pascal“, т. I; Парижъ, 1899.

²⁾ Читателя, которому только что сказанное можетъ показаться парадоксальнымъ, отсылаю, между прочимъ, къ сочиненіямъ: Edme Champion. *La France d'après les Cahiers de 1789*; Парижъ, 1897, стр. 236 и слѣд.; и A. Aulard, *Histoire politique de la Revolution française*; Парижъ, 1901, стр. 2 и слѣд.—Ср. мой этюдъ: *Послѣдніе труды о происхожденіи современной Франціи* въ февральской книжкѣ „Русскаго Богатства“ за 1902 г., особенно стр. 112—118.

³⁾ Въ этомъ смыслѣ подготовляющая роль Руссо громадна. И, не смотря на то, что самъ онъ считалъ „демократическое правленіе“ настолько „совершеннымъ“, что оно могло годиться лишь для „народа боговъ“, а не для вродьстхъ смертныхъ, его страстная проповѣдь свободы и равенства и не менѣе страстная борьба противъ общественныхъ привилегій и несправедливостей въ концѣ концовъ подорвали въ умахъ его учениковъ монархическій принципъ. Ср. Aulard l. c., стр. 10—11.

⁴⁾ Esmein, стр. 171.

ненный рост „революціоннаго духа“ наканунѣ переворота и схватившій его общую эволюцію въ ея среднихъ, но тѣмъ болѣе могущественныхъ, проявленіяхъ:

Голось Съейеса, провозгласившаго, что третье сословіе было въ политической области *ничѣмъ*, а должно быть *всѣмъ* (январь—февраль 1789 г.), былъ какъ бы призывной трубой, при звукѣ которой рухнуло все, что оставалось еще отъ Франціи прошлаго; и отнынѣ, за старой развалившейся церковью и за умир.вшей королевской властью, за низверженными парламентами и на обломкахъ привилегій, вдругъ появилась въ полномъ блескѣ нація, чье имя, произнесенное на слѣдующій день послѣ смерти Людовика XIV, часто повторялось съ этихъ поръ, но чей образъ оставался пока еще въ тѣни ¹⁾.

Стоитъ, дѣйствительно, бросить самый бѣглый взглядъ на политическую исторію Франціи со времени великаго переворота и подвергнуть поверхностному анализу различныя конституціонныя формулы, въ которыхъ страна выражала свое государственное право, чтобы видѣть во всемъ и повсюду могущественное вліяніе начала народнаго суверенитета. Оно порою затемнялось; порою лицемѣрно парализовалось софизмами конституцій, водворявшихъ временно деспотическую власть; изрѣдка открыто отрицалось. Но всегда и послѣ всѣхъ этихъ временныхъ поражений принципъ народнаго самодержавія проявлялся съ еще болѣею энергіей; и можно сказать, что, въ концѣ концовъ, онъ сознательно или безсознательно проникаетъ политическое міровоззрѣніе современнаго [француза. Народъ, „нація“ остается носителемъ высшей государственной власти, которая является въ извѣстномъ смыслѣ неотдѣлимымъ атрибутомъ всей совокупности гражданъ. Такъ, монархическая конституція 1791 г. говоритъ ясно: „верховная власть едина, нераздѣльна, неотчуждаема, непрѣсрочима (*imprescriptible*); она принадлежитъ націи“ ²⁾. Такъ, республиканская конституція 1848 г. повторяетъ почти буквально: „верховная власть заключается въ совокупности французскихъ гражданъ. Она неотчуждаема и непрѣсрочима“ ³⁾. Самъ цезаризмъ вынужденъ на почвѣ Франціи, взрытой огненнымъ плугомъ революціи, драпироваться въ принципъ народнаго самодержавія. Напримѣръ, уже упомянутый нами выше сенатусъ-консультъ 28-го флореала XII-го года, основывая имперію, въ то же время пытается представить эту узурпацію власти у народа, какъ простое назначеніе особаго высшаго сановника республики: „Правленіе республикой ввѣряется императору, который получаетъ титулъ императора

¹⁾ Félix Rocquain, *L'esprit révolutionnaire avant la Révolution* (1715—1789); Парижъ, 1878, стр. 485.

²⁾ Ibid., стр. 234. (Constit. du 4 nov. 1848, chap. premier, art. 1-er).

³⁾ См. сборникъ текстовъ французскихъ конституцій съ историческимъ введеніемъ: Léon Duguit et Henry Monnier, *Les constitutions et les principales lois politiques de la France depuis 1789*; Парижъ, 1898, стр. 7. (Constit. du 3 sept. 1791, titre III, art. 1-er).

французовъ“¹⁾). И порою еще теперь вы можете видѣть старыя золотыя и серебряныя монеты, на одной сторонѣ которыхъ красуется надпись „Французская республика“, а на другой—идеализированный античный профиль корсиканца и слова: „Императоръ Наполеонъ“. И точно такъ же конституція 14-го января 1852 г., закладывая фактическій фундаментъ второй имперіи, содержитъ слѣдующія, написанныя чернымъ по бѣлому, „слова“ (лучше бы, пожалуй, сказать, чернымъ по красному, припомнивъ кровь, пролитую на парижскихъ бульварахъ и въ провинціи рыцарями декабрьской ночи): „Правленіе французской республики вѣрится на десять лѣтъ принципу Людовику-Наполеону Бонапарту, настоящему президенту республики“²⁾, при чемъ прибавляется даже лицемѣрная фраза: „президентъ республики отвѣтственъ предъ французскимъ народомъ, къ которому онъ всегда имѣетъ право апеллировать“³⁾).

Даже наследственная монархія въ пореволюціонной Франціи принуждена прибѣгать къ фиміици, стараясь установить свою связь съ принципомъ народнаго верховенства. Уже упомянутая конституція 1791 г. считаетъ короля наследственнымъ *представителемъ* націи (наравнѣ съ законодательнымъ корпусомъ), называетъ его „первымъ должностнымъ лицомъ государства“ (*le premier fonctionnaire public*)⁴⁾, и если не даетъ націи прямого права отрѣшать монарха отъ должности, то пускаетъ въ ходъ юридическую уловку, ведущую фактически къ тому же результату. За извѣстныя дѣйствія король „считается отрекшимся отъ престола“⁵⁾ и „послѣ формальнаго или легальнаго отреченія переходитъ въ классъ простыхъ гражданъ, а тогда можетъ быть обвиненъ и судимъ, какъ и они, за проступки, совершенные имъ послѣ отреченія“⁶⁾. Правда, хартія 1814-го года,—единственная въ этомъ смыслѣ изъ всѣхъ французскихъ конституцій,—не признавала принципа народнаго верховенства и говорила объ октроированіи свободы королямъ. Но надо читать Свѣтъ-Уанскую „декларацію“ Людовика XVIII-го отъ 2-го мая 1814 г., чтобы видѣть, къ какой казуистикѣ прибѣгалъ этотъ сообразительный Бурбонъ, чтобы ухитриться сѣсть на престолъ Франціи на основаніи временной конституціи, вотированной сенатомъ имперіи, и въ то же время заявить о своемъ правѣ не принять ея окончательно, а замѣнить новой уже октроированной конституціей⁷⁾.

¹⁾ Ibid., стр. 144—145. (Senatus-consulte organique du 28 floréal an XII, titre premier, art. 1-er).

²⁾ Ibid., стр. 275. (Constit. du 14 janv. 1852, titre II, 2).

³⁾ Ibid. titre III, 5).

⁴⁾ Décret du 12 sept. 1791, § III, art. 3.

⁵⁾ Constit. du 3 sept. 1791, titre III, chap. II, sect. prem., art. 5—7.

⁶⁾ Art. 8.

⁷⁾ Eugène Pierre, *Traité de droit politique, électoral et parlementaire*; Парижъ, 1893, стр. 5—6.

Съ другой стороны, здѣсь не мѣшаетъ припомнить интересную мысль Луи Блана, показывающую, что въ сущности и хартія 1814 г. покоилась если не юридически, то фактически на началѣ народнаго суверенитета. Историкъ „Десяти лѣтъ“ объясняетъ во введеніи къ этой книгѣ сравнительную легкость воцаренія Бурбоновъ тѣмъ именно, что буржуазія, продѣлавшая начальныя фазы великой революціи во имя народнаго суверенитета, но остановленная въ своемъ „восходящемъ шествіи“ къ политическому и соціальному могуществу терроромъ и Наполеономъ, временно искала

такой власти, которая нуждалась бы въ ней, не могла бы обойтись безъ ея поддержки и даже покровительства, т. е. власти, лишенной внутренней силы, блеска, національнаго характера, наконецъ, прочныхъ корней. Что дѣлало монархію Бурбоновъ желательной для буржуазнаго класса, такъ это именно самая слабость подобной монархіи, а въ особенности ея новизна; ибо она, сколько бы ни считала себя монархіей Капетинговъ, родилась лишь 21-го января (день казни Людовика XVI-го. Н. К) ¹⁾.

Какъ бы то ни было, лишь только Бурбоны приняли въ оерьезъ свою роль раздавателей и отбирателей конституціонныхъ свободъ и устами министра Полиньяка провозгласили „право власти охранять свою безопасность“ виѣ законовъ, „ибо это право предшествуетъ“ якобы „всѣмъ законамъ“ (*préexistant aux lois*), какъ нація отвѣтила на эти притязанія іюльской революціей, и Карлу X-му пришлось удариться въ Англію, чтобы на досугѣ и обдумать значеніе принципа народнаго суверенитета. Этотъ принципъ легъ,—правда, въ подразумеваемой формѣ,—въ основаніе хартіи 1830 г., которая, какъ уже видѣлъ читатель, была исправлена представителями націи и „принята“ Людовикомъ-Филиппомъ. И не мѣшаетъ, можетъ быть, прибавить, что формальное провозглашеніе принципа было отклонено, лишь благодаря интригамъ и софистическимъ рѣчамъ орлеанистовъ въ палатѣ депутатовъ, которая отвергла предложеніе Персиа воспроизвести два параграфа конституціи 1791 г. подъ тѣмъ предлогомъ, что верховная власть націи разумѣется, молъ, сама собой; и что достаточно лишь вычеркнуть оскорбительное введеніе къ хартіи 1814 г., гдѣ говорится объ „октроированіи французамъ правъ, которыя принадлежатъ имъ по существу“ ²⁾. Уже масса эпитетовъ, рисующихъ гражданскія доблести новаго короля,—„король-гражданинъ“, „лучшая изъ республикъ“ и т. п., — показываетъ, что идея народнаго суверенитета не была чужда іюльской революціи. Или, какъ говоритъ историкъ республиканской партіи при Людовикѣ-Филиппѣ:

¹⁾ Louis Blanc, *Histoire de dix ans* (1830—1840); Парижъ, полное иллюстрированное изданіе 1882 г., т. I, стр. VII.

²⁾ Louis Blanc, *l. c.*, т. I, стр. 152.

Не въ силу какого-либо принадлежащаго ему права, не *потому что* Бурбонъ, а *хотя и* Бурбонъ, герцогъ Орлеанскій былъ призванъ на престолъ. Онъ заключаетъ настоящий договоръ со страной... И онъ договаривается даже не съ палатой, а съ вооруженнымъ народомъ. Онъ продѣлалъ знаменитую поѣздку верхомъ на лошади въ Парижскую ратушу, чтобы получить народную инвестиру, согласіе народа, еще стоявшаго на баррикадахъ. Съ точки зрѣнія права, онъ не наследуетъ старой династіи, паденіе которой провозглашено самымъ формальнымъ образомъ. Онъ призванъ ко власти формальнымъ же актомъ революціоннаго правительства ¹⁾.

И несомнѣнно, что во имя этой же все назрѣвавшей идеи народнаго верховенства, которая временно отступила на задній планъ при имперіи и реставраціи, „король-гражданинъ“ и былъ низвергнутъ съ престола снова вооружившимся народомъ, но на сей разъ вооружившимся уже противъ метафорической „лучшей республики“, чтобы замѣнить ее формальнымъ республиканскимъ режимомъ. И опять таки внутренняя логика вещей хотѣла этого, ибо, начавъ съ борьбы лишь противъ кабинета Гизо, побѣдоносная революція ставила въ теченіе трехъ дней все болѣе и болѣе радикальныя требованія, пока, наконецъ, рѣшительно не замѣнила монархіи республикой. Или, какъ картинно выражается въ одномъ изъ писемъ Прудонъ, „республика, которая наканунѣ еще была очень робка, а на слѣдующій день утромъ испытывала большое безпокойство, а въ два часа сама еще не вѣрила себѣ, вдругъ, въ пять часовъ, была провозглашена“ ²⁾.

Можетъ быть, будетъ, наконецъ, уместнымъ указать читателю на нѣкоторые современные политическія явленія въ лагерѣ монархистовъ, явленія, показывающія, какъ глубоко принципъ народнаго суверенитета вошелъ въ сознаніе самихъ противниковъ его. Не вынужденъ ли герцогъ Орлеанскій и его партіяны выставлять, въ оправданіе своихъ претензій, удивительно курьезную теорію „новой монархіи“, основанной на началѣ наследственности и даже — правда, смягченнаго — „божественнаго права“, а въ то же время якобы стремящейся получить высшую санкцію отъ „свободно выраженной воли „народа“? Довольно уже одного такого факта, чтобы видѣть, какую существенную роль въ политическомъ воззрѣніи страны играетъ провозглашенный великой революціей принципъ народнаго суверенитета.

Вдумываясь въ перипетіи этого принципа на почвѣ Франціи, замѣчаешь, что онъ являются достаточнымъ подтвержденіемъ мнѣнія Эсмэна, который находитъ внутреннюю противоположность между началомъ народной верховной власти и началомъ монархической верховной власти. Спокойный и ученый изслѣдователь сравнительнаго права Франціи и другихъ государствъ не

¹⁾ I. Tchernoff. *Le parti républicain sous la monarchie de Juillet*; Парижъ, 1901, стр. 55—56.

²⁾ Цитировано у Georges Weill, *Histoire du parti républicain en France de 1814 à 1870*; Парижъ, 1900, стр. 273, прим. 2.

отрицаетъ, конечно, того, что высоко развитая политическая свобода можетъ совмѣщаться съ существованіемъ монархической конституціи. И онъ указываетъ справедливо на примѣръ Англіи. Но онъ не менѣе справедливо приписываетъ самую возможность такого совмѣщенія своеобразнымъ историческимъ условіямъ англійскаго королевства, въ то время какъ въ сущности-то оба начала осуждены на постоянную борьбу вплоть до окончательнаго уничтоженія одного изъ нихъ другимъ.

Вопросъ, изслѣдуемый мною,—говоритъ нашъ авторъ — таковъ: провозглашая въ одной и той же конституціи народное верховенство и монархическій образъ правленія, не вводимъ ли мы туда, чтобы мы затѣмъ ни дѣлали, противорѣчивые принципы. Это не простой споръ изъ-за словъ и не схоластическая распря. Учрежденія имѣютъ свою логику, какъ и идея. Если въ средѣ, гдѣ очень силенъ консервативный и традиціонный духъ, могутъ очень долго уживаться между собой учрежденія, хотя и комбинирующія въ систему неустойчиваго равновѣсія противоположные принципы, то повсюду въ другихъ мѣстахъ эти расходящіяся силы вступаютъ фатально при такой комбинаціи въ борьбу, и каждая изъ нихъ стремится возстановить гармонию, выдѣляя противорѣчивые элементы ¹⁾.

Въ этомъ, какъ мнѣ кажется, и надо искать причины, почему на почвѣ Франціи, разорвавшей связь съ традиціями, монархическія правительства отличаются особой непрочностью, и почему въ послѣднее время лишь республикѣ удалось, не смотря на всѣ усилія отживающихъ партій, достигнуть возраста, чуть не вдвое превышающаго продолжительность самого долговѣчнаго изъ прежнихъ режимовъ. Дѣйствительно, третья республика вступила уже въ 35-й годъ своего существованія, тогда какъ вторая имперія не дожила до 19 лѣтъ, іюльская монархія до 18 л., реставрація до 17 лѣтъ, и при томъ развѣ только этому послѣднему режиму посчастливилось одинъ разъ реализовать наслѣдственность власти, да и то не въ прямо нисходящей линіи, а отъ брата къ брату.

Ниже мы увидимъ, какія слѣдствія вытекаютъ изъ народнаго суверенитета. Но обратимся пока къ другому, какъ мы выразились раньше, полюсу „Провозглашенія правъ человека и гражданина“, а именно опредѣленію собственно такъ называемыхъ „индивидуальныхъ“ или „гражданскихъ“ правъ личности, иногда называемыхъ также „общественными правами“ (Росси) и „публичными вольностями“: читатель не долженъ, конечно, обращать чрезвычайное вниманіе на эти нѣсколько схоластическія различія, вносимыя юристами въ номенклатуру личныхъ правъ, ибо если, напр., Эсменъ разсматриваетъ право свободнаго выраженія мнѣній въ печати подъ рубрикой „индивидуальныхъ правъ“, у Симона это же право, въ формѣ свободы печати, трактуется какъ одна изъ „публичныхъ вольностей“. Да эта неопредѣленность и

¹⁾ Esmein, стр. 195.

понятна: разъ членъ политическаго общежитія не можетъ быть абстрактнымъ, изолированнымъ, самодовлѣющимъ существомъ ¹⁾, то въ его правахъ заинтересованы всѣ прочіе граждане; и то, что для него представляетъ упражненіе „индивидуальнаго права“, является съ точки зрѣнія общества „публичной свободой“, — хотя бы та же свобода печати.

Какковы же въ общихъ чертахъ эти „индивидуальныя“ (или „публичныя“) права, освященные конституціоннымъ правомъ великой революціи? Ихъ обыкновенно сводятъ къ двумъ принципамъ: гражданскому равенству и свободѣ личности. Оставляя въ сторонѣ нѣсколько метафизическій вопросъ, откуда должно быть выводимо гражданское равенство, изъ общественнаго ли договора à la Руссо, или изъ природы человѣка, какъ имѣющаго равное право съ другими людьми на развитіе, мы во всякомъ случаѣ можемъ сказать, что французская революція очень энергично подчеркнула это требованіе, и что на почвѣ Франціи гражданскому равенству посчастливилось даже больше, чѣмъ свободѣ личности. Если Гладстонъ, дѣйствительно, могъ утверждать, что у англичанина царитъ настоящая „религія неравенства“; если дояльное настроеніе англійской толпы, молчаливо восхищающейся лакеями и экипажами лордовъ, было отмѣчено въ записной книжкѣ американцемъ Госорномъ, — то, наоборотъ, въ душѣ по-революціоннаго француза живетъ неистребимое стремленіе къ равенству ²⁾. Этотъ гордый народъ могъ порою въ теченіе двухъ десятковъ лѣтъ сносить гнетъ одинаково давящаго на всѣхъ цезаризма. Но политическія привилегіи, но гражданское неравенство находили въ немъ всегда ожесточеннаго врага, и ихъ онъ не въ состояніи выносить и минуты. Понятно въ этомъ пунктѣ раздраженіе защитниковъ неравенства и соціальной іерархіи, въ родѣ хотя бы англизирующаго Тэна. Стоитъ только вспомнить его ожесточенную критику дѣятельности учредительнаго собранія:

Исполненное ослѣпленія и грубости спекулятивнаго хирурга, оно разрушило въ обществѣ, брошенномъ подъ удары его скальпеля и теорій, не только опухоли, не только несоотвѣтствіе и взаимное треніе органовъ, но самыя эти органы... естественныхъ вождей, которыхъ уже ихъ имя, ихъ знаменитость, воспитаніе, независимость, ихъ добрая воля, ихъ способности

¹⁾ Ср. Aristot, Polit. 1, 2, изд. Bekkeri, стр. 1253 а: ὁ θεὸς μὴ δυνάμενος κοινῶναι, ἡμῶν δὲ θεόμενος δι' αὐτάρχειαν, οὐθὲν μέρος πόλεως. ὥστε ἢ θηρίον ἢ θεός („не могущій же участвовать въ общежитіи, или не нуждающийся въ немъ по причинѣ самодовлѣемости, не составляетъ и части государства, какъ, напримѣръ, звѣрь или богъ“).

²⁾ Едва ли не болѣе другихъ въ этомъ смыслѣ сдѣлалъ Руссо. Абстрактная простота его идей, въ особенности мысль о равенствѣ правъ всѣхъ членовъ общества, равенствѣ, вытекающемъ изъ „общественнаго договора“, а вмѣстѣ съ тѣмъ его гениальная реторика, зажигающая идейную страсть въ читателяхъ, оказали здѣсь удивительное дѣйствіе на французовъ.

предназначали для первой роли... И когда эта операция была продѣлана, всякая связь или сближеніе между людьми оказалось перерѣзаннымъ; всякая подчиненность или іерархія исчезла. Нѣтъ больше кадровъ и нѣтъ больше вождей ¹⁾).

Посмотрите, однако, на благотворныя проявленія этого гражданскаго равенства, прямо или косвенно, рѣзкимъ или стыдливымъ образомъ порицаемаго любителями общественной субординаціи, между тѣмъ, какъ правовое сознаніе современныхъ французовъ упорно повторяетъ статью 1-ю „Провозглашенія правъ челоуѣка и гражданина“: „люди рождаются и остаются свободными и равными въ правахъ“. Упомянутое гражданское равенство требуетъ прежде всего равенства всѣхъ предъ закономъ и предъ судомъ: ни для кого нѣтъ особыхъ правовыхъ нормъ, какъ ни для кого нѣтъ специальныхъ трибуналовъ. Или, какъ выражается введеніе къ конституціи 3-го сентября 1791 г.: „ни для какой доли націи, ни для какого индивидуума не существуетъ болѣе никакой привилегіи и никакого исключенія изъ общаго права всѣхъ французовъ“ ²⁾).

Или еще въ отдѣлѣ первомъ, трактующемъ объ „основныхъ положеніяхъ, гарантируемыхъ конституціей“... „одни и тѣ же проступки будутъ караться одними и тѣми же наказаніями, безъ всякаго различія между лицами“ ³⁾. Гражданское же равенство требуетъ одинаковаго права „всѣхъ гражданъ на допущеніе къ различнымъ общественнымъ должностямъ и мѣстамъ, помимо всякаго другого различія, кромѣ вытекающаго изъ ихъ добродѣтелей и талантовъ“ ⁴⁾. То же самое равенство требуетъ равенства всѣхъ предъ налогомъ, или, какъ гласитъ начало все того же отдѣла перваго: „всѣ подати будутъ распределяться одинаково между всѣми гражданами пропорціонально съ ихъ (платежными) способностями“ ⁵⁾.

Перейдемъ теперь собственно къ „индивидуальной свободѣ“ или „свободѣ личности“. Этому принципу удалось привиться на почвѣ пореволюціонной Франціи лишь послѣ ряда кровавыхъ столетовеній націи съ реакціонными правительствами. Не смотря на эффектную и энергичную формулировку этого начала еще въ знаменитомъ „Провозглашеніи“, деспотизмъ нѣсколько разъ вытѣснялъ личную свободу изъ завоеванныхъ ею, казалось бы, на-

¹⁾ H. Taine. *Les origines de la France contemporaine. La Révolution*, т. I: *L'anarchie*; Парижъ, 1896, 18-е изд., стр. 277—278, *passim*.

²⁾ Duguit et Monier, стр. 3 (Constit. française).

³⁾ Ibid., стр. 4 (Titre premier, 3°).

⁴⁾ Ibid. Titre premier, 1°).

⁵⁾ Ibid. Titre premier, 2°). Кстати сказать, изъ этой формулы нельзя вывести принципіальнаго отрицанія прогрессивнаго налога, какъ то дѣлаютъ типичные буржуазные писатели нашихъ дней, а скорѣе даже наоборотъ: прогрессивный налогъ именно и осуществляетъ строгую пропорціональность обложенія и платежныхъ способностей.

всегда позицій, пока новый приливъ общественнаго энтузіазма не обращалъ въ бѣгство темныя силы гнета и произвола. Можно сказать, что индивидуальная свобода добывалась французами въ теченіе цѣлаго вѣка по частямъ; и что даже и теперь этотъ процессъ отвоевыванія ея далеко не прекратился, такъ какъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ (при столкновеніи съ администраціей) права личности и до сихъ поръ менѣе гарантированы въ республиканской Франціи, чѣмъ въ монархической Англіи. И это понятно. Особенности національной исторіи французовъ, отличающія ее отъ національной же исторіи за-ламаншскихъ сосѣдей ¹⁾, толкали эволюцію первой страны главнымъ образомъ въ сторону выработки сильной центральной власти, тогда какъ эволюція второй совершалась преимущественно въ направленіи къ утвержденію мѣстнаго самоуправленія и личной свободы. И при этомъ „индивидуальныя права“ были даже не столько непосредственнымъ выраженіемъ какого-нибудь опредѣленнаго торжественнаго акта, сколько нарастаніемъ и закрѣпленіемъ давнишнихъ правовыхъ обычаевъ. Кому, напр., изъ поверхностно знакомыхъ съ конституціонной исторіей Англіи славный Habeas Corpus Act не рисуется въ видѣ законодательнаго монумента, болѣе или менѣе сразу вводящаго новый порядокъ вещей? Но уже чуть не 80 лѣтъ тому назадъ Галламъ въ своемъ капитальномъ трудѣ по исторіи англійской конституціи вдвигалъ этотъ актъ въ надлежащую историческую перспективу и мѣтко замѣчалъ:

Не только между иностранцами, но и среди многихъ, отъ кого можно было бы ждать нѣкотораго знанія нашихъ конституціонныхъ законовъ, широко распространено ошибочное мнѣніе, будто этотъ статутъ Карла II увеличилъ въ значительной степени наши вольности и составляетъ извѣстнаго рода эпоху въ ихъ исторіи. Но хотя онъ былъ и очень благотворнымъ актомъ и энергичнымъ средствомъ (eminently remedial) во многихъ случаяхъ противозаконнаго ареста, онъ не вводилъ новыхъ принциповъ и не давалъ никакого новаго права въ этомъ отношеніи. Со времени самыхъ первыхъ проявленій англійскаго закона, ни одинъ свободный человѣкъ не могъ быть подвергнутъ тюремному заключенію, за исключеніемъ случаевъ уголовнаго обвиненія, или осужденія или же невыполненія гражданскаго обязательства ²⁾.

Вмѣсто этой давнишней практики индивидуальной свободы, пріобрѣтенной англичанами въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій, во Фран-

¹⁾ См. объ этомъ, между прочимъ, уже у Бокля, замѣчательное сочиненіе котораго, не смотря почти на полвѣка, прошедшіе со времени его появленія, еще не устарѣло именно въ этомъ пунктѣ и рѣшительно не заслуживаетъ высокомернаго презрѣнія къ нему разныхъ узкихъ специалистовъ нашего времени. Рекомендую читателю особенно главу „Исторія духа покровительства и ея сравненіе во Франціи и Англіи“ (глава 2-я второго тома. Henry Thomas Buckle. *History of Civilization in England*, стр. 84 и слѣд. второго томака популярнаго изданія „The World's Classics“, Лондонъ, 1903):

²⁾ Henry Hallam, *The constitutional history of England from the accession of Henry VII to the death of George II*; Лондонъ, стр. 617 изд. Ward въ одномъ томѣ.

ции, совсѣмъ наканунѣ великой революціи, царилъ такой произволъ по отношенію къ личности, что заключеніе любого гражданина въ тюрьму или отправленіе его въ ссылку было однимъ изъ обычнѣйшихъ проявленій такъ называемой *justice retenue*, т. е. вмѣшательства короля въ установленныя королевскою же властію условія отправленія правосудія. Такова была практика знаменитыхъ *lettres de cachet*, которыя Эсманъ въ одномъ изъ своихъ историческихъ сочиненій называетъ „наиболѣе произвольными и опасными актами, наиболѣе крайнимъ примѣненіемъ *justice retenue*“:

Lettres de cachet... принадлежали по формѣ къ категоріи закрытыхъ писемъ (*lettres closes*), т. е. представляли собою тайные приказы королевской власти, вручавшіеся въ закрытомъ конвертѣ тому лицу, которое должно было позаботиться объ ихъ выполненіи. Они не проходили чрезъ „великую канцелярію“, такъ какъ не носили государственной печати, и потому не подлежали контролю канцлера. Къ нимъ прикладывалась только личная печать короля (отсюда ихъ названіе), и они подписывались однимъ изъ государственныхъ секретарей. Они могли содержать всякаго рода приказы, но на практикѣ содержали почти всегда только два: приказъ о заключеніи въ государственную тюрьму помимо всякаго процесса и приказъ осылкѣ или удаленіи отъ двора. Они выполняли двѣ главныя функціи. Съ одной стороны, они служили для того, чтобы наказывать политически неудобныхъ или опасныхъ лицъ, избѣгая въ то же время гласности разбирательства; съ другой — вліятельныя фамиліи получали *lettres de cachet*, чтобы имѣть возможность заключать въ тюрьму, не возбуждая скандала, компрометирующихъ ихъ членовъ. Эта практика вошла въ обыкновеніе, благодаря идеѣ, распространенной легистами, будто воля монарха, даже противная праву и справедливости, верховна и потому требуетъ безусловнаго повиновенія ¹⁾.

Понятно, съ какой энергіей люди великой революціи противоставили этой „идеѣ“ произвола идею свободы, и въ какихъ рельефныхъ формулахъ они провозгласили права личности, и прежде всего общее понятіе о свободѣ, изъ котораго они вытекали: „Свобода, — говоритъ статья 5-я „Провозглашенія“, — состоитъ въ возможности дѣлать все то, что не вредитъ другому; такимъ образомъ, упражненіе естественныхъ правъ человѣка не имѣетъ границъ кромѣ тѣхъ, которыя обезпечиваютъ прочимъ членамъ общества пользованіе тѣми же самыми правами. Эти границы опредѣляются только закономъ“ ²⁾. То же „Провозглашеніе“ ставитъ, въ числѣ естественныхъ правъ человѣка и наряду со свободою, извѣстныя ея модификаціи или матеріальныя условія ея осуществленія: „собственность, безопасность и сопротивленіе угнетенію“ ³⁾.

Собственность представляетъ наиболѣе грубое и осязательное „право“ человѣка; и именно на этотъ принципъ 1789 г. социа-

¹⁾ A. Esmein, *Cours élémentaire d'histoire du droit français*; Парижъ, 1892, II-й выпускъ, стр. 428—429.

²⁾ Duguët et Monnier, стр. 2 (Déclar., art. 4.).

³⁾ Ibid. (art. 2).

листическая мысль XIX-го вѣка направила наиболѣе же рѣзкую критику, обвиняя „Провозглашеніе“ въ фетишизмъ предъ индивидуалистическою буржуазною собственностью. Эта критика, разумѣется, совершенно справедлива, когда изслѣдователь изучаетъ проявленія индивидуальной капиталистической собственности, развившейся въ современномъ пореволюціонномъ обществѣ. Но когда переносишься въ эпоху „Провозглашенія“, то начинаешь понимать историческую фатальность, которая диктовала статью 17 великаго акта: „Собственность есть неприкосновенное и священное право; никто не можетъ быть лишенъ его,—развѣ только въ томъ случаѣ, когда общественная, законнымъ образомъ констатированная необходимость съ очевидностью требуетъ этого, при томъ подѣ условіемъ справедливаго и предварительнаго возмѣщенія“¹⁾. И, прежде всего, признаніе „святости“ собственности является реакціей противъ монархически абсолютистскихъ взглядовъ на право короля распоряжаться собственностью своихъ подданныхъ, равно какъ реакціей противъ ограниченій употребленія собственности и труда со стороны цеховъ и корпорацій. Не говорилъ-ли, въ самомъ дѣлѣ, „король-солнце“, Людовикъ XIV, въ своей „Инструкціи дофину“: „монархи суть неограниченные властители и естественно обладаютъ правомъ полного и свободнаго распоряженія всѣми находящимися во владѣніи подданныхъ имуществами“²⁾. Съ другой стороны, кому не извѣстны стѣсненія, которыми корпоративный и цеховой режимъ опутывалъ дореволюціонную собственность? Не надо, кромѣ того, забывать, что крупная обобщественная капиталомъ промышленность тогда еще проявлялась сравнительно слабо, и что требованія свободы распоряженія „священной“ собственностью исходили въ то время отъ многочисленной арміи мелкихъ хозяевъ-мастерковъ, изнывавшихъ подѣ итогъ корпорацій,—что отчасти сказалось и въ отвращеніи людей великой революціи къ ассоціаціонному принципу³⁾.

Слѣдующее требованіе, выводившееся авторами „Провозглашенія“ изъ понятія о свободѣ, почти не нуждается въ комментаріяхъ: черезъ весь XVIII-ый вѣкъ проходитъ красною нитью у политическихъ писателей требованіе такъ называемой „безопасности“ (*sûreté*), подѣ которою разумѣлась совокупность необходимыхъ гарантій неприкосновенности личности и жилища, исключавшихъ произвольные аресты, заключеніе въ тюрьму, незаконныя наказанія и т. п. Или, какъ энергично выражается „Провозглашеніе“: „ни одинъ человекъ не можетъ быть обви-

¹⁾ Duguit et Monnier, стр. 3.

²⁾ Цитировано у Simonet, *Traité élément.*, etc., стр. 5.

³⁾ См. эту же „Сто лѣтъ взаимныхъ отношеній буржуазіи и пролетаріата“ въ моей книгѣ: „Очерки современной Франціи“, С.-Петербургъ, 1904, изд. 2-е. особенно стр. 597—598.

нень, арестованъ, подвергнутъ заключенію, иначе какъ въ случаяхъ, опредѣленныхъ закономъ, и согласно формамъ, имъ предписываемымъ. Тѣ, кто требуютъ, посылають, исполняютъ или заставляютъ другихъ исполнять произвольные приказы, должны быть наказаны“ и т. д. ¹⁾).

Право на „сопротивленіе угнетенію“ есть въ сущности выводъ одновременно изъ двухъ полярныхъ и основныхъ идей „Провозглашенія“: народного суверенитета и индивидуальной свободы. Все, что мѣшаетъ народной волѣ, должно быть устранено; все, что посягаетъ на право личности, подлежитъ уничтоженію. Это—право на возстаніе, освященіе революціи. И если первое „Провозглашеніе“ и основанная на немъ конституція 1791 г. не оставались подробно на этой идеѣ, то второе „Провозглашеніе“, легшее въ основу радикальнѣйшей изъ французскихъ конституцій, конституція 24-го іюня 1793 г., даетъ самую формальную санкцію инсurreкціи: „Сопротивленіе угнетенію является слѣдствіемъ всѣхъ другихъ правъ человѣка. Весь общественный организмъ страдаетъ отъ угнетенія, когда угнетенъ хотя бы одинъ изъ его членовъ. Каждый членъ страдаетъ отъ угнетенія, когда угнетенъ общественный организмъ. Когда правительство попираетъ права народа, возстаніе для всего народа и для каждой части народа является самымъ священнымъ правомъ и самымъ необходимымъ долгомъ ²⁾).

Замѣтимъ, что если это право на возстаніе не формулировалось уже позже ни въ одной изъ конституцій, фактически оно наполняло своими яркими проявленіями всю политическую исторію пореволюціонной Франціи; и что, именно благодаря упражненію этого права, французамъ удалось въ концѣ концовъ болѣе или менѣе удачно отстоять и другое сформулированное „Провозглашеніемъ“ право, а именно „безопасность“, поскольку она существуетъ хотя бы при третьей республикѣ.

Первая революція опредѣляетъ въ болѣе или менѣе удачной формѣ и тѣ индивидуальныя права, которые сливаются съ публичными вольностями: свободу совѣсти, печати, собраній и которыя, какъ было сказано нами нѣсколько выше, претерпѣвали наиболѣе пертурбацій среди бурной политической жизни страны. „Провозглашеніе“ и первая конституція въ различныхъ своихъ статьяхъ говорятъ: „Никто не можетъ подвергаться преслѣдованіямъ (собственно текстъ говорить еще сильнѣе: „никого нельзя беспокоить“—*nul ne doit être inquiété*. Н. К.) за свои мнѣнія, даже и религіозныя, лишь бы ихъ выраженіе не нарушало порядка, установленнаго закономъ ³⁾). „Свободное сообщеніе другимъ своихъ мыслей и мнѣній является однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ

¹⁾ Duguit et Monnier, стр. 2 (art. 7).

²⁾ Duguit et Monnier, стр. 69. (Const. du 24 juin 1793, Déclar. art. 33—35).

³⁾ Duguit et Monnier, стр. 2 (Déclar., art. 10).

правъ человека; всякій гражданинъ можетъ поэтому свободно говорить, писать, печатать, отвѣчая лишь за злоупотребленія свободой въ случаяхъ, опредѣленныхъ закономъ“ ¹⁾). Или еще: „конституція гарантируетъ, въ качествѣ естественныхъ и гражданскихъ правъ... свободу всякому человеку говорить, писать, печатать и распространять печатно (publier) свои мысли, при чемъ сочиненія не должны подвергаться никакой цензурѣ и никакому просмотру до выхода въ свѣтъ... свободу гражданамъ собираться мирно и безъ оружія, удовлетворяя законамъ, касающимся полиціи“ ²⁾). Кстати сказать, и въ конституціи 1793 г. свобода печати и свобода собраній соединены въ одномъ параграфѣ и сопровождаются энергичнымъ замѣчаніемъ, подчеркивающимъ и неотъемлемость этихъ правъ: „Право выражать свои мысли и мнѣнія, путемъ ли печати, или какимъ либо другимъ образомъ, право мирныхъ собраній, право свободного отправленія религіознаго культа не могутъ подлежать запрещенію. *Необходимость упоминать объ этихъ правахъ предполагаетъ существованіе деспотизма или же еще свѣжія воспоминанія о немъ*“ ³⁾). Третья республика, кстати сказать, осуществила значительную свободу печати закономъ 29-го іюля 1881 г., составленномъ въ духѣ принциповъ великой революціи. Нѣкоторые ограниченія были сдѣланы въ 1893 и 1894 г. подъ вліяніемъ реакціоннаго настроенія, овладѣваемаго умѣренными республиканцами послѣ нѣсколькихъ анархическихъ покушеній.

Труднѣе всего сложились на почвѣ пореволюціонной Франціи условія для свободы ассоціацій и свободы преподаванія. Противъ свободы ассоціацій среди дѣятелей великой революціи царилъ сильный предубѣжденіе. Отчасти оно объяснялось исторически, а именно страхомъ возстановленія средневѣковыхъ корпорацій (см. между прочимъ, яркое выраженіе этихъ опасеній въ знаменитой брошюрѣ Сьейеса; а отчасти оно обнаруживало несомнѣнныя тенденціи становившейся все болѣе и болѣе мощною буржуазіи воспрепятствовать организаціи народныхъ массъ ⁴⁾). Въ конституціяхъ первой революціи не говорится объ общей свободѣ ассо-

¹⁾ Ibid. (art. 11). Было бы интересно прослѣдить здѣсь въ частности вліяніе Вольтера, котораго можно въ извѣстномъ смыслѣ назвать подготовителемъ *par excellence* идеи личной свободы, какъ Руссо—подготовителемъ *par excellence* идеи общественнаго равенства и братства. Идеалъ самого Вольтера въ области печати, правда, не шелъ дальше карательной цензуры и даже простой „терпимости просвѣщеннаго монарха“. Но въ идеяхъ есть своя логика, и понятіе о свободѣ печати у учениковъ Вольтера выросло изъ борьбы ихъ учителя противъ безконечныхъ злоупотребленій деспотизма въ области мысли.

²⁾ Ibid., стр. 4 (Constit., titre prem.).

³⁾ Duguit et Monnier, стр. 67 (Déclar. de 1793, art. 7).

⁴⁾ См. что сказано нами выше о „священной“ собственности въ „Провозглашеніи“.

ціацій, а лише обь обмеженіяхъ ее, благодаря которымъ эта свобода сводится на нѣтъ. Напр., конституція 5-го фруктидора III-го года, если не самая неудачная, то самая длинная изъ французскихъ конституцій, гласить: „запрещены (il ne peut être formé) корпораціи и ассоціаціи, противныя общественному порядку“¹⁾,—формула, достаточно растяжимая для того, чтобы запретить любую группировку личностей. Лишь болѣе полвѣка спустя, конституція 4-го ноября 1848 г. формулировала ясно право на ассоціацію („граждане имѣютъ право ассоціироваться“²⁾). Но и это признаніе отнюдь не было настоящей свободой союзовъ, такъ какъ всѣ ассоціаціи,—кромя профессиональныхъ синдикатовъ (да и то лишь со времени вальдэковского закона 21 марта 1884 г.),—находились во Франціи до самаго послѣдняго времени подъ Дамокловымъ мечемъ статей 291—294 уголовного свода 1810 г., которые ставили существованіе обществъ, имѣющихъ болѣе 20 членовъ, въ зависимость отъ предварительнаго разрѣшенія правительства. Лишь недавній законъ (1-го іюля 1901 г.) далъ настоящую свободу ассоціаціи, признавъ легальность всякаго союза, преслѣдующаго дозволенные цѣли, „безъ какого бы то ни было разрѣшенія и предварительнаго заявленія“³⁾. Законъ этотъ, который Эсменомъ справедливо считается „однимъ изъ либеральнѣйшихъ законовъ, существующихъ въ цивилизованномъ мірѣ“, не прилагается, однако, къ религіознымъ корпораціямъ, обязаннымъ, согласно ст. 13-ой того же акта, имѣть законное разрѣшеніе.

Это естественно приводитъ насъ къ указанію на судьбы свободы преподаванія во Франціи, такъ какъ именно это право подвергалось наибольшимъ ограниченіямъ со стороны государства, и при томъ не только при реакціонныхъ правительствахъ, всячески тѣснившихъ свободную науку, но и при болѣе демократическихъ режимахъ, озабоченныхъ клерикальнымъ и противообщественнымъ характеромъ преподаванія, исходившаго какъ разъ отъ религіозныхъ корпорацій. Конституція III-го года признаетъ известную свободу преподаванія: „граждане имѣютъ право основывать частныя учрежденія для воспитанія и образованія“⁴⁾. Хартія 1830 г. въ свою очередь обѣщаетъ „особыми законами“ организовать „народное образованіе и свободу обученія“⁵⁾. Конституція 1848 г. опредѣляетъ границы этой „свободы“, видя ихъ въ контролѣ центральной власти: „Преподаваніе свободно. Свобода преподаванія имѣетъ мѣсто (s'exerce) въ соответствии съ

¹⁾ Duguít et Monnier, стр. 117. (Constit. du 5 fructidor an III, titre XIV, art. 360).

²⁾ Ibid., стр. 235. (Constit. du 4 nov. 1848, chap. II, art. 8).

³⁾ См. ст. 2 закона, опубликованнаго въ № 177 (отъ 2-го іюля 1901 г.) Journal officiel.

⁴⁾ Duguít et Monnier, стр. 110. (Const. du 5 fructidor., titre X, art. 300).

⁵⁾ Ibid., стр. 218. (Charte constit., art. 69, § 8).

условиями профессиональной способности и нравственности, определяемыми на основании законов, и под наблюдением государства" и т. д. ¹⁾ Но мы знаем, что вскорѣ новый приливъ реакціи выдвинулъ противъ свѣтской мысли подъ фальшивымъ названіемъ „свободы преподаванія“ пресловутый законъ Фаллу 15-го марта 1850 г., и что слѣдствіемъ его былъ переходъ народного образованія въ руки клерикаловъ ²⁾. Мы знаемъ также, что послѣдующія усилія демократовъ имѣли цѣлью постепенное вытѣсненіе этого закона изъ различныхъ отраслей обученія, впервые освободившихся въ болѣе или менѣе значительной степени отъ гнета этой клерикальной свободы при третьей республикѣ въ 80-хъ годахъ прошлаго вѣка. А въ настоящее время борьба клерикализма съ свѣтской цивилизаціей приняла такіе размѣры, что и крайніе демократы отступаютъ передъ мыслью о полной свободѣ преподаванія, и что, наоборотъ, мысль о монополіи государства въ дѣлѣ народного образованія находитъ не мало сторонниковъ даже между социалистами (праваго, жоресистскаго крыла).

Такова судьба основныхъ „принциповъ 1789 года“ на почвѣ Франціи.

III.

Мы познакомили читателя со смысломъ и отчасти съ эволюціей принциповъ „Провозглашенія“, означавшаго новую эру въ государственномъ правѣ современной Европы. Намъ остается рассмотреть тѣ политическія слѣдствія, которыя были выведены страной изъ упомянутыхъ принциповъ. Они, эти слѣдствія, представляютъ собою, дѣйствительно, совокупность политическихъ пріемовъ, позволяющихъ болѣе или менѣе правильное теченіе государственной жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ, не смотря на частую смѣну конституцій, придающихъ извѣстный общій отпечатокъ, извѣстное, если можно такъ выразиться, фамиліное сходство различными режимамъ пореволюціонной Франціи.

Какія же слѣдствія вытекаютъ изъ взаимно поляризующихся, но и взаимно уравнивающихъ другъ друга принциповъ державной народной воли и свободы личности? Мы не будемъ здѣсь говорить объ одномъ изъ такихъ слѣдствій, которое, по нашему мнѣнію, такъ интимно соприкасается съ самой природой народного суверенитета, что представляетъ собою даже не слѣдствіе этого великаго принципа, а чуть ли не необходимый или, какъ говорили средневѣковые метафизики, „реальный атрибутъ“ суверенитета народа. Я разумѣю республиканскую форму правленія и позволю себѣ по этому поводу лишь отослать чита-

¹⁾ Ibid. стр. 235. (Constit. du 4 nov. 1848, chap. II, art. 9).

²⁾ Eugène Brouard, *Essai d'histoire critique de l'instruction primaire en France, de 1789 jusqu'à nos jours*; Парижъ, 1901, стр. 79 и слѣд.

теля къ страницамъ, гдѣ я старался установить тѣсную связь между началомъ народного суверенитета и республикой.

Но есть другія слѣдствія, вытекающія изъ упомянутыхъ началъ и нуждающіяся въ нѣкоторомъ освѣщеніи. И, прежде всего, всеобщая подача голосовъ. Дѣйствительно, народная воля, представляющая лишь метафизически нѣчто единое, предполагаетъ на самомъ дѣлѣ выраженіе отдѣльныхъ волей живыхъ личностей и такое или иное суммирование стремленій тѣхъ атомовъ, изъ которыхъ составляется организмъ народа. Мы увидимъ, что, не смотря на различныя историческія отклоненія отъ начала всеобщей подачи голосовъ, французская нація всегда стремилась къ этой формѣ выраженія народной воли и, наконецъ, окончательно остановилась на ней.

Но этого мало. Суммирование волей, всеобщая подача голосовъ можетъ примѣняться къ управленію страной, по крайней мѣрѣ, двумя различными способами: или народъ непосредственно рѣшаетъ вопросы управленія, вотируетъ законы, объявляетъ войну и заключаетъ миръ, — и въ такомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ прямымъ народнымъ правленіемъ; или же онъ избираетъ для этого представителей (и при томъ непосредственно или посредственно, по двойной или даже тройной системѣ концентрически суживающихся круговъ выборщиковъ), которымъ онъ поручаетъ рѣшеніе упомянутыхъ вопросовъ, — и предъ нами такъ называемое представительное правленіе. Мы видимъ, что, за немногими и при томъ кратковременными или же неудавшимися исключеніями, французская нація до сего времени прибѣгаетъ къ представительному правительству.

И этого мало. Представительное правленіе можетъ сосредоточивать всѣ функціи, — и власть законодательную, и власть исполнительную, и власть судебную, — въ рукахъ однихъ и тѣхъ же лицъ; или же можетъ болѣе или менѣе строго распредѣлять эти функціи между различными, въ той или иной степени независимыми одинъ отъ другого органами и лицами. Мы увидимъ, что французская нація стоитъ, по крайней мѣрѣ, въ теоріи, за болѣе или менѣе далеко проведенное начало раздѣленія властей.

И это еще не все. Каковы бы ни были формы проявленія верховной народной воли и представительнаго правительства, правящій персоналъ, начиная отъ самыхъ высокихъ должностныхъ лицъ государства и кончая самыми мелкими агентами администраціи, можетъ злоупотреблять властью и нарушать права гражданъ. Какими законными путями (не говоря, конечно, о возстаніи) возможно пресѣчь эти злоупотребленія? Извѣстно нѣсколько способовъ осуществленія ответственности чиновниковъ. Мы увидимъ, что и этотъ вопросъ французская нація рѣшила на почвѣ раздѣленія властей, создавъ особые органы для рѣшенія тѣхъ же между администраціей и гражданами.

Итакъ, всеобщая подача голосовъ. Страна то подходит къ ней, то отдалается отъ нея, пока начало всеобщаго вота не входитъ, наконецъ, окончательно въ теорію и практику политической жизни. Революція начала съ ограниченной подачи голосовъ: дѣленія гражданъ на активныхъ (вотирующихъ) и пассивныхъ (лишенныхъ правъ вота); выборовъ въ двухъ степеняхъ; ценза какъ для активныхъ гражданъ (первая степень), такъ и для избирателей (вторая степень). Таковы были условія подачи голосовъ согласно декрету учредительнаго собранія отъ 22-го декабря 1789 г. и конституціи 1791 г. Конституція 1793 г. вводитъ всеобщую подачу голосовъ. Конституція III-го года представляетъ возвратъ къ ограниченному воту. Консульство и имперія приносятъ съ собою лицемерное признаніе на словахъ всеобщей подачи. Но дѣлаютъ это лишь съ тѣмъ, чтобы путемъ выборовъ въ четвертой и третьей степени и запутанными „листами“ лицъ, послѣдовательно проживаемыхъ нѣсколько разъ (начиная отъ „коммунальнаго“ листа и кончая „національнымъ“), оставить одну карикатуру универсальнаго вота въ рукахъ распорядившагося имъ по своему произволу всемогущаго цезаря. Съ Бурбонами комедія всеобщей подачи прекращается; но избиратели, дѣйствительно, могутъ теперь посылать своихъ представителей въ палату депутатовъ: законы 5-го февраля 1817 г. и 29-го іюня 1820 г. вводятъ такіа высокія и при томъ спеціальныя условія ценза, что власть переходитъ почти исключительно въ руки крупныхъ поземельныхъ собственниковъ. И Берріа-Сентъ-При имѣлъ полное право сказать для того времени, что 25,000 богатѣйшихъ помѣщиковъ Франціи избираютъ по меньшей мѣрѣ двѣ пятыхъ всей палаты. Съ воцареніемъ Людовика-Филиппа, цензъ нѣсколько понижается; и законъ 19 апрѣля 1831 г. ставитъ такіа условія выборовъ, которыя явно клонятся къ тому, чтобы заставить ось политическаго могущества пройти не чрезъ богатыхъ земельныхъ собственниковъ, но чрезъ наиболѣе зажиточные слои буржуазіи, оставляя по прежнему миллионы народа совершенно въ сторонѣ, какъ пушечное и податное мясо. Къ этому времени относится знаменитая діатриба памфлетиста-демократа Корменена: „Развѣ избиратели народъ? Развѣ сто тысячъ гражданъ представляютъ собой тридцать три миллиона людей?... И они то сострипали (bâclé) и хартію, и королевство въ нѣсколько часовъ“. Во время царствованія Людовика-Филиппа „легальная страна“, т.-е. люди, пользующіеся правомъ голоса, не превышали 250 тысячъ. И между тѣмъ, когда въ палатѣ возникли пренія по поводу очень скромной избирательной реформы (предложеніе Дювержье-де-Горанна), Гизо съ самоувѣренностью несправимаго доктринера, презирающаго народъ, произнесъ: „Никогда не наступитъ дня для всеобщей подачи голосовъ. Никогда не наступитъ дня, когда всѣ чедовѣческія существа, каковы бы они ни были, будутъ призваны

въ пользованію политическими правами“¹⁾). И, однако, этотъ день наступилъ и наступилъ гораздо скорѣе, чѣмъ думалъ высоко-мѣрный министр: его презрительное пророчество было брошено съ высоты трибуны 26-го марта 1847 г., а менѣе чѣмъ черезъ годъ вспыхнула февральская революція, и 5-го марта 1848 г. декретъ временнаго правительства объявлялъ „избирателями всѣхъ французевъ, достигшихъ 21 года и пользующихся гражданскими и политическими правами“²⁾).

Отнынѣ всеобщая подача голосовъ окончательно вошла въ конституціонное право. Если реакція пыталась лицемѣрно и исподтишка ограничить ее или же исказить карикатурными при-мѣненіями, то прямо рукъ на нее уже болѣе не налагала. Такъ, національное собраніе, фарисейски увѣряя публику, что оно „уважаетъ конституцію 1848 г. и въ ея духѣ, и въ ея буквѣ“ и считаетъ „недозволительнымъ не только нарушать ее, но даже и косвенно обходить“, старалось, однако, именно такимъ косвен-нымъ обходомъ сузить всеобщую подачу голосовъ въ интере-сахъ, видите ли, „защиты угрожаемаго общества“: законъ 31-го мая 1850 г. потребовалъ отъ избирателей, какъ необходимаго условія, трехлѣтняго пребыванія въ той же коммуна или томъ же кантонѣ. Но тотъ самый Людовикъ-Наполеонъ-Бонапартъ, кото-рый, согласно желанію палаты, представилъ при помощи своего министерства этотъ законъ на вотъ, сейчасъ же отменилъ его, какъ только произвелъ декабрьскій переворотъ 1851 г. При вто-рой имперіи всеобщая подача голосовъ принимала форму пря-мого народного законодательства въ видѣ пресловутыхъ плебис-цитовъ (см. ниже). Эта форма мнимаго народного опроса рух-нула вмѣстѣ съ имперіей; но всеобщая подача голосовъ перешла въ законодательство третьей республики, которая сначала воз-никла фактически, а затѣмъ получила и конституціонное суще-ствование, не тронувъ, однако, начала всеобщаго вотума.

Что касается до представительнаго правленія, то оно съ самой революціи характеризуетъ государственное право Франціи. Были попытки прямого народного законодательства, но онѣ отли-чаются крайней кратковременностью или же представляютъ лишь народію принципа. Эти попытки состояли по большей части въ

¹⁾ Такую редакцію своей фразы даетъ самъ Гизо въ „Исторіи моего времени“ (*Histoire de mon temps*). Но графиня д'Агу, написавшая известную исторію февральской революціи и отличающаяся большою точностью въ документаціи, приводитъ пресловутую фразу, согласно показаніямъ современ-никовъ, еще въ болѣе рѣзкой формѣ: „Никогда не наступитъ дня для все-общей подачи голосовъ, для этой *нелѣпой системы, которая хотѣла бы при-звать всѣхъ живыхъ существъ* къ пользованію политическими правами“. (Daniel Stern (M-me d'Agout). *Histoire de la révolution de 1848*; Парижъ, 1862, 2-е изд., т. I прим. къ стр. 30).

²⁾ Повторено буквально въ конституціи 4-го ноября 1848 г. См. Duguit et Monnier, стр. 236 (Constit. du 4 nov. 1848, Chap. IV, art. 25).

формальной ратификации народных конституций, изготовлявшихся под напором бурных событий законодателями, — что имело, напр., место по отношению къ конституціямъ 1793 г., III-го года, VIII-го года и было приложеніемъ принципа, востро- ваннаго однажды конвентомъ (на первомъ же засѣданіи его 21-го сентября 1792 г.): „Национальный конвентъ объявляетъ, что конституція вообще не существуетъ, пока она не принята наро- домъ“. Консульство и первая имперія извратили и эти рѣдкія попытки непосредственной народной воли, поставивъ, вмѣсто вопроса о годности или негодности вновь выработанной консти- туціи, вопросъ о личности и прерогативахъ цезаря. Такъ, рѣше- ніе консуловъ отъ 20-го февраля X-го года обращалось къ на- роду съ голымъ запросомъ: „будетъ ли Наполеонъ пожизненнымъ консуломъ“. Такъ сенатусъ-консулъ 28-го флореала XII-го года, устанавливавшій имперію, требовалъ отъ народа опять-таки от- вѣта на одинъ единственный пунктъ: „желаетъ-ли народъ наслѣ- дованія императорской власти въ прямомъ, естественномъ, закон- номъ и основанномъ на усыновленіи потомствѣ Наполеона-Бона- парта и т. д.“ Такая пародія прямого законодательства возобно- вилась при второй имперіи, которая еще болѣе развила эту каррикатурную форму „гласа народа — гласа Божія“ и дала ей историческое названіе „плебисцита“, идущее отъ римлянъ (*Gaius, I, 3... plebiscitus est, quod plebs jubet atque constituit*), но открывавшее въ данномъ случаѣ исключительно практику обращенія цезаря къ вотировавшему стаду за санкціей произвольныхъ ак- товъ правительства, и при томъ послѣ ихъ совершенія. Такъ, послѣ переворота 2-го декабря 1851 г., Людовикъ-Наполеонъ обращается къ народу съ предложеніемъ, — лучше сказать, грознымъ требова- ніемъ, поддержаннымъ осаднымъ положеніемъ, — дать ему пол- номочія для выработки новой конституціи. Но самая конституція отнюдь не была подвергнута ратификации всеобщей подачей го- лосовъ, а просто обнародована узурпаторомъ законной власти. И надо сказать, этотъ приемъ постоянно практиковался во время имперіи, такъ что всѣ, порою очень серьезныя, измѣненія въ первоначальной конституціи были почти до самаго конца цар- ствованія Наполеона III производимы путемъ сенатусъ-кон- сультовъ, даже декретовъ, и лишь окончательная „либераль- ная“ конституція 21-го мая 1870 г. была санкціонирована пле- бисцитомъ.

Болѣе искренняя и въ сущности единственно серьезная по- пытка ввести прямое народное законодательство, именно въ при- мененіи ко всѣмъ, даже обыкновеннымъ, а не только основнымъ, законамъ, была сдѣлана въ конституціи 1793 г. И въ виду ея исключительности для Франціи о ней придется сказать два слова, хотя конституція 1793 г. не была вовсе осуществлена на практикѣ среди бурь террора. Эта попытка сдѣлать изъ набра-

телей прямых законодателей признает въ принципѣ, что всѣ законы, вотируемые законодательнымъ корпусомъ, должны подлежать санкціи народа. „Державный народъ“, дѣйствительно, не только „избираетъ непосредственно своихъ депутатовъ“, но и „обсуждаетъ законы“ въ такъ называемыхъ „первичныхъ собраніяхъ“ (*assemblées primaires*). Соответственно съ этими законами, прошедшіе лишь черезъ упомянутый корпусъ, носятъ временный характеръ и даже называются только „предложенными законами“. Они рассылаются въ такомъ видѣ во всѣ коммуны Франціи, и дальнѣйшая ихъ судьба опредѣляется слѣдующими двумя параграфами конституціи: „Если въ теченіе сорока дней послѣ разсылки предложеннаго закона, въ половинѣ департаментовъ + (плюсъ) одинъ, десятая часть первичныхъ собраній каждаго изъ нихъ .. не выразила протеста (*n'a pas réclaté*), то проектъ считается принятымъ и становится *закономъ*. Если же былъ протестъ, то законодательный корпусъ созываетъ (всѣ) первичныя собранія“¹⁾, въ которыхъ законъ долженъ быть теперь уже просто принятъ или отвергнутъ, или, какъ выражается другой параграфъ конституціи, „вотировка закона совершается путемъ *да или нѣтъ*“²⁾ съ обозначеніемъ большинства въ каждомъ собраніи. Такимъ образомъ, мы видимъ, что общій принципъ прямого народнаго законодательства терпитъ первое крупное ограниченіе: народъ имѣетъ право высказываться, — и при томъ лишь односложнымъ „да“ или „нѣтъ“, — только въ тѣхъ случаяхъ, когда протестъ раздался въ большинствѣ департаментовъ и притомъ съ достаточной силой. Но конституція вводитъ еще другое ограниченіе: „Законодательный корпусъ *предлагаетъ* законы и *издаетъ* декреты“³⁾, а это значитъ, что лишь первыя мѣры — законы — подлежатъ вообще ратификаціи народа, вторыя же — декреты — сразу вступаютъ въ законную силу⁴⁾. И когда изучаешь сравнительныя сферы законовъ и декретовъ и видишь, что въ категорію послѣднихъ включены такія важныя вещи, какъ „установленіе ежегоднаго контингента сухопутныхъ и морскихъ силъ“, „мѣры по охраненію общей безопасности и спокойствія“, „защита территоріи“, „непредвидѣнные и чрезвычайные расходы“, „ратификація договоровъ“⁵⁾ и т. д., то приходишь къ заключенію, что область прямого народнаго законодательства была сильно сужена

¹⁾ Duguit et Monnier, стр. 73 (Constit. du 24 juin 1793, art. 59—60.

²⁾ Ibid., стр. 71 (art. 19).

³⁾ Ibid., стр. 73 (art. 53).

⁴⁾ Меня немало удивляетъ крупная оплошность, допущенная въ этомъ пунктѣ извѣстнымъ „трактатомъ политическаго права“ Эжена Пьера, который какъ разъ стираетъ эту существенную разницу между закономъ и декретомъ по конституціи 1793 г., говоря: „декреты законодательнаго корпуса должны были разсылаться всѣмъ коммунамъ республики подъ названіемъ „предложеннаго закона“ и т. д. (см. Eugène Pierre, *Traité*, стр. 50).

⁵⁾ Duguit et Monnier, стр. 73 (art. 54—55).

даже и по конституціи 1793 г. А, главное, эта попытка не была принята на практикѣ; и Франціи совсѣмъ не удалось видѣть правильное функционированіе этой формы законодательства, какъ мы то наблюдаемъ хотя бы въ Швейцаріи, — въ общемъ ли собраніи (*Landsgemeinde*) всѣхъ взрослыхъ гражданъ, практиковавшемся съ незапамятныхъ временъ въ нѣкоторыхъ старыхъ кантонахъ (Ури, Швицъ, Аппенцель и т. д.) или въ широкомъ примѣненіи такъ называемаго референдума и законодательной инициативы народа уже къ общегосударственному строю по федеральной конституціи 29-го мая 1874 г., пересмотрѣнной (и ратифицированной народомъ) 5-го іюля 1891 г.

Словомъ, Франція осталась страной представительнаго правленія; и можно сказать, что не только большинство ея конституцій, но и громадная доля ея политическихъ дѣятелей и даже теоретическихъ писателей по общественнымъ вопросамъ ревниво защищаютъ эту форму правительства противъ предложеній реформъ. Говоря такъ, я имѣю въ виду не одни проекты мнимаго суверенитета народа, которые исходятъ отъ бонапартистовъ и ставятъ своею цѣлью лишь замаскировать плебисцитами и т. п. политическими уловками водвореніе безотвѣтственной деспотической власти. Но подобному же отрицанію подвергаются и планы искреннихъ демократовъ, полагающихъ, что представительное правленіе отнюдь не есть идеальная форма правительства, и что теперь уже должно приучать народъ къ непосредственному участію въ распоряженіи своими судьбами, ибо правленіе всѣхъ при помощи всѣхъ есть именно ближайшій идеалъ государственной власти вообще ¹⁾). Референдумъ, право законодательнаго почина народа, — наравнѣ съ распространеніемъ всеобщей подачи голосовъ на женщинъ, — защищаются пока во Франціи лишь самыми крайними радикалами среди буржуазныхъ партій и социалистами (я оставляю въ сторонѣ для простоты кой какія оговорки). Въ громадномъ же большинствѣ случаевъ взглядъ Монтескье на сравнительныя выгоды именно представительнаго правленія считается до сихъ поръ почти аксіомой:

Такъ какъ въ свободномъ государствѣ всякій человѣкъ, у котораго предполагается свободная душа, долженъ управляться самимъ же собою, то слѣдовало-бы, чтобы весь народъ въ цѣломъ (*le peuple en corps*) обладалъ законодательной властью. Но въ силу того, что это невозможно въ большихъ государствахъ и сопряжено со многими неудобствами въ малыхъ, должно,

¹⁾ Ср. Милля въ эту же о „представительномъ правленіи“: „Нѣтъ никакой трудности показать, что ideally лучшая форма правительства есть та, при которой суверенитетъ (*sovereignty*), или высшая контролирующая власть, въ послѣднемъ счетѣ находится въ цѣлой совокупности членовъ обществѣ; при чемъ каждый гражданинъ не только имѣетъ голосъ при упражненіи этого суверенитета, но призывается, по крайней мѣрѣ при случаѣ, принимать дѣйствительное участіе въ правительствѣ“ и т. д. (*John Stuart Mill, Considerations on representative government*; Лондонъ, 1873, народное изд., стр. 21).

чтобы народъ дѣлалъ при помощи своихъ представителей все то, что онъ не можетъ дѣлать лично самъ... Великое преимущество представителей заключается въ томъ, что они способны обсуждать дѣла. Народъ же совершенно къ тому неспособенъ,—что составляетъ одно изъ крупнѣйшихъ неудобствъ демократіи... Большинству древнихъ республикъ былъ присущъ великій недостатокъ: это то, что народъ имѣлъ право принимать дѣйствительныя рѣшенія (*résolutions actives*), нуждавшіяся въ надлежащемъ выполненіи,—вещь, къ которой онъ совершенно неспособенъ. Онъ долженъ участвовать въ правительствѣ лишь для выбора своихъ представителей: это въ его силахъ. Ибо, если мало людей знаетъ точную степень способностей человѣка, то каждый, однако, въ состояніи знать вообще, отличается ли тотъ, кого онъ избираетъ, большею просвѣщенностью сравнительно съ другими ¹⁾.

Знаменательно, что эта точка зрѣнія, идущая, собственно говоря, даже и не отъ Монтескье, а уже изъ античнаго міра ²⁾, раздѣляется многими очень демократическими писателями Франціи, которые въ другихъ отношеніяхъ вполне оптимистически смотрятъ на умственные и нравственные качества народа. Напомню читателю хотя бы Луи-Блана, который въ своихъ „Вопросахъ сегодняшняго и завтрашняго дня“ ³⁾, наговоривши народу кучу комплиментовъ относительно непогрѣшимаго инстинкта, под-сказывающаго ему при нормальныхъ условіяхъ жизни выборъ наилучшихъ представителей, рѣшительно отказываетъ ему въ способности самому правильно обсуждать и рѣшать живо интересующіе его вопросы. Вся политическая исторія пореволюціонной Франціи проникнута ростомъ и развитіемъ начала представительства. И достойно замѣчанія, что люди, даже рѣзко критикующіе недостатки современнаго парламентаризма во Франціи (конечно, я не говорю о критикахъ рѣзко реакціоннаго лагеря, которымъ претитъ самый принципъ свободнаго обсужденія), ищутъ средствъ противъ недуга опять таки на почвѣ представительнаго правленія, расширяя его, вводя новыя категории представительства, но не имѣя мужества коснуться самой основы. Не дѣлались ли въ послѣднее время многочисленныя предложенія, исходящія изъ лагеря консервативныхъ и умѣренныхъ республиканцевъ, ввести въ современную политическую систему, наряду съ дѣйствующе-

¹⁾ Motesquieu, De l'esprit des lois, XI, 6 (стр. 256—257, passim, перваго тома гашеттовскаго изд. „Oeuvres complètes“; Парижъ, 1892).

²⁾ См., между прочимъ, во многихъ мѣстахъ „Политики“ Аристотеля, а особенно въ слѣдующемъ замѣчательномъ мѣстѣ: „не дать массѣ (τὸ πλῆθος) никакого участія во власти—страшно. Ибо тамъ, гдѣ существуетъ много безправныхъ и бѣдныхъ, государство неизбѣжно наполнено врагами. Остается такимъ образомъ дать имъ участіе въ рѣшающей дѣлѣ и въ судебной власти. Поэтому-то Солонъ и другіе законодатели предоставляютъ народу выборъ правящихъ лицъ и требованіе отчета у нихъ, но устраняютъ отъ правленія каждаго въ отдѣльности (хата μόνας) изъ народа“ (Politic., III, 11, изд. Bekkeri, стр. 1281 в.).

³⁾ Louis-Blanc, *Questions d'aujourd'hui et de demain*; Парижъ, 1873—1874, 3 тома (сборникъ газетныхъ статей изъ „Le Rappel“).

нимъ принципомъ представительства населенія, еще принципъ-особаго „представительства великихъ общественныхъ интересовъ“, напр., землевладѣнія, торговли, магистратуры, военнаго и духовнаго сословій,—словомъ, нѣчто въ родѣ оставшихся отчасти отъ феодальныхъ временъ „курій“ въ Австріи?

Съ другой стороны, не существуетъ ли во Франціи чрезвычайно богатая литература, посвященная ожесточенному опроверженію мнѣнія тѣхъ, которые хотѣли бы ввести въ представительство нѣкоторый коррективъ въ видѣ „точной инструкціи“, или *mandat impératif*, какъ называется эта система на политическомъ жаргонѣ страны? Вещь, казалось бы, простая: разъ вы дѣйствительно представляете, выражаете интересы и мнѣнія вашихъ избирателей, то почему бы вамъ, ихъ представителю, не заключить съ ними заранѣе извѣстнаго договора, согласно которому вы до тѣхъ поръ будете ихъ выборнымъ въ парламентъ, пока ваши мнѣнія въ общихъ и главныхъ вопросахъ совпадаютъ съ мнѣніями пославшихъ васъ? Но разъ, подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ причинъ, ваши взгляды существенно измѣнились, почему бы вашимъ избирателямъ не имѣть права, не дожидаясь слѣдующихъ выборовъ, взять назадъ данныя вамъ полномочія, а вамъ не подчиниться безпрекословно этому условію? Такъ въ сущности и поступаетъ, и долженъ поступать на практикѣ, человекъ, даже и не заключившій подобнаго договора, но дѣйствительно принимающій къ сердцу интересы своихъ избирателей и идейное общеніе съ ними. И что же? Тѣ самые люди, которые упрекаютъ въ ренегатствѣ представителей, вотирующихъ въ разрывъ съ своей избирательной программой, скандализуются, однако, всякій разъ, какъ заходитъ рѣчь о реформѣ представительства въ смыслѣ обязательной и точной инструкціи отъ избирателей ихъ избраннику. На реформаторовъ этого рода сыплются громы: и представитель-то не есть вотирующая машина; и не его вина, если по зрѣломъ размышленіи и при обсужденіи мнѣній въ парламентѣ, его взгляды не воспроизводятъ болѣе взглядовъ его избирателей; и тиранія послѣднихъ возмутительна, тѣмъ болѣе, что толпа не способна къ тонкостямъ оцѣнки и различія, и т. д. Въ сущности, за всѣми этими возраженіями, которыя, кстати сказать, неоднократно и успѣшно опровергались, скрывается роковой предразсудокъ, дѣлающій при представительномъ режимѣ изъ избраннаго какое-то высшее существо, парящее надъ избирателями. Точная инструкція это какъ бы „оскорбленіе величества“ представителя. Какими въ самомъ дѣлѣ насмѣшками и прямыми оскорбленіями заинтересованныхъ лицъ встрѣчались и встрѣчаются въ буржуазной прессѣ пока сравнительно, къ сожалѣнію, рѣдкіе случаи примѣненія договорнаго начала между избирателями и представителемъ! И если практика заранѣе подписанныхъ избранными обязательствъ подать въ отставку по требованію изби-

рательных комитетов могла вести къ злоупотребленіямъ и интригамъ, то не забудемъ, что, напр., и предложенный бланкетскими депутатами въ 1894 г. проектъ разумно обставленной точной инструкціи жестоко провалился въ палатѣ. Надо, однако, сказать, что идея этой реформы зрѣетъ все болѣе и болѣе. Она уже сравнительно очень давно встрѣчала жаркихъ защитниковъ между радикалами и буржуазными демократами; и, можетъ быть, впервые на этой почвѣ представительная система отступить во Франціи нѣсколько назадъ передъ прямымъ народнымъ законодательствомъ.

Начало представительства идетъ во Франціи до нѣкоторой степени рука объ руку съ началомъ такъ называемаго раздѣленія властей, которое положительно или отрицательно затрогиваетъ цѣлый рядъ конституціонныхъ вопросовъ. Такъ, самыя функціи парламентарнаго правительства или, если хотите, „правительства кабинета“, будутъ не особенно понятны читателю, если прежде не устранить крупнаго недоразумѣнія, касающагося упомянутого начала. Скажемъ сейчасъ же, что хотя этотъ принципъ часто провозглашается основою правительствъ пореволюціонной Франціи, онъ терпитъ, однако, кое-какія существенныя ограниченія и во всякомъ случаѣ не является тѣмъ единоспасающимъ талисманомъ, какимъ онъ рисовался доктринерамъ умѣреннаго либерализма. Въ задачу этого экида не входитъ собственно изученіе конституцій различныхъ странъ. Но мы можемъ все же напомнить читателю, что независимость законодательной, исполнительной и судебной властей, которую съ такою энергіей провозглашала и пыталась осуществить на практикѣ великая революція, находившаяся въ этомъ отношеніи подъ сильнымъ вліяніемъ Монтескье, — что эта независимость далеко не имѣла подобнаго строгаго характера въ самой Англіи, гдѣ ее нашелъ знаменитый авторъ „Духа законовъ“ въ видѣ довольно сложнаго и смѣшаннаго факта политической жизни, чтобы придать ему несоотвѣтствующую дѣйствительности теоретическую чистоту. Монтескье могъ, конечно, разсматривать въ абстрактной раздѣльности власть законодательную, власть исполнительную и власть судебную; или, какъ выражается онъ все въ той же знаменитой, уже цитированной нами главѣ 6-ой книги XI (посвященной „конституціи Англіи“), „власть законодательную; власть исполнительную въ отношеніи вещей, зависящихъ отъ международнаго права; и власть исполнительную въ отношеніи вещей, зависящихъ отъ гражданскаго права“¹⁾. Онъ могъ, конечно, разсматривая Англію, какъ идеальный типъ государства *par excellence*, приурочивать законодательную власть къ „корпорации знатныхъ и къ корпорации, избранной для того, чтобы представлять народъ“²⁾, а исполнительную власть сосре-

¹⁾ Montesquieu, *Ibid.*, стр. 254.

²⁾ *Ibid.*, стр. 257.

доточивать исключительно „въ рукахъ монарха, ибо эта часть правленія, почти всегда нуждающаяся въ моментальномъ дѣйствіи, лучше выполняется однимъ, чѣмъ нѣсколькими“ ¹⁾ и т. д. Но эта чрезчуръ отвлеченная конструкція мѣшала ему видѣть, что и въ идеальной странѣ, изображаемой имъ, такого рѣзкаго раздѣленія на практикѣ не существовало; что его носитель исполнительной власти,—монархъ,—участвовалъ вмѣстѣ съ парламентомъ и въ законодательной; что отъ монарха же истекала и судебная власть; и, наоборотъ, что парламентъ, будучи носителемъ законодательной власти, въ то же время (особенно начиная съ революціи 1688 г.) все дѣятельнѣе и дѣятельнѣе вмѣшивался,—къ счастью политической свободы,—въ сферу исполнительной власти, при помощи кабинета, выбираемаго королемъ изъ среды парламентскаго большинства ²⁾).

Люди великой революціи, вдохновляемые, кромѣ Монтескье—и въ извѣстномъ смыслѣ Руссо,—только что введенной федеральной конституціей Сѣверо-Американскихъ Штатовъ ³⁾, составленной подъ сильнымъ вліяніемъ идей какъ разъ Монтескье, пожелали, конечно, осуществить въ возможно большей полнотѣ и чистотѣ принципъ троякаго раздѣленія власти. Но если только что упомянутый авторъ „Американской республики“ показалъ, какъ подъ давленіемъ обстоятельствъ измѣнялся на практикѣ (by usage) „повидимому, неподвижный и нестигаемый инструментъ“ конституціи Штатовъ, и какъ необходимость заставляла тамъ обходить не разъ путемъ жизненныхъ приспособленій принципъ раздѣленія властей, трудно осуществимый въ дѣйствительности во всей своей чистотѣ ⁴⁾, то политическая исторія пореволюціонной Франціи свидѣтельствуетъ еще ярче и рѣзче, съ какой быстротой и какими важными ограниченіями подверглось начало трояственнаго обособленія на вулканической почвѣ Галліи.

Конечно, въ первой конституціи (1791 г.) министры, какъ агенты исполнительной власти, были до такой степени оторваны

¹⁾ Ibid., стр. 258.

²⁾ Ср. Максимъ Ковалевскій, *Происхожденіе современной демократіи*; Москва, 1895, т. I, стр. 562: „... не въ обособленія и независимости исполнительной власти отъ законодательной, а въ подчиненіи ея народному представительству лежитъ дѣйствительный источникъ англійской политической свободы“ и т. д.

³⁾ По поводу хронологіи этого законодательнаго акта Брайсъ пишетъ: „Трудно сказать, должны-ли мы называть эту конституцію конституціей 1787 г., когда она была составлена, или конституціей 1788 г., когда она была принята надлежащимъ числомъ Штатовъ, или, наконецъ, конституціей 1789 г., когда она вошла въ дѣйствіе“ (James Brice), *The American Commonwealth*; Лондонъ, 1889, 2-е изд., II, см. прим. 3 къ стр. 24).

⁴⁾ Пусть читатель обратитъ вниманіе хотя бы на дѣятельность комитетовъ конгресса, которые являются негласными посредниками между конгрессомъ, лишеннымъ по закону права мѣшаться въ администрацію, и между министрами, не имѣющими доступа въ конгрессъ.

отъ власти законодательной, что король, которому принадлежало право назначать и отставлять министровъ, ни въ какомъ случаѣ не могъ выбрать ихъ среди членовъ парламента. Или, какъ говорилъ текстъ: „члены настоящаго національнаго собранія и слѣдующихъ законодательныхъ собраній (*législatures*), члены кассационнаго суда и тѣ, кто будутъ отправлять должности въ великомъ жюри, не могутъ быть назначаемы на постъ министра, ни получать какія бы то ни было мѣста, аренды, пенсіи, оклады или миссіи отъ исполнительной власти и ея агентовъ, во все время отправления ими своихъ функцій, равно какъ въ теченіе двухъ лѣтъ, слѣдующихъ за ихъ прекращеніемъ“¹⁾.

Но тогда же пришлось ввести нѣкоторые смягченія въ эту систему раздѣленія властей. Такъ, въ противоположность гораздо болѣе послѣдовательной и неумолимой въ этомъ отношеніи американской конституціи, министры, хотя и будучи агентами исполнительной власти, получили право доступа и слова въ законодательномъ собраніи²⁾. Съ другой стороны, они же были поставлены подъ нѣкоторый, — правда, платоническій, — контроль законодательной власти, ибо законъ 27-го апрѣля 1791 г. объ организаціи министерства, — и при томъ законъ, не вошедшій собственно въ число конституціонныхъ законовъ, — говоритъ: „Законодательный корпусъ можетъ представлять королю, какія только сочтетъ нужнымъ, заявленія относительно поведенія его министровъ и даже объявить ему, что они потеряли довѣріе націи“. Правда, это выраженіе порицанія, — „вошь недовѣрія“, какъ сказали бы въ наше время, — имѣло, повторяемъ, лишь моральное значеніе и не влекло за собою никакой санкціи, ибо „согласно декрету, король могъ сохранить своихъ министровъ вопреки заявленію законодательнаго корпуса“³⁾.

Смягченія принципа раздѣленія были внесены и въ самую систему изготовленія законовъ. Согласно этому принципу, такая функція должна цѣликомъ принадлежать законодательной власти; и такъ и значилось въ конституціи. Но тутъ же была, если позволено такъ выразиться, устроена и нѣкоторая лазейка для выхода изъ затрудненія, которое могло возникнуть вслѣдствіе чересчуръ строгаго проведенія начала обособленности властей. Конституція 1791 г., дѣйствительно, говорила, что она „вручаетъ исключительно законодательному корпусу слѣдующія права и функціи: 1-е, предлагать и декретировать законы“ и т. д.; но непосредственно за этимъ добавляла: „король можетъ только пригласить законодательный корпусъ принять во вниманіе извѣст-

¹⁾ Duguit et Monnier, стр. 17 (Constit. du 3 sept., titre III, chap. II, sect. IV, art. 2).

²⁾ Ibid., стр. 23 (Constit. du 3 sept. titre III, sect. IV, art. 10).

³⁾ Esmein, *Éléments*, стр. 320 (слова современника, Тюрэ).

ный вопрос" ¹⁾. И какъ ни смотрѣть на частицу „только“ затушевывающую отступленіе отъ правила, ясно во всякомъ случаѣ, что, не обладая собственно инициативой въ дѣлѣ законодательства, представитель исполнительной власти получалъ, однако, возможность косвенно вліять на эту чужую функцію, предлагая законодателямъ заняться тѣмъ или инымъ вопросомъ.

Замѣтимъ, наконецъ, что конституція 1791 г., не смотря на свое стремленіе осуществить возможно полнѣе начало раздѣленія, вводила уже прямое, — хотя и въ отрицательной формѣ, — вѣѣшательство исполнительной власти въ законодательную, а именно королевское *вето* (которое, кстати сказать, существовало уже и въ англійской конституціи), или такъ называемый „пріостанавливающий отказъ“ (*refus suspensif*) короля санкціонировать „декретъ законодательнаго корпуса“. И этотъ отказъ въ санкціи могъ пріостановить вступленіе декрета въ законную силу въ теченіе двухъ слѣдующихъ одна за другою „легислатуръ“ (срока существованія собранія) ²⁾.

Эти трудности и тренія, обнаруживавшіяся при осуществленіи на практикѣ начала раздѣленія властей, были въ значительной степени устранены на почвѣ Франціи самой эволюціей конституціонной жизни. А именно, сохраняя упомянутое начало раздѣленія, какъ желательный принципъ, страна пошла въ направленіи къ оближенію, къ взаимному проникновенію властей. И при этомъ, не смотря на нѣкоторыя рѣзкія отклоненія отъ этого общаго хода, смыслъ движенія заключался въ томъ, что на мѣсто сложной системы трехъ равныхъ противовѣсовъ вырабатывался болѣе упрощенный механизмъ преобладанія одного изъ нихъ. Такимъ уоплившимся элементомъ явилась законодательная власть. И это обнаружилось не только прямо, расширеніемъ ея компетенціи, но и косвенно, возростаніемъ вліянія исполнительной власти на законодательство. Это можетъ показаться парадоксомъ. Но если мы напомнимъ читателю, что имѣемъ здѣсь въ виду выработку парламентарнаго правительства, или правительства кабинета, то наше утвержденіе сейчасъ же теряетъ свой на первый взглядъ странный характеръ. Да, теперь инициатива закона принадлежитъ и министерству, наравнѣ съ членами парламента. Но именно потому, что высшій представитель исполнительной власти (скажемъ, президентъ республики) поставленъ въ практическую необходимость избирать своихъ министровъ среди парламента и между вожаками большинства, — иначе кабинетъ не продержится и минуты, — именно поэтому въ этомъ кажущемся усиленіи вліянія министровъ на законодательство заключается на самомъ-то дѣлѣ торжество законодательной

¹⁾ Duguit et Monnier, 18 (Constit. du 3 sept., titre III, sect. prem., art. 1-er)

²⁾ Ibid., стр. 21 (titre III, chap. III, se . III, art. 1—2).

власти надъ исполнительной. Ибо послѣдняя всего чаще лишь проводитъ со скамьи отвѣтственныхъ министровъ то, къ чему тяготеетъ большинство членовъ парламента. Политическая отвѣтственность кабинета министровъ передъ законодательною властью, появившаяся, вопреки принципу раздѣленія, въ 1814 г. и все усиливавшаяся съ тѣхъ поръ (если мы оставимъ въ сторонѣ сравнительно кратковременные періоды крайней реакціи), и составляетъ характерный приемъ правленія на почвѣ Франціи и придаетъ ей яркій отпечатокъ парламентарной страны. Къ Франціи поэтому какъ разъ примѣнимы слова умнаго изслѣдователя „Американской республики“, который, сравнивая сѣверо-американскую конституцію съ типичными европейскими конституціями, замѣчательно рельефно изображаетъ переплетеніе независимыхъ якобы (по теоріи Монтеסקье) властей въ практикѣ политической жизни. Вотъ что дѣйствительно говоритъ Брайсъ объ „англійской системѣ“, которая послужила образцомъ для различныхъ европейскихъ конституцій, болѣе или менѣе вдохновившихся ею:

... Англійская система ставитъ во главѣ государства лицо, во имя котораго совершаются всѣ акты исполнительной власти и которое (за исключеніемъ Франціи) неотвѣтственно и несмѣняемо. Эти акты его дѣлаются по совѣту и за отвѣтственностью министровъ, номинально выбираемыхъ имъ, а въ дѣйствительности представителями народа,—и обыкновенно, но непремѣнно между членами законодательнаго собранія. Представители являются такимъ образомъ, чрезъ выбираемыхъ ими агентовъ, настоящимъ правительствомъ страны. Когда представительное собраніе перестаетъ довѣрять своимъ агентамъ, послѣдніе подають въ отставку (resign), и назначаются новые. Такимъ образомъ, исполнительная, какъ и законодательная власть на самомъ дѣлѣ принадлежитъ большинству палаты представителей, хотя при назначеніи агентовъ,—приемъ, къ которому его побуждаетъ самая многочисленность его,—это большинство и вынуждено оставлять въ рукахъ этихъ агентовъ извѣстную долю власти, которой достаточно для того, чтобы придавать имъ видъ чего-то отличнаго отъ него, а порою толкать ихъ на дѣйствія, какія не одобряются ихъ господами. И какъ законодательная власть является, такимъ образомъ, въ извѣстномъ смыслѣ исполнительной, такъ и правительство, обладающее исполнительной властью, а именно совѣтъ министровъ или кабинетъ, является постольку законодательнымъ, поскольку инициатива принимаемыхъ мѣръ зависитъ въ значительной части отъ него и поскольку проведеніе упомянутыхъ мѣръ чрезъ палату требуетъ съ его стороны защиты и обратнаго давленія на большинство представителей. Члены правительства являются не только агентами исполнительной власти, но и вожаками законодательной. По истинѣ можно сказать, что законодательная и исполнительная функціи столь же тѣсно переплетаются при этой системѣ, какъ въ абсолютныхъ монархіяхъ, напр., въ Римской имперіи или въ современной Россіи; и тотъ фактъ, что податное обложеніе, хотя и опредѣляемое законодательнымъ путемъ, есть въ тоже время необходимое орудіе администраціи, показываетъ, насколько нераздѣльны эти обѣ, повидимому различныя, власти. При этой системѣ суверенитетъ законодательной власти можетъ быть болѣе или менѣе полонъ. Онъ всего полнѣе проявляется во Франціи, всего менѣе въ Германіи и Пруссіи, гдѣ власть императора и короля еще велика и не обнаруживаетъ упадка. Но во всѣхъ этихъ странахъ власть законодательная и власть исполнительная

не только тѣсно соприкасаются между собой, но и улаживаютъ свои несогласія, не обращаясь къ судебной власти и т. д. ¹⁾).

Трудно яснѣе выразить, въ какой степени видоизмѣняется на практикѣ принципъ раздѣленія властей, принципъ, который остается въ конституціонныхъ странахъ скорѣе предостереженіемъ противъ произвольной перетасовки функцій государственныхъ органовъ, чѣмъ требованіемъ абсолютной, если можно такъ выразиться, непроницаемости одной стороны дѣятельности „народа-суверена“ для другой. Вотъ почему во Франціи уже давно не только самыя крайнія партіи, но и радикальная буржуазія скептически относится къ безусловному значенію формулы обособленія властей. Правда, преобладающимъ направленіемъ въ конституціонной исторіи Франціи было все же стремленіе сохранить въ общихъ чертахъ упомянутое начало. Правда, политическіе дѣятели и публицисты умѣреннаго лагеря продолжаютъ являться его горячими панегиристами. Но на практикѣ все больше и больше замѣчается усиленіе одной функціи,—а именно законодательной,—насчетъ другихъ: исполнительной, а отчасти и судебной. А въ теоретической полемикѣ партій искренніе демократы даже приветствуютъ эту эволюцію, видя въ ней начало грядущаго порядка вещей: распространеніе законодательнаго элемента на сферы исполнительную и судебную, но съ строгой отвѣтственностью носителей власти передъ всею націею вообще и каждымъ гражданиномъ въ частности. Выборность, судимость и смѣняемость всѣхъ лицъ правящаго персонала и всѣхъ агентовъ власти во всѣхъ сферахъ ея дѣятельности являются обыкновеннымъ требованіемъ въ программахъ крайнихъ республиканцевъ.

Мы приходимъ здѣсь къ четвертому слѣдствію, вытекающему изъ принциповъ „провозглашенія“: отвѣтственности представителей власти передъ народомъ. Относительно лицъ, облеченныхъ законодательною властью, эта отвѣтственность (кромя прямыхъ преступленій, подлежащихъ наказанію согласно съ общимъ правомъ страны) носитъ чисто политическій характеръ, и политическая вина влечетъ за собой и политическое наказаніе; „государственный-народъ“ воленъ отнять на выборахъ и при помощи выборовъ законодательную функцію у недобросовѣстнаго или неспособнаго представителя и передать свои полномочія тому, кто лучше отвѣчаетъ требованіямъ избирателей. Мы видѣли, впрочемъ, что этотъ приемъ выражаетъ максимумъ современнаго контроля избирающихъ надъ избранными, и что, напр., система „точной инструкціи“ до сихъ поръ не введена въ конституціонное право, и даже сравнительно рѣдко примѣняется въ отдѣльных случаяхъ по предварительному соглашенію между избираемыми и депутатами.

¹⁾ Вгусе, I. с., I, стр. 271—272.

Но рѣчь можетъ идти и о другой отвѣтственности, а именно объ отвѣтственности органовъ и агентовъ (чиновниковъ и т. п.) исполнительной власти за злоупотребленія, допущенныя ими при отправленіи обязанностей и влекущія за собою матеріальный и моральный вредъ для пострадавшихъ гражданъ. „Державный народъ“ не можетъ допустить, чтобы, отъ его имени и прикрываясь общими интересами, его агенты могли наносить ущербъ самонадѣлѣнной частицѣ его державнаго организма, позволять себѣ превышенія власти или произволь. Мы видѣли, съ какой энергіей „Провозглашеніе“ (особенно второе, служащее введеніемъ къ конституціи 1793 г.) формулировало даже право на возстаніе, если хоть одинъ членъ общенароднаго подвѣренъ угнетенію. Но это, такъ сказать, революціонная мораль на время общенародной войны. Какой-же исходъ указываетъ французское право, вытекающее изъ движенія 1789 г., для мирнаго времени, для прозаическаго обихода вещей, который нисколько, однако, не исключаетъ возможности насилія и произвола со стороны администраціи по отношенію къ простымъ гражданамъ? Интересно, что въ этомъ пунктѣ Франція гораздо болѣе строго держится принципа раздѣленія властей, чѣмъ Англія, эта страна классическаго, по мнѣнію Монтескье, торжества упомянутой системы обособленности. Дѣйствительно, великая и драгоцѣнная особенность англійскаго права заключается въ томъ, что оно, не преклоняясь предъ фетишомъ раздѣленія, подчиняетъ администрацію суду; и никакой произволъ никакого должностнаго лица, какъ бы оно ни было высоко поставлено, не можетъ такимъ образомъ избѣгнуть разбора и осужденія въ странѣ, гдѣ всѣ „индивидуальныя права“, или „публичныя вольности“ находятъ такого самостоятельнаго и могучаго покровителя, какимъ является голосъ общественнаго мнѣнія въ видѣ суда присяжныхъ. Франція,—мы сейчасъ увидимъ, подъ давленіемъ какихъ историческихъ обстоятельствъ,—рѣшила, наоборотъ, данную задачу въ духѣ раздѣленія властей и изъяла администрацію изъ компетенціи обыкновеннаго суда.

Гражданинъ французской республики, слѣдующей въ этомъ отношеніи юридической формулѣ, которая идетъ со временъ первой революціи, не можетъ позвать чиновника къ отвѣту предъ обыкновеннымъ трибуналомъ и, того менѣе, предъ судомъ общественной совѣсти въ формѣ суда присяжныхъ. Онъ вынужденъ обращаться съ жалобами на администрацію къ администраціи же, а именно къ той вѣтви исполнительной власти, которая носитъ названіе „административной юстиціи“ и вѣдаетъ, между прочимъ, какъ разъ столкновенія съ частными лицами и общественными властями. Намъ нечего входить въ подробности этой довольно сложной организаціи; и читатель можетъ найти ясное резюме характера и функцій учрежденія (государственнаго со-

вѣта, совѣтовъ префектуры и т. п.) хотя бы у Симона¹⁾. Но несомнѣнно одно: въ случаѣ тяжбы между гражданиномъ и администраціей судьей является администрація же, т. е. какъ разъ одна изъ тяжущихся сторонъ. И этотъ фактъ можно затушевать, но отнюдь не отрицать, указаніемъ на особенности административной юстиціи, якобы сохраняющей достаточную самостоятельность и оригинальность функціи по отношенію къ общему механизму исполнительной власти.

Любопытно происхожденіе этой особенности французскаго конституціоннаго права. Перенесемся въ эпоху великой революціи. Новое міровоззрѣніе, пробивая себѣ дорогу, естественно должно было вступать въ сильныя столкновенія съ интересами и силами прошлаго. И мы знаемъ, какая свирѣпая борьба завязалась, дѣйствительно, между старымъ и новымъ режимомъ. Революціонной законодательной власти приходилось проводить свои мѣры при помощи агентовъ революціонной же администраціи, которая встрѣчала жестокое сопротивленіе среди защитниковъ рухнувшаго строя. Съ другой стороны, старинныя судебныя учрежденія въ формѣ парламентовъ, доживавшихъ свой вѣкъ наканунѣ революціи и пытавшихся упорно тормозить необходимую общественную реформу, оставили по себѣ чрезвычайно дурную славу. Реакція и судебная власть соединялись поэтому мощной ассоціаціей идей въ головѣ революціонеровъ. Люди великаго переворота и боялись, чтобы работа пересозданія общества не была сильно заторможена, если бы каждое частное лицо получило возможность преслѣдовать агентовъ новой исполнительной власти передъ обыкновенными (хотя бы и новыми) судами и такимъ образомъ оттягивать и даже уничтожать дѣйствія революціонной администраціи. Или, какъ выразился одинъ изъ членовъ учредительнаго собранія, Деменье, во время дебатовъ по этому вопросу: „Всѣ граждане пойдутъ тогда со своими жалобами въ суды, прося объ отмінь того или другого административнаго распоряженія. Тогда трибуналамъ пришлось бы заняться дѣлами, которыя вы нарочно изъ-яли, изъ ихъ компетенціи“²⁾.

Какъ бы то ни было, и по минованіи опасностей революціоннаго времени, конституціонное право Франціи сохранило этотъ принципъ независимости административной власти отъ судебной, хотя въ то же время допустило въ другомъ смыслѣ гораздо большее смѣшеніе функціи, сдѣлавъ исполнительную власть въ указанныхъ нами случаяхъ и стороною, и судьей въ своемъ же дѣлѣ. Съ другой стороны, развитіе централистическихъ тенденцій, въ особенности со времени Наполеона I (продолжавшаго въ из-

¹⁾ Simonet, *Traité élémentaire de droit public et administratif*, стр. 146 и слѣд.

²⁾ Цитировано Эсменомъ (Esmein, *Eléments*, прим. 1 къ стр. 370).

вѣстныхъ отношеніяхъ централизацію дореволюціонной абсолютной монархіи), сказалось,—на сей разъ уже противъ принципа раздѣленія,—въ усиленіи зависимости судебной власти отъ исполнительной сравнительно съ эпохою первой революціи. Дѣйствительно, по конституціи 1791 г. „правосудіе будетъ отправляться задаромъ судьями, избираемыми на время народомъ“ и несмѣняемыми въ теченіе этого времени). Но конституція VIII-го года отмінула выборное начало въ примѣненіи ко вѣмъ судьямъ, кромѣ мировой юстиціи и членовъ кассаціоннаго суда, а сенатусъ-консультъ 28-го флореала XII-го года уничтожилъ и эти исключенія. И, такимъ образомъ, съ тѣхъ поръ судебное сословіе не избирается во Франціи народомъ, а назначается главою исполнительной власти.

Правда, какъ бы съ цѣлью усилить независимость судей отъ правительства, принципъ несмѣняемости былъ удержанъ (за исключеніемъ мировыхъ судей) при вѣхъ послѣдующихъ режимахъ и вошелъ въ конституціонную традицію до такой степени, что, напр., современная конституція (1875 г.) даже не упоминаетъ его, считая подразумѣвающимся самимъ собою. Но именно противъ несмѣняемости судей и ведется уже довольно давно горячая кампанія французскими крайними республиканцами, которые требуютъ, наоборотъ, строгаго примѣненія къ судебному сословію (какъ, впрочемъ, и ко вѣмъ должностнымъ лицамъ) начала избираемости, непосредственной судимости и смѣняемости, какъ логическаго развитія народнаго самодержавія.

Таковы принципы 1789 г. и главнѣйшіе выводы изъ нихъ на почвѣ современной Франціи, у которой есть, какъ мы видимъ, свои историческія „основы“, проходящія красною нитью чрезъ всю пореволюціонную исторію страны.

Н. Е. Нудринъ.

¹⁾ Duguît et Monnier, стр. 27 (Constit. du 3 sept., titre. III, chap. V, art. 2).

С Л У Ч А Й.

О чер к ъ.

Уже четвертый день мелкій осенній дождь сѣялся, какъ черезъ сито, изъ хмураго, сѣраго неба. Тропинки, тянувшіяся вдоль казарменнаго забора, были покрыты липкой глинистой грязью. Она клейко приставала къ сапогамъ пробиравшихся въ казармы солдатъ, и тѣ усердно счищали ее, входя на мощный булыжникомъ казарменный дворъ.

По мокрымъ булыжникамъ, покрытымъ грязью, солдаты скользили, ругаясь, и торопились войти въ казармы, гдѣ ихъ руганью встрѣчали дежурные унтера и дневальные, на обязанности которыхъ лежало недосягаемое въ такую погоду поддержаніе чистоты въ ротахъ.

Въ казармахъ было тускло, сыро, грязно и скучно.

Люди не выходили безъ надобности изъ помѣщеній; окна были затворены. Въ спертomъ воздухѣ носился запахъ ржаного хлѣба, мокрыхъ шинелей и сапогъ, портянокъ и махорки. Во дворѣ было мало свѣта, а въ помѣщеніяхъ еще меньше.

У большинства солдатъ были хмурые, недовольныя лица, а у многихъ усталыя: сегодня рота вернулась изъ караула. Многіе отдыхали, лежа на кроватяхъ. Отбывшій караулъ на ночномъ посту у „склада оружія“, рядовой Савелій Ермаковъ спалъ съ чистой совѣстью: караулъ сошелъ у него вполне благополучно. Не „уважалъ“ онъ вообще ночныхъ смѣнъ въ караулѣ, а у „склада оружія“ въ особенности. Зданіе, гдѣ хранилось оружіе, стояло далеко за городомъ, и тащиться до него, особенно по такой невылазной грязи, было непріятно; а еще непріятнѣе стоять въ глухую, темную дождливую ночь у этого зданія на посту, который былъ установленъ послѣ попытки злоумышленниковъ обворовать складъ. Находился этотъ постъ у самаго оврага, густо заросшаго деревьями и кустарникомъ. Въ глубинѣ оврага шу-

мѣлъ ручей, а подѣ деревьями находили себѣ пріютъ люди, которые не могли отыскать себѣ лучшаго. А эти люди, по мнѣнію Ермакова, прекрасно знали, что за каждую берданку горцы платятъ не менѣе 25—30 руб.

Стоитъ Ермаковъ на „ночномъ“ посту, хочетъ проникнуть глазами въ густую, мокрую тьму ночи; но ничего не видно... Слышно, какъ бурлитъ ручей... Какъ странно въ немъ шумитъ вода: вотъ-вотъ, кажется, рокочетъ у самыхъ ногъ Ермакова, такъ что онъ невольно дѣлаетъ шагъ назадъ и упирается мокрой спиной въ мокрую стѣну склада; то, какъ будто, вода куда-то отходить и шумитъ уже не въ оврагѣ, а далеко, по ту сторону его... Вѣтеръ изрѣдка дунетъ порывомъ, сорветъ откуда-то крупныя капли дождя и броситъ въ обрѣшенное желѣзомъ окно... Вадрогнетъ Ермаковъ, точно кто-нибудь позади, бродя въ темномъ складѣ, стукнулъ въ стекло. Судорожно сжимаетъ Ермаковъ винтовку и дѣлаетъ поворотъ кругомъ, чтобы взглянуть въ окно склада; но не видно окна, не видно его рѣшетки: во мракѣ, сквозь мокрѣя рѣсницы, точно сѣрѣетъ кусокъ стѣны склада.

— „А, чтобъ тебя...“ — шепчетъ Ермаковъ, снимаетъ шапку и крестится. Холодныя капли падаютъ на коротко обстриженную, горячую голову... Но вотъ тоненькая, какъ жало, струйка холодной воды пробилась за воротникъ шинели и мушдиръ и холодной змѣйкой, зигзагами, спускается по спинѣ. Ермаковъ передернулъ плечами, взялъ „къ ногѣ“ и пошелъ подѣ „грибъ“ *), хотя знаетъ, что рундъ и дежурный по нарауламъ въ такую ночь могутъ обходить посты и не любить заставать часовыхъ на этомъ посту подѣ „грибомъ“.

— „Ну, а кто въ такую ночь пойдетъ на добычу?“ — думаетъ Ермаковъ: — „Въ такую погоду даже всякій прохвостъ долженъ дома сидѣть, а не шататься въ оврагѣ. Попробуй подняться теперь изъ оврага, разъ десятокъ въ ручей оборвешься... Положимъ, есть тамъ одна тропинка; на ней и камни положены для упора“.

Но скоро мысли Ермакова принимаютъ менѣе успокоительное направленіе; онъ вспоминаетъ, что попытка проникнуть въ складъ была произведена именно въ ненастную, темную ночь. — „Понятное дѣло“, — разсуждаетъ онъ, — „какой же дуракъ полѣзетъ при свѣтѣ окно ломать въ складъ; а вотъ когда темно, да дождь, да вѣтеръ... ручей проклятый шумитъ“... И Ермаковъ выходитъ изъ-подъ гриба, беретъ ружье „вольно“ и, ерзая шинелью по стѣнѣ склада, скользитъ по

*) Маленькій навѣсъ на одномъ столбѣ, — для защиты отъ зноя и отчасти дождя.

тропкѣ, проложенной параллельно стѣнѣ ногами часовыхъ, и считаетъ окна: „разъ, два... десять“... Добирается онъ до конца „тропки“ и облегченно вздыхаетъ: всѣ 10 оконъ на лицо, ни одно не пропало; потомъ онъ что-то соображаетъ, плюетъ, ругается и опять идетъ къ грибу.

Онъ старается ни о чемъ не думать...

Но вотъ, среди шума воды и капель, раздается какой-то трескъ тамъ, въ оврагѣ... Ермаковъ точно приростаетъ къ мѣсту, вперяетъ глаза въ темноту и медленно, съ бьющимся сердцемъ, беретъ ружье на изготовку... Но ничего не видно: темно впереди, совсѣмъ темно... И въ этой темнотѣ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ тропинка у оврага выходитъ къ складу, чернѣетъ какое-то еще болѣе черное пятно. Кровь бросается въ голову Ермакова; ему дѣлается жарко. Непослушными пальцами поднимаетъ онъ крышку подсумка, ощупью вынимаетъ патронъ и, не сводя глазъ съ чернаго пятна, открываетъ затворъ берданки... Затворъ щелкаетъ; Ермаковъ вдрагиваетъ, быстро бросаетъ патронъ въ винтовку, закрываетъ затворъ и, точно подталкиваемый сади, держа палецъ на спускѣ, идетъ къ черному пятну... Онъ сдѣлалъ шагъ и... кругомъ все темно, все одинаково черно... Ермаковъ обезсилѣлъ: онъ разрядилъ винтовку, прислонился къ столбу гриба и не хочетъ ничего видѣть...

Когда послѣ четырехчасового промежутка сонный Ермаковъ вновь заступаетъ на этотъ же постъ,—уже начинается свѣтать. Кругомъ туманъ, сыро и мокро. Ермакову очень хочется спать, но за то теперь вовсе „не боязно“. Онъ равнодушнымъ взглядомъ скользитъ по окнамъ склада, по окутаннымъ тяжелымъ туманомъ зубчатымъ вершинамъ деревьевъ, поднимающихся изъ оврага, по тропинкѣ, идущей къ складу, и въ головѣ его тяжело ворочается мысль: „какого лѣшаго я прошлую смѣну здѣсь пугался? Все, какъ слѣдуетъ быть... и все это зря“... Онъ думаетъ теперь о томъ, что, отстоявъ эту смѣну, онъ съ другими „ночными“ пойдетъ въ казармы, напьется чаю, пообѣдаетъ и будетъ спать до вечернихъ занятій... Какъ пріятно снять мокрую шинель, мокрые сапоги и лечь на кровать... Очень пріятно... Онъ третъ грязной, мокрой отъ дождя рукой сонные глаза и съ какимъ-то сладострастіемъ рисуетъ себѣ, какъ повалится спать...

Пробило четыре часа.

— Пошелъ, выходи на занятіе-е!—кричитъ дежурный пороть унтеръ-офицеръ.

— Пошелъ, выходи на занятіе-е!—повторяютъ дневальные. Люди просыпаются, одѣваются, свертываютъ „цыгарки“

и „собачьи ножки“, надѣваютъ подсумки, разбираютъ изъ пирамидъ винтовки.

— Производить занятіе по взводамъ! — командуетъ, выходя изъ ротной канцеляріи, фельдфебель.

— Третій взводъ строиться на подготовительныя! — кричитъ заводный 3-го взвода, унтеръ-офицеръ Басюра.

3-ій взводъ выстраивается въ концѣ роты, въ проходѣ между кроватями.

— Открыть подсумки! — командуетъ Басюра и обходитъ взводъ, осматривая содержимое подсумковъ. Въ срединѣ 1-го отдѣленія замѣчаетъ свободное мѣсто. — Кого нѣтъ? — спрашиваетъ онъ у отдѣленнаго.

— Ермаковъ запоздалъ: въ ночныхъ былъ, такъ малость заспался. Сейчасъ придетъ, — докладываетъ Басюрѣ ефрейторъ Андреевъ, исполняющій обязанности отдѣленнаго унтеръ-офицера.

— Уклонить штыки! — командуетъ заводный.

Взводъ опускаетъ ружья, уперши ихъ штыками въ полъ и держа за прикладъ одной правой рукой.

— Шеренга... — командуетъ Басюра, и люди одной рукой приподнимаютъ ружья и вставляютъ приклады въ плечо.

— Передать въ лѣвую руку... — командуетъ Басюра: — Ермаковъ, лупоглазый чертъ, ты что запаздываешь? П-шелъ, стань на мѣсто.

Ермаковъ становится на мѣсто.

Занятія „подготовительными къ стрѣльбѣ упражненіями“ продолжаются. Отдѣленные повѣряютъ, правильно ли ихъ люди наводятъ винтовки со станковъ въ мишеньки, повѣшенныя на стѣнахъ казармы.

Басюра вызываетъ по очереди каждого солдата къ себѣ. Солдатъ становится передъ зеркаломъ, въ которомъ отражается мишенька. Мишеньку эту держать у себя передъ глазомъ Басюра и сквозь дырочку въ ея центрѣ видитъ въ зеркалѣ мушку и прицѣлъ на винтовкѣ солдата, котораго повѣряетъ въ умѣньи навести правильно ружье и правильно спустить ударникъ. Каждый вызванный становится передъ зеркаломъ, беретъ ружье на изготовку и вкладываетъ въ него такъ называемый пружинный патронъ, предохраняющій механизмъ винтовки отъ порчи при спускѣ ударника безъ боевого патрона.

Каждый старается навести ружье правильнѣе, спустить ударникъ плавно, чтобы не вызвать замѣчаній со стороны заводнаго: онъ вѣдь всякую неисправность замѣтитъ.

Но Басюра плохо видитъ въ зеркало маленькія части ружья, мушку и прицѣлъ: очень ужъ темно въ помещеніи.

— Убери зеркало, — приказываетъ Басюра одному изъ

солдаты, и подносить мишеньку къ глазу. Повѣрка идетъ безъ зеркала, а въ „глазѣ“ такъ видѣе, чѣмъ въ зеркало.

— Плохо, дергаешь,—говорить Басюра солдатику, который уже три раза спускаетъ ударникъ, прицѣлившись въ мишеньку на глазу Басюры:—Поди къ Андрееву, пусть онъ тебя поучить... Ну, ты, Ермаковъ, подходи... Проспался, али еще нѣтъ?—Ермаковъ, улыбаясь, вышелъ изъ шеренги, лихо взялъ на изготовку, быстро зарядилъ и сталъ.

— Цѣлся!—скомандовалъ Басюра. Улыбающійся Ермаковъ сталъ плавно подводить винтовку.

Бахъ! прогремѣлъ по ротъ выстрѣлъ и смѣнился поразительной тишиной... Всѣ замерли... Пороховой дымъ медленно расплывался въ густомъ, сыромъ воздухѣ. Всѣ смотрѣли къ 3-му взводу. Басюры не было видно: онъ лежалъ на полу, и пороховой нагаръ на его лицѣ уже былъ почти весь залитъ кровью... На лбу выше праваго глаза, изъ темно-красной дырочки, выпучивалась жирная, красновато-бѣлая мякоть мозга...

Взводъ бросился поднимать Басюру; одинъ Ермаковъ, блѣдный, опустивъ ружье къ паху, стоялъ, ничего не понимая. Нѣсколько человекъ приподняли Басюру съ пола.

— Неси на кровать, тащи въ околodокъ!—раздались голоса.

— Стой, братцы, нѣтъ... погоди!—закричалъ вдругъ Ермаковъ:—Погоди... какъ это, зачѣмъ такъ... ты объясни!—И, бросивъ на полъ ружье, онъ схватилъ руку мертваго Басюры, какъ будто хотѣлъ помѣшать уносить его.

Балагурившіе въ помѣщеніи возлѣ карцеровъ люди полковаго караула стали говорить между собой шепотомъ, какъ возлѣ трудно больного, когда узнали, по какой причинѣ привели Ермакова въ карцеръ. Никто изъ караула не задавалъ арестанту обычныхъ вопросовъ, никто не заглядывалъ въ окошечко, прорѣзанное въ двери карцера, выходившей въ помѣщеніе караула.

Въ карцерѣ было тихо и темно. Ермаковъ сидѣлъ на нарахъ, охвативъ руками согнутыя колѣни. Онъ не спалъ, но и не бодрствовалъ: усиленіемъ воли подавлялъ онъ въ себѣ всякое размышленіе, и, понимая, что сидитъ въ карцерѣ, не хотѣлъ отдавать себѣ отчета, зачѣмъ и почему онъ здѣсь.

Главная задача была въ томъ, чтобъ не ставить въ причинную связь того, что вокругъ него теперь, съ тѣмъ, что было раньше. Доносившійся въ карцеръ шепотъ караула, постукиваніе дождевыхъ капель въ высокое окно карцера, темнота,

смягченная проникавшимъ въ окно тусклымъ свѣтомъ умирившаго сѣраго дѣя—все это помогало Ермакову въ его задачѣ: обстановка была необычная, и Ермаковъ на ней могъ задержать свое вниманіе, чтобы не думать о томъ, что болѣзненно сжимало его сердце раньше, чѣмъ мысль давала образъ.

Онъ усталъ глазами въ окошечко двери, но не видѣлъ, какъ молодой, безусый солдатъ изъ караула, скосивъ глаза и стараясь, чтобы этого не замѣтили другіе, пытался оглядѣть внутренность карцера.

— Чего глаза пялишь? Въ кѣтрѣ развѣ? — донесся до Ермакова сердитый шепотъ.

— Кому это?—подумалъ Ермаковъ:—Кто глаза пялитъ? Зачѣмъ пялить?—И опять что-то, неоформленное еще въ сознаніи, рѣзнуло его по сердцу, и онъ быстро оборотился къ высокому окну карцера, надѣясь найти тамъ что-нибудь, что перемѣнило бы его мысли.

— Встать, смирно!—раздалась команда, и Ермаковъ почувствовалъ, что приближается что-то страшное и неизбежное, отъ чего уже нѣтъ спасенія, отъ чего нельзя укрыться, о чемъ нельзя не думать. Онъ всталъ съ нарѣ и, поправивъ на себѣ накиннутую шинель, ожидалъ. Что-то заговорили въ караульномъ помѣщеніи, но Ермаковъ не могъ понять, о чемъ говорятъ, такъ какъ употреблялись совсѣмъ не тѣ слова, какія преулавливались его ухомъ. Только слово „лампа“ уловилося его сознаніемъ.

— Ну, конечно: надо зажечь огонь, давно пора!—сталъ думать Ермаковъ и, слыша, что отпираютъ замокъ его двери, настойчиво старался убѣдить себя въ правильности этой догадки:—Давно пора огонь зажигать, давно пора... Уже темно, надо зажигать...

А. замокъ все еще отпираютъ.

— Давно пора, давно пора...—увѣряетъ себя Ермаковъ:—ну, вотъ зажгли, слава Богу... Давно пора, давно пора, уже темно...

Дверь растворилась.

— „Кто зажигалъ лампу, если дверь отворялъ ефрейторъ?“—задаетъ себѣ вопросъ Ермаковъ и сейчасъ же получаетъ отвѣтъ: лампу держать, освѣщая входъ въ карцеръ, „чернявенькій солдатикъ“... Онъ замѣтилъ почему-то этого „чернявенькаго“, еще когда шелъ въ карцеръ. А вотъ рядомъ съ нимъ стоитъ дежурный по полку, а позади его. Ермакова, ротный. Вглянувшись Ермаковъ на ротнаго, и сразу масса новыхъ мыслей хлынула ему въ голову, а господствующей была мысль:— „А вѣдь ротному достанется; за-всегда ротный долженъ отвѣчать...“ И Ермакову было

больно глядѣть на лицо ротнаго, изможденное долгой лихорадкой. Жестокій пароксизмъ производилъ болѣзненные гримасы на желтоблѣдномъ лицѣ и синихъ губахъ.

— „Опять у него лихорадка; вотъ почему и на занятія не пришелъ“,—думалъ Ермаковъ. И ему захотѣлось сдѣлать что-нибудь пріятное и хорошее своему ротному.

— Вотъ какъ передъ Истиннымъ...—заговорилъ Ермаковъ и замолчалъ: онъ не зналъ, что сказать дальше.

— Откуда у тебя взялся патронъ?—съ усиленіемъ спросилъ ротный.

— Караульный,—отвѣчалъ Ермаковъ.

— Отчего же ты не сдалъ сегодня инструктору? Онъ вѣдь отбиралъ патроны.

— Я на посту ночью вынулъ изъ колодки, а назадъ забылъ вложить. Колодку съ остальными патронами сдалъ, а этотъ забылъ.

— А инструкторъ считалъ же у тебя патроны?

— Инструкторъ не раскрывалъ колодки,—отвѣчалъ Ермаковъ.

Ротный замолчалъ.

Ермакову стало невыносимо тяжело... „Спрашивай скорѣй, спрашивай, — думалъ онъ про себя, — не томи, нельзя такъ стоять“.

— Ну, а ты...—началъ ротный и пріостановился.

— „Вотъ оно, начинается...“—подумалъ Ермаковъ, точно угадывая, о чемъ хотѣлъ спросить ротный, и почему онъ замолчалъ.

— Ты какъ: не ссорился съ Басурой?..—докончилъ свою мысль ротный.

Кровь хлынула въ голову Ермакова.—Ваше высокоблагородіе, вотъ какъ передъ Истиннымъ...—и голосъ Ермакова зазвенѣлъ.

Ротный отвернулся.

— Запри! — сказалъ онъ, ни къ кому не обращаясь, и вышелъ вмѣстѣ съ дежурнымъ по полку.

Не прошло и получаса, какъ этотъ небольшой разговоръ ротнаго съ Ермаковымъ комментировался политиками въ ротѣ на всѣ лады.

— А у пыку ни захавъ?..—спрашивалъ высокій, плотный малороссіянинъ у вертляваго вятча.

— Ни-ни! Такой чиженный на руку, и хочъ бы разъ тебѣ по мордѣ.

— Дуракъ ты, мазепа-хохолъ, — докторальнымъ тономъ возражалъ ефрейторъ-пермякъ,—нѣшто этимъ можно Ермакова отъ суда ослобонить, ежели въ „пыку“!

— Одначе же съ сердцовъ бьетъ,—вмѣшался одинъ солдатикъ.

— Сказаль тоже: то съ сердцовъ, а здѣсь... а здѣсь печенка! — объяснилъ ефрейторъ, и всѣ политики такимъ объясненіемъ вполнѣ удовлетворились.

Ермаковъ опять сидѣлъ взаперти, но теперь онъ понималъ, что „думать надо“. — „Все равно отъ этого не уйдешь“ — рѣшилъ онъ. Но когда рѣшилъ, что „думать надо“, то не зналъ, о чемъ думать. — „Ну, убилъ—размышлялъ онъ,—сошлють меня въ Сибирь; это ничего, не бѣда, что сошлють“. — Ему чувствовалось, что важна не ссылка его въ Сибирь, а есть что-то другое, болѣе важное, чѣмъ его участь. Ссылка въ Сибирь, какъ будто, затемняетъ значеніе этого важнаго, но оно, это важное, остается имъ, не смотря на ссылку. И если бы отъ ссылки въ Сибирь важное перестало быть важнымъ, если бы оно исчезло, то было бы хорошо и ему, и... Басюрѣ.

— „Да вѣдь Басюра, можетъ, живъ, можетъ, только раненъ; я, кажется, очень влѣво винтовку свалилъ...“ — И радостная надежда мелькнула въ сердцѣ Ермакова.

— Ребята,—подошелъ онъ къ окошечку двери,— ребята, какъ Басюра?..

Наступило небольшое молчаніе: никто ему не отвѣчалъ.

— Царство ему небесное,—сказаль, наконецъ, караульный начальникъ и, снявъ шапку, перекрестился. Многие изъ караула сдѣлали то же, но Ермаковъ, хотѣвшій также перекреститься, удержалъ свое движеніе: ему казалось, что онъ не имѣлъ права креститься за упокой души Басюры.

Онъ отошелъ къ двери и усѣлся на нары.

Важнымъ оказалось то, что былъ человѣкъ, а теперь нѣтъ этого человѣка... Человѣкъ этотъ имѣлъ близкихъ, думаль о нихъ, и тѣ объ немъ думали; и они, и онъ жили взаимными надеждами, а Ермаковъ эти надежды разрушилъ, однимъ нажимомъ пальца разорвалъ тѣ тысячи нитей, которыя сплелись между этимъ человѣкомъ и другими... Если бы онъ, Ермаковъ, посмотрѣлъ на тотъ патронъ, который вкладываль ощупью въ коробку ружья, человѣкъ былъ бы живъ, и эти нити продолжали бы существовать, а теперь все это разрушено оттого, что онъ не сдѣлалъ маленькаго движенія глазами внизъ...

Нѣтъ, не можетъ этого быть, чтобъ такія страшныя вещи происходили отъ такихъ ничтожныхъ причинъ... Здѣсь должно быть что-то болѣе сильное, болѣе могущественное и осмыс-

ленное: здѣсь должно быть стремленіе нечистой силы поразить Ермакова...

И Ермаковъ испугался этой мысли и рѣшилъ по иному: не нечистая это, а Божеское наказаніе за грѣхи...

Ну, пусть ему наказаніе; но чѣмъ виноватъ Басюра? Почему онъ такъ пострадалъ?... А чѣмъ Басюра зеркало отставилъ. Вѣдь начальство не позволяетъ цѣлиться безъ зеркала. Ежели бы Басюра исполнялъ приказанія начальства, то онъ, Ермаковъ, только и всего, что прострѣлили бы зеркало, а не убилъ бы человѣка. Грѣхъ на немъ, на Басюру. Но тутъ Ермаковъ вспомнилъ мертвое лицо Басюры и устыдился своихъ мыслей:

— Нѣтъ, на мнѣ, на мнѣ грѣхъ! — застоналъ онъ, замѣтавшійся на нарахъ.

— Ермаковъ, хочешь чаю выпить? — предложилъ кто-то изъ караула.

— Спасибо, братцы, не хочу.

— Отчего не побаловаться?..— настаивалъ безусый солдатикъ, заглядывавшій ранѣе въ карцеръ.

— Чего суешься?..— вполголоса остановилъ его караульный начальникъ:— Видишь, человѣкъ не въ себѣ.

А Ермаковъ все думалъ и думалъ; онъ перебиралъ и всѣ свои грѣхи, и всѣ тѣ мелкіе эпизоды изъ своей жизни, въ которыхъ ему приходилось имѣть дѣло съ Басюрой; даже тѣ эпизоды, которые происходили на его глазахъ между Басюрой и другими чинами роты,—и во всѣхъ этихъ картинахъ фигура Басюры вырѣзывалась ясно, отчетливо... И тутъ же онъ вспоминалъ, что уже Басюра убитъ имъ, и тоска и недоумѣніе охватывали его; и еще живѣе, еще подробнѣе рисовалъ онъ себѣ картины, въ которыхъ дѣйствующимъ лицомъ былъ Басюра; онъ видѣлъ его, слышалъ его голосъ, вспоминалъ всѣ слова, которыя были когда-либо сказаны имъ. Ермаковъ всталъ и началъ ходить, но помѣщеніе было очень маленькое: ходить было трудно.

— Ребята, пустите къ себѣ!.. — обратился онъ къ караулу.

Караульный начальникъ, молча, открылъ замокъ и отворилъ дверь. Ермаковъ вошелъ въ караульное помѣщеніе и оглядѣлъ его: солдаты сидѣли вокругъ лампы, стоявшей на табуреткѣ, гдѣ была нарисована шашечная доска и разставлены самодѣльные шашки. Всѣ люди, при его входѣ, наклонились надъ доской и, какъ будто, были очень заняты игрой: никто на него не смотрѣлъ... Даже караульный начальникъ, отворившій дверь, смотрѣлъ куда-то въ сторону.

Свѣтъ лампы показался Ермакову очень яркимъ. Онъ постоялъ съ минуту вблизи порога.

— Ну, спасибо, братцы,—сказалъ онъ, наконецъ. Повернулся, опять вошелъ въ карцеръ и притворилъ за собой дверь. Караульный, не говоря ни слова, опять заперъ ее на замокъ.

Солдаты угрюмо посмотрѣли на запертую дверь и продолжали сидѣть въ тѣхъ же позахъ.

Ермаковъ усѣлся на нарахъ въ самомъ углу, натянулъ себѣ шинель на голову и думалъ, думалъ...

Черезъ два дня въ полковомъ караулѣ былъ „землякъ“ Ермакова, Трошкинъ. Трошкинъ зашелъ въ карцеръ къ Ермакову, сидѣвшему на нарахъ, сунулъ ему свою мозолистую, корявую руку, вздохнулъ и опустился на нары.

— Похоронили,—сказалъ Трошкинъ.

— Рѣзали?—спросилъ Ермаковъ.

— Ну, ужъ конечно, не безъ этого...

— И зачѣмъ рѣзать?—сказалъ Ермаковъ.

Помолчали.

— Слѣдователь всѣхъ опрашиваетъ, — началъ опять Трошкинъ.

— Я завинюсь ему,—сказалъ Ермаковъ.

— Про что завинишься?.. — возразилъ Трошкинъ: — Чай, не нарочно, замѣсто пружиннаго, боевой положилъ.

— Всетаки завинюсь.

— Аль въ Сибирь захотѣлось?

— Захотѣлось,—коротко отрѣзалъ Ермаковъ.

Опять помолчали.

— Значить, въ Звѣрюково, домой, значить, не пойдемъ?—спросилъ Трошкинъ.

— Дуракъ ты, Трошкинъ! Какое мнѣ теперь Звѣрюково. Развѣ...—началъ было Ермаковъ и оборвалъ.

Опять помолчали.

— Ну, прощай, — протянулъ руку Трошкинъ,—только я тебѣ скажу: большой ты грѣхъ на душу берешь.

— Больше, какъ взялъ уже, не возьму! — возразилъ Ермаковъ.

— Ну, взялъ: на Басюру взялъ одинъ, а на отца-мать другой теперь поднимать хочешь... Ты свое сердце понимаешь, а родительское понимать не хочешь. Не форси ты со своимъ сердцемъ, вотъ что. Прощай!..—И Трошкинъ вышелъ изъ карцера.

Ермаковъ былъ сраженъ, и когда въ тотъ же день военный слѣдователь снялъ съ него допросъ,—онъ показавъ все, „какъ передъ Истиннымъ“, и былъ немедленно освобожденъ изъ подъ ареста, съ „отдачей подъ надзоръ непосредственнаго начальства“.

Когда онъ вернулся въ роту, его прежде всего поразило то, что въ ротѣ было все по старому. Что именно должно было сдѣлаться тамъ новаго, Ермаковъ объяснить себѣ не могъ. Онъ чувствовалъ только, что самъ онъ весь другой, а все внѣ его осталось прежнее. Даже люди его роты говорили съ нимъ и смотрѣли на него такъ же, какъ и раньше. Это казалось Ермакову, пожалуй, удивительнѣе всего, и онъ пристально вглядывался въ каждого солдата роты, точно стараясь разгадать, не скрывается ли за наружными прежними отношеніями еще чего-нибудь новаго. И ему казалось, что теперь всѣ люди кругомъ стали добрѣе...

Ротный не приходилъ въ роту: онъ все хворалъ, а Ермакову такъ хотѣлось его видѣть... Ему казалось, что ротный придетъ, и тогда прояснится то неясное положеніе, въ которомъ онъ чувствовалъ себя. Но Ермаковъ не дождался прихода ротнаго: однажды вечеромъ грамотей роты долго разбиралъ длинный приказъ по полку, и вечеромъ, послѣ переклички, фельдфебель прочелъ этотъ приказъ передъ ротой. Изъ этого приказа Ермаковъ могъ понять только, что его ротный командиръ отрѣшается отъ командованія ротой и предается военно-окружному суду. За что предается суду—Ермаковъ точно узнать не могъ, потому что были написаны все какіе-то номера какихъ-то статей какой-то книги; но въ началѣ приказа все говорилось объ „его дѣлѣ“, а въ концѣ концовъ — предается суду ротный командиръ, исполняющій обязанности отдѣленнаго унтеръ-офицера, ефрейторъ Андреевъ, инструкторъ Пальчукъ, а его, Ермакова, по приказу, арестовать на 30 сутокъ смѣшаннымъ арестомъ.

Ермаковъ сидѣлъ подѣ арестомъ, и его неотвязно грызла мысль: почему онъ арестованъ на 30 сутокъ за „такое“ дѣло, а совершенно невиноватые, по его мнѣнію, Пальчукъ, Андреевъ и ротный—преданы суду. Его представленіе о справедливости никакъ не могло помириться съ такимъ исходомъ дѣла: онъ могъ предполагать, что его „сошлютъ“, даже поставятъ „подѣ разстрѣлъ“, но чтобъ судили Пальчука, Андреева и ротнаго за „его дѣло“,—онъ этого предполагать никакъ не могъ. Но что зависимость между „его дѣломъ“ и судомъ надъ ротнымъ была, и что вовсе не за что другое ротный былъ преданъ суду—въ этомъ убѣждены были и всѣ его товарищи, не менѣе удивленные такимъ оборотомъ дѣла. Конечно, „ротный завсегда отвѣчаетъ“; но чтобъ такъ тяжела была отвѣтственность, этого никто изъ солдатъ предположить не могъ.

Еще болѣе увѣренности въ томъ, что это „дѣло его“,

Ермаковъ получилъ тогда, когда его подъ конвоемъ повели изъ-подъ ареста въ окружный судъ, гдѣ судились его ротный, Андреевъ и Пальчукъ, и тамъ дѣлали ему допросъ. А вскорѣ прочитали приказъ, изъ котораго онъ узналъ, что бывшій ротный, за „его дѣло“, арестовывается по суду на три мѣсяца съ ограниченіемъ правъ по службѣ, а ефрейторы Андреевъ и Пальчукъ лишаются ефрейторскаго званія и арестовываются каждый на 30 сутокъ... Ермаковъ сталъ „сумный“ и даже разъ сказалъ Трошкину: „зря я тебя послушалъ!“—на что Трошкинъ опять ему отвѣчалъ: „не форси!“

Прошло около года. Опять Ермаковъ стоялъ на томъ же ночномъ посту. Опять сѣялся мелкій осенній дождь, и сырой вѣтеръ раскачивалъ верхушки деревьевъ, возвышавшіяся надъ оврагомъ, и пронизывалъ Ермакова сквозь мокрую шинель. Скрестивъ руки на дулъ ружья, смотреть онъ въ сѣрую мглу и ясно видитъ два силуэта, одинъ за другимъ выпрыгивающіе изъ глубины оврага и направляющіеся къ складу. Вотъ они уже крадутся къ крайнему окну, вертя головами и ища часового. Но Ермаковъ не перемѣняетъ позы: онъ стоитъ такъ же спокойно. Наконецъ, люди замѣчаютъ его: одинъ быстро ложится на землю, а другой продолжаетъ стоять, поглядывая на Ермакова.. И оба похожи на звѣрей, готовыхъ броситься впередъ, чтобы цѣною чужой жизни спасти свою.

— Идите, ребята, своей дорогой...—говоритъ Ермаковъ громко, спокойно, не шевелясь. Голосъ его звучитъ такъ просто и буднично, какъ будто онъ говоритъ самую обычную вещь, при самыхъ обычныхъ обстоятельствахъ. И это потому, что Ермаковъ много думалъ о томъ, что было, и не боится, что оно будетъ опять... Этого не нужно, и этого не будетъ! И онъ знаетъ, что люди эти его поймутъ... И они понимаютъ... понимаютъ, быть можетъ, не самыя слова, а тонъ голоса, который звучитъ такъ увѣренно и такъ просто среди напряженія минуты...

Лежавшій на землѣ поднимается, и оба хищника доверчиво, не спѣша, уходятъ въ темноту...

Ермаковъ скидываетъ ружье и идетъ вдоль стѣны... Потомъ останавливается и думаетъ... Думаетъ не о гѣхъ людяхъ, которые ушли и могли бы вернуться, но о томъ, что было... И еще обо многомъ, что послѣ того приходило ему въ голову...

Ночь темна, въ оврагѣ шумить ручей. Сѣтъ мелкій дождикъ...

Н. Саларскій.

Торгующія тѣломъ.

(Очерки столичной проституціи).

Когда, послѣ утомительнаго дня, опускается надъ столицей завѣса ночи, наступаетъ второй, пожалуй, еще болѣе лихорадочный въ своей тайной работѣ, періодъ городской жизни. Изъ угловъ и логовищъ—будь то подвалъ или роскошный будуаръ—выползаютъ на улицу развратъ, кое-какъ подкрасенный, кое-какъ принаряженный, а то и вовсе не прикрытый, въ лохмотьяхъ, рубищахъ.

Вы видѣли, какъ порывъ вѣтра подхватываетъ съ земли все, что попадаетъ по дорогѣ: мусоръ, окурки, несчастную былинку, невѣдомо какъ попавшую съ благоухающихъ полей, исписанный лоскутокъ бумаги, негодный обрывокъ тряпки, чистое, бѣлое перышко... Вихрь разврата кружитъ еще съ большею силой все живое, такъ или иначе выброшенное на панель столицы, — отъ непорочной дѣвушки, которую нужда впервые гонитъ на проспектъ, до опытной промышленницы тѣломъ, которая „работаетъ“ на книжку сберегательной кассы... Какое многообразие типовъ, характеровъ, интересовъ, цѣлей, настроеній!..

И, однако, вся эта толпа, духовно столь различная въ отдѣльных своихъ представительницахъ, имѣетъ въ большихъ, населенныхъ центрахъ, одинъ пунктъ, гдѣ она проносится передъ взоромъ наблюдателя, какъ цѣпь тѣней въ „Макбетъ“. Въ крупныхъ городахъ существуютъ спеціальныя больницы для проститутокъ-поднадзорныхъ (туда же попадаетъ большая часть и не поднадзорныхъ).

Если принять во вниманіе, что около 50% поднадзорныхъ проститутокъ страдаетъ сифилисомъ (для Петербурга 52,7%—по П. Обозненко; для Москвы 52,3%—по Фивейскому), да еще прибавить проститутокъ, попадающихъ въ спеціальную больницу съ явленіями другихъ венерическихъ болѣзней, то станетъ понятнымъ, что подавляющее большинство торгующихъ тѣломъ должно пройти черезъ это своеобразное чистилище...

Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ мнѣ пришлось наблю-

дать въ Петербургской Калининской больницѣ этихъ торгующихъ тѣломъ—вольныхъ и невольныхъ. Не смотря на большое недоедѣніе и чисто, сказалъ бы я, кастовую замкнутость этихъ женщинъ,—оказалось достаточно матеріала для „ума холодныхъ наблюденій и сердца горестныхъ замѣтъ“...

Съ нѣкоторыми моими впечатлѣніями и выводами я и хотѣлъ бы познакомить читателя.

І. О с м о т р ѣ .

10 часовъ утра...

По широкому корридору 4-го отдѣленія прогуливается нѣсколько паръ молодыхъ женщинъ въ характерномъ больничномъ одѣяніи: сѣромъ халатѣ, накинутаго поверхъ бѣлья. Халатъ этотъ вноситъ извѣстное единообразіе. Въ остальномъ подробности туалета весьма различны. Болѣе состоятельныя „форсятъ“ другъ передъ другомъ тонкими рубашками: у кого съ дорогими прошивками, кипой кружевъ, лентъ и бантиковъ; большое разнообразіе нижнихъ юбокъ моднаго матеріала и моднаго цвѣта; главная статья щегольства — дорогія ботинки всевозможныхъ цвѣтовъ на высокихъ французскихъ каблукахъ съ изящною отдѣлкой... Платья и умопомрачительный нарядъ, конечно, здѣсь показать нельзя, и подружки стараются удивить другъ друга, чѣмъ могутъ.

Конечно, совсѣмъ иной внѣшній декорумъ у третьеразрядныхъ проститутокъ, этихъ отребьевъ столичной панели, съ Лиговки, съ Песковъ, съ Никольскаго рынка, изъ трущобъ Вяземской лавры. Тѣ одѣты во все казенное,—и сѣрое, грубое больничное бѣлье считаютъ уже завидною роскошью.. Есть, конечно, много переходныхъ ступеней между этими двумя крайностями: самодѣльная вязаная юбка, обшитая грошевыми кружевами, рубаха грубаго деревенскаго холста съ кокетливо продѣтыми шелковыми лентами...

По корридору движутся пары, взявшись подъ руки, или обнявшись. Это интимныя подруги. Ибо здѣсь существуетъ „обожаніе“ другъ друга—о чемъ рѣчь подробнѣе будетъ дальше. Въ открытыя двери палатъ, гдѣ довольно тѣсно поставлены койки, видны группы женщинъ въ самыхъ разнообразныхъ позахъ. Однѣ лежатъ въ полномъ бездѣльѣ, уставившись въ одну точку. Другія дѣятельно шьютъ заказное бѣлье (для благотворительнаго общества при Калининской больницѣ, или для потребностей городскихъ больницъ); рѣдко кто читаетъ книжку; больше всего концентрируются вокругъ какой нибудь одной койки, сплетничая и треща на пропалую, не скупясь при этомъ на сильныя выраженія. Очень часто картина разнообразится какою нибудь отчаянною схваткою между двумя, а то и нѣсколькими не поладившими проститутками...

Крупная, характерная ругань виситъ въ воздухѣ, производя на свѣжаго человѣка ошеломляющее впечатлѣніе богатымъ арсеналомъ необычайно скверныхъ словъ, специально трущобнаго арга. Еще ужаснѣе впечатлѣніе отъ того, что слова эти произносятъ совершенно трезвыя молодыя женщины, часто еще не достигшія 16—17-лѣтняго возраста. Недоразумѣнія возникаютъ чаще всего на романтической почвѣ, изъ за какого нибудь кавалера хулигана, котораго никакъ не могутъ подѣлать встрѣтившіяся въ больницѣ соперницы. Но и чисто теоретическіе споры о предметахъ довольно отвлеченныхъ могутъ довести эту необузданную компанію чуть ли не до рукопашной. Постоянный, какъ бы сословный, антагонизмъ существуетъ обыкновенно между группой женщинъ, являющихся сюда изъ домовъ терпимости (билетныя), и живущими въ одиночку, вольными (бланковыя). Собственно 4-ое отдѣленіе Калинкинской больницы предназначено для сифилитичекъ—билетныхъ, а для бланковыхъ—6-ое отдѣленіе. Но очень часто, когда имѣются свободныя мѣста въ 4-мъ отдѣленіи, туда приводятся и бланковыя. Враждебное отношеніе этихъ двухъ элементовъ имѣетъ свое психологическое основаніе, о которомъ я скажу ниже...

Во врачебномъ кабинетѣ готовятъ все къ визитаціи врача... Фельдшерица разставляетъ на столѣхъ лѣкарства, которыя необходимо имѣть подъ рукой, сидѣлки перетягиваютъ тазы, зеркала, инструменты. Обстановка врачебной комнаты самая ordinaria; только все выкрашено бѣлою масляною краской. Самое достопримѣчательное въ комнатѣ столъ для изслѣдованій—высокій, довольно своеобразнаго вида, имѣющій форму обрубленной лежанки. Къ этому столу ведетъ лѣсенка въ нѣсколько ступенекъ, такія же ступеньки спускаются съ другой стороны. На мѣстномъ арга столъ этотъ называется то эшафотомъ, то трапеціей, то трономъ.

Стрѣлка перешла уже за 10 часовъ. Одна изъ сидѣлокъ стала къ дверямъ, ведущимъ изъ корридора на лѣстницу. Ждутъ доктора. Часть обитательницъ 4-го отдѣленія смѣнила свою изящную обувь на казенныя войлочные туфли. Такъ какъ комплектъ больныхъ часто доходитъ даже до 90 человѣкъ (хотя по штату кроватей около 60), то обыкновенно визитирующій врачъ дѣлитъ больныхъ на двѣ половины: одну половину осматриваетъ одинъ день, другую на слѣдующій. Половина, назначенная въ этотъ день къ осмотру, и обувается въ казенныя туфли, такъ какъ врачу, конечно, некогда ждать, пока пациентка вадумаетъ развязывать свою сложную обувь.

— Докторъ... Докторъ... — передается отъ дежурящей сидѣлки по корридору къ фельдшерницѣ.

— Ребятки... Первая половина... Новенькія... Идите скорѣй... — раздается голосъ фельдшерицы.

Во врачебный кабинетъ, толкая другъ друга, шума и суетясь,

устремляется толпа женщинъ. Визитація врача вноситъ известное разнообразіе въ ихъ скучное пребываніе среди больничной обстановки, и поэтому большинство стремится сюда весьма охотно. Но, конечно, дѣло не обходится безъ недовольства и протестовъ. Недовольны тѣ, которыя уже долго засидѣлись въ больницѣ, и собираются опять нѣтъ и приставать къ врачу, чтобы онъ ихъ „выписалъ“ на свободу... Недовольны тѣ, которыя знаютъ, что процессъ врачебнаго осмотра будетъ сопровождаться для нихъ болью, или даже оперативнымъ вмѣшательствомъ... Недовольны въ большинствѣ случаевъ „новенькія“, которыя только что вчера вечеромъ доставлены при отношеніи врачебно-полицейскаго комитета и которыя знаютъ, что здѣсь, въ томительной скукѣ, имъ придется, быть можетъ, высиживать не одну недѣлю—безъ выпивки, безъ кавалеровъ, безъ пестрыхъ нарядовъ... Въ этой, сбившейся вмѣстѣ, какъ стадо, толпѣ женщинъ слышится временами то визгъ, то хохотъ, то крѣпкое словцо... Всѣхъ, однако, сдерживаетъ въ должныхъ границахъ фельдшерица то рѣзкимъ окрикомъ, то ласковымъ словомъ, то умѣлой шуткой. Она — удивительно тонкій психологъ, и, повстинѣ, изумительно ея умѣнье проникать въ душу этого, въ общемъ строптиваго, стада, и управлять имъ, какъ умный, опытный пастырь. Мнѣ еще придется много говорить о фельдшерицѣ 4-го отдѣленія Т. О. Б—ръ, которая воплощаетъ, по моему, тотъ идеалъ „практической“ подаянницы, къ которому должны стремиться всѣ, желающіе посвятить себя помощи и спасенію падшихъ, обычно относящіеся къ дѣлу слишкомъ теоретично,—слишкомъ миндальничая на словахъ и ничего не добиваясь на дѣлѣ.

Врачъ усѣлся за небольшой столъ, взявъ пачку скорбныхъ листовъ, и осмотръ начался...

Благодаря долгой практикѣ и приспособленію къ наличнымъ обстоятельствамъ, этотъ осмотръ отличается удивительной быстротой и почти механическою автоматичностью...

Не будемъ приводить подробности этого процесса. Отметимъ лишь нѣкоторыя типичныя фигуры.

Вотъ въ сторонѣ стоятъ три „новенькія“... Врачъ и фельдшерица осматриваютъ ихъ въ началѣ болѣе подробно и тщательно, такъ какъ нужно установить точный діагнозъ тѣхъ явленій, съ которыми онѣ присланы вчера вечеромъ изъ комитета. Хотя комитетскіе врачи и обозначаютъ ужъ діагнозы въ листкахъ, при которыхъ препровождаются поднадворныя въ больницу, но не всегда врачи больницы соглашались съ этимъ диагнозомъ, и тогда присланную приходится или переслать въ другое отдѣленіе, или даже совсѣмъ „выписать“, какъ здоровую, присланную по недоразумѣнію...

Къ эшафоту приближается первая изъ новенькихъ.

Степанида С. Это щедушная блѣдная дѣвушка почти ребен-

нокъ. Дрожа, она встаетъ на ложе для изслѣдованія, закрываетъ лицо руками, отворачиваетъ голову... Ей стыдно... Она не приучилась еще къ подобному положенію... Она начинаетъ плакать вовсе не отъ боли, но отъ жгучаго горя... Въ листкѣ значится, что это дѣвушка 15 лѣтъ, „комиссная“, т. е. не имѣющая еще ни „бланки“, ни „билета“, а забранная врачебно-полицейскимъ обходомъ по подозрѣнію въ занятіи тайною проституціей... Масса безработныхъ, „бродячихъ“ женщинъ забирается такимъ способомъ ночью и доставляются во врачебно-полицейскій комитетъ...

Въ листкѣ 15-лѣтней новенькой еще значится, что она прислуга, и что у нея найдены въ комитетѣ такіе-то и такіе-то сифилитическія явленія. Диагнозъ этотъ вполне подтверждается. Врачъ внимательно осматриваетъ малокровное, несформированное тѣло. Назначается соответствующее специфическое лѣченіе, и больная отходитъ въ сторону...

Слѣдующая!..

Я подхожу къ Степанидѣ С., начинаю ее разспрашивать. Срывъ всхлипыванія, неохотно, односложно отвѣчаетъ она мнѣ. Тѣмъ не менѣе, выводъ получается такой. Годъ тому назадъ Степанида С., 14 лѣтъ, прибыла изъ деревни Новгородской губерніи на заработки. Съ Никольской площади ее взяли въ няньки... Она нѣсколько разъ мѣняла мѣста... Мѣсяца два тому назадъ на нее обратилъ милостивое вниманіе старшій дворникъ того дома, гдѣ она жила. Угрожая ей чѣмъ то за просрочку паспорта, онъ насильно добился исполненія своихъ желаній и заразилъ ее... Послѣднія двѣ недѣли она безъ мѣста, издержала по угламъ нѣсколько рублей, которыя у нея были, блуждала двѣ ночи по улицѣ, забрана полицейскимъ обходомъ и доставлена въ комитетъ...

Слѣдующая,—*Анна Р.* 24 лѣтъ—совсѣмъ другого пошиба. Это „билетная“, проживающая уже болѣе 5 лѣтъ по разнымъ домамъ терпимости. Опухшее лицо, на лбу глубокій втянутый шрамъ, повидимому, отъ удара какимъ-то острымъ, рѣжущимъ орудіемъ (чаще всего въ „веселыхъ“ домахъ такой ударъ наносится посредствомъ бутылки не въ мѣру разыгравшимся „веселымъ гостемъ“). Когда Анна Р. скидываетъ рубашку, все ея тѣло оказывается покрытымъ громадными кровоподтеками, синяками, царапинами. Ведетъ себя при этомъ довольно развязно и почему-то глупо улыбается всѣмъ своимъ испытаннымъ, распухшимъ лицомъ...

— Ахъ ты, Аннушка, Аннушка!—укоризненно качаетъ головой фельдшерица...

И тутъ же объясняетъ доктору, что Анна Р. была доставлена въ пріемное отдѣленіе вчера, въ 7-мъ часу вечера, въ невозможно пьяномъ видѣ, грубила и ругалась немилосердно...

Прибытіе „билетныхъ“ въ больницу зачастую ознаменовывается такою подробностью. Врачи врачебно-полицейскаго комитета обыкновенно осматриваютъ проституткоѣ въ домахъ терпимости послѣ 12 часовъ дня. Тогда же они отдѣляютъ тѣхъ, которыхъ необходимо отправить въ Калинкинскую больницу. Листки ихъ съ соответствующей отмѣткой отсылаются въ канцелярію комитета, а оттуда является въ Калинкинскую больницу разсыльный съ книгой, гдѣ отмѣчено,—какія проститутки и изъ какихъ домовъ терпимости должны прибыть на излѣченіе... Бухгалтерія довольно сложная, но все же она ведетъ къ тому, что „хозяйки“ volens—polens должны въ тотъ же день отправить въ больницу своихъ, отмѣченныхъ при осмотрѣ, питомицъ. Обыкновенно послѣ ухода врача эти больныя напиваются „съ горя“, и прибываютъ въ больницу пьяныя и буйныя, только къ 6, 7, а иногда и 10 часамъ. Обычно сопровождаютъ ихъ прислуга или „блуждающія“ домовъ терпимости... Не то по дорогѣ онѣ могли бы еще „запутаться“ и вовсе не добраться до больницы...

На другой день, проспавшись, онѣ чаще всего стыдятся грубости и буйства, проявленныхъ наканунѣ, и искусственною развязностью прикрываютъ свое разкаяніе... Но фельдшерница, которая отлично знаетъ каждую изъ своихъ „ребятокъ“, тутъ съ тонкаго психолога угадываетъ, какъ привести почти каждую къ требованіямъ больничной субординаціи.

И Анна Р. застидилась и покраснѣла отъ оклика фельдшерницы.

— Гдѣ только тебя угораздило такъ разукраситься?!.. Анна скорѣе накидываетъ рубашку на свое бѣдное, набитое, какъ у собаки, тѣло... Хроническая алкоголичка, она, конечно, первая участвуетъ въ каждой дракѣ, въ каждомъ скандалѣ, и, конечно, ей же первой попадаетъ отъ ея собутыльника—гостя...

У больной оказываются довольно пустяжныя явленія.

— Жалко ее... Пускай хоть отдохнетъ тутъ немного и покормится...—говоритъ фельдшерница по нѣмецки врачу, и тотъ съ нею соглашается...

Да, правда, пусть отдохнетъ здѣсь эта несчастная... Здѣсь согрѣется ея усталое тѣло, здѣсь поблекнутъ ея синяки и подтеки, здѣсь не будетъ куражиться надъ нею веселый гость...

Какая, однако, иронія судьбы!.. Есть такія жалкія созданія, для которыхъ Калинкинская больница—идеалъ отдыха...

Слѣдующая!..

Къ врачу приближается красивая, стройная дѣвушка съ пышною копною рыжихъ волосъ... Это *Александра Р.* Она вся почти съ ногъ до головы усыяна сифилитическими явленіями. Съ такими рѣзкими проявленіями болѣзни Александра Р. представляетъ громадаѣйшую опасность зараженія. Это въ нѣкоторомъ родѣ живой очагъ, живой факелъ сифилиса... Однако, она еще

совершенно не лечилась. И въ комитетъ, и въ Калинкинскую больницу она попала впервые... Исторія этого случая слѣдующая. Александра Р. работаетъ въ мастерской дамскихъ нарядовъ. Около года тому назадъ она начала „гулять“, не оставляя при томъ, однако, работы въ мастерской. Не мало есть такихъ ремесленницъ, которыя увеличиваютъ этимъ путемъ свой скромный бюджетъ... Когда заразилась Александра Р.—она сама не знаетъ, но несомѣнно, что она въ свою очередь успѣла передать заразу многимъ... Конечно, она могла бы еще долго продолжать свою губительную дѣятельность. Но одинъ изъ ея кавалеровъ написалъ сообщеніе во врачебно-полицейскій комитетъ, указавъ мѣстожительство Александры Р. Ее забрали изъ мастерской и, освидѣтельствовавъ въ комитетѣ, переслали въ Калинкинскую больницу. При осмотрѣ, больная ведетъ себя весьма апатично... Повидимому, не понимаетъ, почему ее забрали, и не сознаетъ того, сколько неизгладимаго зла она, можетъ быть, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ систематически сѣяла вокругъ себя!..

Новенькія осмотры, записаны тѣмъ назначено соотвѣтствующее леченіе... Теперь начинаютъ быстрою чередою сѣняться „старыя“.

— Остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Ида В. Нѣмка изъ Риги. 18 лѣтъ. Очень интеллигентное лицо. Дѣлательна и сдержана въ обращеніи. Въ рубрикѣ предшествовавшихъ занятій значится: гувернантка. Фактическая исторія такова: 16 лѣтъ прибыла въ Петербургъ. Вскорѣ сошлась съ господиномъ, при дѣтяхъ котораго служила въ качествѣ бонны. Женою этого господина изгнана изъ дома и очутилась „на проспектѣ“, гдѣ была ночью захвачена врачебно-полицейскимъ надзирателемъ, какъ „бродячая“ женщина, и попала на излѣченіе въ Калинкинскую больницу. Здѣсь въ судьбѣ Иды В. приняла участіе фельдшерица В—ръ, и, по ея инициативѣ, 16-лѣтняя дѣвушка была отослана въ Ригу, къ родителямъ. Однако, спустя два мѣсяца, она очутилась почему то опять въ Петербургѣ, и даже прямо съ вокзала попала въ одинъ изъ публичныхъ домовъ. Теперь она „билетная“ и сифилитка вторичнаго періода.

Евдокія М. Производитъ впечатлѣніе ветхой старухи. Измождена до крайности. Кости да кожа... Вся въ морщинахъ. Потухшій, старческій взглядъ... Однако, ей всего 32 года. Судя по скорбному листу, она послѣдовательно значилась „билетною“, затѣмъ „бланковою“, затѣмъ „папиросницей“, затѣмъ „безъ занятій“. Послѣднее опредѣленіе равносильно нищенству. Изъ публичнаго дома ее выгнали, когда ея доходы перестали покрывать расходы хозяйки. Она стала „бланковой“, но могла занимать это амплу только до тѣхъ поръ, пока имѣла хоть для кого-нибудь притягательную силу. Потомъ, когда и пьяные перестали обращать на нее вниманіе, она пошла на папиросную фабрику. Здѣсь, въ атмосферѣ

табака и алкогольнаго угара, были потеряны послѣдніе остатки здоровья. Теперь Евдокія М. нищенствуетъ *). Находясь въ безвредномъ для окружающихъ періодѣ болѣзни, она придирается къ каждому малѣйшему случаю, чтобы придти въ Калининскую больницу и вылянчить позволеніе полежать тамъ и отдохнуть. Жаль эту несчастную, и, если только есть какая-нибудь возможность, ей даютъ больничную койку и лѣчатъ то незначительное болѣзненное явленіе, съ которымъ она, конечно, могла бы отлично оставаться на улицѣ.

Для такихъ бездомныхъ сифилитичекъ, нищихъ ех-проститутокъ, необходимо было бы устроить какой-нибудь пріютъ. Это, мнѣ кажется, прямая задача тѣхъ благотворительныхъ обществъ, которыя посвятили свою дѣятельность „павающимъ женщинамъ“.

Большой жалости и состраданія достойны эти жертвы общественнаго темперамента, пришедшія къ полному маразму въ томъ возрастѣ, который обычно у женщины считается періодомъ полного расцвѣта физическихъ и интеллектуальныхъ силъ.

Но, какъ это ни странно, въ той же средѣ поденщицъ любви, правда, весьма рѣдко, встрѣчаются типы, идущіе совершенно въ разрѣзъ съ логикой вещей.

Вотъ *Капитолина К.* „бланковая“. Это краснощекая, дѣвствующая здоровьемъ, низкорослая, но крѣпкая дѣвушка, которой никакъ болѣе 20 лѣтъ дать нельзя. Однако, ей уже 28 лѣтъ, и, если взглянуть на физическую исторію ея жизни и болѣзни, то никакъ нельзя понять, почему она такъ удивительно сохранилась. Вышла на улицу Капитолина К. съ 15 лѣтъ. Въ 16 лѣтъ она впервые попала въ Калининскую больницу. Съ 18 лѣтъ у нея сифилисъ. Каждый годъ она обязательно по нѣскольку разъ попадаетъ въ больницу. Если сосчитать, сколько всего времени за эти 12 лѣтъ она провела въ больницѣ, то получится солидная сумма въ 52 мѣсяца, т. е. 4 года 4 мѣсяца. Такимъ образомъ $\frac{1}{3}$ жизни Капитолина К. отдаетъ своей болѣзни и больницѣ. Кромѣ того, это привычная, хроническая алкоголичка. На тѣлѣ у нея много слѣдовъ разныхъ пораненій и ушибовъ.

Въ хмѣлю она буйна и постоянно лѣзетъ въ драку... И при всемъ этомъ разрушающемъ организмъ прошломъ—такая непонятная свѣжесть, юность, отъ которой такъ и пышетъ здоровьемъ!.. Благодаря пьянству, Капитолина К. чаще всего и попадаетъ въ больницу. Здѣсь всѣ къ ней очень расположены. Она веселитъ всѣхъ, любитъ поохотать и подурачиться. Въ больницѣ не найти болѣе кроткаго и послушнаго существа. Никакой печати разврата и разгула нѣтъ на ней. И это послѣ 12 лѣтъ занятія своимъ промысломъ. При томъ, во все время пребыванія въ больницѣ

*) Въ Малковскомъ пер., на Сѣнной, на Лиговкѣ можно часто натолкнуться на этихъ несчастныхъ „бывшихъ женщинъ“, сифилитокъ третичнаго періода, вымаливающихъ подаеніе.

она не перестает работать: шьет бѣлье, строчитъ, кроитъ. Фельдшерица Т. О. В—ръ не можетъ ею нахвалиться... Пробовали ее разъ устроить въ Домъ Милосердія, но страсть къ водкѣ брала свое. Она бѣжала оттуда и, напившись, дебоширила дѣтѣхъ поръ, пока не попала въ участокъ... Вотъ прекрасная, но безусловно больная душа, къ которой не знаешь, какъ подойти, не знаешь, какъ спасти ее!.. Повидимому, все горе тутъ въ алкоголизмѣ. Не будь его, Капитолина К. жила бы совсѣмъ иною жизнью. Ее слѣдовало бы отправить прежде всего въ лѣчебницу для алкоголиковъ. Но у насъ вовсе и нѣтъ такого бесплатнаго учрежденія. А никакіе Дома Милосердія, конечно, помочь тутъ не могутъ.

Кстати, вслѣдъ за Капитолиной К. передъ врачомъ проходить *Прасковья П.* Это другой примѣръ долгаго пребыванія въ Калинкинской больницѣ. Значится она прислугой, 22 лѣтъ отъ роду, впервые забрана обходомъ въ іюлѣ 1898 г. Изъ комитета прислана въ больницу. И здѣсь *безвысочно* пробывъ по іюль 1900 г., т. е. цѣлыхъ 2 года. Были такіе моменты, когда Прасковья П. могла бы быть выпущена изъ больницы. Но такъ тутъ основалась, такъ привыкла, что никакого желанія выйти на волежный воздухъ не имѣла. Это повидимому, существо съ очень слабо развитымъ чувствомъ тепла, гдѣ ее кормятъ, гдѣ къ ея услугамъ чистая комната, гдѣ идеальное существованіе. Больница—ея домъ: она помогаетъ сидѣлкамъ, фельдшерицѣ, шьетъ и штопаетъ... За стѣнами же больницы стонетъ вьюга, а внутри покрыты стѣны трущобы, гдѣ она въ продолженіе мѣсяцевъ „ожидала мѣста“, а ночью, цѣной позора и болѣзни, зарабатывала себѣ на пропитаніе...

Большинство проститутокъ, однако, цѣнить свободу очень высоко.

Вотъ *Александра Р—на* 18 лѣтъ, „комиссная“, безпаспортная. Говоритъ, что забрана впервые; въ Калинкинскую больницу попала впервые же. Однако, фельдшерица, всмотрѣвшись, узнаетъ въ ней больную, которая въ качествѣ „комиссной“ уже была здѣсь раньше и назвалась Р—вой. Въ концѣ концовъ дѣвушка сознается, что дѣйствительно она рецидивистка, и именно Р—ва. Ея больничный листокъ былъ найденъ безъ труда. Оказалось, что за Р. уже цѣлая, довольно длительная, исторія болѣзни, и что въ качествѣ сифилитички она попадаетъ въ больницу въ 4-й разъ. Въ чемъ смыслъ этого самозванства и замѣны фамиліи?.. Дѣло въ томъ, что, когда „бродячая“ женщина въ продолженіе небольшого срока трижды забирается обходомъ, да еще оказывается сифилитичкой, то ее почти заставляютъ взять „бланку“, т. е. записаться въ ряды официальныхъ проститутокъ*), и, слѣдова-

*) Далѣе я поговорю о томъ, насколько это правильно.

тельно, она подчиняется систематическому, обязательному врачебному надзору. Резонъ тутъ тотъ, что такъ часто „гуляющая“ ночью „на проспектъ“ женщина-сифилитка вѣроятнѣе всего занимается тайною проституціей, и, слѣдовательно, представляетъ собою большую опасность зараженія. Вотъ именно, чтобы не получить бланки, чтобы не быть обязанными являться на врачебные осмотры, чтобы быть свободными, нѣкоторыя безпаспортныя женщины называются ложною фамиліей, говорятъ, что онѣ попались впервые. Если не установить ихъ тождество съ занесеннымъ уже въ комитетскіе списки лицомъ, то послѣ выписки изъ больницы ихъ высылаютъ изъ города, какъ безпаспортныхъ, но такъ какъ въ дѣйствительности паспортъ у нихъ есть,—онѣ скоро вновь возвращаются въ столицу и опять свободно живутъ, прописанныя въ участѣ. Это довольно сложная комбинація, но продѣлать ее, можетъ быть, вовсе не такъ трудно, какъ пересказать. Опытная и очень памятливая на лица, фельдшерица Б—ръ, однако, довольно часто обнаруживаетъ такихъ симулянткоѣ, и онѣ попадаютъ въ списки поднадзорныхъ.

Александра Р. — въ — при каждомъ осмотрѣ обнаруживаетъ свое тяготѣніе къ свободѣ. Она грубитъ врачу, доказываетъ, что получила уже достаточное количество ртутныхъ инъекцій, ругается, споритъ, плачетъ... Вообще положеніе врача во время осмотра подчасъ довольно тягостное. Петербургскихъ, неводержанныхъ на языкѣ особъ передъ нимъ проходить достаточно. Онѣ пользуются малѣйшимъ поводомъ, чтобы выразить свое недовольство. Одна требуетъ замѣнить ей впрыскиваніе втираніями; другая заявляетъ, что врачъ долженъ перемѣнить ей діету; третья наотрѣзъ отказывается отъ всякаго лѣченія. Особенно недовольство усиливается передъ „днемъ выписки“. День этотъ — въ среду. Тѣ, которыхъ врачъ находитъ уже возможнымъ освободить отъ лѣченія, въ этотъ день покидаютъ стѣны больницы. И вотъ начинается плачь, скрежетъ зубовой, притворная истерика среди надѣявшихся попасть въ ближайшую среду на выписку и обманувшихся въ своихъ ожиданіяхъ. Много хладнокровія, терпѣнія и такта нужно врачу, чтобы урезонить расхвалившихся проституткоѣ. Большую помощь въ этомъ отношеніи оказываетъ опять таки фельдшерица: гдѣ прикрикнетъ, гдѣ пожалѣетъ, гдѣ убѣдитъ — и, въ концѣ концовъ, добьется относительнаго спокойствія. Конечно, въ настоящее время авторитетъ врача и фельдшерицы среди лѣчащихся проституткоѣ настолько установленъ, что по большей части дѣло не доходитъ до крупныхъ обостреній. Но вовсе недалеко еще то время (лѣтъ 15—20 тому назадъ), когда недоразумѣнія кончались формальными скандалами, бунтами, когда летали мѣдные тазы и разбивались оконныя рамы...

Передъ нами проходитъ *Генриетта Д.* Это оригинальнѣйшая

личность, на которой слѣдуетъ остановиться. Я назвалъ бы ее убѣжденной, „идеальной“ проституткой. Конечно, мнѣ не приходилось съ нею много говорить. Извѣстная духовная замкнутость и недоверіе по отношенію къ врачу вполне понятны. Но и тѣ немногія фразы, которыя я услышалъ изъ ея устъ, открыли мнѣ совершенно своеобразное по своему цинизму міросозерцаніе... Быть можетъ, Генріетта Д. психически не совсѣмъ нормальна... Быть можетъ, ея своеобразная логика свидѣтельствуетъ о большой самостоятельности мышленія, о своеобразной „переоцѣнкѣ цѣнностей“...

Генріетта Д. убѣждена, что быть проституткой не представляетъ ничего постыднаго, что это только одинъ изъ тѣхъ способовъ, которыми судьба и социальныя условія предоставили женщинамъ зарабатывать себѣ пропитаніе. Каждая свободная женщина вольна выбрать любой способъ труда. Проституція—такой же трудъ. Генріетта Д. называетъ его такимъ же ремесломъ, какъ портняжничество, башмачничество и т. п. Никакой любви, никакого участія сердца при указанныхъ ремеслахъ вѣдь не требуется... Не требуется этого и при исполненіи обязанностей проститутки. Проститутка должна только добросовѣстно нести свою специальную службу. Духовный же міръ ея совершенно свободенъ. Духовная жизнь ея течетъ въ сторонѣ отъ ея повседневныхъ обязанностей, не менѣе тяжѣлыхъ, чѣмъ у ремесленниковъ и иныхъ цеховъ. Стыдиться своихъ занятій проститутка никоимъ образомъ не должна, ибо каждый выбираетъ себѣ тотъ трудъ, который болѣе для него подходитъ. Д. идетъ далѣе. Она говоритъ, что, при такомъ взглядѣ на проституцію, какъ на одну изъ отраслей свободного женскаго труда, эта специальность имѣетъ много преимуществъ. Если тутъ представляется большая опасность для здоровья и жизни, то вѣдь всякій ремесленный, а особенно фабричный трудъ связанъ съ нимъ. Преимущества же проституціи: ея свобода, удовлетвореніе врожденной женской склонности къ ухаживателямъ и нарядамъ, легкомысленное веселье, которое является чаще всего обязательнымъ спутникомъ этого ремесла.

Въ общихъ чертахъ я передалъ, насколько могъ точно, міровоззрѣніе Генріетты Д. Комментировать его не стану; во всякомъ случаѣ, не считая возможнымъ умолчать объ этомъ оригинальномъ „credo“ проститутки. Въ самой личности Генріетты Д. не видно ничего ненормальнаго, какъ не видно и ничего циничнаго. Это очень красивая особа. Вѣще на ней тонкое, дорогое; обувь изящная. Мѣрило благосостоянія такимъ образомъ на лицѣ... Къ тому, что она называетъ „своими обязанностями“, Генріетта Д. относится тщательно. На врачебно-полицейскіе осмотры является съ примѣрной аккуратностью. Весь курсъ лѣченія, который ей назначенъ въ больницѣ, исполняетъ безпрекословно. Самостоятельность ея права, однако, высказывается въ презрительной над-

менности и склонности къ протесту, лишь только ей кажется, что затронута чувство ея человѣческаго достоинства, или что въ больницѣ совершается что-нибудь не согласное съ справедливостью. Она заступаетъ за всякую обиженную, она покровительница слабыхъ... Она придирается къ малѣйшему случаю, чтобы наговорить кучу дерзостей и побунтарить. Она всегда умѣетъ подбить окружающихъ и найти толпу послушныхъ союзницъ. Врачи и фельдшерицы избѣгаютъ связываться съ нею, такъ какъ дѣло можетъ кончиться крупною непріятностью.

Для меня казалось страннымъ, что такая свобододолюбивая, нетерпимая особа не „бланковая“, а „билетная“, т. е. живетъ въ домѣ терпимости. Обыкновенно эти дома населяютъ существа именно инертныя, съ ослабленною волей, которыя боятся, что на свободѣ онѣ не сумѣютъ сносно устроиться, и которыя спокойны въ домѣ терпимости, такъ какъ во всякомъ случаѣ квартира, столъ и одежда тутъ обезпечены хозяйкой. Но, со словъ одной изъ подругъ Генріетты Д., я понялъ, что положеніе этой послѣдней въ домѣ терпимости совершенно особенное, привилегированное. Не ею помыкаеть хозяйка, а, при желаніи, она терроризируетъ хозяйку. Генріетта Д. говоритъ на трехъ языкахъ, остроумна, оригинальна въ бесѣдѣ. Она умѣетъ привлечь самыхъ дорогихъ и доходныхъ гостей. Немудрено, что владѣльцы домовъ терпимости дорожатъ ею и даже отбиваютъ ее другъ отъ друга. Случайно мнѣ удалось узнать, что Генріетта Д., кромѣ того, не прочь исполнить и роль „эmissарши“...

У содержательницъ домовъ терпимости имѣются особыя довѣренныя лица, которыхъ задача состоитъ въ томъ, чтобы подыскать свѣжій живой товаръ, для обновленія наличнаго персонала „дома“. Эти эmissарши посѣщаютъ всѣ тѣ пункты, гдѣ происходитъ большое скопленіе неимущаго женскаго элемента: станціи желѣзныхъ дорогъ, рынки, конторы для найма прислуги и т. д. Ошибочно было бы думать, что большинство жертвъ заманивается въ домъ терпимости обманомъ, подъ предлогомъ найма на службу въ горничныя, компаньонки, конторщицы и т. д. Неправда. Большинство туда идетъ, хотя съ отчаянія, но вполне сознательно, понимая, куда и зачѣмъ онѣ идутъ. Эmissарша, напримѣръ, снуетъ и присматривается въ конторѣ для найма прислуги. Тутъ много дѣвушекъ, которыя мѣсяцами не могутъ дожидаться мѣста, много деревенскихъ молодежи, которыя пришли въ Петербургъ съ рублемъ въ карманѣ и сразу остались ни съ чѣмъ. Къ нимъ то и подсаживаются эmissарши. Часто требуется немного терпѣнія и труда, и эmissарша приводитъ съ собой къ хозяйкѣ нѣсколькихъ молодыхъ дѣвушекъ, которыя сознательно (на сколько вообще при крайней нуждѣ можно быть сознательнымъ) перекочевываютъ въ домъ, гдѣ ихъ кормятъ, гдѣ ихъ будутъ обувать и одѣвать.

Въ Калининской больницѣ эмиссаршамъ представляется нѣсколько иное поле дѣятельности.

Здѣсь, во-первыхъ, имѣется цѣлое отдѣленіе для вольныхъ (8-ое отдѣленіе). Вѣдь всякая свободная, немущая женщина, которая заболѣла одною изъ такъ называемыхъ венерическихъ болѣзней, можетъ найти пристанище въ Калининской больницѣ и здѣсь подвергнуться серьезному лѣченію. Такая женщина и поступаетъ въ вольное отдѣленіе. Въ этомъ отдѣленіи, однако, большое смѣшеніе элементовъ. Попадаютъ особы и вполне приличные, и еще не окончательно павшія, но, такъ сказать, балансирующія на границѣ добра и зла, и, наконецъ, тайныя проститутки, которымъ удалось избѣжать регистраціи. Само собою понятно, къ какимъ печальнымъ результатамъ это должно вести. Колеблющаяся, стоящая на распутьѣ попадаютъ подъ вліяніе опытныхъ проститутокъ и, по выходѣ изъ больницы, сами спеціализируются въ области разврата... Не даромъ „вольное“ отдѣленіе Калининской больницы на мѣстномъ арго называется „приготовительнымъ пансіономъ“. Эмиссарша-проститутка, вроде Генріетты Д., занимается улавливаніемъ среди питомицъ своего отдѣленія наиболѣе молодыхъ и интересныхъ жертвъ. Послѣ „выписки“ изъ больницы, онѣ попадаютъ въ домъ, куда направляетъ ихъ эмиссарша.

Богатый матеріалъ въ этомъ смыслѣ представляютъ „бланковыя“ и особенно „комиссныя“. Последнія, не знающія, куда голову склонить по выходѣ изъ больницы, легче всего, конечно, поддаются увѣщаніямъ и на приманку теплаго угла и сытой жизни летятъ, какъ мотыльки на огонь...

Генріетта Д., вѣроятно, одна изъ энергичнѣйшихъ эмиссаршъ, по той именно, причинѣ что она проститутка „убѣжденная“, такъ сказать „идейная“, проститутка, горячо проповѣдующая свое оригинальное ученіе. Ея энергичная, зажигательная рѣчь должна совершенно подчинить себѣ волю слабыхъ и хилыхъ дѣвушекъ... Мнѣ самому пришлось быть свидѣтелемъ случая, гдѣ безспорно чувствовалась рука Генріетты Д.

Комиссная — мастерица Анна Р., о которой я говорилъ выше, попала въ больницу какъ разъ въ то время, когда Генріетта Д. заканчивала здѣсь курсъ лѣченія. Красивая дѣвушка, вѣроятно, обратила на себя вниманіе Генріетты. Я не разъ видѣлъ ихъ прогуливающимися подъ руку въ больничномъ корридорѣ. Генріетта Д. въ свое время была выписана. Но вотъ странное обстоятельство. Она вновь поступила черезъ 3 недѣли, съ очень незначительными явленіями въ горлѣ. Она явилась по собственному желанію, требуя, чтобы ей назначили соотвѣтствующее лѣченіе. Конечно, больной-сифилитичкѣ отказать въ этомъ были не въ правѣ. Затѣмъ Генріетта Д. выписалась въ одинъ день съ Ан-

ней Р., и я узналъ впоследствии, что Анна прямо попала въ домъ терпимости...

Слѣдуютъ нѣсколько типовъ, хотя менѣе интересныхъ, но выдѣляющихся среди этой толпы торгующихъ тѣломъ.

Надежда М. 21 года, бланковая; беременна 7 мѣсяцевъ. Была совращена приказчикомъ изъ галантерейной лавки, а когда забеременѣла,—брошена на произволъ судьбы. Въ отчаяніи, не имѣя средствъ къ жизни, взяла бланку и пошла торговать собой. Мѣсяцъ тому назадъ заразила и пошла въ Калининскую больницу. Надежда М. хочетъ остаться до родовъ въ больницу и затѣмъ вернуться на путь честной жизни, поступить въ Домъ Милосердія. Желаніе ея, конечно, будетъ исполнено.

Странно присутствіе беременной женщины среди этой толпы... Однако, явленіе это если не частое, то и не столь рѣдкое. Случается, что забеременѣваютъ женщины, много лѣтъ занимающіяся развратомъ въ домахъ терпимости. И женщины эти „донашиваютъ“ и рожаютъ. Такова энергія природной способности материнства!.. Нерѣдко бываетъ, что материнство настолько озаряетъ и очищаетъ душу профессиональной проститутки, что она бросаетъ домъ терпимости и начинаетъ жить трудовой жизнью самостоятельной женщины... Надолго ли,—не знаю, но во всякомъ случаѣ тутъ, какъ нигдѣ, подтверждается облагораживающее вліяніе материнства...

Кромѣ Надежды М. въ больницу, но въ другомъ уже отдѣленіи, мнѣ пришлось видѣть еще одну беременную. Та была уже „на сносяхъ“ и должна была родить дней черезъ 5—6. Исторія этой дѣвушки болѣе драматична. *Екатерина О.*, 18 лѣтъ, швея, прѣзжая. Годъ тому назадъ сошлась съ какимъ-то лакеемъ. Вскорѣ забеременѣла. Лакей первое время поддерживалъ съ нею связь. Затѣмъ онъ надумалъ жениться на другой. Узнавъ объ этомъ, Екатерина О., во время прогулки съ своимъ возлюбленнымъ, бросилась въ Фонтанку. Лакей силой удержалъ ее и потомъ придумалъ слѣдующую комбинацію, чтобы освободиться отъ слишкомъ нервной любовницы. Онъ сказалъ ей, что въ Петербургѣ имѣется такой комитетъ, куда стоитъ только явиться и попросить „бланку“, какъ судьба Екатерины О. будетъ устроена самымъ лучшимъ образомъ: ее приютятъ и будущаго ребенка ея воспитаютъ... Онъ же самъ, какъ человѣкъ бѣдный и подневольный, конечно, ничѣмъ матеріально ей помочь не можетъ, а только въ состояніи дарить ей свою любовь... Мерзавецъ этотъ самъ привелъ свою любовницу къ дому, гдѣ помѣщается комитетъ, и втолкнулъ ее туда. Можно себя представить, какое впечатлѣніе на присутствующихъ произвела несчастная дѣвушка въ послѣднемъ періодѣ беременности, пришедшая умолять, чтобы ей выдали „бланку“... Конечно, въ ней приняли самое горячее участіе... Хотя не понимаю, почему ее вздумали направить въ Калининскую больницу, когда подобающее ей мѣсто было въ городскомъ ро-

дильномъ пріютѣ. Однако, и это оказалось къ лучшему: въ Калининской больницѣ столь же сердечно отнеслись къ судьбѣ Екатерины О. Здѣсь она благополучно родила, а затѣмъ поступила съ ребенкомъ въ Домъ Милосердія. Фельдшерица Б. съ обычною своею энергіей взялась пріискать ей мѣсто и занятія. Такимъ образомъ, направивъ свою несчастную жертву въ комитетъ, подлець-лакей случайно сотворилъ благо, избавивъ свою жертву отъ тяжелой нужды и отъ перспективы стать проституткой...

Ирина Я. 26 лѣтъ—кронштадтская проститутка. Поступила добровольно для лѣченія. Дѣло въ томъ, что въ Кронштадтѣ нѣтъ бесплатной больницы для проституткокъ. Ихъ подвергаютъ періодическимъ осмотрамъ врачи мѣстнаго морского госпиталя, и, попадая въ этотъ госпиталь для лѣченія, онѣ должны платить по 83 коп. въ сутки. Для немущихъ „матросскихъ“ жрицъ любви, конечно, это не по средствамъ, хозяйки же за нихъ платить не желаютъ; поэтому кронштадтскія проститутки являются въ Петербургъ и бесплатно поступаютъ въ Калининскую больницу. Едва ли это выгодно для города, который, въ сущности, обязавъ лѣчить только своихъ, петербургскихъ. Бываютъ случаи, что Калининская больница переполнена, а тутъ еще занимаютъ мѣсто пришлыя, кронштадтскія гости.

Ирина Я. интересна тѣмъ, что у нея добрая четверть туловища занята татуировкой... Чего тутъ только нѣтъ: и какой-то военный фрегатъ, и спасательный кругъ съ якоремъ, и прекрасно вытравленный маякъ на скалѣ—въ общемъ все больше картины морского быта. Но есть, конечно, и два—три рисунка безсодѣльно-циничнаго содержанія...

Вообще татуировка среди проституткокъ очень распространена. Обыкновенно соотвѣтствующія эмблемы и инициалы выжигаютъ „на память“ возлюбленные проституткокъ. Циничные надписи и эскизы, вѣроятно, выжигаются въ пьяномъ видѣ. Чаше, однако, встрѣчаются знаки любовно-идеальнаго характера: переплетенные инициалы, соединенныя кольца, сердца, пронзенныя стрѣлой, два воркующихъ голубя. Кладутся эти „тавры“ по большей части на предплечья. Нѣсколько разъ мнѣ приходилось видѣть въ безпорядкѣ расположенныя круглыя, нѣсколько втянутыя отмѣтины на груди. Эта своеобразная татуировка—по просту слѣды тлѣющей папиросы, которую благодушно расхалившіеся посѣтителы имѣютъ обыкновеніе *тушить* о грудь проститутки... Не дурной способъ веселиться...

За послѣдніе годы въ Англіи и въ Америкѣ—мода на татуировку. Если бы высокочтимыя леди знали, что это выжиганіе кожи обычное украшеніе самыхъ низкопробныхъ проституткокъ, едва ли бы онѣ покушались на такое модное новшество!..

Нина И. 16 лѣтъ, комиссная. Эта представляетъ интересъ

тѣмъ, что ясно иллюстрируетъ собою одинъ изъ недостатковъ существующей системы регламентаціи. Въ 14 лѣтъ „по листку“ она значится комиссной: съ сифилитическими явленіями она тогда находилась въ Калининской больницѣ. Въ 15 лѣтъ ей дали уже бланку. Бланку собственно не имѣютъ права выдавать раньше, чѣмъ проституирующей наступитъ 17 лѣтъ. Сколько бы разъ она ни была захвачена обходомъ, сколько бы разъ ни являлась въ комитетъ, но ее опять отпускаютъ на всѣ четыре стороны, хотя бы завѣдомо знали, что она торгуетъ собой, и подобно Нинѣ И. даже заражена сифилисомъ. Но, повидимому, Нинѣ И. надобно прогуливаться частенько подъ конвоемъ городского въ комитетъ, и она облыжно заявила, что ей 17 лѣтъ, тогда какъ ей было всего 15. Благодаря этой уловкѣ, она получила бланку и могла спокойно заниматься своимъ спеціальностью. Однако, не знаю почему, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ ей оказалось неудобнымъ пребывать въ числѣ бланковыхъ, и, при ближайшей визитаціи въ комитетъ, она объявила, что ей всего 16 лѣтъ, и, быть можетъ, удостовѣрила даже это паспортомъ. Пришлось освободить отъ бланки, выключить ее изъ числа поднадзорныхъ и пустить въ свободное обращеніе. Спустя два мѣсяца, она вновь попалась обходу, и, такъ какъ у нея оказались возвратныя сифилитическія явленія, — опять была направлена въ Калининскую больницу, по старому, въ качествѣ комиссной. Интересно то обстоятельство, что официально, „по листку“, Нина И. все время числится *прислугой*. Подробнѣе по этому поводу мнѣ придется поговорить ниже...

Осмотръ конченъ. Врачъ подписываетъ еще нѣсколько листовъ, имѣющихъ формальное значеніе, и въ 1-мъ часу оставляетъ кабинетъ... Какъ разъ къ этому времени въ широкомъ корридорѣ 4-ой палаты сидѣлки разставили и накрыли столы. Настаетъ время обѣденной трапезы.

II. Источники проституціи.

Когда я изо дня въ день разглядывалъ эту мѣняющуюся, обнаженную толпу официальныхъ проституттокъ, мнѣ неизмѣнно приходила на умъ криминально-антропологическая теорія Ломброзо и Ферреро о „прирожденной проституткѣ“. Прирожденные патологическія отклоненія въ строеніи организма, будто бы, роковымъ образомъ вліяютъ на направленіе жизни женщины и зараженіе отмѣчаютъ ее клеймомъ обреченной на проституированіе... Какъ извѣстно, эта теорія нашла себѣ горячаго сторонника въ профессорѣ В. Тарновскомъ (Проституція и аболиціонизмъ. 1888 г.),

а также и среди его многочисленныхъ учениковъ. Я не стану здѣсь подробно развѣивать основанія этой теоріи, такъ какъ для каждаго не предубѣжденнаго наблюдателя она должна казаться въ высокой степени утрированной.

Берутъ за вѣдомую проститутку и начинаютъ производить установленныя итальянскою школою измѣренія:

Длина правой плечевой + лучевой кости.

Длина правой кисти.

Длина правой стопы.

Отношеніе плечевой + лучевой кости къ росту.

Форма черепа.

Развитіе затылочнаго бугра.

Форма носа.

Положеніе ушей.

Расположеніе зубовъ.

Форма ушной мочки.

и т. д., и т. д.

Если въ одномъ индивидуумѣ сочетается четыре несоотвѣтствія измѣреній, то изслѣдователь вполне доволенъ, такъ какъ „среди проститутокъ встрѣчается чаще, чѣмъ среди преступницъ, *полный типъ*“, подъ которымъ Ломброзо и Ферреро понимаютъ присутствіе не менѣе четырехъ признаковъ вырожденія“ *). Но не дурно, если насчитываются 3—2 или даже одинъ внѣшній признакъ вырожденія. Все же—*ad maiorem teorigiae gloriam*—женщина обречена уже была судьбою быть проституткой!..

Для этого, наприимѣръ, вполне достаточны такіе четыре признака: лобъ, скошенный кзади; сильное развитіе мочки уха (?); неправильная форма ушей (?) и „вздернутый носъ“ (!). Можно, однако, примириться и съ двумя только признаками: наприимѣръ—*съ продолговатыми ушами и вздернутымъ носомъ*—и ярлыкъ „вырожденной“ проститутки на лицо!..

Кромѣ внѣшнихъ отмѣтій, школа Ломброзо сочла нужнымъ надѣлать проститутку и специфическими духовными признаками. Весьма наивно формулируетъ г-жа Тарновская—послѣдовательница школы Ломброзо—эти особенности торгующихъ тѣломъ: „Психическая ненормальность проститутокъ проявляется въ болѣе или менѣе ясно выраженной слабости умственнаго развитія, въ невропатической конституціи и въ характерномъ отсутствіи нравственнаго чувства. Послѣднее подтверждается, между прочимъ, злоупотребленіями половой жизни, а также тѣмъ обстоятельствомъ, что позорное ремесло ихъ представляетъ для нихъ такую при-

*) П. Гиршъ. Преступленія и проституція, какъ социальныя болѣзни. Переводъ съ нѣмецкаго. 1898 г., стр. 26.

влекательную силу, что онѣ охотно возвращаются къ нему даже тогда, когда въ этомъ нѣтъ надобности“ *).

Все это, конечно, общія фразы, которыя съ одинаковымъ правомъ могутъ быть отнесены не къ причинамъ, а къ *последствіямъ* проституціи.

И вотъ—возвращаюсь къ началу,—когда я разглядывалъ эту толпу обнаженныхъ проституттокъ, я всѣмъ сердцемъ долженъ былъ присоединиться къ другой—единственно логичной теоріи проституціи—теоріи существованія этого зла въ зависимости отъ социальныхъ условій жизни...

Я видѣлъ десятки и сотни лицъ, вполне осмысленныхъ, воспримчивыхъ, интеллигентныхъ, которыя не носили на себѣ даже слѣда вырожденія... Я говорилъ съ десятками и сотнями проституттокъ, встрѣчалъ среди нихъ глупыхъ и умныхъ, отсталыхъ и выдающихся по сообразительности... Что изъ того, если при измѣреніи правая плечевая кость кое у кого изъ нихъ окажется длиннѣе нормы?! Вѣдь смѣшно, поистинѣ, придавать этому какое-то рѣшающее значеніе... И какая же это дыравая, произвольная статистика, которая ведется подобнымъ путемъ!.. Нѣтъ, извольте измѣрить поголовно всѣхъ женщинъ, не разбирая ихъ профессій и общественнаго положенія... И тогда, быть можетъ, окажется, что у честныхъ, почтенныхъ матронъ недочеты лучевой кости столь же часты, какъ у патентованныхъ проституттокъ... А то спеціально мѣряютъ вдоль и поперекъ *только* падшую женщину, а о „порядочной“ почему-то совершенно произвольно и безапелляціонно рѣшаютъ, что у нея отклоненій нѣтъ и не должно быть... Почему?.. Кѣмъ и чѣмъ это доказано?!

Нѣтъ, единственно логичная теорія, и даже не теорія, а истина, вопіющая изъ самыхъ нѣдръ жизни тысячею голосовъ, это та, что проституція была, есть и будетъ слѣдствіемъ социальныхъ и экономическихъ условій, и что проституирующія не отъ рожденія отмѣчены постыдною печатью Каина, а что тяготы жизни и окружающія печальныя обстоятельства дѣлаютъ ихъ та-кими.

Въ общихъ чертахъ мнѣ хочется остановиться на контингентѣ торгующихъ тѣломъ и нѣсколько систематизировать тѣ условія, которыя гонятъ ихъ къ этому промыслу...

Изъ безднъ нужды и нищеты выходятъ проститу... Едва ли это подлежитъ сомнѣнію. За нѣсколько мѣсяцевъ мнѣ наблюденій въ Калининской больницѣ, я натолкнулся только на 5 проституттокъ, которыя были зарегистрированы „дворянками“. Одна изъ нихъ говорила, что она собственно бывшая княгиня М. и фигурируетъ теперь подъ чужой фамиліей. Хотя, конечно, кня-

*) *Грязновъ*. Публичная женщина. Картины современной и древней проституціи. Москва. 1901 г. стр. 25.

жеское достоинство этой обитательницы трущобъ подлежало большому сомнѣнію и только заставляло думать о громадной склонности ко лжи, которая распространена среди проститутокъ и которая опять таки является прямымъ послѣдствіемъ ихъ условій жизни. Конечно, дворянство—не есть еще богатство... Но вообще привилегированные классы общества, которые обыкновенно пользуются большимъ достаткомъ и болѣе благоприятными условіями жизни, значительно меньше прикосновенны къ проституціи.

Купеческое сословіе въ отношеніи обезпеченности, конечно, должно выдѣляться изъ общаго числа. Въ дѣйствительности такъ оно и есть. Д-ръ П. Обозненко даетъ слѣдующую подробную таблицу 5,189 зарегистрированныхъ имъ проститутокъ (весь личный составъ поднадзорной проституціи Петербурга за 1891, 1892 и 1893 г.г. *).

Крестьянокъ	47,6 %
Мѣщанокъ	30,1 "
Солдатовъ и солдатскихъ дочерей	7,3 "
Иностранокъ	3,7 "
Дворянокъ	0,8 "
Купческаго званія	0,1 "
Чиновницъ	1,2 "
Незаконныхъ дочерей (никуда не приписанныхъ).	1,6 "
Изъ воспитательнаго дома	0,2 "
Финлянокъ	2,3 "
Духовнаго званія	0,2 "
Потомственныхъ гражданокъ	0,4 "
Неизвѣстнаго званія	2,5 "

У д-ра А. Федорова **), который пользовался матеріаломъ съ 1868 г. по 1899 годъ, приведены слѣдующія абсолютныя цифры:

Крестьянокъ	1231
Мѣщанокъ	883
Солдатскія жены и дочери	316
Изъ воспитательнаго дома	22
Финлянокъ	165
Иностранокъ	115
Купческаго званія	5
Всѣхъ привил. сосл.	72

Выводъ, слѣдовательно, получается одинъ и тотъ же. Матеріальныя невзгоды влекутъ, главнымъ образомъ, низшіе классы къ проституціи. Подчеркиваю „матеріальныя невзгоды“, потому

*) П. Обозненко. Поднадзорная проституція Петербурга, по даннымъ врачебно-полицейскаго комитета и Калинкинской больницы. 1896 г. стр. 21.

**) А. Федоровъ: Grundriss der polizei-ärztlichen Beaufsichtigung der prostitution in St.-Petersburg. стран. 7.

что, по моему искреннему убѣжденію, то, что говорятъ о подъемѣ нравственнаго уровня толпы, о духовномъ ея просвѣщеніи, внесетъ очень мало практическихъ измѣненій въ этотъ вопросъ... Много ли помогутъ хорошія слова, благіе мысли и порывы, когда голодъ и нищенская обстановка мучатъ человѣка и гонятъ его на улицу. Нѣтъ, только подъемъ *экономическаго* благосостоянія низшихъ классовъ направитъ этотъ вопросъ по другому руслу...

Присмотримся нѣсколько ближе къ тѣмъ сторонамъ нищенскаго существованія, которыя играютъ въ данномъ случаѣ главную роль.

Начнемъ съ условій совместной жизни бѣдности. Нигдѣ, конечно, не происходитъ такого тѣснаго соприкосновенія половъ, какъ среди бѣдности. Въ единственной комнатѣ избы набита не только вся громадная семья, но даже, въ зимнее время, и домашнія животныя. Еще хуже въ городскихъ угловыхъ квартирахъ, ночлежкахъ и трущобахъ. Въ избѣ спать вмѣстѣ хоть родственные люди, одной и той же семьи. Въ углахъ—совершенно различные, другъ другу чуждые, пришлые элементы. Нигдѣ не можетъ быть легче дѣвушка дойти до паденія, какъ въ такой обстановкѣ. Дѣти и подростки тутъ знаютъ все и видятъ все. Отношеніе половъ иллюстрируется передъ ними часто и откровенно. Самыя несдержанныя безчинства разврата проходятъ какъ нѣчто привычное и нормальное. Ничего нѣтъ удивительнаго, что дѣвушка, почти ребенокъ, взрослая въ такой средѣ, скоро совершенно сливается съ общимъ теченіемъ этого грязнаго, злобоннаго потока.

Моралисты, очень напирающіе на духовное очищеніе такихъ жертвъ социальныхъ условій, какъ разъ впадаютъ тутъ въ ошибку. Они хотятъ призвать этихъ несчастныхъ путемъ убѣжденія очистить отъ скверны ихъ зараженную порокомъ душу, поднять въ нихъ стыдливость...

Да, но сдѣлавъ все это, куда же они опять отправятъ ихъ, какъ не въ тотъ же грязный уголъ, на потѣху той же трущобной орды, на удовлетвореніе тѣхъ же животныхъ инстинктовъ?! Только переиѣна экономическихъ условій могла бы вырвать эти жертвы изъ засасывающей грязной трясины, только относительное благосостояніе выбросило бы ихъ изъ угловъ въ болѣе приличную обстановку, только это спасло бы ихъ...

Хочу привести здѣсь характеристику крестьянскаго жилища въ Восточной Пруссіи, сдѣланную пасторомъ Виттенбергомъ *): „Благодаря тѣсотѣ, такія жилища являются сводниками разврата, и если одна комната служитъ помѣщеніемъ и спальней для многочисленной семьи съ взрослыми дѣтьми, если взрослые дѣти

*) П. Гирш. Преступленія и проституція, какъ социальные болѣзни, стр. 64.

обоихъ пола опять на одной кровати, или дѣвушки принуждены раздѣлять ложе съ батракомъ, если дѣти являются свидѣтелями брачнаго сожителства родителей, а родители должны быть свидѣтелями полового сожителства батраковъ или своихъ же дѣтей съ ихъ любовницами,—тогда, дѣйствительно, слѣдуетъ удивляться, что въ массѣ существуетъ еще малая доза чувства стыда“.

Такъ обстоитъ дѣло въ деревняхъ Германіи. Не думаю, чтобы въ нашей деревнѣ было лучше. Но, что безусловно еще худшее существуетъ въ городахъ—это не можетъ подлежать сомнѣнію.

Послѣдняя перепись Москвы указала на то, что въ невозможныхъ условіяхъ, низводящихъ человѣка на уровень скотскаго состоянія, тамъ въ углахъ, полу-углахъ и коечныхъ квартирахъ живетъ до 175 тысячъ человѣкъ, т. е. болѣе $\frac{1}{10}$ всего населенія Москвы, и въ этомъ числѣ свыше 38 тысячъ дѣтей. Послѣднее обстоятельство ужаснѣе всего. Пьянство и опиваніе дѣтей широко процвѣтаютъ въ такихъ логовищахъ.

Докторъ Н. Григорьевъ *) сообщаетъ, что изъ 222 мальчиковъ, въ возрастѣ отъ 8 до 13 лѣтъ, съ спиртными напитками были знакомы 166, при чемъ 151 изъ нихъ пили водку систематически. Нѣкоторые заявляли, что могутъ выпить до 3-хъ рюмокъ сразу съ удовольствіемъ, и пьютъ, потому что „хорошо въ головѣ шумитъ“... Изъ 159 дѣвочекъ, въ возрастѣ отъ 8 до 15 лѣтъ, пили 149, изъ нихъ нѣкоторыя „ежедневно“, другія „уже давно“, третьи „бывали пьяны“. Посѣтивъ однажды ночью года три тому назадъ „съ обходомъ“ нѣсколько трущобныхъ квартиръ знаменитой Вяземской лавры, я былъ пораженъ въ одной изъ смрадныхъ комнатъ такою картиной: посреди комнаты буйствовало—буквально буйствовало—крошечное, худосочное дитя: дѣвочка лѣтъ 6—7 ругалась самыми скверными, непотребными словами, изгибало свое дряблѣе тѣло въ самыя рискованныя, неприличныя позы. Когда мы неожиданно вошли въ комнату, гулъ стоялъ тамъ отъ смѣху. Надрывались пьяные мужчины и женщины этой клоаки, „шутки ради“ подпоясавшіе малютку и, вѣроятно, отравлявшіе ее такъ, систематически, ежедневно. Ужасная картина, которую я никогда не забуду!..

Если дѣвушка-подростокъ, расцвѣтшая на такой почвѣ, злобной, пропитанной всякою скверной, прямо не попадаетъ въ ряды проституціи (что весьма удивительно), или если она принадлежитъ къ нѣсколько болѣе обезпеченному сословію, то ей потомъ предстоитъ еще цѣлый рядъ испытаній, соблазновъ и препонъ, изъ которыхъ выйти чистой поистинѣ трудно. Такая дѣвушка попадаетъ въ толпу самостоятельно трудящихся, идетъ изъ бѣднаго угла или изъ деревни на заработки. Этихъ дѣвушекъ,

*) Григорьевъ Н. И. Алкоголизмъ и преступленія въ г. С.-Петербургѣ. С.-Петербургъ 1900 г.

главнымъ образомъ, можно раздѣлить на слѣдующія категоріи: 1) прислуга; 2) ремесленницы: портнихи, бѣлошвейки, корсетницы, цвѣточницы и другихъ специальностей, кормящіяся вокругъ капризовъ моды, и 3) фабричныя работницы.

Если посмотрѣть на подробную таблицу *прежнихъ занятій* зарегистрированныхъ проститутокъ Петербурга *), то общій итогъ ихъ можно подвести подъ 3 категоріи:

а) Прислуга:

Одной прислугой	36,5%
Прачки	7,0 "
Горничныя	5,0 "
Кухарки	4,0 "
Поденщицы	2,7 "
Няньки	1,7 "

Итого 56,9%

б) Мастерницы разныхъ цеховъ:

Портнихи	9,0%
Бѣлошвейки	4,0 "
Чулочницы	1,6 "
Башмачницы	1,3 "
Шапочницы	1,1 "
Галстучницы	0,7 "
Корсетницы	0,7 "
Модистки	0,3 "

Итого 19,7%

в) Фабричныя:

Бумагопрядильщицы	8,0%
Папиросницы	9,0 "
Коробочницы	1,0 "
Басонщицы	0,7 "

Итого 18,7%

Представительницы этихъ трехъ категорій въ суммѣ даютъ 95,3%. Такимъ образомъ, на всѣ остальные профессіи (продавщицы, сидѣлки, бонны, конторщицы и т. д.) остается всего на всего 4,7%... Съ экономической теоріей эти фактическія данныя находятся въ полномъ соотвѣтствіи, и точно такъ же ими разрушаются басни о „врожденной проституткѣ“.

Разсмотримъ условія существованія трехъ главныхъ источниковъ, несущихъ свои волны въ грязный бассейнъ проституціи.

*) А. И. Федоровъ. „Позорный промыселъ“. 1901 г. С.-Петербургъ, стр. 5

1) *Прислуга.* Большинство вступающих въ кадры прислуги представляетъ элементъ пришлый, деревенскій. Въ годы неурожая и безработицы этотъ притокъ молодыхъ простонародныхъ дѣвушекъ особенно значителенъ. Но и обычно къ зимѣ, по окончаніи полевыхъ работъ, желѣзныя дороги подвозятъ со всѣхъ сторонъ тысячи крестьянокъ, часто 15—16-лѣтнихъ подростковъ, которыхъ родители сгоняютъ съ хлѣба на заработки съ тѣмъ, чтобы къ веснѣ, къ періоду полевыхъ работъ, онѣ вернулись домой. Не думаю, чтобы и одна десятая часть этихъ пришлицъ дѣйствительно возвратилась въ родную избу. Большинство присасывается столичною культурой и продолжаетъ свою дѣятельность въ качествѣ прислуги, періодически пополняя собой ряды тайной и явной проституціи.

Уже съ момента пріѣзда молодой крестьянки на столичный вокзалъ начинается охота за нею. На перронѣ подкарауливаютъ ее факторши живого товара, содержательницы домовъ терпимости или ихъ ключницы. Мало мальски смазливое личико привлекаетъ ихъ вниманіе. Конечно, чаще всего онѣ подходятъ къ дѣвушкамъ, которыя пріѣхали въ одиночествѣ. Предложеніе дешеваго угла или выгоднаго мѣста иногда производитъ должное впечатлѣніе. Впрочемъ, за послѣдніе годы эта охота на вокзалахъ значительно сократилась. „Общество защиты женщинъ“ вывѣсило на всѣхъ крупныхъ желѣзнодорожныхъ станціяхъ предупреждающее объявленіе о томъ, что молодыя женщины, незнакомыя съ городомъ, не должны довѣряться приглашенію неизвѣстныхъ имъ лицъ, а могутъ обращаться за справками къ уполномоченнымъ общества, а въ тѣхъ центрахъ, гдѣ имѣются бесплатныя или дешевыя пріюты и общежитія—туда, по указанному адресу.

Допустимъ, что такъ или иначе молодая крестьянка благополучно обошла первый подводный камень, пріютилась въ углу, заблаговременно рекомендованномъ ей земляками, побывала кое у кого изъ выходцевъ ея деревни—если таковые въ столицѣ имѣются,—попросила у нихъ покровительства. Теперь начинаются поиски мѣста. Самая сѣрая деревенщина устремляется на Никольскій рынокъ, гдѣ можно нанять прислугу за 2—3 рубля. Но конкуренція тутъ большая, а промышленницы живого товара опять не дремлютъ. Никольскій рынокъ окружонъ трущобными „угловыми“ квартирами, гдѣ процвѣтаетъ самый низкопробный развратъ, гдѣ ласки продаются за самую доступную цѣну. Такса въ 20—30 копѣекъ въ этихъ трущобахъ не считается низкой. Несчастныхъ созданій, служащихъ предметомъ торговли здѣсь, можно встрѣтить на Никольской улицѣ, на углу Садовой, а также въ близъ лежащихъ гостепріимныхъ трактирчикахъ и чайныхъ. Чаще всего это пьяныя, истерзанныя, съ хрипыми голосами, густо накрашенные женщины неопредѣленныхъ лѣтъ, которыя не всегда могутъ прельстить и неразборчивую сѣрую публику, посѣщающую

эти углы. Хозяйки трущобныхъ квартиръ постоянно ищутъ болѣе привлекательный молодой матеріалъ, на который пьянство и развратъ не наложили еще своего клейма. Долгое безрезультатное ожиданіе мѣста, полное истощеніе скудныхъ средствъ и невозможность вернуться въ деревню нерѣдко бросають молодыхъ жертвы въ бездну этихъ трущобъ. Даже одно только близкое соприкосновеніе на Никольской площади молодыхъ, пришедшихъ искать честнаго заработка, дѣвушекъ съ профессиональными, низкопробными проститутками должно оказывать весьма пагубное вліяніе на первыхъ. А это тѣсное соприкосновеніе идетъ всюду: въ общей квартирѣ, гдѣ нанимаетъ койку деревенская дѣвушка, на самой площади, гдѣ среди толпы снуютъ накрашенные прелестницы, въ трактирчикѣ и чайныхъ, куда дѣвушки работницы заходятъ напиться чаю. Такое же, приблизительно, пагубное соприкосновеніе женскаго элемента чернорабочаго съ женскимъ элементомъ — если можно такъ выразиться — чернопротитутуирующимъ замѣчается въ районѣ Сѣнной площади, въ Малковскомъ переулкѣ, на Лиговѣ, на Пескахъ (особенно чайныя 1-ой Рождественской), гдѣ пришлый крестьянскій элементъ въ массѣ концентрируется въ угловыхъ рабочихъ квартирахъ.

Перехожу къ категоріи специальной прислуги, которая не пойдетъ подобно сѣрой крестьянской массѣ искать мѣста на Никольскій рынокъ. Къ услугамъ этого контингента имѣются многочисленные конторы для предложенія труда. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ открыта Петербургской городской управой самая крупная изъ этихъ конторъ, которая своимъ исключительнымъ положеніемъ сразу внушила довѣріе и нанимателю, и прислугѣ. Поэтому сюда именно изъ другихъ конторъ отхлынула волна ищущихъ труда. Мнѣ удалось нѣсколько ознакомиться съ дѣятельностью этой центральной конторы, и, какъ ни благотворно ея лишенное эксплуататорскихъ инстинктовъ отношеніе къ служащему люду, все же и ее не постѣснялись избрать аренной дѣятельности тѣ подозрительно-наглые элементы, которые торговлю женскимъ тѣломъ сдѣлали своею спеціальною. Скажу болѣе, именно благодаря исключительному наплыву въ этой конторѣ молодыхъ дѣвушекъ, спеціальныя промышленницы и промышленники нашли возможнымъ сюда устремить свое особенное вниманіе, оставивъ въ покоѣ частныя конторы, гдѣ кліентура теперь значительно пала...

Въ городской конторѣ за одинъ 1902 годъ число записавшихся служанокъ достигло 16,013; нанимателей перебивало 12,842. Женская прислуга размѣщена въ трехъ большихъ комнатахъ: въ первой—ищущія мѣсто „одной прислугой“, во второй—няни и горничныя, въ третьей—кухарки. Для мужской прислуги, число которой не велико—отдѣльная комната. Но на черной лѣстницѣ эти элементы постоянно сталкиваются, и здѣсь, при вынужден-

номъ бездѣльѣ, происходитъ довольно недвусмысленный флиртъ. То же бездѣлье заставляетъ дѣвушекъ разныхъ категорій вести безконечные разговоры, которые для неопытныхъ, начинающихъ свою карьеру, часто являются причиной первыхъ соблазновъ и паденій. Но есть кое-что и посерьезнѣе этихъ разговоровъ. Обиліе ищущихъ труда, предложеніе, значительно превышающее спросъ, приводитъ къ тому, что неудачливой прислугѣ по многу дней, а иногда и по многу недѣль приходится выжидать мѣста. Средства къ существованію, конечно, мало по малу истощаются, а мѣста все нѣтъ какъ нѣтъ... Между тѣмъ, нужно и поѣсть, и смѣнить стоптанную обувь, и, главное, переночевать. Приходитъ вечеръ, контора закрывается, и дѣвушкѣ надо имѣть свой уголокъ, гдѣ бы голову склонить. Результаты такого критическаго положенія иногда сказываются довольно быстро. На черной лѣстницѣ бродятъ коммиссіонерши и эмиссарши домовъ терпимости. Мало мальски смазливое личико привлекаетъ ихъ вниманіе. Предложенія, смотря по обстоятельствамъ, дѣлаются или напрямикъ, или какъ нибудь благовидно замаскированныя. Тутъ же, подъ воротами, среди мужской прислуги иногда толкуются и низкопробные сутенеры, тоже высматривающіе добычу, которою могли бы воспользоваться. Для болѣе опытныхъ и менѣе застѣнчивыхъ изъ числа искательницъ мѣстъ существуетъ и другой путь.

Отсидѣвъ день въ конторѣ и тщетно продавая мѣста, къ ночи дѣвушка выходитъ „на проспектъ“ и, выѣшавшись въ ряды торгующихъ собой, при удачѣ достигаетъ того, что ночуетъ съ нѣкоторымъ даже комфортомъ въ заплыванномъ номерѣ третьеразрядной гостиницы, досыта наѣдается (иногда и напивается), а къ утру въ ея карманѣ звенитъ еще серебряный рубль. На утро она опять дежуритъ въ конторѣ, поджидая мѣста, а въ случаѣ неудачи, черезъ день—два, когда добытые ресурсы придутъ къ концу, она къ ночи опять „на проспектъ“ ищетъ случайнаго ночного спутника... Кто въ нее броситъ за это камень?..

Справедливость требуетъ сказать, что вообще среди бывалой столичной прислуги примѣры подобнаго совмѣстительства далеко не рѣдки. Есть прислуга, которая и безъ крайней нужды не прочь приработать рубль-другой путемъ тайной проституціи. Къ ночи можно встрѣтить на Литейномъ, Владимірской, Вознесенскомъ и другихъ людныхъ улицахъ, нѣсколько не принаряженныхъ даже, прислугу съ накинутыми на плечи платками, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онѣ бѣгаютъ за провизіей въ лавочку. Эти простоволосыя женщины очень охотно поддаются заигрыванію мимондушнихъ представителей „третьяго сословія“ и, послѣ недолгихъ переговоровъ, готовы пригласить ихъ на часокъ на кухню господъ, у которыхъ въ данное время служатъ. Въ случаѣ чего, посѣтитель можетъ сойти за „кума“; если же гостепріимная кухарка будетъ уличена и изгнана, то на новомъ мѣстѣ ей ничего

не помѣшаетъ тѣмъ же путемъ пополнять свой бюджетъ. Быть можетъ, подобныя прислуги-проститутки начали свой побочный промыселъ въ тѣ критическія ночи, когда, просидѣвъ подрядъ нѣсколько дней въ рекомендательныхъ конторахъ, онѣ остались безъ всякихъ средствъ и, въ силу нужды, цѣною своего тѣла, покупали право на ночлегъ и утоленіе голода... Все входитъ въ привычку, и женщина, рѣшившаяся продаться въ первый разъ изъ за крайней нужды, въ послѣдствіи прибѣгаетъ къ этому просто изъ желанія приработать себѣ на обновку.

Конечно, такая прислуга нерѣдко улавливается агентами врачебно-полицейскаго комитета во время ихъ ночного обхода и тогда, безъ большого сопротивленія, вступаетъ въ кадры официальной проституціи. Все, что я говорилъ выше о „воспитальномъ значеніи“ Никольскаго рынка, разныхъ чайныхъ, угловыхъ квартиръ и рекомендательныхъ конторъ резюмируется тѣмъ, что процентъ проституттокъ, вышедшихъ изъ контингента прислугъ, равенъ громадной цифрѣ—56,9.

Для того, чтобы такой ужасающей цифры не было, конечно, нужны предупреждающія мѣры, между тѣмъ какъ разъ въ этой области „предупрежденія зла“ обществами, которыя посвятили себя борьбѣ съ проституціей, сдѣлано очень немного.

На 5 улицѣ Песковъ (раньше было на Лиговѣѣ) имѣется помѣщеніе „общества для защиты женщинъ“, гдѣ могутъ найти временный пріютъ ищущія труда бездомныя женщины. Ранѣе въ этомъ пріютѣ могло помѣститься всего 20 человѣкъ. Теперь цифра доведена до 80. Конечно, это слишкомъ мало. Для пріѣзжающихъ крестьянокъ и ищущихъ мѣста прислугъ слѣдовало бы создать цѣлый рядъ общежитій, коачныхъ домовъ, гдѣ онѣ могли бы имѣть все необходимое (квартиру и столъ) за незначительную плату, а для бѣднѣйшихъ, конечно, и совершенно даромъ. Это для многихъ исключало бы необходимость жить и ночевать въ трущобныхъ углахъ, а то и просто гулять по проспекту за неимѣніемъ ни гроша денегъ на ночлегъ.

Конторы для найма прислугъ должны находиться подѣ извѣстной нравственной охраной тѣхъ же обществъ. Многія изъ скучающихъ безъ мѣста прислугъ, проводящія цѣлые дни въ тоскѣ и болтовнѣ, охотно читали бы книжки, которыя имъ могли доставляться сюда, и еще охотнѣе слушали бы чтенія съ туманными картинами, которыя вовсе не трудно организовать, напри- мѣръ, при такомъ солидномъ учрежденіи, какъ городская контора для найма прислуги; да найдутся, безъ сомнѣнія, лекторы и для другихъ болѣе крупныхъ конторъ. Здѣсь могло бы быть организовано и бесплатное обученіе кройкѣ, шитью, вязанью, наконецъ— что такъ необходимо прислугѣ—обученіе основамъ домоводства. Все это, конечно, было бы принято съ горячею благодарностью—если не всѣми, то большинствомъ. Вынужденный досугъ былъ бы

занятенъ съ пользою, не было бы боязни остаться временно безъ работы и куска хлѣба, и, благодаря этому, влияние вреднаго знакомства и соблазновъ было бы значительно ослаблено.

2) Переходу къ слѣдующей по численности группѣ, изъ которой формируются кадры проституціи — къ мастерицамъ разныхъ ремеселъ.

Кадры мастерицы обычно наѣмается съ дѣтства. Ребенокъ 10—12 лѣтъ отдается по контракту на годы (обыкновенно на 5 лѣтъ) въ мастерство. Суровую школу, какъ извѣстно, проходятъ всѣ эти дѣвочки, находящіяся то на побѣгущкахъ, то въ качествѣ подручныхъ у болѣе опытныхъ, знающихъ свое дѣло мастерицъ. По вѣн. недобѣданіе, переутомленіе—обычно сопутствуютъ здѣсь жизни подростковъ. И рядомъ съ этимъ опять таки нравственная зараза и соблазны, тянущія ихъ въ сторону болѣе легкаго и обезпеченнаго, повидимому, существованія. Я знаю, что есть мастерскія, гдѣ прямо занимаются непотребствомъ. Это тѣ, про которыя и этъ еще сказалъ, что „не очень много шили тамъ, и не въ шитьѣ была тамъ сила“. Днемъ, дѣйствительно, нѣтъ, хотя и вяло, работа, а къ вечеру нарядается сама „мадамъ“, наряжаясь и живущія при мастерской мастерицы, пріѣзжаютъ знакомые богатые „покровители“, течетъ разливное море вина, во всю играютъ разнузданныя страсти... Къ утру уже всѣ на мѣстахъ за рабочими столами. Не подлежитъ комментаріямъ, что видятъ и слышатъ въ такихъ „мастерскихъ“ малолѣтнія дѣвочки. Въ одинъ изъ веселыхъ вечеровъ онѣ сами среди постоянныхъ гостей находятъ тароватаго и не въ мѣру ласковаго „дядю“... Конечно, эти пріюты тайной проституціи подъ вывѣскою „корсетныхъ“, „перчаточныхъ“, „шляпныхъ“ заведеній—рѣдки. Но и въ большинствѣ дѣйствительно труженническихъ мастерскихъ нравы достаточно распушены. Разговоры преимущественно вращаются вокругъ личныхъ любовныхъ похожденій или похожденій тѣхъ бывшихъ подружекъ, которыя успѣли уже „составить себѣ счастье“. Скабрезные анекдоты и весьма недвусмысленныя словечки слышатся то тутъ, то тамъ. Малолѣтнія дѣвочки—подшивальщицы—благодаря такому соеѣдству, посвящаются во всѣ тонкости низкопробнаго флирта. Онѣ же служатъ самыми удобными „вѣстницами любви“ и, когда бѣгутъ въ лавку, сплошь и рядомъ несутъ записку къ „предмету“ одной изъ старшихъ мастерицъ. Такое воспитаніе, конечно, должно дать свои гнилые плоды. Когда какая нибудь, брошенная своимъ непостояннымъ любовникомъ, мастерица переходитъ въ ряды тайной, а затѣмъ и официальной проституціи, ея мѣсто занимаетъ дѣвочка подростокъ, кончившая уже учебный курсъ и сдѣлавшаяся сама мастерицей. Черезъ извѣстный срокъ—она тоже въ рядахъ соблазненныхъ, брошенныхъ и, наконецъ, продающихъ себя.

Это общая схема смѣны поколѣній женщинъ-ремесленницъ,

дающая въ итогѣ поднадзорной проституціи 19,7%. Тѣ же сложившіяся соціально-экономическія условія выработали невыносимо-возмутительное отношеніе мужчинъ къ женщинамъ-труженицамъ. Дѣвушка-ремесленница, спѣшащая съ картонкой изъ мастерской, всегда служитъ предметомъ самыхъ откровенныхъ замѣчаній и заигрываній мимоидущихъ мужчинъ. А что дѣлается у оконъ, находящихся въ нижнемъ этажѣ бѣлошвеевъ, шляпныхъ, цвѣточныхъ и иныхъ магазиновъ!.. Каждый праздношатающійся мужчина не постѣсняется остановиться здѣсь и взглянуть знатока разсматривать работающихъ у столовъ дѣвушекъ. Соответствующими жестами и улыбками часто сопровождаются эти любительскіе осмотры женскихъ лицъ и фигуръ. Впечатлѣніе такое, какъ будто вся эта толпа женщинъ раньше или позже предназначена для удовлетворенія животныхъ инстинктовъ мужчины, и онъ предварительно разсматриваетъ и расцѣпываетъ этотъ товаръ съ видомъ присяжного эксперта. Съ особенною рѣзкостью можно наблюдать подобную картину въ примѣненіи къ труженицамъ болѣе простого цеха—цеха прачекъ. У оконъ прачешныхъ заведеній обирается весьма разношерстная толпа мужскихъ индивидуумовъ: тутъ и уличный разнощикъ, и дворникъ, и господскій лакей, и извозчикъ, и господинъ въ цилиндрѣ. Все это зубоскалить, перемигивается, говоритъ сальности, дѣлаетъ неприличныя критическія замѣчанія... Что церемониться съ прачками, цвѣточницами, корсетницами, бѣлошвейками!..

Что удивительнаго, если, вѣчно сталкиваясь съ такимъ беззаботно циничнымъ отношеніемъ, сама дѣвушка-ремесленница привыкаетъ мало по малу смотрѣть на себя, какъ на существо, словно судьбой присужденное послужить въ свое время къ удовлетворенію мужского полового инстинкта.—„Да что ужъ... Со всѣми нами такъ будетъ... Видно, судьба ужъ такая у нашей сестры!.. Всѣмъ одна дорога... Знаемъ—поиграютъ и бросятъ!..“ Такія фразы то и дѣло слышатся изъ устъ дѣвушекъ-ремесленницъ. Теряется вѣра въ себя, въ свое человѣческое достоинство, въ право личности, и „паденіе“ признается чѣмъ-то неизбѣжнымъ, законнымъ, судьбою предначертаннымъ...

Въ Петербургѣ для ремесленницъ существуетъ еще одинъ очагъ развращенія ихъ, подобно тому какъ для прислуги мы встрѣчаемъ такой очагъ въ рекомендательныхъ конторахъ.

Какъ это ни странно, но подобнымъ очагомъ—совершенно, конечно, не произвольно—служатъ превосходныя по идеѣ и обилію достигаемыхъ ими почтенныхъ результатовъ сады и театры попечительства о народной трезвости. Судьба нерѣдко разбиваетъ въ прахъ самыя благія начинанія...

Каковъ контингентъ посѣтительницъ учреждений попечительства?.. Конечно, наивысшій процентъ представляютъ труженицы-ремесленницы. Прислуга не можетъ быть здѣсь преобладающимъ •

элементомъ, потому что только въ воскресенье—и то не каждое—ей удастся располагать нѣсколькими свободными часами. Дѣвушки же ремесленницы обычно освобождаются въ 8—9 час. отъ работы, и могутъ посвятить вечеръ личной жизни. Конечно, самое подходящее мѣсто для разумнаго ихъ отдыха это учрежденія попечительства, гдѣ за входный гривенникъ онѣ могутъ доставить себѣ достаточно удовольствія и развлеченія. Но происходитъ то, что и слѣдовало ожидать: сюда же устремляются мужчины, по преимуществу низшихъ сословій. Здѣсь завязываются первыя знакомства, первыя любовныя интриги. Опытный донъ-жуанъ сумѣетъ здѣсь за лѣто сокрушить нѣсколько юныхъ сердецъ. Сады поражаютъ обиліемъ веселыхъ, свѣжихъ, красивыхъ женскихъ лицъ, среди которыхъ съ видомъ побѣдителей снуютъ писаря, приказчики, [мелкіе чиновники, артельщики и франтоватые специалисты-сутенеры. Однако, теперь нѣрѣдко можно тутъ встрѣтить зеленую молодежь и снисходительныхъ старичковъ болѣе высокаго общественнаго положенія. Этихъ сюда привлекаетъ возможность поохотиться за свѣжею и юною женскою дичью, тѣмъ болѣе, что сдѣлаться счастливымъ обладателемъ швейки, мастерички, конвертницы и т. п. тутъ довольно легко. Нѣсколько ласковыхъ, сочувственныхъ словъ, угощеніе дешевымъ ужиномъ изъ мѣстнаго меню, въ лучшемъ случаѣ—прогулка на рысакѣ, и, подѣ обаяніемъ невиданнаго еще свѣтскаго ловеласа, головка простой дѣвушки уже закружилась... Еще нѣсколько общаній, которыя ровно ничего не стоятъ, подарковъ въ видѣ скромнаго золотого колечка, и свѣтскій лоботрясъ на нѣсколько дней или недѣль обзаводится бесплатной молодой любовницей, отъ которой можетъ удалиться въ любую минуту. Интрига, завязываемая здѣсь ловеласами низшаго общественнаго положенія, требуетъ съ ихъ стороны большой послѣдовательности, большого терпѣнія и ловкости. Но результаты въ концѣ концовъ тоже благоприятны. Шалопай добиваются своего, и дѣвушка „падаетъ“. Брошенная, оскорбленная въ лучшихъ своихъ чувствахъ, она представляетъ уже прекрасный матеріалъ для цѣлей разврата. Еще нѣсколько увлеченій, нѣсколько ошибочныхъ шаговъ со ступеньки на ступеньку, подговоры подружъ, и проституція приобрѣла новую свою данницу.

Какъ можно было бы понизить процентъ проститутокъ, выходящихъ изъ числа мастеричъ?. Необходимо урегулировать непосильный трудъ, наваленный на плечи этихъ поденщицъ моды. Всѣмъ извѣстно, что въ горячее сезонное время работа въ различныхъ мастерскихъ продолжается почти безпрерывно круглыя сутки. 16-ти часовой и даже 18-ти часовой рабочій день тогда не считается рѣдкостью. Всякій честный трудъ опротивѣетъ, когда тянешь такую непосильную лямку въ продолженіе двухъ-трехъ мѣсяцевъ. Между тѣмъ оплата женскаго труда со-

вершенно не соответствуетъ его интенсивности. Прекрасная мастерица получаетъ 70 — 80 коп. Не рѣдка цѣна въ 30—40 коп. за 12 часовъ работы (съ 9 часовъ утра до 9 часовъ вечера). Старшая мастерица въ солидномъ дѣлѣ получаетъ 25—30 рублей въ мѣсяцъ съ квартирой (крошечной комнатой-чуланчикомъ). А вѣдь такое положеніе—идеаль каждой дѣвушки-ремесленницы. Самое большое, что можетъ заработать „средняя“ мастерица въ спѣшное время, истощаясь и на ночной работѣ (за которую плата особая), это 20—22 рубля. А рядомъ бывшія подруги, „вышедшія въ люди“, беззаботно гуляютъ въ шелку, въ бархатѣ, проводятъ жизнь въ довольствѣ и весельѣ (такъ, по крайней мѣрѣ, кажется несчастнымъ труженицамъ).

Необходимо установить, по крайней мѣрѣ, 10-часовой рабочий день для женскихъ цеховыхъ мастерскихъ (какъ на фабрикахъ). Необходимо повысить поденную плату цеховыхъ работницъ. И то, и другое сразу подниметъ экономическое положеніе этого класса. Желательно учрежденіе особаго института „ремесленныхъ инспектрисъ“, подобно существующей фабричной инспекціи. Инспектрисы будутъ слѣдить за гигиеническою обстановкой мастерскихъ, а также за трудовою и моральною ихъ жизнью. Труженицамъ найдется къ кому придти съ своими жалобами. Надъ хозяйками мастерскихъ будетъ постоянно висѣть нѣкій „дамокловъ мечъ“, и это заставитъ ихъ быть болѣе сдержанными по отношенію къ отданнымъ въ ученіе дѣвочкамъ. Умѣлая и добросовѣстная инспектриса сумѣетъ также оказать благотворное нравственное вліяніе на порученную ей надзору толпу подростковъ. Великимъ благодѣяніемъ было бы устройство домовъ-общежитій для дѣвушекъ мастерицъ. За небольшую плату онѣ получали бы здѣсь все необходимое. Не приходилось бы имъ ютиться въ нищенскихъ комнатахъ, а то и углахъ, бокъ объ бокъ съ самыми подозрительными элементами. Устройство подобныхъ общежитій, конечно, прямая обязанность ремесленныхъ цеховыхъ управъ. Но, при несомнѣнной инертности ихъ, ту же полезную работу могли бы исполнить нѣкоторые благотворительныя общества, со сходными задачами. Вѣдь существуетъ какое то „общество попеченія о молодыхъ дѣвицахъ“, которое всю свою дѣятельность ограничиваетъ устройствомъ по воскреснымъ днямъ душевспасительныхъ развлеченій молодыхъ дѣвицъ-ремесленницъ (какая наивность). Этому обществу какъ нельзя болѣе пристало бы посвятить свои труды устройству подобныхъ домовъ-общежитій. Думаю, что и солидное по своему привилегированному положенію „общество защиты женщинъ“ нашло бы здѣсь область, вполне достойную для примѣненія своей энергіи. Кромѣ того, необходимо создать нѣчто объединяющее, корпоративное, связующее во едино всю громадную армію дѣвушекъ-ремесленницъ. Имѣется вѣдь общество приказчиковъ, и даже официанты теперь

сплотились для охраненія своихъ правъ и интересовъ. Организуйте среди цеховыхъ труженицъ нѣчто подобное „женскому клубу“. Принципъ самопомощи долженъ быть тутъ развитъ въ возможно широкой формѣ. За небольшой членскій взносъ труженица воспользуется всеми преимуществами такого рода учрежденія (временныя ссуды, инвалидный фондъ, пенсіонная касса, нравственная поддержка и т. д.). Очень много могъ бы сдѣлать подобный корпоративный центръ для подъема самознанія среди молодыхъ дѣвушекъ. Въдѣ никакъ не измѣнить практически поведку мужчинъ преслѣдовать труженицъ-ремесленницъ, какъ легко доступный живой товаръ. Но путемъ систематическихъ просвѣтительныхъ лекцій и собесѣдованій въ женскомъ „цеховомъ клубѣ“, можно будетъ достигнуть того, что сами дѣвушки перестанутъ смотрѣть на себя, какъ на обреченныхъ судьбой удовлетворять физиологическимъ инстинктамъ мужчинъ; можно будетъ разбудить въ этихъ юныхъ душахъ сознаніе своего „я“, склонить къ самооцѣнкѣ, къ самоуваженію, къ отстаиванію правъ своей личности. И путемъ такого воспитанія можно дать весьма внушительный отпоръ грубымъ претензіямъ мужчинъ.

3) *Фабричныя*. Если принять во вниманіе, съ одной стороны, громадную цифру женщинъ, работающихъ на столичныхъ фабрикахъ, а съ другой стороны, исключительно тяжелыя условія исполняемой тамъ работы, то процентъ (18,7), даваемый этой категоріей для цѣлей явной проституціи, слѣдуетъ считать незначительнымъ. Однако нельзя согласиться съ оптимистическимъ выводомъ доктора Оболенко („Поднадзорная проституція“, стр. 40) что „едва ли найдется много фабричныхъ женщинъ, которыя при 10-ти часовомъ тяжеломъ трудѣ имѣли бы еще время и охоту заниматься проституціей“. Мнѣ кажется, что эта среда должна изобиловать тайными проститутками-фабричными, которыя не прочь прибавить кое что къ своему скудному заработку.

Молодая дѣвушка, попадающая на фабрику, сразу сталкивается со всевозможными условіями, посягающими на ея нравственность. Если дѣвушка миловидна, она обращаетъ на себя вниманіе кого-нибудь изъ „власть имущихъ“: конторщика, мастера, механика, техника и т. д. Конечно, дѣвушка, вышедшая изъ крестьянской среды, гдѣ все видѣла и слышала, отлично знаетъ, чего отъ нея ждетъ фабричный донъ-жуанъ. Если она идетъ на компромиссъ, ея будущее относительно благопріятно. На ея долю выпадаютъ болѣе легкія работы, ей предоставляются различныя льготы, заработная плата увеличивается. Если дѣвушка выказываетъ противодѣйствіе, то картина совершенно мѣняется: къ ней придираются, ее штрафуютъ, назначаютъ на самую грязную и тяжелую работу. Остается или уйти, или подчиниться вождѣлніямъ „начальства“. Последнее, конечно, явленіе болѣе частое, и дѣвушка, состоящая фавориткой какого-нибудь мастера или надсмотрщика,

служить даже предметомъ зависти для товаровъ. Сознаніе своего „я“, сознаніе права личности, конечно, у женщинъ-чернорабочихъ развито еще слабѣе, чѣмъ у болѣе высокой категоріи ремесленницъ-цеховыхъ, о которыхъ я говорилъ выше. Взглядъ на себя, какъ на матеріалъ для удовлетворенія позорнаго спроса, здѣсь взглядъ обычный. Рѣдко, рѣдко встрѣчаемся мы съ фактами противоположнаго характера. Одинъ изъ подобныхъ фактовъ разсказанъ въ интересной книгѣ Н. Рейнгардта: „Женщина передъ судомъ уголовнымъ и судомъ исторіи“ *), и фактъ этотъ долженъ быть отмѣченъ. Авторъ въ архивахъ уральскихъ заводовъ нашелъ обширную переписку, озаглавленную такъ: „Переписка о виновности заводскому начальству крестьянскихъ дѣвокъ по случаю наряда ихъ въ свойственныя имъ работы съ 17 сентября 1839 года“. На уральскихъ пріискахъ крѣпостныя дѣвушки, отправляющіяся на работы, обыкновенно очень скоро подвергались мелкими мѣстными заводскими помпадурами растлѣнію и затѣмъ приневоливались принимать участіе въ самыхъ неудержныхъ оргіяхъ. Такъ велось издавна, и существенныхъ протестовъ, повидимому, не вызывало. И вотъ вдругъ на К-скихъ заводахъ въ 1839 году возникаетъ нежданно-негаданно дѣвичій бунтъ. „Къ 1-му октября были посланы дѣвушки на пріиски въ полномъ сборѣ, т. е. въ количествѣ 212 человекъ, но ихъ явилось только 12; прочія же остались дома, объявивъ заводскимъ служащимъ рѣшительнымъ тономъ, что онѣ никогда на пріискахъ работать не будутъ“ (стр. 101). Никакія увѣщанія мѣстныхъ властей не могли подѣйствовать на бунтарокъ, которыхъ поддерживали въ ихъ упорствѣ матери, въ свое время испытавшія на себѣ уже всѣ прелести безпривзорной отдачи дѣвушекъ въ полное распоряженіе разныхъ заводскихъ приказчиковъ и надсмотрщиковъ.

Мѣстныя власти обратились въ главное горнозаводское правленіе. Правленіе предписало горному исправнику принять энергичныя мѣры къ подавленію дѣвичьяго бунта. Исправникъ этотъ прибѣгъ къ обычному излюбленному средству того времени—къ розгамъ. Это, конечно, помогло, но не совсѣмъ. Въ своемъ рапортѣ главному начальнику горныхъ заводовъ уральскаго хребта, исправникъ, между прочимъ, пишетъ „эта мѣра (розги) имѣла весьма благопріятное (!) дѣйствіе на дѣвокъ, ибо многія изъ нихъ тотчасъ согласились вступить въ работу и немедленно отправились на золотые промысла. За всѣмъ тѣмъ, пять дѣвокъ, а именно: Агафья Гребеньщикова, Василиса Быкова, Марья Сесекина, Анна Баранова и Наталья Плотникова остались въ непреклонности и отъ вступленія въ работы рѣшительно отказались“ (стр. 106). Повидимому, послѣ этого горное начальство

*) Н. В. Рейнгардъ. Женщина передъ судомъ уголовнымъ и судомъ исторіи. Казань 1900 г. стр. 94 и слѣдующія.

было подробно освѣдомлено объ истинныхъ мотивахъ дѣвчяго бунта. По крайней мѣрѣ, горному исправнику было прислано секретное предписаніе узнать, на какія промысла, въ какомъ разстояніи отъ ихъ жилищъ посылались дѣвушки и поскольку лѣтъ 5 непокорившимся дѣвушкамъ. Возрастъ этихъ опасныхъ бунтарокъ оказался отъ 16 до 19 лѣтъ. Послѣдовала окончательная резолюція: 1) дѣвушки должны быть отправляемы только въ ближайшіе пріиски и 2) онѣ должны быть тамъ *вмѣстѣ съ своими близкими родственниками, т. е. отцами, братьями и друг.* Вотъ какая исторія разыгралась 65 лѣтъ тому назадъ среди крѣпостныхъ дѣвушекъ... Тѣмъ болѣе она достойна быть отмѣченной, что въ настоящее время среди свободныхъ работницъ мы на такую энергичную защиту ихъ нравственности не наталкиваемся. Недавній примѣръ (3—4 года тому назадъ) процесса, возникшаго на одномъ изъ кирпичныхъ заводовъ въ Минскѣ, какъ нельзя лучше доказалъ, что работницы смотрятъ какъ на нѣчто „правовое“ на свои наложническія отношенія къ мелкому заводскому начальству.

Конечно, паденію нравственности среди дѣвушекъ способствуютъ сами условія совмѣстной работы ихъ съ мужчинами. Соприкосновеніе половъ тутъ самое тѣсное, почти такое же, какъ въ артельныхъ рабочихъ и угловыхъ квартирахъ. Тяжелыя, изнуряющія, разрушающія организмъ особенности даннаго производства (табачнаго, спичечнаго, красильнаго и т. д.) ведутъ къ тому, что работницы начинаютъ наравнѣ съ мужчинами искать утѣшенія въ водкѣ. Подъ вліяніемъ алкоголя ихъ нравственное чувство окончательно гаснетъ, половыя отношенія пріобрѣтаютъ болѣе легкій, случайный характеръ, а минимальный заработокъ, приходящійся на долю женщинъ-фабричныхъ, еще скорѣе ведетъ къ процвѣтанію тайной проституціи. Вечеромъ въ грязныхъ трактирчикахъ, чайныхъ, харчевняхъ, находящихся на окраинѣ столицы, среди заводскаго околodka, случайный посѣтитель всегда имѣетъ возможность распить въ обществѣ какой-нибудь работницы штофъ водки, а послѣ угощенія, за нѣсколько гривенниковъ, воспользоваться ея мимолетною благосклонностью. Приработанное идетъ опять же на водку или на покупку какой-нибудь обнвы, которою можно похвастать передъ подругами. Сожительство съ товарищемъ мужчиной среди заводскихъ работницъ—дѣло обычное. Конечно, такое сожительство, если оно длительно (явленіе довольно частое), никоимъ образомъ нельзя считать проституированіемъ. Но характеръ послѣдняго пріобрѣтаютъ тѣ мимолетныя связи съ мѣстными парнями, которыя продолжаются нѣсколько дней и оплачиваются если не деньгами, то водкой, парой новыхъ ботинокъ, распитымъ шелками платкомъ и т. д. Если принять во вниманіе такую легкость нравственныхъ началъ, то повторяю 18,7%, официально удѣляемыхъ фабричной

проституціи, покажутся незначительными. Объясненіе этому можно найти въ слѣдующемъ. Съ завода, конечно, прямая дорога въ самые низкопробные дома терпимости и угловые притоны. Какъ я уже указывалъ выше, женскому рабочему элементу часто приходится сталкиваться съ настоящими мѣстными проститутками, которыя бродятъ, грязныя, пьяныя, ободранныя, въ пунетахъ скопленія рабочихъ. Картина не изъ завидныхъ, и едва ли многія изъ работницъ прельстятся перспективой стать подобными этимъ „тварямъ“. Каждая женщина здѣсь будетъ чувствовать себя гораздо болѣе самостоятельной и обеспеченной, занимаясь хотя и тяжелымъ, но дающимъ ей кусокъ хлѣба трудомъ. На свои грошевыя прихоти она можетъ прирабатывать въ веселой компаніи, путемъ случайныхъ мимолетныхъ сожителствъ. Слѣдствіемъ этого и должно быть развитіе проституціи тайной, а не профессиональной.

Какъ въ этой средѣ понизить процентъ, явно и тайно проституирующихъ?.. Все, что рекомендовано мною въ этомъ смыслѣ для класса прислугъ и цеховыхъ, и здѣсь должно принести свою долю пользы. Но, конечно, подъемъ социальна-экономическаго благосостоянія этой женской чернорабочей арміи имѣетъ первенствующее значеніе. При большемъ заработкѣ и большей матеріальной обеспеченности, не будетъ нужды дополнять скудный бюджетъ продажей себя; при болѣе нормальныхъ условіяхъ производства, фабричный трудъ не явится такимъ истощающимъ; не будетъ такой нужды искать возбужденія, забвенія и отдыха въ алкоголь; при отсутствіи излишней тѣсноты, обуславливающей постоянное соприкосновеніе двухъ половъ, въ женщинѣ будетъ болѣе сохранено чувство стыдливости, исчезнетъ поводъ къ излишнимъ соблазнамъ и необузданнымъ проявленіямъ половыхъ инстинктовъ...

Докторъ Б. Бентовинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

КЪ ИСТОЧНИКУ ИСЦѢЛЕНІЙ.

Разсказъ.

I.

Въ вагонѣ было тѣсно. Особенный запахъ—смѣшанный, густой запахъ сосѣдняго отхожаго мѣста, ѣдкой махорки, грязныхъ и вспотѣвшихъ людей, скверной дорожной ѣды—обдалъ новыхъ пассажировъ тою же непріязненностью, съ какою встрѣтили ихъ пассажиры, уже сидѣвшіе здѣсь. Они укрѣпляли свои позиціи узлами и сумками, ставили на незапнятыхъ мѣстахъ какой-нибудь чайникъ, клали хлѣбъ, селедку въ бумагѣ, а сами становились въ проходѣ у оконъ на наблюдательныхъ пунктахъ.

Новыхъ пассажировъ было двое: высокій бородатый человѣкъ въ сѣромъ помятомъ, мало ношенномъ пиджакѣ, съ Георгіемъ въ петлицѣ, и мальчикъ лѣтъ четырнадцати—на костыляхъ.

— Тутъ занято,—раздавался сердитый голосъ всякій разъ, какъ высокій человѣкъ останавливался съ своими сумками и узломъ возлѣ какой-нибудь лавки.

— Занято?—робко переспрашивалъ новый пассажиръ.

— Да. Сейчасъ человѣкъ вышелъ, придетъ...

И они шли дальше, останавливаясь въ недоумѣніи и нерѣшительности передъ лавками, на которыхъ, растянувшись, спали или притворялись спящими счастливые обладатели наиболѣе удобныхъ мѣстъ...

Большой человѣкъ, деликатный и робкій, не смотря на свое внушительное, почти атлетическое сложеніе, сталъ уже падать духомъ, какъ въ вагонѣ поспѣшно и шумно влѣзли новые пассажиры съ огромными узлами и мѣшками, съ котомками, косами, забинтованными въ тряпицы, и съ новымъ—своимъ собственнымъ—„русскимъ духомъ“. Они тотчасъ затѣяли ссору изъ-за мѣстъ съ тѣми самыми пассажирами, которые за минуту передъ этимъ представлялись спавшими

крѣпчайшимъ сномъ, а теперь вдругъ обнаружили неожиданную и самую острую бдительность. Тогда и большой человѣкъ пріободрился и рѣшительно направился къ лавкѣ, на которой лежала на разостланомъ парусиновомъ тюфячкѣ полная, красивая женщина, а противъ нея, на другой лавкѣ помѣщался небольшого роста сухенькій священникъ, рядомъ съ толстой старухой купеческаго вида.

— Здѣсь сидятъ,—внушительно сказалъ батюшка, дѣлая величественно-указующій жестъ правой рукой.

— Что-жъ дѣлать, батюшка,—сказалъ мягкимъ, извиняющимся голосомъ большой пассажиръ,—и намъ надо сѣсть. У меня вонъ парнишка... хромой...

Батюшка подумалъ нѣсколько мгновений, потомъ всталъ съ своего мѣста и пересѣлъ на противоположную лавку, на самый конецъ ея.

— Ну, садитесь,—сказалъ онъ примирительно, повторяя свой прежній великолѣпный жестъ:—Подбери-ка, мать, ногито... я тутъ, съ краю...

Красивая попадья слегка подогнула ноги, а новый пассажиръ началъ размѣщать свои сумки и узелъ рядомъ съ толстой старухой.

— Ты, Егоръ, либо того... на полу легъ бы, что-ли?.. Постелю тебѣ дипломатъ... а?..—сказалъ онъ мальчику.

— Затѣмъ на полъ?—живо возразилъ батюшка:—А вонъ туда, на полку. Самое мѣсто для него! Ты сумки-то подъ лавку, а его туда... вотъ-вотъ... такъ! подсаживай... сажай!.. Прекра-а-сно, прекра-а-сно... ну, вотъ!..

Черезъ минуту малецъ съ своими костыликами былъ на полкѣ и не безъ торжества оглядывалъ оттуда слабо освѣщенную половину вагона съ дрожащими огнями и большими шевелящимися тѣнями, а въ открытое окно видѣлъ звѣзды надъ самымъ горизонтомъ. До него доносился ровнымъ шелестомъ вялый говоръ вагона, суетливый топотъ людскихъ ногъ на станціи и торопливое громыханіе тачекъ.

— Далече ѣдете?—спрашивалъ батюшка его отца.

— Пока до Поворина. А тамъ пересадка...

— Это и мы тоже. А тамъ куда?

— Тамъ на Балашовъ.

— Попутчики... А тамъ?

— А тамъ—на Пензу.

— Да вы... не къ о. Серафиму ѣдете?—спросилъ батюшка, жытливо всматриваясь въ своего собесѣдника.

— Такъ точно. Туда.

— А-а, такъ это же мы на всю дорогу попутчики!

— Стало быть, и вы?..

И оба собесѣдника, какъ бы обрадовавшись этому открытію, закивали другъ другу головами...

— Вы же сами отколь?—спросилъ батюшка.

— Да я вотъ тутъ, верстахъ въ сорока, живу въ слободѣ.

— Такъ. А занимаетесь чѣмъ?

— Я—столяръ. Также и землей занимаемся.

— А сами изъ казаковъ, или изъ русскихъ?

— Изъ русскихъ.

— А крестикъ гдѣ получили?

— За Дунаемъ.

— Это хорошо. Такъ къ отцу Серафиму поклониться ѣдете? Благое дѣло, благое дѣло... Мать, ты мнѣ ногами рясу не попачкай. Сняла бы туфли-то пока.. Да. Какъ разъ къ открытію пріѣдемъ. Государь будетъ. Войска разныя... Чудесное торжество... А это малецъ-то твой?

— Мой.

Слышно было, какъ большой человѣкъ вздохнулъ.

— Одинъ остался... послѣдышъ. Всѣхъ похоронилъ... Вотъ вежу, не будетъ ли милость Господня, — сказалъ онъ не совѣмъ увѣренно:—обезножилъ. На одну ногу никакъ не наступаетъ.

— Мм... такъ, такъ... А съ чего? Отъ природы или повредилъ?

— Да доктора признали, будучи зашибъ. Въ бедрѣ, говорятъ, у него кость гніеть. Выбилъ какъ-нибудь, дескать... А я такъ считаю—отъ простуды. Птичекъ ловилъ съ ребятами да простудился. Полежалъ, вѣрно, на снѣжку, его и тово... Двѣ зимы прохворалъ. Жевлаки выступали у него по всему тѣлу,—такіе иной разъ,—по кулаку!.. Теперь шишки-то пропали, а на ногу не наступаетъ...

— Такъ, такъ,—сказалъ батюшка и, подумавъ, прибавилъ:—баловство-то иной разъ... оно вотъ и не въ пользу... Такъ-то, мать! Ты вотъ своихъ не уймаешь, а гляди, кабы... — обратился онъ къ попадѣ.

Попадья ничего не сказала. Егорушка сверху посмотрѣлъ на ея полное, бѣлое, красивое лицо. Глаза ея, ласково улыбаясь, встрѣтились съ его глазами, и онъ рѣшилъ, что она понимаетъ, какъ хорошо ловить синичекъ въ ясный день съ легкимъ морозцемъ, когда тѣни отъ деревьевъ сини, какъ небо, и по сухому и мягкому снѣгу прыгаютъ безчисленныя брилліантовые искорки. Она понимаетъ... А батюшка этого никогда не постигнетъ.

Кто-то на станціи ударилъ три раза въ колоколь. Кто-то сейчасъ же зажурчалъ въ свистюльку. Стальной „жеребецъ“ съ тремя глазами коротко заржалъ. Опять прожурчала сви-

стюлька, и затѣмъ лязгнули какія-то желѣзныя сковороды, вагонъ вадрогнулъ, недовольно, какъ казалось Егорушкѣ, по-стариковски, скрипнулъ, но сейчасъ же спохватился и, скрывая недовольство, засмѣялся дребезжащимъ смѣхомъ: прр... фрр... прр... фрр... Маленькая станція съ ея огоньками тихо поплыла назадъ въ теплый сумракъ лѣтней ночи. Отецъ Егорушки, снявши картузъ, сталъ часто креститься, а за компанію съ нимъ осѣнилъ себя крестомъ два раза и батюшка—неторопливо и истово. Между тѣмъ, въ это время мимо вагона быстро пробѣжала водокачка, а за нею какіе-то маленькіе домики съ свѣтящимися окошками. Потомъ за окнами стало темно, и лишь мигали звѣзды надъ краемъ земли. А вагонъ теперь уже самъ бѣжалъ съ дребезжащимъ стукомъ и приговаривалъ: ох-хо-хо... ох-хо-хо... такъ-такъ... такъ-такъ...

Огоньки дрожали въ трехъ фонарикахъ. Дрожали и ползали по стѣнамъ уродливыя тѣни. Говоръ въ вагонѣ сталъ громче. Голоса то вспыхивали разомъ, одновременно, толклись и перебивали другъ друга, то разбивались порознь и текли ровно и неторопливо подъ однообразный стукъ колесъ. Лежа на полкѣ, Егору трудно было разбирать, о чемъ говорить. Но если подвинуться къ краю и свѣситъ голову, то можно было слышать батюшку—на одной сторонѣ—и старика въ жилеткѣ и розовой рубахѣ, сидѣвшаго по другую сторону на лавкѣ.

— Есть два благодатныхъ средства отъ пьянства,—говорилъ батюшка, обращаясь къ толстой старой кучихѣ съ краснымъ лицомъ (онъ, очевидно, продолжалъ раньше начатый разговоръ),—два средства... Первое: пить каждый день святую воду и служить молебны круглый годъ. А еще есть благодатное средство: служится панихида по царицѣ Даріи...

— Дарьѣ?—почтительно переспросилъ отецъ Егора, желая, должно быть, выказать свое вниманіе къ словамъ батюшки.

— Да. По царицѣ Даріи,—съ особенной отчетливостію повторилъ батюшка.—Изъ исторіи намъ извѣстны двѣ царицы Даріи. Одна была четвертая жена Ивана Грознаго, другая грузинская царица, умершая въ 1805-мъ, кажется, году. Не знаю, по какой изъ нихъ, но служится панихида. Многіе получаютъ испцленіе... Совсѣмъ даже бросаютъ пить...

Изъ-за спины отца, съ другой лавки, доносился до Егора ровный и неспѣшный стариковскій голосъ. Должно быть, онъ рассказывалъ что-нибудь интересное, потому что около него было больше слушателей, чѣмъ около батюшки: они стояли даже въ проходѣ и выглядывали черезъ перегородку изъ другого купѣ. Ихъ лица трудно было разсмотрѣть, но въ позахъ, наклонившихся въ одну сторону, въ согнутыхъ, чер

ныхъ шеяхъ, въ неподвижныхъ затылкахъ, въ потныхъ лысыхъ или мохнатыхъ головахъ,—сквозило пристальное вниманіе.

— У васъ тутъ мало слыхать про нарѣзку, не говорятъ... А у насъ все ждали: вотъ-вотъ къ Петрову дню выйдеть... Анъ вотъ заглохло что-то...

— Мнѣ у Троицы монахи сказывали: пойдешь въ Рассею, дѣдъ, говори, чтобы ожидали. Вѣрно!... Такъ и назначали: къ Петрову дню, говорятъ, выйдеть... Анъ вотъ нѣтъ!

— А какъ Турція? Не довелось вамъ слыхать?—снова слышался голосъ съ полу, когда стихъ одновременный говоръ.

— Турція?—повторилъ старикъ и на мгновение задумался, какъ бы наводя справку по этому предмету въ обширномъ архивѣ своей памяти:—Да вѣдъ ее на три части хотѣли дѣлить, а нашъ царь не далъ свою согласія.—„Я—говорить—одинъ ее заберу, а всѣхъ турокъ по своему народу разведу, чтобы и мужъ жену не видалъ... чтобы никакого совѣту промежду нихъ не могло быть“...

— А агличанка?—возразилъ скептическій голосъ изъ прохода.

— Агличанка?—живо и весело возразилъ старикъ:—Да вѣдъ ея самой-то ужъ нѣтъ!

— А гляди, кто-нибудь да на ея мѣстѣ сидить... аль нѣтъ?

— Это зять-то, што-ль, ея?—съ презрѣніемъ воскликнулъ дѣдъ:—онъ чего сдѣлаеть? Вѣдъ онъ у насъ въ Петербургѣ живеть...

Онъ сдѣлалъ короткую паузу и продолжалъ опять вдохновенно:

— Д-да, кабы Турцію-то намъ забрать, такъ нарѣзка-то ужъ безъ всякихъ тѣхъ... безъ проволоочки была бы... Тамъ земли—пространство!.. А то у насъ расчисленіе дѣлали, такъ даже народу умножилось... си-ла народу!.. Тогда вотъ ревизію производили, годовъ тридцать назадь: сколько у нашего царя есть народу и сколько земли на каждого? И насчитали двѣсти миллионовъ двѣсти тысячъ...

— Ф-фу ты, Боже мой!—вадохнулъ кто-то съ изумленіемъ и не безъ гордости.

— Да. А сичасъ вотъ ревизію производили, въ 97-мъ, насчитали ишшо шестьдесятъ миллионовъ шестьдесятъ тысячъ...—„Откуда же они взялись?“—Царь спрашиваетъ. Господа сенаторы и енаралы говорятъ:—„А разродились“. — „А что земля за это время разродилась, аль нѣтъ?“—Земля все та же да одна...—„То-то и есть“,—говорить: „они къ этимъ пришли, эти шестьдесятъ миллионовъ, да всю землю на себѣ въ лаптяхъ унесли... А разчитайте“,—говорить,—„сколько земли

на душу приходится?“ Расчитали, сколько земли на душу приходится: восемь десятинъ на великаго князя, царскаго сына—наслѣдника, восемь десятинъ на енарала, восемь десятинъ на попа... всѣмъ равно—и крестьянину!.. И ежели родить енаральская жена сына,—не пиши его енаральскимъ сыномъ, а пиши въ казенные крестьяне! И ежели родить попадья сына, — не пиши его въ семинаристы, а пиши въ казенные крестьяне! Тогда всѣмъ земли хватитъ!.. А господа говорятъ:—„У насъ чины-ордена, кресты святѣя Анны,—не лишай насъ чиновъ-орденовъ, оставь намъ ихъ!.. — „Какъ же“,—говоритъ, „я—вамъ оставлю ихъ? Идѣ же я вамъ земли возьму? Хотите, чтобы я оставилъ чины-ордена, выселяйтесь въ Зеленый Клинь, тамъ вамъ и земли“... — „Да мы чего же тамъ будемъ дѣлать безъ черни?“—„Стройте фабрики и заводы“...—„Фабрики и заводы безъ черни тоже не пойдутъ“... Не хотятъ выселяться...

А поѣздъ громко и весело лязгалъ, уносясь въ темноту безлунной ночи, которая частыми звѣздами заглядывала въ окна вагона и лила въ нихъ струю свѣжей степной прохлады, съ тонкимъ запахомъ поспѣвшихъ хлѣбовъ и свѣжей соломы.

Егоръ вытянулъ голову книзу и глядѣлъ въ это неизвѣстное, безпредѣльное пространство, молчаливое и сосредоточенно-серьезное. Искры сыпались изъ паровоза и разбѣгались въ разныя стороны. Снизу выскакивалъ яркій свѣтъ, метался по сторонамъ, лизалъ придорожную траву, прыгалъ, дрожалъ и отрывался, пропадая въ молчаливой степи. Онъ кидался крылатымъ змѣемъ на встрѣчные кусты, телеграфные столбы, будки, — и они, попавши въ него, испуганно прыгали, крутились, какъ обожженные, и плясали какой-то смѣшной танецъ. Затѣмъ быстро исчезали въ темнотѣ.

II.

Въ два часа ночи пріѣхали въ Поворино.

Въ третьемъ классѣ вокзала были забиты двери: шелъ ремонтъ. Въ первомъ — всѣ диваны и стулья были заняты спящими. Егоръ съ отцомъ остались на платформѣ. Они съ удобствомъ помѣстились на тачкѣ. Поглядывая въ небо, начинавшее блѣднѣть, Егоръ слышалъ голосъ батюшки, бунтовавшаго въ первомъ классѣ:

— Что-жъ такое, что дамское отдѣленіе? Во-первыхъ, я—священникъ, а во-вторыхъ—кромѣ моей жены, тамъ никого нѣтъ!

Воздухъ былъ почти тепелъ. Легкая примѣсь вокзальной

вони плавала въ немъ, и носился тихій говоръ какихъ-то переселенцевъ, возвращавшихся изъ Сибири, да густое храпѣніе кубанскихъ казаковъ — богомольцевъ. Прошелъ раза два по платформѣ величественный жандармъ, перегналъ кого-то съ одного мѣста на другое—для порядка—и ушелъ, громко авеня шпорами. Потомъ пришелъ поѣздъ съ пустыми красными вагонами, немного постоялъ и ушелъ, гремя, стуча, лязгая, словно ему нравилось мѣшать спать лежавшимъ на платформѣ людямъ.

Егоръ такъ и не заснулъ. И отецъ не спалъ: онъ сидѣлъ на тачкѣ и дремалъ. Занималась заря. Вышелъ сторожъ въ синей, засаленной блузѣ и въ валенкахъ и зазвонилъ въ небольшой колоколь, висѣвшій у дверей. Хохолъ, спавшій около дверей, испуганно вскочилъ на ноги.

— Кто то подшутить, — сказалъ онъ соннымъ голосомъ, съ недоумѣніемъ оглядываясь кругомъ.

— А что?—спросилъ отецъ Егора.

— Да надъ самымъ ухомъ звону далъ...

Пришелъ еще поѣздъ—товаро-пассажирскій. Отецъ Егора засуетился было, хотѣлъ садиться, но предварительно обратился къ жандарму. Жандармъ сначала отвернулся и зѣвнулъ, но потомъ, оглянувшись на вопрошавшаго, замѣтилъ знакъ отличія на его груди и сталъ любезнѣе.

— Вамъ по какому классу?—спросилъ онъ.

— По третьему.

— Это — товаро-пассажирскій. Видите — все четвертаго класса вагоны. А вы садитесь на почтовый.

— А не знаете, когда почтовый будетъ?

— Никогда такъ не спрашивайте: „не знаете“... Конечно, знаю. Въ девять часовъ придетъ.

И жандармъ величественно ушелъ съ платформы.

Пришлось дожидаться почтоваго поѣзда. Взошло солнце. Зашевелился на платформѣ и въ вокзалѣ народъ, загремѣли чайниками, посудой. Вышелъ на платформу батюшка съ книгой, и около него собралась толпа. Онъ сидѣлъ на лавочкѣ безъ шляпы, на самомъ припекѣ, и что-то читалъ вслухъ. Старый кубанецъ въ черкескѣ, въ грубыхъ черевичкахъ и толстыхъ бѣлыхъ чулкахъ стоялъ безъ шапки, ближе всѣхъ, высокій, тонкій и не совсѣмъ складный. На его рябомъ болѣзненно-блѣдномъ лицѣ съ мелкими чертами и съ рѣдкой бородой выражалось благоговѣніе непонимающаго, но въ-рующаго человѣка. Позади его стоялъ небольшой и неуклюжій подростокъ съ бѣлымъ на глазу и тупо дремалъ. Хохлы-переселенцы глядѣли прямо въ ротъ чтецу. Умиленно подперши щеки руками, стояли женщины и сокрушенно вздыхали... каялись-ли онѣ въ какихъ грѣхахъ, или

вспоминали что-нибудь грустное?.. Станціонные рабочіе въ синихъ блузахъ подходили къ толпѣ, останавливались на минутку и, посмотрѣвши съ любопытствомъ на слушателей и чтеца, уходили прочь. А батюшка своимъ звонкимъ, немного сильнымъ голосомъ читалъ съ увлеченіемъ одну назидательную исторію за другой. Онѣ были всѣ очень похожи одна на другую. Егоръ подошелъ и прослушалъ, какъ крестьяне одной деревни вышли съ крестнымъ ходомъ противъ „червя“, и какъ послѣ этого налетѣли грачи и поклевали его.

Приходила два раза матушка и звала о. Михаила пить чай. Онѣ отвѣчалъ: „сейчасъ, мать“,—и продолжалъ читать. Во второй разъ матушка долго-таки стояла, ожидая о. Михаила и прислушиваясь къ его уже уставшему, иногда спотыкающемуся голосу. Потомъ, не дождавшись, пошла, нѣсколько раздосадованная, и сказала:

— Это ужъ крайность...

Отецъ Егора тоже постоялъ, послушалъ и вздохнулъ.

— Пойдемъ, чадушка, чай пить,—сказалъ онъ голосомъ сознающаго свою грѣховность человѣка.

Они отошли и сѣли въ нѣсколькихъ шагахъ. Былъ слышенъ лишь голосъ о. Михаила, но слова доходили неразборчиво. По спинамъ людей, стоявшихъ въ толпѣ, припекаемой солнцемъ, видно было желаніе уловить и понять смыслъ читаемаго, и какія-то грустныя и неясныя мысли бродили, видимо, въ этихъ обнаженныхъ и покрытыхъ головахъ и объединяли толпу.

— О-о-о, Господи Исусе Христе...—вздохнулъ кто-то громко и тяжело позади Егора, за тачкой.

Онъ оглянулся. Слѣпой казакъ съ окладистой бородой, красавецъ, въ папахѣ и башлыкѣ, сидѣлъ въ короткой тѣни, падавшей отъ дверей залы перваго класса. Неподвижный, безмолвный, могуче сложенный, стройно перехваченный поясомъ съ свѣтлыми металлическими бляхами, онъ смотрѣлъ передъ собой внизъ своими темными очами, и какая-то тяжелая, неотвязная, глубокая дума застыла на его красивомъ, безнадежно-грустномъ лицѣ. Подростокъ-кубанецъ, уставши слушать неумоимаго о. Михаила, подошелъ къ нему и сѣлъ рядомъ.

— Вань, ты?—спросилъ слѣпой казакъ.

— Я.

— Дѣ бувъ?

— А на базарѣ.

— Хорошъ базаръ?

— Ни. Базару всего одинъ возъ, а станица—шесть чи^{ти} семь хатъ... Священника слыхалъ?—прибавилъ Вань, помолчавъ:—читаетъ... Всѣ, говорить, помремъ, грѣшныя...

— Помереть — заховаютъ,—сказаль равнодушно слѣпой казакъ:—Какъ Богъ... Съ Богомъ драться, что ль, будешь? Съ Богомъ драться не будешь... Какъ говорится—знаешь?—нынче живъ, а завтра, что Богъ дастъ..

Въ 9 часовъ 45 минутъ поѣхали дальше, и часа черезъ три снова пересаживались—въ Балашовѣ. Было жарко. Богомольцы метались по платформѣ, ища кипятку, а ихъ гоняли изъ третьяго класса въ четвертый, а гдѣ былъ четвертый—никто не зналъ. Поѣздъ стоялъ тутъ два часа, и въ вагонахъ была неимовѣрная тѣснота. О. Михайлъ, около котораго держались Егоръ съ отцомъ, бунтоваль, грозилъ жалобной книгой, усовѣщеваль и добился всетаки того, что ему для матушки очистили одну длинную лавку, а на другой занялъ мѣсто онъ самъ и Егоръ съ отцомъ. Потомъ пришелъ и сѣлъ съ самаго края какой-то небольшой, грязный старичокъ, вродѣ юродиваго, босой, въ подрясникѣ и подштаникахъ, съ длинными волосами, съ добрымъ испуганнымъ лицомъ.

Но вошелъ кондукторъ и весело крикнулъ:

— Ну, отче, подъ эту лавку!..

И старичокъ въ подрясникѣ вмѣстѣ съ своей котомкой безпрекословно поползъ подъ ту лавку, на которой сидѣлъ Егоръ.

— А вы—въ отхожее! —сказаль кондукторъ въ сосѣднемъ купѣ, и нѣсколько человѣкъ пошли по его указанію.

И хоть ѣхать тѣсно было, но интересно. О. Михайлъ не переставаль разсуждать, поучать, повѣствовать. Егоръ ходилъ за нимъ на своихъ костыликахъ всюду. Теперь онъ симпатизироваль ему даже больше, чѣмъ матушкѣ, хотя послѣдняя и давала ему какіе-то превкусные бѣлые, сдобные сухарики и пила чаемъ. Но Егору всегда было досадно, когда матушка останавливала ораторскій пылъ о. Михаила, яко бы изъ опасенія, что онъ можетъ прозѣвать поѣздъ, — а о. Михайлъ почти на всѣхъ большихъ станціяхъ выступаль съ своей назидательной книжечкой „Другъ народа“ и собираль около себя толпу. Иногда даже жандармы,—хотя очень деликатно,—вмѣшивались и убѣдительно просили чтеца и его слушателей не мѣшать движенію на платформѣ.

И въ вагонѣ неугомонный о. Михайлъ не могъ сидѣть, молча. Онъ не въ силахъ былъ удержать своего проповѣдническаго пыла и всегда находилъ слушателей, которыхъ можно было наставить и просвѣтить.

— Священное Писаніе,—говорилъ онъ учительнымъ тономъ,—должно читать совсѣмъ иначе, чѣмъ обыкновенно читаютъ, и каждый разъ будешь узнавать все новое. Да. Я про себя скажу. Учился я въ гимназій,—наукамъ свѣтскимъ,—

и не плохо учился... Даже стихи могъ сочинять... Но при этомъ имѣлъ пристрастіе къ Св. Писанію и пѣлъ каждый день по каѳизмѣ, и читалъ по нѣскольку главъ изъ евангелія... И удалялся въ уединенныя мѣста,—пилъ изъ родничка холодную воду, пѣлъ... тогда у меня сформировался недурный баритонъ. И стало посѣщать меня по временамъ умиленное настроеніе... Какъ бы вамъ сказать? Восторгъ передъ Богомъ, ясность такая... радость о всѣхъ ранахъ, болѣзняхъ, о благахъ и красотѣ мірозданія Господня... Сердце, бывало, такъ и ширится, такъ и жаждетъ возлюбить всѣхъ и вся... каждое живое существо... каждую козявочку и былинку... И падалъ я безъ чувствъ, и било меня всего въ конвульсіяхъ... Но это было блаженное состояніе... И слышался мнѣ какъ бы голосъ,—откуда, какъ,—не знаю... Это былъ необычайный голосъ... чудный... безъ звуковъ, а проникалъ все существо. Что говорилъ, какъ, какими словами,—этого передать я никогда бы не могъ... Но одно я понималъ: звалъ онъ меня ко Господу,—служить Ему одному... Обращался я къ священникамъ за совѣтомъ, двухъ прозорливцевъ спрашивалъ,—одинъ—слѣпецъ, а другой—болящій. Посовѣтовали мнѣ они въ духовные учиться. Прозорливецъ-болящій сказалъ: „ты будешь постриженъ на Аѳонѣ въ монахи. Но все-таки ты женись и иди въ священники“...

Егоръ вдругъ почувствовалъ, что между его свѣсившихся ногъ вылѣзаетъ что-то изъ-подъ лавки. Онъ глянулъ. Зелено-сѣдая голова старика въ подрясникѣ шевелилась, какъ какое-то невиданное чудище, а за нею съ усиліемъ выползало и все старое тѣло. Было и страшно, и смѣшно смотреть.

— Старымъ костямъ-то Трошки и больно,—сказалъ старикъ, усаживаясь на полу между лавокъ:—все позатекло...

— Повременилъ бы, дѣдушка. Контроль еще не проходилъ,—сказалъ отецъ Егора.

— Ничего, милый... Я тогда какъ-нибудь... успѣю, авось... Мнѣ даже желательно послушать... Любопытенъ я на это... Вотъ вы, батюшка, говорите: на Аѳонѣ... Я тамъ былъ. И на старомъ, и на новомъ... На старомъ—вотъ гдѣ истинное благочестіе!..

— Да, дѣдушка, это вѣрно,—согласился о. Михаилъ...

— Я и въ Русалимѣ былъ,—продолжалъ старикъ.—Хорошъ и Русалимъ, конечно, тамъ стопы Господни, а мы, грѣшные, по нимъ ходимъ... Но дико тамъ нашему брату: турокъ, арапъ, греки... Дюже жадны, греки-то... А на старомъ Аѳонѣ—тутъ святость дюже хорошая...

— Что же, батюшка, рассчитываете—такъ и будетъ насчетъ

монастыря? — спросилъ отецъ Егора, возвращаясь къ прерванному разсказу о. Михаила.

— Вѣрю,—сказалъ о. Михаилъ:—твердо вѣрю. Мнѣ бо лѣе по душѣ гдѣ-нибудь въ монастырѣ священствовать: люблю служить... алтарь, тихое пѣніе, сосредоточенную молитву... такъ бы и служилъ, не переставая... А для мірянъ это не всегда того... подходяще... Но люблю я и мірянъ: народъ добрый, мягкій. Дѣти наипаче.

Матушка вадокнула и сказала:

— Ты бы узналъ, отецъ, на какой станціи кипяточку-то можно набрать.

— Ну-ну, спрошу, спрошу, — сказалъ о. Михаилъ, неохотно выходя изъ своего приподнятаго настроенія.

— У меня въ приходѣ, — прибавилъ онъ послѣ значительной паузы,—есть также нѣкоторые прозорливцы... сподобились различныхъ видѣній... Одному мужику во время водосвятія голубь три раза садился на голову...

Старичокъ въ подрясникѣ нетерпѣливо завожился... Лицо его странно сморщилось, точно онъ хотѣлъ засмѣяться или заплакать.

— Вотъ вы, батюшка, вѣрно сказали: мужичку благодать Господня послана... Господь выбираетъ себѣ не изъ богатыхъ да сильныхъ, а самаго что ни есть простѣющаго званія...

— Справедливо, дѣдъ, справедливо,—вадохнулъ о. Михаилъ.

— Вотъ я слыхалъ: одна старуха изъ Арзамаса заблудилась въ пещерахъ кievскихъ... Три года ходила! Черезъ три года въ старомъ Русалимѣ вышла. Какъ уже ее Господь сподобилъ... Черезъ три-то года,—продолжалъ старикъ, оглядываясь кругомъ,—вошли, стало быть, монахи въ пещеру, идутъ со свѣчками, вотъ и она на свѣчки идетъ. Передній и говоритъ:—„Стой, остановись, кто ты такой!“—Она остановилась.—„Сотвори молитву“.—Сотворила молитву.—„Сотвори другую!“—Сотворила.—„Ну, стой тутъ, на мѣстѣ!“—Вышли они изъ пещеры, сказали старшимъ монахамъ. Старшіе монахи сказали архимандриту. Архимандритъ архирею доложилъ... Вошли въ пещеру, — потомъ вывели ее на воздухъ. За три года мохомъ покрылась, позеленѣла вся. Воздухомъ вѣнуло на нее, — она въ разѣ и кончилась... Да. Такъ, любезничали даже узнать, чѣмъ она питалась? Потрошили. Разрѣзали нутренность, животъ, кишки. Одна земля въ кишкахъ...

Старичокъ посмотрѣлъ, сколько могъ, вверхъ, на своихъ слушателей и повозился на мѣстѣ, желая сѣсть поудобнѣе.

— Ну, хоронили-то ее даже хорошо!.. — закончилъ онъ

радно:—Такъ хоронили, такъ хоронили... Сколько архиреевъ было... !Дуже хорошій похоронъ былъ по ней...

— Ваши билеты, господа, приготовьте,—раздался въ концѣ вагона громкій голосъ кондуктора.

Старичокъ невѣроятно быстро юркнулъ подъ лавку, не договоривъ о похоронахъ.

Когда прошелъ контроль, онъ снова выльзъ изъ-подъ лавки, сѣлъ на полу и скоро завладѣлъ вниманіемъ большинства пассажировъ, сидѣвшихъ по сосѣдству. Словоохотливъ и краснорѣчивъ былъ о. Михайлъ, но старикъ-странникъ былъ еще краснорѣчивѣе, и рассказъ его лился неудержимымъ потокомъ.

— Въ Кіевѣ я шесть разъ былъ,—повѣствовалъ онъ: — пѣніе дуже хорошее! Все — партесное... „Господи помилуй“ запоютъ, такъ ажъ душу пронзятъ... У Сергія-Троицы три раза былъ. Два раза въ Новомъ Русалимѣ. Ну, лучше нѣтъ—у Сергія Троицы. Тамъ одно панукадило,—мериканецъ представилъ,—теперь стоитъ этихъ трехъ монастырей. Золота на ней!.. Какъ свѣтъ зажгутъ, — такая свѣтлость! Дуже хорошая свѣтлость-то...

— А въ Саровѣ былъ?—полюбопытствовалъ о. Михайлъ.

— У о. Серафима? Четыре раза былъ. Тамъ такой порядокъ: вотъ васъ пять человѣкъ, сложитесь промежду себя по четвертачку, обѣденку отслужите. Послѣ обѣдни подойдешъ къ хресту: — „Батюшка, благословите къ о. Серафиму приложиться“... Такъ-то вотъ будутъ царскія врата (старикъ распланировалъ руками),—а такъ-то вотъ гробъ его... въ пещерахъ. Тепленькій лежитъ! И ручки, и ножки... голову лишь не видать, а то весь тепленькій. И Сергій-Троица лежитъ, на щечкахъ у него—румянецъ, а самъ—ажъ горячій весь...

— Вы вотъ въ Пензѣ будете,—загляньте въ губерню. Хорошо поправилась она за послѣдніе года!.. Тамъ, коль поимѣете усердіе, къ о. Актію... подъ престоломъ лежитъ. Тоже чудеса являлъ: слѣпому одного съ глазами сдѣлалъ, хромого съ ногами. Во снѣ губернатору являлся и говоритъ: „вы,—говоритъ,—если хотите, чтобъ я явился, уничтожьте скверу отъ собора“. А сквера—это, стало быть, сады разведены, а въ садахъ музыка всякая, лавки торгуютъ, статуи стоятъ и прочее, стало быть. „Уничтожьте, — говоритъ, — скверу, я вамъ явлюсь...“ Ну, а нони ишло съ боку, отъ Московской, развели сады. Отъ этого самага—прежде о. Актіи теплый былъ, а теперь гробъ потемнѣлъ и плѣсень уже пошла. Стало быть, ушелъ оттуда... А то могъ бы явиться вполне...

III.

Въ полночь прѣхали къ какому-то большому городу. Сказали: Пенза. Много огоньковъ разсыпалось внизу и вверху—зеленыхъ, бѣлыхъ и золотисто-красныхъ. Одни двигались, исчезали и вновь появлялись; другіе моргали и дрожали на одномъ мѣстѣ, иногда тоже прятались и снова выныривали...

Егоръ никакъ не предполагалъ, что ихъ повѣзь привезъ такую массу народа. Широкая асфальтовая платформа сразу покрылась мѣшками, узлами, котомками, сумками, корзинками... Вагоны точно вдругъ прорвались и высыпали изъ себя эти кипящія, двигающіяся толпы, эти груды всевозможной рухляди.

— Держись, Егорушка! за меня держись! — говорилъ отецъ:—Гляди, не отставай, а то аминь... пропадешь ни за грошъ!.

Они попали въ людской потокъ, который неудержимо несъ ихъ впередъ, къ вокзалу. Но тамъ давно уже все было биткомъ набито. Егоръ съ отцомъ наткнулись на какую-то тачку около цвѣтника, положили на нее узелъ и сумки и присѣли, съ удовольствіемъ дыша свѣжимъ ночнымъ воздухомъ послѣ духоты вагона и съ удовольствіемъ поглядывая на давку въ дверяхъ вокзала. Два жандарма, чистые, величаво-спокойные, огромные, водворяли порядокъ. Отъ времени до времени густая толпа богомольцевъ, подталкиваемая легонько сзади ихъ кулаками, перекатывалась съ одного конца платформы на другой короткими, быстрыми шажками.

А кругомъ шелестѣлъ смутный говоръ многихъ голосовъ. Около тачки, которую заняли Егоръ съ отцомъ, уже образовались баррикады изъ мѣшковъ и узловъ. Подходили, устнавливались и садились люди—робкіе и растерянные, въ темнотѣ казавшіеся подозрительными и опасными.

— Откуда?—спросилъ отецъ Егора стоявшаго по близости низенькаго старичка въ длинной свитѣ и въ шляпѣ-котелкѣ.

— Полтавски.

— Сидайте туточки.

Старикъ присѣлъ рядомъ съ кучкой женщинъ самыхъ разнообразныхъ возрастовъ, которыя весело болтали между собой по-украински и пересмѣивались. Онѣ ѣхали изъ Ставропольской губерніи.

Изъ большихъ оконъ вокзала падалъ яркій свѣтъ, и копошащіяся кучки богомольцевъ на ихъ фонѣ казались черными и странными. Гдѣ-то тамъ, въ противоположной сто-

ронѣ, громыхая, передвигались въ черной тѣмѣ длинныя цѣпи вагоновъ, выли свистки, лязгало желѣзо. И было странно, чуждо и сиротливо. Хотѣлось бы увидѣть кого-нибудь своего, поговорить, улечься поудобнѣе да соснуть...

— Билеты были до Лукьянова городу,—заговорилъ вдругъ старичокъ въ длинной свитѣ, быстро и оживленно поглядывая своими проворными и наивными глазками на стоявшихъ и сидѣвшихъ вокругъ тачки людей:—у Сараньску пустыню не далъ мнѣ кассиръ. „Нѣту“, говоритъ, „у насъ билетовъ у Сараньску пустыню. Бери до Лукьянова“. Узялъ до Лукьянова. По 11 рублей по 37 копѣекъ платилъ за кажній отъ Прилукивъ. А тутъ, какъ замитусился народъ, я ихъ и обронивъ. Передъ этимъ контроль пошелъ, я показывалъ... при свидѣтеляхъ дѣло було.

— Потерялъ, стало быть?—спросилъ голосъ изъ темноты.

— Д-да... Ма быть такъ...

— Можетъ, онъ взялъ ихъ?—спросилъ новый голосъ.

— Кто?

— А контроль...

— Ни. Назадъ отдавъ,—грустно сказалъ старичокъ.

— А кабы взялъ, то онъ бы и отвѣчалъ.

— Ни. Я вамъ говорю, опять у руку мнѣ отдавъ. А тутъ какъ усѣ заспѣшили, я ихъ и обронивъ. Въ вагонѣ обронивъ, нигдѣ билъшъ...

— Что-жъ вы теперь думаете?—спрашивалъ голосъ изъ темноты и какъ бы откуда-то снизу, изъ узловъ и мѣшковъ.

— Да теперь вотъ домой хотимъ ворочаться. Старуха вонъ заболѣла, плачетъ: домой, говорить, вернемся...

— Ну, тутъ ужъ недалеко. Это врагъ не допускаетъ...

— Ужъ доѣдешь,—сказала ободряющимъ тономъ пиджачная пара торговаго вида:—деньги-то есть?

— Да деньги есть доѣхать. По 2 рубляхъ 64 копѣйки надо доплачивать. Доѣхать можно. Вотъ назадъ-то... Да и старуха заболѣла...

— А ты все-таки не вертайся!—голосомъ увѣщанія возразилъ купецъ:—это, дѣйствительно, врагъ тебя... того...

Ночь была темная. Какіе-то странныя лапчатые звѣри ползли въ небесной высотѣ и съѣдали одну за другой яркія звѣздочки, кротко глядѣвшія внизъ на эту сѣрую, грязную усталую и смирную толпу.

Онѣ исчезали одна за другою, и Егору было такъ жалко ихъ... Потомъ онѣ совсѣмъ скрылись, и пошелъ дождикъ.

Сперва робко и крадучись упали на лицо Егора двѣ-три маленькихъ капельки. Онъ поднялъ лицо и ждалъ ихъ еще, но, должно быть, онѣ раздумали и скрылись... Потомъ, когда онъ усталъ ихъ ждать и задремалъ, онѣ налетѣли опять и

закапали чаще. Было похоже, что онъ снова перестанутъ. Нѣтъ. Онъ смѣлѣе и чаще забрызгали въ лицо и сдѣлали его мокрымъ. Приходилось накрываться или уходить.

— Оце й дожжикъ...—сказалъ голосъ въ притихшей и дремавшей грудѣ человѣческихъ тѣлъ, завалившихъ платформу.

— Какъ будто... Господь-кормилецъ посылаетъ... тово... дожду...—подтвердилъ смиренно другой отсырѣвшій богомолецъ.

— Не размякнемъ!—послышался около тачки чей-то ободряющій голосъ.

— Небось, не глыняни,—присоединился еще кто-то.

Прошло еще минутъ десять. Мелкій дождикъ сыпался, не останавливаясь. Гдѣ-то уже зазвенѣли струйки, стекая съ крыши вокзала. Все намокло. Толпа зашевелилась,—надо было спасать свои сухари и пожитки. И вотъ, какъ муравьи, поползли все подъ крышу. Сначала они сгрудились передъ залой третьяго класса, но, убѣдившись, что туда нѣтъ никакой возможности влѣзть, двинулись на первый классъ. Сонный жандармъ, не желавшій мокнуть на дождѣ, отступилъ и занялъ боевую позицію внутри, въ самой залѣ перваго класса, имѣя въ резервѣ усталаго буфетчика съ баками на темномъ, зломъ, лакейски-высокомѣрномъ лицѣ. Толпа втиснулась въ корридоръ и распахнула двери въ залъ. Публика почище, которая уже заняла въ залѣ мѣста своими узлами,—глядѣла враждебно и съ негодованіемъ на эту темную, грязную массу намокшихъ людей, которые на мгновеніе остановились, озадаченные яркимъ свѣтомъ, блескомъ граненаго хрустала, зелеными вѣерами поддѣльныхъ пальмъ и вазой съ разнообразными бутылками.

— Ку-у-да? Эт-тѣ куда?—послышался голосъ грознаго жандарма.

Когда жандармъ молчалъ или, не возвышая голоса, дѣлалъ свои распоряженія, его величественно-важная фигура производила впечатлѣніе чего-то, дѣйствительно, внушительнаго, непогрѣшимо-властнаго и непререкаемаго. Но когда онъ закричалъ, голосъ у него неожиданно оказался жидкимъ, совсѣмъ не величественнымъ, телячьимъ,—и все обаяніе устрашающей власти исчезло... Этотъ голосъ слабо плеснулъ надъ волнами другихъ голосовъ, жужжащихъ и несущихся изъ темноты, хлопающей и шелестящей дождемъ. Что-то стихійное напирало оттуда и подавало впередъ первые ряды толпы, какъ они ни упирались, озадаченные яркимъ свѣтомъ и непривычною для нихъ обстановкою зала. Короткими, мелкими шажками, они шли, шли прямо на жандарма, на буфетчика, на роскошный столъ, на толстую, благообразную

монахию, на усатаго отставного офицера, на какую-то ба-рышню въ шляпкѣ...

Жандармъ съ рѣшительнымъ видомъ уперся кулаками въ животъ того торговца, который разговаривалъ съ хохломъ, потерявшимъ билеты. Это былъ толстый, солидный человѣкъ въ пиджакъ и въ сапогахъ бутылками.

— Назадъ!—кричалъ жандармъ, багровѣя отъ усилія и всетаки отодвигаясь подъ напоромъ толпы, которая выносила впередъ и толстаго торговца, и старуху съ сумками за плечами, и нѣмую крестьянку, и двухъ мужичковъ въ сѣрыхъ армякахъ.

— Ты сверхъ своей обязанности не смѣешь поступать!—кричалъ, въ свою очередь, пиджакъ, осторожно стараясь освободить себя отъ рукъ жандарма:—У меня въ Саратовѣ собственный домъ!.. Имѣешь ли ты права за грудки хватать? Э-ка!..

И онъ наѣзжалъ все ближе и ближе на жандарма. А жандармъ, выбившись изъ силъ, бросилъ тяжелаго купца и рванулъ вдругъ за котомку старуху. Испуганно охнувъ, она полетѣла мимо него подъ столъ. Но, должно быть, не ушиблась, потому что тотчасъ же сбросила свои сумки съ плечъ и расположилась тамъ, повидимому, не безъ удобства. За ней прошмыгнули два мужичка, потомъ нѣмая крестьянка, а потомъ прорвался потокъ, унесшій на противоположный конецъ зала жандарма, забившій въ уголъ буфетчика, затопившій тѣлами и уздами все: и полъ, и диваны, и стулья, и все пространство подъ столами, и окна, и уборныя, и ватер-клозеты. И всетаки въ проходѣ, въ корридорахъ и подъ дождемъ остались стоять толпы, сбившіяся, какъ овцы, въ плотную массу, мокрая и безропотная...

Отецъ держалъ Егора на рукахъ, когда толпа вынесла ихъ въ залъ. Имъ посчастливилось: о. Михаилъ, сидѣвшій съ матушкой въ уголку у окна, увидѣлъ ихъ и взялъ подъ свое покровительство; они расположились около нихъ на полу, подъ круглымъ столикомъ. Было тѣсно и неудобно, но всетаки лучше, чѣмъ подъ дождемъ. Егора посадили послѣ того на окно, и онъ тотчасъ же уснулъ.

Онъ проснулся оттого, что нога затекла отъ неудобнаго положенія и больно ныла. Въ окно глядѣлъ голубой разсвѣтъ. На столѣ лежала лохматая голова о. Михаила; матушка, подложивъ къ уху маленькую подушечку-„думку“, спала, склонившись головой на спинку стула. Тяжелый, всепо-бѣждающій сонъ сковалъ всѣхъ, и странно было видѣть те-перь, при брезжащемъ свѣтѣ утра и жидкомъ свѣтѣ висячей лампы у буфета, эти уставшія, большею частью, старыя и уродливыя тѣла.

Люди спали въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ: ничкомъ на полу, сидя за столами и у стѣнъ, стоя—опершись на костыли; валялись въ дверяхъ и въ проходѣ, заложённые узами; ложились головами на чужія ноги, а иногда чьи-нибудь неуклюжіе сапоги безцеремонно наваливались на голову сокрушеннаго всемогущимъ сномъ сосѣда.

Воздухъ въ залѣ былъ нагрѣтый и испорченный. Егору очень хотѣлось выйти, но нелзя было перелѣзть черезъ спящихъ. Онъ осторожно пріотворилъ окно и съ жадностью сталъ вдыхать сырой, свѣжій воздухъ хмураго утра. За окномъ, въ неясномъ сумеречномъ свѣтѣ, видѣлись фигуры въ старыхъ, грязныхъ тряпкахъ, запыленные, поношенные, дряблыя. Дождя уже не было, но видѣлись лужи на платформѣ. Слышно было, какъ молились вслухъ иные изъ богомольцевъ, обратившись въ ту сторону, гдѣ сквозь облака просвѣчивалъ румянецъ зари.

— Чистую душу... грѣшную... помилуй меня, грѣшную...— доносились до Егора слова молитвы, то замирающей и угасающей, то вновь вадыхающей и несущейся туда, вверхъ, въ невѣдомое пространство.

Молилась старая хохлушка, стоявшая у самаго окна. Долго крестилась она и кланялась, долго шевелились ея потрекавшіяся отъ вѣтра губы,—онѣ то шептали, то вслухъ говорили однообразно-пѣвучія слова ея собственной молитвы:

— Святой угодничекъ Божій Никола... Стопочка... помилуй меня грѣшную... Преподобный Іованъ Кронштадскій, молись за насъ, грѣшныхъ... Заступница усердная... помилуй мою душу грѣшную...

Подъ этотъ пѣвучій, молящій голосъ, Егоръ опять заснулъ, обвѣваемый ароматной прохладой наружнаго воздуха.

Когда его разбудилъ отецъ, было уже шумно, ярко кругомъ. Солнце стояло высоко, лужъ на платформѣ не было, въ залѣ было почти пусто. Богомольцы разбрелись въ разныя стороны, ходили въ городъ, пили чай на высохшей платформѣ, спали въ тѣни. Матушка дала Егору кружку чаю. За окномъ, на платформѣ, въ центрѣ толпы старухъ, калѣкъ, болящихъ, ораторствовалъ о. Михайлъ. Онъ говорилъ, должно быть, о „благодатныхъ“ средствахъ исцѣленія отъ разныхъ недуговъ, а толпа жадно, съ поглощающимъ вниманіемъ слушала его.

Егоръ поскорѣе допилъ чай и побѣжалъ туда же. О. Михайлъ для чего-то заносилъ званія, имена и фамиліи болящихъ въ свою записную книжку, а толпа все густѣла вокругъ него.

— Помяните и меня, батюшка, въ своихъ святыхъ молит-

вахъ,—Назарія!—настойчиво раздавался звонкій теноръ сзаци Егора.

— Званіе?—дѣловымъ тономъ спрашивалъ о. Михайлъ.

— Я—городовой... Городовымъ въ Москвѣ служилъ... Да зашибленъ лошадьми, такъ—въ грудяхъ у меня стѣсненіе... воздухъ не держится... Даже иной разъ говорить не говорю, а прежде громаднѣйшій голосъ былъ...

О. Михайлъ писалъ и писалъ, долго писалъ. Что онъ записывалъ, окружавшая его толпа не знала, но видъ записной книжки, видъ серьезнаго, глубоко-озабоченнаго о. Михаила внушалъ мысль о чемъ-то чрезмѣрно важномъ, необычномъ, таинственномъ.

— А вотъ тутъ есть женщина, батюшка,—заговорилъ опять бывшій московскій городской:—женщина... мужъ у ней повреженъ умомъ, просить его записать...

— Гдѣ она?—спросилъ о. Михайлъ.

— На плацформѣ. Въ Москву везетъ.

— А почему же не къ о. Серафиму? — съ изумленіемъ воскликнулъ батюшка.

— Кго-жъ ее знаетъ... Билетъ, говорить, ей на Москву даденъ...

— Что-жъ такое! Тутъ недалеко свернуть въ сторону. Гдѣ она?

И о. Михайлъ проворно направился въ ту сторону платформы, куда повелъ его бывшій городской. Толпа повалила за нимъ. Егоръ тоже не отставалъ.

И когда онъ на своихъ костыляхъ съ усиліемъ протискался въ середину толпы, окружившей сумасшедшаго, его же и о. Михаила, онъ прежде всего увидѣлъ стоявшаго почтительно, безъ шапки, молодого человѣка въ пальто по колѣни, подпоясаннаго синимъ поясомъ, за концы котораго сзаци держалъ другой молодой человѣкъ въ пиджакѣ. О. Михайлъ стоялъ передъ полной, молодой, безбровой женщиной съ очень круглыми формами.

Батюшка краснорѣчиво убѣждалъ свернуть съ дороги къ о. Серафиму, а женщина, держа свои пухлыя руки на животѣ, говорила, что провожатый ей данъ только до Казани. Въ мужъ глядѣлъ на о. Михаила недрумящими, кроткими, дѣтскими глазами, и въ его кругломъ, наивномъ, молодомъ лицѣ, съ усами и короткой щетиной небритой бороды, въ его стриженной головѣ и въ томъ смирномъ вниманіи, съ которымъ онъ глядѣлъ въ ротъ о. Михаилу, усиливаясь, можетъ быть, понять его рѣчь,—было много дѣтскаго, безпомощнаго и трогательнаго.

— Съ чего же повредился?—спросилъ о. Михайлъ.

— А Богъ его знаетъ. Крушеніе поѣзда было. Съ тѣхъ самыхъ поръ попортился.

— А зачѣмъ же это вы его связали?

— Да боимся, кабы не выскочилъ. Разъ въ окно чуть не вылѣзъ. А то на паровозъ лѣзетъ: „я,—говорить, — машинистъ“...

О. Михаилъ покачалъ съ сожалѣніемъ головой и, помолчавъ, сказалъ:

— Моѣ душевный совѣтъ вамъ: повезите къ о. Серафиму!

И толпа, которая пристально и жалостливо разсматривала этого человѣка, — толпа этихъ старухъ, болящихъ, калѣкъ, людей, угнетенныхъ какимъ-нибудь несчастіемъ или скорбью, тоже повторяла слова о. Михаила, вѣря въ возможность чуда, надѣясь на всемогущество новаго заступника, чая воскресенія умершихъ преданій о невозможномъ, которое было когда-то возможно...

IV.

Въ полдень подали поѣздъ. Богомольцы, расположившіеся въ ожиданіи его по всей платформѣ съ своими узлами и котомками, кинулись въ вагоны, давя другъ друга, застрѣвая въ дверяхъ, ссорясь, крича, захватывая мѣста. Кричали и толкались жандармы, кричали какіе-то желѣзнодорожные начальники, кричали кондуктора и сторожа... Въ воздухъ, нагрѣтомъ и тяжеломъ, стоялъ гвалтъ, и становилось страшно.

Въ этой сутолокѣ Егору пришлось понести чувствительную потерю: о. Михаилъ, переговоривъ по секрету съ „оберомъ“, рѣшилъ сѣсть во второй классъ, и Егору уже никогда больше не пришлось его видѣть. Онъ съ отцомъ пошелъ впередъ, безнадежно посматривая на вагоны, уже биткомъ набитые пассажирами. Около одного вагона стояли кондуктора. Отецъ заглянулъ въ окно и несмѣло сказалъ:

— А тутъ вѣдь никого нѣтъ?

— Служебное отдѣленіе,—строго сказалъ одинъ кондукторъ.

— Да пускай садятся, — прибавилъ другой, — садитесь, кавалеръ.

И Егоръ съ отцомъ очутились въ пустомъ отдѣленіи вагона, въ которомъ было только одно существенное неудобство: удушливо пахло клозетомъ. Но едва они успѣли расположиться, занявъ сразу двѣ лавки, какъ дверь отворилась и въ нее испытующе заглянулъ кудрявый человѣкъ въ картузѣ, съ русой бородкой.

— Слободно?—спросилъ онъ мягкимъ голосомъ, заискивающе глядя своими блестящими, маленькими глазками на Егора.

— Служебное отдѣленіе,—строго сказалъ отецъ.

— А мы на полку?..

И, видя, что возраженій нѣтъ, онъ проворно вошелъ, а за нимъ послѣдоваль еще корстенькій старичокъ съ квадратнымъ лицомъ.

— Сиди-а-йте! — сказалъ кудрявый человѣкъ, засуетившись, и радостно засмѣялся.

Онъ тотчасъ же забрался на полку и разостлалъ тамъ свой сукоанный халатъ. Старичокъ смирнехонько присѣлъ въ углу, стараясь занять своей особой какъ можно меньше мѣста. И оба, видимо, были довольны. Кудрявый человѣкъ, восторженно поглядывая сверху своими блестящими глазками, не выдержалъ восхищенія и разсмѣялся горошкомъ. Этотъ смѣхъ заразилъ старика, Егора и его отца. И они всѣ дружно смѣялись и посматривали, какъ толпы метались по платформѣ и шли куда-то все впередъ и впередъ, мимо ихъ вагона.

Но вотъ черезъ нѣсколько минутъ опять отворяются двери, и въ нихъ заглядываетъ черная борода.

— А здѣсь занято,—быстро говорить кудрявый хохолъ сверху.

— Занято? — недовѣрчиво и уныло переспрашиваетъ борода.

— Да. Тутъ вонъ начальники сидятъ... Вонъ мундеръ лежить... аполеты вотъ... видите...

Но пока происходило это объясненіе, изъ-за черной бороды вылѣзло, одна за другой, около полдюжины бабъ. Онѣ вторглись дружно и безапелляціонно и сейчасъ же наполнили маленькое отдѣленіе своими углами, котомками, чайниками. И оказалось ихъ уже не полдюжины, а цѣлый десятокъ.

— Дамська дальше,—попробовалъ было соврать кудрявый хохолъ, лицо котораго изъ веселаго постепенно вытянулось въ тревожное и недоумѣвающее.

— Да мы бы и въ дамской,—застрекотали бабы:—да вотъ человекъ у насъ... его не пускаютъ.

— Да его хочъ и къ намъ!

— Да у него-жъ жена да дочь...

— Экъ бѣда... не скиснуть безъ него.

— Ни... онъ говоритъ: голодный буде...

— Экъ!..—досадливо крикнулъ кудрявый хохолъ и слѣзъ съ полки, чтобы занять свою долю мѣста и на лавкѣ.

И снова духота, тѣснота, вонь...

Тронулся поѣздъ. Пробѣжалъ сначала городъ съ церквами, съ мелкой панорамой домовъ, разбросанныхъ по скату нагорнаго рѣчнаго берега, съ лѣсопильными заводами; сверкнула узкая, загрозненная рѣчка, прогремѣлъ мостъ, потянулось какое-то длиннѣйшее село съ деревянными домиками, безъ трубъ, безъ пристроекъ, почти безъ оконъ... Потомъ пошли огороды, побѣжали рощицы, перелѣски, поля сжатые и не сжатые, маленькія станціи съ долгими остановками, съ толкотней около кадокъ съ водой, около крестьянокъ, продающихъ яйца, малину, яблоки и орѣхи. Дѣвчонки лѣзали къ окнамъ вагоновъ съ своими товарами, наперерывъ кричали, протягивали тарелки. Иногда жандармъ — должно быть, отъ скуки, — гналъ ихъ, давалъ пинка, вышибалъ изъ рукъ деревянную чашку съ яблоками; — яблоки разсыпались и катились по платформѣ, — но проворная дѣвчонка быстро подбирала ихъ и снова уже протягивала чашку по направленію смотрѣвшихъ въ окна пассажировъ, а жандармъ зѣвалъ...

Такъ ѣхали до вечера. Вечеромъ пересаживались въ Рузаевкѣ. Тутъ обокрали толстую монахиню, и она безъ конца охала и плакала. Ночью еще пересаживались на станціи Тимирязево, и тамъ опять обнаружена была кража у двухъ пассажировъ. Отецъ Егора вздыхалъ и осторожно ощупывалъ правый бокъ жилета, гдѣ у него были защиты деньги.

Егору пришлось теперь спать сидя, въ самомъ неудобномъ положеніи. Ныла нога, болѣлъ бокъ и лѣвая половина головы. Онъ часто просыпался и глядѣлъ въ окно, ожидая, что поѣздъ вотъ-вотъ добѣжитъ до слѣдующей станціи, и тогда — конецъ ихъ пути.

Но поѣздъ все бѣжалъ и бѣжалъ. Въ окно видны были синія тучки, зарумяненные зарей, высокое и блѣдное голубое небо, свѣжій, точно отмытый, березовый лѣсокъ, фигуры солдатиковъ въ бѣлыхъ рубахахъ и въ накиннутыхъ на плечи шинеляхъ, мужички съ костылями, въ армякахъ и лаптяхъ, съ какими-то бляхами на груди. Мужички стояли неподвижно на одинаковыхъ дистанціяхъ. Казалось, они боялись повернуть головы въ сторону поѣзда и смотрѣли, не моргая, впередъ, въ ту сторону, куда онъ шелъ. А мимо нихъ гарцовали на коняхъ по скошеннымъ полямъ урядники, похожіе на генераловъ, какъ ихъ рисуютъ на картинахъ. Мелькали кое-гдѣ бѣлыя палатки, а возлѣ — маленькій огонекъ съ задумчивымъ солдатикомъ, вспоминающимъ родину и, можетъ быть, покосъ гдѣ-нибудь тамъ, далеко, въ родныхъ мѣстахъ...

На станціяхъ уже не было ни народу, ни дѣвчатъ съ малиной или яблоками. Кучкой стояли крупные, щеголе-

ватые жандармы, а въ сторонкѣ—господинъ въ красной фуражкѣ, начальникъ станціи. На каждой станціи изъ поѣзда выходилъ старый жандармскій подполковникъ и, сдѣлавши озабоченное лицо, о чемъ-то подолгу толковалъ съ начальниками въ красныхъ фуражкахъ. По усталымъ лицамъ этихъ людей видно было, что старикъ говоритъ для формы, перебираетъ совершеннѣйшіе пустяки, которые и безъ него предусматрѣны. Молодцоватые унтера величественно и сурово взирали на какого-нибудь смиреннаго богомольца, торопливо набиравшаго въ чайникъ воды изъ зеленой станціонной кадки. На ихъ лицахъ, какъ будто, было написано:

— „И къ чему такая мразь землю обременяетъ въ такой важный моментъ?..“

Когда подполковникъ проходилъ мимо нихъ, они вытягивались до послѣдней физической возможности, затаивали дыханіе и „ѣли“ его глазами.

— Ну, какъ, братецъ? У тебя все благополучно?—кидалъ небрежно старикъ въ сторону кого-нибудь изъ нихъ.

— Гавъ-гавъ!—быстро и громко отвѣчалъ унтеръ, и глаза его преданно глотали начальника.

V.

Около восьми часовъ утра поѣздъ остановился на станціи Шатки.

Большая часть богомольцевъ высадились здѣсь, даже тѣ, у кого былъ билетъ до Араамаса. Такъ сдѣлалъ и Егоровъ отецъ, потому что ходили упорные слухи о дороговизнѣ подвода въ Араамасѣ и о томъ, что отъ Шатокъ путь козоче.

Послѣ духоты вагона было особенно пріятно подышать утреннимъ воздухомъ на травкѣ около маленькаго вокзала, закусить и выпить чаю. Множество отпряженныхъ телѣгъ стояло за вокзаломъ. Мужики съ кнутами въ рукахъ шли развернутымъ фронтомъ на богомольцевъ.

— Ъхать?—спросилъ тощій старичокъ отца Егора.

— Да.

— Васъ сколько?

— Да вотъ двое съ парнишкой.

— Двоимъ дорого будетъ. Человѣка три-четыре...

Сидѣвшіе рядомъ на травкѣ двое богомольцевъ—старый хохоль изъ Таврической губерніи и молодой человѣкъ въ пиджакѣ изъ Екатеринославской—поднялись и приняли участіе въ торгѣ.

— А довезешь четырехъ-то?—спросилъ молодой, котораго старикъ называлъ Алешей.

— Х-хе!—воскликауль ухарски дѣдъ, обнаруживая желтые, порѣдѣвшіе зубы:—ч-че-ты-рехъ!.. Десять доведу! Телѣга крѣпкая и лошадь—ничего... твердая лошадка...

— А за сколько повезешь?

— Къ Понитаевкѣ аль до Сарова?

— До Сарова.

— До Сарова шесть рубликовъ...

— Тю-у!.. Ска-заль!..

Молодой екатеринославскій богомолецъ, самъ человѣкъ, повидимому, прикосновенный къ торговлѣ, умѣвшій и любившій „ладиться“, сейчасъ же забралъ въ свои руки торгъ за подводу.

— Господа-а! да вы какъ считаете? А сколько тутъ верстовъ по вашему?—восклицаль возница.

— А сколько?—задорнымъ тономъ сказалъ Алексѣй.

— Тутъ до Понитаевки считается двадцать. Извольте, до Понитаевки за полтора доведу, пожалуйста...

— А отъ Понитаевки?

— Чаво отъ Понитаевки?

— Верстъ... чаво!

— Да тамъ болѣ... съ тридцать будетъ... а то и всѣ сорокъ клади... а може—и съ пятьдесятъ...

— А ты тутъ хочешь полтора содрать? Эка какой простякъ!..

— Господа-а! да вы какъ считаете...

— Нѣтъ, ты-то какъ?..

Торговались очень долго. Молодой богомолецъ учитываль старика въ верстахъ, сбиль его подъ конецъ съ толку на смѣхъ слушателямъ, вошелъ въ азартъ и назвалъ беззубымъ съ прибавленіемъ прянаго словца.

— Да ты чего?.. Эка ты, паренъ... къ чему ты такія слова? Молодой вьюношъ и того... ты еще зеленъ, братецъ,—смущенно говорилъ старикъ, нѣсколько растерявшійся подъ стремительнымъ натискомъ Алексѣя.

Въ концѣ концовъ сошлись на четырехъ рубляхъ. Телѣжка оказалась маленькая, старая и дрянная, но лошадь сносная. Всѣ четыре пассажира вообразились всетаки на телѣгу съ твердой рѣшимостью ѣхать, а старикъ пошелъ съ боку. Но было неудобно сидѣть—тѣсно, и скоро съ телѣги слѣзли всѣ взрослые пассажиры, остался одинъ лишь Егоръ. И онъ бы слѣзъ съ удовольствіемъ, потому что телѣга была очень тряская; передокъ ея былъ выше задка, и сидѣть съ вытянутыми ногами было мучительно. Онъ примостился кое-какъ на узлахъ и не безъ любопытства поглядываль кругомъ и слушалъ старика-возницу, который оказался болтливымъ и довольно занимательнымъ человѣкомъ.

Широко и благодушно разстилались холмистыя поля съ синѣющими вдали перелѣсками, съ копнами озимаго жита, съ жницею, согнувшекся въ высокой ржи, съ тощими овсами, чечевицей и гречихой, съ деревеньками и церквами. Частыя, бѣлѣющія тамъ и сямъ церковки придавали веселый, оживленный видъ населенности однообразію этихъ похожихъ другъ на друга холмовъ.

Деревеньки были особенныя, не похожія на тѣ, которыя зналъ Егоръ. Маленькіе, темные, покрытые старымъ тесомъ домики походили на амбары. На широкую улицу вылѣзали какіе-то погреба. Тутъ же были расчищены токи, а около нихъ, сложены небольшія кучки сноповъ. Молотили бабы, медленно взмахивая цѣпами. Для Егора такая молотба была невиданнымъ никогда зрѣлищемъ.

— Что же кушать будутъ, коли такая работа?—пренебрежительно говорилъ екатеринославецъ Алексѣй.

— Дывлюсь: никакого садика, никакой фрухты не видать,—говорилъ старикъ, херсонскій хохолъ, котораго звали Симонычемъ:—Какъ они живутъ, эти люди?..

Но люди жили, плодились и множились. Кучи ребятишекъ, бѣлоголовыхъ, стриженныхъ въ кружокъ, окружали телѣгу и съ пронзительнымъ крикомъ рѣчныхъ чаекъ бѣжали за ней.

— Кинь! кинь!—кричали они и дружной стаей налетали на брошенный имъ съ телѣги кусокъ булки или ситнаго хлѣба, и опять бѣжали, не глядя себѣ подъ ноги и спотыкаясь въ глубокихъ колеяхъ дороги.

И все адѣсь смотрѣло какъ-то особенно смирно, кротко, робко: и запыленные фигуры, плетущіяся по дорогѣ, и добродушно-болтливый старикъ-возница, и этотъ тощій хлѣбецъ, и синеватая балка съ жидкимъ лѣскомъ, и бѣлѣвшія вдали церковки. Было странно, что эти многочисленныя толпы народа, тянувшагося гуськомъ по всей дорогѣ и устѣявшаго всѣ завалины въ деревняхъ, ничуть не оживляли этого тихаго, смиренно-грустнаго пейзажа. Онѣ шли, не спѣша, размѣреннымъ, экономнымъ шагомъ, серьезныя, молчаливыя, и равнодушнымъ, усталымъ взглядомъ смотрѣли на проѣзжающихъ. На всѣхъ лицахъ застыло общее деревянное выраженіе блѣдной, неясной, скучной думы. Взоръ жадно искалъ среди нихъ молодого, красиваго, бодрaго лица и—не находилъ...

Къ полудню старикъ-возница нагналъ богомольческій жовадъ, стоявшій въ мордовскомъ селѣ Кордевилѣ, и предложилъ своимъ пассажирамъ, по примѣру прочихъ богомольцевъ, напиться чаю, пока онъ покормитъ гнѣдка. Пили чай въ грязной и душной мордовской избѣ съ небѣленой

печью. Чай былъ какой-то мутный, самоваръ — давно не чистенный, зеленый, а хозяинъ — косноязычный, разбитый параличемъ мордвинъ, все время говорившій что-то, чего нельзя было разобрать. За самоваръ взяли только двѣ копейки.

Потомъ поѣхали дальше, вслѣдъ за цѣлымъ рядомъ телѣгъ съ богомольцами. Сзади тоже шуршали телѣги, и длинный поѣздъ поднималъ цѣлая облака пыли. Пыль густо покрывала траву по обѣ стороны дороги, обувь пѣшеходовъ и пассажировъ, ихъ одежду и лица. Егору казалось, что она какъ встала, такъ и не садилась и летѣла на него и спереди, и сзади, и ощущение ея въ носу, во рту, за рубахой причиняло непріятное безпокойство, — хуже, чѣмъ безпощадная тряска телѣги. Онъ завидовалъ тѣмъ пассажирамъ, которые, соскочивши съ телѣгъ, плетущихся шагомъ, шли себѣ въ отдаленіи отъ дороги, избавившись отъ этой безпощадной пыли.

Съ ближайшей телѣги, ѣхавшей впереди, доносился иногда глухой, надрывающій душу крикъ, завываніе мучительной боли. Егоръ привставалъ нѣсколько разъ, но ничего не разсматрѣлъ, кромѣ спины женщины, нагнувшейся надъ тѣмъ самымъ отрывисто взывавшимъ существомъ.

— Дѣвка, — сказалъ ему разговорчивый возница: — годовъ семнадцати, а на видъ — лѣтъ шесть, больше не дашь... Попортилась. Это мой мнукъ ихъ везетъ, Васька... Маленькую, говорить, лошади ушибли. А это мать ея сидитъ вонъ... Чи жало ей, любушкѣ...

И когда страдающій, болѣзненный вой долеталъ до Егора, ему казалось, что кто-то рѣзко сдавливалъ ему сердце. И было больно, было жалко и это несчастное, изуродованное муками существо, и ту наклонившуюся женщину-мать, которая много лѣтъ слышитъ этотъ мучительный крикъ боли, много безсонныхъ и страшныхъ ночей провела, глядя въ очи темной, безпросвѣтной скорби, погруженная въ бездну безсильныхъ страданій...

Сѣло солнце. Когда послѣдніе, красноватые лучи его погасли на курившихся облакахъ пыли, стало вдругъ очень свѣжо, даже холодно, захотѣлось деревни, ночлега. И когда наступила ночь, — впереди, въ мгlistомъ ея туманѣ, представлялись все хаты, церкви, но не было ни хатъ, ни церкви, тряслись и скрипѣли телѣги, скатывались куда-то внизъ и медленно вползали затѣмъ вверхъ. Надъ головой мелькали звѣзды. Иногда влажная свѣжесть проползала по лицу. Егоръ улегся. Отецъ прикрылъ его чѣмъ-то теплымъ, но телѣга ужасно трясла, прыгала, стучалась обо что-то, кряхтѣла и скрипѣла, и, лежа, Егору казалось, что она вотъ-вотъ развалится. Отъ тряски разбалчивалась голова, и Егоръ опять под-

нимался и садился и чувствовалъ холодъ и пыль, плавающую въ воздухѣ, и все ждалъ, что скоро въѣдутъ или въ деревню, или въ монастырь. Деревня теперь представлялась ему тѣмъ-то ласковымъ, теплымъ и уютнымъ, и онъ жадно всматривался впередъ.

Вонъ какая-то темная масса вырисовывается на смутно-бѣломъ горизонтѣ. Должно быть, лѣсъ? Въѣдь подѣ монастыремъ, говорятъ, лѣсъ? Сейчасъ въѣдутъ въ него, а тамъ и монастырь. Тоже хорошо: можно отдохнуть, согрѣться и уснуть... Но лѣсъ оказывается кустарникомъ, а за нимъ опять темное поле, и мутный горизонтъ надъ нимъ, и звѣзды.

Вонъ огоньки моргаютъ, два—съ правой стороны, одинъ—съ лѣвой. Этогъ ближе къ дорогѣ, тѣ — далеко въ сторонѣ. И когда поѣздъ богомольческихъ телѣгъ проѣзжаетъ мимо лѣваго огонька, Егоръ видитъ освѣщенную имъ телѣгу и головы лошадей, а около самого костра двухъ человѣкъ съ бѣлокурыми, задумчивыми лицами. Кто эти люди? О чемъ они думаютъ?..

Теперь уже и старикъ не болтаетъ, и его пассажиры рѣже сходятъ съ телѣги, чтобы идти вдоль дороги. Должно быть, дремлетъ и имъ. Они одѣлись потеплѣе и сидятъ, свѣсивъ съ телѣги ноги. Алексѣй все крикаетъ. Потомъ, какъ-то странно изогнувшись, онъ упирается головой въ спину ямщика и начинаетъ, какъ-будто, всхрапывать.

Въ одномъ мѣстѣ телѣга, неистово гремя, быстро скатилась куда-то внизъ, съ грохотомъ склонилась налѣво, въ сторону черной стѣны кустарника, наткнулась на что-то, испуганно крикнула, закричала, словно отъ боли, и остановилась. Всѣ вскочили...

— Ось! — трагически воскликнулъ старикъ-возница.

— А? Погодите... я сичасъ... — дикимъ голосомъ, спросонья, говорилъ Алексѣй, суетясь около телѣги.

Отецъ Егора хладнокровно осмотрѣлъ телѣгу и спокойно сказалъ:

— Пенекъ. Подавай назадъ лошади! Ты, старикъ!

Старикъ взялъ гнѣдка подѣ уздцы и, усиливаясь подвинуть его назадъ, говорилъ ласково:

— Тпру, золотой... тпру... осадѣ задъ... задъ, милый, задъ...

Но гнѣдка стоялъ себѣ равнодушно, понутивъ голову, не смотря на эти уговоры и не взирая на то, что надѣ телѣгой пыжились Алексѣй и херсонскій хохолъ Симонъчъ, старавшіеся сдвинуть ее назадъ. Тогда отецъ Егора зашелъ сзади, легко приподнялъ задокъ телѣги и пересадилъ ее черезъ пенъ.

— Трогай! — сказалъ онъ, садясь на телѣгу.

И снова она покатилась, а за нею и хвостъ поѣзда, оставленнаго этимъ инцидентомъ.

Вотъ и деревня. Поѣздъ катитъ по широкой, уснувшей улицѣ, домишки которой кажутся совершенно одинаковыми по обѣимъ сторонамъ,—потомъ по плотинѣ надъ прудомъ потомъ останавливается около какой-то освѣщенной лавчонки. Должно быть, это чайная или постоянный дворъ; она биткомъ набита: видны въ раскрытую настежь дверь распоясавшіеся люди съ блюдечками въ рукахъ, слышенъ смѣшанный гулъ голосовъ, а кругомъ, на улицѣ, цѣлая флотилія отпряженныхъ телѣгъ. Явное дѣло, останавливаться — не миновать, что и дѣлаетъ новый богомольческій поѣздъ.

— Егоръ, пойдемъ... чайку...—сказалъ отецъ.

— Нѣ-ѣтъ...

— Не хочешь? Ну, какъ знаешь. Полежи тутъ, покарауль. Тебѣ тепло?

— Ничего.

Они ушли, кромѣ ямщика. Старикъ сначала предложилъ своему гнѣдку овса, но гнѣдко задумчиво постоялъ съ торбой на мѣстѣ и не сталъ ѣсть.

— Вотъ, ишшо... ка-кой!—недовольно говорилъ дѣдъ: — пра-а... Ну, на сѣна!

Гнѣдко нагнулся къ сѣну и сталъ жевать.

— Выгодная лошадь, — сказалъ какой-то незнакомецъ, стоявшій неподалеку:—овса не ѣсть...

Гнѣдко потянулся къ травѣ. Онъ подергивалъ телѣгу, телѣга покачивалась и поскрипывала, и Егоръ, лежа на ней, ждалъ, что вотъ-вотъ она опрокинется. Но лежать было хорошо, тряски не было, пыль улеглась. Вверху раскинулось высокое, темное небо съ звѣздами. Онъ были прекрасны, чисты и непонятны, будили смутныя мысли и воспоминанія о родинѣ, о матери. Тихій говоръ людскихъ голосовъ плавалъ, шуршалъ и сыпался кругомъ, за телѣгой, впереди и позади. Гдѣ-то, въ сторонѣ, слышалась громкая болтовня и смѣхъ молодыхъ голосовъ—мужскихъ и женскихъ. Прошла гурьба парней черезъ площадь. На плотинѣ они запѣли:

Ничего мнѣ такъ въ свѣтѣ не надо...

Голоса были громкіе и нестройные, но когда пѣвцы удалялись, звуки становились стройнѣе, мягче, красивѣе, и что-то подкупающее, родственно-милое и неизмѣнно-грустное было въ этихъ вадохахъ и однообразныхъ жалобахъ, въ вихристыхъ и кудрявыхъ затыжкахъ подголоска.

И тихая ночь задумчиво-безмолвно стояла надъ этимъ краемъ, разбуженнымъ необычнымъ наплывомъ странныхъ гостей, смирнымъ, сѣрымъ и скучнымъ краемъ черного

труда, робкихъ мыслей и тупого, равнодушнаго терпѣнія... И звѣзды моргали съ неба ласково и, какъ будто, знаменательно, говоря всѣмъ одно и то же и предоставляя каждому понимать ихъ по-своему...

Егоръ заснулъ. Сквозь сонъ онъ слышалъ, какъ пришелъ сначала дѣдъ-возница и, гремя дугой, сталъ запрягать гнѣдка. Потомъ подошелъ отецъ съ старымъ хохломъ...

— Чего? Ай ѣхать?—спросилъ кто то далекимъ, но знакомымъ голосомъ, должно быть—Алексѣй.

— Ъхать. Запрягаютъ,—сказалъ голосъ ближе.

И Егоръ смутно слышалъ, какъ вездѣ суетились, крикивали на лошадей, запрягали. Потомъ телѣга заколыхалась, громыгнула, потянулася куда-то, и Егоръ забылся... Ему казалось, что подъ нимъ гудѣли мельничныя колеса и трясся молъ... и что-то бурлило, кипѣло и плескалось...

Когда онъ поднималъ голову, — при тускломъ свѣтѣ перваго утра разглядѣлъ большую глинистую поляну, изборозженную колеями. Было холодно. Только одинъ разъ потянула теплая струя нагрѣтаго воздуха,—Богъ вѣсть откуда взявшаяся среди сыроватой и остро-холодной мглы утра. Неожиданная и непоятная, она на мгновеніе согрѣла всѣхъ озябшихъ и примолкшихъ людей, удивила и такъ же быстро исчезла, какъ и пришла. Точно вздохнулъ кто-то ласковый и добрый...

Впереди, на фонѣ бѣлой зари, вставалъ лѣсъ. Люди шли впереди и по сторонамъ дороги, молча, не разговаривая между собой, погруженные въ неясныя, дремотныя грезы, и лѣсъ ждалъ ихъ, темный и молчаливый. И когда поѣздъ скрипящихъ телѣгъ, извиваясь и курясь пылью, вѣхалъ въ опушку осинъ, елей, березъ и молодыхъ сосенъ, то вмѣстѣ съ неподвижнымъ и рѣзкимъ холодомъ, ихъ окуталъ молчаливый мракъ, какъ будто они опустились въ погребъ.

И было тяжело и жутко это молчаніе величественной, строгой, угрюмой толпы великановъ, которые въ глубинѣ вытяснили совсѣмъ зеленую, веселую листву березъ и ольхи и стояли прямые, стройные, высокіе, почти безъ вѣтокъ, съ небольшими зелеными шапками тамъ, вверху, подъ смутно просвѣчивавшимъ сводомъ неба. Колеса вязли въ песокъ и уже не шуршали, а слабо поскрипывали и чуть слышно шипѣли. И пыль, какъ будто, улеглась,—ея не было видно въ лѣсу. Не было звуковъ, а ихъ такъ хотѣлось... Какая-то одинокая птица гдѣ то тамъ, въ высотѣ, издавала монотонный, тихо скрипящій звукъ, точно чертила ногтемъ по шершавой корѣ этихъ великановъ.

Ѣхали медленно и долго, увязая въ песокѣ. Стало свѣтлѣе. Должно быть, взошло солнце: вершины сосенъ сзади

ярко зардѣлись, и клочки неба стали особенно нѣжны и ярки своей синевой, а темная зелень сосенъ вкраплялась въ нихъ отчетливо и рѣзко. Вотъ поляна. Сверкнула рѣчка. Надъ ней кучка палатокъ донского казачьяго полка. Вдали засіяли главы монастырскихъ церквей.

— Ряда была, золотые, до мостика, — напомнилъ дѣдъ-возница:—А то тутъ есть Городокъ, такъ до Городка другая цѣна... Тамъ верстъ шесть по песку...

— Вези до первой остановки, прибавлю гривенникъ, — сказалъ Алексѣй тономъ щедрого человѣка.

Старикъ тронулъ вожжами и проѣхалъ еще ольховую рощицу, за которой открылось болѣе десятка бараконъ. Тутъ было многое множество телѣгъ и народа. Озябшіе, не выспавшіеся, сердитые люди непріязненно посмотрѣли на новыхъ богомольцевъ, которые заглядывали въ широко раскрытыя пасти плохо сколоченныхъ досчатыхъ бараконъ и вездѣ встрѣчали сплошную массу лежавшихъ и сидѣвшихъ человѣческихъ тѣлъ, спертый воздухъ, соръ объѣдковъ и грязь.

— Тутъ некуда!—слышалъ Егоръ изъ глубины каждой полутемной пасти.

— Да насъ вотъ трое... только...—говорилъ Алексѣй, выступавшій вездѣ парламентаромъ.

— Вы въ Городокъ лучше... А тутъ вару не хватаетъ, не то что... Тѣснота...

— А холодъ...—послышался другой голосъ, въ которомъ, дѣйствительно, звучала судорожная дрожь:—Рази можно? Голая земля. Тамъ, по крайности, помощено...

— Вотъ въ Дивѣвомъ—тамъ хорошо: нары... А тутъ киятку нѣтъ—чаю напиться,—вотъ какой порядокъ... Одинъ кубъ на сколько народу...

— Вы въ Городокъ идите. Въ Городкѣ — тамъ мѣстовъ сколько угодно. Совсѣмъ есть пустые бараки...

Въ этихъ, по виду доброжелательныхъ, совѣтахъ звучала фальшь и коварство, но было несомнѣнно одно, что здѣсь, въ мѣстныхъ десяти баракахъ, все было заполнено биткомъ, и волей-неволей пришлось уходить дальше, за монастырь.

— Ну, пойдѣмте,—обратился Алексѣй къ своимъ спутникамъ:—все равно, монастырь посмотрѣть надо.

Они взвалили на себя узлы (у Алексѣя даже цѣлая корзина была привѣшена сбоку) и пошли.

Ө. Крюковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПѢСНИ ПОБѢЖДЕННЫХЪ.

Изъ Чезаре Никколини *).

I.

Рѣшетки, бойницы... И въ стѣны тюрьмы
Волна ударяетъ безсонная...
Здѣсь царство безмолвія, страха и тьмы,
Здѣсь молодость спитъ побѣжденная!
Великая молодость, въ сердцѣ больномъ
Святыя мечты затаившая,
Поникшая скорбно высокимъ челомъ,
Но гордость и гнѣвъ сохранившая!
И гаснетъ безрадостно солнце весны,
Прносятся зимы тоскливыя...
Лишь сладко-мучительны яркіе сны —
Былого видѣнья счастливыя!

II.

Сегодня я всю ночь не могъ очей сомкнуть,—
Сомнѣнье черное мнѣ душу истерзало!
Желѣзною рукой сдавивши мозгъ и грудь,
Свободно чувствовать и мыслить не давало
И грознымъ шепотомъ дышало на меня:
„О, горе, горе вамъ! Вы родину сгубили!
Въ преддверьи свѣтлаго и радостнаго дня
Она была-бъ теперь,—вы только отдалили
Ея свободы часъ... Безумные! Себя
За цвѣтъ и соль земли сочли вы горделиво,
Вопросы сложные рѣшая торопливо,
Грѣхи вѣковъ съ плеча рубя!

*) Авторъ тюремныхъ мелодій 1830 — 1840 гг., пѣвецъ борьбы за освобожденіе Італіи.

И что отрады въ томъ, что сторонѣ родимой
Желали блага вы, что ваша кровь лилась?
Любя, вы нанесли ей вредъ непоправимый...
Да, вы преступники! Она осудить васъ!“

Такъ, въ тишинѣ ночной, угрюмое сомнѣнье
Нашептывало мнѣ, злорадствуя и мстя...
И, полный ужаса и слабый, какъ дитя,
Спасенья я искалъ—и не было спасенья!

III.

— Пускай обвиняютъ, клеветуютъ, бранятъ,
И жалать, и топчутъ... У спящихъ въ могилѣ
Вѣнцы отнимаютъ... Пускай говорятъ,
Что родину мы погубили!
Не вамъ насъ судить! Мы на судъ васъ зовемъ,
Кто глухъ былъ къ стenanьямъ народа родного!
Безъ страха суда мы правдиваго ждемъ—
Потомства свободнаго слова.
Вы неба не знали; влачась по землѣ,
На ощупь вы каждый успѣхъ измѣряли,
А мы... Мы витали въ таинственной мглѣ—
Мы думой въ вѣка прозирали!
Свободная мысль изнывала въ цѣпяхъ,
И мракъ былъ ужасенъ, и зло ликовало...
Мы подняли знамя, упавшее въ прахъ,—
И полночь вокругъ задрожала!
Горсть храбрыхъ на тьмы ополчилась враговъ,
Шатались могучаго Рима ступени...
Мгновенье—но цѣлые сонмы вѣковъ
Подобныхъ не стоятъ мгновений!
Все стихло, предсмертный лишь носится стонъ...
Но явится правды поруганной Мститель:
Не тотъ, кто на землю упалъ,—побѣжденъ,
Не тотъ, кто разить,—побѣдитель!

П. Я.

ИСКУПЛЕНИЕ.

Миланская легенда.

I.

Въ черные дни тирании герцога Варнавы Висконти огромная шестигранная башня, одиноко стоявшая на угрюмомъ обрывѣ прирѣчной скалы, порождала въ сердцахъ трепетаніе ужаса.

Здѣсь, въ этой башнѣ, производились пытки. Отсюда, съ высоты двухсотъ метровъ, людей, уже наполовину истерзанныхъ, сбрасывали въ воду. И отсюда же начинался тѣсный ходъ въ тѣ подводныя могилы, которыя, въ часъ дикаго неистовства фантазіи, придумалъ, на утѣху своему повелителю, герцогскій любимецъ—Туліо Гаэтанъ.

Гаэтанъ былъ высокій, костистый, нѣсколько сгорбленный старикъ, съ длиннымъ и кривымъ носомъ, съ узкими скулами и жидкой бородкой, отдѣльными клочками торчавшей на тяжелой и сильно выдавшейся впередъ челюсти. У него былъ одинъ только глазъ, а уши, такъ же какъ и брови, отсутствовали совсѣмъ: вмѣстѣ съ глазомъ они выѣдены были волдырями черной оспы...

Ужасная болѣзнь эта, не разъ посѣщавшая герцогство, въ одну недѣлю унесла у Гаэтана жену и четверыхъ дѣтей. Злымъ чудомъ самъ Гаэтанъ остался жить—полуразрушенный и обезображенный...

Изъ всей семьи у него оставался теперь только одинъ ребенокъ, десятилѣтній Эммануэль. И всю любовь, которую Гаэтанъ питалъ раньше къ женѣ и дѣтямъ, онъ сосредоточилъ теперь на этомъ мальчикѣ. Онъ любилъ его беззавѣтно, безмѣрно, и, можетъ быть, никто во всей странѣ не зналъ такого сильного и глубокаго чувства, какое жило въ сердцѣ стараго урода.

По ночамъ, когда мальчикъ спалъ, онъ зажигалъ свѣ-

тильную, подходилъ къ кроваткѣ, останавливался и долго глядѣлъ на него своимъ единственнымъ глазомъ.

Кроткая улыбка появлялась на губахъ старика, какія-то особенныя складки ложились у глазъ и у носа, и лицо это—ужасное, отвратительное лицо—свѣтлѣло, приобрѣтало выраженіе необычайное, дѣлалось почти пріятнымъ, почти красивымъ...

— Если бы нужно было по десяти разъ въ день умирать для тебя, я бы дѣлалъ это съ радостью! — шепталъ старикъ.

Онъ уходилъ въ сосѣдную комнату, становился передъ мраморнымъ изваяніемъ св. Дѣвы на колѣни и молился, долго и горячо, за счастье ребенка...

А потомъ вставалъ, забиралъ свои тяжелые ключи и, гремя ими, отправлялся въ башню, на расправу...

II.

Герцогъ Варнава, по природѣ своей, не былъ жестокимъ человѣкомъ. Но его сдѣлали такимъ его приближенные.

Они каждый день доносили ему о заговорахъ, объ измѣнахъ, о покушеніяхъ. Они подстраивали покушенія. Они возбуждали слабого, ничтожнаго правителя, запугивали, обманывали его, лгали ему,—и имъ управляли.

И въ то время, какъ народъ, отъ непрерывныхъ лишеній, вымиралъ,—въ многочисленныхъ базиликахъ служили ежедневныя благодарственные мессы, и воздавалась Богу хвала за то, что странъ дарованъ такой мудрый, такой любящій правитель.

Устраивались торжественныя процессіи; монахи разныхъ орденовъ въ черныхъ и бѣлыхъ власаницахъ выносили на площадь изображеніе св. Варнавы; народъ, въ смертельномъ страхѣ и съ ненавистью въ душѣ, преклонялъ колѣни; надъ головами людей тихо плавали голубые клубы кадильнаго дыма; раздавалось звучное пѣніе „Kyrie éléison“, и могучій органъ придворной базилики сливалъ свои величавые аккорды со словами вынужденной молитвы и съ гулкимъ звономъ безчисленныхъ колоколовъ...

А когда месса подходила къ концу,—въ замкѣ начиналась оргія.

Дѣтей-пѣвчихъ вводили въ пиршественный чертогъ, и сцены разврата принимали самыя гнусныя, самыя чудовищныя формы...

И въ эти именно минуты къ обезсиленному, полуживому,

утратившему человѣческое подобіе герцогу являлся Гаэтанъ съ докладомъ о совершенныхъ дѣлахъ.

III.

Должность Гаэтана заключалась въ организаціи охраны герцогской особы. Но онъ имѣлъ большое вліяніе на всѣ дѣла страны.

Варнава къ своему охранителю питалъ большое довѣріе и считалъ его человѣкомъ незамѣнимымъ. Онъ былъ убѣжденъ, — и часто выражалъ это вслухъ, — что безъ Гаэтана трудно было бы справиться съ заговорщиками, покушающимися на своего государя. А Гаэтанъ поддерживалъ въ немъ это убѣжденіе, — поддерживалъ, главнымъ образомъ, тѣмъ, что постоянно открывалъ новые козни и заговоры и безпрестанно ловилъ новыхъ бунтовщиковъ.

И кого онъ ловилъ, того немедленно отправлялъ въ шестигранную башню и подвергалъ жестокимъ пыткамъ.

Герцогъ при пыткахъ не присутствовалъ никогда. Видѣть, какъ живое тѣло жгутъ огнемъ, слышать человѣческіе стоны и вопли было ему не по силамъ. Но доклады объ этихъ вопляхъ онъ слушалъ съ напряженнымъ любопытствомъ. И Гаэтанъ, изощрившійся въ подобнаго рода разсказахъ, не разъ вызывалъ ими въ герцогѣ чувство жуткаго злорадства.

Старый палачъ употреблялъ всю силу своей изобрѣтательности на то, чтобы постоянно разнообразить орудія пытки, и чтобы муки своихъ жертвъ сдѣлать какъ можно болѣе ужасными.

По его чертежамъ былъ сооруженъ особаго рода станокъ, отрывавшій одинъ за другимъ суставы пальцевъ. Была привезена, по его требованію, изъ аравійскихъ долинъ трава, отъ растиранія которой тѣло раздувало, какъ бочку, и покрывало смердящими нарывами. Была устроена металлическая кираса съ подобіемъ часового механизма, медленно сжимавшая грудную клѣтку...

И, придумывая все новые способы пытки, Гаэтанъ заботился, главнымъ образомъ, о томъ, чтобы продлить мученія осужденныхъ.

Именно поэтому онъ устроилъ такъ называемый „карантинъ“ — замучиваніе человѣка ровно въ сорокъ дней.

Строгое расписаніе опредѣляло, въ какой день, какому истязанію подвергать осужденнаго.

Сначала сѣкли розгами и давали сорокъ восемь часовъ передышки. Потомъ сдирали со ступней кожу и гоняли по

усыпанной горохомъ галлереѣ. Въ продолженіе шести дней жертву морили затѣмъ голодомъ и жаждой, предлагая вмѣсто пищи укусъ, известь и смолу.

Подкрѣпивъ, по истеченіи этого времени, несчастнаго мясомъ и винами, оскопляли его; послѣ новаго промежутка, подлѣчивъ рану, вырывали языкъ, переламывали голени, выкалывали глаза.

И, наконецъ, на сороковой день четвертовали...

Но и этого всего Гаэтану казалось мало.

Дьявольской душѣ его нужно было, чтобы мученія людей не имѣли конца. И тогда онъ выстроилъ ту страшную, небывалую тюрьму, одни слухи о которой наполняли сердца людей мертвеннымъ ужасомъ и—заставляли молить о завоеваніи родной страны чужеземцами, какъ объ избавленіи, какъ о высшемъ благѣ...

Никто не былъ гарантированъ, никто не могъ быть спокоенъ, никто не зналъ, чѣмъ окончится день.

Мирныхъ жителей схватывали, заковывали и уводили въ шестигранную башню. Тамъ ихъ раздѣляли до нага и трое сутокъ держали, погруженными до подбородка, въ водѣ.

Послѣ этого живыхъ людей заворачивали въ саванъ, укладывали въ гробъ и уносили въ базилику.

Высшее духовенство служило заупокойную мессу, и гробъ спускали въ подземелье. Здѣсь, подъ самымъ дномъ рѣки, вырытъ былъ рядъ могилъ, и въ нихъ всовывали гробы...

Могила имѣли три метра въ длину и два въ ширину. Высота же ихъ была вдвое меньше человѣческаго роста. Брошенный сюда человѣкъ могъ выйти изъ гроба, могъ садиться, могъ и ходить, но стать и выпрямиться не могъ никогда.

Онъ долженъ былъ оставаться либо въ горизонтальномъ положеніи, какъ червь, либо согнутымъ вдвое.

Пища въ могилы спускалась посредствомъ особаго приспособленія въ ящикахъ, и заключенные никогда никого не видали, никогда ничего не слыхали.

Они вступали здѣсь въ вѣчную тьму и вѣчное молчаніе.

Они здѣсь заболѣвали и умирали, и никто объ этомъ не зналъ.

Если ящикъ для пищи наверхъ подымался пустой—это означало, что заключенный живъ. Если же въ теченіе тринадцати дней ѣда возвращалась нетронутой—это служило признакомъ, что заключенный скончался.

Гаэтанъ спускался тогда въ могилу, обвязывалъ трупъ веревкой и извлекалъ его вонъ.

Мѣсто же умершаго занимала другая жертва...

IV.

Отъ этой новой выдумки своего любимца герцога Варнава былъ въ особенномъ восторгѣ.

— Пусть поползаютъ, пусть! — со смѣхомъ говорилъ онъ.

И знаки вниманія и довѣрія сыпались на Гаэтана щедрѣе прежняго.

Но вотъ пришло какъ-то герцогу въ голову осмотрѣть эти могилы. И вмѣстѣ съ Гаэтаномъ и двумя другими приближенными, въ специально устроенной корзинѣ, спустился онъ въ подземелье.

— Сейчасъ мы ихъ посмотримъ, твоихъ соловьевъ, — шутилъ герцогъ. — Хорошо, должно быть, поютъ...

— Смѣю надѣяться, что ваша свѣтлость будете удовлетворены, — отвѣтилъ Гаэтанъ, гремя ключами.

Входъ въ ближайшую могилу былъ открытъ, и потокъ лучей, вырвавшись изъ фонаря, внезапно залилъ ея безмолвную глубину.

Герцогъ, стоявшій позади Гаэтана, у входа, замеръ и оцѣпенѣлъ...

Что-то похожее на человѣческое существо, на женщину, скорчившись, сидѣло въ гробу. Нельзя было понять, старуха это или подростокъ. Лицо было маленькое, ссохшееся; морщины, какихъ никогда никто еще не видѣлъ, бороздили его по всѣмъ направленіямъ. Сѣрые волосы длинными космами скатывались на обнаженные плечи и грудь. Глаза были огромные, неподвижные и тусклые...

Правой рукой женщина держалась за босую ступню, лѣвую вложила въ ротъ и грызла. Широкая струя темной крови скатывалась внизъ, къ локтю, и частыми каплями падала на землю...

Появленіе людей, появленіе свѣта не произвело на заключенную никакого впечатлѣнія.

Она продолжала сидѣть, безмолвная и неподвижная, и продолжала смотрѣть впередъ себя...

А герцогъ стоялъ у входа, — тоже безмолвный, тоже неподвижный...

— Соловей номеръ первый, — доложилъ Гаэтанъ, приподнимая надъ головой фонарь и отстраняясь, чтобы пропустить впередъ посѣтителей.

Но Варнава, выйдя изъ оцѣпенѣнія, знакомъ показалъ, что желаетъ удалиться.

И когда черезъ нѣсколько минутъ корзина была вытаскана изъ подземелья, и герцогъ сталъ на землю, — весь

дрожащій и блѣдный, онъ обернулся къ Гаэтану и съ размаха ударилъ его по лицу...

На слѣдующій, однако, день онъ призвалъ старика и собственными руками подаль ему желѣзный, съ золотой рукояткой, мечъ—вышую въ герцогствѣ награду.

V.

Маленькій Эммануэль росъ одиноко.

Придворная челядь и высшіе сановники, изъ страха передъ могуществомъ Гаэтана, заискивали въ мальчикѣ, льстили ему, восхищались его красотой. Но Эммануэль ко всѣмъ выраженіямъ вниманія относился съ какой-то сумрачной дикостью.

У него и вообще видъ былъ дикій и не полѣтски суровый. Онъ былъ медлителенъ въ движеніяхъ, нелюдимъ, неразговорчивъ, и во взглядѣ его, какъ и въ голосѣ, было что-то тяжелое, холодное, что-то затаенное.

Улыбающимся его видѣли немногіе, а смѣхъ его не былъ знакомъ никому.

Онъ любилъ безмолвіе одиночества и часто, когда Гаэтанъ уходилъ къ герцогу, забирался въ какую-нибудь отдаленную галлерею, садился у подножія колонны, склонялъ къ ней голову и какъ бы цѣпелъ.

Проходилъ часъ, два часа, а мѣста своего онъ не оставлялъ. Обвѣянный сумракомъ и тишиной, онъ вперялъ глаза въ трепещущую мглу таинственныхъ сводовъ, и выраженіе у него дѣлалось странное,—тревожное и злое. Его губы скашивались, сжимались, лицо блѣднѣло, — блѣднѣло все сильнѣй и, наконецъ, дѣлалось бѣлымъ—такимъ же бѣлымъ, какъ мраморъ колоннъ.

— Звѣренышъ!—думали придворные, случайно заходившіе въ галлерею.—Будетъ отцу помощникомъ...

И во всей странѣ мальчика называли не иначе, какъ звѣренышемъ, и говорили о немъ съ ненавистью и отвращеніемъ.

VI.

Эммануэль обнаруживалъ большія способности къ рисованію.

Когда ему пошелъ тринадцатый годъ, изъ Флоренціи былъ вызванъ для него учитель—знаменитый въ то время художникъ Андреа Орканья. Около трехъ лѣтъ работалъ мальчикъ подъ его руководствомъ и сдѣлалъ за это время такіе

успѣхн, что продолжать ученіе дома оказалось уже невозможнымъ.

Надо было ѣхать во Флоренцію и въ Римъ, тамъ изучить сокровищницы искусства и присмотрѣться, какъ работаютъ великіе мастера.

Этого требовалъ Орканья. Но Гаэтану мысль о разлукѣ съ сыномъ была такъ страшна, что славнаго флорентинца онъ не хотѣлъ и слушать. И отъѣздъ Эммануэля, навѣрно, никогда бы не состоялся, если бы въ дѣло не вмѣшался герцогъ.

Барнава, считавшій себя большимъ покровителемъ искусства и отпѣчавшій въ Эммануэлѣ рѣдкое дарованіе, приказалъ Гаэтану отпустить сына, и для путешествія мальчика предоставилъ собственную карету и восьмерку лучшихъ лошадей.

Гаэтану оставалось подчиниться и принять эту новую, безпримѣрную милость повелителя.

— Отецъ, поѣдемъ со мной,—просилъ Эммануэль предъ разставаньемъ.

— Нельзя, дитя! Мнѣ нельзя оставить Миланъ.

— Оставь его, отецъ... Ты уже старъ... Оставь свои... дѣла и живи со мной.

Но старый Гаэтанъ только улыбался дѣтской наивности сына.

И Эммануэль уѣхалъ одинъ.

Два года и семь мѣсяцевъ продолжалось его отсутствіе.

И когда онъ, наконецъ, вернулся домой, онъ привезъ множество картинъ и этюдовъ, свидѣтельствовавшихъ объ изумительномъ, необыкновенномъ и вполне уже сформировавшемся талантѣ.

Весь дворъ, вся знать преклонилась передъ молодымъ художникомъ, — и счастьемъ, и гордости Гаэтана не было конца.

Что же касается до самого Эммануэля, то трудно было понять, какъ относится онъ къ своей славѣ.

Теперь онъ былъ еще молчаливѣе, чѣмъ въ дѣтствѣ. На лицѣ его лежала какая-то каменная неподвижность, а глаза смотрѣли съ неизмѣнной холодной суровостью.

Онъ часто выходилъ за городъ, къ шестигранной надрѣчной башнѣ и, казалось, прислушивался...

Полное безмолвіе царило вокругъ.

Ни малѣйшаго звука не вылетало изъ узкихъ оконъ, и желтыя воды рѣки тоже лежали безмолвно, какъ трупъ.

Но Эммануэль слушалъ напряженно, подолгу, принималъ и къ землѣ, и къ башеннымъ стѣнамъ. И минутами казалось, что ухо его что-то улавливаетъ...

Судорожное трепетаніе пробѣгало тогда по его губамъ и въ глазахъ, и лицо рѣзко искажалось не то дикою улыбкой, не то холодомъ ужаса...

И самъ Гаэтанъ не понималъ своего сына и, случалось, испытывалъ какое-то глубоко-болѣзненное чувство, даже страхъ, когда внезапно встрѣчалъ его тяжелый, почти безумный взглядъ...

Въ народѣ же, до крайней степени напуганномъ и измученномъ, объ этомъ взглядѣ складывались странныя легенды..

Говорили, что когда Эммануэль устанетъ на дерево, то листья чернѣютъ и опадаютъ; дѣти же подъ этимъ взоромъ нѣмѣютъ навсегда...

Съ тоской отчаянья добавляли, что это выросъ преемникъ оцу,—и къ молитвѣ о собственномъ спасеніи и объ истребленіи стараго мучителя присоединяли всегда и мольбу о гибели сына...

VII.

Однажды,—это было вскорѣ послѣ возвращенія Эммануэля изъ Флоренціи,—Гаэтанъ, радостно сіяя, явился къ сыну съ извѣстіемъ, что герцогъ желаетъ имѣть свой портретъ, и исполненіе этой работы поручается молодому художнику.

Полотно должно изображать апоѳеозъ Варнавы и должно быть огромныхъ размѣровъ.

Принцъ, въ порфирѣ и съ короной на головѣ, воссѣдаетъ на тронѣ. Вокругъ него, въ парадныхъ одѣянiяхъ, стоятъ приближенные. За ними—придворныя дамы и многочисленные вельможи.

Когда Эммануэль услышалъ эту вѣсть, онъ вдругъ вдрогнулъ всѣмъ тѣломъ. Въ мрачныхъ глазахъ его вспыхнули искры, щеки залились краской, и на губахъ заиграла побѣдная улыбка.

— Ага, ты доволенъ? — съ гордой усмѣшкой спросилъ Гаэтанъ.

Но Эммануэль, какъ будто, и не слыхалъ его.

Онъ выпрямился и, уставивъ широко раскрытые глаза вдалѣ, тихо бормоталъ:

— Тронный залъ... Герцогъ въ коронѣ... вокругъ него приближенные... весь дворъ... Да, именно это и нужно..

— Высокая честь—писать герцога—до сихъ поръ предложена была только двумъ художникамъ: твоему учителю Орканья да знаменитому Антоніо Сарту.

— Я создамъ великое произведеніе,—въ глубокомъ волненіи говорилъ Эммануэль:—великое... И оно будетъ жить...

— А изображать его свѣтлость въ такой торжественной обстановкѣ, въ какой изобразишь его ты, не дано было еще никому!

— Герцогъ на тронѣ... и весь дворъ вокругъ него... всѣ приближенные... — закрывъ глаза, шепталъ Эммануэль. — И потомъ... когда картина будетъ окончена... и послѣдній мазокъ будетъ сдѣланъ... О! какъ это будетъ прекрасно!..

Гаэтанъ прошелся по комнатѣ... Потомъ остановился передъ сыномъ и подбоченился.

— Хорошо, другъ мой, имѣть блестящее дарованіе, — самодовольно улыбаясь, началъ онъ: — но недурно также имѣть меня отцомъ...

Эммануэль не отвѣчалъ.

— Такъ, значитъ, ты доволенъ? — не переставая усмѣхаться, спросилъ опять Гаэтанъ.

Тонкія ноздри Эммануэля тихо затрепетали.

— О, отецъ, — вырвалось у него: — я счастливъ, я глубоко счастливъ!..

VIII.

Черезъ два дня картина была начата.

Эммануэлю никогда еще не приходилось работать надъ такой большой и сложной композиціей, и онъ писалъ теперь съ небывалымъ, почти болѣзненнымъ увлеченіемъ.

Ему позировалъ герцогъ. А когда герцогъ уходилъ, Эммануэль писалъ придворныхъ. Когда уходили придворные, онъ по манекенамъ отдѣлывалъ костюмы или прокладывалъ фонъ. И только когда наступали сумерки, онъ прерывалъ работу.

Но и тогда онъ не разставался съ картиной. Онъ зажигалъ свѣтильники, становился передъ полотномъ и смотрѣлъ на него.

— О, моя лебединая пѣснь! — тихо, съ выраженіемъ мучительной скорби, шепталъ онъ: — Я вложу въ тебя все мое умѣнье, всю мою любовь къ искусству..

По ночамъ Эммануэль видѣлъ свою работу во снѣ, а рано утромъ снова стоялъ передъ мольбертомъ и писалъ.

И онъ создавалъ нѣчто удивительное, нѣчто высоко-прекрасное. Онъ сравнился съ лучшими мастерами Флоренціи и Рима.

Фигура герцога выступала на полотнѣ съ такою жизненностью, какую не всегда имѣетъ и самая жизнь. Толпа придворныхъ, располагавшаяся позади трона и по бѣкамъ его, была написана изумительно. Шелкъ и бархаты, драгоценные камни, золото и перламутръ, мѣха и слоновая кость — все это, залитое ослѣпительнымъ блескомъ солнечнаго утра,

передано было съ такой необычайной виртуозностью, съ такой безподобной яркостью и силой, что среди придворныхъ не разъ подымался гулъ восхищенія, а герцогъ послѣ каждаго сеанса, сойдя съ трона, становился за спиной художника и съ выраженіемъ глубокаго изумленія слѣдилъ за движеніями его кисти...

IX.

Черезъ двѣнадцать недѣль картина была окончена.

И герцогъ, призвавъ къ себѣ Гаэтана, вмѣстѣ съ нимъ отправился въ мастерскую поздравить художника.

— Я понимаю теперь,—любуюсь картиной и милостиво улыбаясь, промолвилъ онъ:—я понимаю, что великій правитель могъ нагнуться и подать артисту оброненную кисть.

Эммануэль почтительно склонилъ голову.

— Картина моя окончена,—сказалъ онъ,—но я боюсь, что въ ней есть недочеты. И прежде чѣмъ съ ней разстаться, я хотѣлъ бы удостовѣриться, что дѣйствительно ничего уже улучшить въ ней не могу. Дайте же мнѣ возможность провѣрить себя.

— А что я долженъ для этого сдѣлать?—освѣдомился герцогъ.

Эммануэль объяснилъ.

Ему позировалъ герцогъ, позировали въ отдѣльности всѣ придворные, позировали и группы придворныхъ. Но всю сцену цѣликомъ, такой, какой она изображена на холстѣ, онъ видѣлъ только разъ, давнымъ-давно, во время коронаванія герцога. Теперь ему кажется, что картинѣ недостаетъ цѣльности, недостаетъ гармоніи освѣщенія. Если бы онъ могъ сличить свое произведеніе съ натурой, онъ лучше уловилъ бы всѣ недочеты и сумѣлъ бы ихъ устранить. Онъ проситъ поэтому, чтобы изображенная имъ сцена воссоздана была и въ дѣйствительности.

— Это будетъ сдѣлано въ четвергъ, до начала мессы,—обѣщалъ Варнава.

И точно, въ четвергъ утромъ, всѣ изображенныя на картинѣ лица, одѣтыя въ парадныя одежды, собрались въ тронномъ залѣ. Когда Эммануэль рассадилъ и разставилъ ихъ, въ залъ вошелъ герцогъ и занялъ свое мѣсто, на тронѣ, впереди всѣхъ.

Эммануэль, съ огромной палитрой въ лѣвой рукѣ и съ пачкой кистей въ правой, стоялъ передъ мольбертомъ и пристально смотрѣлъ то въ глубину зала, то на картину.

Онъ былъ весь въ бѣломъ, и три большія лиліи были приколоты къ лѣвой сторонѣ его груди.

Его глаза горѣли страннымъ блескомъ, но осанка и движенія полны были величавой медлительности и царственнаго спокойствія.

Онъ зналъ, что дѣлаетъ, и вѣрилъ въ себя.

И вотъ, въ ту минуту, когда герцога, среди общаго почтительнаго безмолвія, посылалъ ему съ высоты трона ободряющую улыбку, а счастливѣйшій изъ отцовъ, Гаэтанъ, горделиво игралъ желѣзнымъ мечомъ у ногъ своего властелина, Эммануэль вдругъ выпрямился во весь ростъ, откинулъ назадъ голову, поднялъ высоко надъ ней руку съ кистями—и всю пачку, съ силой, швырнулъ герцогу прямо въ лицо...

Короткій крикъ ужаса вырвался изъ десятковъ грудей...

Потомъ все смолкло...

Точно всѣ находившіеся въ залѣ какою-то высшей таинственной силой сразу обратились въ мраморныя изваянія...

Но черезъ мгновенье грохочущій, дикій гулъ вспыхнулъ опять.

И, опрокидывая стулья, сбивая другъ друга съ ногъ, прыгая черезъ упавшихъ, съ изумленными, испуганными лицами, придворные бросились къ герцогу и окружили его.

И, спѣша выразить ему свою преданность, свою безграничную любовь, свое негодованіе противъ безумца, они всѣ поспѣдовали за нимъ, вонъ изъ зала.

Эммануэль же остался на своемъ мѣстѣ, неподвижный, безмолвный и спокойный.

— Бѣжимъ!—раздался за его спиной сдавленный хрипъ.

И Гаэтанъ схватилъ его за руку.

— Въ сумятицѣ... въ суматохѣ... намъ еще удастся... бѣжимъ!

— Нѣтъ.

— Пока они ошеломлены... пока не схватили тебя... Бѣжимъ!..

— Нѣтъ, отецъ!

— Нѣтъ?!.. Но вѣдь ты знаешь, что съ тобою будетъ?..

Эммануэль молчалъ..

— Ты оскорбилъ герцога... въ присутствіи всего двора.. когда онъ былъ на тронѣ... Вѣдь тебя даже и не казнятъ! Тебя и съ башни не свергнуть!.. Смерть—ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что тебя ждетъ... Тебя бросятъ туда... въ казематъ... въ подводную могилу...

Эммануэль посмотрѣлъ старику прямо въ лицо.

— Къ твоимъ жертвамъ, отецъ!—тихо, отчетливо проговорилъ онъ.

Онъ продолжалъ пристально смотрѣть на Гаэтана... И старому палачу стало казаться, что онъ что-то понималъ...

Онъ не проронилъ больше ни звука.

Медленно, шатаясь, трясясь всё́мъ тѣломъ, онъ сталъ
пятиться назадъ..

Единственный глазъ его смотрѣлъ съ ужасомъ... съ
ужасомъ...

Д. Айзманъ.

Безработица.

Насупился городъ, и шумъ его мѣрный
Звучить необычной и жуткой тревогой,
Какъ будто онъ шепчетъ въ тоскѣ суевѣрной:

„Смотрите: ихъ много! Ихъ много!“

Согнутыя спины и впалыя груди,
На лицахъ морщины суровой заботы...
Толпами идутъ изнуренные люди—

Никто не даетъ имъ работы.

Зловѣще и тихо въ рабочемъ кварталѣ,
Но черныя окна глядятъ, какъ живыя:

Тамъ взрослые вѣрить и ждать перестали,

Тамъ дѣти теперь, какъ большіе!

Съ безсильнымъ терпѣньемъ покончены счеты,

Отчаянной злобой наполнены груди...

Трудъ нуженъ, какъ воздухъ. Измучены люди.

Работы! Работы!

В. Башкинъ.

потому что проигрывалъ. Старая бабушка задремала и сошла во снѣ, устало качая головой въ тактъ дыханію медленно поднимавшейся плоской груди; морщинистыя руки ея были сложены на животѣ, серебристые волосы выбивались изъ подъ съѣхавшаго на бокъ парика. Возлѣ нея сидѣла, углубившись въ книгу, Стелла, дѣвушка лѣтъ шестнадцати, облокотившись головой на руку, и громко бормотала фразы, чтобы заглушить говоръ Іоозепа, Раатѣ*), Натана и Гиньтѣ и болѣзненные стоны малютки, лежавшаго на кровати въ альковѣ.

Квартирка помѣщалась на набережной канала, въ подвальному этажѣ, лежавшемъ ниже уровня воды. Она состояла изъ двухъ отдѣленій: лавки и жилой комнаты, безъ оконъ. Днемъ и ночью здѣсь горѣла лампа. Тутъ жили всѣ вмѣстѣ: Соортѣ и Натанъ со старой бабушкой и цѣлымъ гнѣдомъ ребятишекъ. Трое дѣтей умерло, десять были еще живы. Бабушка спала въ альковѣ вмѣстѣ съ Раатѣ и Стеллой, Сооръ съ Натаномъ, Маупѣ съ Роосомъ. Подъ окномъ, на войлочной подстилкѣ спали еще четверо, да двое—въ подвалѣ возлѣ тряпокъ и бочекъ; одинъ изъ нихъ уже кое-что зарабатывалъ сортировкой тряпокъ. Прежде и Стелла спала здѣсь, но подроставшіе мальчики такъ обижали ее, что ей пришлось убраться.

Якобъ тупо слѣдилъ за лото, смѣясь идиотскимъ смѣхомъ, когда кто-нибудь находилъ у себя вынутый номеръ. Говорилъ онъ мало, потому что заикался и вызывалъ насмѣшки Раатѣ, Іоозепа и Стеллы. Онъ постоянно хворалъ, то волочилъ ногу, то совершенно не могъ ходить отъ опухоли наховыхъ железъ. Соортѣ говорила, что это отъ сырости, и давала ему коровьяго масла для втиранія. Дѣйствительно, съ балокъ постоянно капала вода, и стѣны были усѣяны кристаллами соли. Сырость проѣла въ комнатѣ полъ, доски огнили, и Натанъ приколотилъ желѣзную планку, чтобы прикрыть дыру.

Передняя комната служила одновременно лавкой и складомъ. Тамъ висѣли сюртуки и рваныя брюки, кучей свалены были разные лохмотья, обрѣзки изъ швейныхъ мастерскихъ, грязныя тряпки и мѣшки, старые шерстяные чулки и рваныя сорочки. Тутъ же стояла корзина съ ломанными жестянками и ящикъ съ костями изъ боевъ. Ближе къ перегородкѣ, отдѣлявшей первую комнатку отъ второй, лежала груда старыхъ, заплесявившихся сапоговъ и башмаковъ, съ зелеными шипками отъ сырости, и тутъ же, возлѣ сырыхъ кошачьихъ шкурокъ—ржавый желѣзный ломъ.

*) Уменьшительное отъ Рахиль.

Здѣсь спалъ на матрацѣ Гомпель, живой мертвецъ, съ синими кругами около глазъ. Свѣтъ изъ неплотно притворенной двери падалъ полоской на его ухо и открытый ротъ. Ребенокъ дышалъ гнилой вонью костей и тряпокъ, спалъ не спокойно, морщилъ вѣки, шевелилъ рученками и со стономъ метался во снѣ, пугая кошку, которая объѣдала уцѣлѣвшее на костяхъ мясо. Свѣтъ съ улицы смутно отражалъ на полу форму окна и даже грязную бумагу, замѣнявшую выбитое стекло.

Игра въ лото продолжалась. Лампа чадила, копотъ садилась на колпакъ, на книгу и на карточки лото. Натанъ, тощій, блѣдный, съ толстыми красными губами и мѣдно-рыжей щетиной усомъ и бороды, росшей даже на шеѣ, усиленно сдувалъ сажу и стиралъ ее мозолистымъ пальцемъ.

— Чего ты тамъ сидишь, баба? — проворчалъ онъ хриплымъ голосомъ. — Не видишь, что лампа накопила?

— Онъ сердится, что у него нѣтъ одиннадцати, — поддразнила Сооръ, но тотчасъ же заодно накинулась на мужа: — А у тебя глаза сзади, что ли?.. Чего же ты самъ не смотрѣлъ?

— Тебѣ издали виднѣе! Господи, сколько сажу! — ворчалъ онъ, рукавомъ сюртука вытирая клеенку на столѣ.

— Лучше быть чернымъ, чѣмъ тебя бы очернили.

— Есть о чемъ хлопотать! Велика бѣда, что накопило! — смѣялся Іоозепъ. — Какой былъ послѣдній номеръ, Раатъ?

Послѣдняя держала на колѣняхъ мѣшокъ съ номерами, зажавъ его между ногъ, и вся тряслась отъ смѣха. Рука жениха лежала на ея колѣнѣ и онъ слегка поглаживалъ его.

— Ну, Іоозепъ! — говорила она, усмѣхаясь влажными губами, — сиди же смирно! — И, вынимая номеръ изъ мѣшочка, нараспѣвъ протянула: — Пять!.. номеръ пять!

— На чулкѣ дыра опять, — отвѣтилъ въ рѣму Іоозепъ, закрывая номеръ у себя на карточкѣ миндальной скорлупкой.

— Пусть у тебя будетъ, а не у меня, — засмѣялась она. — Восемь... номерочекъ восемь!

— Этого не спросимъ! — отозвался опять Іоозепъ.

— Придержи языкъ, шарлатанъ! — И опять она, хихикая, отвела его руку и продолжала: — Девять, девяточка!

— Девять уже было, — проворчалъ Натанъ. — У меня девять покрыто.

— Неправда, неправда! — закричала Раатъ, — папаша всегда ошибается, когда съ нимъ играютъ.

— Да вѣдь покрыто же, видишь, скорлупка лежитъ!

— Ну, значить, вѣтромъ занесло, — засмѣялся Іоозепъ, подмигнувъ невѣстѣ, какъ бы говоря: пусть себѣ поплутуетъ. немножко!

— Пять!.. Шесть!..

— Хочу ѣсть!

— Ты опять дурачишься?

— Иначе съ вами наплачешься! — опять въ риѹ от-
вѣтилъ Іоозепъ.

Игра продолжалась. Всѣ засмѣялись, когда, наконецъ, и
мать Іоозепа закрыла у себя на карточкѣ номеръ и страшно
этому обрадовалась.

Головы играющихъ почти касались другъ друга. Якобъ
жадно слѣдилъ за игрой, ковыряя пальцемъ то въ носу, то
во рту, или, для разнообразія, грызя ногти. Голова его была
ярко освѣщена желтымъ свѣтомъ лампы, большая, блѣд-
ная, отекая, съ распухшимъ носомъ и красными воспали-
нными вѣками. Онъ сидѣлъ рядомъ съ отцомъ. Углубленный
въ игру, составлявшую его любимый отдыхъ и развлеченіе,
отецъ слѣдилъ за рукою дочери, поминутно лазившей за но-
мерами въ мѣшочекъ.

Стеклышекъ для лото у нихъ не было, и они прикрывали
выпавшіе номера скорлупками отъ миндальныхъ орѣховъ.
Возлѣ каждаго лежала на столѣ, среди пятенъ кофейной
гущи и крошекъ пирога, коричневая кучка такихъ скорлу-
покъ. Всѣ они волновались, кричали и очень увлекались
игрой, не смущаясь привычной духотой маленькой комнаты
и вонью отъ тряпокъ и костей. Въ альковѣ жалобно пищалъ
больной ребенокъ.

— Ну, что же, скоро мы будемъ играть?—вскрикнулъ
Натанъ и сердито затрясъ головою.

— Ну, да... ну, да!—вадрогнувъ, откликнулась Раатъ и
оттолкнула руку жениха. Потъ выступилъ на ея худомъ,
костлявомъ лицѣ... Они давно уже были женихомъ и не-
вѣстой. Но Іоозепъ торговалъ печенкой и селедками, содер-
жалъ цѣлую семью: мать, сестеръ, братьевъ, и не могъ же-
ниться. Оба желтѣли и увядали.

— Ну, говори, чего ты тамъ ищешь?—ворчливо крикнулъ
Натанъ: у него только одинъ номеръ на карточкѣ остался
незанятымъ.

— Тринадцать!—крикнула Рахиль, смѣясь надъ близору-
кой Гиньтѣ, которая искала номеровъ носомъ.

— Да будетъ тебѣ!—ворчалъ отецъ, выпячивая толстыя
губы и съ нетерпѣніемъ ожидая слѣдующихъ номеровъ.

— Толстоголовый!.. Обжора *)—прочла она.

Широкая улыбка расплылась по лицу рыжаго еврея, и
онъ схватилъ чашечку съ грязными центами.

*) Девяносто.

— Моя партія, моя!

Поднялся общій крикъ.

— Развѣ уже кончено?.. Надо сначала провѣрить,—говорила Гиньтье.

— У тебя уже кончено? Такъ скоро?.. Не можетъ быть! Какъ это можетъ быть?

Но Иосефъ, у котораго не было охоты провѣрять, принялъ сторону будущаго тестя.

— Чего вы хотите отъ него, когда онъ выигралъ!..

— Да не выигралъ же!—настаивала тетка Гиньтье, близорукими глазами всматриваясь въ засаленныя карточки Натана.

Подошла и Сооръ съ крикомъ:—Партія? Партія? Уже опять партія?.. Вотъ кому везетъ!

— Не можетъ быть!—недовѣрчиво, почти бранчиво восклицала Гиньтье.—Никакъ не можетъ быть!.. Мы только что начали!

Иосефъ успокаивалъ ее, крѣпко прижимаясь къ невѣстѣ:

— То есть, какъ же не можетъ быть, когда всѣ номера закрыты?

— Да не могъ онъ выиграть такъ скоро партію!.. Боже мой, это совершенно невозможно!

— Ну, и чего вы, мамаша, придираетесь?—сердился Иосефъ,—всегда вы ссоритесь за игрой.

— Я выигралъ!—прохрипѣлъ тряпичникъ, ударивъ ладонью по столу, такъ что чашки запрыгали и зазвенѣли.—Чтобъ я такъ жилъ на свѣтѣ!.. Вы мнѣ не вѣрите?.. не вѣрите?.. Пускай у меня глаза вытекутъ, если я неправду говорю!.. Вонъ у меня сколько скорлупокъ,—вся карточка закрыта... Я еще, слава Богу, не сумасшедшій.

— Да, ну, будемъ играть,—просила Раатъе. Они съ Иосефомъ такъ удобно устроились.—Ну, сдавайте, я уже перебрала номера... Будемъ играть!.. Солдатики *)... Лебеди **).

— Почему же не гуси?—съострилъ Иосефъ.

— Потому что ты самъ гусь!—добродушно засмѣялась Сооръте, опять усѣвшись въ альковѣ.

Нѣкоторое время они играли спокойно. Ребенокъ въ альковѣ продолжалъ пищать. Тряпичникъ сердито посмотрѣлъ въ его сторону. Разгоряченный игрой, спорами и духотой комнаты, онъ хрипло проворчалъ:—Чего онъ тамъ крахтитъ? Дай ему груди!

— Спроси сначала, есть ли у меня молоко,—такъ же ворчливо отозвалась жена.—Онъ и безъ того сосетъ цѣлый день..

*) Одинадцать.

**) Двадцать два

Тѣмъ не менѣе, она тотчасъ же отложила къ сторону чулокъ, ваяла мокраго отъ слезъ ребенка, сразу растянула всѣ пуговицы на своей груди, такъ что нѣсколько костяшекъ отлетѣло въ сторону, сбросила съ плечъ коричневый платокъ и приложила ко рту ребенка свою тощую, вялую грудь, говоря подсѣвшей къ ней Гиньтѣ:

— Бѣдненькій, это у него зубки идутъ... Когда глазные зубки идутъ, всегда дѣти такъ мучаются!

— Да ужъ зубы, это—такое несчастье! — сочувственно вздыхала Гиньтѣ: у нея самой шестеро дѣтей умерло „отъ зубовъ“.

— Ну, ну, не болтай, слѣди за игрой!.. А то потомъ опять будете придираться, если кто выиграетъ.

Сооръ вдругъ разсердилась. Ребенокъ, мучимый голодомъ и болью въ зубахъ, укусилъ ее за сосокъ. Она съ силой прижала его головку къ груди, чтобъ онъ выпустилъ сосокъ; капельки крови выступили на смугло-желтой кожѣ. Чтобы хоть на комъ нибудь вымѣстить свою обиду, она ядовито замѣтила:

— Ему надо непременно играть!.. За ребенкомъ, небось, не присмотрить!

— Развѣ я не тружусь для нихъ съ утра до вечера?

— А я нѣтъ?—Она болѣзненно вскрикнула. Ребенокъ опять принялся сосать.—Я нѣтъ?.. Ой!..—И она бросила мужу грязное ругательство.

Онъ моментально вспыхнулъ и отвѣтилъ ей тѣмъ же:

— А я виноватъ, что ты каждый годъ таскаешь дѣтей? Что я буду дѣлать съ такой оравой!

Она опять прижала головку ребенка, ощупала освобожденный сосокъ, ярко красный на влажномъ коричневомъ фонѣ, и разразилась проклятьями:

— Ну, такъ самъ ихъ и роди!.. Чтобы тебя ракъ задавилъ!

— Придержи языкъ, баба!—злбно пригрозилъ ей мужъ.

— Ну, не ссорьтесь же!—кратко увѣщевала ихъ Гиньтѣ,—вѣдь вы мѣшаете играть!..

— Папаша всегда такъ!—говорила Рахиль, качая головой, и продолжала выкликать номера:—Семьдесятъ!.. Старикашки *)!..

— Ну, и дай ему кашки,—опять въ рѣму отвѣтилъ Юозепъ, которому надобла ссора.

Сооръте укачивала ребенка, который опять жадно сосалъ и кусался. На головѣ ребенка лежала одна изъ завязокъ чепца, съѣхавшаго на бокъ съ парика матери. Она вся вдра-

*) Восемьдесятъ.

гивала и корчилась, когда ребенокъ тянулъ сильнѣе, сама голодная и больная отъ ежедневной недостаточной пищи—картофеля съ саломъ.

Теперь мѣшочекъ съ номерами былъ у Натана. Раатъ и Юозепъ, прижимаясь плечомъ къ плечу, влюбленно смотрѣли другъ на друга. Лампа опять коптила, скупо освѣщая головы Гиньтъе, Якоба, Натана и маленькое сморщенное лицо бабушки.

— Двѣнадцать!

— Ты плохо смотришь: это ужъ было.

— Не придирайся!.. Я знаю, что говорю.

— Шестьдесять!

Они еще играли, когда пришелъ Элеазаръ, съ маленькой Саартъ на рукахъ, и Давидъ. Давиду здорово досталось отъ стачечниковъ. У него вздулся глазъ, кровь изъ носу запеклась на небритомъ подбородкѣ и на шерстяномъ галстухѣ. Въ низенькой душевой комнатѣ зазвенѣли голоса, вопросы и отвѣты. Давидъ просто вылъ отъ ярости. Бабушка спросонокъ испуганно спрашивала, что такое случилось, но никто не обращалъ на нее вниманія. Всѣ кричали, перебивая другъ друга.

— Вотъ разбойники!—возмущался Давидъ, блѣдный и жалкій, примачивая водой разбитый носъ.—Висѣльники!!!... Зачумленные!... Что я имъ сдѣлалъ?... Неужели же мнѣ выпускать изъ рукъ работу?... Мнѣ кушать надо, жрать надо!..

— Зачѣмъ ты имъ далъ себя бить?—возмущался Натанъ.— Я бы имъ глаза выцарапалъ, ногами за топталъ!..

— Что же онъ могъ сдѣлать одинъ, когда тамъ было столько народу?—пронзительно кричала тетка Гиньтъе.

— Развѣ можетъ одинъ человекъ бороться съ цѣлою тысячею этихъ разбойниковъ?—хныкала Давидъ.—Это прямо разбой!.. Какъ они смѣютъ мѣшать людямъ работать? Развратники!.. Разбойники!.. Что же я долженъ пропасть отъ голода?... — И онъ, какъ бѣшеный, накинулся на Элеазара: — И этотъ, подлецъ, еще беретъ ихъ сторону!.. Онъ не можетъ поддержать свояка. Онъ еще отчитываетъ меня по дорогѣ! Онъ хочетъ сдѣлать меня совсѣмъ сумасшедшимъ!.. Чтoby ты надохъ!..

Элеазаръ спокойно сидѣлъ воалѣ Якоба.

— На что ты жалуешься!—отвѣтилъ онъ соннымъ голосомъ, прижимая къ себѣ задремавшую Саартъ.—Не работай!..

— На, подавись!—хрипѣлъ Давидъ, угрожающе потрясая окровавленнымъ носовымъ платкомъ.— На тебѣ, твой платокъ!.. Дай мнѣ еще башмаковъ надѣть на твои похороны!..

— Онъ правъ, ей-Богу, правъ,—такъ же хрипло кричалъ Натанъ.—Чего ты связался съ этими пархатыми. Какъ ты можешь стоять за нихъ противъ родственника!

— Если-бъ онъ и вы не были сами себѣ врагами,—возразилъ Элеазаръ,—горе давно бы миновало.

— Самъ окопѣвай, самъ дохни съ голоду!—кричалъ гра-нильщикъ.

— Тогда нужды не было бы... не было бы!—повторялъ Элеазаръ тупо, упрямо.—Солидарность—все, только солидарность!...

Въ отвѣтъ ему раздался цѣлый хоръ насмѣшливыхъ, злыхъ голосовъ: какъ онъ можетъ быть такимъ глупымъ!

— Самъ дохни! самъ пропадай!—еще яростнѣе хрипѣлъ Давидъ.

— Очень мнѣ нужна твоя солидарность... Много за нее дадутъ въ ссудной кассѣ?.. Попробуй-ка заплатить ею за квартиру!.. — Сол-лидарность!.. Ой!.. Ты сначала устройся такъ, чтобъ тебѣ было что жрать!..

— Сол-лидарность!—сиплымъ голосомъ кричалъ Натанъ.— Ты лучше позаботься, чтобъ твоя старая, слѣпая тетка и вотъ эта маленькая овечка, которую ты держишь на рукахъ, не издохли съ голоду!.. Что ты тамъ кричишь о солидарности!

Гиньтье, широко разставивъ ноги и раздвинувъ локти на грязной клеенкѣ, высокимъ, пѣвучимъ голосомъ повторяла, покрывая всѣ прочіе голоса:

— Сол-лидарность!.. Что такое солидарность?.. Ой, какой онъ образованный человѣкъ!.. Онъ умѣетъ говорить по французски!.. Ты, вѣрно, хотѣлъ сказать: неосмотрительность?

А Юозепъ, воспользовавшись паузой, со смѣхомъ крикнулъ:

— У него отъ большого ума вырастетъ за плечами сума!—и всѣ загоготали.

Элеазаръ пожалъ плечами. Говорить съ ними было бесполезно. На камнѣ не сѣютъ хлѣба, если у человѣка есть царь въ головѣ...

Давидъ продолжалъ ругаться; Натанъ корилъ его на всѣ лады. Элеазаръ больше ничего не отвѣчалъ. Отъ шума и крика онъ испытывалъ чисто физическую колющую боль.

Должно быть, грудь у него была опять не въ порядкѣ. У него тѣснило въ груди; онъ тяжело дышалъ. Господи! какая здѣсь духота! Что только приходится выносить его легкимъ!

Дверь въ подвалъ была открыта настежь. Возлѣ ящика съ окровавленными костями медленно раздѣвался Якобъ. Элеазаръ видѣлъ, какъ онъ подошелъ къ матрацу, гдѣ уже спалъ его младшій братъ... И вдругъ все, какъ въ туманѣ, поплыло передъ его глазами: комната, кровати, дѣти на полу, разбитая лампа, столъ, за которымъ играли въ лото, мие дальнѣя скорлупки, подвалъ съ ящиками и корзинами. Теперь, когда онъ сидѣлъ въ этомъ подвалѣ, истощенный и обезсиленный, съ мокрыми, холодными, какъ ледъ, ногами, — убогій сѣрый мірокъ, въ которомъ онъ вращался, мірокъ, гдѣ люди осуждены были сами портить себѣ жизнь, казался ему безнадежно убогимъ, исполненнымъ безпросвѣтнаго горя. Отъ этого можно было сойти съ ума. Хотѣлось кричать, биться головой объ стѣну, проклинать Бога и міръ, безумствовать во всю. Хотѣлось плюнуть на все, на лживыя сказки о добрѣ и злѣ, на пустую болтовню собственного мозга, который взвѣшивалъ, обсуждалъ, колебался. Хотѣлось избыть какъ нибудь свою обиду, выкричать боль за тетку Регги, сапожника Зейкерпера, за польскаго еврея, за раненаго на крыльцѣ Голконды, за тысячи и сотни тысячъ обманутыхъ, достойныхъ сожалѣнія и погибающихъ отъ собственной глупости, за этотъ подвалъ и вонь и вѣчно горящую лампу, за эту семью изъ мужа, жены, бабушки и десятка дѣтей, увязшихъ по уши въ грязи, потерявшихъ человѣческій образъ. Подъ шумъ и споры препиравшихся между собой евреевъ, онъ вдругъ расхохотался: тринадцать человѣкъ въ подземной норѣ, гдѣ, на что ни взглянешь, — становится тошно... Неужели будущее поколѣніе не придетъ въ бѣшенство, вспоминая, что было?

Съ потолка упала капля на одну изъ карточекъ. Элеазаръ уныло перевелъ глаза на альковъ. На кровати сидѣла Соортъе и плакала, прижимая руку къ груди. У младенца губки были странно алыя, какъ будто онъ кашлялъ кровью; подъ желто-коричневымъ соскомъ вилаась кровавая

полоска. Тихонько всхлипывая, Соортъе терла себѣ грудь и время отъ времени стонала.

— У тебя что нибудь болитъ, тетя?—спросилъ онъ.

— Ничего, ничего... оставь меня!.. Вѣдь это не въ первый разъ... и не въ послѣдній...

Х.

Но уже на другой день въ душѣ Элеазара снова проснулась надежда, и его возмущеніе противъ Бога — какъ ни представляй себѣ Его: карающей и милующей силой, по изображенію Библии, или же природой въ ея высшихъ проявленіяхъ—показалось ему совершенно неразумнымъ пережиткомъ еще тѣхъ дней, когда Дрейфъ рассказывалъ ему о верховномъ существѣ, стоящемъ внѣ и выше человѣка. Теперь вѣдь онъ сталъ умнѣе... и если онъ до сихъ поръ медлитъ, то не есть ли это результатъ его настроеній, его еврейской мечтательности, наконецъ, просто его малокровія? Отъ усталости становишься слабымъ и вялымъ, трусливо и глупо судишь о жизни и смерти, добровольно преклоняешься передъ господиномъ, который не внушаетъ тебѣ ни малѣйшаго страха, когда рассуждаешь о немъ съ свѣжей и бодрой головой...

Онъ лежалъ на кровати, заложивъ руки за голову, и думалъ, и у него становилось веселѣе на душѣ.

Иногда онъ закрывалъ глаза, потомъ опять открывалъ ихъ и смотрѣлъ сквозь маленькое квадратное окошечко на безформенную грудку крышъ. Утромъ въ постели, отдохнувъ, набравшись новыхъ силъ для дневного труда, такъ хорошо лежать и думать! Мысль работаетъ, не спѣша, все случившееся рисуется такъ ясно; голова похожа на прохладный залъ, гдѣ по желанію убавили свѣтъ.

Легкій стукъ въ дверь спугнулъ его мысли. На порогѣ стояла Саартъе.

— Дядя! Дядя Эли!..—громко позвала она, думая, что онъ спитъ.

— Это ты?.. Поди сюда, дитя мое.

Онъ тихонько засмѣялся. Это старообразное личико въ рамкѣ спутанныхъ, вьющихся волосъ напомнило ему его сестру Эсфирь, такъ рано увядшую, единственную, которую онъ любилъ. Дѣвочка просунула голову въ дверь. Въ рукахъ у нея была потрескавшаяся коричневая тарелка и на ней два ломтя хлѣба съ вареньемъ, которымъ она уже успѣла вымазать себѣ весь подбородокъ.

— Дядя, тетя сказала...—Дѣвочка не договорила и тихонько разсмѣялась: такъ забавно было видѣть дядю въ постели съ заспанными глазами и торчащимъ изъ подъ одѣяла кончикомъ пальца ноги — такой смѣшной палецъ, совсѣмъ какъ носъ Зейкерпера...

— Ну—что же тетя сказала?—спрашивалъ онъ, привѣтливо кивая ей головой.

Она опять засмѣялась и вымазанной вареньемъ рученкой схватила его за палецъ.

— Ты маленькая баба-яга, я боюсь тебя,—говорилъ онъ, представляясь, будто ему страшно, и прячась подъ одѣяло. Дѣвочка расхохоталась еще громче, широко раскрывая глаза отъ удовольствія. Потомъ поставила тарелку на стулъ, вскорабкалась на кровать и хотѣла вымазать ему сиропомъ лицо. Онъ вскрикивалъ отъ страха, кутался въ одѣяло, прячась отъ грязныхъ, липкихъ рученокъ, но вдругъ неожиданно далъ поймать себя и самъ схватилъ ее на руки.

— Вотъ я тебя, плутовка! — пригрозилъ онъ, будто сердясь.

Но дѣвочка не давалась въ обманъ, видя по выраженію его глазъ, что онъ не сердится, и виажала отъ восторга, что вымазала ему вареньемъ усы.

Такъ они сидѣли вмѣстѣ на кровати, мужчина со спутанными волосами и полуобнаженной грудью и худенькій, блѣдный ребенокъ въ рваномъ выцвѣтшемъ платицѣ и дырявыхъ чулкахъ.

Онъ поцѣловалъ ее въ измазанную вареньемъ щечку, весело спрашивая, счастливый дружкой этого ребенка.

— Кто же мнѣ прислалъ варенья?

— Тетя прислала. У насъ еще много, много осталось! Саартъ вся сіяла отъ восторга.

— Вотъ какъ!—удивился онъ такому чуду.—Что же это, отецъ принесъ денегъ?

— Папаша?—нѣтъ, папаша еще спитъ.. его давеча такъ побили... ты знаешь, дядя?.. у него глазъ распухъ и сталъ такой синій, синій, какъ...—она искала сравненія—какъ я не знаю что!.. Ты знаешь, дядя, что его побили?

— Да, знаю.

— Какая низость!.. а, дядя?.. какая гадость, — правда?.. такъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего избить человѣка. Пусть только попробуютъ тронуть меня; я тогда возьму... я возьму,— у нея даже зрачки расширились отъ напряженной работы мысли,—я возьму палку и всѣхъ ихъ поубиваю, какъ собакъ. Фу, какіе они гадкіе!.. такъ избить бѣднаго папашу!

— И отлично сдѣлаешь,—засмѣялся Элеазаръ, приглаживая ея курчавые волосы. Удивительно забавно было слышать, какъ этотъ ребенокъ фантазируетъ о подвигахъ.

— А потомъ... потомъ,—продолжала она, стараясь придать своему личику грозное выраженіе,—потомъ возьму тетинъ ножъ, которымъ она рѣжетъ хлѣбъ, и воткну имъ въ животъ... а, дядя?.. а потомъ отрѣжу имъ голову... Развѣ они смѣютъ такъ бить папашу... а, дядя?

Она смотрѣла не на него, а въ окно на тяжеловѣсныя почернѣвшія отъ копоти крыши; тамъ она видѣла передъ собой все, о чемъ говорила.

— А вотъ этого я бы не сдѣлать, — предусмотрительно замѣтилъ онъ,—потому что тогда придетъ полицейскій съ большой саблей и уведетъ тебя съ собой.

— А я и полицейскаго заколю, — безжалостно объявила она.

— Послушай, это ужасно!

Онъ громко расхохотался и принялся цѣловать ее. Худенькая, блѣдная дѣвочка не противилась, продолжая мечтать о своемъ. На выступавшемъ карнизѣ крыши играло солнце; полоска свѣта отдѣляла красныя черепицы отъ выбѣленныхъ известью стѣнъ. Другія крыши, красныя и пепельно сѣрыя, съ желобами и грязными застрехами, наоборотъ, окутались густой мутной тѣнью, словно убѣгая отъ свѣта. Изъ одной трубы валилъ дымъ, какой-то странно-прозрачный, похожій на паръ, клубился вдоль отверстія, змѣйкой подползалъ къ свѣтлой полоскѣ и, перебравшись черезъ нее, направлялся къ сосѣдней крышѣ, неохотно расплываясь въ воздухъ синеватымъ паромъ.

Дѣвочкѣ съ воспаленными глазками въ этой игрѣ дыма и солнца чудился блескъ сабли и каски полицейскаго. Она даже сощурила глазки и вдругъ заговорила скороговоркой, какъ это съ ней часто бывало:

— Дядя, ты развѣ не хочешь кушать?

Ей казалось мучительнымъ такъ долго ждать. Онъ понималъ.

— Да, да. Ты, конечно, съѣшь еще кусочекъ? Возьми!

— Нѣтъ,—отказалась она, жадно поглядывая на хлѣбъ.— Тетя говоритъ, это—тебѣ.

— Я не особенно голоденъ,—усмѣхнулся онъ, съ удовольствіемъ глядя, какъ она уплетаетъ хлѣбъ и, причмокивая, подлизываетъ сиропъ.

— Я это сама покупала... правда, дядя? — рассказывала она, какъ взрослая.—Я вчера еще ходила съ пакетомъ къ Вольфу.

— А кто такой Вольфъ?

— Вольфъ? Ты не знаешь, дядя, кто такой Вольфъ?— удивлялась она, торопливо прожевывая жесткую корку.— Вольфъ—онъ тамъ за угломъ живетъ—ты не знаешь?.. Ему принесешь башмаки, онъ денегъ дастъ... если платье принести, тоже дастъ денегъ... ты не знаешь, дядя?.. и еще онъ даетъ билетикъ, и если потомъ придешь къ нему съ этимъ билетикомъ, опять все назадъ получишь, понимаешь дядя?.. только тогда и деньги ему нужно отдать назадъ. А идти къ нему нужно все прямо, прямо по улицѣ, а потомъ за уголъ завернуть... ты развѣ не знаешь?

Онъ кивнулъ головой.—Теперь знаю. Что же ты ему носила вчера?

— Вчера?—она поковыряла пальчикомъ во рту.—Вчера я ему носила шабашевую юбку и кофточку и шабашевый чепчикъ тети Регги и еще ея башмаки,—только онъ башмаковъ не хотѣлъ брать.—„Скажи, говоритъ, твоей мамѣ... а у меня вѣдь нѣтъ мамы, правда, дядя?.. что башмаки ничего не стоятъ“—И таки правда, дядя, у нихъ подошвы совсѣмъ худыя, а ужъ когда подошвы худыя, башмаковъ все равно нельзя носить... правда, дядя?.. Ну, а за юбку и за чепчикъ и за шелковую кофточку... знаешь ту, которую тетя всегда надѣваетъ на шабашъ... онъ далъ семьдесятъ пять центовъ: онъ такой гадкій, скупой!.. и всегда у него капаетъ изъ носу такая большая капля!..

Она раставила большой и указательный пальцы, чтобы показать размѣръ капли.

Элеазаръ озабочено смотрѣлъ на крыши: онъ зналъ, какъ дорожить сѣпая своимъ праздничнымъ платьемъ. Если его не удастся выкупить къ субботѣ—а на это нѣтъ никакой надежды—она будетъ жестоко огорчена. Дѣвочка, между тѣмъ, продолжала болтать:

— Знаешь, дядя, а сосѣдскій Янъ...

— Кто это Янъ?..

— Янъ? Ну, Янъ, который живетъ у сапожника, развѣ ты не знаешь? Вотъ онъ его ловко надулъ! завернулъ въ бумажку навозъ... слышишь, дядя?.. и суетъ ему въ окошечко. И говорить: „Господинъ Вольфъ, сколько вы мнѣ дадите за это?“—Все ея худенькое тѣльце тряслось отъ смѣха, такъ что она съ трудомъ могла продолжать. — А этотъ, Вольфъ-то, развернулъ бумажку... ха, ха, ха!.. и говорить: „Это что же такое?“ А Янъ ему: „А вы понюхайте“... Ха, ха, ха!.. А мы скорѣй всѣ удрали.

— Вотъ такъ штука!—смѣялся вмѣстѣ съ нею Элеазаръ. — А вѣдь васъ, собственно говоря, слѣдовало бы за это хорошенько вадуть!.. И тетя Регги часто посылаетъ тебя туда?

— О, да!—хвасталась дѣвочка, гордясь тѣмъ, что она можетъ исполнять подобныя порученія.—На этой недѣлѣ я уже три раза туда ходила: одинъ разъ съ этимъ... какъ его?.. съ одѣяломъ, другой разъ съ подсвѣчникомъ, а вчера съ тетинымъ пабашевымъ платьемъ... Ты что же не ѣшь, дядя?

— Да, да,—разсѣянно кивнулъ онъ ей головой и, сожочивъ съ постели, торопливо сталъ одѣваться. Сегодня ничто не должно волновать его. Тѣло его отдохнуло, и онъ чувствовалъ въ себѣ огромный запасъ силъ.

Солнце свѣтило на крышѣ; воробушекъ, чирикаая, прыгаль, вокругъ дымовой трубы. Элеазару казалось, что этотъ день долженъ быть для него счастливымъ, что съ этимъ сухимъ прохладнымъ воздухомъ, врывающимся въ окно, входитъ что-то новое, невѣдомое, таинственное. На дворѣ было тихо. Не слышно даже молотка сапожника, обыкновенно стучавшаго такъ, что и наверху было слышно; за окнами на противоположной сторонѣ словно все вымерло.

Дѣвочка наполовину высунулась въ окно.

— Какъ высоко, дядя... а?

— Да, высоко.

— Если упасть отсюда,—вѣдь убьешься... а, дядя?

— Ну, конечно.

Онъ окунулъ голову въ тазъ съ водой, припасенной съ вечера. Къ теткѣ Регги приходили за водой всѣ жильцы, такъ какъ кранъ былъ одинъ на весь домъ.

Вытирая руки полотенцемъ, Элеазаръ заглянулъ въ темный корридоръ. По лѣстницѣ спускалась Ревекка съ вѣникомъ въ рукѣ; изъ подъ платка, надѣтаго на голову, выбивались спутанные черные волосы, обрамляя нѣжное блѣдное личико. Увидя Элеазара, она смущенно засмѣялась... На ней было старенькое платьице, завернутое вокругъ пояса грязной черной подкладкой наружу; она засучила рукава, такъ что видны были голыя руки. На выпѣвшемъ бархатномъ воротничкѣ оторвался крючекъ, и изъ подъ бархата вы-

глядывала пухлая шея съ сѣтью тонкихъ голубоватыхъ жилокъ.

— Доброе утро!—сказалъ онъ, вытирая лицо.

— Здравствуйте,—застѣнчиво откликнулась она изъ темноты.

— Вы бы кстати ужъ и у меня убрали,—шутливо крикнулъ онъ ей,—а то у меня вся мебель испортится. Здѣсь ужъ нѣсколько мѣсяцевъ не метено.

— Да что вы!—засмѣялась она, подходя ближе и прислоняясь къ косяку двери.

Саартъ тоже подошла къ двери.

— Здравствуй, Бекки, здравствуй, здравствуй!

— Здравствуй, Сарочка милая.

Ревекка усердно мела лѣстницу, ступеньку за ступенькой, потомъ вымела площадку, ползая на рукахъ и на колѣняхъ, и все время не переставая болтать и смѣяться.

Эли съѣлъ ломтикъ хлѣба съ вареньемъ и, знакомъ приглашая ее войти, сталъ спрашивать объ отцѣ. Она стѣснялась идти дальше порога и стояла въ дверяхъ, неизвѣстно зачѣмъ размахивая вѣникомъ. Она никогда не выходила изъ дому, развѣ только погулять съ дѣтьми. Другія дѣвушки ея лѣтъ любили поиграть, подурачиться въ праздничный день,—ее не тянуло къ нимъ; она была, повидимому, прирожденная насѣдка. Вотъ такъ, въ яркомъ ровномъ свѣтѣ, падавшемъ изъ окна, съ своими черными глазами подъ густой цѣльной линіей бровей, въ красномъ платочкѣ на черныхъ волосахъ, повязанномъ такъ странно, словно вѣнокъ, она была до того хороша, сіяла такой своеобразной дивною красотой, что у Эли шутка застряла въ горлѣ, и глаза опять загорѣлись,—какъ тогда, въ сѣняхъ пріюта. И, какъ тогда, она вдругъ дерзко расхохоталась.

— Что вы на меня такъ смотрите?—выговорила она сухо, какимъ-то беззвучнымъ голосомъ.

— Такъ... смотрю себѣ,—засмѣялся и онъ, но къ горлу его что-то хлынуло горячей волной.

— Ахъ,—такъ только?—поддразнила она.

— Да, только,—попробовалъ и онъ отвѣтить шуткой. Онъ всталъ съ кровати, перенесъ стулъ къ окну и началъ играть съ Саартъ.

Ревекка вошла въ комнату и, нагнувшись, принялась мести полъ.

— Ну что? рады?—смѣялась она, какъ ребенокъ.

— Еще бы! А то у меня, чего добраго, вся мебель препадетъ отъ пыли.

Оба расхохотались. Мебели въ комнатѣ только и было, что кровать съ жиденькимъ матрацомъ, стулъ да ящикъ, на

которомъ стояла умывальная чашка. Но Эли недолго смѣялся. Маленькая Саартъ соскочила съ его колѣнъ.

— Прощай, дядя!

— Куда ты?

— Мнѣ нужно въ школу.

— погоди минутку...

— Нѣтъ, дядя... Янъ уже ждетъ меня внизу.

Она увидѣла его въ окно и, шлепая туфельками, сбѣжала съ лѣстницы, захлопнувъ за собою дверь.

— Что за милый ребенокъ! — сказала Ревекка, пригибаясь къ самому полу, и потомъ застѣнчиво подняла на него полуиспуганные, полусмѣющіеся глаза.

— Да,—милый,—тихо повторилъ онъ.

Оба смолкли. Только царапанье вѣника объ полъ нарушало тишину. Элеазаръ, не отрываясь, смотрѣлъ въ окно на противоположную крышу; она была ярко-красная и вся дымилась. Мягкія, блѣдныя облачка завитками клубились подъ сточной трубой; паръ шелъ и отъ высохавшихъ сырыхъ черепицъ. Черезъ дворъ, къ воротамъ направлялись дѣти, и съ ними Миньтѣ, дочка Зейкерпера. Позади раздавалось мѣрное сухое царапанье вѣника объ полъ.

Элеазаръ первый заговорилъ:

— Давно уже здѣсь не убрали.

— Да, давно,—откликнулась Ревекка быстро и громко.

Теперь она мела подъ кроватью, отвернувъ голову такъ, что ему видны были только ея полныя икры. Красный платочекъ сбѣжалъ назадъ; старыя стоптанныя туфли шлепали по полу.

— Хотите, я у васъ каждый день буду мести? — сказала она, помолчавъ, и приподнялась на колѣняхъ, глядя на него скорѣе дерзко, чѣмъ смущенно. Такой она ему не нравилась, отгалкивала его. Застѣнчивая, робкая, она была безконечно мила, походила на ребенка, который никогда не видѣлъ солнца, не имѣетъ понятія о томъ, что творится на свѣтѣ. Но, когда она смотрѣла на него вызывающе, вотъ какъ сейчасъ, въ немъ просыпалась антипатія къ ней, которую онъ самъ себя хорошенько не могъ объяснить.

— Да, это было бы очень хорошо, — выговорилъ онъ почти враждебно, — я былъ бы очень радъ, но не будетъ ли это для васъ слишкомъ утомительно?

— Нѣтъ,—фыркнула она и вдругъ поднялась.—Поправить вамъ постель?

Онъ кивнулъ головой.

— Только одѣяло.

Пріятно было видѣть дѣвушку, разглаживающую складки на одѣялѣ и забивающую подушки.

Оправивъ постель, она присѣла на краешекъ, тамъ, гдѣ раньше сидѣла Саартъе.

— А простыни у васъ нѣтъ развѣ?

— Простыни? нѣтъ.

— Вамъ не холодно спать такъ, безъ простыни?

— Привычка...

— Вотъ намъ такъ тепло, — засмѣялась она.

— Кому „намъ“? — сухо переспросилъ онъ. Она вдругъ показалась ему совсѣмъ чужой, съ этими растрепанными волосами и съѣхавшимъ на спину краснымъ платкомъ.

— Намъ: моей сестрѣ, брату и мнѣ. Намъ тепло спать. А когда становится холодно, мы всѣ крѣпче жмемся другъ къ дружку.

— Та-а-къ,—проговорилъ онъ, улыбаясь этому неожиданному довѣрію.—На минуту глаза ихъ встрѣтились. Она первая отвела свои и, потупившись, принялась играть кисточкой покрывала.

— Ревекка! Ревекка! Куда ты запропастилась?

Это кричалъ Подди снизу.

XI.

Лежа въ постели, бранясь и охая отъ боли, польскій еврей отворилъ дверь на лѣстницу, зацѣпивъ палкой за ручку. Палка осталась висѣть на ней и упала на полъ, когда молодые люди подошли къ двери.

— Что же мнѣ всю глотку раскричать? — бранился онъ, тяжело дыша.—Не дозовешься! Гдѣ?.. гдѣ ты?..

Онъ не договорилъ и закашлялся, захлебываясь мокротой и трясаясь всѣмъ своимъ костлявымъ старческимъ тѣломъ. Ногти его впились въ деревянные бока кровати; багровая отъ натуги, морщинистая голова, съ торчащими остатками бороды судорожно тряслась; онъ кашлялъ такъ, что казалось вотъ сейчасъ у него треснетъ грудь, потомъ со свистомъ перевелъ духъ и глухо захрипѣлъ, совершенно обезсиленный. Слюна стекала внизъ по его бородѣ на лиловую съ зеленымъ фуфайку; всѣ морщины на суровомъ лицѣ побѣлѣли, а шишка на лѣво отъ рта стала ярко-красной и, казалось, готова была лопнуть.

— Выпей воды, папаша!—испуганно вскричала Ревекка.

Онъ со злостью оттолкнулъ ее и выпрямился въ постели, чего-то ища воелъ себя руками. Одѣяло соскользнуло на полъ, обнаживъ ужасныя раны на боку больного. Подди продолжалъ тяжело дышать; лицо его по прежнему оставалось багровымъ, а ведавшіяся жилы натянулись черными.

ремнями. Этотъ мучительный свистъ и хрипъ въ груди были такъ страшны, что Ревекка начала кричать, а Элеазаръ думалъ, что больной задохнется.

— Выпей же, папаша,—со слезами просила дѣвунка, подавая стаканъ дрожавшей отъ страха рукой.

Элеазаръ взялъ у нея изъ рукъ стаканъ.

— Вы слышите, Подди?—Выпейте, вамъ будетъ легче.

Продолжая хрипѣть, больной сдѣлалъ нѣсколько глотковъ лихорадочно дрожащими губами и опять жестоко закашлялся, изгибаясь всѣмъ тѣломъ и сбрасывая съ себя одѣяло. Кровать стояла въ тѣни. Свѣтъ падалъ въ комнату только черезъ маленькія запыленные стекла единственнаго окна, въ которое видны были ряды обвѣтрившихся грязно-бурыхъ черепицъ.

Полубоженный, съ окровавленными ранами на боку, съ руками, судорожно хватавшимися за деревянные борты кровати, съ бородатымъ, искаженнымъ болью лицомъ, старикъ въ полутьмѣ грязнаго алькова казался такимъ несчастнымъ, что Элеазаръ испуганно отшатнулся и пролилъ воду. Онъ и Ревекка молча смотрѣли, какъ больной задыхался, пока новый приступъ оглушительнаго кашля не далъ доступа воздуху въ его легкія. Тогда больной со стономъ, слабо откашливаясь, упалъ на подушки. На лбу его, изрѣзанномъ глубокими морщинами, какъ и все лицо, слиплись отъ пота сѣдые волосы. Изъ кривившагося въ гримасу рта толчками вырывалось со стономъ дыханіе.

— Не могу ли я помочь вамъ?—спросилъ Элеазаръ.

Костлявая рука, лежавшая на одѣялѣ, сдѣлала отрицательный жестъ. Элеазару стало жутко до дрожи, когда онъ увидѣлъ вблизи этотъ ужасный бокъ, глубокія раны и кровь. Кровь засыхала на выцвѣтшей обивкѣ матраца, на мочалѣ, которая лѣжала наружу изъ разѣхавшихся швовъ. Въ комнатѣ былъ еще столъ, совершенно исчезавшій подъ наваленными на него принадлежностями костюма и узелками. Былъ еще горшокъ безъ ручки, да гвозди, на которыхъ висѣли куртка и брики. Вотъ и вся обстановка алькова.

— Ой!.. ой!..—стонать еврей, пытаясь приподняться на локтяхъ.

Элеазаръ поспѣшилъ поддержать его, но Подди вскрикнулъ отъ боли: у него свело ногу.

— Къ концу идетъ, пропадаю,—выговорилъ онъ, тяжело дыша, и, уткнувшись въ подушки, заплакалъ.

— Ну, полно же, перестаньте, — говорилъ Элеазаръ, сжимая его руку. — Подумайте о вашихъ дѣтяхъ, Подди, подумайте о...

Онъ не договорилъ, слова не шли съ языка. Молча, со

слезами на глазахъ онъ прислонился къ двери алькова. Ревекка у окна рыдала, уронивъ голову на столъ. А изъ алькова доносился непрерывный болѣзненный плачь, стонъ и рыданія, и жалобы старика.

— О чемъ вы плачете, Подди? Ну, полно же, перестаньте, — успокойтесь Элеазаръ. — У васъ былъ докторъ?

— Нѣтъ... это уже не поможетъ... ничего не поможетъ!..

— Хотите, я позову?

— Нѣтъ, не надо доктора, не надо доктора...

— Нѣтъ, надо, — упорно настаивалъ Элеазаръ. — Тогда вамъ сразу станетъ лучше, — слышите?

— По моему, не надо доктора... По моему, не надо. — Подди утеръ носъ рукавомъ и сердито покачалъ головой.

— Докторъ уже былъ, — плача, пояснила Ревекка. — Онъ далъ билетикъ въ больницу, говорить, надо везти.

— Ну вотъ и чудесно! Чего же вы здѣсь лежите? Какъ можно быть такимъ упрямымъ!

Обезсиленный, слишкомъ усталый для того, чтобы возражать, больной отвернулся къ стѣнѣ.

— Папаша не хочетъ, — отвѣтила за него Ревекка.

— Не хочетъ? не хочетъ? — почему не хочетъ?

— Такъ, не хочетъ.

— Подди, что съ вами! что за упрямство? — грустно допытывался Элеазаръ, подыскивая слова. Ему было стыдно своего здороваго голоса при видѣ этого разбитаго, умирающаго человѣка. Все, что онъ говорилъ, казалось такимъ дикимъ и грубымъ рядомъ съ этимъ безумнымъ отчаяніемъ, съ этимъ убогимъ, окровавленнымъ ложемъ.

Подди какъ будто не слышалъ. Зарывшись головою въ подушку, онъ лежалъ такъ, что виденъ былъ только его худой горбатый носъ, обращенный къ стѣнѣ, гдѣ висѣли куртки и брюки.

И опять, осторожно зондируя почву, Элеазаръ спросилъ:

— Развѣ вы не хотите полѣчиться, Подди? Зачѣмъ такъ запускать болѣзнь.

— Ну да! да! не хочу! Дайте мнѣ лежать спокойно! Чего вы пристааете ко мнѣ?

— Нѣтъ, батенька, этого нельзя, — добродушно настаивалъ Элеазаръ. Онъ спокойно развернулъ съѣхавшую на колѣно повязку изъ тряпокъ и попробовалъ перевязать одну изъ ранъ. Пальцы его слегка дрожали. Это была непривычная для него работа. Но больной такъ жалобно стоналъ, такъ яростно отталкивалъ помогавшую ему руку, что Элеазаръ долженъ былъ прекратить обмываніе и, какъ умѣлъ, наложилъ повязку вокругъ бедра. Онъ хотѣлъ было переа-
мѣнить больному рубашку, но чистой не оказалось; тогд-

онъ оправилъ старую, грязную, осторожно забилъ матрацъ, натянулъ до плечъ одеяло и улыбнулся больному.

— Чѣмъ я не докторъ, Подди?.. Я увѣренъ, что теперь вы чувствуете себя, какъ какой нибудь принцъ.

Полякъ кивнулъ головой. Ему дѣйствительно стало легче; освѣженные водою раны меньше горѣли. И лежать было теперь удобнѣе; только шаткая, неуклюжая кровать выступала горбомъ какъ разъ подъ позвоночникомъ и рѣзала ему спину, да насѣкомыя не давали покоя. Такъ жаловался онъ, кашляя и тяжело дыша, пока отдыхъ, уменьшившаяся боль отъ ранъ и болѣе удобное положеніе не измѣнили его настроенія къ лучшему. Онъ началъ разсказывать Элеазару о домашнихъ дѣлахъ.

Салли и Розочка спали прежде здѣсь на кровати вмѣстѣ съ нимъ, но докторъ запретилъ, и вотъ уже двѣ недѣли всѣ дѣти спать на полу.

— Докторъ?—перебилъ его Элеазаръ,—но вѣдь онъ же далъ вамъ записку въ больницу. Зачѣмъ же вамъ лежать здѣсь, если тамъ можно устроиться гораздо удобнѣе?

— Удобнѣе?—опять захныкалъ Подди.—Чѣмъ удобнѣе? Почему удобнѣе? Развѣ я знаю, что со мной такое!.. И здѣсь у меня дыра, и тамъ дыра; ихъ такъ много, что и не перечесть! Докторъ самъ не знаетъ, какая у меня болѣзнь. Онъ говоритъ: нарывъ на почкѣ, но я васъ спрашиваю, развѣ это можетъ быть?.. Нарывъ на носу—это мы видимъ, это бываетъ, но нарывъ на почкѣ! Что за вздоръ! Гдѣ она сидитъ—моя почка?.. или вы знаете? Такъ, пожалуйста, покажите мнѣ ее, сдѣлайте мнѣ такое удовольствіе!.. Записку въ больницу — ой!.. Если онъ мнѣ десять записокъ дастъ, я все-таки не пойду. Развѣ я въ больницу могъ кормить своихъ дѣтей? Что они будутъ ѣсть, если я лягу въ больницу?.. Нарывъ на почкѣ... скажите, пожалуйста!.. Здѣсь, я по крайней мѣрѣ, могу присмотрѣть за Іоозепомъ, когда онъ дѣлаетъ папиросы. Если со мной, сохрани Богъ, что нибудь случится, то, по крайней мѣрѣ, я лежу здѣсь въ своей собственной грязи... Ревекка, приготовь мнѣ опять мякиша. Хлѣбный мякишъ отъ всего помогаетъ. Это старое, но чудесное средство... Вы знаете, что я вамъ скажу: это все отъ желудка... должно быть, я черезчуръ много ѣлъ мяса... ой, горе мое!—по одной крошкѣ въ годъ!

Онъ самъ засмѣялся своей шуткѣ, откашлялся и вздохнулъ, довольный, что ему теперь такъ удобно лежать.

— Хлѣбный мякишъ,—философствовалъ Элеазаръ, присѣвъ на кровать, пока Ревекка возилась у печки,—хлѣбный мякишъ врядъ ли хорошъ для открытыхъ ранъ.

— Ахъ, какой вздоръ!.. Мякишъ изъ ржаного хлѣба

лучше всякихъ вонючихъ капель. Когда насъ гнали изъ Россіи—я до сихъ поръ отлично это помню—и въ другіе разы случалось, насъ поколотятъ, покойница мать, миръ ея памяти, всегда, бывало, пожуетъ мякишъ, приложить—и какъ рукой все сниметь...

— Вѣдь это давненько уже было?—спрашивалъ Элеазаръ, радуясь, что больной повеселѣлъ.

— Давно ли? Можетъ быть, полсотни лѣтъ, а можетъ—и больше. Я еще мальчикомъ былъ. Можете себѣ представить, какъ давно это было! Никогда мнѣ этого не забыть... Я, кажется, вамъ этого еще не рассказывалъ?..

— Нѣтъ,—сказалъ Элеазаръ, смутно припоминая, что рассказывалъ Подди въ тотъ вечеръ, когда онъ поссорился съ Давидомъ.

Больной облокотился на подушку и, не отводя впалыхъ глазъ отъ щелей досчатого пола, заговорилъ угрюмо, порою тряся сѣдой головой, какъ будто видѣлъ передъ собою то, о чемъ говорилъ:

— ... Вы слыхали когда нибудь о Новомосковскѣ!.. Что? не слыхали, а? Это все равно, что въ Новомосковскѣ заговорить объ Эйленбургѣ или Маркенѣ... Ну, да не бѣда—не въ этомъ дѣло!.. Названіе тутъ не при чемъ; по мнѣ зовите его, какъ угодно... Разъ вечеромъ, въ субботу лежу я въ своей кроваткѣ—было мнѣ тогда, можетъ, лѣтъ десять, не больше—и вдругъ началась потѣха... Тысячи людей ломаются въ дверь и швыряютъ въ нее чѣмъ ни попало: грязью, камнями, навозомъ. Что намъ было дѣлать? шесть человѣкъ противъ цѣлой шайки громилъ! Насъ, евреевъ, только и было въ деревнѣ, что папаша съ мамашей, дядя, тетка, моя сестренка и я. Что имъ стоило справиться съ нами!.. Сначала они вымазали наши двери керосиномъ и смолой, и еще какой-то гадостью... ужъ не знаю чѣмъ... а потомъ подожгли. Какъ сейчасъ вижу огонь! Что человѣкъ въ дѣтствѣ испыталъ, то какъ-то не забывается... Огонь до самой крыши и дымъ такой, что все нутро переворачивалось. Мы, какъ сумасшедшіе, метались, думали, вотъ-вотъ задохнемся... Вдругъ слышимъ: они выломали дверь, поднимаются по лѣстницѣ. Впереди стоялъ мой дядя. Они схватили его... этого нельзя описать... кто-то желѣзомъ ударилъ его по головѣ такъ, что кровь брызнула. Я залѣзъ въ шкафъ и сестренка тоже. Мы притаились, даже пальцемъ боялись пошевелить. Какъ мы только не задохнулись отъ дыма! Ужасъ, какой былъ дымъ, передъ глазами руки не видать; съ насъ уже кровавый потъ катился. А потомъ... Господи, они нашли папашу... Намъ все было слышно, какъ они кричали, какъ ругали его... Я давай было плакать въ шкафѣ, а

сестра... ей было всего двѣнадцать лѣтъ, но такая умница, ай, ай, какая разумница!.. она ущипнула меня за плечо, дай ей Богъ здоровья,—а то бы я громко разревѣлся. Отецъ кричалъ, какъ бѣшеный. Они его связали по рукамъ и по ногамъ и изуродовали... Казаки пріѣхали, когда ужъ было поздно... Можетъ быть, вамъ еще что нибудь рассказать объ этомъ? Можетъ быть, вы даже не вѣрите моимъ словамъ? Я знаю, что этому трудно повѣрить. Это надо пережить... На другой день мы ушли. Хочешь не хочешь, надо было уходить! Что же было дѣлать мамашѣ съ мужемъ, у котораго не стало руки, и съ двумя дѣтьми? Мы проѣхали всю Германію, побывали и въ Австріи, и въ Англіи, изѣздили полсвѣта, и вездѣ въ насъ бросали гнилыми яблоками... Они съ собакой лучше обращаются, чѣмъ съ евреемъ. Собакѣ они даютъ ѣсть. Для собаки они покупаютъ ошейникъ и цѣпь. За собаку они платятъ деньги—цѣлые капиталы! А еврей? Что такое еврей?.. Я съ роду не знаю, что значить ѣсть досыта, съ роду не видѣлъ ничего, кромѣ нужды: съ заботой встаешь, съ заботой ложишься, въ заботѣ издыхаешь...

На минуту все стихло; только со двора доносился слабый отголосокъ чьего-то пронзительнаго, крикливаго голоса. Ревекка, все время внимательно слушавшая, смотрѣла въ одну точку въ глубокой задумчивости, какъ ребенокъ, которому рассказали удивительную исторію. Старый еврей откинулся на подушки и тихо стоналъ съ закрытыми глазами. Его ротъ, носъ и морщины, словно наросты, выступали изъ спутанной сѣдой бороды.

— Вы сейчасъ было развеселились,—сказалъ Элеазаръ,—а теперь... Зачѣмъ вы говорите объ этихъ вещахъ?.. Вѣдь христіанинъ живетъ не лучше еврея, когда онъ бѣденъ... я не вижу разницы?

— Ой, что мнѣ съ этого? Какая мнѣ отъ этого польза?—проворчалъ Подди, утомленный длиннымъ рассказомъ и уже опять недовольный.—Вы говорите: какая разница между одинаково бѣдными гоемъ и евреемъ? Никакой? Вадоръ! Какъ бы гой ни былъ бѣденъ, у него есть права. Развѣ въ бѣднаго гою будутъ кидать грязью на улицѣ? Развѣ кто смѣетъ называть его Шмулемъ, жидомъ, пархатымъ? Развѣ кто станетъ торговать въ воскресенье?

— Это не такая ужъ большая разница,—осторожно замѣтилъ Элеазаръ, боясь разсердить его и пытаясь перевести разговоръ на другое.—Только въ сумасшедшемъ домѣ дураку можетъ придти дикая мысль, что у бѣднаго еврея и у бѣднаго христіанина не одинаково устроены желудокъ и мозгъ!.. Богъ съ вами. Подди! Ну, а если бъ вы были христіани-

номъ въ Россіи и безъ копѣйки денегъ? Ну? что тогда? Если васъ укусила бѣшеная собака, то не все вамъ равно, кобель или сука? Что?

— А ненависть? а вражда?—Полякъ приподнялся въ постели.—Я васъ спрашиваю, скажите мнѣ: смѣетъ ктонибудь гою ругать на улицѣ?

На минуту Элеазаръ почувствовалъ непреодолимое желаніе высказать то, что онъ давно обдумалъ и рѣшилъ. Евреи сами упорно сторонятся отъ христіанъ, живутъ обособленной замкнутой жизнью, хотя еврейскія гетто давно уже уничтожены, женятся ради денегъ на близкихъ родственникахъ съ обычными результатами такихъ браковъ: вырожденіемъ и безуміемъ... и сколько еще другихъ причинъ! Всѣ эти ограничительныя предписанія узкой религіи, коренящіяся въ глубокой древности, — все это, конечно, вызываетъ вражду. У него готово было сорваться съ языка, что народъ, самъ непонимающій, насколько онъ выродился, достоинъ насмѣшекъ и презрѣнія. Но когда онъ взглянулъ на больного, на этого чело­вѣка, столько выстрадавшаго отъ тупости и безумія обѣихъ сторонъ, у него пропала охота; онъ только улыбнулся и сказалъ:

— Нѣтъ, гою не кричатъ вслѣдъ бранныхъ словъ — въ этомъ вы правы.

— Ну, такъ что же вы мнѣ говорите! — ворчалъ Подди, неловко подпираясь локтями.—Да уличному псу лучше, чѣмъ бѣдному еврею!—Онъ опять упалъ на подушки и со вздохомъ глубокаго отчаянія проговорилъ:—Клянусь Богомъ, если бы у меня былъ ядъ, я бы далъ его своимъ дѣтямъ прежде, чѣмъ издохну.

— Ого! ядъ стоитъ денегъ,—засмѣялся Элеазаръ.

— Ядъ стоитъ денегъ... стоитъ денегъ... все стоитъ денегъ,—возразилъ больной, со стономъ ворочаясь въ постели.—А все-жъ-таки фосфорныя спички всегда можно достать... всегда! Если-бы я тогда сгорѣлъ въ Новомосковскѣ, я бы не наплодилъ столько нищихъ. Отъ шелудивой собаки и щенята шелудивыя..

— Ваши дѣти...—началъ было Элеазаръ, но Подди перебилъ его.

— Мои дѣти,—выкрикивалъ онъ гнѣвно и грозно,—стыдъ передъ Богомъ!.. Развѣ того хотѣлъ Богъ, сказавъ: плодитесь и размножайтесь! Для чего? Чтобы дохнуть съ голоду? Развѣ Онъ хотѣлъ сказать: идите, околѣвайте!..

— Подди, вамъ нельзя такъ волноваться. Смотрите, вотъ повязка съѣхала, а я такъ хорошо васъ перевязалъ. Лежите смирно, я сейчасъ поправлю.

Онъ поправилъ повязку, подтянулъ ее кверху, разгла-

дилъ складки матраца. Больной все время лежалъ съ закрытыми глазами, ворча, какъ озабоченное животное, и отталкивая руку Элеазара.

— Да перестаньте же!—крикнулъ онъ сердито.—Вы мнѣ еще больше растравляете рану. Убирайтесь вонъ!

— Ну, не надо,—терпѣливо замѣтилъ Элеазаръ и знакомъ показалъ Ревеккѣ, что больного надо оставить въ покоѣ.

Онъ по личному опыту зналъ, какъ иногда пустякъ, мелочь можетъ раздражать больного, и какъ мучительно долженъ чувствовать себя человѣкъ съ такими ужасными ранами.

— Хотите, еще побесѣдуемъ? — предложилъ Элеазаръ.— Или, можетъ быть, мнѣ лучше уйти?

— Какъ хотите, только не трогайте меня.

За окномъ на крышѣ, чирикаая, прыгаль воробушекъ.

— Тоже голодный,—засмѣялся Элеазаръ.

Больной лежалъ неподвижно, съ угрюмымъ лицомъ; его начинало лихорадить. Но онъ чувствовалъ, что надо же что нибудь сказать молодому человѣку, который такъ сердечно отнесся къ нему, и, тяжело дыша, проговорилъ:

— Ну что, какъ ваша стачка?

— Стачка?—переспросилъ Элеазаръ, обрадовавшись, что старикъ заговорилъ.—Да что, плохо... совсѣмъ плохо. Все идетъ черезъ пень-колоду; дѣло все равно, что проиграно...

— Та-акъ.—Подди глубоко вздохнулъ. Дыханіе со свистомъ вырывалось изъ его ноздрей; пальцы его царапали одѣяло. Онъ притихъ, и глаза его стали тусклыми. Элеазаръ всталъ, натянулъ ему на ноги пуховичекъ и подоткнулъ подъ него одѣяло.

Но Подди опять оттолкнулъ его руку; онъ не хотѣлъ, чтобы его трогали. Измученные глаза его сверкали зеленоватымъ свѣтомъ въ полутьмѣ алькова. Ему хотѣлось пить; онъ жадно проглотилъ холодный чай, поданный ему Ревеккой, опять потребовалъ мякиша и вдругъ съ жалобнымъ крикомъ сорвалъ повязку, приподнялся, насколько могъ, и осмотрѣлъ раны на ногѣ и на боку.

— Подди!—укоризненно воскликнулъ Элеазаръ.

— Придержите языкъ!—закричалъ на него больной, почти сядя на кровати и держась за нее рукой.—Какой мнѣ прокъ отъ вашей болтовни? Да я бы... я бы... Лучше бы все пропало... Ужъ горѣло бы сверху до низу... Все къ чорту!.. Это самое лучшее: по крайней мѣрѣ, сразу подохнешь!..

Онъ опять отчаянно зарыдалъ, стучаясь головой о спинку кровати, проклиналъ сведенную ногу и насѣкомыхъ, не дававшихъ ему покоя, и требовалъ воздуха.

Ревекка въ страхѣ бросилась къ окну и спугнула чири

рукою богато.

104

кашталъ... воробья. Ганлой запакъ сточнаго желоба медленно
прокивалъ въ крошечную каморку.

XII.

Это уже третій говорилъ о необходимости уступить, уже третій пытался убить въ нихъ послѣднюю каплю мужества. Угрюмые, отъблѣвшіе отъ холода, слушали его стачечники. Цѣлый часъ они, топчась въ застывшей грязи, поджидали Деккера, но тотъ не могъ придти. Дѣло не ладилось. Еще одна суббота съ горькой нуждой, вмѣсто праздника, еще недѣля прошла безъ всякихъ надеждъ на улучшение.

Сбившись въ кучу вокругъ небольшой палатки, съ промокшими ногами, съ согбенными спинами и тупо вытянутыми впередъ шеями, они, казалось, готовы были поддаться отчаянію.

Элеазаръ стоялъ вмѣстѣ съ Іудой, Гесомъ и Кларуномъ, судорожно сжимая кулаки. Онъ чувствовалъ то же, что чувствовали они, страдалъ вмѣстѣ съ ними, можетъ быть, даже глубже, чѣмъ они. Не разъ уже онъ переживалъ ощущенія толпы: массовую ненависть, любовь, страсть, жажду мести. Не разъ пытался довести ее до ликованія, гнѣва, досады, энергическаго отпора, не разъ ломалъ себѣ голову, думая о ней, объ ея силѣ и могуществѣ, ея рабской натурѣ, ея страхахъ и нерѣшительности. И всетаки, когда стоишь, вотъ какъ теперь, въ толпѣ, тѣломъ къ тѣлу, плечомъ къ плечу, и видишь вокругъ себя безчисленное множество головъ, и чувствуешь, что рядомъ съ тобою живутъ и работаютъ другіе мозги,—нельзя жить своей личной, обособленной жизнью. Какъ дыханіе всѣхъ этихъ людей сливается въ одно облако пара, клубящагося въ пепельно-сѣромъ зимнемъ воздухѣ, какъ сердца ихъ бьются и глаза сверкаютъ, какъ легкія дышатъ однимъ и тѣмъ же воздухомъ,—такъ же точно негодуешь и радуешься вмѣстѣ съ ними и падаешь духомъ. Толпа можетъ убивать, опустошать, преклоняться, проклинать, мучить, преслѣдовать, и отдѣльная личность все это будетъ продолжать вмѣстѣ съ нею и поддаваться ея вліянію, какъ въ другія времена другія личности тоже подпадали ея вліянію. Вы вскрикиваете отъ испуга вмѣстѣ съ толпой, когда на вашихъ глазахъ ребенокъ падаетъ въ воду, отчаяваетесь, когда онъ готовъ пойти ко дну, и ликуете, видя его спасеннымъ.—Такъ и во всемъ. Толпа можетъ выдвинуть себѣ кумира. Толпа кажется безсмертной. Толпа группируется, сплочивается, тиранитъ, рабѣцствуетъ. У толпы двѣ души: одна совсѣмъ особенная, благородная, дѣтски-наивная, честная;

другая мелкая и упорная. Толпа, это—огромное тѣло съ изуродованнымъ умомъ, согни лѣтъ злобствовавшее само на себя, неуклюжее, какъ молодой щенокъ, и только теперь какъ будто начинающее просыпаться. Въ толпѣ свой собственный голосъ кажется грубѣй, тѣло тяжелѣе, мускулы жрѣпче, воля гибче, голова сильнѣе и больше. Но толпа можетъ сдѣлать человѣка и вялымъ, боязливымъ, унылымъ, довести его до безумія, до отчаянія.

Сегодня она сама дошла до отчаянія. Равномѣрно черный и холодный свѣжій воздухъ тяжело ложился на крыши безжизненной, безпросвѣтной мглой. Нигдѣ ни облачка; повсюду неподвижная грязь, сгущающаяся грязно-бурыми комками у домовъ по ту сторону канала. Каналь, застеклѣвшій, прямой, тянулся, какъ натянутая стрѣла, отражая въ себѣ сѣребряное небо. Деревья простирали надъ нимъ свои черныя, усадоватыя вѣтви. Почти жутко было смотрѣть на нихъ: казалось, сѣрая лавина вотъ-вотъ рухнетъ и первымъ дѣломъ раздробитъ сухое старое дерево, его тонкіе, хрупкіе сучья.

Но не это одно угнетало толпу. Всѣ эти люди, толпясь вокругъ маленькой платформы, давя толстыми подошвами своихъ сапогъ комья грязи, таявшіе и замерзавшіе снова, чувствовали, какъ ноги ихъ холодѣютъ и пропитываются сыростью, какъ тѣла ихъ ежатся отъ пронизывающаго холода въ воздухѣ, какъ подъ платьемъ словно касаются чьи-то мокрыя руки ихъ кожи, и холодная дрожь скользитъ по груди и спинѣ. И то же самое чувствовалъ Элеазаръ, сознавая, что онъ испытываетъ то-же, что должна испытывать вся толпа. О, будь это лѣтній день съ свѣжей зеленью луга, съ серебристыми облаками на небѣ; будь это весенній день, полный молодости и бодрости, они не стояли бы тутъ вялые, обезсиленные, пассивно слушая безконечную болтовню кучки недовольныхъ, робкихъ, трусливыхъ людей!.. Вся душа его вдругъ всколыхнулась отъ жалости. Зрачки расширились отъ нервнаго возбужденія. И въ первый разъ въ жизни, не задумываясь, увлекаемый неотразимой силой, въ порывѣ гнѣва, отъ котораго поблѣднѣло его лицо и рѣзко зазвенѣлъ голосъ, онъ попросилъ слова.

Еще не смолкли рукоплесканія, какъ онъ уже проложилъ себѣ дорогу сквозь разступавшуюся толпу стачечниковъ къ платформѣ. У него кружилась голова, глаза невольно щурились отъ свѣта. Каждый нервъ въ немъ ходилъ ходуномъ; движенія его были такъ плохо рассчитаны, что онъ споткнулся и больно ударился обо что-то колѣномъ. Холодными, какъ ледъ, руками онъ судорожно уцѣпился за верхнюю перекладину балюстрады и блѣдный, какъ смерть, съ выступившими около глазъ синими кругами, смотрѣлъ на толпу,

которая вдругъ у ставилась на него, какъ на звѣря, точно намѣреваясь запугать его. Съ минуту онъ думалъ, что задохнется: вся кровь отхлынула къ сердцу. Шляпы, желтыя головы, сѣрыя вѣтки, рѣшетки, камни,—все поплыло у него передъ глазами; пальцы его, дрожа, впились въ дерево. Онъ хрипло откашлялся, началъ было: „Товарищи“... и запнулся, стараясь проглотить что-то, мѣшавшее ему говорить. Окаменѣвшія руки его судорожно цѣплялись за балюстраду; окаменѣвшимъ ногамъ вдругъ стало слишкомъ свободно въ сапогахъ; на вискахъ выступили капли пота, и въ мозгу молніей пронеслась страшная мысль, что онъ сходить съ ума. Безмысленнымъ взглядомъ, не отрываясь, смотрѣлъ онъ на толпу. Огибая площадъ, проплылъ въ туманѣ трамвай. Онъ слышалъ звонъ колокольчика, желтаго мѣднаго колокольчика, имѣвшаго форму груши, съ мѣднымъ язычкомъ и болтавшимся ремнемъ. У одного дерева стояла большая рыжая собака, высоко поднявъ ногу. Онъ ясно видѣлъ ее, видѣлъ ея мохнатое тѣло, качавшуюся въ воздухѣ лапу, хвостъ, бѣлый паръ, выходившій у нея изъ рта... и вдругъ въ его опустѣвшемъ мозгу вспыхнуло безумное, бѣшенное отчаяніе: онъ сходить съ ума, и они поймутъ это и вмѣстѣ съ нимъ будутъ безмысленно смотрѣть на эту собаку... впередъ... въ пустое пространство...

А забастовщики, видя, что онъ стоитъ молча, блѣдный и неподвижный, думали, что онъ ждетъ, пока все утихнетъ. Но толпа не могла сразу успокоиться, и подошвы все еще скрипѣли о застывшую грязь.

Иуда, также возмущенный трусостью и нерѣшительностью толпы, безъ Деккера превратившейся въ какое-то стадо, нетерпѣливо выкрикивалъ глухимъ, злобнымъ голосомъ: „Тихо! Цыцъ! Заткни глотку!“ А тощій, костлявый еврей, стоявшій за палаткой, вообразилъ, что Элеазаръ уже говорить, и сердито крикнулъ: „Громче!... Да громче же!“

Это подстрекнуло Элеазара.—„Товарищи“,—началъ онъ опять, запинаясь на каждомъ словѣ. Теперь онъ зналъ, что говорить, но смыслъ его рѣчи былъ ему непонятенъ. У него все трепетало въ мозгу, но онъ все-таки говорилъ, сбивчиво, быстро, безсвязно, говорилъ вещи, которыхъ не хотѣлъ сказать; начиналъ фразы, которыя не зналъ, какъ окончить; искалъ вывода, который ускользалъ отъ него, путался и сбивался отъ страха, какъ бы совсѣмъ не остановиться. Онъ даже слышалъ смутные звуки, которые жужжали и трещали, и звенѣли у него въ ушахъ, туманя его и безъ того тяжелую голову.

На минуту онъ смолкъ. Толпа кричала „браво“ и аплодиро-

рвала. Кларунъ киваетъ головой, а длиннородный еврей, лицомъ похожій на Подди, крикнулъ: „Онъ правъ!“ :

Что онъ такое сказалъ? Онъ не могъ бы повторить. Но когда стали кричать bravo, у него вдругъ проявилось въ головѣ, мучительный страхъ разсѣялся, исчезла и робость застѣнчиваго тихаго юноши, никогда еще не стоявшаго на виду у такой огромной толпы. Ему стало почти весело. Голосъ его окрѣпъ, сѣрые глаза заблестѣли, тонкія, блѣдныя губы складывались въ выразительную усмѣшку; весь онъ какъ будто выросъ. Толпа подхватила его и понесла, подбадривая сотнями устремленныхъ на него глазъ; она жила и дышала вмѣстѣ съ нимъ, и дыханіе ея молочно-бѣлымъ паромъ расплывалось въ морозномъ воздухѣ. Старыя и молодыя, бородатыя и безбородыя лица, изжелта-блѣдныя, суровыя, болѣзненные; черныя головы, въ сумеркахъ казавшіяся угловатыми, безъ конца наклонялись, прислушиваясь, по временамъ подаваясь назадъ.

Это напряженное, сосредоточенное вниманіе захватило его, пробудило страсть въ его груди, мощнымъ натискомъ заставило дать волю словамъ, которыхъ онъ теперь уже не искалъ и не сдерживалъ. И до такой степени тѣсная связь установилась между нимъ и толпой незнакомыхъ ему лично товарищей, что минутами ему казалось, что онъ стоитъ здѣсь уже безконечно давно, и каждое его слово заранее продумано и прочувствовано всѣми слушателями, и онъ только высказываетъ то, что сейчасъ чувствуетъ, какъ одинъ человекъ, вся толпа.

Маленькія, дрожащія снѣжинки бѣлой пылью сыпались съ неба, кружились въ воздухѣ, падали на землю, какъ цвѣтъ съ дерева раннимъ лѣтомъ. Онъ осѣдали на поляхъ шляпъ, на плечахъ, на согнутыхъ спинахъ, осѣдали тихо, будто застѣнчиво, такія бѣленькія, и потомъ таяли. То была нѣжная, никому не мѣшавшая игра; снѣжинки норхали, кружились, летѣли надъ головами людей, между вѣтвей надъ водою. Одна, особенно крупная, казавшаяся проворнѣй и бѣлѣе другихъ, пролетѣла мимо палатки и крѣпко прильнула къ жестикулировавшей рукѣ Элеазара.

— ...Мы не уступимъ ни сегодня, ни завтра... мы никогда не уступимъ! Чего мы хотимъ сегодня, того будемъ хотѣть и завтра. Товарищи, это только начало, правда, скверное, тяжелое начало. Но оглянитесь кругомъ...

Онъ вторично остановился. Разразилась цѣлая буря рукоплесканій. Но онъ, словно опьяненный собственной рѣчью, впиваясь въ балюстраду руками, перегибаясь всѣмъ корпусомъ черезъ перила, съ горящими гнѣвомъ глазами, совершенно преображенный, не узнаваемый тѣми, кто при-

звукъ видѣть его молчаливымъ и замкнутымъ, продолжалъ:

— Это животная жизнь!.. Маркъ говоритъ, что дома у него голодаютъ. Мы это знаемъ, Маркъ, отлично понимаемъ, не развѣ мы не голодаемъ?.. И развѣ намъ легче будетъ, если мы разбредемся въ разныя стороны. Товарищи, не слушайте Марка, не слушайте Леви, не слушайте Беема! Для того, чтобы быть сильными, должны быть всѣ заодно.

Рукоплесканія и крики „браво“ заглушили послѣднія гнѣвные слова. Толпа, сгрудившись, тѣснилась вокругъ платформы, и удивительно нѣжными, блѣдыми бликами ложились на эту темную массу первые хлопья снѣга, блѣдныя и трепетныя, падавшія съ грознаго сѣраго неба.

Элеазаръ говорилъ еще долго, не сводя глазъ съ перепутанныхъ темныхъ вѣтвей. Но вдругъ круто оборвалъ свою рѣчь и отступилъ подъ громомъ рукоплесканій и одобрительныхъ возгласовъ.

Руки его вдругъ безсильно повисли, тѣло ослабло, словно у пьянаго, въ лицѣ ходуномъ ходилъ каждый нервъ, — послѣ страшнаго возбужденія наступила полная протрація... Не рѣшаясь взглянуть на свѣтъ, онъ, шатаясь, спускался съ помоста, пугливо отыскивая глазами мѣстечко, гдѣ онъ могъ бы укрыться незамѣченнымъ. Ему казалось, что сознаніе вытекаетъ у него изъ мозга капля за каплей, точно онъ сидѣлъ въ сумеркахъ и, напрягая зрѣніе, читалъ книгу, и вдругъ яркій утренній свѣтъ ударилъ ему въ глаза. Въ затылкѣ у него мучительно билась какая-то жилка, судорожная дрожь пробѣгала по шеѣ; мысли ползали, тягучія, вялыя, слабо укоряя его за то, что онъ плохо говорилъ, ровно ничего не сказалъ, несъ все время какую-то чепуху и теперь даже не можетъ вспомнить ни одного слова.

Теперь вмѣсто Элеазара говорилъ другой. Снѣгъ падалъ туше, большими мокрыми хлопьями. Элеазаръ прислушивался, наклоняя впередъ голову, которой онъ совсѣмъ не чувствовалъ, которая казалась ему чѣмъ-то постороннимъ, сдавленнымъ, безформеннымъ.

Понемногу онъ успокоился, хотя угнетающая, парализующая волю и движенія слабость еще не совсѣмъ исчезла. Онъ сталъ искать Іуду и Геса, но не могъ найти ихъ. И опять къ сердцу его жгучей волной прилило недовольство собою. Вѣдь эти мысли такъ глубоко росли въ его душу. Про себя онъ умѣлъ говорить такъ страстно, такъ горячо; почему же тамъ онъ заикался и запинаясь на каждомъ словѣ и не могъ формулировать такого простого настроенія заодно съ нимъ мыслившей и жившей толпы? Почему онъ до сихъ поръ дрожитъ отъ волненія? Почему съ Іудой и

Гесомъ онъ говорить спокойно, обдуманно, разсудительно, а когда приходится говорить объ этихъ давно извѣстныхъ, давно рѣшенныхъ вопросахъ съ толпою,—позади него становится какой-то чортъ, который подталкиваетъ, мучить, дразнить, пока отъ его мыслей остаются только обрывки, и онъ начинаетъ фантазировать... да, фантазировать...

Зачѣмъ люди не научились говорить съ толпой просто и съ чувствомъ, говорить ей даже безусловныя истины? Почему нельзя такъ легко, просто и съ чувствомъ высказать ихъ, когда на васъ смотрятъ тысячи глазъ? Почему тогда говорить грубыя, рѣзкія вещи, сейчасъ только пришедшія въ голову, или пустыя, напыщенныя, глупыя фразы изъ романовъ?..

А между тѣмъ, онъ долженъ былъ говорить, онъ не могъ удержаться и зналъ, что такъ будетъ всегда, какъ только онъ услышитъ призывъ времени, такой сильный, сознательный, звонкій голосъ, какъ благовѣсть...

Онъ повеселѣлъ немного и сталъ счищать свѣтъ съ своего пальто. Въ сущности, не все ли равно, какъ онъ началъ. Приблизительно онъ сказалъ то, что нужно. И то уже хорошо, что онъ осмѣлился, что онъ хоть разъ, не задумываясь, страхнулъ съ себя затхлую, трущобную атмосферу, которою онъ все время дышалъ, вышелъ изъ мрака этихъ трущобъ на свѣтъ, чтобы ободрить и поддержать товарищей. Вѣдь ихъ бурное ликование было вызвано имъ... Они радовались, они поняли... они рукоплескали товарищу своихъ невзгодъ. О, какое это счастье: видѣть, какъ веадъ изъ толпы поднимаются робкіе, забытые люди и сначала дышать съ трудомъ и бормочать что-то невнятное, а потомъ сами находятъ дорогу и увѣренный жестъ, чтобы указать правый путь...

Въ немъ проснулся старый мечтатель, и тихая радость, и сладостная теплота надежды и довѣрія все росли и росли въ его душѣ, по мѣрѣ того, какъ проходила слабость отъ чрезмернаго напряженія.

Свѣтъ валилъ густыми хлопьями, когда они съ Іудой пробирались сквозь толпу, чтобы уйти домой.

Въ тихихъ, бѣлыхъ улицахъ, гдѣ такъ рѣзко вырисовывались черные стволы деревьевъ, а отяжелѣвшія вѣтки висѣли, какъ сталактиты,—съ крикомъ кувыркались распалившіеся ребятишки. Наскоро сдѣланные свѣжки носились въ воздухѣ, кружились и рассыпались, мягко ударяясь о бѣлый коверъ земли. Черезъ улицу бѣжала дѣвочка, пугливо закрывая руками голову. Брошенные въ нее свѣжки рассыпались пылью на коричневомъ платочкѣ, забивались въ складки юбки, засыпали свѣгомъ узелъ волосъ на затылкѣ. Дѣлкій рабочий схватилъ ее за талію, засунулъ ей домокъ...

снѣга глубоко за воротникъ, а когда она закричала, еще разъ наклонился и насыпалъ ей въ ротъ полную пригоршню снѣга.

Снѣгъ падалъ густой, безшумный и торопливый, тихонько трещалъ и скрипѣлъ подъ ногами. Палубы и снасти на баржахъ стали чопорно-бѣлыми, и очертанія ихъ вмѣстѣ съ бѣлыми хлопьями смутно отражались въ водѣ.

Иуда шелъ молча, угрюмый, уйдя головой въ высоко поднятый воротникъ. Элеазаръ шагаль легко и быстро. Въ синагогѣ только что началась служба. У входа стоялъ Дэви и Берлійнь, закрываясь отъ снѣга зонтикомъ.

— Смотри,—презрительно сказалъ Элеазаръ.

Берлійнь узналъ его и юркнулъ въ дверь, утачивъ за собою Дэви. Дверь распахнулась, внутри блеснули огни свѣчей,—и дверь захлопнулась снова.

— Вѣдь это былъ Дэви,—глухимъ, угрюмымъ голосомъ выговорилъ Иуда.

— Да,—взволнованно отвѣтилъ Элеазаръ; ему вспомнилось, какъ ювелира вели по улицѣ подъ конвоемъ полиціи, защищавшей его отъ разъяренной толпы.

Къ синагогѣ стекались евреи. Каждый разъ, какъ пріотворялась дверь, выступала залитая ярко желтымъ свѣтомъ внутренность синагоги, свѣчи, ряды скамеекъ; потомъ дверь съ пронзительнымъ скрипомъ поворачивалась на петляхъ, и опять становилось темно. Элеазаръ узналъ Дрейфа, младшаго раввина, котораго онъ въ день пріѣзда видѣлъ чрезъ окно въ казино, когда онъ жадными глазами смотрѣлъ на сверкавшіе голубоватыми искорками брилліанты, барышничалъ и торговался, и въ этомъ торгѣ принимали участіе и его сухіе, заgreбистые пальцы, и пухлое чувственное лицо, и круглая борода, и мясистый, безформенный носъ...

— Дрейфъ,—сказалъ Иуда, глядя вслѣдъ раввину, скрывшемуся за дверью, и, не выдержавъ, сталъ браниться:—Они молятся, когда мыдохнемъ съ голоду... смѣютъ молиться!.. хоть бы молнія въ нихъ ударила!.. Намъ жрать нечего, а они въ теплой синагогѣ.

— Почему же имъ не молиться сегодня, если они молятся вообще?—возразилъ Элеазаръ, шагая, весь въ снѣгу, по улицамъ еврейскаго квартала.—Отчего именно сегодня они должны проявить больше совѣстливости, чѣмъ обыкновенно?.. Вѣдь хочется вѣрить въ ихъ искренность... Не всѣ же лгутъ: надо попытаться разбудить ихъ силы. Когда я взошелъ на помость и заговорилъ въ первый разъ въ жизни, я тоже громко молился. Иной молитвы я не знаю...

— Знаешь ли ты, что такое молитва?—перебилъ его Иуда.—

Какъ же можно терпѣть, чтобы подъ одною кровлею воръ молился рядомъ съ человѣкомъ, котораго онъ ежедневно обкрадываетъ и обижаетъ? Развѣ можемъ мы—я и Берліанъ съ Дрейфомъ—вѣрить въ одного и того же бога?.. Если бы Моисей жилъ теперь среди насъ и былъ гравильщикомъ алмазовъ, онитакъ же высасывали бы изъ него послѣдніе соки, такъ же заставляли бы его голодать вмѣстѣ съ женой, больной дочерью и парой ребятишекъ, какъ меня!.. А попробуй-ка не ходить въ синагогу, увидишь, что тебѣ судеть... Почему нашъ строгій ребе не предаетъ анаѣмъ Дэви и другихъ? Я хотѣлъ бы имѣть силу Самсона, чтобы обрушить на нихъ эти стѣны.

Онъ возбуждалъ себя еще больше такими рѣчами и сердито плевалъ на снѣгъ.

— Глупый!—сказалъ Элеазаръ,—мы все вмѣстѣ можемъ сдѣлать больше того, что сдѣлалъ одинъ Самсонъ. Главное... главное,—онъ дѣтски таинственно засмѣялся,—главное, что возсталъ настоящій Мессія, который насъ освободитъ и поведетъ въ Іерусалимъ...

— Да,—просто сказалъ Іуда,

Молча, шагали они дальше по бѣлымъ улицамъ, подставляя головы и спины снѣжному вихрю. Имъ было и грустно, и почти весело отъ сознанія, что, не смотря на все ужасъ и гнусность окружающаго, они всетаки могутъ испытывать радость отъ своего единенія, общности мысли и дѣлъ. Ихъ простая мысль больше возвышала душу, чѣмъ молитва.

Еврейскій кварталъ лежалъ передъ ними весь бѣлый, съ бѣлыми извилистыми аллеями—улицами. Теперь онъ имѣлъ совсѣмъ другой видъ, казался величественнымъ и красивымъ. Узкія улочки и переулки, крыши и мостики слились въ одну безформенную бѣлую массу. Снѣгъ густымъ слоемъ лежалъ на грязной мостовой, на телѣгахъ, на крытыхъ повозкахъ. Все нечистое, грязное, ветхое исчезло подъ этою холодной бѣлою пеленой. Старыя ворота и арки казались бѣлѣе и массивнѣе. Выступающія части погребовъ походили на берега, изрѣзанные мѣловыми скалами. Бѣлыми лентами тянулись каналы и причудливой формы маленькіе пруды. Полуразвалившіяся зданія были неузнаваемы.

На площадкѣ двора играли Саартъе, Мейеръ, сынъ зеленщика, и Янъ сапожника. Они катали огромнѣйшій комъ снѣга, пока не выльпили изъ него гигантскую бабу, толстую и неуклюжую, съ отпечатками грязныхъ дѣтскихъ рученокъ.

— Ой, что за баба, какая чудесная баба! — восхищался скалъка Янъ, дуя на похолодѣвшіе пальцы.

— Она вѣдь не сломается, дядя?—спрашивала Саартъе,

езабоченно морща грязное личико, раскраснѣвшееся отъ работы.

— Ты съ ума сошла, — воскликнулъ Янъ, — да на ней стоять можно!

Общими усиліями они вытащили бабу черезъ темныя ворота въ маленькій переулокъ. Ихъ свѣжіе, какъ снѣгъ, голоса пронеслись подъ каменнымъ сводомъ. Съ минуту Элеазаръ прислушивался къ звукамъ этихъ голосовъ, потомъ пошелъ въ домъ, къ тетѣ Регги; она сидѣла въ креслѣ съ открытымъ ртомъ и спала.

XIII.

Элеазаръ угрюмо шагаль по набережной, пряча руки въ карманы панталонъ, но и тамъ морозъ щипалъ пальцы. Снѣгъ скрипѣлъ подъ ногами, дыханіе выходило изъ рта бѣлымъ паромъ. Онъ провелъ ужасную ночь, мучительное утро. Когда онъ наканунѣ прощался съ теткой, ему приходилось дѣлать страшныя усилія надъ собой, чтобы не разрыдаться, не заплакать громко. Старушка сидѣла въ нетопленной комнатѣ воулъ гаснувшей лампы; за весь день она ничего не ѣла, кромѣ ломтя хлѣба утромъ, послѣдняго, даннаго въ долгъ булочникомъ. Всему бываетъ конецъ, и булочникъ объявилъ, что больше безъ денегъ давать не будетъ.

— Спите спокойно, — съ трудомъ выговорилъ онъ на прощанье.

— Доброй ночи, мой мальчикъ, и вы спите спокойно, — отвѣтила она, складывая руки на груди.

Онъ затворилъ за собой дверь и съ минуту стоялъ на дворѣ въ горькомъ раздумьѣ, унылый и жалкій. Что это за ужасный, проклятый міръ, гдѣ даже слѣпой приходится голодать! Онъ все еще держался за ручку двери; ему казалось, что уйти такимъ образомъ — страшная низость съ его стороны. Послѣ цѣлаго дня невольнаго поста бываютъ иногда безумные и свѣтлые моменты, когда натянутые нервы вдругъ сдадутъ, и кажется, вотъ-вотъ расплачешься, и по внезапному побужденію дѣлаешь то, чего самъ отъ себя не ожидалъ. Такой моментъ пережилъ Элеазаръ. Подъ наплывомъ жалости, не думая, не разсуждая, онъ порывисто распахнулъ дверь, бросился къ теткѣ и прильнулъ къ ея худымъ изсохшимъ рукамъ.

— Что это значить? что съ вами, Эли, глупый мальчикъ? — спросила она.

Онъ закусилъ губы, чтобы не расплакаться, какъ сентиментальная дѣвчонка, и, запинаясь, неестественно высокимъ голосомъ объяснилъ, что ему показалось, будто она его зоветъ и проситъ вернуться.

— Звала? Нѣтъ,—сказала она удивленно и недовѣрчиво, не понимая, что съ нимъ вдругъ случилось.

— Завтра я позабочусь, чтобы у насъ было что ѣсть,—волнуясь, говорилъ онъ, встревоженный упрекомъ, который ему почудился въ ея молчаніи.

— Это хорошо,—кивнула она головой,—а то у насъ точно іомъ-кипуръ *). Мнѣ-то это ничего, а вотъ дѣти—за дѣтей душа болитъ!

— Да,—сказалъ онъ, опять направляясь къ двери.—Погасить лампу?

— Нѣтъ, нѣтъ, мой мальчикъ, я посижу еще, подожду Давида; не понимаю, куда онъ дѣвался... Ну, вотъ видите теперь, какъ онъ былъ правъ, когда не хотѣлъ бросить работу...

Замѣтивъ по его молчанію, что онъ не согласенъ съ нею, она поспѣшила поправиться:

— Я не упрекаю васъ и никогда не упрекну... У васъ доброе сердце и вы уже не дитя; вы знаете, что дѣлаете... Я только говорю: вы видите, что изъ всего этого вышло, видите? Свѣтъ не вывернешь наизнанку: это можетъ сдѣлать только Господь Богъ, если захочетъ.

Пока она говорила, онъ тупо смотрѣлъ на огонь лампы, который становился все меньше и трещалъ, вспыхивая красными искорками. Когда Регги смолкла, она тоже услышала это потрескиваніе и, слабо улыбнувшись, спросила, не лучше ли ему въ самомъ дѣлѣ погасить лампу, пока она не начала. Въ тихой комнаткѣ заскрипѣли ржавыя цѣпи; Элеазаръ потянулъ лампу книзу и погасилъ ее. Они еще долго сидѣли и разговаривали въ темнотѣ, покуда часы у сосѣдей не пробили одиннадцать.

Придя къ себѣ наверхъ, Элеазаръ хотѣлъ отворить окно, но только напрасно испортилъ себѣ пальцы. Какъ онъ ни трясъ, ни тянулъ, рама не подавалась: она крѣпко примерзла къ подоконнику. Четыреугольныя обледенѣвшія, разрисованныя морозомъ стекла закрывали ему видъ на крыши. Онъ задышался на своемъ чердакѣ. Тамъ, за окномъ уже давно замерзли ручьи и каналы, на нихъ катались на конькахъ, тамъ дулъ рѣзкій восточный вѣтеръ, а у него тѣснило грудь, ему не хватало воздуха; ему было жарко и душно отъ чересмѣрнаго возбужденія; мысль работала усиленно, какъ часто бывало въ дѣтствѣ, когда наступала весна.

Онъ сбросилъ сапоги и, не снимая одѣяла, легъ на кровать и смотрѣлъ на блестящія стекла, расцвѣтившіяся ледяными розами, съ серебристыми, чешуйчатыми стебельками, на всѣ

*) День примиренія, еврейскій праздникъ, во время котораго соблюдаютъ строгій постъ.

эти фантастическіе узоры, блестявшіе и сверкавшіе при лунномъ свѣтѣ.

Образъ слѣпой точно врѣзался въ его память: худенькія руки, которыя она терла, стараясь согрѣть, ея улыбка, выраженіе кроткой покорности,—все это, какъ живое, стояло передъ глазами. Зубы его стучали до боли въ челюстяхъ отъ волненія; тяжело дыша, напряженно впиваясь взглядомъ въ одну точку, онъ все думалъ и думалъ. Все можно снести, но только не это. Видѣть, какъ голодаетъ слѣпая, знать, что у нея все внутри сводитъ отъ голода, точно такъ же, какъ у него—что можетъ быть мучительнѣе! Онъ уже продалъ все свое платье, книги, весь свой убогій скарбъ, заложилъ часы... хоть бы его пытали, онъ больше не въ состояніи былъ бы добыть ни единого гроша. Что же дѣлать? Что предпринять?

Зейкерперъ? — Ему самому ѣсть нечего; завтра онъ хотѣлъ попробовать наняться гдѣ-нибудь разгрѣбать снѣгъ, или колоть ледъ, чтобы хоть что-нибудь заработать... Подди лежитъ больной при смерти, въ жару и бредитъ такъ страшно, что Гевекка уже два раза будила его ночью... Тетка Сооръ? Онъ чуть не расхохотался, перебирая свои возможные ресурсы! Что за ужасный день предстоитъ ему! Дѣти, безпомощная старуха—и ни крошки хлѣба въ домѣ, ни капли масла, ни кусочка торфа!..

Онъ все утро бѣгалъ, искалъ работы, готовъ былъ взять первую попавшуюся, звонилъ въ нѣсколькихъ домахъ, предлагая свои услуги сколотъ ледъ на тротуарѣ, и вездѣ получалъ отказъ. Постройки всѣ кончились. Тысячи людей сидѣли безъ работы: землекопы, каменщики, носильщики... Не далѣе, какъ сегодня утромъ, они собрались цѣлой толпой, жалкіе, голодные, и шумѣли и волновались, браня гранильщиковъ, которые... туда же! устроили стачку, когда могли бы имѣть работу, если-бъ только сбавили немного свои дерзкія требованія... Нашли время басоваты!.. лѣнливые псы... Это вдвойнѣ возмущало тѣхъ, кому поневолѣ приходилось сидѣть, сложа руки. Что же будетъ завтра?

Вотъ онъ лежитъ слабый, жалкій, какъ тысячи другихъ. Боже, Боже! а стоитъ только встать, пройти одну-двѣ улицы, и онъ увидитъ портерныхъ, гдѣ въ теплыхъ свѣтлыхъ комнатахъ сидятъ сытые люди, дома, гдѣ другіе сытые люди кормятъ голодныхъ и даютъ имъ подачки, чтобы умѣрить ихъ отчаяніе. Онъ натянулъ одѣяло на свои похолодѣвшія ноги и, закрывъ измученные глаза, сталъ представлять себѣ самыя невѣроятныя преступленія, которыя — онъ знаетъ — самъ не способенъ совершить. Но ему нравилось воображать себя преступникомъ; это дразнило его фантазію, и онъ придумывалъ для себя всевозможныя, удивительно ловко обстав-

ленные кражи, которыя удавались какъ нельзя лучше и приносили кучу денегъ, при чемъ его, конечно, никто не умѣлъ поймать.

Безпокойно ворочаясь на кровати, прислушиваясь къ каждому звуку въ домѣ: къ кашлю больного Подди, къ плачу маленькой дочки Зейкерпера, — онъ припоминалъ рассказы о преступленіяхъ, читанные имъ въ Америкѣ, и фантазія его разыгрывалась все больше и больше. Съ чего бы начать: бросить кому-нибудь перцу въ глаза или накинуть петлю на шею гдѣ-нибудь въ безлюдномъ переулкѣ воалѣ канавы? Или спрятаться гдѣ-нибудь у Вольфа-закладчика, о которомъ рассказывала Саартъ, выждать время, пока въ домѣ останется только его жена или дочка, и... Или, можетъ быть, лучше вырѣзать стекло въ какой-нибудь банкирской конторѣ, а то и просто въ богатомъ домѣ?.. не прихватить ли фунтикъ зеленаго мыла смазать стекла, чтобы они не звенѣли?..

Мысли его все время кружились около этой темы; у него страшно шумѣло въ ушахъ, но онъ все представлялъ подробности: какъ онъ надѣнетъ шапку, какой на немъ раньше никто не видалъ, какъ вывернетъ свой сюртукъ на изнанку, чтобы его не узнали, какъ остановить часы въ домѣ ограбленнаго, чтобы подумали, что кража дѣло рукъ профессиональнаго вора. Ему было трудно думать. Мысли шли въ разбродъ, но онъ заставлялъ себя сосредоточиваться, какъ это дѣлаютъ настоящіе, профессиональные преступники, вырабатывая планъ дѣйствій. Полусонный, борясь съ одолевавшей его дремотой, онъ все думалъ и думалъ...

Внезапно онъ вздрогнулъ. Это Подди разбудилъ его своимъ ужаснымъ кашлемъ, напоминающимъ собачій лай. Спалъ онъ, или нѣтъ?.. Который теперь можетъ быть часъ? Онъ приподнялся на локтѣ, прислушиваясь къ голосу Ревекки, къ хриплому кашлю и брани больного, и думалъ, не встать ли, не пойти ли помочь? Но все опять стихло; звуки потонули въ безмолвіи ночи.

Онъ всталъ рано, усталый, измученный, и не могъ даже освѣжить себя умываніемъ: вода въ кувшинѣ замерзла; полотенце висѣло жесткими и упрямыми складками. Угрюмый, съ жестокой головной болью, онъ вышелъ изъ дому, не взглянувъ къ теткѣ. Съ пустыми руками что ужъ заходить! А вѣдь онъ общалъ ей вчера, безумный!... общалъ то, чего не могъ исполнить... Онъ все еще не могъ освободиться отъ вчерашняго кошмара и злился самъ на себя за свои мысли о грабежѣ и убійствѣ. Что за нелѣпость думать о преступленіяхъ, вычитанныхъ изъ романовъ, когда стоишь лицомъ къ лицу съ суровой дѣйствительностью, съ необходи-

мостью добыть кусок хлѣба для слѣпой старухи и малыхъ дѣтей!..

Прежде всего онъ отправился въ городское бюро по очисткѣ снѣга; тамъ уже толпились сотни людей, враждебно слѣдя другъ за другомъ, какъ бы кто не прорвалъ цѣпи и не проскользнулъ впередъ. Издали ему киваль головой Зейкерперъ; онъ оказался похитрѣ Элеазара: всталъ до свѣту и забрался сюда съ четырехъ часовъ. Около получаса Элеазаръ топтался по улицѣ, готовый заплакать: такъ жалокъ онъ былъ самъ себѣ... Потомъ удалось войти, но взяли только первыхъ; остальнымъ не хватило работы.

Элеазаръ присоединился къ кучкѣ рабочихъ, давно уже сидѣвшихъ безъ дѣла и ночевавшихъ въ ночлежныхъ пріютахъ, гдѣ, по крайней мѣрѣ, даютъ поутру чашку горячаго кофе, и вмѣстѣ съ ними обошелъ всѣ городскіе катки. Тамъ уже съ утра весело развивались флаги, и плотники, каменщики, гравильщики сгребали лопатами снѣгъ. Подъ мостами они нарочно прорубали полыньи, чтобы класть на нихъ доски и выпрашивать за это деньги съ прохожихъ; натащили стульевъ, коньковъ, чтобы отдавать ихъ на прокатъ. Каждый боялся потерять свое мѣсто; для блѣднаго, молодого еврея и его оборванныхъ спутниковъ, вышедшихъ изъ ночлежнаго пріюта, не находилось ничего, кромѣ насмѣшекъ и брани. Они опять пошли по домамъ, звоня у каждой двери и спрашивая, не нужно ли вычистить тротуаръ или посыпать его золой, или колоть ледъ. Господа еще спали, а служанки отказывали. Элеазаръ отсталъ отъ случайныхъ товарищей.

Угрюмый и злой, коченѣя отъ холода въ это ясное, студеное зимнее утро, шагаль онъ мимо ломовыхъ лошадей, тащившихъ тяжело нагруженные снѣгомъ телѣги, мимо чистильщиковъ улицъ, задѣвавшихъ его своими метлами. Ему вдругъ пришло на умъ еще одно средство, довольно-таки нелѣпое, но почему не испробовать? Онъ слыхалъ, что, когда рѣка замерзаетъ, рыба въ ней становится душно подо льдомъ, и онѣ всплываютъ на поверхность—подышать воздухомъ, или же задыхаются и уже мертвые всплываютъ въ полыньяхъ. Значить, если идти по льду, по рѣкѣ, мимо большихъ катковъ, — пожалуй, что-нибудь и поймашь. Во всякомъ случаѣ, если бы даже пришлось проходить здѣсь цѣлый день, все, что всплыветъ наверхъ — тотъ же заработокъ, а можетъ быть, и обѣдъ.... Онъ машинально шагаль, не думая; голова работала вяло: тѣло двадцать четыре часа не подкрѣплялось пищей.

Рѣка, между тѣмъ, оживилась; появились на каткахъ конькобѣжцы. Деревья, угрюмые, черные, опущенные инеемъ, гнулись отъ вѣтра, роняя снѣжную пыль. Блестѣли политые

щелокомъ рельсы трамваевъ; камни между рельсами побурѣли; образовались ручейки изъ талаго снѣга въ перемежку со льдинками.

Подъ ногами скрипѣлъ снѣгъ; дыханіе выходило изо рта бѣлымъ паромъ. Но проруби нигдѣ не оказывалось, — все затянуло снѣгомъ и льдомъ. Чувствуя, что члены коченѣютъ отъ холода, Элеазаръ со злостью повернулъ назадъ и уже хотѣлъ было идти домой, чтобы согрѣться хоть въ постели, какъ вдругъ его окликнулъ молодой звонкій голосъ:

— Съ добрымъ утромъ, Эли!

Онъ обернулся,—это былъ старшій сынъ сапожника, хромоножка Янъ.

— Что—холодно, а?.. За то какая погода. А ледъ — Господи ты Боже мой, какой онъ толстый! Кабы не моя нога, и я покатался бы на конькахъ. Вы туда идете?

— Нѣтъ. И здѣсь достаточно холодно!

— Ну, это вы только такъ говорите. Точно я не знаю!.. вы просто боитесь, потому что тамъ, внизу не положено досокъ.

Это было сказано такъ рябчески-дерзко, что Элеазаръ невольно расхохотался.

— Досокъ тамъ достаточно, — возразилъ онъ, ежась и вздрагивая отъ холода,—но не въ нихъ сила. Я ищу прорубь и уснувшихъ рыбъ.

— А на что вамъ уснувшія рыбы?

— Какъ—на что? Ёсть!

— Фу, гадость! Развѣ можно ёсть дохлыхъ рыбъ? Я бы не сталъ...

— Отчего же? Если, на примѣръ, бѣлорыбица... и хорошенько сварить—пальчики оближешь!

— Полноте! Дохлая рыба воняетъ... Не воображайте, что я повѣрю вашему вранью: не на такого напали.

Элеазаръ снова засмѣялся и, шутя, потрясъ за плечо мальчугана, разсуждавшаго, какъ старикъ.

— Плотва и бѣлорыбица, если ихъ сварить съ уксу-сомъ... я тебѣ скажу, Янъ... это такая вкусная штука!.. Если-бъ тебѣ подали ихъ горячими, ты бы непременно отвѣдалъ...

Они шли рядомъ, взрослый мужчина и калѣка подростокъ, и бесѣдовали, какъ два добрыхъ товарища.

— У васъ, что же, сѣтъ взята съ собой?—спрашивалъ Янъ.

— Когда онѣ плаваютъ поверху, то сѣтью не возьмешь, надо руками.

— Поверху? Поверху вѣдь плаваютъ только дохлятина. Живая рыба уйдетъ подъ ледъ.

— Если во льду есть отверстіе, рыбы выплываютъ туд

подышать воздухомъ. Безъ воздуха онѣ задыхаются, все равно, какъ мы, люди...

— Ха-ха-ха!—звонко захохоталъ мальчуганъ.—Какъ! чтобы рыба задохнулась въ водѣ?... Ха-ха-ха!

— Ты не вѣришь?

— А вы неужто вѣрите! Ну, и здорово же вамъ наврали. А вы и повѣрили—такой большой! Это довольно таки глупо,—философствовалъ мальчикъ, съ трудомъ ковыляя по глубокому снѣгу.

— Спасибо,—разсмѣялся Элеазаръ.—Его забавляла эта грубая непосредственность.—А всетаки я думаю, что въ жизни есть кое что такое, чего и мы съ тобой не знаемъ. Когда рыба, вынутая изъ воды, дѣлаетъ вотъ такъ,—онъ остановился и показалъ, какъ рыба судорожно сжимаетъ и разжимаетъ жабры,—это она дышетъ, понялъ?

Съ минуту Янъ раздумывалъ, потомъ возразилъ еще болѣе увѣреннымъ тономъ:

— Ну, что вы чушь городите, вѣдь тогда значить рыба можетъ жить и безъ воды. Ну, вотъ видите, все это вамъ наврали. Только рыбу выдернешь на удочкѣ изъ воды, тутъ ей и смерть... Какъ же это такъ? съ чего же это! Вѣдь если бы ей нуженъ былъ воздухъ, такъ въ воздухѣ же его больше, чѣмъ въ водѣ, въ водѣ то его и вовсе нѣтъ.

— Въ водѣ тоже есть воздухъ,—началъ объяснять Элеазаръ, но Янъ съ первыхъ же словъ покотился со смѣху.

— Ха, ха, ха! Воздухъ въ водѣ! Отчего же тогда пузыри не всплываютъ наверхъ? Вѣдь если въ воду вставить старую трубку и начать дуть, сейчасъ пузыри пойдутъ. Все вы пустяки говорите. Если васъ ткнуть въ воду внизъ головой, такъ вы задохнетесь, а если-бъ въ водѣ былъ воздухъ, такъ вы бы не задохнулись.

— Благодарю за урокъ. А всетаки въ водѣ есть воздухъ, если не самый воздухъ, то всѣ его составныя части—увѣряю тебя, Янъ.

— Дудки, не проведете,—хохоталъ Янъ.—Если-бъ вода была воздухомъ, а воздухъ водой, тогда птицы бы плавали, а рыбы летали!.. Ну, вамъ, конечно, не трудно наврать, вы всему вѣрите.

— Спроси своего учителя, когда придешь въ школу.

— Въ школѣ нельзя задавать вопросы, тамъ можно только подымать руку, когда нужно выйти...

— Ну, право же, Янъ, все это на самомъ дѣлѣ такъ, какъ я тебѣ говорю.

— Да будетъ вамъ! И какъ это вы всему вѣрите! Скажите вамъ, что вы меня не надуете, и не надуете. Будь я рыбой, и я бы подохъ отъ холода?..

— Дай мнѣ руку, тебѣ легче будетъ идти.

Они пробирались по кучамъ снѣга къ купальному заведенію, возлѣ котораго были вырублены во льду большія проруби. Элеазаръ осторожно подошелъ къ самому краю, обложенному большими кусками льда, для предупрежденія конькобѣжцевъ объ опасности, и палкой разбилъ тонкую корочку, которой затянулась поверхность. Среди осколковъ плавала одна только единственная плотичка, серебристо-сѣрая, съ красными плавниками.

Янъ, стоявшій поодаль—вдвоемъ подходить къ краю было рискованно—увидя добычу, залился смѣхомъ.

— Стоило ради этого идти полчася, прости Господи! И плотичка-то съ червяка ростомъ!

— Будутъ и другія, имѣй терпѣніе,—сказалъ Элеазаръ, вынимая плотичку и кладя ее рядомъ съ собою. Лежа на локтяхъ и на колѣняхъ, онъ внимательно слѣдилъ за движеніями большого ельца, который слабо трепыхался въ водѣ, шевеля плавниками.

Коченѣя отъ холода, стуча зубами, Элеазаръ смотрѣлъ на него съ жадностью проголодавшагося хищнаго звѣря.

— Жалко, что у меня нѣтъ съ собой удочки,—говорилъ Янъ, похлопывая рукой объ руку, чтобы согрѣться.

— Вы что же, въ самомъ дѣлѣ, намѣрены дома ѣсть эту рыбу?

— Да,—утвердительно кивнулъ Элеазаръ.

— Съ картошкой?

— Нѣтъ, картошки у насъ нѣтъ.

— Неужто такъ, безъ ничего будете ѣсть?

— Я бы хотѣлъ только наловить побольше.

— А знаете, что папаша говоритъ?

— Ну, что же папаша говоритъ?

Элеазаръ поднялся съ колѣнъ: слишкомъ холодно было ногамъ.

— Папаша говоритъ, что вы сами виноваты, что вамъ ѣсть нечего, что вы могли бы работать, если-бъ только захотѣли.

— Не подходи такъ близко къ водѣ, и не замѣтишь, какъ свалишься, а плавать я не умѣю.

— Вы лучше скажите: это правда, что вы сами виноваты? Вмѣсто того, чтобы ловить дохлую рыбу, вѣдь вы могли бы работать...

— Да, да, почему же нѣтъ,—разсѣянно говорилъ Элеазаръ, не сводя глазъ съ ельца, и вдругъ, быстро нагнувшись, схватилъ его и вытащилъ изъ воды. Елецъ еще жилъ и слабо шевелилъ хвостомъ и занесенными иломъ жабрами...

— Господи Боже мой!—воскликнулъ Янъ, быстро подковы-

лявъ къ нему и съ удивленіемъ разсматривая добычу.— Однако, вы это ловко!... Онъ еще живой. Подержать?

— Да, только не выпусти!—Мальчикъ грязной рученкой взялъ рыбу за голову и поднесъ мизинецъ къ самому рту ея.

— Не укуситъ? Нѣтъ?.. какъ вы думаете? Глаза-то какіе, какъ кораллы, а?.. Ой, ой, ой, какъ онъ рвется! Нѣтъ, братъ, теперь, шалишь, не уйдешь. Надо было раньше быть умнѣе!

— Заверни его въ мой носовой платокъ,—сказалъ Элеазаръ,—тогда онъ не испортится.

Нѣкоторое время они сидѣли молча, только вздрагивали порой, когда ледъ вблизи трещалъ подъ ногами катающихся.

— Почему же вы не возьметесь за какую-нибудь другую работу, если вамъ надоѣло гранить алмазы?—допытывался Янъ.

— Да, гранить алмазы мнѣ надоѣло, — зѣвая, отвѣтилъ Элеазаръ: его отъ холода клонило ко сну. — Надо, чтобы работа не только правилась, но и приносила что-нибудь.

— Ну, конечно; задаромъ и я не сталъ бы работать. Изъ ничего и не выйдетъ ничего... А скажите, собственно, что это за штука такая, эти алмазы, которые вы граните?

— Алмазъ это—камень.

— Зачѣмъ же его гранить?

— Чтобъ онъ сталъ гладкимъ.

— А потомъ?

— А потомъ, когда онъ готовъ, его носятъ.

— Кто носить?

— Люди, у которыхъ есть деньги.

— Такъ, значитъ, за нихъ надо платить?

— Ого! еще сколько! За полфунта такихъ камешковъ ты могъ бы купить собственный домъ и жить припѣваючи. И денегъ у тебя было бы такъ много, что тебѣ не понадобилось бы работать.

— Вадоръ!—рѣшительно объявилъ калѣка.—За полфунта камней—домъ, цѣлый домъ! Что же стоитъ такой камень?

— Есть такіе, что стоятъ и по сто тысячъ гульденовъ,—увѣрялъ Элеазаръ, которому нравилось дразнить мальчика.— Даже больше...

— Сто тысячъ гульденовъ!—недовѣрчиво вскрикнулъ Янъ.—Да на что же онъ? Что съ нимъ дѣлаютъ?

— Носятъ; носятъ въ ушахъ, на пальцахъ, на шеѣ...

— Вадоръ,—повторилъ мальчуганъ,—развѣ это возможно? Была охота платить за камень сто тысячъ гульденовъ, чтобъ положить его себѣ на руку!

И опять онъ насмѣшливо расхохотался, и лицо его искри-

вилось въ хитрую усмѣшку, говорившую: меня не проведешь, не такъ глупъ.

— И какъ это вы, прости Господи, можете смотрѣть человѣку прямо въ глаза и такъ враты!

Элеазаръ громко разсмѣялся, и Янъ, увѣренный, что Эли пересталъ притворяться, смѣялся вмѣстѣ съ нимъ. Платокъ, лежавшій на льду, время отъ времени задрагивалъ: рыба была еще жива. Катающихся прибавилось; они пробѣгали совсѣмъ близко, описывая большіе круги. Неподалеку играли дѣти, катая другъ друга на саночкахъ; голоса ихъ звенѣли, какъ серебряные колокольчики. Иадали доносились зазыванія мелкихъ торговцевъ, продававшихъ по дешевой цѣнѣ молоко и можжевелевую настойку. Элеазаръ ходилъ около проруби, не чувствуя ногъ; руки его горѣли отъ холодной воды; онъ страшно озябъ, но все время внимательно слѣдилъ за прорубью.

Въ проруби плыла еще одна рыбка, брюшкомъ кверху, устало шевеля плавниками. Элеазаръ легъ плашмя на ледъ, вытянулъ руки надъ водой и поймалъ ее.

Но рыбка неожиданно выскользнула у него изъ руки и юркнула подъ ледъ.

— Ишь, мошенница, притворилась мертвой! — сказалъ Янъ и, затопавъ ногами, чтобы согрѣться, заявилъ:—Ну, я пойду домой.

— Хорошо, — вяло отвѣтилъ Элеазаръ. Онъ столкнулъ нѣсколько кусковъ льду въ воду, сѣлъ, скрестилъ ноги, заложилъ руки въ карманы и сталъ ждать, не всплыветъ ли еще что нибудь со дна. Янъ мелкими шажками, слегка прихрамывая, пробирался черезъ катокъ, иногда пытаясь скользнуть, волоча больную ногу и какъ-то потѣшно разводя руками.

Обезсилѣвъ отъ усталости и голода, Элеазаръ продолжалъ сидѣть на одномъ мѣстѣ, поглядывая то на прорубь, то на платокъ, который ужъ больше не шевелился. Мальчикъ подбодрялъ его своей ребячески дѣтской самоувѣренностью. Теперь имъ овладѣвало то-же тупое отчаяніе, какое онъ испыталъ на фабрикѣ, когда сидѣлъ возлѣ Іуды и не могъ пошевелиться, такъ какъ надвигавшаяся гроза парализовала его волю. Одинъ шагъ, одинъ только шагъ, скользнуть туда, подъ ледъ и—задохнешься, какъ рыба, и покончишь съ этимъ жалкимъ существованіемъ! Онъ судорожно зѣвнулъ, такъ что слезы выступили у него на глазахъ, и поднялся на ноги. Нѣтъ, лучше ходить, а то вода слишкомъ притягиваетъ. Если-бъ ему сейчасъ дали хлѣба, онъ не сталъ бы ѣсть, такъ все ему было противно. Что это за ужасная вещь голодъ; онъ положительно превращаетъ человѣка въ живот-

ное: все клянешь, все забываешь, ничего не чувствуешь, кромѣ желудка, который своимъ властнымъ голосомъ вытѣсняетъ всѣ мысли изъ головы. Стуча зубами, онъ наклонился поднять узелокъ съ уснувшими рыбами, чтобы еще разъ попытать счастья въ городѣ, и въ это время увидѣлъ еще двѣ маленькія рыбки, всплывшія на поверхность. Это его подбодрило. Онъ зачерпнулъ воду шапкой и поймалъ ихъ. Четыре, только четыре. Этого слишкомъ мало для дѣтей и для слѣпой, которая и вчера ждала, и сегодня будетъ ждать напрасно. Рыбы тихонько трепыхались въ платкѣ.

Около пяти часовъ, веселый и радостный, съ хорошимъ уловомъ—у него набралось до двадцати рыбокъ—Элеазаръ спѣшилъ домой. Уборка снѣга еще не кончилась. Высокія кучи снѣга, перемѣшаннаго съ грязью, тянулись вдоль тротуара на одинаковомъ разстояніи одна отъ другой. Снѣгъ накладывали въ ручныя телѣжки, увозили и сбрасывали въ каналъ. На рельсахъ трамвая работали машинами, съ прикрѣпленными къ нимъ метлами и лопатами.

На тротуарѣ стоялъ Зейкерперъ, необычайно красный, и рубилъ замерзшій снѣгъ. Онъ стоялъ, облокотившись на заступъ, кашлялъ и отплевывался; у него всѣ кости разломило отъ этой работы, которая была не подъ силу его старому, слабому тѣлу.

— Напрасно вы меня сегодня утромъ не прихватили съ собою,—сказалъ Элеазаръ.

— Это все равно, что цѣлую недѣлю хворать, — возразилъ зеленщикъ, раскачиваясь всѣмъ тѣломъ въ тактъ кашлю,—такая работа не для еврея...

— За то принесете домой цѣлый талеръ, вы должны радоваться.

— Радоваться! радоваться? У меня сухого мѣстечка на тѣлѣ нѣтъ, всю поясницу разломило, а вы говорите: радоваться! Для этого нужно имѣть силы гоа. Я здѣсь съ семи часовъ утра! Смотрите, какіе у меня пузыри на ладоняхъ.

Его всего трясло отъ усталости. Руки такъ и сводило: на ладоняхъ были огромные кровавые пузыри.

— Съ деньгами и пузыри не болятъ, — почти съ завистью сказалъ Элеазаръ.

По тротуару шелъ надсмотрщикъ, кидая грозные взгляды на тѣхъ, кто болталъ, вмѣсто того, чтобы работать. Элеазаръ пошелъ дальше. На углу онъ опять остановился посмотреть, какъ накладывали снѣгъ въ тачку. Стали зажигать фонари; желто-зеленоватый свѣтъ ихъ боролся съ догоравшимъ свѣтомъ дня. Около вокзала свѣтились красные сигнальные огоньки.

Тетя Регги раздобыла у сестры полъ хлѣба. Когда Элеазаръ принесъ, вдобавокъ къ этому, еще рыбы, она не знала, что и сказать при видѣ такого богатства.

— Вы ихъ купили?—спрашивала она, ощупывая каждую рыбку.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ, жуя черствый ломоть хлѣба,—если бы пришлось еще ждать, онъ бы свалился,—нѣтъ, я вытащилъ ихъ изъ проруби.

— Изъ проруби? Какъ можно такъ рисковать своей жизнью? Онъ засмѣялся.

— Ну,—озабоченно говорила слѣпая,—теперь у насъ есть рыба, это очень лакомое блюдо, но что же мы съ ней сдѣлаемъ безъ огня и безъ соли?

— Дайте, я прежде всего вычищу ихъ,—подбодрившись, сказалъ Элеазаръ,—а тамъ ужъ что-нибудь и придумаемъ.

Старушка, сидя на порогѣ, прислушивалась къ скрипу его ножа. Онъ клалъ одну рыбку за другой на подоконникъ и счищалъ чешую. Прибѣжавшая сверху Саартъе смотрѣла на него удивленными глазами.

— Дядя, ты ходилъ ловить рыбу?

— Да, Сарочка.

— Это какія же рыбки, дядя?

— Вотъ это окунь, а это плотва, а это... это рѣдкая, — я не знаю, какъ она называется.

— Можно мнѣ тебѣ помочь?

— Нѣтъ, не приставай,—вдругъ разсердился онъ, уколовшись объ острый плавникъ. Онъ даже вскрикнулъ и сталъ высасывать кровь, выплевывая ее на снѣгъ.

— Вы порѣзались, Эли?—жалобно спросила слѣпая.

— Нѣтъ, только укололся.

— Смотрите, хорошенько высосите кровь... У Салли вся рука распухла отъ такого укола... Это очень не хорошо. Смотрите, хорошенько высосите кровь.

— Да, да,—буркнулъ онъ. Ему было досадно и больно.

Заскрипѣли ступени лѣстницы, громче, чѣмъ они скрипѣли обыкновенно отъ холода. Сверху спускалась жена Зейкерпера, Эсси, посмотрѣть, куда дѣвался зеленщикъ. Она накинула платокъ, собираясь идти искать его на улицѣ, но, узнавъ, что Элеазаръ видѣлъ ея мужа, осталась поболтать.

— Вотъ кому везетъ!—говорила она, потирая руки и качая головой.—И какъ это можно наловить столько рыбы въ такой морозъ! Я удивляюсь, это какое-то чудо!

— Онъ вытащилъ ихъ изъ проруби, съ опасностью жизни,—проговорила слѣпая.

— Здѣсь, пожалуй, будетъ два фунта, — опредѣлила Эсси.—Это что же, все—окуни?

— Есть и окуни, есть и плотва.

— Вы не повѣрите, у меня прямо слюнки текутъ,—ей-Богу! Вотъ счастье-то!

Она произносила эти слова съ такой жадностью въ голосъ и во взглядъ,—въ этомъ домѣ каждый такъ хорошо зналъ, что лежитъ въ шкафу у сосѣда,—что Регги съ добродушной улыбкой предложила ей половину: для нея, Давида, Эли и дѣтей довольно и десяти рыбокъ, хватить съ избыткомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—смѣясь, какъ добрая сосѣдка, отказывалась Эсси.—Нѣтъ, зачѣмъ же я буду васъ грабить?

— Грабить! грабить! Какъ вы можете насъ ограбить? У насъ есть рыба и нѣтъ дровъ, а вѣдь рыбу нужно еще изжарить; нѣтъ и соли, и картофеля.

Эсси съ минуту соображала, завѣшивая всѣ *за и противъ*, и звонко расхохоталась:

— Знаете что? — воскликнула она.—Давайте, приложимъ вашу нищету къ нашей бѣдности—и будетъ у насъ чудесное угощенье. Ха-ха-ха!.. Жарить можно у насъ: у меня еще есть нѣсколько угольковъ и немножко горячей золы... ну, а насчетъ остальнаго, тамъ видно будетъ.

— Помѣстимся ли мы всѣ у васъ? вѣдь насъ много,—сомнѣвалась Регги.

— Чѣмъ больше, тѣмъ веселѣй,—увѣряла Эсси.

Элеазаръ бросилъ рыбу въ ведро съ водой и вытеръ ножъ.

Но Эсси, видѣвшая только, какъ онъ снималъ чешую, забеспокоилась.

— Эли, что же это вы дѣлаете? А какъ же грязь — вся тамъ останется?

— Грязь? какая грязь?

— Ой! какой онъ глупый! вѣдь нельзя же жарить рыбу со внутренностями. Вотъ было бы славно! Если бъ мы ее такъ оставили, пришлось бы все вонъ выбросить.

— Съ какой же стороны рѣзать,—съ лѣвой или съ правой?

— Вскройте брюшко какъ разъ посрединѣ,—учила Эсси,—и вынимайте осторожно все, что тамъ есть внутри, слѣва и справа, только осторожно, а то, если прольется желчь,—весь обѣдъ пропасть...

Элеазаръ осторожно приложилъ остріе ножа къ брюшку рыбы и вспоролъ его отъ хвоста до головы, такъ что внутренности сами вывалились. Но пузыря съ желчью онъ найти не могъ и тянулъ, и щупалъ до тѣхъ поръ, пока между пальцевъ его не потекла желтовато-бурая жидкость.

— Ну, что это, какой неуклюжій! — сердилась Эсси.—Кажется, все ему растолковали, и то не сумѣлъ сдѣлать! Ско-

рѣй положите ее въ воду, а то у васъ всю душу выворотитъ отъ такого кушанья...

Саартъе подбѣжала съ рыбкой къ водопроводному крану. Эсси взяла у Элеазара ножъ и принялась чистить рыбу; это она дѣлала мастерски.

— Вотъ такъ... вотъ, если вы такъ будете дѣлать, Эли, желчь никогда не вытечетъ... Хорошо, что я во время пришла, Регги, а то вы вѣдь не видите... Ой, что это за дурень: чуть было не испортилъ такого королевскаго обѣда!

Королевскій обѣдъ! Да, тутъ былъ дѣйствительно королевскій обѣдъ, пиръ, на которомъ веселился весь домъ. Рыбу поставили варить съ небольшимъ количествомъ соли, добытой Миньтѣе въ долгъ у сапожника... Въ послѣднее время сапожникъ сталъ ужаснымъ скрягой, но въ соли не отказываютъ даже злѣйшему врагу. Тѣмъ временемъ пришелъ домой Зейкерперъ и принесъ копченокъ. Съ нимъ случилось сегодня, то, что бывало очень рѣдко. Усталый, разбитый, онъ съ горя пошелъ и выпилъ вмѣстѣ съ другими чистильщиками стаканчикъ водки, но съ сахаромъ,—простой джинъ былъ для него слишкомъ крѣпокъ. А потомъ, чтобъ задобрить Эсси, которая со своимъ собачьимъ нюхомъ навѣрное сейчасъ замѣтитъ, что онъ угостился, купилъ по дешевой цѣнѣ полдюжины копченокъ. Онѣ и такъ очень вкусны, а если ихъ еще подогрѣть немножко на горячихъ угольяхъ, такъ просто пальчики оближешь.

— Рыба съ солью, уксусомъ и перцемъ и копченки — мы ужъ давно такъ не кутили!—говорила Регги, и ея тихая радость передавалась другимъ.

— Никогда въ жизни больше не пойду чистить снѣгъ,—жаловался Зейкерперъ.—Это прямо мука мученическая. Часъ поработаешь, и то не слышишь ни рукъ, ни ногъ, ни поясицы. Телѣжку съ товаромъ я готовъ возить,—ну, а это ужъ предоставляю другимъ. Такая работа не для насъ.

Въ это время пришла Ревекка. Она варила на обѣдъ рисъ съ чечевицей и не могла доварить: у нея погасла керосинка. Не позволятъ ли ей поставить ея горшокъ на плиту, если только онъ не помѣшаетъ? Она вся посинѣла отъ холода. У нихъ уже нѣсколько дней не топили, а тутъ еще отцу сегодня лучше, и на него напалъ такой аппетитъ, что она просто не знаетъ, что дѣлать.

— Знаете, что я вамъ скажу?—предложилъ Зейкерперъ,—приходите всѣ сюда, будемъ обѣдать вмѣстѣ: въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ.

— И въ самомъ дѣлѣ, приходите,—поддержала Регги,—и горе вмѣстѣ мыкать веселѣе...

— Какъ же отецъ?—застѣнчиво и нерѣшительно отнѣки-

валась Ревекка: здѣсь было такъ пріятно, тепло и такъ много людей.

— А отцу мы положимъ на тарелку всего понемножку и снесемъ наверхъ,—сказалъ Зейкерперъ,—и выйдетъ французскій обѣдъ: сначала рыба, потомъ копченки, потомъ рисъ съ сахарнымъ горошкомъ...

Послѣ всѣхъ дневныхъ трудовъ, усталости и тяжелой работы на морозѣ, они, какъ дѣти, радовались отдыху. Сегодня есть что ѣсть, и слава Богу, а придетъ „завтра“, тогда и будемъ думать о завтрашнемъ днѣ. Вѣтеръ такъ завывалъ на улицѣ, что у нихъ явилась страшная потребность сплотиться, держаться поближе другъ къ другу.

— Можно мнѣ пойти спросить папашу?

— Ну, конечно,—сказала Эсси.

— И Іоозепу можно придти?

— Ни за что! Вотъ глупенькая! Ну, а Іоозепъ какъ же будетъ, не ѣвши, что ли?

Комната вся гудѣла. Эстеръ, Мейеръ, Яантье, Флиппи и Бекки,—всѣ дѣти бранились между собой и тараторили безъ умолку.

— Если бъ вы принесли снизу парочку тарелокъ,—сказала Эсси Элеазару,—а то у насъ не хватаетъ. Впрочемъ, все равно не хватитъ. Намъ восемь человѣкъ, да Эли, Регги и Саартъ—одиннадцать, да Бекки съ Іоозепомъ—тринадцать...

— Тринадцать! — испуганно воскликнула тетя Регги, — тринадцать—это не годится. Вы считали Давида?

— Съ Давидомъ четырнадцать,—кивнула головой успокоенная Эсси.—Тринадцати нельзя садиться за столъ,—тогда бы одному пришлось выйти; съ тринадцатю я бы ни за что не сѣла.

Элеазаръ, довольный, какъ ребенокъ, помчался внизъ, прыгая черезъ три ступеньки. Ему не разъ уже случалось видѣть, какъ въ минуту нужды сосѣди ѣли всѣ вмѣстѣ, соединяя свои скудные запасы. Ему самому,—правда, давно,—довелось однажды принять участіе въ такомъ соединенномъ пирѣ съ Іудой и Гесомъ, а въ другой разъ съ Исаакомъ, который на ярмаркахъ разыгрывалъ въ лотерею сладкіе пироги,—и всегда на такихъ пирушкахъ царилъ самое непринужденное веселье и оживленіе, и смѣхъ, и шутки безъ конца. Послѣ мучительнаго, тягостнаго дня,—онъ и сейчасъ видѣлъ себя надъ прорубью такимъ жалкимъ, иззябшимъ, околѣнѣвшимъ отъ холода,—этотъ совмѣстный обѣдъ улыбался ему, какъ неожиданная радость. Захвативъ тарелки, вилки, ложки и чашки, онъ снова помчался наверхъ, даже что-то напѣвая отъ радости. Двери Зейкерпера и Подди, выходившія на верхнюю площадку, были открыты настежь.

Съ шумомъ и смѣхомъ зеленщикъ помогаль Ревеккѣ тащить столъ, который надо было перенести въ его квартиру, а онъ никакъ не хотѣлъ проходить въ дверь.

— Переверните его ножками кверху!—закричалъ Подди.

Изъ стола вывалился ящикъ и съ такимъ грохотомъ полетѣлъ на полъ, что на площадку выбѣжали и Эсси, и Миньтѣ съ дѣтьми.

Наконецъ, столъ очутился въ квартирѣ зеленщика, при- вѣтствуемый громкимъ „ура“ ребятишекъ.

Элеазаръ задержался немного около Подди. Большой рассказываль ему, какъ онъ провелъ ночь: испарина и кашель не дали ему сомкнуть глазъ до утра. За то утромъ, благодаря Богу, удалось соснуть часокъ-другой, и теперь онъ чувствуетъ только голодъ, честное слово, самый настоящій голодъ! Глаза у него были тусклые, впалые; худыя, какъ у скелета, руки сновали по одѣялу, словно по ткацкому станку.

— Пусть Іоозепъ и Ревекка ѣдятъ вмѣстѣ съ вами,—говорилъ онъ, отдуваясь. — Я здѣсь задыхаюсь, такъ мнѣ жарко, а они ежатыся отъ холода. Салли съ Розочкой и Серре уже покушали немножко и спятъ,—удивительно, какъ дѣти во снѣ все забываютъ...

— Развѣ вамъ такъ жарко?—спросилъ Элеазаръ, дрожа отъ холода, особенно чувствительнаго послѣ теплой каморки Зейкерпера.

— Жарко? Мнѣ не холодно и не жарко, — мнѣ просто пріятно. Я уже нѣсколько мѣсяцевъ не чувствовалъ себя такъ хорошо. Это была только простуда, простуда, и ничего больше...

Дверь отворилась; вошелъ Іоозепъ, старшій сынъ Подновскаго. Элеазаръ въ первый разъ видѣлъ его вблизи; это былъ юноша, лѣтъ шестнадцати-семнадцати, съ пробивающимися усиками, блѣдный, но съ ярко-красными блестящими губами.

— Здравствуйте,—поклонился онъ издали, не узнавая Элеазара.

— Продалъ что-нибудь?—спросилъ Подди, беря у него изъ рукъ ящикъ, въ которомъ были красиво уложены папиросы.

— Ничего,—коротко отвѣтилъ юноша. Онъ весь день, голодный, стоялъ на льду, возлѣ катка. А когда его стало тошнить отъ голода, онъ разорвалъ одну папиросу и сталъ жевать табакъ.

— Ничего? совсѣмъ таки ничего,—проворчалъ Подди. — Этого со мной еще никогда не бывало.

— Попробуй самъ,—съ горечью сказалъ юноша.

— Мнѣ попробовать!—накинулся на него отецъ.—Ахъ, ты

лѣнивая собака! Или я не работалъ для васъ всю свою жизнь?

Юноша присѣлъ на подоконникъ; онъ совсѣмъ окоченѣлъ отъ холода.

Элеазаръ сострадательно покачалъ головой и глазами показалъ больному, чтобы онъ оставилъ мальчика въ покоѣ.

— Ну, еще вы заступаетесь за него!—сердился Подди.— Еще вы будете подкладывать руки подъ его лѣнивыя ноги. Такъ изъ него и вовсе никогда не выйдетъ купца. Мнѣ попробовать! Мнѣ попробовать! съ моимъ большимъ бокомъ и отнявшейся ногой! Лѣнивая собака!

У мальчика злобно блеснули глаза, но онъ сдержался. Розетъе, спавшая на матрацѣ въ углу, проснулась отъ крика Подди, сѣла, протерла глазки, оглядѣлась вокругъ и опять легла рядомъ съ братомъ. Элеазаръ смотрѣлъ то на дѣтей, спавшихъ въ углу, то на поджараго подростка у окна и вспоминалъ тотъ вечеръ, когда онъ впервые зашелъ въ комнату стараго еврея, разговаривалъ съ нимъ съ порога, такъ какъ комната была полна копоти, и увидѣлъ Ревекку, спавшую на полу вмѣстѣ съ Іоозепомъ и Серре. Вспомнилъ—и въ душѣ его поднялось какое-то жуткое, необъяснимое, нелѣпое чувство отвращенія,—нелѣпое потому, что и его собственная юность шла такъ же.

Было около восьми часовъ, когда они, наконецъ, сѣли за столъ. Стряпня не сразу наладилась. У Эсси не хватило уксусу, послали Саартъе внизъ за бутылкой, въ которой должно было остаться нѣсколько капель. На днѣ, дѣйствительно, оказалось немного уксусу, но покрытаго толстымъ слоемъ желтоватой плѣсени. Эсси, Миньтѣе и Зейкерперъ поочереди нюхали изъ горлышка, чтобы убѣдиться, можно ли этотъ уксусъ употреблять. Эсси встряхнула бутылку и попробовала съ ложечки, отпивая маленькими глотками. Тѣмъ временемъ Миньтѣе побѣжала внизъ за хлѣбомъ, о которомъ чуть было не позабыли. Давида пришлось долго ждать. Регги, боясь, какъ бы за столъ не сѣло тринадцати человѣкъ, чутко прислушивалась къ шагамъ на улицѣ, и посылала посмотреть, не идетъ ли Давидъ, то Ревекку, то Элеазара. Подди раньше всѣхъ получилъ свою порцію: вареную рыбку, немного риса съ горохомъ и половину копченки. Зейкерперъ самъ отнесъ ему обѣдъ. Но Подди ѣлъ такъ неловко, что чечевица падала на постель. Тѣмъ временемъ вернулась Миньтѣе съ хлѣбомъ и сдачей денегъ, запыхавшись, раскраснѣвшаяся отъ морознаго воздуха. Она положила четырехугольную ковригу хлѣба на столъ и, схвативъ ножъ, принялась отрѣзывать большіе ломти.

— Брось!—крикнула Эсси, слѣдившая за ней сердитыми

Духовная смута въ освѣщеніи Н. К. Михайловскаго.

I.

Н. К. Михайловскій былъ во всѣхъ отношеніяхъ сильной и опредѣленной личностью, какъ по характеру, такъ и по своему міросозерцанію. Онъ всегда зналъ, чего хочетъ, и энергично хотѣлъ. Читатель объ этомъ можетъ судить по силѣ и стремительности его полемическихъ пріемовъ. За ними всегда чувствуется темпераментъ, натура, а не просто задоръ талантливаго литератора. Этой натурѣ соотвѣтствовали большой умъ, громадная начитанность, которые дали ему возможность очень рано выработать собственное стройное міросозерцаніе. За 40 лѣтъ многосторонней литературной дѣятельности онъ далъ своимъ основнымъ идеямъ блестящее развитіе, и онѣ въ свою очередь давали ему твердую руководящую нить въ самыхъ запутанныхъ вопросахъ жизни и литературы. Такой сильной и опредѣленной личности естественно было, при его вдумчивости и интересѣ къ людямъ, задаваться вопросомъ: отчего они такіе растерянные и безличныя? отчего такъ плохо знаютъ, чего хотятъ, и такъ мало дорожатъ цѣлью своихъ хотѣній. И его отвѣты на этотъ вопросъ, вмѣстѣ съ основными мотивами, которые проходятъ чрезъ нихъ, представляютъ громадный интересъ. Они давали ему возможность разбираться въ противорѣчіяхъ дѣйствительности и въ самыхъ сложныхъ ея вопросахъ съ необыкновенной силой и ясностью.

Центральнымъ и главнымъ психологическимъ фактомъ въ явленіяхъ ослабленія личнаго начала онъ склоненъ былъ ставить слабую привязанность личности къ тому, къ чему она стремится, отсутствіе цѣлей и задачъ, которыя были бы достаточно дороги человеку. И въ этомъ недостаткѣ, съ его точки зрѣнія, заключается центръ всякой обезличенности; въ немъ—главная сущность того, что обезцѣниваетъ жизнь, дѣлаетъ ее безсодержательной и тѣмъ самымъ лишаетъ ее привлекательности, силы и красоты, какъ нравственной, такъ и эстетической.

Видѣняя разбросанность темъ и разсужденій въ работахъ
Ж 11. Отдѣлъ II.

Михайловскаго способна иногда приводить нѣсколько обихичное впечатлѣніе, но если имѣть постоянно въ виду именно приведенные основные мотивы, которые его занимаютъ, то становится ясною характерная и интересная связь между изслѣдованіями, очень отдаленными другъ отъ друга, какъ по сюжетамъ, такъ и по времени ихъ обсужденія. И вмѣстѣ съ тѣмъ получается чрезвычайно яркое и цѣльное освѣщеніе и отдѣльныхъ фигуръ, и цѣлыхъ эпохъ въ литературной и общественной жизни со стороны господствующаго въ нихъ элемента—анархін въ стремленіяхъ и задачахъ.

Въ длинной галлерей характеристикъ лицъ и общественныхъ явленій, которыя мы находимъ у Михайловскаго, обращаетъ на себя вниманіе то, что, съ терпѣніемъ и упорствомъ разбираясь въ противорѣчіяхъ даннаго лица или данной частной комбинаціи явленій и возвращаясь съ настойчивымъ интересомъ вновь и вновь къ тѣмъ же лицамъ и явленіямъ или родотвеннымъ имъ, онъ видимо все время руководится заботой дать себѣ отчетъ въ ихъ общихъ причинахъ. И эти общія причины онъ всегда былъ склоненъ искать и умѣлъ находить—въ указанномъ сейчасъ направленіи, вслѣдствіе чего характеристики отдѣльныхъ личностей или явленій разрастаются въ обширныя картины широко захватывающихъ явленій общественной жизни.

Одна изъ первыхъ статей, а именно посвященная эмигранту Кельсіеву, соответственно этому озаглавлена—„Жертва старой русской исторіи“. Личность Кельсіева давно уже, что называется, „канула въ Лету“, но на статьѣ объ немъ интересно остановиться. Въ галлерей характеристикъ нашего писателя она отличается сравнительной элементарностью и простотой.

Кельсіевъ былъ девять лѣтъ эмигрантомъ. Онъ бросался изъ одного угла Европы въ другой, велъ самую дѣятельную революціонную агитацію и былъ замѣшанъ во множествѣ политическихъ дѣлъ. Счастливо пробравшись въ Россію съ фальшивымъ паспортомъ, онъ такъ же счастливо ушелъ изъ нея, затѣмъ полтора года былъ атаманомъ на Добруджѣ, чуть-чуть не попалъ въ черкесскіе султаны и въ концѣ-концовъ воротился въ Россію, получилъ помилованіе и обратился въ русскаго литератора. При этомъ онъ изъ социалиста сдѣлался панславистомъ. Въ рассказѣ о своей жизни и въ оужденіяхъ о своей личности самъ Кельсіевъ считалъ себя типичнымъ представителемъ всѣхъ нашихъ политическихъ преступниковъ и даже всѣхъ такъ называемыхъ отрицателей и нигилистовъ разныхъ оттѣнковъ. Михайловскій даетъ совершенно иное освѣщеніе дѣлу. На основаніи собственныхъ словъ Кельсіева—относительно характера его чтенія, образованія и интересовъ, преобладавшихъ у него, начиная съ дѣтскаго возраста, онъ объясняетъ себѣ всѣ удивительныя киданія Кельсіева изъ стороны въ сторону чрезъ цѣлый рядъ смѣняющихся другъ друга, взаимно

исключающихъ увлеченій и цоканій,—„фантастичностью и разнузданностью его воображенія“. Онъ былъ вскормленъ и вскормленъ литературой карамзинскаго періода и мистиками конца XVIII и начала XIX вѣка. Еще совсемъ ребенкомъ онъ жадно читалъ и перечитывалъ сочиненія Карамзина, митрополита Платона, Державина, Хераскова, „Сіонскій Вѣстникъ“, „Пансалвина или князь-тѣмъ“, „Старина вездѣ и нигдѣ“, „Гроссфилдское аббатство“, „Удольфскія таинства“ и проч. Чтеніе этого рода развивало воображеніе, склонность къ фантастикѣ насчетъ всѣхъ другихъ умственныхъ способностей. Кельсиевъ самъ пишетъ: „Литература XVIII и начала XIX вѣка, на которой мнѣ пришлось вырасти, имѣла то странное свойство, что обаятельно отрѣшала читателей отъ всего окружающаго, вводила его въ ворота новаго міра,—міра, исполненнаго изящества, геройства, глубокихъ страстей, гдѣ не было ни дрягъ, ни суеты житейской, и гдѣ не являлся ни одинъ Санхо Панчо, задававшій, какъ въ нынѣшней литературѣ, вопросы своему Донъ-Кихоту, что на какія же деньги благородные рыцари изволятъ странствовать по свѣту? Житейскій вопросъ, вопросъ обыденной жизни для этой литературы не существовалъ, и мѣщанскаго въ ней ничего не было. Она звала къ подвигамъ, она развивала мечтательность и зарождала въ душѣ инстинктъ къ всему высокому и изящному“. Съ такой подготовкой онъ, къ началу крымской кампаніи, окончивши курсъ въ коммерческомъ училищѣ, вступилъ въ жизнь. Онъ вступилъ въ нее, „въ интеллектуальномъ отношеніи, какъ его мать родила. Никакой болѣе или менѣе твердой опоры у него не было, — ни научной подготовки, ни сильно развитого соціальнаго чувства, ни знанія общества и его нуждъ; словомъ, ничего такого, что бы могло послужить вѣхами на его жизненномъ пути. Не было у него подъ ногами никакой почвы, и стоялъ онъ отъ всего, что волнуетъ живыхъ людей, далеко, далеко, въ заоблачномъ мірѣ фантазій“. Наступившія новыя времена призывали къ дѣятельности—сначала война, а затѣмъ 60-тые годы. Но Кельсиеву, человеку увлекающемуся и энергичному, способному предаться дѣлу цѣлкомъ и беззаветно, искреннему и честному, имѣла его фантастичность—его склонность забывать или даже нежеланіе знать, на какія деньги благородные рыцари изволятъ странствовать по свѣту? Эта фантастичность имѣла ему не только привязаться къ чему-нибудь всей душой, но даже подойти вплотную къ живой дѣйствительности и ясно увидать, чего она требуетъ, какихъ дѣлъ, какихъ усилій. Онъ жаждалъ дѣятельности, но дѣятельности не обыденной, а такой, въ которой можно было бы явиться героемъ, съ заговорами, побѣгами изъ тюремъ, съ картинными сраженіями на полѣ битвы и т. п. Возникшая въ 60-тые годы „натуральная школа“, съ своимъ безпощаднымъ анализомъ, явилась полной противоположностью ходульному и мишурному.

міросоверпанію предшествующаго періода. Но хотя Кельсіевъ и утверждалъ, что „понималъ всю вопіющую ложь романтизма“, однако, на самомъ дѣлѣ, какъ замѣчаетъ Михайловскій, эта школа „быть можетъ, даже заставила Кельсіева еще крѣпче ухватиться за міръ ходуль и сусального золота“, такъ какъ „новое міросоверпаніе стояло въ слишкомъ рѣзкой противоположности къ этому небывалому, но чудному міру, которымъ Кельсіевъ успѣлъ уже насквозь пропитаться“. Неспособный перейти изъ фантастическо-сказочнаго міра въ дѣйствительность и съ жадной дѣятельности, онъ искалъ ея, не руководясь привязанностью къ той или другой опредѣленной жизненной задачѣ, которая была бы ему дорога, а ради фантастическихъ аксессуаровъ и драпировокъ, ради неопредѣленныхъ сильныхъ ощущенийъ, сопровождающихъ эти аксессуары. Мальчикомъ онъ весьма сочувствовалъ декабристамъ, рассказы о которыхъ окружались въ то время мракомъ таинственности и которыхъ онъ рисовалъ себѣ въ видѣ заговорщиковъ въ черныхъ плащахъ на красной подкладкѣ, съ книжками въ рукахъ. Не имѣя ни малѣйшаго понятія о томъ, что это были за люди, какія у нихъ были дѣла, онъ любилъ ихъ (по его собственнымъ словамъ), „точно такъ же, какъ любилъ всякихъ графовъ С. Жерменъ, Калиостро, Пиеагора, египетскіе іероглифы, Экартсгаузена и вообще все загадочное и таинственное“. И совершенно въ такомъ же родѣ, взрослымъ (какъ онъ самъ говоритъ, „вслѣдствіе своего общаго мистическаго и фантастическаго настроенія“) онъ сначала сталъ заниматься восточными языками, потомъ сталъ мечтать быть юнкеромъ, офицеромъ, идти съ своимъ войскомъ на батарею, на приступъ и оказывать чудеса храбрости, затѣмъ сдѣлался эмигрантомъ и т. д., не имѣя ни малѣйшаго представленія о дѣйствительныхъ живыхъ цѣляхъ всѣхъ этихъ занятій и призваній. Когда онъ описываетъ свою жизнь, то искренно считаетъ себя героемъ новыхъ идей. Но и тутъ получается все то же положеніе; какъ показываетъ Михайловскій, онъ этихъ идей „не пережилъ, не переварилъ, даже хорошенько не передумалъ“. Онъ его привлекали, но онъ такъ же не имѣлъ объ нихъ ни малѣйшаго понятія, какъ и о графѣ С. Жерменѣ, о Калиостро и т. п. Вообще, всѣ идеи, которыми онъ увлекался, были въ его жизни не при чемъ, и во всѣхъ его удивительныхъ превращеніяхъ онъ былъ „жертвой нашего прошедшаго“, которое уносило въ обаятельный міръ подвиговъ и путешествій того прошедшаго, въ которомъ такъ отвратительно переплетались барство и рабство. Оно сдирало съ мужика послѣдній грошъ на благотворительное дѣло, но не умѣло сводить прихода съ расходами; оно дѣлало изъ человѣка нѣчто безформенное и безличное—въ родѣ гороховаго киселя: „его можно вылить и просто на тарелку, и въ видѣ башни какой-нибудь, но и тутъ, и тамъ—будетъ все тотъ же кисель гороховый“.

Таковъ конкретный образъ, вывѣченный изъ дѣйствительности, которымъ Михайловскій въ началѣ своей дѣятельности охарактеризовалъ воздѣйствіе „старой русской исторіи“ на душевный строй личности. Основной ея мотивъ — фантастика безсвязнаго, произвольнаго отношенія къ дѣйствительности, воспитавшая личность въ привычкѣ не переживать, не переваривать и даже не передумывать тѣ задачи, которыми она увлекается. Выражаясь наглядно, эта была та фантастика, которая поучала рыцарей всевозможныхъ высокихъ идей не задаваться вопросомъ, на чьи деньги они изволятъ путешествовать и къ чему ихъ такое путешествіе обязываетъ — да и вообще обязываетъ ли къ чему-нибудь? Въ результатѣ такого отношенія къ своимъ высшимъ идеямъ и задачамъ — бессодержательность стремленій, безличность побужденій.

Не знаемъ, рассчитывалъ ли въ 1868 г. начинавшій свою дѣятельность писатель, что „старая русская исторія“ будетъ еще долго требовать своихъ жертвъ. Но черезъ 30 лѣтъ, на склонѣ своей жизни, онъ со скорбью и горечью жалуется и возмущается противъ того же зла, лежащаго въ основаніи „современной смуты“. Въ 70-хъ, 80-хъ и 90-хъ годахъ, разбираясь въ возникавшихъ умственныхъ и нравственныхъ теченіяхъ, не уставая бороться съ путаницей и противорѣчіями, онъ принужденъ былъ неустанно возвращаться къ идеѣ, что дѣло не въ тѣхъ или другихъ противорѣчіяхъ. Самые противорѣчія представлялись ему только отраженіемъ особаго характера или, скорѣе, безхарактерности задачъ и стремленій, привлекающихъ и увлекающихъ общество и ея представителей. Все дѣло въ фантастической произвольности стремленій, въ безотвѣтственномъ къ нимъ отношеніи, что и влечетъ за собой спутанность и неопредѣленность идей и побужденій. Не переживаемыя, не перевариваемыя и не продумываемыя, вообще не связываемыя съ реальными условіями жизни, идеи и стремленія — каковы бы онѣ ни были, — только играютъ въ руку роковымъ силамъ „старой русской исторіи“.

Возвращаясь къ характеристикѣ вліяній этой „старой исторіи“ черезъ много лѣтъ, въ статьѣ о Шелгуновѣ, Михайловскій приводитъ со словъ Шелгунова слѣдующую характеристику Николаевской эпохи *):

„Дорожить насъ не приучили ничѣмъ, уважать мы также ничего не уважали: но за то начальство старательно водворяло въ насъ чувство страха. Имъ (то есть чувствомъ страха) у насъ постоянно злоупотребляли. Когда же всѣ общественныя связи основаны только на страхѣ и страхъ, наконецъ, исчезаетъ, тогда ничего не остается, кромѣ пустого пространства, открытаго для всѣхъ вѣтровъ“.

Иллюстрируя и развивая эту характеристику, Михайловскій говоритъ:

*) Соч. V, 359 и. д. Замѣчательную характеристику Николаевской эпохи см. въ ст. „Преступленіе и Наказаніе“, Соч., II, особенно стр. 59 и д.

Целыя поколѣнія съ упорною послѣдовательностью и исключительностью готовились къ двоякой роли: приказывающихъ и исполняющихъ приказанія, и въ результатъ получались настояще виртуозы той или другой функции, наумительно приладившіеся къ воспитавшей ихъ системѣ. Но когда область дѣятельной функции сужилась и расшаталась, эти превосходнѣйшіе въ своемъ родѣ специалисты естественно должны были очутиться въ положеніи рыбъ, вытѣсненныхъ изъ воды, а о выработкѣ того, что требовалось новымъ историческимъ моментомъ,—самостоятельной мысли, знаній, твердыхъ убѣжденій, чувства собственнаго достоинства и признанія таковаго за другими—система не заботилась и не могла, по самому существу своему, заботиться... Гордая своею художественною законченностью, система не добивалась чьего бы то ни было уваженія, любви, сознательной преданности, она довольствовалась страхомъ и формальнымъ исполненіемъ приказаній. „Не разсуждай, а исполняй“ — требовала система, требовала жестоко, неумолимо. И потому — здесь одно изъ двухъ: или душа опустошалась совершенно, превращалась въ пустыя рамки, которыя не заключали въ себѣ никакой картины, никакого образа и подобія; или же разсужденіе и вообще внутренняя жизнь складывалась безъ всякаго вліянія со стороны системы; ей нечѣмъ было вліять“.

При этомъ „ошибка системы, — говоритъ Михайловскій, — ошибка, часто повторяющаяся въ исторіи и составляющая, повидимому, даже необходимую принадлежность наиболѣе мрачныхъ ея періодовъ,—состояла въ увѣренности, что опустошенныя души являются лучшею опорой существующаго порядка“. Между тѣмъ никогда этого не бываетъ и быть не можетъ. „При первомъ удобномъ случаѣ жертвы опустошенія съ чрезвычайною легкостью проникаются враждебными системѣ элементами“. Кто ничѣмъ не дорожитъ, ничѣмъ опредѣленнымъ не проникся, а главное — не считаетъ себя по совѣсти ответственнымъ ни за что, тотъ, и повинувшись, не представляетъ сколько-нибудь надежной опоры. Поэтому

„жестоко ошибаются тѣ,—говоритъ Михайловскій,—кто ликуютъ при видѣ тиши и глади, господствующихъ въ мрачные исторические періоды всеобщаго обезличенія. Въ этой тиши, подъ всеподавляющимъ гнетомъ дисциплины, копится матеріалъ, совершенно несоотвѣтствующій близорукимъ ожиданиямъ. Тихо-то оно тихо, но система, воспитывающая барановъ, не должна бы собственно удивляться, когда въ одинъ прекрасный день все стадо шаркается въ сторону. Такъ и было въ шестидесятыхъ годахъ, къ великому, но совершенно неосновательному удивленію близорукихъ людей“.

Въ идеалистической сторонѣ эпохи, предшествовавшей шестидесятымъ годамъ, въ такъ называемыхъ идеяхъ сороковыхъ годовъ, наиболѣе характернымъ Михайловскому представлялось то, что чрезмѣрная неопредѣленность и расплывчатость этихъ идей дѣлала ихъ непригодными для воплощенія въ практической жизни. Тутъ были все формулы такого рода, какъ, наприкладъ, искусство, наука, философія, литература, гуманизмъ и т. п., которыя ни къ чему не обязываютъ и потому даже не имѣютъ шансовъ по-своему влиять на жизнь,—по-своему группировать и связывать ея составные элементы. Отзывчивые люди 40-хъ годовъ могли

очень увлекаться ими, даже испытывать страданіе отъ несоответствія ихъ съ дѣйствительностью, чувствовать себя „лишнимъ лицомъ“. Но хотя бы „они (какъ, напр., Степанъ Трофимовичъ Верховенскій въ „Всѣхъ“) всю жизнь ныли, плакали, терзались, несли свое нѣтье въ публику, на торжище и стогна“,—однако „они и не дѣлали рѣшительно ничего для прекращенія своихъ мученій“. Въ этомъ отношеніи знаменательно отличие въ положеніи Тургеневскаго Нежданова сравнительно съ лишними людьми 40-хъ годовъ. Онъ страдаетъ такимъ же душевнымъ разладомъ, какъ и они, но у него этотъ разладъ разрѣшается самоубійствомъ. Это зависитъ не отъ того, что онъ сильнѣе духомъ, а отъ того, что увлекающія его идеи стали опредѣленнѣе, яснѣе и, стало быть, рѣшительнѣе предъявляютъ извѣстныя требованія. „Въ прежнія времена, говоритъ Михайловскій, эти страданія только мѣшали бы человѣку жить, но не обязывали бы его умереть, потому что, благодаря неясности его идеаловъ, человѣкъ этотъ могъ бы за что-нибудь въ нихъ уцѣпиться. Нежданову не за что уцѣпиться... и адъесъ не можетъ быть мѣста продолжительному обману и самообману“. Бѣлая опредѣленность идей несетъ съ собой то, что онѣ къ чему-то обязываютъ, что онѣ способны руководить человѣкомъ, и это-то вноситъ въ манеру относиться къ идеямъ живой, оживляющій элементъ искренности и убѣжденности.

Неоднократно возвращаясь къ характеристикѣ и обсужденію движенія 60-хъ годовъ *), Михайловскій горячо защищалъ жизнеспособное зерно этого движенія, которое, по его убѣжденію, останется жизнеспособнымъ еще многіе и многіе годы. Оно состояло въ стремленіи добыть себѣ вѣру и для этого прежде всего провѣрить и отдать себѣ сознательный отчетъ въ тѣхъ идеалахъ и задачахъ, которые имъ вручила предшествовавшая эпоха. Руководясь тѣмъ положительнымъ наслѣдствомъ, которое предшествующимъ поколѣніемъ удалось, цѣною огромныхъ усилій и жертвъ, выработать вопреки господствующему строю жизни, шестидесятники подвергали смѣлой беспощадной критикѣ всѣ тѣ формы жизни, на которыя, по выраженію Михайловскаго, существовать „своего рода принудительный курсъ“. Эта критика облегчена была событіями самой жизни, которая выступила въ крымскую кампанію въ роли практическаго критика. Здоровые и живые элементы той эпохи въ этой критикѣ искали не дешевыхъ успѣховъ, а возможности обрѣсти такія задачи и интересы, которые личность можетъ уважать, въ которые она можетъ вѣрить, которыми можетъ дорожить по своей доброй волѣ, искренно, а не вслѣдствіе „принудительнаго курса“. Правда, въ критикѣ наслѣдства предшествую-

*) О шестидесятихъ годахъ см. Соч., I, 360—70; 390; 817—20; IV, 20, 22, 35—41 и д., 68; V, 350 и д., 376, 376 и д. Лит. восп., I, гл. восьмая—268 и д. Отклики, II, 150.

щей эпохи „реальности“—шестидесятники хвѣтали черезъ край. „Обрубая ходули, на которыхъ ходилъ человѣкъ, они иногда заодно обрубали и ноги“, отвергая фальшивую любовь и фальшивые идеалы, они договаривались до утвержденій, что любви нѣтъ, а есть половое влеченіе; что жертва есть фикція, нѣчто въ дѣйствительности не существующее, сапоги въ смятку; нравственно все, что естественно, человѣкъ есть рабъ обстоятельствъ; наука должна служить исключительно практическимъ цѣлямъ; законы исторіи неперемѣнны, и т. п. Но всѣ эти крайности были явными уклоненіями отъ основной здоровой тенденціи „реалистовъ“. Всѣ такіе парадоксы были явнымъ насиліемъ надъ собственной природой, и тѣ, кто ихъ провозглашалъ, сами не могли въ нихъ вѣрить. Когда Писаревъ, сидя въ крѣпости за политическую неблагонадежность, весьма пространно и азартно доказывалъ, что „мыслящій реалистъ“ долженъ сидѣть за естественными науками, дѣлать свое дѣло и не мѣшаться въ чужія, что ему должно быть все равно, какъ живутъ другіе, то не могъ онъ дѣйствительно серьезно вѣрить въ это. Онъ просто приносилъ въ жертву свои истинныя глубоко-интимныя побужденія мнимо логическимъ выводамъ изъ положеній реализма. Въ сущности же онъ этими выводами и не думалъ руководиться. „А что дѣлалось между нами—говоритъ Михайловскій—не писавшемъ, а просто жившемъ молодежью того времени...

Какъ мы, искатели истины, лгали и ломались, преклоняясь передъ Базаровымъ! Какъ бравировали мы базаровскимъ „богатымъ тѣломъ“, черствостью и т. п., когда намъ такъ хотѣлось любить! Какъ трещалъ на насъ по всѣмъ швамъ узкій, яко бы реалистическій мундиръ, который мы, подъ влияніемъ увлеченія и травли, старались напялить на себя во что бы то ни стало!— Мало того, когда травля выхватывала изъ среды такъ называемыхъ новыхъ людей какихъ-нибудь уродовъ, буквально понимавшихъ и практиковавшихъ наши краткія и грубыя формулы, которыя имѣли для насъ вообще только теоретическое значеніе и которымъ мы вовсе не слѣдовали на практикѣ, когда травля выхватывала такихъ уродовъ и снимала съ нихъ фотографію, мы даже брали уродовъ подъ свою защиту и старались нанизать на нихъ свои мысли и чувства“.

Всѣ эти крайности и уродства были уклоненіями отъ прямой и ясной основной тенденціи; онѣ были результатомъ непродуманностей и незрѣлости мысли. Людямъ новаго поколѣнія хотѣлось порвать со всеми отжившими и мертвыми обязательствами, которыми жила предшествующая эпоха. И такъ какъ она говорила объ идеалахъ, о самоотверженіи, о любви и красотѣ, то новые люди считали нужнымъ все это сплошь отрицать, — конечно, въ фантазіи, т. е. въ томъ мірѣ, въ которомъ рыцари могутъ путешествовать, не спрашивая себя, къ чему ихъ это обязываетъ и какъ вообще овести концы съ концами. Даже помню явныхъ крайностей, образцы которыхъ приведены выше, самое намѣреніе порвать со

своимъ прошлымъ во всякомъ случаѣ заключало въ себѣ элементы фантастическаго производа. Вырывая клочокъ изъ будущаго, они хотѣли его связать съ настоящимъ, которое съ нимъ не гармонировало. Если бы дальнѣйшій ходъ исторіи далъ новымъ людямъ возможность провѣрить свои отвлеченныя формулы, передумать ихъ, пережить и переварить свои идеи, вообще свести концы съ концами, тогда само собой отпало бы все, что въ нихъ было чужого, фальшиваго и непригоднаго. Но именно такому процессу имъ не удалось подвергнуться. И онѣ такъ и остались фантазіей, не исправленной живымъ общеніемъ съ дѣйствительностью, не провѣренными въ живой и широкой атмосферѣ послѣдовательной общественной работы.

Да такой работы и не было. Общество по прежнему оставалось въ „пустомъ пространствѣ, открытомъ для всѣхъ вѣтровъ“, и, какъ стадо барановъ, безхарактерно кидалось изъ стороны въ сторону, предоставляя „рыцарямъ“ (да и не однимъ рыцарямъ) странствовать на прежній беззаботный манеръ.

Семидесятые годы, этотъ „героическій“ періодъ дѣятельности Михайловскаго, когда онъ съ молодымъ воодушевленіемъ и съ молодой вѣрой въ осуществимость своихъ идей излагалъ свою положительную программу, сопровождался у него страстными и продолжительными обличеніями общества въ шатаніи и безпринципности. Съ одной стороны, въ обзорѣняхъ литературныхъ онъ доказывалъ, что духовному оскуднѣнію, на которое жаловалось общество, одинъ исходъ—въ служеніи интересамъ народа. А съ другой—не переставалъ громить тѣ духовныя теченія, которые порождаютъ „Ивановъ Непоминащихъ“, забывающихъ сегодня то, что они говорили вчера, съ ихъ беззаботной растерянностью мыслей и беззащитчивой распущенностью интересовъ. Длинный рядъ фельетоновъ за 1874, 1875 и 1877 г.г. соответственно этому носитъ общее заглавіе „Изъ дневника и переписки Ивана Непоминащаго“.

Въ одномъ изъ этихъ очерковъ Михайловскій отъ имени „незнакомца“ обращается съ негодующей рѣчью къ той толпѣ, которая въ петербургскомъ университетѣ аплодировала Владиміру Соловьеву. Соловьевъ пріѣхалъ изъ Москвы защищать диссертацию, направленную противъ позитивистовъ. На взглядъ Михайловскаго, особенно поразительной картина получилась оттого, что Соловьевъ пріѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ, въ это логовище Минотавра, сосредоточіе „либераловъ, радикаловъ и неготовыхъ нигилистовъ“, и открыто бросилъ имъ въ глаза заявленіе, что ихъ позитивизмъ не есть философія, а „волчье царство въ философіи“, „хозяйничаніе волковъ въ запустѣлой деревнѣ“. И вы, бараны, говоритъ незнакомецъ слушателямъ, даже не дали Соловьеву возможности совершить подвигъ, не доставили ему повода для борьбы. Вы, только что онъ показалъ вамъ палецъ,

заготовили и зааплодировали, поклонились всему, что сияло, и ожгли все, чему поклонились!"

Одинъ изъ апплодировавшихъ Ивановъ Непомнящихъ перебиваетъ „незнакомца“ словами: Позвольте, вы вѣроятно позитивистъ, и вамъ просто обидно, что вашъ противникъ удостоился такихъ овацій?

— Нѣтъ, барашекъ, нѣтъ,—отвѣчаетъ незнакомецъ.—Я не позитивистъ, хоть и съ г. Соловьевымъ не въ одномъ лагерѣ обрѣтаюсь. Да не въ этомъ совѣсть и дѣло. Не „противникъ мой“, не г. Соловьевъ меня занимаетъ, много у насъ было такихъ мыслителей и много ихъ еще будетъ. Меня въ занимаете, вы, публика, для которой работаютъ и г. Соловьевъ, и люди совершенно противоположнаго образа мыслей и дѣяній. Если бы г. Соловьевъ былъ мой alter ego и я съ чистой совѣстью могъ бы подписаться подъ каждой его строчкой, такъ и то я не порадовался бы сегодняшнему диспуту. Штурмъ крѣпости, выносящей ключи побѣдителю, когда онъ еще не успѣлъ зарядить своихъ пушекъ! Побѣда въ пустомъ пространствѣ! Куда какъ лестно! Нѣтъ, не завидую я г. Соловьеву. Мнѣ не то обидно, что онъ удостоился вашихъ овацій. Мнѣ обидно вспоминать о тѣхъ людяхъ, которые старались—и, казалось, не безъ успѣха—вложить въ ваши головы понятіями сегодня оплеванныя. Мало ли людей погибло изъ за васъ. Теперь много говорить о дряблости литературы, и вы, барашки, чего добраго, участвуете въ этихъ разговорахъ. Да у кого же не опустятся руки, глядя на васъ, глядя на то, какъ вы забываете сегодня все, чему апплодировали вчера?"

Въ этой тирадѣ, рядомъ съ шаткостью идей и увлеченій, отмѣчено обстоятельство, къ которому Михайловскій возвращался очень охотно. Это обстоятельство тѣмъ болѣе интересно, что оно охватываетъ чрезвычайно большой кругъ проявленій той фантастики, которая такъ легко возникаетъ въ „пустомъ пространствѣ, открытомъ для всѣхъ вѣтровъ“, гдѣ идеи не могутъ быть проверены и передуманы въ послѣдовательной живой работѣ. Обстоятельство это заключается въ наблюденіи, что при извѣстныхъ условіяхъ между преклоненіемъ предъ чѣмъ нибудь и презрѣніемъ къ тому же предмету нѣтъ существенной разницы. Это именно бываетъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ преклоняется предъ чѣмъ нибудь (или презираетъ), что ему по какимъ либо причинамъ чуждо и незнакомо, или когда онъ это дѣлаетъ во имя началъ, которыя ему чужды и мало понятны *). При подобныхъ условіяхъ преклоненіе и презрѣніе даже чрезвычайно легко переходятъ одно въ другое, какимъ-то образомъ тѣсно переплетаясь. Да оно и естественно. Когда человѣкъ самъ не знаетъ того, что онъ уважаетъ и во имя чего, то какое же это уваженіе? и что стоитъ такому уваженію обратиться въ столь же легковѣсное презрѣніе?

Въ примѣненіи этого положенія къ неопредѣленнымъ общимъ идеямъ, унаслѣдованнымъ отъ прошлаго, отъ старой русской исторіи, Михайловскій не разъ останавливался на одной изъ нихъ, очень

*) См. ст. Суздальцы и суздальская критика. Соч. IV 69 и д.

для него характерной; не разъ, какъ будто наперекоръ своимъ инстинктивнымъ личнымъ вкусамъ, онъ протестовалъ противъ уваженія къ абстрактной литературѣ и „литературному человѣку“. Именно вслѣдствіе своей общности и неопредѣленности это уваженіе, говоритъ Михайловскій, ничѣмъ не отличается отъ презрѣнія, будучи уваженіемъ неизвѣстно къ чему. Въ старыя времена „написать человѣкъ стихотвореніе, повѣсть, выразить въ стихахъ или прозѣ „благоговѣйное уваженіе къ наукѣ“, и дѣло въ шляпѣ: онъ литераторъ“. У людей являлось о немъ „представленіе, какъ о „литературномъ человѣкѣ“, писателѣ вообще, какъ о странномъ какомъ-то знатномъ иностранцѣ, вызывающемъ благоговѣйное отношеніе къ себѣ, совершенно независимо отъ содержанія его писаній. Писатель, литераторъ и конецъ: значить какой-то особенный человѣкъ, на котораго даже посмотрѣть любопытно; а представляеть ли онъ изъ себя Богу свѣчку или чорту кочергу — это въ расчетъ не берется. Съ перваго взгляда кажется, что въ такомъ отношеніи къ писателю скрывается глубокое уваженіе. На самомъ-же дѣлѣ, тутъ уваженія нѣтъ ни капли, а есть только полная отчужденность: ты, молъ, не нашъ, намъ съ тобой не дѣтей крестить, не пиво варить, а посмотрѣть на знатнаго иностранца ничего, любопытно — можетъ быть, у него какіе узоры на лицѣ разрисованы. Отчужденность особенно выражается этимъ нежеланіемъ или неумѣніемъ проникнуть во внутреннюю жизнь писателя, посмотрѣть, чѣмъ, именно, живетъ его душа, какому онъ Богу молится... Я осмѣливаюсь утверждать, говоритъ Михайловскій, что тѣ дикіе люди, которые гонятъ какого-нибудь несчастнаго корреспондента, раскрывшаго губернскія тайны, и рекутъ на него всякъ зодъ глаголь, много ближе къ правильному пониманію вещей, чѣмъ тѣ, кто смотритъ на литератора, какъ на знатнаго иностранца. Они дикіи и звѣроподобны — это правда, но они, по крайней мѣрѣ, видятъ въ литераторѣ нѣкоторую общественную силу, съ которой надо считаться, которая можетъ нанести имъ ущербъ, которая имъ, слѣдовательно, хоть и враждебна, но все-таки близка“. Неопредѣленное общее преклоненіе предъ литературой, все равно какъ и общее высокомерное къ ней отношеніе, можетъ держаться только на отчужденности отъ нея, на непониманіи ея задачъ. И обомъ этимъ отношеніямъ естественно переходитъ одно въ другое, такъ какъ ни то, ни другое не связаны ни съ чѣмъ реальнымъ, — ни къ чему не обязываютъ и не даютъ ничего руководящаго. Оба они въ лучшемъ случаѣ выражаютъ полное равнодушіе къ литературѣ и ея задачамъ. При такихъ условіяхъ не можетъ быть рѣчи ни о настоящемъ уваженіи къ ея достоинствамъ, ни разумнаго возмущенія противъ того зла, которое она способна нести. Поэтому когда литераторы, призванные въ руководители общественной мысли, въ своемъ „уваженіи“ къ задачамъ печатнаго слова не знаютъ ни-

чего лучше этой неопределенной точки зрѣнія, то они не въ силахъ возбудить дѣйствительное уваженіе ни къ себѣ, ни къ литературѣ. Литература, лишенная принциповъ, во имя которыхъ она требуетъ уваженія и которые были бы достаточно определенными, чтобы послѣдовательно руководить, является растерянной и распушенной прислужницей чего поало; „ловя моментъ“, она легко оказывается вынужденной наживлять удочку приманками для самыхъ грубыхъ инстинктовъ, питать въ обществѣ всякіе предрассудки, нелѣпое самолюбіе, страсть къ скандалу и т. п. Она вызываетъ къ себѣ тотъ видъ презрѣнія, съ которымъ потребители относятся къ шутамъ, сводникамъ и другимъ представителямъ профессій постыдныхъ, но сумѣвшихъ одѣлаться удобными для потребителей.

Съ характернымъ протестомъ противъ требованія определенныхъ взглядовъ въ литературѣ выступилъ въ эпоху, когда объявилось „откровенное направленіе“ (это было въ 70-ые годы), известный Егений Марковъ. Протестуя противъ господства въ литературѣ „кружковщины“, „партиѣности“, оскорбляющихъ жизнь отсутствіемъ престопа и свободы, онъ упрекалъ литературу въ „талмудизмъ“ и „цеховой замкнутости“, въ тупой преданности разъ навсегда усвоеннымъ, неподвижнымъ принципамъ. Во имя „смѣлой, бодрящей вѣры въ разнообразіе и широту міра“, онъ требовалъ подчиненія „инстинкту внутреннего равновѣсія“, который не даетъ человѣку заморозиться въ мертвомъ принципѣ, а побуждаетъ смотрѣть на вещи сегодня такъ, а завтра иначе, въ зависимости отъ требованій жизни. Михайловскій—въ статьѣ, посвященной этой удивительной защитѣ безпринципности, систематически, по пунктамъ, разбираетъ противорѣчія Маркова и недоумѣваетъ, „какое же это, въ самомъ дѣлѣ, равновѣсіе, когда то одна чашка вѣсовъ подсказываетъ кверху, а другая стучается о подставку, то наоборотъ? Какое это равновѣсіе, когда человѣкъ сегодня объявляетъ петровскую реформу благомъ, а завтра зломъ и т. п.“ И подходи съ разныхъ сторонъ къ разсужденіямъ Маркова, Михайловскій сводитъ все къ вопросу, что можетъ быть дорого писателю, отстаивающему свободу отъ определенныхъ взглядовъ, чѣмъ онъ дорожитъ и къ чему собственно стремится? „Прекрасны цвѣты моего сада, прекрасенъ баранъ, обгладывающій цвѣты, прекрасенъ волкъ, пожирающій барана, прекрасна борзая собака, хватающая волка за горло. Но,—заканчиваетъ Михайловскій свою статью,—всего въ природѣ прекраснѣе, жнѣ, кажется угорь. И именно въ тотъ, нѣсколько даже фантастическій моментъ, когда онъ, къ величайшему изумленію кухарки, совершенно отпрепарированный, выполняетъ изъ пирога“. Проповѣдь широты жизни съ подобной точки зрѣнія оказывается принципиальной защитой безучастно-распущенного отношенія къ дѣйствительности, низводящаго литературу на одинъ уровень съ

бездѣльными шутовствомъ. И если литературныхъ шутковъ нельзя поставить на одну доску съ странствующими рыцарями, то въ всякомъ случаѣ про нихъ можно сказать, что они не очень озабочены тѣмъ, на чей счетъ они гаерствуютъ. Да и вообще развѣ шуты способны задавать себѣ серьезные вопросы и заботиться о сведеніи концовъ съ концами?

II.

Начиная съ конца 70-хъ и въ теченіе всѣхъ 80-хъ годовъ, а отчасти и дальше, Михайловскому пришлось особенно много имѣть дѣло съ двумя нравственно-политическими теченіями. Одно изъ нихъ—національно-патріотическое, берущее свое начало отъ славянофильства *); другое—сводящееся къ идеѣ, что намъ нужны не учрежденія, а личное самосовершенствованіе. Въ томъ, какъ судилъ объ нихъ Михайловскій, мы имѣемъ характеристику очень значительныхъ явленій въ умственной жизни русскаго общества.

Относительно старыхъ славянофиловъ ему представлялось характернымъ, что при всей ихъ фантастичности, они вѣрили въ то, что говорили. „Восторженная искренность и наивная вѣра, сквозившая въ каждой строкѣ первоучителя славянофильства (К. Аксакова), до извѣстной степени не то, что оправдывали дикость и грубость мысли, но, по крайней мѣрѣ, придавали ей отѣнокъ фанатизма, при которомъ человекъ въ себѣ не властенъ“. Но у ихъ послѣдователей, явившихся при совершенно иныхъ историческихъ условіяхъ, этого не могло быть и не было. Разбирая въ 1874 г. статью г. Дмитриева-Мамонова, выступившаго на защиту славянофильства, Михайловскій показываетъ, — опираясь, между прочимъ, на полемику съ г. Мамоновымъ И. С. Аксакова, — что Мамоновъ въ концѣ концовъ оказывается настолько безхарактернымъ по своимъ воззрѣніямъ, что его только въ очень малой степени можно считать славянофиломъ, хотя самъ онъ желаетъ быть таковымъ. Защищая славянофильство отъ г. Пыпина, онъ его фильтруетъ, — онъ „двусмысленно туманно освѣщаетъ положительную сторону славянофильства, его понятія о народности и православіи, и въ то же время направляетъ непропорціонально яркій свѣтъ на его отрицательную сторону, на его

*) Сужденія Михайловскаго на эту тему разбросаны на всемъ протяженіи его сочиненій, и читатель, который возьметъ на себя трудъ пересчитать ихъ одно за другимъ, навѣрное не пожалѣетъ потраченного труда. О націонализмѣ и патріотизмѣ см. Соч. I, 741—51, 767; II, 85—7, 594—7, 762 и д. III, 753—4, 767—8, 762 и д., 790, 792, 825—32, 836 и д., IV, 446 и д.; 522; 899; 940 и д., 952; V, 171—2, 470—1 и д., 604 и д. 614, 618, 763—4; VI, 271; Лит. восп. II, 204—216, 225—232. О славянофильствѣ см. Соч. II, 571 и д. до 578; III, 452—9, 497, 760 и д., 769; IV 432—50; 686—9, 951, 1000 и д. 1012, 1020; VI, 273—5. Лит. восп. I, глава XI, 378—415.

протестъ противъ чиновичества, противъ подражательности". И. С. Аксаковъ энергично протестовалъ противъ этихъ пріемовъ Мамонова, увидавъ въ нихъ отступничество отъ славянофильства. Но когда въ 1880-мъ году самъ онъ выступилъ въ своей „Руси“, то, Михайловскій, опять таки не вдаваясь въ споръ противъ доктринъ славянофильства по существу, предъявилъ къ разсужденіямъ Аксакова только требованіе ясности и опредѣленности — яснаго и опредѣленнаго рѣшенія тѣхъ жгучихъ вопросовъ, которые жизнь настоятельно предъявляла обществу въ эту бурную и тяжелую эпоху (см. V, 1004). Онъ считалъ себя вправе требовать отъ Аксакова рѣшеній, дающихъ нѣчто опредѣленно-руководящее, — соответствующее основнымъ принципамъ самого славянофильства. Аксаковъ въ одной изъ первыхъ статей заявилъ, что „настоящая пора — пора великой исторической важности“, а затѣмъ, прежде всего, нашелъ необходимымъ, чтобы было брошено подражаніе иноземнымъ образцамъ, чтобы Русь стала Русью, чтобы русская правда засіяла самобытнымъ свѣтомъ и прочее въ такомъ же родѣ. Михайловскій называетъ эти требованія „чрезвычайно старой мѣсней, имѣющей обыкновенно нечастье разноситься туманомъ, не сгущаясь въ сколько-нибудь опредѣленныхъ формы“. Волѣдъ затѣмъ Аксаковъ перешелъ къ вопросу о дальнѣйшемъ слѣдованіи по пути „реформъ“ и объ „увѣнчаніи зданія“ по европейскимъ образцамъ. При этомъ оказалось, что по мнѣнію Аксакова, самаго зданія еще нѣтъ, а есть только двѣ истинныя историческія основы его, двѣ державы: это — русскій народъ и единоличная верховная власть. И задача, подлежащая Россіи, заключается не въ „увѣнчаніи зданія“ и не въ „реформахъ“, а въ томъ, чтобы просить земскихъ и другихъ людей „поразвѣдать мысль крестьянъ и прочихъ классовъ уѣзднаго общества, и попытаться начертать обдуманно, на мѣстахъ, сообщая планы мѣстнаго самоуправленія“. При этомъ, особенно поражаетъ Михайловскаго замѣчаніе Аксакова: „не бѣда, если наши труды не будутъ приняты въ соображеніе и останутся внѣ всякаго практическаго примѣненія: работа будетъ, во всякомъ случаѣ, полезна для просвѣтленія нашего самосознанія“. Въ результатѣ громкихъ словъ о „давнихъ подвигахъ“ и „невиданныхъ міромъ силахъ“ — предложеніе „интеллигентнымъ земскимъ силамъ“ тратить время на начертаніе уѣздныхъ конституцій для просвѣтленія собственнаго самосознанія и на превращеніе въ школьниковъ, пишущихъ сочиненія на заданныя темы, напиримѣръ, о восходѣ солнца, для упражненія въ стилѣ“. А тѣмъ временемъ полное равнодушіе къ интересамъ того самаго народа, который составляетъ „историческую основу“ Россіи. Долой интеллигенцію, и да здравствуетъ народъ, возглашаютъ сторонники этого взгляда. Но при этомъ получается такая любопытная комбинація, ярко рисующая безхарактерность основныхъ началъ славянофильства въ этомъ періодѣ.

его развитіи: изъ уваженія къ требованіямъ народа (его совѣти и вѣрованія) театры въ посту должны быть закрыты; что же касается народнаго пониманія хозяйственныхъ отношеній, то тутъ не у народа надо справляться, а у интеллигентнаго человека, Самарина, который сочинилъ теорію достаточности надѣловъ. Въ цѣломъ, получается тенденція—задавить подъ предлогомъ народныхъ идеаловъ, великія международныя вещи и... и всетаки ничего не дать народу. Для славянофиловъ съ идеей патріотизма неразрывно связывается требованіе о независимости отъ Западной Европы, о національномъ рѣшеніи національныхъ задачъ. И въ то же время они же абсолютно ничего не имѣютъ противъ всевозможныхъ заимствованій и рѣшеній задачъ въ области экономической, опять таки не справляясь при этомъ съ интересами „державы“-народа. „Осмотрите, говоритъ Михайловскій, и вы увидите, что мы еще не имѣемъ лучшаго изъ того, что создано вѣковымъ трудомъ Европы, но уже имѣемъ слишкомъ много изъ ея печальнаго и грязнаго наслѣдія. Индѣ въ зародышѣ, а индѣ даже въ преувеличенномъ размѣрѣ, подъ ѳнію нашего недостроеннаго зданія разрастается многое европейское, съ тѣмъ сама Европа, по крайней мѣрѣ, имѣетъ возможность бороться. Апплодируя торжественному вшествію „банкирской“ и желѣзнодорожной Европы, смѣшно запираетъ двери передъ Европой политическою и научною“.

Такимъ образомъ, два коренныхъ принципа славянофиловъ—народъ и независимость отъ подражанія Европѣ—не выжились у И. Аксакова другъ съ другомъ. Поэтому произвольно выставляя то одинъ, то другой изъ нихъ, онъ, такъ сказать, поневолѣ проявлялъ равнодушіе и безучастіе то къ одному, то къ другому изъ этихъ дорогихъ славянофильству началъ. И въ основѣ всего этого не то высокомерное, не то смиренное равнодушіе къ практической приложимости собственныхъ идей,—все то же равнодушіе странствующихъ рыцарей къ тому, на чьихъ деньгахъ они странствуютъ.

Чѣмъ дальше, тѣмъ рѣже давали себя чувствовать эти ошества у адептовъ славянофильства; чѣмъ больше становилось несоотвѣтствіе ихъ узкихъ формулъ и догматовъ съ усложняющимися задачами жизни, тѣмъ сильнѣе обострялась расплывчатая, произвольная фантастичность этихъ идей и индифферентное отношеніе къ ихъ дѣйствительному осуществленію. При этомъ выходило даже такъ, что именно въ неясности и безхарактерности, въ отсутствіи въ этихъ формулахъ чего-нибудь руководящаго и къ чему-нибудь обязывающаго, заключалась какая то особенная притягательная сила ихъ.

Въ началѣ 1890-хъ годовъ въ защиту славянофильства выступилъ г. Розановъ, при чемъ приглашалъ Михайловскаго принять „всю славянофильскую точку зрѣнія“ и пророчилъ славянофильству торжество въ будущемъ, а западничеству гибель. А между

тѣмъ, внимательный разборъ разсужденій г. Розанова далъ Михайловскому право придти къ заключенію, что г. Розановъ только одна изъ жертвъ „очень распространенной въ нынѣшней литературѣ болѣзни, вслѣдствіе которой люди говорятъ съ развязностью и даже горячностью о вещахъ, имъ неизвѣстныхъ или мало извѣстныхъ. Г. Розановъ, говоритъ Михайловскій, взялъ подъ свое покровительство славянофиловъ, не освѣживъ въ своей памяти ихъ ученій“. Онъ не далъ себѣ труда прослѣдить исторію славянофильскихъ воззрѣній. Иначе онъ бы обратилъ вниманіе на то, напримѣръ, что разныя утвержденія и предположенія Аксакова въ защиту коренной противоположности началъ славяно-русскихъ и романо-германскихъ, простительныя когда они были высказаны въ 1861 г., ни съ чѣмъ несообразны въ девяностыхъ годахъ. Ядро славянофильскаго ученія состояло въ обладаніи вселенскою истиною, а г. Розановъ въ этомъ отношеніи обнаруживаетъ полный индифферентизмъ. Словомъ, этотъ новѣйшій изъ защитниковъ славянофильскаго окончательно не умѣетъ найти въ ихъ ученіи ничего руководящаго и въ самомъ дѣлѣ привлекательнаго: его не заботитъ отношеніе этого ученія къ дѣйствительности; его даже мало интересуетъ самое содержаніе того ученія, къ которому онъ примыкаетъ, которое защищаетъ и принатіе котораго требуетъ отъ другихъ. И замѣчательная вещь, что стоя на такой непрочной почвѣ, онъ при этомъ не затрудняется опираться на „высшую Волю“. По этому поводу Михайловскій, называя ссылку на „высшую Волю“ кощунственной, высказываетъ слѣдующее:

„Безъ этой воли, какъ сказано, ни одинъ волосъ не упадетъ съ головы человѣка; это—безконечная общая скобка, въ которой совершается все, а потому и нельзя на нее ссылаться въ томъ или другомъ частномъ случаѣ. А если г. Розанову или кому другому вздумается изъ глубины собственнаго разума извлечь указанія путей народамъ: однимъ — страданіе, другимъ — борьбу, то вовсе не очевидно, что таково-же и указаніе высшей Воли. Не намъ съ г. Розановымъ говорить отъ лица этой Воли, ибо мы ея не знаемъ. Намъ только что въ пору въ своихъ собственныхъ мысляхъ разобраться. Г. Розановъ припишетъ высшей Волѣ одно, я—другое, третій—третье, и всѣ мы будемъ одинаково неправы. Намъ, простымъ людямъ, не получившимъ непосредственнаго откровенія, подобаешь говорить и дѣйствовать не отъ лица высшей Воли, а отъ своего собственнаго лица, въ упованіи, что эти наши рѣчи и дѣйствія, какъ и все въ мірѣ, не могутъ происходить вопреки высшей Волѣ“.

Опять таки, и тутъ, какъ видимъ, основная забота и центральная мысль Михайловскаго сводится къ тому, чтобы выдѣлать изъ данной совокупности воззрѣній одно: тѣ начала, которыя въ глазахъ самихъ сторонниковъ этихъ воззрѣній должны обладать силой чего-то дѣйствительно руководящаго и дѣйствительно къ чему-то обязывающаго. Гдѣ этого нѣтъ, тамъ и ссылка на высшую Волю не помогаетъ. Она не набавляетъ ни отъ расте-

рянности, ни отъ неумѣнія уважать предметъ собственныхъ своихъ стремленій. А что касается приѣма говорить не отъ своего имени, этой манеры подсовывать свои неясныя идеи таинственнымъ высшимъ силамъ,—то это не случайная черта въ данномъ строй мыслей. Она постоянно обращала на себя усиленное и очень серьезное вниманіе Михайловскаго по разнымъ поводамъ, и онъ не разъ имѣлъ случай возвращаться къ ней въ примѣненіи къ представителямъ націонализма и національнаго патріотизма. Его при этомъ всегда особенно занимала задача выяснитъ какъ можно полнѣе, отъ чьего собственно имени говорятъ и предъявляютъ свои требованія націоналисты и „патріоты“, интересы какихъ общественныхъ группъ они выдаютъ за высшія интересы всей „націи“. И анализъ его не одинъ разъ блестяще обнаруживалъ, что они обыкновенно сами этого не знаютъ. Они совершенно произвольно — чаще всего, не сознавая этого—подсовываютъ подъ знамя націи интересы очень узенькихъ группъ, входящихъ въ ея составъ *). И вслѣдствіе этой путаницы, въ результатъ очень часто, подъ красивымъ прикрытіемъ національныхъ интересовъ, сѣются сѣмена вражды между людьми, разжигаются страсти, возбуждаются самообольщеніе, нетерпимость, злоба и человѣконенавистничество,—вообще порождаются такія чувства, которыя никоимъ образомъ не соотвѣтствуютъ интересамъ страны. Въ одномъ изъ самыхъ послѣднихъ своихъ очерковъ Михайловскій удивляется „патріотизму, который состоитъ въ томъ, чтобы подъ флагомъ любви къ отечеству возбуждать вездѣ, гдѣ можно, ненависть къ этому отечеству“. И это дѣлается отъ лица національныхъ интересовъ! Позволительно въ виду этого задаться вопросомъ, дѣйствительно ли націоналисты въ своемъ патріотизмѣ знаютъ, чѣмъ собственно они дорожатъ? — или, выражаясь точнѣе—знаютъ ли они, какія руководящія начала имъ дороги? и не жертвы ли они все той же „старой русской исторіи“, которая не научила людей дорожить никакими высшими интересами, достаточно опредѣленными, чтобы руководить, и достаточно сильными, чтобы обязывать къ чему нибудь.

Среди требованій націоналистовъ есть только одно болѣе опредѣленное. Это—требованіе самобытности. Оно выражено Ренакомъ въ такой формулѣ, что „отечество“ есть „совокупность предразсудковъ и установившихся идей, которыхъ не можетъ принять все человѣчество“. Къ этой же формулѣ примыкалъ и Страховъ; а г. Розановъ, съ своей стороны, полагаетъ, что „каждый народъ долженъ строго хранить отличительную черту своей исторіи, какова бы она ни была“. Михайловскій по поводу этой фор-

*) Въ этомъ смыслѣ замѣчательную поправку къ ходячимъ понятіямъ „о любви къ отечеству и народной гордости“ сдѣлалъ Михайловскій въ одной изъ своихъ послѣднихъ статей, въ „Русскомъ Богатствѣ“ 1903, XI, особенно стр. 101.

мулы задается вопросомъ, кто же будетъ указывать, въ чемъ состоятъ эти отличительныя черты различныхъ народовъ. „Мудрецы, что ли, какіе особенные, свои, отечественные или международный ареопагъ, или г. Розановъ персонально возьметъ на себя этотъ трудъ?“ А главное то, что печальная историческая судьба иногда награждаетъ національности такими „установившимися идеями“ и такими „отличительными чертами“, въ которыхъ нѣтъ ничего хорошаго. Кто-же, спрашиваетъ Михайловскій, посмѣетъ обречь несчастный народъ на дальнѣйшее, всестороннее, „вѣковѣчное“ развитіе наложенныхъ на него судьбою мрачныхъ стигматовъ? Представитель этого народа, если онъ дѣйствительно свой народъ любить и желаетъ ему блага, конечно, не послѣдуетъ этому завѣту“.

III.

Вопросъ о томъ, что нужно обществу—личное самосовершенствованіе или „учрежденія“—въ теченіе долгихъ лѣтъ являлся для русскаго общества жгучей темой обсужденія и не менѣе жгучимъ вопросомъ практической жизни. Особенно обострился этотъ вопросъ въ концѣ 70-хъ и въ началѣ 80-хъ годовъ, а затѣмъ въ теченіе 80-хъ, отчасти и 90-хъ годовъ онъ нашелъ себѣ яркое выраженіе въ увлеченіи моральными поученіями гр. Л. Толстого. Для Михайловскаго это была одна изъ темъ, которыя его глубоко занимали; онъ къ ней настойчиво возвращался, какъ къ вопросу первостепенной практической важности, настоятельно требующему разъясненія. Особенно много онъ имѣлъ случаевъ останавливаться на этомъ вопросѣ въ связи съ отношеніемъ къ нему Достоевскаго и гр. Л. Толстого, отдавшихъ ему такъ много вниманія. Разбираясь въ ихъ стремленіяхъ и дѣятельности въ этомъ отношеніи, Михайловскій имѣлъ случай не только выяснить данный вопросъ, но и освѣтить психологическую и реальную основу тѣхъ рѣшеній, которыя ихъ привлекали.

Исходная точка Михайловскаго при этомъ заключалась въ томъ, что дѣло личнаго совершенствованія великое дѣло. Но возлагать его на одну только личность, отрѣзывая задачи личнаго самосовершенствованія отъ поддержки соотвѣтственной общественной организаціи, значитъ возлагать на личность непосильное бремя, могущее глубоко расшатать весь ея строй. Легко возникающія при этихъ условіяхъ порыванія, отчасти мистическаго характера, къ чему-то неясному, превышающему человѣческія силы, способствуютъ тому, что личность при этомъ теряетъ нормальное мѣрило человѣческихъ интересовъ. Въ своей растерянности получаетъ она склонность смѣшивать эти интересы, въ ихъ здоровой нормальной пропорціи, съ разными смутными и темными инстинктами, произвольно вырывающимися

нѣтъ общей совокупности цѣлаго организма. Инстинкты эти при такихъ обстоятельствахъ получаютъ способность къ ненормальному преобладанію. Благодаря этому, они отдають личность сплошь и рядомъ во власть побужденій, утратившихъ нормальное направленіе и свой здоровый жизненный смыслъ: они то аскетически ожесточаютъ ее противъ собственной человѣческой природы, то разнуздываютъ въ ней самыя грубыя и мрачныя стороны этой природы. Своей фантастической безмѣрностью они подкашиваютъ естественное здоровое довѣріе личности къ своимъ побужденіямъ, окутывая ее атмосферой экзальтированной фантастики.

Яркую картину этой фантастики представляетъ буддизмъ, это крайнее проявленіе личной морали самосовершенствованія, оторванной отъ общественныхъ интересовъ и задачъ.

Ученіе это явилось въ „безглагольныхъ, недвижимыхъ, мертвыхъ странахъ“, стоящихъ въ сторонѣ отъ международной жизни, въ которыхъ всѣ общественныя отношенія настолько неподвижно застыли, что никогда не является мысль поколебать ихъ въ ту или другую сторону. При этихъ условіяхъ вся работа мысли и нравственнаго чувства цѣликомъ устремляется на самого носителя мысли, потому что это единственный пунктъ, подлежащій воздѣйствію. На этой почвѣ возникъ и развился культъ самосовершенстванія, погруженія въ самого себя и самосовершенствованія, не имѣющій себѣ подобнаго по грандіозности. Самосовершенствованіе тутъ все основано на доведенномъ до крайней степени сокращенія круга общенія съ дѣйствительностью и на удивительно пассивномъ къ ней отношеніи. Въ результатъ такого отношенія получилось совершенно фантастическое опустошеніе того, что составляетъ содержаніе жизни. Въ одномъ буддійскомъ сочиненіи говорится, что для достиженія святости Будды надо „отрѣшиться отъ всего матеріальнаго и совершать созерцанія, стараясь уразумѣть смыслъ основныхъ свойствъ пустоты“. Соотвѣтственно этому буддійскій подвижникъ продѣлываетъ, наприкладъ, такія вещи. Удалившись въ уединенное мѣсто, онъ усаживается въ священной позѣ, то-есть, загнувъ правую ногу и положивъ ее на колѣно лѣвой, а лѣвую на колѣно правой. Затѣмъ онъ въ теченіе семи дней старается представлять себѣ живо и раздѣльно образъ Будды во всемъ его величіи и красотѣ. Потомъ онъ сосредоточиваетъ вниманіе исключительно на своемъ лбу, потомъ столь же исключительно на своемъ сердцѣ, потомъ на пупкѣ, и изъ всѣхъ этихъ частей тѣла послѣдовательно выходятъ въ огромномъ числѣ Будды, одинъ за другимъ, точно въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ представлялъ себѣ Будду прежде. Подробностей этихъ фантастическихъ видѣній приводить здѣсь мы не станемъ, любознательный читатель найдетъ ихъ въ выпискахъ изъ спеціальнаго сочиненія по этому предмету, сдѣланныхъ Н. К.

Михайловскимъ. Эта же безмѣрная фантастичность въ сокращеніи жизни и человѣческой личности доведена до еще большей степени у секты іогиновъ, которую Будда встрѣтилъ въ своихъ скитаніяхъ. Это — юродивые аскеты, подвергающіе себя ни съ чѣмъ не сообразнымъ, безцѣльнымъ истязаніямъ. Одни изъ нихъ сидятъ, поджавши ноги, и вѣчно молчатъ; другіе ѣдятъ разъ въ день или черезъ день, или черезъ четыре, шесть, до четырнадцати дней; третьи спятъ въ мокрой одеждѣ или на колючей травѣ, на камняхъ, на гвоздяхъ и т. п.; четвертые, ставъ на одной ногѣ или вытянувъ одну руку вверхъ, цѣлыми годами смотрятъ на солнце; иные сидятъ среди пяти костровъ, поджариваясь со всѣхъ сторонъ; есть и такіе, которые стоятъ вверхъ ногами, зарывъ голову въ муравьиную кучу.

Отъ всѣхъ подобныхъ жестокихъ способовъ самоистязанія Будда отступилъ, все равно какъ, въ свою очередь, буддійскіе приемы въ нетронutomъ видѣ отнюдь не усваиваются многочисленными европейскими поклонниками буддизма, къ каковымъ въ 90-хъ годахъ принадлежали многіе десятки тысячъ людей. Но въ буддизмѣ сохранился тотъ же основной мотивъ — фантастически произвольнаго отношенія къ природѣ человѣка, со склонностью безцѣльно истязать и произвольно насиловать эту природу. Мотивъ этотъ входитъ въ составъ особеннаго душевнаго состоянія, — экстаза, способнаго доходить до изступленія, дающаго чувство своеобразнаго наслажденія въ безцѣльномъ страданіи и вообще въ побужденіяхъ, проникнутыхъ характеромъ безысходности, безцѣльности и, такъ сказать, ненужности.

Нравственное ученіе буддистовъ проповѣдуетъ самопожертвованіе и любовь — любовь и благоволеніе не только къ человѣку, но и ко всему живущему. Но Михайловскій, руководимый своей основной идеей, обращаетъ особенное вниманіе на то, что „любовь любви рознь“. „Если всякая система морали, — говоритъ онъ, — имѣетъ въ виду личное совершенство и благополучіе адепта, то въ буддизмѣ эта черта выступаетъ уже съ слишкомъ грубою наглядностью, такъ что въ ней тонутъ всѣ предписанія относительно обязанностей къ ближнимъ“. Любовь и благоволеніе буддійской морали ни къ чему не обязываютъ, по крайней мѣрѣ, ни къ чему цѣлесообразному, ни къ чему, что могло бы руководить и побуждать къ принятію активнаго участія въ жизни. Про Будду существуютъ рассказы, рисующіе его самопожертвованіе, которые могутъ ослѣпить. Но это, по выраженію Михайловскаго, больше всего моральные фокусы. Такъ, напримѣръ, Будда въ одномъ изъ своихъ прошлыхъ существованій былъ зайцемъ и, желая сдѣлать проѣзжему брамину подаяніе, „какого еще никогда никто не давалъ“, велѣлъ зажечь костеръ и бросился въ него, чтобы покормить брамина собственнымъ жаренымъ мясомъ. Михайловскій подчеркиваетъ здѣсь то обстоятель-

ство, что Буддѣ приписывается желаніе сдѣлать нѣчто такое, чего еще никто никогда не дѣлалъ. Это моральный фокусъ. Непосредственного же чувства любви къ ближнему тутъ нѣтъ. А непосредственное чувство выразилось по этому случаю въ слѣдующихъ словахъ Будды: „Какъ свѣжая вода утоляетъ мучительный жаръ погрузившагося въ нее, доставляя ему прохладу и удовольствіе, такъ и пылающій огонь, въ который я погружился (въ видѣ зайца), утолилъ, подобно прохладной водѣ, всѣ мои мученія“. Эти слова рисуютъ, по словамъ Михайловскаго, не любовь къ ближнему, а своего рода сладострастіе, — сладострастіе мученичества. При такой комбинаціи чувствъ, кротость, благоволеніе, непротивленіе злу, благотворительность — не добродѣтели въ настоящемъ смыслѣ этого слова, а средства достичь личной чистоты отъ соприкосновенія съ вѣншимъ міромъ, основанной на безучастномъ отношеніи къ страданію и ко всему, что способно волновать человека; при такихъ условіяхъ, это — равнодушіе къ добру и злу. Вотъ почему Ольденбергъ говоритъ „о холодѣ, какимъ вѣетъ отъ всѣхъ созданій буддійской нравственности. Мудрецъ стоитъ на такой высотѣ, которая недосыгаема никакой человѣческой дѣятельности. Онъ не возмущается обидой, какую ему готова причинить грѣшная страсть, но онъ не страдаетъ отъ этой обиды. Не заботясь о поступкахъ другихъ людей, онъ распространяетъ свое благоволеніе на всѣхъ, на злыхъ, какъ на добрыхъ“. Тутъ именно больше всего усталого равнодушія и безучастія.

Въ буддійской морали, выросшей въ атмосферѣ исключительнаго самоуглубленія и связаннаго съ этимъ чрезвычайнаго сокращенія содержанія жизни, мы, такимъ образомъ, видимъ фантастическое, произвольное отношеніе къ страданію и къ человѣческой природѣ. Въ то же время здѣсь въ грандіозныхъ размѣрахъ проявилась тенденція отнять у человѣка всякую привязанность къ чему бы то ни было въ жизни. И эта потеря всего дорогого въ жизни тѣсно переплетается съ тѣмъ, что моральныя правила буддистовъ не обязываютъ ни къ чему цѣлесообразному, ни къ чему нужному для человека, — и вообще ни къ чему опредѣленному: съ одной стороны, кротость и благоволеніе, съ другой — самонистязаніе; съ одной — любовь къ ближнему, а съ другой — полное равнодушіе къ нему. И что особенно замѣчательно, — у нихъ это не простыя логическія противорѣчія, а, такъ сказать, тѣсное сочетаніе противоположностей; желаніе довести свою личность до высшихъ степеней совершенства сочетается съ причиненіемъ ей жесточайшихъ лишеній и страданій, высшее мужество — съ крайней степенью пассивности, высшее торжество личности съ полнымъ устраненіемъ всего личнаго. Рѣзкое сочетаніе этихъ крайностей нашло себѣ особенное выраженіе въ очень своеобразномъ харак-

терѣ буддійскихъ изображеній различныхъ божествъ. Одни изъ нихъ изображаются съ покойными и улыбающимися лицами, въ ознаменованіе того идеальнаго спокойствія, которое достигается упражненіями въ буддійскомъ смыслѣ. Другіе, напротивъ, соединяютъ въ себѣ все, что можетъ представить безобразнаго чело-вѣческая фантазія. Сюда входятъ изображенія сладострастія, которыхъ особенно много, и затѣмъ—изображенія лицъ, полныхъ гнѣва, окруженныхъ принадлежностями смерти, пытки, мученій. Существуетъ такое объясненіе, что все это имѣетъ свой смыслъ и даже нѣкоторое таинственное значеніе. А именно, что изображенія этого рода служатъ прямымъ выраженіемъ отвращенія отъ предметовъ матеріальнаго міра и постоянного стремленія подавить матеріальное, грѣховное начало.

Михайловскій не находитъ возможнымъ признать это объясненіе удовлетворительнымъ и, считая его просто хитрымъ изворотомъ со стороны буддійскихъ начетчиковъ, полагаетъ, что оно оставляетъ данныя явленія вполне загадочными. „Въ самомъ дѣлѣ, говоритъ онъ, какимъ образомъ религія, проповѣдующая кротость, непротивленіе злу, всеобщее благоволеніе, не находитъ для изображенія отвращенія отъ матеріальнаго міра ничего болѣе подходящаго, чѣмъ искаженное злобой лицо божества и орудія пытки, мученичества, казни? Вѣдь, это вопіющая наглядная несообразность. Почему религія, столь высоко цѣнящая цѣломудріе, символами высшаго божества выбираетъ грубо циническія сцены разврата?“

Съ своей стороны, онъ находитъ объясненіе этимъ явленіямъ въ кое-какихъ фактахъ исторіи и текущей жизни. Мимоходомъ онъ отмѣчаетъ чудовищные культы древняго Египта, Ассиріи, Вавилона, Финикіи, гдѣ самыя страшныя самоистязанія сочетались съ свирѣпою жестокостію, даже до мучительскихъ чело-вѣческихъ жертвоприношеній, и съ оргіями разврата. Указавъ затѣмъ на греческія и римскія вакханаліи, въ которыхъ встрѣчаются сочетанія тѣхъ же трехъ элементовъ, онъ останавливается, какъ на особенно интересномъ явленіи, — на средневѣковыхъ самобичеваніяхъ „флагеллантовъ“. Это были обширныя народныя движенія, которыя возникли въ Европѣ еще въ VIII вѣкѣ, а именно, когда сложилось ученіе, что грѣхи можно выкупать эквивалентомъ физическаго страданія. Въ XI вѣкѣ появляются даже точные расчеты: такое-то количество ударовъ, сопровождаемыхъ пѣніемъ такого-то количества такихъ-то псалмовъ, равняется году искупленія. Въ XIII вѣкѣ, въ 1260 г., появилась въ Италіи первая процессія бичующихся: огромная толпа полураздѣтыхъ мужчинъ и женщинъ переходила съ мѣста на мѣсто, распѣвая священные пѣсни и нанося себѣ кровавые удары. Въ XIV столѣтіи каждое крупное общественное несчастіе вызывало эти коллективные взрывы чувства грѣха и покаянія, и въ томъ числѣ такіа не-

счастія, какъ чума, голодъ, землетрясеніе, появленіе монголовъ. Движеніе охватило огромное пространство: Венгрію, Богемію, Польшу, Швецію, Италію, Францію, Германію. Люди, въ искупленіе грѣховъ, цѣлыми толпами жестоко истязали себя ударами узловатыхъ ременныхъ плетей, въ которыя еще влетались кусочки заостреннаго желѣза. То же повторялось въ XV, XVI и даже XVII столѣтіяхъ. При этомъ удивительнымъ образомъ въ флагеллантѣ, побѣдоносно борющемся съ своей грѣшной плотью и такъ жестоко карающемъ ее за грѣхи, въ усиленной степени давалъ себя чувствовать „человѣкъ-звѣрь“, кровожадный и сладострастный. Специальный историкъ аскетизма говоритъ о „формальныхъ преступленіяхъ и то утонченныхъ, то скотски грубыхъ ужасахъ разврата въ флагеллантизмѣ, исторіей развитія которыхъ можно было бы наполнить многія страницы, пожалуй, цѣлые томы мистическо-уголовной исторіи и статистики“. Этотъ же историкъ по тому же поводу указываетъ на „сладострастно жестокое наслажденіе, испытываемое человѣкомъ отъ собственнаго или чужого физическаго страданія“.

Во всѣхъ этихъ своеобразныхъ явленіяхъ самое замѣчательное и характерное заключается въ томъ, что на личность, на ея грѣховность—возлагается полная, безусловная отвѣтственность за всякія бѣдствія, въ томъ числѣ даже за чуму, голодъ, землетрясеніе или монгольское нашествіе. И это доходитъ даже до точныхъ, ариметическихъ расчетовъ—за такой-то грѣхъ личности полагается такое-то искупленіе. Личность виновата во всемъ и должна отвѣчать за все рѣшительно, по совершенно определенному расчету. Разъ она по этому расчету искупила свою вину, исполнила задачу возложенной на нее отвѣтственности, все рѣшено исчерпывающимъ образомъ и ничего больше не остается дѣлать, ни о чемъ больше заботиться не надо. А если на пути къ этому безусловному вмѣненію оказывается собственная природа, ея собственныя потребности, то передъ этимъ нечего останавливаться—надо ее сокращать, давить, казнить.

Но такая безусловная отвѣтственность личности не подь силу ей. Личность совершенно не въ состояніи справиться съ такой отвѣтственностью за все и про все, и когда на нее возлагаютъ ее, она протестуетъ, т. е. вѣрнѣе—ея природа протестуетъ. Отрекаясь, ради безусловной отвѣтственности, отъ естественныхъ потребностей, личность натягиваетъ струну, которая „чѣмъ больше натянута, тѣмъ съ большимъ эффектомъ лопается, когда наступаетъ предѣлъ возможнаго сопротивленія. Оскорбленная природа, говоритъ Михайловскій, жестоко мститъ за себя, вызывая взрывы необузданнаго сладострастія, какъ бы въ видѣ компенсаціи за нарушенное равновѣсіе и создавая равнодушіе къ ближнему и вообще къ страданіямъ тамъ, гдѣ предъявляется требованіе всеобщаго благоволенія, безразличной кротости и непротивленія злу.

А такъ какъ эти судорожные скачки съ одного ненормальнаго пути жизни на другой, столь же ненормальный, происходятъ стихійно, т. е. помимо сознанія и воли, а иногда даже вопреки волѣ, то захваченный такимъ бурнымъ психическимъ процессомъ субъектъ при этомъ, во-первыхъ, раздражается. И, раздражаясь безпредметно, онъ теряетъ самообладаніе. А во-вторыхъ, онъ ищетъ объясненій этому темному процессу—въ чѣмъ-то могущественномъ стороннемъ вліяніи, въ чьей-то высшей волѣ⁴. Утрата самообладанія даетъ при этихъ условіяхъ „источникъ мистическому чувству, въ волнахъ котораго уже все окончательно спутывается: страданіе и наслажденіе, свое страданіе и чужое, любовь и ненависть, грѣхъ и покаяніе, жажда жизни и боязнь ея, жажда уничтоженія, смерть и боязнь ея“.

Особенно интересна при этомъ та присущая мистическому чувству особенность, что, утрачивая самообладаніе и впадая въ экстазъ, личность приписываетъ свои побужденія какой-то посторонней могущественной волѣ. Она это дѣлаетъ въ такое время, когда, утративъ самообладаніе, чувствуетъ, что у нея самой нѣтъ больше собственной воли и личности. При этомъ она, стало быть, совсѣмъ снимаетъ съ себя всякую отвѣтственность въ своихъ побужденіяхъ и дѣйствіяхъ. И это тѣмъ болѣе любопытно, что оно является въ результатъ стремленія возложить на личность безусловно полную безраздѣльную отвѣтственность за все.

Сходное съ этимъ положеніе получается вообще во всѣхъ тѣхъ многоразличныхъ жизненныхъ комбинаціяхъ, когда совокупность обстоятельствъ загоняетъ личность въ рамки очень узкихъ и тѣсныхъ для нея общественныхъ формъ и отношеній. Если при этомъ, подъ вліяніемъ чего бы то ни было, отъ личности требуется спасеніе отъ всѣхъ волъ обязательно помимо мѣръ общественной организаціи, тогда, въ результатъ такого обремененія непосильной задачей, весь душевный строй личности расплывается. Главное, расплываются чувства самообладанія и мѣры; является склонность искать поддержки въ разныхъ безмѣрныхъ побужденіяхъ, фантастически капризныхъ и фантастически безысходныхъ. А побужденія этого рода не даютъ ничего руководящаго и обыкновенно ни къ чему не обязываютъ *).

Совершенно особенная картина получается, когда въ такое положеніе попадаетъ крупная личность съ большимъ запасомъ душевныхъ силъ, съ жаждой покорять сердца, вести за собой другихъ, поучать и повелѣвать. Обстоятельства иногда складываются

*) Замѣчательно, что совершенно то же положеніе получается и въ другихъ случаяхъ переудовлетворенія, а также неудовлетворенія потребностей. См. Соч. I, 580, 620 и д. VI, 233 и д., 666—75, 817—53, 1011—1025 IV, 742—756. Р. Б. 1902, IX, 69.

такъ, что она не въ состояніи примкнуть душой къ той или другой достаточно широкой общественной организаціи, которая бы помогала ей разрѣшать противорѣчія жизни. Случается, что при этомъ въ своихъ стремленіяхъ она не въ состояніи принять живое участіе въ какой-нибудь общей идейной работѣ. Тогда у нея легко являются экзальтированныя порыванія къ чему-то безцѣльному и безконтрольному, — переходящія въ стремленіе къ тому, что превышаетъ силы человѣческія. Съ одной стороны, это порывы къ безысходнымъ чувствамъ, къ незнающей удержу тратѣ силъ невѣдомо на что. Блестящимъ воплощеніемъ стремленій этого рода былъ Лермонтовъ, какъ онъ нарисованъ Михайловскимъ въ двухъ статьяхъ, ему посвященныхъ. А съ другой стороны, это настроеніе выражается въ склонности принимать себя и свои побужденія, — при томъ самыя исключительныя, ничѣмъ не контролируемыя — за общій законъ для всего человѣчества. Эта душевная складка свойственна такимъ моралистамъ, какъ Гоголь, Достоевскій и гр. Л. Толстой. Имъ, какъ и первой категоріи, свойственна усиленная склонность къ побужденіямъ безконтрольнымъ, не дающимъ ничего опредѣленнаго, руководящаго и ни къ чему опредѣленному не обязывающимъ. Изъ нихъ Гоголя Михайловскій упоминаетъ въ этомъ смыслѣ только вскользь, а Достоевскому и гр. Л. Толстому посвятилъ съ этой стороны очень много вниманія. На нихъ мы и остановимся подробнѣе.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Нето.

П р о ф и л и.

(Письмо изъ Англии).

I.

Со словами *англійскій парламентъ* ассоціируются всегда имена Пита, Фокса, Вѣрка, Пиля, Брайта, Дизраэли, Гладстона въ прошломъ и Чембэрлена, Морлея, Брайса, Бальфура, Рэдмонда, Бернса — въ настоящемъ. Эти имена извѣстны каждому, читающему газеты. Такой средній человѣкъ знаетъ, что великіе коммонееры былого времени, къ какой бы партіи они ни принадлежали, содѣйствовали пробужденію самосознанія англійскаго общества. Когда-то при Георгѣ III, если такіе публицисты, какъ издатель *North Briton* Джонъ Уилькесъ, поднимали вопросъ о ре-

формахъ, государственные дѣятели, какъ лордъ Бьютъ, важно отвѣчали имъ: „общество прежде должно заслужить довѣріе правительства“. Теперь вопросъ въ Англіи ставится иначе. Коммонеры консерваторы и радикалы одинаково сходятся въ томъ, что страна можетъ процвѣтать только тогда, когда существуетъ полная гармонія между правительствомъ и обществомъ; но и Чемберленъ, и Бальфуръ признаютъ, что не правительство должно выразить свое довѣріе обществу, а какъ разъ наоборотъ.

Видныхъ коммонеровъ, имена которыхъ пестрятъ въ телеграммахъ, въ передовыхъ статьяхъ и въ заграничныхъ корреспонденціяхъ, человѣкъ сорокъ—пятьдесятъ, не больше. Въ Англіи имъ въ стенографическихъ отчетахъ удѣляется мѣсто отъ двухъ строкъ до двухъ столбцовъ. Затѣмъ въ парламентѣ есть еще около шестисотъ коммонеровъ, имена которыхъ обыкновенно никогда не упоминаются въ газетныхъ отчетахъ. Для публицистовъ эти коммонеры своего рода живой инвентарь. Желая дать представленіе о богатствѣ какой-нибудь колоніи, публицистъ сообщаетъ, что овецъ тамъ столько-то, лошадей столько-то и т. д. Нѣчто подобное продѣлываютъ и съ парламентскимъ живымъ инвентаремъ послѣ выборовъ: составляется раздѣленная на красивыя клѣтки таблица, въ которой отмѣчается, что въ обновленной палатѣ общинъ банкировъ столько-то, помѣщиковъ, адвокатовъ, литераторовъ и фабрикантовъ—сколько-то и т. д. Между тѣмъ, врядъ ли таблица съ самыми красивыми и старательно вычерченными клѣточками даетъ какое-нибудь цѣльное представленіе. Начать хоть бы съ того, что многіе коммонеры-рядовые, имена которыхъ никогда не упоминаются въ газетахъ—политическіе эмбрионы, развивающіеся иногда сразу, въ одно бурное засѣданіе. Такъ сразу выдвинулся блестящій вождь уэльскихъ депутатовъ Дэвидъ Ллойд-Джорджъ.

Въ очень недалекомъ будущемъ предстоитъ полное обновленіе палаты общинъ. Вотъ почему, мнѣ кажется, не лишнее дать рядъ профилей коммонеровъ-рядовыхъ, только что выступающихъ на поприще общественной жизни. Кое какіе выводы я сдѣлаю потомъ, когда предъ читателями будетъ уже запасъ матеріала. О парламентѣ, о видныхъ коммонерахъ и о выборахъ, я писалъ уже *). Среди коммонеровъ-рядовыхъ есть, конечно, совершенно заурядные, бездарные, но честолюбивые люди. Когда-то, до великихъ реформъ, ихъ набиралось въ палатѣ общинъ гораздо больше, чѣмъ теперь. „Гнилыя мѣстечки“ давали легкую возможность каждому честолюбивому и богатому человѣку попасть въ парламентъ. До законовъ, сдѣлавшихъ подкупъ избирателей почти совершенно невозможнымъ дѣломъ, результаты выборовъ зависѣли иногда только отъ того, у кого изъ кан-

*) См. „Очерки современной Англіи“, стр. 160—283.

дидатовъ мощна толще и кто больше таровать. Рядъ портретовъ коммунеровъ-ничтожностей далъ намъ Диккенсъ. Предъ нами проходятъ Вильямъ Вѣффи (Bleak House), Корнелій Брукъ Дингуоль (Sketches), Грегсбери (Nicholas Nickleby), сэръ Мэтью Пейкеръ (тамъ же), сэръ Барнетъ Скэтлсъ (Домби и сынъ), Гамилтонъ Венирингъ (Our Mutual Friend) и, наконецъ, безсмертные Гораций Фицкинъ, эсквайръ, и Самуэль Слэмки, эсквайръ, оспаривающіе другъ у друга честь представлять въ парламентъ городъ Итэнсуилъ (Пикквики). „Корнелій Брукъ Дингуоль, М. Р. (т. е. Member of Parliament, членъ парламента) былъ очень напыщенъ, чопоренъ и торжественъ. Последнее достоинство увеличивалось въ значительной степени высочайшими тугими воротничками и такимъ же тугимъ галстукомъ. Корнелій Брукъ Дингуоль необычайно гордился буквами М. Р. и никогда не упускалъ случая напомнить окружающимъ о своемъ достоинствѣ. Онъ имѣлъ крайне высокое представленіе о своихъ собственныхъ достоинствахъ, что должно было служить ему большимъ утѣшеніемъ, такъ какъ никто этихъ достоинствъ не видалъ“ *). Мистеръ Грегсбери, у котораго просить занятій Николай Никльби,—еще большая ничтожность и бездарность, чѣмъ Корнелій Брукъ Дингуоль. Онъ выѣзжаетъ на своихъ секретаряхъ. „Мой секретарь,—объясняетъ онъ Николаю Никльби будущія его занятія,—долженъ вполне изучить европейскую политику, поскольку она отражается въ газетахъ. Онъ обязанъ пробѣгать замѣтки о всѣхъ митингахъ, всѣ передовыя статьи и отчеты различныхъ обществъ. Секретарь обязанъ сдѣлать для меня наброски, на основаніи которыхъ я могъ бы произносить рѣчи. Затѣмъ вы должны внимательно просматривать въ газетахъ всѣ случайныя замѣтки, какъ, напримѣръ, „Таинственное исчезновеніе и предполагаемое самоубійство подносчика въ кабацѣ“ или что-нибудь въ этомъ родѣ, доставляя мнѣ, такимъ образомъ, матеріалъ для запросовъ министру внутреннихъ дѣлъ. Мою рѣчь вы потомъ должны отправить въ редакцію газеты нашего избирательнаго округа, одобливъ нѣсколькими лестными замѣчаніями о моемъ краснорѣчьи, здравомъ смыслѣ и умѣ. Не мѣшаетъ также каждый разъ посылать при этомъ коротенькую передовую статью и указывать въ ней, что я бдительно и неукоснительно отстаиваю общественные интересы и т. д. Секретарь для меня долженъ изучать различные финансовыя вопросы, дабы снабжать меня цифрами и идеями для рѣчей... Во время дебатовъ вы должны сидѣть на галлерей для зрителей на первой скамьѣ и обращать вниманіе сосѣдей на меня. „Видите того джентельмана съ умнымъ лицомъ,—скажете вы:—это мистеръ Грегсбери, знаменитый мистеръ Грегсбери“.—При

*) *Sketches by Boz, Sentiment.*

чемъ предоставляется вамъ право прибавлять еще похвалы, какія придутъ въ голову“ *).

Гамильтонъ Венирингъ — ничтожный, разбогатѣвшій выскочка, желающій извѣстности и почета. Вотъ почему онъ добивается избранія отъ мѣстечка Pocket Breaches (*Нашъ общій другъ*). Нужно помнить, что Диккенсъ писалъ свои портреты съ оригиналовъ, жившихъ семьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Съ тѣхъ поръ въ Англіи произошли поразительныя перемѣны. Среди рядовыхъ коммонеровъ, конечно, и теперь встрѣчаются Грегсбери и Дингуолы, но только какъ исключенія. Для подавляющаго большинства парламентъ, *the Mother of Parliaments*, или, по просту, *the House* — національная святыня. Попасть туда — величайшая честь для англичанина. Покойный Вильямъ Гаркортъ дважды отказывался отъ титула виконта и графа, потому что, какъ онъ говорилъ, званіе „коммонера и англійскаго джентельмена почетнѣе жемчужной коронки лорда“. Титулъ лорда знаменуетъ благоволеніе и довѣріе *короля* **). Буквы „М. Р.“ (Member of Parliament) означаютъ для англичанина, что его *сограждане* оказали ему довѣріе и послали его въ число законодателей. Для Гаркерта довѣріе общества имѣло большее значеніе, чѣмъ довѣріе короны.

Теперь познакомя читателей съ молодымъ кандидатомъ, желающимъ на ближайшихъ выборахъ добиться такого довѣрія отъ избирателей округа Гретна Гринъ.

II.

Это было восемь лѣтъ тому назадъ, когда я только что пріѣхалъ въ Лондонъ и жилъ въ пансіонѣ, въ boarding house. Объ этихъ пансіонахъ, точнѣе, о пестрой публикѣ, проживающей тамъ, стоить сказать нѣсколько словъ. Въ гостинныхъ, въ drawing-rooms, съ стереотипной и унылой обстановкой, собирается по вечерамъ любопытное общество. Преобладаютъ иностранцы. Тутъ непремѣнно, прежде всего, краснощекій нѣмецъ, коммивояжеръ или банковскій клеркъ. Онъ усиленно англизируетъ свою наружность: носитъ высочайшіе отложные воротнички, дѣлающіе его голову похожей на вилокъ красной капусты, съ кочаномъ, завернутымъ въ бѣлую бумагу, говоритъ о спортѣ, и сбрилъ даже закрученные кверху вильгельмовскіе усы. Съ остальной

*) *Nicholas Nickleby*, chap. XVI.

**) Такъ полагается теоретически. Практически теперь король возводитъ въ достоинство пѣра только того, на кого ему укажетъ премьеръ. У лорда Солсбри вышелъ маленькій разладъ съ Эдуардомъ VII, когда послѣдній хотѣлъ сдѣлать барономъ своего друга, владѣльца колоніальныхъ фабрикъ. Премьеръ „отсвѣтовалъ“, и король подчинился. Другъ короля потомъ удовлетворился простымъ возведеніемъ въ дворянское достоинство.

публикой нѣмецъ-кларкъ въ свободное время говорить о военной силѣ Германіи. Если въ пансіонѣ живутъ дѣвицы, то нѣмецъ непремѣнно имъ декламируетъ, закатывая глаза, чувствительные стихи въ родѣ:

„Träum'ich? ist mein Auge trüber?
Nebelt's mir ums Angesicht?
Meine Minna geht vorüber?
Meine Minna kennt mich nicht?

Молодой человекъ объясняетъ ничего не понимающимъ дѣвицамъ, что это очень хорошіе стихи, но далеко не лучшіе въ нѣмецкой литературѣ. Англійскія misses поджимаютъ губы и отвѣчаютъ стереотипной фразой:

— Very nice indeed!

Если пансіонъ находится въ кварталѣ, ограниченномъ Монтюстритъ, Оксфордстритъ и Тотенгэмъ-коортъ-роадъ, — то тамъ непремѣнно живутъ русскіе, пріѣхавшіе „къ британскому музею“, большею частью, молодые магистранты, неловкіе, неуклюжіе, знающіе англійскій языкъ теоретически. Имъ легче процитировать строфу изъ Байрона, чѣмъ попросить у нарядной горничной стаканъ воды. Это — народъ очень трудолюбивый, крайне разсѣянный, всецѣло погруженный въ *демадейбукъ* и въ средневѣковыя хартіи объ аграрныхъ отношеніяхъ. Англійскую публику они не перестаютъ удивлять своею неуклюжестью, застѣнчивостью и ученостью. По воскресеніямъ, когда музей запертъ, русскіе, работающіе тамъ, или идутъ слушать великолѣпную музыку въ Queen's Hall, или же отправляются „изучать Уайтчепель“. Я не знаю почему, но русскіе, попадающіе въ Лондонъ, прежде всего разыскиваютъ этотъ кварталъ. Въ boarding house непремѣнно можно найти жизнерадостнаго француза, неугомоннаго болтуна и первокласснаго дѣльца. Французы умѣютъ всегда это отлично сочетать. Французъ находитъ для себя своеобразный спортъ. Онъ быстро убѣждается, что англійскія misses не понимаютъ по-французски, хотя иногда претендуютъ на знаніе языка. Французъ, подъ видомъ комплиментовъ, говоритъ перезрѣлымъ англичанкамъ невозможныя вещи, до „chère anglaise“ включительно. Англійская публика, встречающаяся въ boarding house, въ общемъ, не интересна. Это — провинціалы средней руки, осматривающіе столицу. Въ такомъ случаѣ за обѣдомъ и въ гостиной они рассказываютъ всѣмъ, кто желаетъ и не желаетъ слушать, что простояли три часа у Rotten row въ Гайдъ-паркѣ, но за то видѣли катающуюся герцогиню Девонширскую. Провинціалы расходятся между собою въ одномъ пунктѣ. Одни изъ нихъ увѣряютъ, что на герцогинѣ были ея знаменитыя сережки съ рубинами цвѣта голубиной крови, о которыхъ писалъ *Tit-Bits*, другіе же стоятъ на томъ, что леди Девонширская носила другія сережки съ брилліантами *Жужу*. Свѣдѣнія о нихъ

тоже почерпнуты изъ того же журнала. Въ *boarding house* живеть непременно какой-нибудь удалившійся отъ дѣлъ лавочникъ. Отъ скуки онъ становится *one book reader*. Это значитъ слѣдующее. Человѣкъ облюбовываетъ одну какую нибудь книгу, напр., „History of the war in the Peninsula“, генераль-маіора Напира и читаетъ только ее. Кончивъ шестой томъ, онъ опять начинается съ перваго. Такой *one book reader* расскажетъ вамъ во всѣхъ подробностяхъ не только про битву при Бадахосѣ или про осаду Саррагосы, но помнитъ на память, гдѣ стояли французскіе гренадеры при Баросѣ. Военная исторія и мемуары—любимый предметъ изученія подобныхъ читателей. Всѣ знанія ихъ, такъ сказать, ограничены стѣнами Тарагоны и Саррагосы. Рядомъ съ *one book reader* омы сидитъ, навѣрное, сѣденькій сытенный священникъ, посвящающій свои досуги литературѣ: онъ пишетъ трактатъ, въ которомъ доказываетъ, что искуситель придумалъ велосипедъ съ цѣлю революціонизировать церковь. Прежде по воскресеніямъ молодые люди отправлялись слушать проповѣдь. Теперь, когда придуманъ сатаной *байкъ* (велосипедъ), молодые люди забыли церковь и съ утра укачиваютъ со своими душеньками за городъ.

Въ *boarding-house* можно встрѣтить также публику, уставшую воевать съ прислугой и оставившую домъ ради „change“ (для отдыха). Эти всякій разговоръ сводятъ на распушенность, дерзость, требовательность и цѣнность современныхъ горничныхъ и кухарокъ. Русский, пріѣзжающій въ Англію обыкновенно только съ книжнымъ знаніемъ языка и не понимающій того, что говорятъ, находится первые два, три мѣсяца въ положеніи кузнеца Вакулы въ Петербургѣ. „Боже ты мой, сколько тутъ панства!—думалъ кузнецъ.—Каждый, кто ни пройдетъ по улицѣ въ шубѣ, то и засѣдатель“. Прожилъ бы Вакула больше въ Петербургѣ, онъ открылъ бы, что не всѣ прохожіе такіе важные люди, какъ онъ думалъ. Въ первые недѣли публика *boarding house*’а импонируетъ русскому своею внѣшней культурой, и онъ получаетъ сильно преувеличенное представленіе объ образованности ея. Затѣмъ „Вакула“ убѣждается, къ великому своему удивленію, что „засѣдатели“ самые сѣрые люди, большею частью, крайне ограниченные и на рѣдкость невѣжественные. Потомъ только русскій понимаетъ значеніе своего открытія. Публика, встрѣчающаяся въ *boarding house*’ѣ, большею частью, принадлежитъ къ „нижне-среднему классу“. У насъ такіе люди развлекаются тѣмъ, что цѣлой компаніей „ѣдутъ топить поповскаго кобеля“. Это, пожалуй, будетъ похуже, чѣмъ всю жизнь читать исторію испанской войны Напира. Иногда, впрочемъ, въ *boarding house* встрѣчаются очень интересные люди. Къ числу ихъ принадлежала семья Мюиръ, съ которой я познакомился восемь лѣтъ тому назадъ. Для меня въ Англіи тогда все было ново. Я пріѣхалъ съ знаніями страны, вынесенными изъ книгъ, на основаніи которыхъ у меня сложи

лось определенное представлѣніе объ Англіи. Чѣмъ больше я знакомился съ дѣйствительностью, тѣмъ сильнѣе убѣждался, что мое представленіе—крайне устарѣло, что въ силу закона эволюціи, подѣ влияніемъ новыхъ факторовъ, нынѣшняя Англія уже не та, которую я изучалъ по книгамъ. Еще болѣе односторонними оказались мои представленія о народѣ. Помню, какое сильное впечатлѣніе произвелъ на меня ничтожный фактъ, про который мнѣ рассказали въ гостиницѣ пансіона. Дѣло шло о „Ragging“, о грубомъ обычаѣ расправляться своимъ судомъ, держащемся въ англійскихъ офицерскихъ казармахъ и среди учащейся молодежи обоюго пола. Тогда газеты говорили объ инцидентѣ въ колоніи для умалишенныхъ (Tooting Bec Asylum, если не ошибаюсь). Фельдшеріцы разсердились за что-то на свою подругу, устроили „военный судъ“ и приговорили выкупать виновную въ холодной ваннѣ. Восемь дѣвушекъ (фельдшеріцы всѣ принадлежатъ къ среднимъ классамъ) взялись привести приговоръ въ исполненіе. Ночью онѣ ворвались въ комнату подруги, схватили ее въ постѣли и понесли купать. Завязалась отчаянная драка, кончившаяся разбитыми носами и синеяками. Ту, которую хотѣли бросить въ ванну, жестоко избили. Въ boarding house рассказывали про этотъ фактъ, какъ про остроумную шутку.

— У насъ въ колледжѣ въ Оксфордѣ,—сообщилъ мнѣ сѣдѣнскій священникъ, обличавшій велосипедистовъ,—въ мое время „ragging“ (трепка) бывала постоянно. Студенты устраивали трепку товарищамъ за цѣлый рядъ проступковъ: за провинціальныя акцентъ, за лакированныя башмаки, за слишкомъ усиленное прилежаніе, за тощій кошелекъ (въ старыхъ англійскихъ университетахъ студенты, сыновья богатыхъ людей, смотрятъ косо на бѣдныхъ товарищей) и пр. Тогда подобные факты меня страшно поражали. Я еще могъ понять, что Вэнъ Алленъ или Бобъ Соьеръ (студенты въ *Пиквиккахъ*) устраиваютъ „трепку“, но дикенсовскихъ дѣвушекъ Кэтъ, Дору, Арабеллу Алленъ или Руѣ, тащущихъ въ ванну Агнесу Уикфилдъ—я никакъ не могъ себя представить.

III.

Семья Мюиръ состояла изъ отца, матери и молодого, болѣзненного сына, лѣтъ 22—23. Отецъ исчезъ было одно время, затѣмъ снова появился въ boarding house мѣсяца черезъ два. Оказалось, что для отдыха онъ „слеталъ“ за это время... на о. Тринидадъ въ Вестъ-Индію и возвратился съ первымъ обратнымъ ко раблѣмъ.

— Семейныя традиціи соединяютъ насъ, Мюировъ, съ Южной Америкой,—полушутливо отвѣтилъ мнѣ старикъ на мое замѣчаніе по поводу трудностей „увеселительной“ прогулки.

Мнѣ не трудно было угадать, какой болѣзнию страдаетъ молодой Мюиръ. Я видѣлъ быструю, безпричинную смѣну настроеній и переходъ отъ крайняго оживленія къ полной подавленности. Въ завтраку молодой человѣкъ спускался со слѣдами крайняго утомленія, какъ кутилы послѣ безсонной ночи. Между тѣмъ, лицо молодого Мюира не утратило еще той почти дѣтской свѣжести, которую можно наблюдать только у англійскихъ юношей. Руки молодого человѣка, очевидно, привыкли къ сильнымъ упражненіямъ, между тѣмъ, онѣ дрожали иногда, какъ у старика. Иногда въ гостиной Мюиръ внезапно блѣднѣлъ и хватался за сердце. Большею частью, онъ сидѣлъ одинъ. Иногда онъ бралъ книгу, но скоро откладывалъ ее.

— Что, my boy, не читается?—услышалъ я какъ-то заботливый голосъ отца.

— Нѣтъ, daddy (папа), не знаю, что съ глазами: буквы мелькаютъ и сливаются вѣдѣтъ.

Предо мною были всѣ характерные и знакомые симптомы крайняго умственнаго переутомленія и неврастенія, „русской болѣзни“, какъ называютъ ее въ Англии, гдѣ она рѣже наблюдается, чѣмъ гдѣ бы то ни было на континентѣ. У насъ мы привыкли видѣть неврастенниковъ, носящихъ еще гимназическій мундиръ. Въ обществѣ болѣзнь такъ распространена, что знакомый англичанинъ, прожившій нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ, пробовалъ увѣрять меня, что даже „святая тоска“, такъ часто упоминаемая въ русской литературѣ, — не что иное, какъ одинъ изъ признаковъ повальной неврастенія. „Здоровые люди дѣло дѣлаютъ, а не анализируютъ, исповѣдуются и тоскуютъ“, — сентенціозно убѣждалъ меня пріятель. Теперь предо мной былъ неврастеникъ англичанинъ. Мы быстро сошлись съ Мюирами, и я узналъ исторію молодого человѣка. Отъ поэтовъ, романсистовъ и художниковъ мы знаемъ муки, доставляемыя сознаніемъ своего безсилія облечь въ кристаллическую форму идею, которая ясна воображенію. Молодой Мюиръ два года испытывалъ нѣчто подобное. Его тоже терзало сознаніе своего безсилія выразить идею, но не въ словахъ или въ краскахъ, а въ стали, въ системѣ зубчатыхъ колесъ, рычаговъ и электрическихъ проводовъ. Мюиръ задумалъ грандіозную машину. Идею ея онъ вынашивалъ съ восемнадцати лѣтъ, съ того времени, какъ поступилъ для практики на ткацкую фабрику, принадлежащую брату его отца. Черезъ три года, когда проектъ созрѣлъ вполне, Мюиръ удалился въ рабочій кварталъ Лондона, поближе къ заводамъ, устроилъ тамъ мастерскую и занялся въ ней творческой работой: кристаллизаціей своей идеи.

Машина, надъ которой работалъ Мюиръ, должна была произвести цѣлый переворотъ въ ткацкомъ дѣлѣ. На фабрикахъ въ Ланкаширѣ теперь одинъ рабочій стоитъ при четырехъ станкахъ,

при чемъ ему нужны подручные, которые связывали бы обрывающіяся уточныя нити и смазывали бы машину на полномъ ходу. Новая машина должна была крайне повысить интенсивность производства. Мюйру представлялся почти живой организмъ, съ сверкающими мускулами изъ никелированной стали, съ нервной системой изъ электрическихъ проволокъ. На фабрикѣ, гдѣ поселится это стальное живое существо, оно замѣнитъ пять-есть взрослыхъ рабочихъ двадцатью подростками. Два года бился Мюйръ надъ своимъ проектомъ, пытаясь выразить идею, которая такъ ясна была въ головѣ и такъ очевидна въ чертежахъ и выкладкахъ. Но была какая-то подробность, неудовимая, какъ призракъ, которая разрушала весь проектъ, когда Мюйръ пробовалъ строить модель. Изобрѣтатель догадывался, что дѣло тутъ въ тѣхъ таинственныхъ вопросахъ сложной энергіи, которые еще такъ мало разработаны до сихъ поръ. Идея такъ властно захватила Мюйра, что онъ не могъ уже отложить ее года на два, чтобы заняться теоретической разработкой деталей. Молодой изобрѣтатель пережилъ тѣ жестокия муки творчества, онъ испыталъ ту полную гамму бѣшеннаго восторга и тупого ледяного отчаянія, о которыхъ говорятъ поэты. Послѣ двухъ лѣтъ упорнаго, страшно напряженнаго труда, Мюйръ доработался до настоящихъ галлюцинацій. Сообразно съ тѣмъ, какъ шла работа, фантазія порождала то заманчивыя и свѣтлыя, то непріятныя и мрачныя картины. То Мюйру казалось, что все уже кончено. Въ средѣ ланкаширскихъ фабрикантовъ съ живымъ интересомъ слѣдятъ за работой изобрѣтателя. Предложенія одно заманчивѣе другого получаютъ со всѣхъ сторонъ. Но вотъ громадная, знаменитая Ольдгемская фабрика: „Кросъ Снелгровъ и К^о“ даетъ совершенно исключительныя условія. Мюйръ соглашается; не потому, что деньги для него представляютъ самоцѣль, а потому, что именно на такой фабрикѣ его дѣтище проявитъ всю свою мощь. Вотъ предварительные переговоры закончены. Мюйръ видитъ во всѣхъ деталяхъ обстановку переговоровъ, лица директоровъ. Контрактъ подписанъ. Изобрѣтатель осязательно ясно представлялъ себѣ то радостное чувство облегченія, съ которымъ будетъ бродить въ тотъ день по улицамъ Лондона. Съ тѣхъ поръ, какъ идея зародилась, она давила гирей голову изобрѣтателя, оторвала отъ всѣхъ другихъ вопросовъ и интересовъ... Но вотъ опытъ не удастся, и радостный подъемъ духа смѣняется тупымъ отчаяніемъ. Голова тяжела. Мысль изъ нея исчезла. Изобрѣтатель не въ состояніи больше фиксировать свое вниманіе. Идея, которая недавно казалась такой конкретной, расплывается совершенно. Мюйру тогда представлялась одна картина, которую онъ мальчикомъ наблюдалъ въ Швейцаріи съ террасы гостиницы въ Ва. Тучка, похожая на комокъ ваты, медленно подплывала къ ярко освѣщенной заходящимъ солнцемъ вершинѣ горы. Вотъ тучка

плотно припала къ зубчатымъ скаламъ, багровымъ отъ косыхъ лучей. Казалось, она тутъ заночуетъ, такъ крѣпко и уютно прижалась она; но вотъ она тронулась дальше, стала таять и исчезла совершенно на оранжевомъ горизонтѣ. То же самое происходило теперь съ идеей, занимавшей такъ долго Мюира. Она таяла, послѣ того, какъ изобрѣтатель видѣлъ ее въ вполне конкретной формѣ.

Къ концу второго года упорной работы, у Мюира начались мучительныя головныя боли; жестокая бессонница не подавалась даже усиленнымъ приѣмамъ сульфонала. Въ такія ночи галлюцинаціи приходили почти постоянно. Мюиръ въ особенности съ ужасомъ вспоминалъ одну ночь послѣ того, какъ онъ, желая нѣсколько развлечься, пошелъ въ тейтовскую картинную галерею на берегъ Темзы. Ночью, чтобы заснуть, онъ принялъ хлораль-гидратъ, который принесъ, однако, только полужабыть. Въ полумракѣ своей комнаты Мюиръ увидалъ странную, сидящую фигуру. Грубое, толстое, неподвижное и самодовольное лицо было украшено странной короной. На жирномъ, грузномъ туловищѣ неуклюже сидѣло платье изъ дорогой златотканной парчи. Огромныя мѣшки, набитыя золотомъ, лежали на колѣняхъ. Одной рукой призракъ пригнулъ шею молодой, обнаженной дѣвушки, почти ребенка; зеленый хитонъ ея, символъ ея молодыхъ надеждъ, былъ сорванъ грубой, жирной рукой. Обутая въ кроваво-красныя сапоги толстая, какъ колода, нога придавила лежащаго на землѣ юношу съ сильными мускулистыми руками. Эту фигуру Мюиръ видѣлъ днемъ въ тейтовской галереѣ на картинѣ Уотса *Мамона*. И изобрѣтателя поразила мысль, что онъ повторяетъ опытъ доктора Франкенштейна, описываемый въ старинномъ англійскомъ романѣ. Докторъ создалъ чудовище, которое гналось потомъ за нимъ. Онъ же, Мюиръ, создаетъ страшное существо, которое поступитъ на службу къ этой грубой фигурѣ въ парчевой одеждѣ. Оно подчинитъ волѣ Мамоны еще тысячи дѣвушекъ и еще больше юношей съ мускулистыми руками. Чувствуя, что не заснетъ больше, съ тяжелой головой отъ хлораль-гидрата, Мюиръ одѣлся и спустился въ свою мастерскую. Полуприкрытый рожокъ слабо освѣщалъ громадную мрачную комнату. Трепетный свѣтъ пробѣгалъ по инструментамъ, по свернутымъ кругомъ мѣдной проволоки, обмотанной зеленымъ желкомъ, да по никелированнымъ стальнымъ рычагамъ. Подъ вліяніемъ переутомленія и хлораль-гидрата, сознание дѣйствительности терялось. У Мюира рождались вопросы: развѣ это только проволоки, а не оборванные нервы? Развѣ это дѣйствительно приложенные рычаги, а не берцовыя и лучевыя кости? Больное сердце билось неровно и сильно. Оно то стучало, какъ молотъ, то замирало, какъ будто желая оборваться. И безсознательный, безпричинный, не поддающійся контролю воли страхъ охватилъ

Мюира. Ему стало казаться, что дѣтище его, смутно вырисовывавшееся по срединѣ мастерской подѣ полотномъ, уже не бездушная машина, которую какая-то ошибка препятствуетъ привести въ движеніе, а живое существо. Въ полуоткрытое окно подулъ предразсвѣтный вѣтеръ съ рѣки и вспузырилъ слегка полотно. Мюиру показалось, что машина ожила и расправляетъ застывшія отъ долгаго бездѣйствія мышцы. „Что, если сорвать полотно?“—сверкнуло въ головѣ изобрѣтателя. И мгновенно же представилось, что если онъ сдѣлаетъ это, то найдетъ грузную, жестокую фигуру, придавившую своею тяжелой, какъ колода, ногой юношу съ мускулистыми руками. Порывъ бѣшенства на мгновеніе затуманилъ голову Мюиру. Онъ схватилъ молотъ, чтобы сокрушить чудовище; но затѣмъ наступилъ припадокъ. На другое утро Мюира нашли на полу безъ памяти. Сейчасъ же вызвали родныхъ его. Врачъ предписалъ, прежде всего, немедленно увести подальше изобрѣтателя отъ машинъ и чертежей. И вотъ вся семья жила временно въ *boarding house*, покуда молодой человѣкъ оправится настолько, чтобы принять энергичное англійское лѣкарство отъ переутомленія—продолжительное морское путешествіе. Одна изъ дамъ, жившая въ пансіонѣ, принадлежащая къ модной сектѣ *Christian Science*, совѣтовала полѣчить молодого человѣка молитвой.

— Да развѣ вы всѣ болѣзни можете лѣчить такимъ образомъ?—спросилъ какъ-то старикъ Мюиръ.

— Конечно. Болѣзнъ только условное понятіе. Матерія только представленіе нашего духа. А духъ не можетъ болѣть,—отвѣтила дама.

— Ну, однако же, чирей, напр., вокакиваетъ не на духѣ, а на тѣлѣ. Что вы съ нимъ будете дѣлать?

— Чирей означаетъ только, что вы вѣрите въ боль. Вся болѣзнъ—отъ предразсудка и отъ невѣрія. Сколько такихъ предразсудковъ у насъ! Напр., купанье новорожденныхъ!

— ?!

— Да, обмываніе дѣтей такъ же неестественно, какъ если бы мы вынимали каждый день рыбку изъ ея родной стихіи и обмывали бы ее, съ гигиенической цѣлью, грязью.

Но дама не убѣдила Мюировъ. Ихъ смилъ готовился къ продолжительному путешествію и, новинному, выжидалъ лишь сезонъ для плаванія. Я близко сошелся съ Мюирами. Какъ-то разъ мы сидѣли вмѣстѣ съ молодымъ человѣкомъ. Онъ читалъ, затѣмъ поднялъ голову отъ книги и сказалъ: „какое удивительное мѣсто, посмотрите!“ Я взялъ поданную мнѣ французскую книгу и прочиталъ: „Съ ранней юности я испытывалъ страстное желаніе путешествовать по отдаленнымъ странамъ, куда рѣдко заглядываютъ европейцы. Такое желаніе свойственно извѣстному періоду, когда жизнь кажется намъ безпредѣльной, когда умъ

требует форсированной деятельности, когда намъ нужна борьба и хочется испытать опасности... Уже въ ранней молодости я мечталъ объ океанѣ и объ отдаленныхъ странахъ. Земли, про которыя я зналъ только по яркимъ описаніямъ путешественниковъ, представляли для меня чарующую прелесть. Я мечталъ разрѣшить все, что на умѣ казалось смутнымъ и неопредѣленнымъ въ этихъ далекихъ краяхъ. Все окружающее представлялось мнѣ такимъ скучнымъ и прозаичнымъ. На корешкѣ книги я прочиталъ: „Voyage dans les régions équinoxiales du nouveau continent“. То былъ французскій текстъ знаменитаго отчета Александра Гумбольдта объ его путешествіи, которое называютъ научнымъ открытіемъ Южной Америки.

Съ тѣхъ поръ я постоянно видѣлъ въ рукахъ Мюира эту книгу, изъ которой потомъ прибавилась другая: „Manual da Conversação“. Въ гостиной по утрамъ, когда тамъ не было публики, цѣлыми часами слышался шопотъ: „Eu tenho, tu tens“ (я имѣю, ты имѣешь). Молодой Мюиръ учился по португальски, потому что собирался въ Бразилію. Отъ него я услышалъ ту же фразу, которую сказалъ мнѣ уже разъ его отецъ: „Семейныя традиціи соединяютъ насъ, Мюировъ, съ Южной Америкой, а именно, съ Бразиліей“. Семейныя традиціи въ Англіи, какъ извѣстно, значатъ много. Въ силу ихъ въ однихъ семьяхъ изъ вѣка въ вѣка старшій сынъ идетъ во флотъ, а младшій—въ священники, хотя молодые люди порою проявляютъ какъ разъ противоположныя наклонности: моряка тянетъ къ стихарю, а священника — на капитанскіе мостки. Въ силу семейныхъ традицій лорды Девонширскіе — вичи, а лорды Норфолькскіе—непримиримые торы. Леббоккы ведутъ банкирскія операціи два вѣка. Знаменитый ученый сэръ Джонъ Леббокъ (теперь лордъ Авербери), прежде всего, банкиръ. Наука это его развлеченіе, его „hobby“. Объясненіе Мюира, что онъ идетъ въ Бразилію по семейнымъ традиціямъ, меня не удивило. Мнѣ хотѣлось только знать, какого рода онѣ. И я узналъ потомъ. „Традиція“ сложилась болѣе вѣка тому назадъ. Она переноситъ насъ въ то время, когда въ Англіи общество и корона были еще двумя враждующими лагерями. Общество требовало нравъ; корона полагала, что, уступивъ обществу, она теряетъ свой престижъ. Незадолго до того, какъ сложились бразильскія традиціи въ семьѣ Мюировъ, издатель газеты North Briton былъ отправленъ въ Тоуэръ при такомъ отношеніи: „Препровождается при этомъ Джонъ Уильксъ, сочинитель и издатель крайне гнуснаго и матемаго листа, именуемаго „North Briton, № XLV“, стремящагося побудить къ бунту противъ его величества вѣрнооподанныхъ его“. Еще черезъ нѣсколько лѣтъ Юніусъ въ одномъ изъ своихъ писемъ такъ обращался къ Георгу III: „Не слушайте людей, которые по снѣготу своей или изъ корыстныхъ цѣлей пугаютъ васъ и вселяютъ недовѣріе къ обществу. Сосовате предъ-

представителей вашего народа. Забудьте архаическія формальности и обратитесь къ выборнымъ съ смѣлой рѣчью, приличествующей мужественному человѣку и джентельмену, любящему родину. Скажите представителямъ вашего народа, что приближенные, которыхъ вы довѣряли, — до сихъ поръ фатально скрывали отъ васъ истину. Такое призваніе не только не ослабитъ, а, наоборотъ, крайне увеличитъ вашъ престижъ. Скажите народнымъ представителямъ, что вы устраните всякую причину недовольства. Общайтесь, что вы станете довѣрять только такимъ лицамъ, которыхъ общество само облекло своимъ довѣріемъ". Какъ все измѣнилось съ тѣхъ поръ въ Англіи! Совѣтъ Юніуса давно исполненъ. Средніе англичане не могутъ себѣ даже представить того времени, когда не было взаимнаго довѣрія между обществомъ и короной. Теперь въ Тоуэръ никого не отправляютъ: прежняя когда-то государственная тюрьма превратилась въ простой открытый историческій музей. И, не смотря на почти безграничную политическую свободу, тронъ въ Англіи теперь гораздо прочнѣе, чѣмъ во времена Георга III, когда престижъ короны охранялся тюрьмой и ссылками. Къ концу XVIII вѣка реакція въ Англіи усилилась подъ вліяніемъ французской революціи. Встревоженный король захотѣлъ опереться только на бюрократію, которая добилась такого значенія, какого не имѣла ни раньше, ни позже. Въ это время Томасъ Пэнъ выступилъ со своимъ знаменитымъ памфлетомъ „The Rights of Men“, въ которомъ бюрократія отождествлялась съ правительствомъ и противопоставлялась обществу. Теперь этотъ памфлетъ — только забытый историческій документъ. Въ моментъ же своего появленія онъ создалъ бурю.

Порядокъ поддерживается не правительствомъ, а обществомъ, — таково то основное положеніе, которое стремится доказать Томасъ Пэнъ. Порядокъ, наблюдаемый въ цивилизованныхъ странахъ, создается не дѣятельностью правительства. Онъ обусловливается какъ существованіемъ общества, такъ и основными свойствами человѣческаго характера. Порядокъ существовалъ до возникновенія правительства и продолжалъ бы существовать, если бы послѣднее исчезло. Общіе интересы различныхъ группъ культурнаго народа и взаимное вліяніе, которое человѣкъ имѣетъ на человѣка, — создаютъ великую цѣпь, связывающую всѣхъ вѣстѣ. Землевладелецъ, фермеръ, фабрикантъ, торговецъ, ремесленникъ и пр. могутъ преуспѣвать только вслѣдствіе помощи, получаемой ими другъ отъ друга. Общіе интересы регулируютъ предпріятія этихъ людей и создаютъ соответствующіе законы. И законы, выработанные потребностью каждаго дня, имѣютъ гораздо большее вліяніе, чѣмъ законы, издаваемые правительствомъ (т. е. бюрократіей, безъ содѣйствія общества). Короче сказать, каждое общество дѣлаетъ для себя все то, что приписывается обыкновенно правительству. Чтобы понять, каково идеальное правительство, на-

болѣе соответствующее человѣку, нужно изучить характеръ послѣдняго. Такъ какъ природа создала человѣка для жизни въ обществѣ, то она и надѣлила его соответственно съ этимъ. Природа устроила такъ, что всѣ потребности человѣка сильнѣе его индивидуальных силъ. Никто не можетъ безъ содѣйствія общества заботиться о своихъ собственныхъ нуждахъ. И это обстоятельство также естественно соединяетъ индивидуумовъ въ общество, какъ падаетъ на землю выпущенный изъ руки камень. Природа пошла дальше. Она не только объединила людей въ общество взаимными потребностями, но надѣлила также индивидуума системой социальныхъ инстинктовъ, которые хотя и не нужны для существованія, но важны, какъ источники счастья. Нѣтъ такого періода въ жизни, когда эта любовь къ обществу перестаетъ существовать.

Внимательно изучивъ человѣка, — продолжаетъ Томасъ Пэнъ, — познакомившись съ разнообразіемъ его потребностей и съ его тяготѣніемъ къ обществу, мы легко замѣтимъ, что необходимость въ бюрократіи въ значительной степени призрачна. Правительство нужно въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда общество недостаточно компетентно. Не трудно, кромѣ того, найти факты, свидѣтельствующіе, что всѣ функціи правительства исполнялись зачастую обществомъ по взаимному соглашенію.

Въ теченіе двухъ лѣтъ со времени начала американской войны, а въ отдѣльных штатахъ и дольше, — въ Соединенныхъ Штатахъ совсѣмъ не было правительства. Старое правительство было уничтожено, а Америка была такъ занята организаціей защиты, что у ней не было времени заняться выборомъ новаго. Не смотря на это, во время перерыва, порядокъ и гармонія такъ же поддерживались, какъ въ любой европейской странѣ. У человѣка, а въ особенности, у общества есть естественное свойство приспособляться къ окружающимъ условіямъ. Какъ только формальное правительство перестаетъ существовать, начинается дѣйствовать это естественное свойство. Взаимная помощь порождаетъ взаимную безопасность.

Утверждалось, что отиѣна правительства равносильна распаденію общества. Это совершенно невѣрно, — говоритъ Пэнъ. — Скорѣе мы наблюдаемъ совершенно обратное явленіе: въ подобномъ случаѣ общество, вмѣсто того, чтобы распасться, тѣснѣе обнимается. Общество само беретъ тогда на себя тѣ функціи, которыя оно прежде поручало правительству. Когда люди пришли съ социальной жизни, то всякая радикальная перемѣна, которую общество дѣлаетъ, — свершается безъ всякой опасности для послѣдняго. Короче сказать, человѣкъ до такой степени является продуктомъ общества, что виѣ послѣдняго почти невозможно себѣ его представить.

Чѣмъ болѣе совершенна цивилизація, тѣмъ болѣе умѣетъ общество само заботиться о своихъ собственныхъ дѣлахъ. Со-

отвѣтственно съ этимъ въ такой же пропорціи уменьшаются функціи правительства. Между тѣмъ, въ практической жизни мы видимъ, что правительственные расходы, вмѣсто того, чтобы уменьшаться, увеличиваются съ ростомъ общественнаго самосознанія.

Въ Англіи уже много лѣтъ не существуетъ того противопоставленія общества правительству, которое дѣлаетъ Пэнъ. Послѣ ряда реформъ всѣ классы населенія призваны къ общественной жизни. И не только въ Англіи противопоставленія не существуетъ, но рядовой англичанинъ не въ состояніи себѣ даже представить страны, въ которой правительство и общество не есть тожество.

The Rights of Man произвели потрясающее впечатлѣніе въ Англіи. Пэнъ долженъ былъ бѣжать. Ненависть къ нему была такъ велика, что когда, черезъ десять лѣтъ послѣ смерти автора (въ 1809 г.), Кобетъ привезъ его кости изъ Америки въ Англію, правительство конфисковало прахъ писателя. Казенные обвинители аттестовали Пэна не иначе, какъ „злбнымъ демономъ“ и „шотландской чумой“. Авторъ памфлета скрылся; но правительство привлекло къ отвѣтственности распространителей. Возникъ большой политическій процессъ, въ результатъ котораго четыре человѣка: Маргаротъ, священникъ Томасъ Пальмеръ, докторъ Джеральдъ и адвокатъ Томасъ Мюиръ были присуждены къ ссылке въ каторжныя работы въ Австралію на четырнадцать лѣтъ. Всѣ осужденные занимали видное общественное положеніе и имѣли много друзей. Этимъ и объясняется суровость приговора: правительство желало терроризировать общество. Осужденныхъ заковали, посадили на каторжный корабль и доставили въ Портъ Джексонъ. Но друзья осужденныхъ не теряли времени. Черезъ годъ Томасъ Мюиръ бѣжалъ изъ Австраліи въ Ріо Жа-нейро, гдѣ прожилъ восемь лѣтъ. Онъ былъ прадѣдомъ молодого изобрѣтателя. И съ тѣхъ поръ въ семьѣ сложился по традиціи культъ Бразиліи.

IV.

Незадолго до отъѣзда Мюира у насъ былъ большой разговоръ о правахъ, объ обязанностяхъ и о долгѣ. Собственно, говорилъ, главнымъ образомъ, Мюиръ. Я слушалъ. Меня крайне заинтересовало не абсолютное достоинство афоризмовъ, которые я слышалъ (они не отличались ни оригинальностью, ни глубиной), а раскрывавшаяся предо мною психологія средняго англичанина.

— Культура должна развить въ человѣкѣ три достоинства,—доказывалъ мнѣ Мюиръ,—самоуваженіе, самопознаніе и контроль надъ собой. Важнѣе всего самоуваженіе, такъ какъ послѣдствіемъ его является выработка идеала и сознаніе въ насъ самихъ силы для достиженія его. Достоинство и благородство идеала нахо-

дается, конечно, въ прямой зависимости отъ степени умственного и душевнаго развитія индивидуума. Наиболее элементарная форма идеала это—стремленіе жить „прилично“. Надъ этимъ много глумились, хотя не знаю почему: желаніемъ англійскихъ массъ жить „прилично“, т. е. при сносныхъ условіяхъ, обусловливается начало общественныхъ движеній. Затѣмъ являются высшія формы самоуваженія, порождающія у благородныхъ людей стремленіе къ возвышеннымъ идеаламъ. Прогрессивное общество должно, прежде всего, пробудить элементарное самоуваженіе и доставить возможность наибольшему числу индивидуумовъ жить „прилично“, т. е. при сносныхъ условіяхъ. При моемъ праѣдѣ, конечно, общественный порядокъ былъ таковъ, что долгъ обязывалъ каждое честнаго человѣка, прежде всего, бороться съ произволомъ. Не все это прошло. Общественная машина у насъ работаетъ правильно. Когда-то мой праѣдъ, какъ шенперъ на тонущемъ кораблѣ, взывалъ ко всѣмъ молодымъ людямъ: „All hands to the pump!“ *) Тогда нужно было спасать гражданскую свободу. Теперь дѣло терпится, покада каждый устроитъ свою личную жизнь.

— Каковы же ваши личные планы, если позволите спросить, мистеръ Мюиръ?

— Прежде всего, выздороветь. Нужно подтянуться и укрѣпить нервы. Затѣмъ я постараюсь добиться независимаго матеріальнаго положенія въ жизни. Французскій авторъ не совсѣмъ ошибается, когда говоритъ: „Un philosophe qui a six mille livres de rente a la pierre philosophale“. Если мнѣ удастся это, у меня окажется досугъ, который я посвящу службѣ странѣ. Я попытаюсь тогда заслужить довѣріе моихъ согражданъ, чтобы, такимъ образомъ, попасть въ „house“ (т. е. въ парламентъ). Видите, мы, англичане, составляемъ смѣту на много лѣтъ впередъ!

Черезъ недѣлю послѣ этого молодой Мюиръ уѣхалъ въ Бразилію. Еще черезъ двѣ недѣли прибыло письмо съ пути изъ Фунчала. Молодой человѣкъ писалъ, что почувствовалъ себя оразу гораздо лучше, какъ только корабль вышелъ изъ Англійскаго канала въ Атлантическій океанъ. Изъ С. Винцента (острова Зеленаго мыса) получилось громадное, восторженное посланіе. Молодой человѣкъ описывалъ океанъ, жизнь на кораблѣ и первыя впечатлѣнія, произведенныя Южнымъ Крестомъ. „По мѣрѣ приближенія къ тропикамъ,—писалъ молодой изобрѣтатель,—меня все больше и больше поражаетъ по ночамъ красота южнаго неба и новыя созвѣздія. Звѣзды, къ которымъ я привыкъ съ дѣтства, мало по малу исчезаютъ за горизонтомъ. Ничто не даетъ такого представленія о томъ, что родной континентъ далекъ, какъ видъ неба, усыяннаго незнакомыми созвѣздіями. Группировка звѣздъ первой величины, разбросанныя туманныя пятна, соперничающія

*) Т. е. всѣ на кораблѣ—къ насосамъ, откачивать воду.

что великолѣпно съ млечными путями, и пространства, совершенно лишённые звѣздъ,—придаютъ особый характеръ южному небу... Южный Крестъ поразилъ меня. Я гляжу на него по ночамъ и вспоминаю слова Данте:

*„Io mi volsi a man'destra e posi mente
All'altro polo, e vidi quattro stelle
Non viste mai fuorch'alla prima gente“.*

Затѣмъ наступилъ длинный перерывъ. Слѣдующее письмо прибыло уже изъ Портъ-офъ-Спейнъ, на Тринидадѣ. Молодой человекъ, очевидно, чувствовалъ себя великолѣпно, судя по жизнерадостному тону письма. Я переѣхалъ изъ пансіона и вскорѣ забылъ про Мюировъ, захваченный вихремъ новыхъ впечатлѣній. Про моихъ знакомыхъ напомнила мнѣ книжка „The Great River, notes on the Amazon and its tributaries“ (Великая рѣка. Забѣтки объ Амазонкѣ и притокахъ ея), которую получилъ года черезъ два изъ Саонъ-Антонию, въ Бразиліи. Авторомъ книжки былъ Мюиръ. Въ ней говорилось съ англійской точностью и обстоятельностью про добываніе резины въ лѣсахъ Амазонки. Описывалась жизнь работниковъ (Seringueiros), затѣмъ приводились цифры. Я перелисталъ книгу и отложилъ ее съ сознаніемъ, что мой пріятель, повидимому, нашелъ „his line“, свою линію, и осуществляетъ второй пунктъ своей программы. Еще черезъ годъ я встрѣтилъ въ „Contemporary Review“ статью Мюира о британской торговлѣ въ бассейнѣ Амазонки. Статья, повидимому, произвела впечатлѣніе, потому что потомъ я нѣсколько разъ находилъ въ парламентскихъ отчетахъ ссылки консуловъ на работу пріятеля. Потомъ такія статьи стали встрѣчаться довольно часто. Молодой изобрѣтатель рѣшительно составлялъ себѣ имя.

V.

Прошло семь лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Мюиръ уѣхалъ. Встрѣтились мы съ нимъ снова не въ прозанческой обстановкѣ лондонскаго boarding house. То было въ январѣ 1904 г.

Я плылъ на сѣверъ по Canale Grande. Какъ отдыхающій и набирающійся силъ туристъ, для котораго Венеція новинка, я не взялъ мѣста на одномъ изъ varogetti, т. е. на пыхтящемъ, рас-торопномъ пароходикѣ, а предпочелъ старинный способъ передвиженія, воспѣтый поэтами.

*„Tis a long cover'd boat that's common here,...
It glides along the water looking blackly,
Just like a coffin clapt in a canoe“ *).*

какъ описываетъ его Байронъ въ „Беши“.

*) „Это—продолговатая лодка, очень обыкновенная здѣсь. Она скользитъ по водѣ и имѣетъ мрачный видъ, подобно гробу, втиснутому въ челнокъ“.

— Palazzo Giustiniani, ora Hôtel de l'Europe! (Дворец Джустиниани, нынѣ—гостиница Европа), слышалъ я позади себя объясненія лодочника. Онъ называлъ дворцы, когда-то принадлежавшіе все лицамъ съ громкими историческими именами. Меня въ данный моментъ не интересовали совершенно ни эти имена, ни американскіе банкиры, австрійскіе трактирщики и французскія балетчицы, которымъ дворцы принадлежали теперь. Но лодочникъ привыкъ снабжать туристовъ такими историческими свѣдѣніями. Чтобы доставить удовольствіе моему невидимому лодочнику, я спрашивалъ его иногда, указывая на какой-нибудь обшупленный дворецъ:

— Come si chiama il suo attuale possessore? (Какъ зовутъ нынѣшняго владѣльца). Иногда оказывалось, что лодочникъ называлъ уже мнѣ имя раньше, но я не слышалъ. Чувство радостнаго, дѣтскаго блаженства наполняло грудь. Я наслаждался удивительнымъ воздухомъ, пропитаннымъ испареніями и солнечными лучами, любовался цвѣтными столбами съ обшлепными гербами, воднами, плескавшими объ изъѣденныя временемъ мраморныя ступени. Венеція—русалка, раскинувшаяся на песчаныхъ островкахъ и просушивающая на солнцѣ свои зеленые волосы—Giardini Pubblici. Чтобы постичь таинственную прелесть города, „выстроеннаго театральнымъ декораторомъ“, романтически настроенные туристы должны проѣхаться по каналамъ ночью, часовъ въ 11—12. Тогда во мракѣ воскресаютъ старые рассказы про трехъ инквизиторовъ, сеять десяти, замаскированныхъ шпионовъ, про свинцовыя тюрьмы и про тѣла, брошенныя въ Canale Orfano,—словомъ, вся мелодраматическая mise en scène средневѣковой Венеціи.

Въ данный моментъ меня занимала будничная Венеція: пытящіе varoretti, набитые рабочимъ людомъ, ползущія барки, въ которыхъ на грудахъ капустныхъ вилокъ и на кувшинахъ съ виномъ гомозились ребятишки. Вотъ едва не сѣдѣли двѣ гондолы, дожидавшіяся туристовъ. Воздухъ наполняется отчаянными криками и ругательствами. Можно подумать, что то два черныхъ сказочныхъ лебедя съ сверкающими стальными клювами готовы кинуться другъ на друга. Лодочники машутъ веслами и соперничаютъ одинъ предъ другимъ въ выборѣ энергичныхъ выраженій. Сперва идетъ миеологическая перебранка: тѣломъ Бахуса и кровью Дианы. Затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ страсти разгораются, ругательства принимаютъ болѣе современный и болѣе экспрессивный характеръ.

— Оса сесо (слѣпой гусь)!—кричитъ короткій, широкоплечій, корявый гондольеръ, заплетанныя панталоны котораго проявляютъ тенденцію сползти.

— Роспо (жаба)!—отвѣчаетъ другой лодочникъ, рыжій, небритый, сверкая бѣлками.

— Безкогій паукъ!

— Иадохшій крабъ съ обманной клешней!

— Assassino (убійца)!

— Tedesco (нѣмчура)!

— Spia (шпіонъ)!

— За „шпіона“ я тебѣ вгону весло въ поганую глотку!

Темпъ ссоры ускорился. Теперь изъ области позитивной ругательства перешли въ міръ метафизическій.

— Оселъ и молишься ослу!—крикнулъ корявый гондольеръ, энергично подтягивая сползшія панталоны.—Твой святой дуракъ, который и чуда порядочнаго не можетъ сдѣлать.

— А твоя патронесса—шлюха,—отвѣтилъ римскій лодочникъ. Только такой asinello (ослятина), какъ ты, можетъ разорваться ей на свѣчки.

Казалось, вотъ вотъ зеленныя волны большого канала обгратятся кровью; но черныя лебеди поворачиваютъ свои стальные клювы въ разныя стороны и только издали, изъ угла, доносятся:

— Pidocchio di mare (морская вошь)! — Последнее слово осталось за корявымъ лодочникомъ.

— Stail!—крикнулъ мой лодочникъ и повернулъ съ большого канала въ Качареджіо. Старый ganziero зацѣпилъ лодку крючкомъ и притянулъ ее къ берегу. Отсюда я хотѣлъ пройти нѣшкомъ до Піацетты, т. е. почти всю Венецію съ сѣвера на югъ. Прежде всего я попалъ въ узкую улочку, обстроенную высокими, облупившимися домами. У нѣкоторыхъ домовъ выпятились отъ времени нижніе этажи. У другихъ, наоборотъ, выгнулись дугой стѣны верхнихъ этажей, что сдѣлало ихъ похожими на дѣтей, страдающихъ водянкой. Съ мучительнымъ чувствомъ щемящей боли глядѣлъ я на эти мрачныя дома, на *Ghetto Vecchio*, которые въ теченіе столькихъ вѣковъ были сценой безпрерывной трагедіи. Политическая гроза давно уже очистила воздухъ и смела стѣны, которыми когда-то было обнесено гетто. Въ кварталѣ живутъ теперь просто бѣдные люди христіане и евреи рядомъ; но дома остаются каменной страшной легендой прошлаго. Когда надъ Италіей пронесся ангелъ примиренія, изъ этого гетто вышли люди, которые дрались вмѣстѣ съ Гарибальди за освобожденіе общей родины. Изъ этого гетто вышелъ отецъ того бойца, бронзовая статуя котораго стоитъ неподалеку отсюда. Я говорю о гордости Венеціи, о президентѣ Венеціанской республики въ 1848 г., о Даніелѣ Маннинѣ.

До Ріальто я быстро добрался по плану, но затѣмъ, вѣсто того, чтобы выйти на Мерчеріа,—запутался въ клубкѣ узенькихъ улочекъ и нѣсколько разъ попадалъ на одну и ту же площадь. Но вотъ, наконецъ, площадь Св. Марка, а затѣмъ и Піацетта съ двумя колоннами. На цоколѣ одной изъ нихъ, на которой стоитъ левъ Св. Марка, дождевыя капли въ теченіе вѣковъ выдолбили глубокіе желобки. Венеціанская легенда новаго вре-

мнѣ объясняетъ происхожденіе ихъ слезами, выплаканными крылатымъ львомъ во время австрійской неволи.

Былъ уже вечеръ, когда я добрался до парапета *Giardino Reale*. Отдыхающая толпа залила набережную. До карнавала оставалось еще дней десять, но кое гдѣ попадались уже дѣвчонки и мальчишки, наряженные клоунами, пьеро, турчанками и чертенытами. Они кувыркались, плясали и такъ заразительно хохотали, что на душѣ становилось весело, и даже на тяжелыхъ лицахъ нѣмецкихъ туристовъ расплывалась добродушная улыбка. Я не былъ въ Италіи шесть лѣтъ, и меня поражала теперь перемена. Въ первый разъ я перевалилъ черезъ Альпы въ 1898 году, нѣсколько дней спустя послѣ большого мятежа въ Миланѣ. Въ Италіи тогда чувствовалась удушливая атмосфера жандармскаго произвола, тюремъ, шпионскаго сыска и пр. Въ Аостѣ, въ Миланѣ — я видѣлъ всюду запертыя ставни клубовъ, редакцій прекращенныхъ газетъ да наръшетенныя картчею стѣны. Лица выражали застывшимъ выраженіемъ отчаянія. На улицахъ мнѣ постоянно попадались тогда военные патрули. Все это дѣйствовало такъ удручающе, что я покинулъ тогда изъ Милана навадъ въ Новару и Домодоссоло и черезъ Смильонъ выбрался изъ Италіи. Теперь я нашелъ совершенно иную атмосферу. Патрули, жандармскій сыскъ, агенты, провокаторы, подавленность — все это не только исчезло, но какъ будто бы никогда не существовало. Всюду чудился радостный, бодрый темпъ новой жизни. Это читалось на воихъ лицахъ; про обновленіе говорили книги и брошюры въ окнахъ книжныхъ магазиновъ, объявленія о большихъ митингахъ разнаго рода. Я находилъ другой тонъ даже въ статьяхъ „Il Giornale di Venezia“.

Бодрое настроеніе, вызванное дуновеніемъ новой жизни, перадалось и наблюдателю. Становилось такъ легко на сердцѣ. Зарождалась вѣра въ непрочность застою, въ то, что не можетъ быть народа, который вѣчно мирится бы съ удушливой атмосферой подвала...

Мимо меня, между тѣмъ, прошелъ плотный, широкоплечій, господникъ съ бронзовымъ отъ загара лицомъ. Онъ взглянулъ на меня пристально и прошелъ мимо, затѣмъ опять возвратился и подошелъ ко мнѣ съ протянутой рукой. Къ великому удовольствію, хотя не безъ труда, я узналъ молодого Мюира. Онъ сильно возмущалъ за семь лѣтъ, раздался въ плечахъ; на лицѣ его легла та прочная, несокрушимая увѣренность въ своихъ силахъ, которая насъ, жителей континента, больше всего поражаетъ.

Черезъ два часа послѣ того, къ концу обѣда въ гостиницѣ, помѣщающейся въ историческомъ дворцѣ Дондоли, я уже зналъ исторію Мюира за все время, что мы не видались. Сперва онъ, дѣйствительно, набирался только силъ. Съ этой цѣлью Мюиръ ходилъ вверхъ по Амазонкѣ отъ Пары до Манаосъ. Теперь

такое путешествіе не труднѣе, чѣмъ спуститься на пароходѣ отъ Нижняго до Астрахани. Роскошная тропическая растительность, фантастическія птицы, гнѣздящіяся въ ней, колоссальныя *podocarpus*, гнѣздящіяся на отмеляхъ и не боящіяся хлопанья пароходныхъ колесъ, — все это первое время только занимало Мюира, какъ отдыхающаго туриста; но скоро въ немъ пробудилось практическое чувство англичанина. Въ лѣсахъ по берегамъ рѣки и притоковъ ея въ громадномъ количествѣ растутъ „bor-gascha“, какъ называютъ тамъ резиновое дерево — *Hevea Brasiliensis*, доставляющее самый лучший матеріалъ въ мірѣ.

Добыча резины сводится къ тому, что отдѣльные предприниматели нанимаютъ небольшія артели работниковъ—*seringuiros*, которымъ платятъ гроши. Мюиръ быстро убѣдился, что, если предложить хорошую плату и производить при томъ расчетъ честно, т. е. деньгами, а не товарами, то можно наберечь большую партію, состоящую изъ самыхъ опытныхъ *seringuiros*, отлично знающихъ лѣса. Мелкіе португальскіе предприниматели рассчитываютъ только на одинъ сезонъ. После мошенническаго расчета, артель распадается. Хозяину приходится переѣзжать на новое мѣсто и набирать другихъ работниковъ, которыхъ онъ не успѣлъ обмануть. Какъ практическій англичанинъ, Мюиръ зналъ, что убыточнѣе всего вести дѣло на мошенничествѣ и на обманѣ. Серьезное дѣло требуетъ, чтобы расчетъ былъ составленъ на нѣсколько лѣтъ. Для этого приходится принимать во вниманіе интересы работниковъ. Мюиръ предложилъ *seringuiros* вдвое больше, чѣмъ они получали у португальцевъ. Расчетъ его оказался вѣрнымъ. Съ партіей отборныхъ работниковъ въ 200 человекъ онъ пошелъ по Рио-Мадерѣ до Саонъ-Антонио, вблизи котораго расположился въ лѣсу лагеремъ. Черезъ годъ операція дала очень хорошіе результаты. Мюиръ взялъ теперь партію не въ 200, а въ четыреста человекъ. Выше Саонъ-Антонио начинаются пороги, тянущіеся версты на двѣ. За порогами въ лѣсахъ очень много хорошихъ деревьевъ, но предприниматели туда не отправлялись, такъ какъ сплавлять внизъ по рѣкѣ лодки, нагруженные добытыми продуктами—очень опасно. Между тѣмъ, берега такъ теплы, что обойти пороги очень трудно. Такъ дѣло обстоило десятки лѣтъ. Но Мюиръ былъ изобрѣтатель. Онъ построилъ простую, но очень остроумную систему блоковъ, вродѣ той, которая примѣняется въ нѣкоторыхъ оловянныхъ рудникахъ въ Бельгіи. При помощи этой системы, легкіе челноки, нагруженные резиной, переправлялись на веревкахъ черезъ пороги. Такимъ образомъ, явилась возможность эксплуатировать нетронутые почти лѣса выше пороговъ. Черезъ пять лѣтъ Мюиръ доставилъ въ Пару 15 тысячъ тоннъ резины, т. е. половину всего груза, привозимаго туда ежегодно. Дѣло стало такъ прочно и основательно, что не требовало уже постоянного присутствія Мюира. Нѣсколько лѣтъ

онъ жилъ въ лѣсахъ, какъ простой *seringueiro*. Теперь онъ могъ возвратиться въ Европу и наѣзжать только разъ въ годъ мѣсяца на два, къ концу операціи. Мюиръ возвращался въ Англію, чтобы осуществить третій пунктъ своей программы, которую наметилъ себѣ семь лѣтъ тому назадъ: онъ намѣревался посылить родинѣ. Радикальная партія въ Гретна-Гринъ, гдѣ Мюиры жили уже во время Кромвеля, предложила молодому человѣку выступить ея кандидатомъ на ближайшихъ общинъ выборахъ. Партія соображалась съ тѣмъ, что радикализмъ—семейная традиція Мюировъ. Молодой человѣкъ былъ польщенъ довѣріемъ, оказаннымъ ему, и теперь ѣхалъ изъ Венеціи въ Гретна-Гринъ, чтобы тамъ подготовить почву. Какъ выяснилось изъ разговора, Мюиръ не только давно уже обдумалъ избирательную программу, но успѣлъ даже составить ее на переходѣ. Она не заключала въ себѣ ничего особенно оригинальнаго и смѣлаго съ англійской точки зрѣнія. Мюиръ пошелъ изъ того положенія, что массы должны сами высказать черезъ своихъ непосредственныхъ представителей въ парламентъ, какія реформы имъ нужны. Теперь работники не всегда могутъ посылать въ палату общинъ своихъ товарищей въ силу того, что коммюнеры не получаютъ вознагражденія. Вотъ почему первымъ пунктомъ программы Мюира было жалованье членамъ парламента. Вторымъ пунктомъ программы являлся государственныи пенсіонъ въ размѣрѣ пяти шиллинговъ въ недѣлю для всѣхъ 60-тилѣтнихъ стариковъ, не опороченныхъ судомъ. Деньги эти должны идти, не какъ пособіе, а какъ признательность общества за трудовую жизнь. Полученіе пенсіона не должно, поэтому, лишать права участвовать въ выборахъ. Для осуществленія реформъ, заключающихся въ первомъ и во второмъ пунктахъ программы, требуются новыя источники государственныхъ доходовъ. Мюиръ, съ этой цѣлью, предлагалъ обложеніе земельной собственности и прогрессивный налогъ на, такъ называемое, незаработанное приращеніе ренты (*The Unearned Increment*). Лэндлордъ, какъ нашелъ еще Рикардо, „богатѣетъ во время она“. По мѣрѣ того, какъ общество прокладываетъ новыя дороги, устраиваетъ дренажъ, заводитъ парки и пр., земля автоматически, безъ всякой затраты со стороны владѣльца, увеличивается въ цѣнѣ. Въ Лондонѣ, напр., за двадцать лѣтъ „незаработанное приращеніе ренты“ составляетъ сумму въ 7.154,844 ф. ст. По расчетамъ Мюира, прогрессивный налогъ на „*Unearned Increment*“ не только покроетъ расходы, сопряженные съ наметченными имъ преобразованиями, но дастъ даже возможность снять пошлины съ чая, кофе и какао, т.-е. позволить осуществить реформу, которую глэдстоніанцы называютъ *free breakfast*. Такимъ образомъ, Мюиръ выступалъ крайнимъ фронтродеромъ. Онъ привезъ съ собою объяснительную записку, въ которой до-

казывалъ невыгодность возвращенія къ протекціонизму. Приходилось только удивляться тому, какъ внимательно слѣдитъ Мюръ въ бразильскомъ лѣсу за фискальной борьбой въ Англии. Въ объяснительной запискѣ были и ссылки на Адама Смита, Рикардо и Милля, и статистическія таблицы, взятія изъ официальныхъ отчетовъ канадскихъ и австралийскихъ торговыхъ палатъ. По мнѣнію Мюра, возвращеніе къ протекціонизму было бы немыслимо даже въ томъ случаѣ, если бы Британская имперія представляла экономическій микрокосмъ, т.-е. когда колоніи могли бы потреблять все фабрикаты, выработанные метрополіей изъ сырья, доставленнаго колоніями же. А между тѣмъ, имперія не представляетъ такого экономически самодовлѣющаго міра. Колоніи не могутъ явиться рынкомъ для всехъ фабрикатовъ метрополіи. Метрополія не можетъ скупить все сырье колоній. Кромѣ того, Канада и Австралія все больше и больше сами становятся промышленными центрами. Въ недалекомъ будущемъ такимъ же центромъ явится и Индія. Такова въ общихъ чертахъ была сущность объяснительной записки Мюра. Последнимъ пунктомъ его избирательной программы былъ гомруль, Home Rule all round, т.-е. областныя сеймы не только для Ирландіи, но для Шотландіи и Уэльса. Парламентъ долженъ превратиться въ мозгъ громаднаго имперскаго федеративнаго союза отдѣльныхъ независимыхъ демократій.

— Ну, а если палата лордовъ отвергнетъ реформу, принятую уже коммонерами? Что тогда?—спросилъ я.

— Тогда коммонеры должны упразднить лордовъ,—спокойно отвѣтилъ Мюръ.—Общество имѣетъ право сдѣлать все, что оно найдетъ выгоднымъ для себя.

Я пожелалъ пріятелю успѣха на выборахъ, и мы разстались.

Мюръ—только средній представитель, такъ называемаго, среднего класса, соответствующаго континентальной буржуазіи. Отличіе отъ послѣдней заключается въ слѣдующемъ. Французская буржуазія, напр., представляетъ уже немало признаковъ гниліи и разложенія. Англійскіе средніе классы, покуда, поражаютъ еще наблюдателя своею удивительной энергіей и жизненной силой. Они не утратили еще той творческой мощи, которую проявили 250 лѣтъ тому назадъ, когда впервые появились на поляхъ Тюрка и Марстонъ Мура съ войсками Карла I. Покуда въ Англии средніе классы занимаютъ теперь почти всю арену. Аристократія безнадежно и окончательно обанкротилась духовно. Массы же, въ силу особыхъ условій, о которыхъ мнѣ приходилось уже писать *), до послѣдняго времени почти не принимали непосред-

*) См. „Новый Фашизмъ“ въ „Очеркахъ современной Англии“.

ственного и прямого участія въ политической жизни страны. Наиболее энергичная часть пролетаріата въ трудныя минуты находила болѣе выгоднымъ для себя идти въ сторону наименьшаго сопротивленія, т.-е. переселялась въ колоніи, гдѣ возродились новыя демократіи. Только теперь англійскій пролетаріатъ рѣшилъ имѣть въ парламентѣ свою собственную партію. Въ слѣдующемъ номерѣ я постараюсь познакомить читателей съ среднимъ кандидатомъ, выставленнымъ трудящимися массами.

Діонео.

Воспоминанія о Чернышевскомъ.

I.

Я помню, еще въ раннемъ дѣтствѣ мнѣ попался фантастическій польскій рассказъ. Герой его молодымъ человѣкомъ пробрался потаеннымъ ходомъ въ погребокъ, гдѣ хранилось чудесное старое вино, лежавшее въ землѣ, въ невѣдомомъ тайникѣ, нѣсколько столѣтій. Молодой человѣкъ выпилъ стаканъ и заснулъ. Заснулъ такъ крѣпко, что, пока онъ спалъ въ своемъ убѣжищѣ,—на землѣ бѣжали года, событія смѣнялись событіями, XVIII столѣтіе отошло въ вѣчность, Польшу раздѣлили между собою враги. И вотъ, въ одинъ прекрасный день, на улицѣ русской уже Варшавы, съ вывѣсками на двухъ языкахъ и съ городовыми на каждомъ углу—появляется какая-то архаическая фигура въ старопольскомъ одѣяніи, съ „карабеллой“ у пояса, съ кармазиновыми отворотами рукавовъ и съ страшной сѣдой бородой.

Дальнѣйшая часть рассказа посвящена развитію этого совершенно исключительнаго и, повидимому, невозможнаго положенія.

Такое именно невозможное и фантастическое явленіе совершилось почти на нашихъ глазахъ съ Чернышевскимъ. Правда, надъ его головой промчалось не столѣтіе, а всего двадцать лѣтъ, но эти двадцать лѣтъ стоили цѣлаго вѣка. Въ эти двадцать лѣтъ фнзіономія Россіи измѣнилась, пожалуй, болѣе, чѣмъ за цѣлопредшествовавшее столѣтіе. Въ остальномъ параллель тоже очень близка. Опьяненный захватывающимъ, одуряющимъ потокомъ событій, надеждъ и ожиданій только что начавшейся реформы,—онъ попадаетъ въ далекіе казематы Нерчинска, Акатуй, потомъ на Вилуй. Развѣ все, что онъ тамъ видѣлъ, въ этихъ глухихъ углахъ, отставшихъ на цѣлое столѣтіе даже отъ дореформенной Россіи—не могло показаться страннымъ сномъ, подъ далекіе отголоски оставленной жизни, гулъ которой катился надъ его

головой, какъ гуль и выстрѣлы осажденной Варшавы надъ головой спящаго въ подземельи поляка?

Безъ сомнѣнія, когда этотъ полякъ исчезъ невѣдомо куда,— его искали, можетъ быть, даже догадывались, что онъ недалеко, можетъ быть, рылись и стучали въ нѣсколькихъ саженьхъ въ стѣны погреба. А потомъ стали забывать, и, наконецъ, тѣ, кто искалъ, перемерли одинъ за другимъ, а въ средѣ оставшихся потомковъ повторялась только легенда,—что былъ еще одинъ человѣкъ и даже хорошій былъ человѣкъ, но исчезъ безъ слѣда.

Чернышевскаго тоже искали. Его потеря была очень чувствительна для передовой части русскаго общества, и примириться съ нею было очень трудно. Но постепенно его имя стало тоже превращаться въ легенду. Теперь, изъ моихъ читателей, рѣдко кто знаетъ уже, что были въ свое время попытки освободить Чернышевскаго, что одна изъ такихъ попытокъ чуть было не увѣчалась успѣхомъ, и что за это люди платили цѣлою жизнью каторги и одиночнаго заключенія. А между тѣмъ, все это было, и мнѣ пришлось даже встрѣтиться съ главнымъ героемъ главной попытки, именно съ Мышкинымъ, — когда его отправляли на Кару. Но уже въ то время, когда я его видѣлъ, другія событія и другія „злобы дня“ закрыли отъ общественнаго вниманія и имя Чернышевскаго, и самую попытку его освобожденія, такъ что теперь я могу передать лишь незначительныя черты этого эпизода. Мышкинъ явился въ Вилуюскъ въ формѣ жандармскаго офицера и предъявилъ предписаніе немедленно отдать ему Чернышевскаго для препровожденія, если не ошибаюсь, въ Иркутскъ. У исправника возникло подозрѣніе (говорили, будто у Мышкина эксельбантъ былъ повѣшенъ не на той сторонѣ, гдѣ надо, но, кажется, это невѣрно), тѣмъ болѣе, что пріѣзжіи не доставили предписанія отъ якутскаго губернатора. Исправникъ отказался выдать Чернышевскаго, Мышкинъ пытался бѣжать, былъ арестованъ и потомъ всетаки бѣжалъ и судился уже впоследствии по, такъ называемому, „большому процессу“. Послѣ этого Чернышевскій обратился съ положительной и категорической просьбой—не дѣлать впредь подобныхъ попытокъ, и эта просьба была напечатана въ 70-хъ годахъ въ заграничныхъ изданіяхъ. Въ послѣдующіе годы о Чернышевскомъ говорили все меньше и меньше. Его „Что дѣлать?“ читалось и комментировалось, но лучшія его произведенія, вся его яркая, кипучая и благородная дѣятельность постепенно забывалась, по мѣрѣ того, какъ истребывались и становились библиографической рѣдкостью книжки „Современника“. О самомъ Чернышевскомъ доходили до насъ смутныя, сбивчивыя слухи. Возникнувъ еще въ 70-хъ годахъ, когда въ одномъ извѣстномъ тогда стихотвореніи говорилось: .

...Угасаетъ въ далекой якутской тайгѣ
Яркій свѣточъ науки опальной,—

одинъ изъ этихъ слуховъ проводилъ Чернышевскаго въ могилу. Говорили, что умственные способности его угасли и даже, — что онъ помѣшанный. Что онъ до конца сохранилъ силу своего могучаго мозга—это онъ, впрочемъ, доказалъ въ послѣдніе годы невѣроятно энергической работой по переводамъ. Но что у него не „все въ порядкѣ“—объ этомъ я слышалъ еще за нѣсколько недѣль до его смерти и отъ людей, которые имѣли случаи видѣть его и говорить съ нимъ лично.

Самостоятельныя статьи его не имѣли уже особеннаго значенія и не были даже замѣчены.

Во всякомъ случаѣ, и онѣ вызывали покачиваніе головами необычностью въ наше время и странностью тона. Однако всѣ эти слухи совершенно невѣрны и легко объясняются двумя обстоятельствами: Чернышевскій всегда былъ немножко чужакомъ, это во-первыхъ. А во-вторыхъ, всѣ, на кого онъ производилъ такое странное впечатлѣніе, не читали, вѣроятно, того разсказа, о которомъ я упомянулъ вначалѣ,—и не принимали въ соображеніе, что Чернышевскій вернулся къ намъ изъ глубины 50-хъ и начала 60-хъ годовъ. Бѣда состояла не въ томъ, что онъ „измѣнился“... Нѣтъ, дѣло, наоборотъ, въ томъ, что онъ остался прежнимъ, съ прежними пріемами мысли, съ прежней вѣрой въ одинъ только всеустроительный разумъ, съ прежнимъ „пренебреженіемъ къ авторитетамъ“, тогда какъ мы пережили за это время цѣлое столѣтіе опыта, разочарованій, разбитыхъ утопій и пришли къ излишнему невѣрію въ тотъ самый разумъ, передъ которымъ преклонялись вначалѣ.

Чернышевскій явился къ намъ, какъ архаическая фигура поляка XVIII вѣка на макадамовой мостовой русской Варшавы. Насъ онъ не зналъ вовсе, а его мы успѣли забыть, и его обликъ,—прежній обликъ—казался намъ уже страннымъ.

Впрочемъ, кажется, я позволилъ себѣ уже слишкомъ длинное отступленіе отъ прямой задачи настоящаго небольшого очерка. Задача эта—сообщить тѣ (очень немногія, къ сожалѣнію) свѣдѣнія о Чернышевскомъ послѣ его ссылки, которыя мнѣ удалось собрать во время странствій въ сосѣднихъ съ нимъ мѣстахъ, частью отъ лицъ, жившихъ вмѣстѣ съ нимъ, частью же—отъ самого Чернышевскаго, котораго я видѣлъ и съ которымъ познакомился въ августѣ 1889 года, за два мѣсяца до его смерти.

II.

Говорили, что Чернышевскій писалъ въ послѣднее время свои мемуары, которые пересылалъ близкимъ людямъ въ Петербургъ. Современемъ, быть можетъ, мы узнаемъ подробности его дѣла, а также его жизни въ Сибири. Теперь же матеріаловъ по этому предмету очень мало. Рѣдкая смерть виднаго общественнаго дѣятеля проходитъ такъ мало отмѣченной въ литературѣ, какъ прошла въ свое время смерть Чернышевскаго. Нѣсколько скудныхъ некрологовъ, двѣ-три замѣтки—и все. Это-то обстоятельство и заставляетъ меня сообщить хоть то небольшое, что я знаю.

Въ 1881 году судьба закинула меня въ далекую Сибирь, въ ту самую Якутскую область, гдѣ въ это время уже находился Чернышевскій. Когда я былъ въ Иркутскѣ, меня опять встрѣтили здѣсь постоянно ходившіе слухи: говорили, что Чернышевскій умеръ и что за нѣсколько лѣтъ до смерти онъ уже былъ сумасшедшимъ. Объясняли даже причину: могучій умъ, истомленный бездѣятельностью, не находилъ исхода. Чернышевскій, будто бы постоянно писалъ съ утра до ночи, но, боясь, что рукописи (какъ бывало прежде) будутъ отобраны, сжигалъ ихъ въ каминѣ. Это будто бы и стало исходной точкой помѣшательства еще до перевода въ Якутскую область.

По прїѣздѣ на мѣсто, въ слободѣ Амгѣ, въ 200-хъ верстахъ отъ Якутска,—я узналъ, что слухъ о смерти положительно невѣренъ, а слухъ о помѣшательствѣ опровергался за все время пребыванія его въ Забайкальи. Оказалось, что, частью въ слободѣ, гдѣ я жилъ, частью не въ дальнихъ разстояніяхъ отъ нея—находились товарищи Чернышевскаго по заключенію. Это были такъ называемые „Каракозовцы“ (нынѣ всѣ уже возвращены въ Россію) или ссыльные по дѣлу о воскресныхъ школахъ, дѣлу еще болѣе раннему, о которомъ теперь почти уже исчезли самыя воспоминанія, какъ о первыхъ наивныхъ еще проблескахъ начинавшагося движенія, впоследствии въ 70-е и 80-е годы наводнившего Сибирь цѣлыми отрядами политическихъ ссыльныхъ.

Отъ нихъ я узналъ, что всѣ тревожные слухи о болѣзни Чернышевскаго не имѣли ни малѣйшаго основанія. Будучи высланъ сначала въ Нерчинскъ (кажется), Чернышевскій жилъ вмѣстѣ съ партіей поляковъ. Дворъ, обнесенный деревяннымъ частоколомъ съ заостренными концами, внутри—деревянные домики казенной упрощенной донельзя архитектуры, кордегардія съ конвойными солдатами, полосатая будка у воротъ, и изъ-за частокола кругомъ вдаль туманныя высокія горы Забайкалья,—такова обычная обстановка этихъ казематовъ. Поляки были по большей части люди простаго званія, которые каждый день уходили на работы

въ разрѣзѣ. Тогда во дворѣ, обнесенномъ частоколомъ, и въ сѣрыхъ домахъ съ рѣшетками становилось пусто и тихо, и только въ одной камерѣ сидѣлъ надъ своими книгами Чернышевскій. Я встрѣтилъ въ послѣдствіи одного изъ этихъ поляковъ. Онъ рассказывалъ мнѣ, что всѣ они очень уважали и любили Чернышевскаго. Его добродушіе, постоянная серьезность и умѣніе при случаѣ говорить просто съ простыми людьми приобрѣли ему общую симпатію, и они привыкли обращаться къ нему за разрѣшеніемъ своихъ споровъ и недоразумѣній, которые такъ часты въ этихъ тѣсныхъ норахъ, гдѣ люди отъ тоски готовы нерѣдко съѣсть другъ-друга, какъ мыши, попавшія въ стеклянную банку, откуда нѣтъ выхода. И Чернышевскій всегда съ необычайнымъ терпѣніемъ входилъ во всѣ мелочи подобныхъ разбирательствъ. До него, говорилъ мнѣ этотъ полякъ, дѣло доходило до того, что однажды, по общему приговору, поляки высѣли одного изъ своихъ товарищей. При немъ не повторялось ничего подобнаго.

Къ этому времени относится одинъ рассказъ, слышанный мною тоже отъ очевидца. „Вообще, говорилъ мнѣ одинъ интеллигентный полякъ, тоже жившій вмѣстѣ съ Чернышевскимъ, мы никогда не видѣли его унывающимъ или печальнымъ. О причинахъ своей ссылки онъ говорить не любилъ. „Богъ ихъ знаетъ, можетъ быть, они и знаютъ, за что сослали, а я не знаю“,—и затѣмъ отдѣлывался какимъ-нибудь анекдотомъ или шуткой. Только одинъ разъ мы видѣли, какъ онъ заплакалъ. Мы сидѣли съ нимъ на дворѣ, когда принесли письма и журналы. Чернышевскій надѣлъ очки, развернулъ книгу, перелистывалъ ее, потомъ книга выскользнула у него изъ рукъ, онъ всталъ и быстро ушелъ къ себѣ. Мы замѣтили у него на глазахъ слезы“. Въ журналѣ были напечатаны извѣстные стихи Н. Красова Муравьеву (тѣ самые, по поводу которыхъ прислано Некрасову стихотвореніе: „Не можетъ быть“). Когда я передавалъ этотъ эпизодъ современникамъ и знакомымъ Некрасова и Чернышевскаго,—они выражали нѣкоторые сомнѣнія въ точности самого рассказа или моей передачи. Помнится, что дѣйствительно стихи Некрасова Муравьеву были прочитаны на торжественномъ обѣдѣ, но напечатаны не были, и на вопросъ поэта—Муравьевъ будто-бы самъ отвѣтилъ: „Мой совѣтъ не печатать“. Я привожу этотъ рассказъ потому, во-первыхъ, что все-таки далеко не увѣренъ, что, хотя бы и по какому нибудь другому случаю, не было подобнаго эпизода; а во-вторыхъ, онъ до извѣстной степени рисуется настроеніе, которое приходилось переживать Чернышевскому въ далекомъ Забайкальи, когда до него доходили вѣсти о жестокостяхъ съ одной, и отступничествахъ съ другой стороны въ эти первые годы, послѣдовавшіе за его ссылкой...

Не знаю—въ Нерчинскѣ, или уже по переводѣ въ Акатуй въ тюрьму, гдѣ содержался Чернышевскій, стали присылать русскихъ

политическихъ сомыслихъ. Такимъ образомъ, составилось цѣлое общество, въ которомъ были также интеллигентные поляки и даже два гарибальдийца, участвовавшіе въ польскомъ восстаніи, воеворъ, впрочемъ, помилованные и высланные на родину.

Вся эта компанія жила однимъ кружкомъ, и только Чернышевскій по прежнему держался нѣсколько въ сторонѣ. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы онъ удалялся сознательно отъ товарищей по заключенію, — нѣтъ, онъ былъ знакомъ со всѣми, а съ нѣкоторыми даже довольно друженъ; но все-таки онъ стоялъ по возрасту и по интересамъ внѣ кружка, не участвуя въ его интимностяхъ, маленькихъ партіяхъ, ссорахъ и примиреніяхъ.

Порой въ общей камерѣ устраивались чтенія или рефераты. Въ кружкѣ были свои поэты, политико-экономы, критики и публицисты. Чернышевскій тоже слушалъ эти чтенія, а иногда и участвовалъ въ нихъ очень оригинальнымъ образомъ. Онъ приходилъ съ толстой тетрадью, садился, раскрывалъ ее и читалъ свои повѣсти, длинныя аллегоріи и т. д. Чтеніе это продолжалось иногда дватри вечера. Одинъ изъ слушателей (г. Шагановъ) записалъ впоследствии содержаніе нѣкоторыхъ изъ этихъ произведеній.

Я не стану повторять ихъ здѣсь, тѣмъ болѣе, что большая часть деталей, полученныхъ уже мною изъ вторыхъ рукъ, исчезли изъ моей памяти. Скажу только, что одинъ изъ записанныхъ г-мъ III—мъ рассказовъ представляетъ цѣлую повѣсть, съ очень сложнымъ дѣйствіемъ, съ массой приключеній, отступленій научнаго свойства, психологическимъ и даже фізіологическимъ анализомъ. Читалъ Чернышевскій неторопливо, но спокойно и плавно. Каково же было удивленіе слушателей, когда одинъ изъ нихъ, заглянувъ черезъ плечо лектора, увидѣлъ, что онъ самымъ серьезнымъ образомъ смотритъ въ чистую тетрадь и перевертываетъ не записанныя страницы.

Впоследствии и мой братъ, хорошо знавшій покойнаго, а отчасти и я самъ, имѣли случай убѣдиться въ этой удивительной способности къ импровизаціи, которая чрезвычайно походила на чтеніе хорошо написаннаго и въ совершенствѣ отдѣланнаго литературнаго разсказа. Здѣсь выступаетъ также и другая черта покойнаго, которую я узналъ въ немъ при личномъ знакомствѣ: это какое-то особое добродушное лукавство, съ которымъ онъ порой любилъ мистифицировать собесѣдника. Разговаривая съ нимъ, никогда не мѣшало держать ухо востро, чтобы не принять въ серьезъ какую-либо шутку. Кромѣ того, онъ часто, развивая какую-нибудь сложную мысль, — отмѣчалъ ходъ своей аргументаціи, такъ сказать, отдѣльными вѣхами, снимая всѣ логическіе моменты, облегчающіе слушателю возможность легко и безъ труда слѣдовать за нимъ, и вамъ приходилось дѣлать самые неожиданные скачки, чтобы не отстать и не потерять изъ виду общей связи. Но за то, если вы понимали его шутку и не теряли нити,

въ его добродушно-лукавыхъ глазахъ вспыхивало выраженіе удовольствія, почти наслажденія.

Такимъ я увидѣлъ его въ 1889 году, незадолго до кончины, такимъ же рисуешь его и приведенный только что рассказъ. Съ этой оговоркой я могу, пожалуй, привести и содержаніе самой повѣсти, прося помнить, что мы не имѣемъ данныхъ для сужденія, насколько мысли, въ ней высказанныя, слѣдуетъ принимать серьезно или считать простой шуткой, упражненіемъ могучаго и нѣсколько юмористически въ то время направленаго ума среди казематной скуки и казематнаго бездѣлья. Замѣчу, что заглавіе повѣсти было, по словамъ г. Шаганова: „Не для всѣхъ“.

Дѣйствующія лица: русская дѣвушка и два ея поклонника. Оба умны, оба хороши собой, оба влюблены въ нее. У обоихъ есть, конечно, свои особенности ума и характера, есть и недостатки; но все это природа распредѣлила между ними такъ, что черты одного дополняютъ черты другого. Дѣвушка и любитъ ихъ обоихъ. Когда порой она рѣшается отдать предпочтеніе одному изъ искателей, то чувствуетъ также, что другой образъ ей приходится съ болью отрывать отъ сердца, что тѣ свойства души, которыя приходится отвергнуть, тоже привлекаютъ ее и ей трудно отъ нихъ отказаться. Тогда два друга-соперника рѣшаются кинуть жребій, и одинъ уступаетъ съ пути, исчезая куда-то безвѣсти и навсегда.

Молодая женщина сильно чувствуетъ всетаки потерю; любовь мужа не можетъ дать ей полного успокоенія. Она чахнетъ и доктора совѣтуютъ путешествіе. На Великомъ океанѣ ихъ застаетъ штормъ. Корабль носится по волнамъ, безъ руля, съ изорванными парусами, приблизительно такъ, какъ это происходитъ во многихъ романахъ съ „захватывающей“ фабулой, которые съ большимъ юморомъ пародируются въ этой части рассказа. Конецъ бури застаетъ молодого человѣка и его жену погибающими въ волнахъ вблизи невѣдомаго острова. Въ послѣднія мгновенія, когда истощены всѣ силы,—кто-то кидается къ нимъ съ острова на помощь, и они спасены.

Но тутъ оказывается, что спасенные отъ ярости стихій,—они становятся „игралищемъ“ насмѣшливой судьбы. Ихъ спаситель—никто иной, какъ все тотъ же, навсегда исчезнувшій другъ и соперникъ, и вопросъ возникаетъ вновь въ формѣ тѣмъ болѣе трагической, что островъ совершенно необитаемъ, и они на немъ единственные жители, окруженные со всѣхъ сторонъ насмѣшливо ревущимъ океаномъ. Разыгрывается цѣлый романъ со сценами мученій ревности и безысходнаго отчаянія. Наконецъ, когда положеніе обостряется до послѣдней степени, кому-то (кажется, именно молодой женщинѣ) приходитъ въ голову исходъ изъ невыразимо запутаннаго положенія и при томъ исходъ, который если и грѣшитъ чѣмъ-нибудь, то именно излишней простотой. Затѣмъ

всѣ эти мученія, ведущія къ ненависти, къ возможности убійства, къ очевидной гибели всѣхъ троихъ, когда все дѣло въ томъ, чтобы жить всѣмъ троицѣ, то есть... втроемъ. Дѣло такъ ясно... Пробуютъ,—и послѣ легкой побѣды надъ нѣкоторыми укоренившимися чувствами—все устраивается прекрасно. Наступаетъ миръ, согласіе, и вмѣсто ада на необитаемомъ островѣ воцаряется рай.

Далѣе—опять, какъ въ романахъ съ приключеніями,—тоска по родинѣ, печальные взгляды на необозримую даль океана, парусъ на горизонтѣ, смѣна надежды, отчаянія, опять надежды... Они на кораблѣ, они въ Европѣ.

И именно въ Англіи. Они считаютъ ее страной свободы, а скрываться они не желаютъ, такъ какъ не признаютъ въ своемъ необычномъ союзѣ ничего противообщественнаго. Оказывается, однако, что именно въ Англіи, этой странѣ традицій и семейнаго романа, гдѣ развратъ терпится при условіи пуританскаго соблюденія внѣшности и рутинны, но величайшая добродѣтель не спасаетъ отъ наказанія за нарушеніе этой внѣшности, — ихъ союзъ производитъ соблазнъ, начинаются сосѣдскія сплетни, общественное мнѣніе вынуждаетъ власти къ вмѣшательству, и три наши героя оказываются на скамьѣ подсудимыхъ. Судъ, публика, рѣчи прокуроровъ, защиты, судей и подсудимыхъ — все это описывалось чрезвычайно подробно. Въ послѣднемъ словѣ одинъ изъ подсудимыхъ (кажется, именно, женщина) произноситъ блестящую рѣчь, гдѣ отстаиваетъ право каждого устраивать свою жизнь по указаніямъ своей совѣсти. Она рассказываетъ о своихъ попыткахъ устроить ее на основаніи общественнаго кодекса, о томъ, къ какимъ результатамъ чуть не привели онѣ всѣхъ троихъ; какъ ихъ выходъ спасъ отъ ненависти и убійства. Присяжные ихъ оправдываютъ, и они уѣзжаютъ въ Америку, гдѣ, среди броженія новыхъ формъ жизни, и ихъ союзъ находитъ терпимость и законное мѣсто.

Повторяю,—я не могу сказать, была ли это простая шутка, или тутъ отразилась обычная черта временъ „бури и натиска“, когда подвергаются пересмотру всѣ „общепринятые положенія“... Во всякомъ случаѣ, нѣкоторый элементъ шутки и лукаваго юмора присутствовалъ въ этомъ эпизодѣ несомнѣнно.

Кромѣ этой повѣсти, въ запискахъ, о которыхъ я говорю, приводилось еще содержаніе шуточно-аллегорической комедіи, написанной Чернышевскимъ и даже разыгранной въ казематѣ. Содержаніе этой шутки, юморъ, который весь испарился уже въ первой передачѣ, я, понятно, пересказывать не берусь.

III.

Большая часть этихъ товарищей Чернышевскаго были разосланы на поселеніе ранѣе его. Онъ проводилъ ихъ добрыми пожеланіями и напутствіями, а затѣмъ и самъ былъ переведенъ на сѣверъ, въ Якутскую область, на Вилюй.

Въ городъ Вилюйскъ, расположенный въ нѣсколькихъ сотняхъ верстъ на западъ отъ Якутска, на рѣкѣ того же имени,—не высылали русскихъ политическихъ ссыльныхъ. Въ шестидесятыхъ годахъ тамъ была выстроена особая тюрьма, приспособленная для помѣщенія одного арестанта. Сначала въ ней помѣстили д-ра Дворжакека, потомъ поляка Іосафата Огрызко, знаменитаго въ свое время тѣмъ, что, занимая въ Петербургѣ очень важный постъ въ министерствѣ финансовъ, онъ держалъ въ своихъ рукахъ вмѣстѣ съ тѣмъ многія нити „польской интриги“. Въ передовицахъ „Московскихъ Вѣдомостей“ много разъ имя Огрызко употреблялось, какъ нарицательное, для воплощенія „польскаго коварства“. Когда по манифестамъ, слѣдовавшимъ поочередно одни за другими, очередь помилованія дошла до Огрызко, который получилъ право свободныхъ переездовъ по Сибири и занялъ видное мѣсто по присковому дѣлу,—его тюрьма осталась пустой и туда перевели Чернышевскаго.

Объ этомъ періодѣ его сибирской жизни извѣстно еще менѣе. „Теперь встревоженная мысль летитъ къ нему туда, на Вилюй, въ холодную могилу, гдѣ онъ томится одинъ, въ мрачномъ одиночномъ заключеніи“,—приблизительно такъ кончались записки г. Шаганова. Тѣ самые люди, которые опровергли привезенные мной изъ Россіи слухи насчетъ помѣпательства Чернышевскаго въ Забайкальи,—повторяли эти тревожныя опасенія, перенося ихъ на Вилюй. Жизнь его тамъ, дѣйствительно, окружена была тайной, которая такъ рѣдко возможна въ Россіи.

Однажды къ намъ въ слободу пріѣхалъ новый писарь. Скромный, отягченный многочисленнымъ семействомъ и потому вынужденный иногда на нѣкоторыя сдѣлки съ совѣстью, онъ всетаки производилъ впечатлѣніе чловѣка, далеко не погрязшаго въ тинѣ глухихъ сибирскихъ угловъ. Онъ явился къ намъ, познакомился и попросилъ книжекъ, предлагая, въ свою очередь, пользоваться своими.

Въ числѣ послѣднихъ мнѣ попалась одна съ надписью: „Такому-то отъ Чернышевскаго“. Теперь я не помню уже, какая это была книга. Оказалось, что писарь служилъ ранѣе въ Вилюйскѣ и былъ хорошо знакомъ съ Чернышевскимъ. Онъ разсказалъ мнѣ, что тюрьма Чернышевскаго можетъ быть названа тюрьмой только на половину. Съ нимъ вмѣстѣ жили три (кажется)

жандарма; но у него была своя отдѣльная комната, и онъ могъ выходить изъ нея, когда угодно. Онъ былъ знакомъ въ городѣ съ исправникомъ, кое съ кѣмъ изъ чиновниковъ и купцовъ. Но выходилъ въ гости всетаки рѣдко и не засиживался долго. Его стѣсняло то обстоятельство, что жандармъ долженъ былъ издали слѣдить за нимъ и дожидаться, пока онъ выйдетъ, что, при рѣдкой деликатности Чернышевскаго, совершенно отравляло для него всякое удовольствіе этихъ посѣщеній. „Что его, бѣднаго, заставлять дожидаться... Нѣтъ, ужъ лучше прощайте“,—говорилъ онъ и уходилъ въ свою комнату-тюрьму.

Разъ въ мѣсяцъ небольшою городокъ, похожіи скорѣе на среднюю нашу деревню, оглашался звономъ почтоваго колокольчика; приходила почта, привозившая Чернышевскому письма, газеты и книги. Онъ тотчасъ же разносилъ книги по городу, принаровляясь ко вкусамъ читателей. Когда его спрашивали, отчего онъ такъ мало оставляетъ себя, онъ лукаво улыбался и говорилъ:

— А вы не поняли: разсчитъ! Вѣдь я обжора: накинусь, сразу все и поглочу. А такъ, по партіямъ мнѣ и хватить на цѣлый мѣсяцъ.

Онъ очень любилъ, когда у него просили книгъ, и охотно занимался со своими тюремщиками. Мнѣ пришлось встрѣтиться на Ленѣ съ молодымъ жандармомъ, который пріятно поразилъ меня нѣкоторыми оборотами рѣчи и начитанностью. Оказалось, что онъ въ теченіе года былъ приставленъ къ Чернышевскому и говорилъ мнѣ, что охотно принялъ бы еще на годъ эту командировку, не смотря на скуку почти тюремной жизни.

Эти свѣдѣнія вновь разсѣяли мои опасенія. Было очевидно, что этотъ человѣкъ удивительно владѣетъ собой, держитъ себя въ рукахъ и не даетъ тяжелому и безжизненному отупѣнію далекаго захолустья побѣдить свой могучій умъ и здравый смыслъ, который всегда отличалъ его и прежде, служа главнымъ орудіемъ его въ борьбѣ „съ псевдоучеными авторитетами“. Но сколько силъ растрчено въ этомъ пустомъ пространствѣ, въ бесплодной борьбѣ съ мертвымъ болотомъ! Я видѣлъ людей, которые прожили въ сибирской глуши гораздо меньше Чернышевскаго и не въ такихъ условіяхъ, и на нихъ подчасъ не оставалось чело-вѣческаго облика. Однажды, на Оби, къ пароходу, который везъ новую партію ссыльныхъ и присталъ къ обрыву берега, чтобы набрать дровъ,—вышли изъ ближайшихъ остоящихъ чумовъ нѣсколько остяковъ и остячекъ, съ дѣтьми. Одинъ изъ этихъ дикарей, одѣтый, какъ и другіе, въ звѣринныя шкуры, съ лицомъ, покрытымъ цѣлымъ слоемъ жиру и дыма, увидѣвъ на баржѣ „политическихъ“,—заговорилъ съ ними по русски. Оказалось, что это тоже политическій осыльный, поселенный среди остяковъ. Одна изъ остячекъ, бессмысленно глядѣвшая на чуждыхъ людей,—была его жена, а маленькіе дикари, прижимавшіеся къ

ней—его дѣти. Со слезами на глазахъ, онъ прощался съ незнакомыми товарищами, когда баржа тихо отчаливала отъ кручи, чтобы спуститься далѣе по широкой и пустынной Оби, и въ его рѣчи слышалось, что онъ уже разучивается говорить по-русски. Да, нужно было обладать могучимъ умомъ Чернышевскаго, чтобы не поддаться одиночеству долгой сибирской ссылки, безъ товарищей и друзей. Онъ не поддался, и насколько среда была къ этому способна,—подымалъ ее до себя. Но и ссылка взяла у него все, что могла. Отнявъ непосредственное общеніе съ живыми фактами интеллектуальной жизни, она лишила сильный умъ его естественной пищи, необходимой для того, чтобы идти на ряду съ этой жизнью. Могучимъ усиленіемъ онъ удержался на высотѣ прежнихъ способностей, но только удержался и именно на той ступени, на какой его застигла ссылка. Онъ вернулся къ намъ тѣмъ, чѣмъ былъ въ 60-хъ годахъ, а время,—къ худу ли, къ добру ли,—ушло далеко отъ этого мѣста. Правда, столкновеніе опьяняющихъ надеждъ и каземата, борьбы за передовыя реформы и допотопныхъ порядковъ Сибири,—это столкновеніе не могло не отразиться на немъ. И оно отразилось отѣнкомъ скептическаго юмора и нѣкоторымъ недоверіемъ къ прежнимъ „путямъ прогресса“. Но и только. Въ остальномъ,—повторяю, онъ не измѣнился.

Въ 1883 году весной опять пронесся у насъ, въ Якутской области, слухъ о смерти Чернышевскаго, но тотчасъ же этотъ слухъ замѣнился радостнымъ извѣстіемъ: Чернышевскаго возвращаютъ, Чернышевскій въ Якутскѣ.

Дѣйствительно, Чернышевскаго привезли съ Вилюя, провезли съ жандармами прямо въ губернатору, который его угостилъ завтракомъ, и тотчасъ-же, не давъ переночевать и отдохнуть,—повезли въ Россію, тщательно скрывая имя и не прописывая фамиліи на станціяхъ. Чернышевскій, сначала принявшій завтракъ у губернатора, какъ любезное гостепріимство, вскорѣ убѣдился въ истинномъ значеніи этой губернаторской любезности, когда ему не позволили оставаться въ городѣ для отдыха и покупокъ. Провожатые заѣхали только на нѣсколько минутъ и то, кажется, украдкой, къ одному знакомому обывателю, который впослѣдствіи, покачивая головой, говорилъ мнѣ:

— Отличный, образованный господинъ, а, кажется, того... не совсѣмъ въ порядкѣ.

— А что?

— Да какъ же, помилуйте. Ну, хотѣлъ сначала остановиться у меня отдохнуть. Жандармы говорятъ: „нельзя, строго наказалъ губернаторъ, чтобы отнюдь не останавливаться“. Вотъ стали садиться въ повозку, онъ и говоритъ жандарму: „надо бы хоть къ губернатору-то вернуться. Рубль, что ли, ему за завтракъ отдать“.

Помилуйте,—на что же это похоже! Неужто губернатору его рубль нуженъ!

Впослѣдствіи, когда я ѣхалъ назадъ, мнѣ рассказывали курьезный эпизодъ, связанный съ этимъ „секретомъ полишинеля“, какимъ окружали отъѣздъ Чернышевскаго изъ Сибири, о чемъ въ то время извѣстно было всей Россіи изъ газетъ.

За нѣсколько часовъ до выѣзда Чернышевскаго, по Ленѣ изъ Якутска отправилась почта. Почталіонъ, какъ и всѣ въ городѣ, конечно, зналъ, что Чернышевскій поѣдетъ вслѣдъ за нимъ, и, желая поусердствовать,—предупреждалъ всѣхъ смотрителей. Такимъ образомъ, подъѣзжая къ станціи въ лодкѣ, небольшой отрядъ съ важнымъ пересыльнымъ заставалъ уже на берегу готовыми новую лодку, лошадей для лямки и ямщиковъ въ парадныхъ (по возможности) костюмахъ. Это, наконецъ, обратило на себя вниманіе жандарма Машкова, расторопнаго служаки, съ которымъ и мнѣ пришлось познакомиться впослѣдствіи, имѣвшаго нѣсколько преувеличенное понятіе о своей миссіи.

— Что за чортъ,—удивился онъ.—Откуда вы знаете, что мы будемъ?

— Отъ почталіона такого-то. Проѣхалъ съ почтой и говорить: готовьтесь, Чернышевскаго везутъ.

— А, вотъ что! Онъ не обязанъ даже и знать-то, кого мы веземъ.

Машковъ усмотрѣлъ въ усердіи бѣдняги-почталіона разоблаченіе государственной тайны. Это, конечно, не удивительно. Гораздо удивительнѣе то, что усердный почталіонъ потерялъ мѣсто за то лишь, что зналъ весь городъ, и оказалъ жандармамъ дѣйствительную услугу, такъ какъ по всей Ленѣ ихъ ждали на берегу готовые лодки, лошади и ямщики.

IV.

Теперь, минуя то, что извѣстно изъ газетъ, я прямо перейду къ описанію личнаго свиданія моего съ Чернышевскимъ.

17 августа 1889 года, часовъ около 6 вечера, я позвонилъ у дверей деревяннаго флигеля во дворѣ, противъ общественнаго сада, въ Саратовѣ. Въ этомъ домикѣ жилъ Чернышевскій.

Въ Саратовѣ мнѣ рассказывали, что онъ и здѣсь, какъ въ Астрахани, живетъ отшельникомъ, ни съ кѣмъ не видится и доступъ къ нему очень труденъ, почти невозможенъ. Говорили даже, будто на дверяхъ вывѣшено объявленіе: „никого не принимаютъ“.

Объявленія, конечно, не было. Что же касается трудности доступа, то я это испыталъ на себѣ, хотя имѣлъ полное основаніе рассчитывать, что буду принятъ. Съ Николаемъ Гаврило-

вичемъ заочно я давно уже былъ знакомъ чрезъ брата, въ послѣдній же годъ мы съ нимъ немного переписывались. Онъ звалъ меня повидаться и, что еще важнѣе въ данномъ отношеніи,—такое же приглашеніе получилъ я отъ Ольги Сократовны, его жены. Года два передъ тѣмъ я писалъ брату, когда онъ жилъ въ Астрахани, что лѣтомъ очень бы хотѣлъ пріѣхать туда и познакомиться съ Н. Г., но тогда послѣдній отвѣтилъ:

— Нѣтъ, ужъ это не надо. Мы съ В. Г.—какъ два гнилыхъ яблока. Положи вмѣстѣ—хуже загниютъ,—намекая, очевидно, на то, что у насъ обоихъ репутація значительно въ глазахъ начальства попорчена.

Но въ послѣдніе годы этотъ строгій режимъ самъ Н. Г. значительно ослабилъ (я думаю,—у него и тутъ, какъ съ чтеніемъ въ Виллюскѣ, была извѣстная система), — но Ольга Сократовна продолжала держаться его до конца. Такимъ образомъ, какъ я узналъ впоследствии, въ отсутствіе О. С., Чернышевскій иногда принималъ кого пошало, и къ нему проникали совершенно случайные посѣтители. Въ другое время — не принимали никого, кромѣ тѣхъ, кто зналъ секретъ, открытый при свиданіи и мнѣ. Нужно было, не звоня у параднаго входа, обойти кругомъ и войти черезъ кухню.

Я не зналъ секрета, и ко мнѣ черезъ нѣсколько минутъ вышла кухарка. Не отворяя вполнѣ двери, она оглядѣла меня, какъ будто вспоминая, не видѣла ли меня прежде, потомъ загородила входъ и, улыбаясь мнѣ въ лицо,—сказала, что Н. Г. нѣтъ дома.

— А барыня?

— Уѣхали въ въ гости.

Мнѣ казалось, что баринъ дома, и что кухарка именно этому и смѣется. Но дѣлать было нечего. Я взялъ визитную карточку, написалъ, что зайду еще завтра, и отдалъ кухаркѣ, не обозначивъ своего адреса.

Утромъ, вмѣстѣ съ женой, мы ушли изъ номера „Татарской гостиницы“, гдѣ остановились, въ гостинный дворъ, за покупками. Вернувшись около половины десятаго домой, мы получили отъ номерного записку на клочекъ бумаги. На ней было написано характернымъ крупнымъ почеркомъ Чернышевскаго: „Приходишь. Буду между 10-ю и четвертью одиннадцатаго. Н. Чернышевскій“.

Дѣйствительно, мы только что успѣли за самоваръ, какъ въ назначенный срокъ скрипнула дверь, и кто-то, не видный изъ за перегородки, заговорилъ:

— А-а, дома. Ну, вотъ и отлично, вотъ и пришелъ. А, вотъ вы какой, Владиміръ Галактіоновичъ... Ну, каково поживаете, каково поживаете?.. Ну, очень радъ.

Къ концу этой рѣчи Чернышевскій былъ уже около стола,

протягивая мнѣ руку, точно мы съ нимъ старые знакомые и видѣлись лишь нѣсколько дней назадъ.

— А это кто у васъ? Жена, Авдотья Семеновна? Ну, и отлично, ну, и отлично, вѣдь я очень радъ, голубушка, очень радъ. Ну, вотъ и пришелъ.

Я видѣлъ портреты Чернышевскаго. Одинъ изъ нихъ былъ снятъ въ Астрахани, кажется, за годъ до отъѣзда въ Саратовъ. На немъ Чернышевскій совсѣмъ не похожъ на того, нѣсколько мечтательнаго, молодого человѣка съ сильно выдавшимися скулами и рѣзко суженной нижней частью лица, съ почти прямымъ носомъ и очень тонкими губами, изображеннаго на портретѣ, который мы всѣ знали въ 70-хъ годахъ. Но теперь я по первому взгляду тоже не узналъ-бы Чернышевскаго. Послѣдній его портретъ, находящійся въ обращеніи, изображаетъ мужественнаго человѣка, съ крупными чертами лица, очень мало напоминающими литератора. Густые длинные волосы по-русски, какъ у Гоголя, обрамляютъ это лицо и свѣшиваются на лобъ. Выраженіе серьезное, и въ немъ совсѣмъ не замѣтно отбѣнка добродушнаго смѣха и отчасти стариковскаго чудачества, которое оживляло лицо вошедшаго къ намъ человѣка.

Голосъ, который мы слышали еще изъ-за перегородки, былъ старческій, слегка приглушенный, но фигура сначала показалась мнѣ совсѣмъ молодой. Эту иллюзію производили въ особенности его каштановые волосы, длинные, кудрявившіеся внизу, безъ малѣйшихъ признаковъ сѣдины.

Но когда я взглянулъ ему въ лицо, — у меня какъ-то сжалось сердце: такимъ это лицо показалось мнѣ изстрадавшимся и изможденнымъ изъ-подъ этой прекрасной молодой шевелюры. Въ сущности, онъ былъ похожъ на портретъ, только черты его, мужественныя на карточкѣ, были въ дѣйствительности мельче, миміаторныѣ, — по нимъ прошло много морщинъ, и цвѣтъ этого лица былъ почти землистый.

Это желтая лихорадка, захваченная въ Астрахани, уже дѣлала свое быстрое, губительное дѣло.

Поляки, съ которыми я встрѣчался и жилъ въ Якутской области, сдѣлали интересныя наблюденія. Одинъ изъ нихъ рассказывалъ мнѣ, что почти всѣ, возвращавшіеся по манифестамъ прямо на родину, послѣ того, какъ много лѣтъ прожили въ холодномъ якутскомъ климатѣ, — умирали неожиданно быстро. Поэтому, кто могъ, — старался смягчить переходъ, останавливаясь на годъ, на два или на три въ южныхъ областяхъ Сибири или въ сѣверовосточныхъ Европейской Россіи.

Вѣрно это наблюденіе, или эти смерти — простыя случайности, но только на Чернышевскомъ оно подтвердилось. Изъ холодовъ Якутска, Чернышевскій пріѣхалъ въ знойную Астрахань здоровымъ. Мой братъ видѣлъ его тамъ такимъ, каковъ онъ на пор-

третѣ. Изъ Астрахани онъ переѣхалъ въ Саратовъ уже такимъ, какимъ мы его увидали, съ землистымъ цвѣтомъ лица, съ жестокиѣмъ недугомъ въ крови, который велъ его уже къ могилѣ.

Это чувство, внезапнаго и какого-то остраго сожалѣнія возвращалось ко мнѣ нѣсколько разъ въ теченіе разговора, который завязался у насъ какъ-то сразу, точно мы были съ Н. Г. родные, свидѣвшіеся послѣ долгой разлуки.

Онъ говорилъ оживленно и даже весело, онъ всегда отлично владѣлъ собою, и если страдалъ, — а могъ ли онъ не страдать очень жестоко, — то всегда страдалъ гордо, одинъ, ни съ кѣмъ не дѣлясь своей горечью.

По истеченіи нѣкотораго времени, среди разговоровъ, онъ взялъ руку А. С. и, глядя на нее, сказалъ:

— Ну, вотъ, очень радъ, милая вы моя, это отлично, право. Это очень хорошо. Я очень радъ, что узналъ васъ. — И неожиданно поцѣловалъ у нея руку. Она также неожиданно наклонилась и отвѣтила поцѣлуемъ въ лобъ, но онъ отстранялся, какъ будто испугавшись этого внезапнаго изліянія.

— Нѣтъ, не надо. Сожалѣніе... не надо этого. Я вѣдь знаете, — какъ поцѣловалъ у васъ руку — изъ галантности. А-а, а вы не знали: я вѣдь галантѣйшій кавалеръ.

И онъ съ шутливой манерностью поднесъ вторично ея руку къ губамъ.

— Да-съ. И вотъ онъ — тоже галантѣйшій кавалеръ, да еще какой. Утонченнѣйшая вѣжливость. Пришелъ вчера, не засталъ и оставилъ карточку, а адреса на карточкѣ не написалъ. Понимаю, понимаю, — не объясняйте. Я отлично понимаю: значить, не трудитесь, Н. Г., отдавать визитъ, долгомъ сочту явиться вторично. Деликатность!.. А я изъ за этой деликатности сегодня, высуня языкъ, весь городъ обѣгалъ, все разыскивалъ. На пристаняхъ былъ, въ полиціи былъ, наконецъ, догадался купить газету. Онъ тутъ отмѣчаютъ всѣхъ пріѣзжихъ, останавливающихся въ гостиницахъ; вотъ и нашелъ.

Уже въ это первое свиданіе мнѣ вспомнился тотъ рассказъ, который я привелъ въ началѣ моего очерка, — о полякѣ, вышедшемъ изъ подъ земли, и впечатлѣніе опредѣлилось. „Тотъ самый, тотъ самый“, думалось съ грустью. Какая это, въ сущности, страшная трагедія остаться тѣмъ же, когда жизнь, вся жизнь такъ измѣнилась. Мы слышимъ часто, что тотъ или другой человѣкъ „остался тѣмъ же хорошимъ, честнымъ и съ тѣми же убѣжденіями, какимъ мы его знали двадцать лѣтъ назадъ“. Но это нужно понимать условно. Это значитъ только, что человѣкъ остался въ томъ же отношеніи къ разнымъ сторонамъ жизни. Если вся жизнь передвинулась куда бы то ни было, и мы съ нею, и съ нею же нашъ знакомый, — то ясно, что мы не замѣтили никакой перемѣны въ положеніи. Но Чернышевскаго

наша жизнь даже не задѣла. Она вся прошла вдали отъ него, промчалась мимо, не увлекаая его за собой, не оставляя на его душѣ тѣхъ чертъ и рубцовъ, которые рѣка оставляетъ хотя бы на неподвижномъ берегу и которые свидѣтельствуютъ о столкновеніяхъ и борьбѣ.

— Публицистика!..— сказалъ однажды Чернышевскій на вопросъ моего брата, отчего онъ опять не возьмется за нее.— Какъ вы хотите, чтобы я занялся публицистикой. Вотъ у васъ теперь на очереди вопросъ о нападеніи на земство, на новые суды... Что я напишу объ нихъ: во всю мою жизнь я не былъ ни разу въ засѣданіи гласнаго суда, ни разу въ земскомъ собраніи.

Ни разу! Конечно: вѣдь его увезли до открытія новыхъ учрежденій, а привезли обратно, когда ихъ собирались уничтожить. И эта судьба постигла человѣка, котораго всѣ помыслы сердца, всѣ стремленія, вся жизнь—были жизнью, помыслами, стремленіями русскаго писателя, и ничѣмъ болѣе. У него, какъ у Щедрина, не было ничего, кромѣ литературы: ни семья, ни профессія—ничто не смягчало для него горечи ссылки, не могло смягчить горечи возвращенія. Въ Сибири онъ стоялъ, какъ старый камень вдали отъ берега измѣнившей русло рѣки. Она катится гдѣ-то далеко, гдѣ-то шумятъ ея живыя волны,—но онъ уже не обмываютъ его, одинокаго, печальнаго.

Его разговоръ обнаруживалъ прежній умъ, прежнюю діалектику, прежнее остроуміе; но матеріалъ, надъ которымъ онъ работалъ теперь, уже не поддавался его приѣмамъ. Онъ остался по прежнему крайнимъ рационалистомъ по приѣмамъ мысли, экономистомъ по ея основаніямъ.

Позволяя себѣ вторгнуться въ чужіе предѣлы,—я попробую очертить главныя основанія прежняго умственнаго склада Чернышевскаго и его сподвижниковъ. Вѣра въ силу устроительнаго разума, по Канту. Вся исторія—есть ни что иное, какъ смѣна разныхъ силлогизмовъ, смѣна, происходящая по схемѣ Гегеля. „Докажите мнѣ, что это не такъ, что положеніе, антитеза и синтезъ Гегеля не имѣютъ мѣста въ исторіи, — и я уступлю вамъ по всѣмъ пунктамъ нашей полемики“, писалъ онъ, помнится, Вернадскому. Далѣе: главный матеріалъ, надъ которымъ оперируетъ разумъ, творящій социальныя формы,—эгоистическіе и прежде всего матеріальные интересы. Сдѣлать подсчетъ этихъ интересовъ, поставить наибольшее благо наибольшаго числа людей въ качествѣ цѣли, показать эту таблицу съ ея противоположными итогами громаднымъ массамъ, которыя теперь, по неумѣнію разсчитать, допускаютъ существованіе неестественной социальной ариметики,—остальное уже можно легко предсказать и предвидѣть.

Таковы были, по моему, взгляды, такова, по моему, была вѣра

И вотъ—казематы Александровска, Нерчинска, Акатюя, которые не могли, конечно, разбить основныхъ взглядовъ,—очень удачно справились съ вѣрой, обломавъ ей крылья и ошипавъ перья. Основные философскіе взгляды остались, но вѣра въ непосредственное творческое дѣйствіе рациональныхъ идей утратилась. Для насъ, оставшихся среди жизни, этотъ процессъ совершился посредствомъ вторженія, постепеннаго и незамѣтнаго, новыхъ элементовъ міровоззрѣнія. Въмѣстѣ съ народнической литературой наше поколѣніе изучало народъ, которому приходилось показывать социальную арифметику; оно изучало его также практически, пѣлымъ опытомъ народническо-пропагандистскаго движенія. И мы были поражены сложностью, противорѣчіями, неожиданностями, которыя при этомъ встрѣтились. Но эти разочарованія, причиняемыя столкновеніями съ живою жизнью, имѣютъ особое свойство: ихъ и исцѣляетъ сама жизнь. Противорѣчіе, неожиданность разрушаетъ прежній взглядъ, но тотчасъ же оно захватываетъ вниманіе, и незамѣтно зарождается въ душѣ возможность новыхъ воззрѣній. Вся литературная біографія Успенскаго, все, за что мы его такъ любимъ, весь захватывающій интересъ его дѣятельности, художественной и публицистической, объясняется этой исторіей интеллигентной чуткой души, натыкающейся, въ поискахъ правды и жизненной гармоніи, на противорѣчія и диссонансы и всетаки нетеряющей вѣры.

Переставъ быть „раціоналистическими экономистами“, мы тоже не остановились на мѣстѣ. Въмѣсто схемъ чисто экономическихъ, литературное направленіе, главнымъ представителемъ котораго является Н. К. Михайловскій, раскрыло передъ нами цѣлую перспективу законовъ и параллелей біологическаго характера, а игръ экономическихъ интересовъ отводилось подчиненное мѣсто. Все это лишало прежнюю постановку вопросовъ ея прозрачной ясности, усложняло ихъ, запутывало, но всё мы чувствовали, что намъ необходимо войти въ этотъ сложный лабиринтъ, и при этомъ мы прощали изслѣдователямъ отступленія, ошибки, противорѣчія.

Чернышевскій остался при прежнихъ взглядахъ; отъ художественнаго произведенія, какъ отъ критической или публицистической статьи, онъ требовалъ яснаго, простаго, непосредственнаго вывода, который покрывалъ бы все содержаніе. Вотъ примѣръ, иллюстрирующій его отношенія къ Гл. Успенскому.

— Ну, вотъ вамъ рассказъ: живетъ мужикъ, въ нуждѣ да въ работѣ, какъ конь лещовой. Вдругъ господа помогаютъ, или тамъ... урожай. Разбогатѣлъ на время, отдыхаетъ. Полѣзли въ голову мысли во время отдыха, сталъ пьянствовать, бить бабу, чуть не погибъ. Выводъ очевиденъ: не нужно мужику жить богаче и имѣть отдыхъ, чтобы не избаловался.

Я вспомнилъ дѣйствительно два рассказа Глѣба Ивановича

приблизительно такого содержания. Одинъ слѣдовалъ вскорѣ послѣ радостной картины урожая, гдѣ Гл. Ив. описалъ, какъ понемногу „выпрямляется“ мужицкая душа отъ благодати урожая, и въ ней исчезаетъ злоба и завѣрство. Но вотъ, черезъ нѣкоторое время, онъ видитъ фактъ, послужившій поводомъ къ разсказу „Взбрело въ башку“, и, не заботясь о полной стройности всѣхъ выводовъ изъ всѣхъ своихъ разсказовъ,—взволнованный и разстроенный до глубины души (я видѣлъ его, когда онъ собирался писать этотъ разсказъ), кинулъ намъ этотъ живой фактъ, такъ сказать, еще теплый, во всей его правдѣ и со всѣми заключенными въ немъ противорѣчiami. Мы, сами давно уже бьющіеся среди сложности и противорѣчій жизни, ускользающей отъ нашего „устроения“, любимъ и цѣнимъ въ писателѣ эту чуткую нервность и тонкую правдивую воспримчивость къ такимъ фактамъ.

Чернышевскій, у котораго жизнь тоже утянула, какъ и у насъ, много прежнихъ надеждъ, не хотѣлъ всетаки, да и не могъ, считаться съ этой сложностью и требовалъ по прежнему ясныхъ, прямыхъ, непосредственныхъ выводовъ.

О всякомъ писателѣ онъ спрашивалъ прежде всего: умный онъ человекъ или нѣтъ? И далеко не за всѣми извѣстностями признавалъ это качество. За Михайловскимъ, напримѣръ, признавалъ, хотя совершенно отвергалъ его біолого-соціологическія параллели.

Съ особенной рѣзкостью говорилъ онъ о Толстомъ, и это понятно, потому что оба они имѣютъ общую точку соприкосновенія въ рационализмъ, хотя во многомъ стоятъ на противоположныхъ полюсахъ.

— А Толстымъ увлекаетесь?—спросилъ онъ, лукаво смотря на А. С.—Превосходный писатель, не правда ли?

А. С. сказала свое мнѣніе, и спросила объ его собственномъ отношеніи къ послѣднимъ для того времени произведеніямъ Толстого.

Чернышевскій вынулъ платокъ и высморкался.

— Что, хорошо?—спросилъ онъ, къ великому нашему удивленію.—Хорошо я сморкаюсь? Такъ себѣ, не правда ли. Если бы у васъ кто спросилъ: хорошо ли Чернышевскій сморкается, вы бы отвѣтили: безъ всякихъ манеръ, да и гдѣ же какому-то бурсаку имѣть хорошія манеры. А что, если бы я вдругъ представилъ неопровержимыя доказательства, что я не бурсакъ, а герцогъ, и получилъ самое настоящее герцогское воспитаніе. Вотъ тогда бы вы тотчасъ же подумали: А—а, нѣтъ-съ, это онъ не плохо высморкался,—это и есть настоящая, самая рѣдкостная герцогская манера... Правда вѣдь? А?

— Пожалуй.

— Ну, вотъ то же и съ Толстымъ. Если бы другой написалъ сказку объ Иванѣ-дуракѣ,—ни въ одной редакціи, пожалуй, и

не напечатали-бы. А вотъ, подпишутъ графъ Толстой,—всѣ и ахаютъ. Ахъ, Толстой, великій романистъ! Не можетъ быть, чтобъ была глупость. Это только необычно и гениально! По-графски сморкается!..

V.

Вообще, къ движенію, обозначенному Толстымъ, но имѣвшему и другія родственныя развѣтвленія, онъ относился очень насмѣшливо и рассказывалъ нѣкоторые, сюда относящіеся, эпизоды съ большимъ юморомъ. Я приведу одинъ изъ подобныхъ эпизодовъ, но чтобы онъ могъ сказать все, что съ нимъ связано относительно характеристики Чернышевскаго, я долженъ прибавить еще нѣсколько словъ.

Въ квартирѣ Чернышевскаго, во второе мое свиданіе съ нимъ, я встрѣтилъ, кромѣ его жены и секретаря, еще молодую дѣвушку, племянницу Чернышевскаго, знакомую моему брату. Она очень сердилась на послѣдняго за то, что онъ не отвѣтилъ на ея письмо, и часто возвращалась къ тому вопросу.

— Ахъ, милая вы моя,—полусмѣясь, полусерьезно сказалъ ей Чернышевскій со своей обычной добродушно насмѣшливой манерой. — Развѣ ктонибудь изъ серьезныхъ людей отвѣчаетъ на письма. Никогда! Да и не нужно. Положительно не нужно! Вотъ я вамъ случай расскажу изъ своей практики: какъ-то разъ Ольги Сократовны не было дома, хожу себѣ по комнатамъ, вдругъ звонокъ. Отворяю дверь, — какой-то незнакомый господинъ. — „Что угодно?“

— Николая Гавриловича Чернышевскаго угодно.

— А это я самый.

— Вы—Николай Гавриловичъ?

— Да, я Николай Гавриловичъ.

Онъ стоитъ, смотритъ на меня, и я на него смотрю. Потомъ вижу, что вѣдь такъ нельзя, позвалъ въ гостиную, посадилъ. Сѣлъ, облокотился на столъ, опять смотритъ въ лицо.

— Такъ вотъ это вы—Николай Гавриловичъ Чернышевскій.

— Да, говорю, я Николай Гавриловичъ Чернышевскій.

— А я, говоритъ, пріѣхалъ на пароходѣ, а поѣздъ уходитъ черезъ пять часовъ. Я и думаю: надо зайти къ Николаю Гавриловичу Чернышевскому.

— А-а, это, конечно, уважительная причина. Однако, вотъ и моя жена пришла. Позвольте вамъ представить, какъ васъ зовутъ?

— А это, говоритъ, вовсе и не нужно.

— „Вотъ оно что, — подумалъ я себѣ, —какой-нибудь важный конспираторъ“.—Увелъ его къ себѣ въ кабинетъ, посадилъ и говорю: — если при другихъ вамъ нельзя высказаться, то, можетъ, мнѣ одному скажете?

— Ахъ, нѣтъ, говорить, это не то вовсе. Моя фамилія такая-то, докторъ Х. Ъду теперь въ Петербургъ по своимъ дѣламъ.

И опять сидитъ, смотритъ.

— Такъ вотъ... Вы—Николай Гавриловичъ Чернышевскій!

— Я Николай Гавриловичъ Чернышевскій. Однако, знаете, до поѣзда всетаки еще долго. Давайте о чемъ-нибудь говорить.

— Ну, хорошо, давайте.

— О чемъ-же?

— О чемъ хотите, Николай Гавриловичъ Чернышевскій, о томъ и говорите.

Посмотрѣлъ я на него и думаю: давай попробую съ нимъ о Толстомъ заговорить. Взялъ да и обругалъ Толстого.

Смотрю,—ничего, никакого впечатлѣнія.

— Послушайте, говорю,—а можетъ быть, вамъ это непріятно, что я тутъ о такомъ великомъ человѣкѣ такъ отзываюсь.

— Нѣтъ, говорить ничего. Продолжайте. Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, можетъ быть, я и очень бы огорчился. А теперь ничего, теперь я уже свою вѣру выдумалъ, собственную.

— А, вотъ это интересно. Расскажите, какую вы это выдумали вѣру. Можетъ и хорошая вѣра.

— Конечно, хорошая.—Началъ рассказывать что-то, я слушаю. Должно быть, ужъ очень что-то умное, — ничего нельзя понять.

— Постойте, говорить. Я вамъ письмо съ дороги пришлю. Адресъ тоже пришлю, и вы мнѣ непременно отвѣтите. А теперь пойдемъ лучше пройдемъ по городу да и на пароходъ.

Мнѣ тоже показалось, что это самое лучшее. Вѣра у него какая-то очень скучная, да и не графъ онъ ни въ какомъ смыслѣ...—Неинтересно. Проводилъ я его на пароходъ, пароходъ отчаливаетъ, а онъ все кричитъ: напишу, отвѣчайте непременно, что думаете.

Отлично. Онъ уѣхалъ, а я забылъ. Только черезъ нѣкоторое время опять я одинъ, опять звонокъ. Отворяю. Опять незнакомецъ, на этотъ разъ молодой.

— Вы—Николай Гавриловичъ Чернышевскій?

— Я Николай Гавриловичъ Чернышевскій.

— Я отъ доктора Х.—А-а, думаю себѣ, пророкъ Андрей Первозванный. Присланъ меня въ новую вѣру обращать.

— Милости просимъ, говорю.

— Письмо къ вамъ, длинное. Просить отвѣта. Я съ нимъ увижусь.

— А вы кто?

Оказался ветеринаръ и человѣкъ отличный. Проѣздомъ,—устраивалъ свои дѣла, а теперь ѣдетъ въ университетъ. Планы все простые, хорошіе, какъ у всякаго порядочнаго молодого человѣка. Учиться собирается, ну, и прочее... Все хорошо.

Думаю: нѣтъ, должно быть, не этой вѣры. И дѣйствительно,—съ докторомъ онъ встрѣтился совсѣмъ случайно.

— Ну, отлично, говорю. Вы хотите отвѣта?

— Просилъ Х непременно привести. Ужъ вы, пожалуйста.

— Ахъ ты Господи! А содержаніе письма вамъ извѣстно?

— Нѣтъ, не знаю.

Ну, думаю, такъ можетъ еще освободить.—Давайте ка, прочтемъ выстѣ.—Усадилъ его въ кабинетъ, вскрылъ письмо, читаю. Прочиталъ нѣсколько,—все такъ же, какъ въ изустной рѣчи: или уже слишкомъ умно, или просто глупо, ничего не понимаю. Посмотрѣлъ на молодого человѣка. У него глаза удивленные...

— Ну, что, говорю, читать далѣе, или о чемъ другомъ поговоримъ?

— О другомъ, говорить, лучше.

— А отвѣчать надо?

— Помилуйте, говорить, что тутъ отвѣчать. Невозможно и отвѣтить ничего толкомъ.—Такъ вотъ, видите,—улыбаясь, закончилъ онъ рассказъ, обращаясь къ племянницѣ.—О важныхъ дѣлахъ, о новой вѣрѣ и то не отвѣчаютъ, а вы тутъ о своихъ пустякахъ пишете и требуете отвѣта... Предразсудокъ!

Дѣвушка, смѣясь, вышла изъ комнаты... Тогда, оглянувшись конспиративно на дверь, Чернышевскій наклонился ко мнѣ и сказалъ:

— Если передадите брату ея слова, скажите, пусть не сердится. Видите, она дѣвушка хорошая, честная, сирота. Жизнь вся прошла сѣро, сестеръ и братьевъ выводила въ люди, сама не видѣла ничего, никакой радости. Ну, а въ тотъ годъ, когда встрѣтилась съ вашимъ братомъ,—свалила съ себя главное-то бремя, поѣхала по Волгѣ, стала жить на свой счетъ. Все это, понимаете, и радостно ей, и кажется значительно очень. Свобода, встрѣча съ хорошими интеллигентными людьми послѣ глухого угла. Вотъ она и не можетъ себя представить, что эта случайная встрѣча важна и значительна только для нея одной, а не для другихъ, и вотъ почему ее такъ волнуетъ неполученіе отвѣта отъ случайно встрѣченнаго тогда человѣка.

Эта внимательность къ окружающимъ, это тонкое пониманіе чужого настроенія добавляетъ, по моему, очень важную черту къ нравственному облику самого Чернышевскаго.

Позднимъ вечеромъ Чернышевскій проводилъ меня до воротъ, мы обнялись на прощаніе, и я не подозревалъ, что обнимаю его въ послѣдній разъ...

Теперь еще нѣсколько словъ объ его отношеніи къ своему прошлому.

Мой братъ передавалъ мнѣ одну импровизацію Чернышевскаго. Эту легенду-аллегорію онъ слышалъ, къ сожалѣнію, изъ вторыхъ уже рукъ: ему рассказывала племянница Чернышевскаго,

подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ очень яркаго, живого и юмористическаго разсказа самого Николая Гавриловича. Братъ разсказывалъ ее мнѣ тогда же, но теперь мы оба возстановили въ памяти лишь нѣкоторыя черты, одинъ остовъ этой аллегоріи. Я привожу ее всетаки, такъ какъ въ ней есть характерныя черты и проглядываютъ отчасти взгляды Чернышевскаго въ послѣднее время на свою прошлую дѣятельность.

Когда-то, во время кавказской войны, Шамиль спросилъ одного прорицателя объ исходѣ своего предпріятія. Прорицатель далъ отвѣтъ очень неблагоприятный. Шамиль рассердился и велѣлъ посадить пророка въ темницу, а затѣмъ приговорилъ его къ казни, въ виду того, что его предсказаніе вносило уныніе въ среду мюридовъ. Передъ казнью пророкъ попросилъ его выслушать въ послѣдній разъ и сказалъ: „въ эту ночь я видѣлъ вѣщій сонъ: есть гдѣ-то на свѣтѣ домъ, въ этомъ домѣ ученый человѣкъ сидитъ много лѣтъ надъ рукописями и книгами. Онъ придумаетъ скорѣ такую машину, отъ которой перевернется не только Кавказъ и Константинополь, но и вся Европа. А будетъ это тогда, когда бараны станутъ кричать козлами“.

Шамиль задумался и хотѣлъ помиловать пророка, но мюриды возмущались еще больше: не ясно ли, что пророкъ сбѣтъ въ рядахъ правовѣрныхъ напрасное уныніе, — гдѣ же видано, чтобы бараны кричали козлами?

И пророка казнили. Но когда стали готовиться, чтобы отпраздновать тризну по казненномъ, то одинъ изъ барановъ, назначенный къ закланію, вырвался изъ рукъ черкеса и, вскочивъ на крышу Шамилевой сакли, — закричалъ три раза козломъ.

Тогда Шамиль ужаснулся и, призвавъ самаго вѣрнаго изъ своихъ адъютантовъ, далъ ему денегъ и велѣлъ ѣхать по свѣту, во что бы-то ни стало разыскать неизвѣстнаго ученаго и убить его прежде, чѣмъ онъ успѣетъ окончить свою работу.

Къ сожалѣнію, я совсѣмъ не знаю подробностей путешествія адъютанта по разнымъ странамъ. Слышавшіе этотъ разсказъ говорили, что описаніе этихъ поисковъ представляло настоящую юмористическую поему и, безъ сомнѣнія, значительно могло бы выяснитъ смыслъ аллегоріи. Теперь приходится ограничиться тѣмъ, что адъютантъ, дѣйствительно, разыскалъ ученаго и, кажется, именно въ Петербургѣ. Онъ засталъ его окруженнаго книгами, въ кабинетѣ, въ которомъ топили каминъ. Ученый сидѣлъ противъ огня и размышлялъ. Когда адъютантъ Шамиля объявилъ ему, что онъ долго его разыскивалъ, чтобы убить, — ученый отвѣтилъ, что онъ готовъ умереть, но просилъ дать немного времени, чтобы покончить свои дѣла и планы.

— Ты хочешь привести въ исполненіе то, что у тебя здѣсь написано и начерчено? — спросилъ его мюридъ.

— Нѣтъ, я хочу все это сжечь въ каминѣ, чтобы никто

не вздумалъ выполнить то, надъ чѣмъ я такъ долго трудился, считая, что работаю для блага людей. Теперь я пришелъ къ заключенію, что я ошибался!...

— Вы — были этотъ ученый? — спросила Чернышевскаго одна изъ слушательницъ.

— Нѣтъ, я — тотъ баранъ, который хотѣлъ кричать козломъ, — отвѣтилъ онъ съ той добродушной ироніей, съ которой часто говорилъ о себѣ. Въ дальнѣйшіе комментаріи онъ не пустился, предоставляя, по своему обыкновенію, — слушателямъ дѣлать самимъ тѣ или другія заключенія.

Конечно, очень трудно по приведеннымъ мною обломкамъ судить о пѣломъ этой аллегоріи. Однако, на основаніи того, что я слышалъ впоследствии отчасти отъ другихъ, отчасти же лично отъ Чернышевскаго, я позволю себѣ сдѣлать нѣкоторые комментаріи. Мнѣ кажется, что Чернышевскій имѣлъ здѣсь въ виду себя (а. можетъ быть, также и другихъ), — какъ теоретика и мыслителя, который вообразилъ себя практическимъ дѣятелемъ. Вѣроятно, на это именно указываетъ сравненіе себя самого съ кроткимъ по природѣ бараномъ, которому вздумалось кричать по козлиному. Мнѣ доводилось слышать эту же мысль, выраженную ясно и безъ всякихъ аллегорій.

— Ахъ, Владиміръ Галактіоновичъ, — говорилъ мнѣ покойный при личномъ свиданіи, когда мы стали перебирать прошлое и заговорили о Сибири. — Знаете-ли: попалъ я, въ Акатуъ, въ среду сосланныхъ за революціонныя дѣла... Кого только тамъ не было: поляки, мечтавшіе о возстановленіи своей Рѣчи Посполитой, итальянцы-гарибальдійцы, пріѣхавшіе помогать полякамъ, наши каракозовцы!... И все — народъ хорошій, но все — зеленая молодежь. Одному мнѣ подъ пятьдесятъ. Оглянувшись я на себя и говорю: ахъ ты, старый дуракъ, старый дуракъ, куда тебя занесло. Ну, и стыдно стало...

Правда, всѣ эти нападки на прошлое, иногда высказываемыя въ очень рѣзкой формѣ самообличенія, — не отзывались ни унылымъ разочарованіемъ, ни слабодушнымъ покаяніемъ въ прошлыхъ „грѣхахъ“. Наоборотъ, послѣ такихъ выходовъ, Чернышевскій встряхивалъ своими густыми волосами, глядѣлъ исподлобья улыбающимся взглядомъ и прибавлялъ:

— А вѣдь все-таки, сказать правду: не все-же только худое было... Было кое-что и хорошее. Пожалуй, не мало было хорошаго, да, не мало.

Указаніемъ на это обстоятельство я отклоняю вмѣстѣ съ тѣмъ упрекъ въ кажущемся противорѣчіи, которое можно бы, пожалуй, усмотрѣть въ томъ, что я говорилъ выше о Чернышевскомъ, оставшимся прежнимъ Чернышевскимъ 60-хъ годовъ, — съ его насмѣшками надъ своимъ прошлымъ. Нѣтъ, онъ не смѣялся надъ прошлымъ и остался въ основныхъ своихъ взглядахъ тѣмъ же

революціонеромъ въ области мысли, со всѣми прежними приѣмами умственной борьбы. Онъ смѣялся только надъ своими попытками практической дѣятельности и, пожалуй,—не вѣрилъ въ близость и плодотворность общественнаго катаклизма.

Это фактъ, и, какъ таковой, я привожу его для характеристики этого крупнаго человѣка въ послѣдній періодъ его жизни.

В. Короленко.

НОВЫЯ КНИГИ.

Д. Мережковский. *Дафнисъ и Хлоя*—древне-греческая повѣсть о любви пастушка и пастушки на островѣ Лесбосъ. Спб. 1904.

Популяризація произведеній древней литературы представляет свои спеціальныя трудности. Tempora mutantur et nos mutamur in illis; господствующіе вкусы и настроенія образованнаго меньшинства текучи, какъ и все; и наши дни въ этомъ отношеніи глубоко разнятся, хотя бы, напр., отъ средневѣковыхъ. Въ этой простой истинѣ лишній разъ убѣждаешься при чтеніи художественно переведенной г. Мережковскимъ поэмы Лонгуса *Дафнисъ и Хлоя*. По справедливому опредѣленію переводчика, — онъ же комментаторъ,—„Лонгусъ въ своемъ романѣ показываетъ опытъ первобытной человѣческой любви, освобожденной отъ всѣхъ условностей и предразсудковъ, отъ всѣхъ покрововъ и цѣней“. Эта „первобытная любовь“ возникаетъ среди горячей природы юга, на островѣ Лесбосъ между пастушкомъ Дафнисомъ и пастушкой Хлоей. Въ романѣ живѣйшее участіе принимаютъ Эросъ, Панъ и нимфы; остальные лица: поселяне, морскіе разбойники, горожане—показываются мелькомъ, не задерживая на себѣ вниманія, какъ маловажныя подробности, нужны лишь для развитія дѣйствія. Любовь является, не то чтобы главной, а единственной темой пасторали; съ первой и до послѣдней строки тянется все одинъ и тотъ же очень несложный мотивъ, что сообщаетъ всей вещи характеръ удивительнаго однообразія и какъ бы рождаетъ ее съ нѣжными, меланхолическими мелодіями пастушеской свирѣли. Поэма выдержана въ намѣренно наивномъ, насквозь проникнутомъ сентиментальностью тонѣ; по замыслу она можетъ быть принята за протестъ уставшаго культурнаго человѣка противъ золь культуры, своего рода призывомъ: назадъ къ природѣ! Въ общемъ, покончивъ съ чтеніемъ этой добродушной сказки, приходишь къ заключенію, что и уму, и сердцу вашему она сказала очень немного; вамъ, знакомому съ гораздо болѣе близкими по времени и болѣе талантливыми „протестами“ противъ крайностей культуры, трудно „прочувствовать“ это произведеніе.

Значительно больше займетъ читателя вступительная статья, которой сопровождаетъ свой переводъ г. Мережковский. Здѣсь, въ разговорахъ о дѣлахъ давно минувшихъ дней, мы встрѣчаемся съ сужденіями fin de siècle. Г. Мережковский стремится показать въ *Дафнисъ и Хлоя* продуктъ одного изъ вѣковъ возрожденія и раскрыть ту двойственность, тѣ колебанія между новымъ и старымъ, которыя такъ характерны для литературныхъ произведеній всякаго переходнаго времени. Но едва ли эта попытка важна автору сама по себѣ: намъ думается, что за нею скрывается желаніе г. Мережковского высказать и иллюстрировать на примѣрѣ нѣкоторыя излюбленныя свои идеи. Дѣло въ слѣдующемъ. Г. Мережковский убѣжденъ, что переживаемое нами время есть канунъ новаго Renaissance'a (Rinascimento); сущность же всякаго возрожденія заключается въ обостреніи борьбы двухъ противоположныхъ началъ: язычества и христіанства. Эта борьба и есть та почва, изъ которой берутъ свое начало явленія *декадентства* и *символизма*, неизбежныя и характерныя для всякой эпохи Rinascimento. Съ такой точки зрѣнія всѣ вѣка Rinascimento,—IV и V, XV и XVI и, наконецъ, наше время,—въ своихъ психологическихъ основахъ имѣютъ много общихъ, глубоко родственныхъ чертъ. „Не только въ главномъ, но и въ самыхъ мелкихъ подробностяхъ вѣка Rinascimento иногда поражаютъ насъ удивительными сходствами, какъ будто изъ народа въ народъ, изъ тысячелѣтія въ тысячелѣтіе братскіе голоса перекликаются и подають другъ другу вѣсть, что странники идутъ по одному пути, къ одной цѣли черезъ всѣ перевалы, черезъ всѣ долины и горы — Упадка (Décadences) и Возрожденія (Renaissances)“. Эти соображенія г. Мережковский и старается обосновать на примѣрѣ поэмы Лонгуса. Къ сожалѣнію, вся попытка основана на зыбкой почвѣ черезчуръ смѣлыхъ и критически не проверенныхъ предположеній и почти цѣликомъ должна быть отнесена къ области гаданій. Прежде всего, встрѣчается большое затрудненіе въ опредѣленіи возраста поэмы; онъ неизвѣстенъ; предполагають, что пастораль написана не ранѣе II и не позже IX вѣка. „Какъ видите,—замѣчаетъ по этому поводу г. Мережковский,—промежуточные семь столѣтій—весьма и даже слишкомъ широкое поле для всякихъ догадокъ и болѣе или менѣе остроумныхъ гипотезъ“. И г. Мережковский тутъ же показываетъ опытъ безбоязненнаго путешествія по этому „широкому полю“.

Проведя вѣрную мысль, что „поэма написана не эллиномъ, а эллинистомъ“, авторъ на этомъ не останавливается, что и понятно: типъ эллиниста не есть исключительное достояніе одного—двухъ столѣтій, а встрѣчается на протяженіи всѣхъ среднихъ вѣковъ; г-ну же Мережковскому необходимо приурочить Лонгуса къ его поэмой къ Renaissance'у. И вотъ, пренепріятныя въ этомъ отношеніи семь столѣтій,—ибо не всѣ же они вѣка возрожденія,—

помаленьку, да полегоньку, правда, съ оговоркой словомъ *быть можетъ*, сокращаются въ одно, именно IV столѣтіе, когда была сдѣлана первая, неудавшаяся попытка возрожденія эллинскаго духа. Какія же находить г. Мережковскій указанія на принадлежность поэмы къ опредѣленной исторической эпохѣ? „Поэма,—читаемъ у него,—какъ нарочно задумана такъ, чтобы нельзя было опредѣлить съ историческою точностью время дѣйствія“. Какая, право, досада! Оказывается, однако, что выходъ изъ этого неловкаго положенія все же есть: „Не смотря на высокую степень отрѣшенности произведенія отъ всѣхъ низшихъ мѣстныхъ и временныхъ условій, не смотря на полную объективность... отъ внимательнаго взора не ускользаетъ въ поэмѣ то, что выше всѣхъ условій мѣста и времени—живая душа поэта“. Такимъ образомъ, какъ ни странно, то, „что выше всѣхъ условій мѣста и времени“, и позволяетъ г. Мережковскому найти опредѣленное мѣсто и время Лонгусу и его пасторали. Думая, что онъ возстановляетъ обликъ души поэта, г. Мережковскій создаетъ его „по образу своему и подобію“; въ результатѣ Лонгусъ помѣщается рядомъ съ увѣчаннымъ „темнымъ вѣнцомъ“ Юліаномъ Отступникомъ, въ компаніи „похожихъ на насъ“,—надо полагать, на г. Мережковского *sim similibus*,—утонченныхъ эстетовъ, риторовъ и прочихъ *декадентовъ* и *символистовъ* IV в.; скрытой двойственностью, въ одно и то же время и декадентствомъ, и символизмомъ, оказывается, проникнута и вся поэма Лонгуса.

Опредѣливъ „тонъ“ поэмы, г. Мережковскій переходитъ къ раскрытію ея замысла. Онъ очень простъ: Лонгусъ показываетъ любовь, какъ верховную силу жизни. Но какая это любовь? „Христіане,—говоритъ г. Мережковскій,—утверждали, какъ Лонгусъ: Богъ есть любовь. Но христіане подъ любовью понимали братскую жалость, а Лонгусъ—сочетанія мужскаго и женскаго начала во вселенной, то, что мы теперь называемъ *геніемъ рода*,—сладострастье“. Вотъ въ чемъ заключается „живое ядро“ поэмы! И г. Мережковскій не только подчеркиваетъ свою солидарность со взглядомъ „язычника“ Лонгуса на „смыслъ міровой жизни“, но идетъ гораздо дальше послѣдняго; люди,—поучаетъ г. Мережковскій,—забываютъ единственно важное и серьезное дѣло—божественную, безцѣльную игру любви“. Возводя поэму въ перлъ созданія, г. Мережковскій находитъ въ ней и „вдохновенный лиризмъ“, и „метафизическія высоты“, въ подтвержденіе чего приводитъ выдержку, въ которой эти свойства поэмы ясны всего обнаружены; вотъ эта выдержка: Старикъ Филетасъ говоритъ Дафнису и Хлоѣ: „Дѣти мои, любовь есть богъ юный, прекрасный и окрыленный... Такова его сила, что даже сила Громовержца не можетъ съ нею равняться. Онъ царствуетъ надъ прочими богами съ большею властью, чѣмъ вы надъ вашими козами и овцами. Всѣ цвѣты созданы Любовью, и Любовь вызвала

на свѣтъ изъ нѣдръ земныхъ растеній. Любовью движутся рѣки, Любовью дышатъ вѣтры. Я видѣлъ влюбленного быка: онъ ревѣлъ, какъ ужаленный оводомъ“.

Есть метафизики и метафизики... Но неужели можно серьезно думать, что весь смыслъ міровой жизни заключается въ любви, понимаемой какъ сладострастье? Искренне сожалѣемъ, если такая напасть приключилась съ г. Мережковскимъ; очевидно, что человекъ невѣдомо куда забрелъ, путешествуя по „весьма и даже слишкомъ широкому полю“ всяческихъ гаданій и предположеній. По нашему мнѣнію, чтобы избѣгать такихъ крайностей, г. Мережковскому необходимо измѣнить въ своемъ литературно-критическомъ творествѣ соотношеніе воображенія и мысли въ пользу послѣдней.

Мих. Могилянскій. Тина. Драма въ трехъ дѣйствіяхъ. Спб. 1903 г.

Пьеса въ „чеховскомъ“ жанрѣ, которая должна перенести читателя въ „тину“ существованія одной семьи, основанной на тревожномъ отношеніи къ жизни и жестокой любви къ дѣтямъ, въ стилѣ купеческихъ драмъ Островскаго... Главное страдающее лицо—дочь, утонченное существо, которое хочетъ идти въ консерваторію, чтобы найти смыслъ жизни. Она восклицаетъ: „Искусство, мое дорогое искусство! Я хочу найти выраженіе тѣмъ сокровеннымъ, душевнымъ движеніямъ, для которыхъ нѣтъ слова, потому что слова слишкомъ грубы, слишкомъ человѣчны... Я хочу уловить ту священную тайну жизни, которая заглушена шумомъ и грохотомъ переходящей суеты, суеты суетъ каждаго дня, которая одна можетъ дать смыслъ жизни“. Тѣмъ не менѣе, въ Петербургѣ отецъ ее не пускаетъ, потому что онъ не въ состояніи „жить безъ нея“. Это ее убиваетъ, но предпринять она ничего не въ силахъ. Она такъ проникла въ глубь внутренней трагедіи всякаго оскорбленія и всякой неправды, что ей „больше, мучительнѣе жалъ палача, чѣмъ жертву“, не исключая и себя. Естественно, что она не въ силахъ пойти въ консерваторію за смысломъ жизни безъ благословенія старика-родителя, лелѣющаго мысль благословить ее совсѣмъ на другое: на брачный союзъ съ чиновникомъ особыхъ порученій при мѣстномъ губернаторѣ... Это узелъ драмы.

Остальные (кромѣ родителей и чиновника-жениха) персонажи: студентъ, братъ героини, надѣвающійся надъ безвольной сестрой; другой студентъ, въ нее влюбленный, но исповѣдующій жизнерадостность и смѣшивающій въ одно цѣлое бредъ, психопатію и декадентщину, и бывшая курсистка, исключенная изъ учебнаго заведенія, „со стономъ“ признающаяся, что жизнерадостность ей чужда, что маской жизнерадостности она хотѣла обмануть самое себя, чтобы „облегчить тяжесть жизни“. Между ними происходятъ безконечные разговоры на тему, что такое жизнь, на что

она намъ дана и даже „за что“ она намъ дана—все по поводу не состоявшейся поѣздки въ Петербургъ, въ консерваторію. Кардинальный вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли слушаться родителей, въ пьесѣ остается не рѣшеннымъ. Хотя героиня и полагаетъ, что „никогда еще истина не держалась за руку абсолютнаго“, тѣмъ не менѣе есть всѣ шансы полагать, что слушаться не надо. Наглядное доказательство—примѣръ героини, которая послушалась и не только не открыла смысла жизни, но и увязла въ „тинѣ“.

Нужно замѣтить, что начальная сцена въ пьесѣ, сцена семейнаго утренняго чаепитія—каждаго въ особицу и съ переругиваніемъ—написана живо и правдиво. Повидимому, коренная ошибка автора—вычурность въ литературной обработкѣ и ничтожность тѣхъ событій, на которыхъ онъ развилъ свою драму. Онъ поставилъ себѣ интересную по существу задачу—безволіе, обусловленное чрезмерной чувствительностью къ чужому страданію, съ одной стороны, и общимъ міроразумѣніемъ, съ другой стороны, но психологически развилъ эту тему на теоретическихъ разговорахъ, а не на событіяхъ... Читатель готовъ согласиться съ серьезностью исканія смысла жизни героиней, согласенъ допустить, что вопросъ о консерваторіи для нея вопросъ жизни. Но онъ естественно ждетъ даже отъ нея, безвольной, попытки спастись, хотя бы путемъ самаго бережнаго (отецъ предполагается больной) разговора съ отцомъ, губящимъ ея жизнь, не смотря на „безумную“ любовь. Пусть при этомъ побѣдитъ онъ своей трезвой и жестокій родительской любовью, и пусть читателю сдѣлается близкой и понятной эта безвольность, вытекающая изъ безбрежной (по замыслу автора) любви и жалости ко всему сущему, если даже и исключитъ „палача“. Но ничего этого въ пьесѣ нѣтъ, и читатель не въ состояніи сохранить серьезность при чтеніи пьесы безъ дѣйствія.

Иногда авторъ говоритъ красиво и содержательно, но это, въ силу указаннаго, совершенно пропадаетъ для читателя. Взявъ хотя бы слѣдующія слова героини: „О, кто знаетъ, Люба, что надо и чего не надо?! Кто распоряжается нашими „надо“ и вертитъ нами, какъ вѣтеръ осенними листьями, вопреки всѣмъ „надо“? Это и серьезно и красиво, но въ то же время вызываетъ улыбку, когда вспоминаешь, что все это говорится въ пустое мѣсто... Тогда какимъ же языкомъ говорить о тѣхъ людскихъ страданіяхъ, для которыхъ дѣйствительно нѣтъ исхода?

Федоръ Заринъ „Рагузада“ (Послѣдній ударъ) Историческая трагедія 4-хъ въ дѣйствіяхъ. Спб. 1904.

Авторъ беретъ темой первое отреченіе Наполеона. Отвернулось отъ него военное счастье, отвернулись отъ него и всѣ созданные имъ князья и герцоги. Почти 15 лѣтъ были они „опорой“

его трона и его династїи, „не только за страхъ, но и за совѣсть“. Но это перестало быть выгоднымъ, и они перестали быть „опорой“.

Какъ женщина ему вы измѣнили
И какъ рабы—вы предали его...

Авторъ освѣщаетъ нѣсколько иначе поведеніе государственныхъ людей тогдашней Франціи. Они просто поступали, какъ ммерческіе люди. Пользуясь нѣкоторыми историческими указаніями, г. Заринъ заставляетъ Наполеона прибѣгнуть къ яду послѣ вынужденнаго отреченія.

Автору „Рагузады“ не достаетъ того страстнаго чувства, которое вылилось у Лермонтова въ приведенныхъ двухъ строчкахъ, и читатель спокойно пробѣгаетъ страницы, посвященныя жизненной драмѣ человѣка, чье имя, по словамъ Талейрана (онъ, конечно, выведенъ въ пьесѣ), „могло быть неразрывно связано съ цѣлымъ вѣкомъ, а останется соединеннымъ лишь съ повѣствованіемъ о нѣсколькихъ приключеніяхъ“. Этому способствуетъ и недостаточная жизненность выведенныхъ авторомъ персонажей: они слишкомъ схематичны. Лучше всего двѣ сцены съ Наполеономъ, когда приходитъ камердинеръ Констанъ, а за нимъ мамелюкъ Рустанъ, оба издалика и нерѣшительно заводятъ рѣчь о своемъ намѣреніи оставить службу у него, и бывший властелинъ Франціи ласково облегчаетъ имъ эту трудную задачу. Гнѣва у него хватаетъ только на князей.

И. Тенеромо. Катастрофа. Повѣсть. Елисаветградъ. 1904.

Произведеніе г-на Тенеромо оставляетъ нѣсколько странное впечатлѣніе. Начинается оно, какъ нѣкій грѣховный романъ, продолжается и заканчивается, какъ лекція хирургіи, изложенная въ лицахъ. Людмила Александровна, очень красивая жена неинтереснаго мужа, везетъ сына въ земледѣльческое училище. Въ поѣздѣ она встрѣчаетъ молодого инженера Ровинскаго, съ которымъ состоитъ въ грѣховной связи. Они сначала цѣлуются на темной площадкѣ вагона, потомъ инженеръ увлекаетъ Людмилу Александровну въ дамскую комнату на станціи, у которой поѣздъ стоитъ 10 минутъ. То, что происходило въ дамской комнатѣ, авторъ описываетъ довольно живо... Между тѣмъ раздается третій звонокъ. Людмила Александровна кидается къ вагону, гдѣ спитъ оставленный ею мальчикъ, но не успѣваетъ вскочить на площадку двигающагося поѣзда, падаетъ, и ей колесами отрѣзаетъ ноги. Это происходитъ на 13-й страницѣ. Остальныя 30 страницъ заняты хирургическими подробностями, и можно думать, что авторъ имѣлъ въ виду популяризацию нѣкоторыхъ приѣмовъ ампутаціи ногъ. На стр. 14—17 изображается переноска Людмилы Александровны въ больницу. На страницахъ 18—21

лагаются очень подробно и съ очевиднымъ знаніемъ дѣла оперирования врачей во время консилиума. Читатель узнаетъ, что ждать съ операцией 24 часа всегда можно и даже необходимо въ случаяхъ пока, а въ нѣкоторыхъ европейскихъ клиникахъ больного съ разможенными конечностями „кладутъ въ ароматную ванну и въ ней ему устраиваютъ водяную постель“. Очень важно также сразу поставить правильный діагнозъ, который долженъ опредѣлить необходимые размѣры операціи. Къ сожалѣнію, въ данномъ случаѣ врачи ошиблись и сначала отрывали ногу ниже колѣна, а потомъ оказалось необходимымъ отнять бедро. Хлороформируютъ теперь не „удушающимъ методомъ“, какъ прежде, а капельнымъ, и за состояніемъ больной слѣдятъ не по пульсу, а по зрачкамъ и дыханію. Самая операція состоитъ въ томъ, что сначала обрѣзаютъ кругомъ кожу, заворачиваютъ ее „въ видѣ рукавчика наверхъ...“ и т. д., и т. д. Все это кончается тѣмъ, что больная умираетъ отъ нѣкотораго процесса, который называется коллапс. Параллельно съ этимъ описаніемъ хирургическихъ приѣмовъ, идетъ психологія больной. По увѣренію автора, основной тонъ настроенія Людмилы Александровны состоитъ въ ощущеніи скольженія внизъ. И это потому, что человекъ „земля есть и въ землю обратится...“ Можетъ быть, оно и такъ, но, можетъ быть, и совсѣмъ не такъ. Даже, пожалуй, вѣрнѣе, что не такъ, потому что эти слишкомъ простыя объясненія (въ данномъ случаѣ г. Тенеромо сводить все на „тяготѣніе къ нѣдрамъ земли“) рѣдко умѣстны въ психологическихъ процессахъ. Во всякомъ случаѣ, вся небольшая повѣсть г. Тенеромо, написанная совершенно литературно, мѣстами даже довольно живо, — оставляетъ въ общемъ чувство недоумѣнія и читатель спрашиваетъ себя: къ чему все это абутируетъ? Кое-гдѣ у автора проглядывается Анна Каренина: вѣдь и тамъ есть поѣздъ и есть „грѣхопаденіе“. Кроме того, порой намѣчается что-то въ родѣ отрицательнаго отношенія къ врачамъ... Ужъ не хочетъ ли г. Тенеромо внушить нѣкую мораль, — невольно думаетъ читатель? И „катастрофа“ не есть ли кара за грѣхопаденіе? Можетъ быть, хотя... читателю извѣстно много случаевъ, когда подъ поѣздами погибаютъ люди добродѣтельные и даже воины, ѣдущіе для защиты отечества... А если отбросить мораль, то останется одно: „бываетъ“. Да, бываетъ, что жены и матери грѣшатъ съ инженерами, что онѣ попадаютъ подъ поѣздъ, что врачи плохо знаютъ свое дѣло и съ оперируемыми случается коллапс. Бываетъ и то, что люди, весьма изрядно владѣющіе перомъ, описывая такіе случаи, переносятъ центръ тяжести разсказа въ хирургическія подробности и оставляютъ совершенно не затронутыми ни нравственное чувство, ни душевныя эмоціи читателя. Произведеніе г. Тенеромо служить, пожалуй, характернымъ показателемъ того,

что значить отсутствіе художественной идеи: рядъ „натуралистическихъ“ подробностей, ничѣмъ не связанныхъ въ одно художественное или моральное цѣлое.

Марія Мара. Confetti. Варшава 1905.

Сборникъ г-жи Мара напечатанъ на разноцвѣтной бумагѣ и на самомъ дѣлѣ можетъ быть использованъ, при желаніи, для выдѣлки порядочнаго количества конфетти.

Стихотворенія, напечатанныя на голубой бумагѣ (см. ниже), такъ же хороши, какъ и напечатанныя на оранжевой бумагѣ, а напечатанныя на лиловой нисколько не уступаютъ тѣмъ, которыя напечатаны на розовой. Вотъ, напримѣръ, выдержка изъ голубого стихотворенія:

Пусть люди говорятъ, что въ оргіи безумной
Цѣлуютъ всю въ винѣ обрызганную грудь,
Мой каждый шагъ *)—развратницы преступной,
Не вѣрь ты имъ, себѣ лишь вѣрнымъ будь!
Пусть люди говорятъ, что всѣхъ я развращаю,
Развратъ ношу съ собой повсюду и вездѣ,
Со всѣми пью, катаюсь и гуляю,
Пусть говорятъ!...

а вотъ выдержка изъ оранжеваго:

Любовь то адъ, куда идемъ живыми
Для мукъ досмертныхъ и посмертныхъ дней.
Любовь даритъ мученьями такими,
Какихъ не зналъ Сынъ Бога въ ночь страстей!

Причины этихъ нечеловѣческихъ страданій дополнительно растолкованы въ слѣдующей, тоже оранжевой, „Шуткѣ“.

Кого люблю изъ васъ я до сихъ поръ не знаю!

(колебанія быстро кончаются; рѣшеніе соломоновское).

Нѣтъ! Васъ хочу я полюбить обоихъ!
Лазурь вся глазъ твоихъ... и ночь его очей!
Страданья пить *изъ рукъ обоихъ!*
Безсонныхъ ждать вдвойнѣ ночей!
Передъ двумя то унижаться,
То васъ обоихъ ждать, искать...
Надъ вами часто издѣваться...
И безъ конца обоимъ... лгать!

На единственномъ въ книгѣ бѣломъ листѣ напечатано: „Цѣна 1 р. 50 к. съ фотографіей 1 р. 80 к.“. Если имѣть въ виду разнообразное примѣненіе, которое можетъ имѣть сборникъ, назначенную цѣну особенно высокой считать нельзя.

*) Знакъ (—) вставленъ ; остальные знаки препинанія—по подлиннику.

Исполнивъ долгъ рецензента, позволимъ себѣ спросить.—Не проще ли было сразу использовать цвѣтную бумагу на конфетти, оставивъ ее чистою и въ прямомъ, и въ переносномъ смыслѣ, не портя ни „поэтическимъ“ изложеніемъ страданій г-жи Мара, „какихъ не зналъ Сынъ Бога“, ни заключительнымъ пѣснопѣніемъ о русскомъ народѣ (что онъ Гекубѣ, имѣющей „всю въ винѣ забрызганную грудь“?), который, по ея словамъ „хочетъ жить безъ грозъ мучительной войны, но тѣмъ не менѣе намѣренъ

Весь свѣтъ призвать лишь (!) къ рабству для страны—
Страны родной!

потому что считаетъ необходимымъ, „чтобъ міръ весь нашимъ былъ“. Совсѣмъ политическая программа проф. Мигулина... Неизвѣстно только, кто кого вдохновилъ: проф. Мигулинъ г-жу Мара, или г-жа Мара проф. Мигулина.

Алексѣй Мошинъ. Ясная Поляна и Васильевка. Съ портретами и факсимиле гр. Л. Н. Толстого, В. В. Гоголя и рисунками художника Ѳ. Ризниченко. Спб. 1904.

Г-нъ Мошинъ написалъ нѣсколько довольно слабыхъ рассказовъ и отправился, въ февралѣ 1898 года, въ Москву, въ Хамовники, чтобы повѣдать объ этомъ Л. Н. Толстому. Великій писатель не читалъ этихъ рассказовъ, но повѣрилъ г-ну Мошину на слово и сказалъ: „Пока (если?) у васъ есть что писать, — пишите!“ Г. Мошинъ счелъ это за благословеніе на дальнѣйшіе литературные подвиги и издалъ книжку „Штрихи и настроеніе“, гдѣ рассказъ о своемъ свиданіи съ Толстымъ помѣстилъ вмѣсто предисловія. Теперь, вѣроятно, съ цѣлью доказать, что у него дѣйствительно „есть что писать“,—онъ издаетъ другую книжку: „Ясная Поляна и Васильевка“. Въ Ясной Полянѣ, какъ извѣстно, Л. Н. Толстой живетъ по лѣтамъ; въ Васильевкѣ круглый годъ проживаетъ сестра Н. В. Гоголя. Г. Мошинъ побывалъ и въ томъ, и другомъ мѣстѣ и повѣствуетъ объ этомъ въ эпическомъ тонѣ. Въ Ясной Полянѣ онъ во второй разъ говорилъ Л. Н. Толстому о своихъ рассказахъ и жаловался на критику, которая будто бы упрекала его по поводу одного „типа“ въ подражаніи Л. Н. Толстому. Но, конечно, г. Мошинъ совсѣмъ не подражалъ, а просто, какъ говорится, встрѣтился съ великимъ писателемъ...—„Я помню, — отвѣтилъ Толстой, — а съ критиками это случается“. Мы уже, признаемся, ждали, не расскажетъ ли Л. Н. Толстой, что и его подозрѣваютъ въ подражаніи г-ну Мошину, но этого Л. Н. Толстой почему-то не сказалъ, а просто одобрилъ г. Мошину.—„Пишете?—сказалъ онъ искреннимъ, полнымъ поощренія (sic) и теплаго участія тономъ“. И когда г. Мошинъ возвращался на станцію, то „день сталъ уже яснымъ, небо

отъ облаковъ очистилось, и солнце любовно грѣло влажную отъ дождей землю“. При этомъ г-нъ Мошинъ, разумѣется, не преминулъ вспомнить, какъ онъ уже разъ былъ у Л. Н. Толстого, и какъ Толстой сказалъ ему: „пока у васъ есть что писать, — пишите“. Очень можетъ быть, что вскорѣ г. Мошинъ пріѣдетъ къ Л. Н. Толстому въ третій разъ, вспомнить оба прежнихъ поощренія и получить новое „поощреніе“, которое окрылитъ его и на четвертую поѣздку. И, такимъ образомъ, у г-на Мошина долго „будетъ что писать“, и печатные труды его будутъ расти. Но біографы Л. Н. Толстого извлекутъ изъ этихъ писаній только одну черту: „великій человекъ Л. Н. Толстой, но поощряетъ иной разъ сухіе пустяки“. Однако, мы рекомендуемъ біографамъ нѣкоторую осторожность, такъ какъ, можетъ быть, Л. Н. Толстой г-на Мошина еще и не поощрялъ. Дѣло въ томъ, что г. Мошинъ иные отзывы о своихъ трудахъ передаетъ слишкомъ своеобразно, что ли. Такъ, на обложкѣ своей книжки онъ перечислилъ содержаніе рецензій о своемъ первомъ изданіи („Штрихи и настроенія“). Тамъ мы встрѣчаемъ и скромную отмѣтку нашего журнала, но — Боже мой, въ какомъ усовершенствованномъ видѣ! А именно: „Русское Богатство“. Сентябрь 1901 г. Алексѣй Мошинъ. Штрихи и настроенія. Вмѣсто предисловія—Бесѣда съ гр. Л. Н. Толстымъ... Онъ бесѣдовалъ съ великимъ писателемъ земли русской... Сказалъ нашему автору Левъ Николаевичъ: „...Какъ мало имѣющихъ право писать... Я не понимаю, зачѣмъ такъ много пишутъ... Коротко пишете?.. Это хорошо“,—смягчился суровый судья и окончательно предложилъ гнѣвъ на милость, выслушавъ содержаніе разсказа „Секретъ Митрича“... Это—буквально такъ у г-на Мошина. Выходитъ, что нашъ рецензентъ лишь отмѣчаетъ его торжество: какъ ни мало людей, за которыми Л. Н. Толстой признаетъ право писать, но въ числѣ этихъ избранныхъ есть А. М. Мошинъ. А между тѣмъ, наша рецензія говоритъ совсѣмъ не то, и если заполнить нѣкоторые мѣста, замѣненные у г-на Мошина многоточіями, то выйдетъ, между прочимъ, вотъ что: „разсчетъ г-на Мошина вполнѣ правильный: захочетъ ли кто читать его разсказы или нѣтъ, но, несомнѣнно, многіе полюбопытствуютъ, о чемъ онъ бесѣдовалъ съ великимъ писателемъ...“. И далѣе: „Мы прочли... всю книжку и нашли въ ней только одно указанное самимъ авторомъ достоинство: краткость, да и то, къ сожалѣнію, не во всѣхъ разсказахъ...“ И, наконецъ: „Таковы эти „Штрихи и настроенія“. Если „штрихи“ сами по себѣ мелки и незначительны, то сказавшіяся въ нихъ „настроенія“ часто совсѣмъ не заслуживаютъ поощренія“... Все это напечатано въ той самой рецензій, изъ которой г. Мошинъ такъ искусно выкроилъ нѣчто къ прославленію себя... Это, кажется, называется „художественной передачей“. Но что если г. Мошинъ столь же художественно

передаетъ и разговоры Толстого... „Объявленіе не есть реклама—нишетъ онъ въ началѣ перечня рецензій на обложкѣ своей книги.—Нисколько. Реклама—это, когда человекъ самъ себя хвалитъ. Но всякій въправѣ печатать объявленія о своихъ работахъ и приводить отзывы о нихъ печати и частныхъ авторитетныхъ лицъ, если послѣднія позволяютъ...“ Допустимъ... Ну, а такъ „обрабатывать“ чужіе отзывы о себѣ—это тоже, г. Мошинъ, будетъ объявленіе?.. Или реклама? Или еще что-нибудь третье?..

К. Верманъ. Исторія искусства всѣхъ временъ и народовъ. Томъ I. Пер. съ нѣм. подъ ред. А. И. Сомова. Изд. Т-ва Просвѣщеніе. Спб. 1904 г.

Вопросы искусства интересуютъ наше общество, но наука объ искусствѣ остается ему чуждой. Оно бываетъ внимательно къ отдѣльнымъ художественнымъ явленіямъ, оно споритъ о направленіяхъ, оно даетъ оцѣнки. Эти оцѣнки основаны на нѣкоторой общепризнанной догмѣ, на рядѣ эстетическихъ положеній; но эти положенія внѣ науки объ искусствѣ.

Не смотря на то, что эстетика ужъ съ полвѣка есть для насъ не столько названіе науки, сколько пренебрежительная кличка,—у каждого изъ насъ есть своя эстетика, на положеніяхъ которой мы строимъ свои сужденія о произведеніяхъ искусства. Отъ пріобрѣтеній точнаго знанія въ этой области она довольно далека; говорятъ объ искусствѣ, но книги по его теоріи изучаются мало и неохотно. Еще меньшимъ вниманіемъ пользуются у насъ труды по исторіи искусства. Если они красиво иллюстрированы, ихъ покупаютъ съ цѣлями болѣе декоративными, чѣмъ образовательными. Исторія искусства остается незнакомой нашему обществу; это дѣлаетъ его эстетику абстрактной и его сужденія произвольными. Невозможно оцѣнить современность искусства, не зная его прошлаго. Съ перваго раза это представляется страннымъ: казалось бы, самодовлѣющій міръ законченнаго художественнаго произведенія не нуждается ни въ какихъ добавленіяхъ: оно должно быть понято само по себѣ, внѣ всякой исторической связи. Все это вѣрно, по скольку касается наслажденія отдѣльнымъ произведеніемъ искусства. Но это элементарное, примитивное наслажденіе, не заключающее элементовъ оцѣнки или же грубо ошибочное въ этой оцѣнкѣ. Можно наслаждаться банальнымъ, не зная, что оно банально и теряя ту полноту художественнаго впечатлѣнія, которую могъ бы дать первоисточникъ. А, между тѣмъ, вѣдь банальность есть гибель всякой творческой мысли—и болѣе всего художественной. Оцѣнить художественное произведеніе и направленіе значитъ опредѣлить новизну и значительность пріемовъ, которые его создали: для этого надо знать то, что ему предшествовало. Ростъ иску-

ства есть развитіе средствъ выраженія, и исторія искусства есть исторія художественной техники. Только знакомство съ долгимъ и тяжелымъ путемъ, пройденнымъ людьми въ стремленіи объективировать и правдиво выразить дѣйствительность, даетъ право на самостоятельное сужденіе о современныхъ стадіяхъ этого пути. Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что это знакомство въ нашемъ обществѣ крайне слабо; еще слабѣе сознание, что это замѣтный пробѣлъ въ его общемъ образованіи.

Быть можетъ, читатели не такъ виноваты. Общедоступная литература по исторіи искусствъ на русскомъ языкѣ бѣдна и устарѣла. Переводы Каррьера, Куглера и Любке относятся къ началу семидесятыхъ годовъ; отъ воззрѣній, положенныхъ въ основу этихъ почтенныхъ курсовъ, наука ушла далеко. Кромѣ того, въ нихъ не было того богатаго иллюстраціоннаго матеріала, который необходимъ для знакомства съ исторіей пластическихъ искусствъ и который сталъ доступенъ лишь съ развитіемъ техники графическаго воспроизведенія. Немудрено, что при этихъ условіяхъ разошлась въ двухъ изданіяхъ ярко иллюстрированная и очень дурно принятая печатью книга Гиддича. Самый главный недостатокъ старыхъ курсовъ въ томъ, что въ нихъ было слишкомъ мало исторіи. Отвлеченность философіи и мелочность археологіи были Сциллой и Харибдой, въ пучины которыхъ они попадали поочередно. Но ни въ ихъ абстрактныхъ схемахъ, ни въ любительскихъ описаніяхъ нельзя было найти той нити преемственнаго развитія, намѣтить которую есть цѣль и долгъ настоящаго историческаго сочиненія. Они трактовали о шедеврахъ, тогда какъ возстановить ходъ эволюціи можно было только по несовершеннымъ попыткамъ; первобытное искусство для нихъ не существовало, а тотъ или иной эстетическій канонъ виталъ неизбѣжно предъ ихъ духовными очами.

Между тѣмъ, въ монографической литературѣ и въ общей научной обстановкѣ готовилась перемѣна. Обширный трудъ Вермана есть какъ бы попытка дать выраженіе этимъ новымъ научнымъ требованіямъ и подвести итогъ частнымъ изслѣдованіямъ. Общее сужденіе о книгѣ, изъ которой намъ извѣстно не болѣе трети (въ подлинникѣ тоже законченъ лишь первый томъ), конечно, преждевременно. Но кой-что выясняется уже теперь съ достаточной ясностью. Не много исторіи и въ новомъ курсѣ авторитетнаго нѣмецкаго знатока искусства. Уступая духу времени, онъ, правда, ввелъ въ свое сочиненіе вступительныя главы, трактующія не только объ искусствѣ доисторической эпохи и народовъ первобытныхъ и полукультурныхъ, но даже объ искусствѣ животныхъ и самой природы.

Это не исторія: это полное и добросовѣстное обозрѣніе разнообразныхъ художественныхъ формъ, какія удалось найти у всѣхъ народовъ новаго, древняго и древнѣйшаго времени. Книга пере-

гружена фактами, скрѣпленными географической или хронологической связью, которую не может не признать вѣдущее всякій, кто привыкъ искать въ исторіи внутренняго единства закономерной послѣдовательности. Объ этой закономерности почти нѣтъ рѣчи во всей книгѣ Вермана. Въ предѣлахъ отдѣльныхъ группъ она показывается—поскольку это подготовлено предшествовавшими изученіями—элементы переходовъ и вліяній, но въ цѣломъ она состоитъ изъ такихъ отдѣльныхъ монографій. Это не исторія искусства, какъ цѣльнаго достоянія единого человечества, а обзоръ искусствъ „всѣхъ племенъ и народовъ“, какъ говорится въ заглавіи: всѣхъ *отдѣльныхъ* племенъ и народовъ, точно у ихъ искусства нѣтъ „всеобщей исторіи“, какъ у другихъ проявленій ихъ коллективной жизни.

Если не настаивать на этомъ требованіи, — быть можетъ, трудно исполнимомъ при нынѣшнемъ состояніи науки,—то для элементарнаго знакомства съ фактами пластическаго творчества книга Вермана вполне пригодна. Она полна и добросовѣстна, какъ только можетъ быть работа нѣмецкаго знатока. Технические элементы художественной исторіи поставлены въ ней на надлежащее мѣсто. Богатый иллюстраціонный матеріалъ служитъ хорошимъ пособіемъ для пониманія текста. Какъ его ни много, въ немъ всегда, конечно, чувствуется недостатокъ, когда рѣчь идетъ о пластикѣ. Переводъ сдѣланъ внимательно, безъ размаха, но не безъ промаховъ.

Куно Франке. Исторія нѣмецкой литературы въ связи съ развитіемъ общественныхъ силъ. Пер. съ англійскаго П. Батина. Книгоиздательство Пирожкова. Спб. 1904.

Нѣсколько десятилѣтій назадъ Куно Франке назвалъ бы свою книгу просто исторіей нѣмецкой литературы: его не остановило бы то, что она трактуетъ объ идеяхъ, а не о формахъ ихъ выраженія. Въ наши дни терминологія достигла большей определенности, и, давъ въ своей книгѣ исторію нѣмецкой общественности, поскольку она выразилась въ литературѣ, американскій профессоръ счелъ необходимымъ, уже въ заглавіи отгнать, что слѣдуетъ за исторіей литературы „въ связи съ развитіемъ общественныхъ силъ“.

Предпринятый авторомъ анализъ социальныхъ, религіозныхъ и моральныхъ силъ, опредѣлившихъ ростъ германской литературы, долженъ былъ необходимо опереться на ясное общественно-философское міровоззрѣніе. Опѣивать развитіе общественныхъ силъ можно только на основаніи опредѣленнаго критерія,—и авторъ въ предисловіи пытается уяснить свою исходную точку зрѣнія; его указанія расплывчато широки—его книга должна наполнить ихъ содержаніемъ. „Мнѣ кажется,—говоритъ онъ,—что развитіе всякой литературы обусловлено непрерывнымъ столкно-

веніемъ двухъ основныхъ стихійныхъ человѣческихъ стремленій: стремленія къ личной свободѣ и стремленія къ коллективной сплоченности. Первое ведетъ къ наблюденію и воспроизведенію всего выдающагося, оригинальнаго, индивидуальнаго; короче—къ реалистическому направленію. Второе—къ наблюденію и воспроизведенію всего возвышеннаго и прекраснаго, многозначительнаго и универсальнаго; короче—къ идеализму. Индивидуалистическое стремленіе, ничѣмъ не сдерживаемое, можетъ вырождаться въ вульгарный натурализмъ или фантастическій мистицизмъ. Ничѣмъ не сдерживаемое идеалистическое стремленіе можетъ перейти къ пустой и безсодержательной условности“. Великія литературныя произведенія являлись тамъ, гдѣ эти противоположныя тяготѣнія къ индивидуальному и коллективному приходили въ равновѣсіе.

Возражать противъ этихъ общихъ формъ не приходится, хотя бы кой-что вызывало въ нихъ сомнѣніе. Гораздо важнѣе прослѣдить, какое конкретное содержаніе получаютъ эти теоретическія схемы въ историческомъ изслѣдованіи, представленномъ авторомъ. Въ этомъ отношеніи наиболѣе любопытнымъ представляется минувшее столѣтіе, которому посвящена половина книги Куно Франке. Конецъ XVIII вѣка былъ эпохой индивидуализма. Періодъ „бури и натиска“ былъ движеніемъ чисто интеллектуальнымъ, не смотря на то, что агитаціонныя формы его изобиловали социальными и политическими заявленіями. Изъ видѣйшихъ „классиковъ индивидуализма“ провозвѣстникомъ новыхъ началъ явился въ наибольшей степени Гердеръ, создатель теоріи національныхъ организмовъ, изъ коихъ каждый „индивидуализаціей своего типа содѣйствуетъ обогащенію и развитію общаго человѣческаго типа“. Восторженный индивидуалистъ, онъ былъ въ то же время первымъ крупнымъ представителемъ коллективизма. „Каждый индивидъ былъ въ его глазахъ общественная единица“. Вѣрность завѣтамъ XVIII вѣка охранила этого теоретика націонализма отъ шовинизма. „Изъ всѣхъ формъ гордости,—говоритъ онъ въ „Письмахъ о гуманности“,—я считаю національную гордость величайшей глупостью. Мы должны содѣйствовать, сколько можемъ, славы нашей націи, должны, въ случаѣ надобности, защищать ее; но хвалить ее ex professo кажется мнѣ нелѣпымъ самовозвеличеніемъ“. И у „революціонера новѣйшей мысли“, Канта, индивидуализмъ XVIII вѣка, достигнувъ высшей формы развитія, переходитъ въ коллективизмъ XIX-го. И теоретическая мысль, и нравственный законъ суть выраженія всеопредѣляющаго я; но истинная свобода заключается въ повиновеніи нравственному закону; человечество есть сообщество нравственныхъ существъ, связанныхъ вмѣстѣ суровымъ закономъ долга.

Переходомъ къ новымъ идеаламъ общественности явились также зрѣлыя произведенія Гете и Шиллера: „они выводятъ чи-

тателя изъ узкаго, изолированнаго отрывочнаго понятія о жизни на широкій солнечный просторъ универсальнаго человечества.... они предсказываютъ такое состояніе человеческой культуры, когда будетъ достигнута цѣль существованія: равновѣсіе между... индивидомъ и обществомъ“.

Зародившись въ XVIII вѣкѣ, коллективизмъ возмужалъ въ XIX-мѣ, обратившись въ самостоятельный принципъ, „вліяющій на всю національную жизнь, революціонирующій науку, искусство, религію, политику, измѣняющій умственный, нравственный и социальный укладъ всей Европы“. Выразительнымъ моментомъ явился романтизмъ; авторъ пользуется этимъ терминомъ, хотя полагаетъ, что „возникновеніе международной лиги для упраздненія терминовъ „романтизмъ“ и „классицизмъ“ было бы истинно-благодѣтельнымъ предпріятіемъ“. Романтизмъ Тика, Шлегеля и Новалиса довелъ „возвышенный индивидуализмъ“ прошлаго до „крайнихъ предѣловъ эгоизма“. Но въ немъ была двойственность, получившая наиболѣе ясное выраженіе въ воззрѣніяхъ Шлейермахера: одна сторона ихъ связываетъ его съ кантовскимъ трансцендентализмомъ и классиками-индивидуалистами; другая уже воплощаетъ коллективистскіе идеалы будущаго, и эта сторона преобладаетъ. Фихте съ его пылкообщественными настроеніями уже прямо представляется автору „предтечею новѣйшаго нѣмецкаго социализма“.

Политика реставраціи остановила болѣе чѣмъ на четверть вѣка широкое развитіе и воплощеніе этихъ началъ. Она дробила, чтобы властвовать. Она свела къ нулю едва зародившееся общественное мнѣніе, она отстранила отъ руководящей роли дѣятелей недавняго прошлаго, отказавшихся отъ ренегатства. Къ ней сводитъ авторъ воѣ черты, которыя представляются ему политически вредными и нравственно отрицательными въ нѣмецкихъ писателяхъ меттерниховской эпохи. „Всѣ они носятъ на себѣ печать времени, неспособнаго удовлетворить глубочайшимъ запросамъ сердца, недостойнаго серьезныхъ усилій серьезныхъ людей; всѣ они ищутъ чего-то невѣдомаго, что могло бы имъ не задохнуться въ этой ужасной атмосферѣ умственной духоты. Развѣ не выработались бы изъ нихъ люди болѣе широкаго кругозора—развѣ не были бы Шопенгауеръ менѣе раздражителенъ, Ленау менѣе болѣзненно настроенъ, Берне менѣе фанатиченъ, Гейне менѣе колеблющимся, а Платенъ и Иммерманъ менѣе угрюмыми и поглощенными самими собой—если бы сбылись надежды 1813 года, и если бы они не были лишены благороднѣйшей привилегіи свободныхъ людей: возможности дѣлательно служить своей родинѣ“.

Живое сочувствіе безъ всякихъ оговорокъ вызвали бы въ русскомъ читателѣ эти общія соображенія, если бы въ дальнѣйшихъ характеристикахъ Гейне и Берне авторъ сосредоточился на этомъ

пагубномъ духовномъ вліяніи политической реакціи. Но онъ идетъ гораздо дальше. Желая показать, что „изъ всѣхъ современныхъ ему писателей Гейне представляетъ наиболѣе печальный примѣръ интеллектуальной дегенераціи, вызванной политическими принципами эпохи реставраціи“, онъ обливаетъ поэта грязью, которую не сведешь ни къ какимъ принципамъ. Гейне „вступилъ на литературную арену съ тайной печатью отступничества на челѣ“; къ концу жизни, а, пожалуй, и съ начала ея, онъ былъ „рenegатомъ въ религіозномъ, политическомъ и даже художественномъ отношеніяхъ“; какъ поэтъ, онъ „едва ли хоть когда-нибудь пробуждаетъ въ насъ наше лучшее я“; наконецъ—это говорится о Гейне—онъ „врядъ ли хоть когда-нибудь раскрываетъ предъ нами тайну истинной любви“. Вообще Гейне и Берне „не были идейными вождями въ истинномъ значеніи этого слова“, такъ какъ ихъ силы ушли цѣликомъ на борьбу съ принципами Священнаго Союза: выводъ довольно оригинальный для автора исторіи нѣмецкой общественности и тѣмъ болѣе странный, что онъ самъ видитъ въ нихъ заслуженнѣйшихъ провозвѣстниковъ движенія 1848 года,—„великаго національнаго пробужденія, безъ котораго невозможны были бы и успѣхи императорской Германіи“. Въ яркой характеристикѣ сосредоточилъ Франке подготовительные моменты этого событія. Надежды на благожелательнаго и безвольнаго Фридриха-Вильгельма IV пали; всѣ вопросы были заслонены одной всепоглощающей дилеммой: „на одной сторонѣ—монархія, бюрократія, милитаризмъ, господство духовенства; на другой—народъ, народное правосудіе, народное вооруженіе, народная религія; на одной сторонѣ—принудительная власть, на другой—свобода; на одной—привилегіи, на другой—законъ; на одной—областные соперничества, на другой—національное величіе и единство. Этимъ резюмируется исторія восьмилѣтія съ 1840 по 1848 годъ. Эта дилемма заставила соединиться подъ однимъ знаменемъ оппозиціи коллективистовъ и индивидуалистовъ, рационалистовъ и пантеистовъ, умѣренныхъ и радикальныхъ группы гегельянцевъ, сторонниковъ конституціонной монархіи и республиканцевъ-соціалистовъ“. Вслѣдъ за Зибелемъ авторъ видитъ въ событіяхъ, завершившихъ это настроеніе, необходимый результатъ великаго умственнаго движенія, начатаго „Меэсиадой“ Клопштока и не завершеннаго въ наши дни.

Мы остановимся на этомъ моментѣ и не послѣдуетъ за авторомъ въ характеристикѣ дальнѣйшихъ моментовъ литературно-общественной жизни Германіи. Указаннаго достаточно для общаго представленія о его взглядахъ и пріемахъ. Особенное достоинство его книги заключается въ томъ, что она написана для читателей, не болѣе близкихъ нѣмецкой литературѣ, чѣмъ наша читающая публика. Это заставляеть его, не останавливаясь на подробностяхъ, сосредоточиваться на основныхъ линіяхъ развитія,

которыя его изложеніе дѣлаетъ отчетливыми и наглядными. Онъ не предполагаетъ предварительныхъ знаній и настолько умѣло подбираетъ выдержки, что мы рѣшились бы это искусство цитирования признать наиболѣе располагающей стороною его книги.

Переводъ сдѣланъ литературно, но портреты, украшающіе книгу, подобраны неудачно. Такъ нельзя иллюстрировать серьезное научное сочиненіе. Если историко-литературный трудъ нуждается въ рисункахъ, то это должны быть подлинники, а не выдумки. Между тѣмъ, какой-то злой рокъ преслѣдуетъ изображенія, приложенныя къ книгѣ Куно Франке. Подъ портретами Готтшеда и Брокеса подписано съ *литографіи*, хотя портреты носятъ явные слѣды рѣзца гравера; къ тому же литографіи не было въ эпоху Готтшеда, какъ не было фотографіи при Шиллерѣ и Гете, портреты которыхъ носятъ подпись съ *фотографіи*. А на самомъ дѣлѣ это цинкографіи, и не съ подлинныхъ портретовъ, а съ банально-сладенькихъ идеализацій Іегера. Четверть вѣка назадъ онѣ нравились нѣмецкимъ филистерамъ; теперь пропагандировать ихъ не годится.

Проф. В. Виндельбандъ. Прелюдіи. Философскія статьи и рѣчи. Перев. со 2-го нѣм. изд. С. Франка. Спб. 1904.

Имя Виндельбанда постоянно на языкѣ у нашихъ „идеалистовъ“ и, такимъ образомъ, давая переводъ „Прелюдій“, г. Франкъ знакомить русскаго читателя съ однимъ изъ главнѣйшихъ современныхъ авторитетовъ кантизма.

Съ своей стороны, мы искренно привѣтствуемъ появленіе этой книжки на русскомъ языкѣ, и это не только потому, что нельзя не привѣтствовать появленія всякой дѣйствительно талантливой книжки въ нашей скудной философской литературѣ, но еще и потому, что послѣдовательно, безъ всякихъ увертокъ (не рѣдко встрѣчающихся у другихъ кантіанцевъ) проведенный кантизмъ Виндельбанда даетъ случай вдумчивому читателю особенно ясно увидѣть, къ какой философской катастрофѣ неизбежно ведетъ послѣдовательный кантизмъ.

Философія Канта представляетъ случай неустойчиваго равновѣсія, и всякая попытка развить это ученіе послѣдовательно ведетъ неизбежно къ скептицизму и солипсизму. Если эти печальные съ философской точки зрѣнія результаты (и особенно печальные именно для кантіанцевъ, считающихъ поражение скептицизма одною изъ главныхъ заслугъ Канта) не такъ ясны для читателей, то, одною изъ причинъ этого, безспорно, слѣдуетъ считать тѣ непослѣдовательности и даже противорѣчія, которыми переполнены сочиненія Канта; такъ что чѣмъ строинѣ изложено ученіе Канта, тѣмъ яснѣе становятся присущіе ему недостатки.

„Всякое человѣческое познаніе,—говоритъ Виндельбандъ,—движется между двумя полюсами: на одной сторонѣ находятся

отдѣльныя ощущенія, на другой—общія положенія, выражающія извѣстныя правила о возможныхъ отношеніяхъ между ощущеніями... Все наше познаніе состоитъ въ соединеніи наиболѣе общаго съ наиболѣе частнымъ при помощи промежуточныхъ звеньевъ... Эти необходимыя предпосылки всякаго доказательства сами не могутъ быть доказаны“ (стр. 228). Ощущенія, по Канту, сводятся къ простымъ толчкамъ, даваемымъ нашему сознанию внѣшнимъ міромъ, совершенно для насъ непостижимымъ. Все, что мы знаемъ, это, въ сущности, „правила“, путемъ которыхъ нашъ духъ комбинируетъ эти безсодержательныя толчки, и при этомъ, „какъ справедливо отмѣтилъ Лотце, можно назвать „счастливымъ обстоятельствомъ“ то, что совокупность нашихъ ощущеній на самомъ дѣлѣ допускаетъ такое подведеніе подъ аксіоматическія предпосылки“ (стр. 229). Итакъ, все наше знаніе о „не-я“ сводится къ тому, что въ силу „счастливаго обстоятельства“ безсодержательныя толчки этого не-я могутъ быть комбинированы по извѣстнымъ правиламъ нашего духа.

Слѣдя за аргументаціей Виндельбанда, компетентный читатель легко замѣтитъ, что защита кантовскаго ученія противъ „позитивизма“ удастся нашему автору лишь потому, что онъ всегда направляетъ свои удары на старый „позитивизмъ“, принимавшій форму сенсуализма, эмпиризма и т. п., и не атакуетъ современной твердыни позитивизма—эволюціонизма. Одинъ эволюціонизмъ можетъ нанести смертельный ударъ кантизму, показавши, откуда и какъ развились тѣ апріорныя формы мышленія, существованіе которыхъ открылъ Кантъ, чѣмъ временно и доставилъ рѣшительный перевѣсъ „идеализму“ надъ „позитивизмомъ“.

Если читатель, изучая Виндельбанда, будетъ постоянно помнить, что сверхъ стараго „позитивизма“ существуетъ еще почти столь же враждебная Канту эволюціонная философія, то, какъ мы сказали выше, чтеніе Виндельбанда приведетъ его лишь къ болѣе ясному пониманію недостатковъ философіи Канта.

И. Д. Ивановичъ. Борцы и мученики за свободу Болгаріи. Изданіе С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. М. 1904.

Содержаніе этой интересной книги, быть можетъ, памятно еще нѣкоторымъ читателямъ, такъ какъ очерки г-на Ивановича печатались въ 1880 хъ годахъ въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“. Они не представляютъ самостоятельной работы: г. Ивановичъ составилъ свои очерки на основаніи сочиненій извѣстнаго болгарскаго писателя З. Стоянова, но компиляція сдѣлана талантливейшей рукою, сумѣвшей выбрать черты, которыя, несомнѣнно, способны заинтересовать русскаго читателя. Очерки начинаются съ половины истекшаго столѣтія, когда турецкое владычество въ Болгаріи представлялось фактомъ торжествующимъ и незыблемымъ.

Казалось, только безумцы могут посягать на прочно сложившийся „порядокъ вещей“, и даже самъ народъ, за свободу котораго гибли эти „безумцы“, только проклиналъ ихъ, какъ борцовъ за безнадежное дѣло, какъ нарушителей своего спокойствія,—тяжелаго, унижительнаго, рабскаго, но все же—спокойствія... Въ біографіи „Бабы Тонки“ Тонки Тиховицы Обреченовой, отдавшей дѣлу освобожденія своихъ дѣтей, З. Стояновъ отмѣчаетъ, напримѣръ, тяжелый эпизодъ, когда изъ двухъ ея сыновей, участвовавшихъ въ четѣ хаджи Димитра и Стефана Караджи, одинъ былъ убитъ, другой ждалъ казни въ турецкой тюрьмѣ. И въ это самое время болгарскія женщины приходили къ окнамъ ея жилища, посылая проклятія несчастной за то, что она, по ихъ мнѣнію, колдовствомъ привлекала другихъ юношей и направила ихъ „на кривой путь“ (92). Когда остатки разбитыхъ четъ, изуренные, израненные и связанные,—препровождались въ тюрьмы, толпа болгарскихъ рабовъ провожала ихъ ругательствами за то, что они нарушили „добрыя отношенія“ болгаръ и турокъ. И, однако, движеніе тлѣло и разгоралось. Въ книгѣ г. Ивановича читатель найдетъ интересный очеркъ чисто бытовой, несомнительной еще, полуразбойничьей борьбы „юнаковъ“, уходившихъ въ дикіе Балканы и спускавшихся оттуда, какъ хищныя птицы, чтобы мстить угнетателямъ. Потомъ на этомъ бытовомъ фонѣ возникаютъ попытки пламенныхъ мечтателей, очистившихъ дѣло борьбы за свободу отъ всѣхъ стороннихъ примѣсей и ставшихъ мучениками своей мечты. Первые „четы“, переправлявшіеся черезъ Дунай изъ Румыніи или Австріи, почти неизмѣнно гибли, не успѣвъ достигнуть балканскихъ вершинъ. Но движеніе все росло, за первыми попытками слѣдовали другія, движеніе вырабатывало свою идеологию, свои легенды, свою литературу, поэзію, исторію и, быстро развертываясь, охватило пожаромъ всю страну... Наконецъ, „подъ громъ русскихъ пушекъ“, Болгарія получаетъ свободу и представительное правленіе.

Книга З. Стоянова и очерки г. Ивановича писались въ тяжелое для Болгаріи время. Какъ это бываетъ часто, освободительная борьба на національныхъ началахъ, уничтоживъ чужеземное иго, еще не подготовила народъ къ внутренней гражданской свободѣ, и устронительный періодъ затянулся. Во главѣ освобожденной Болгаріи становились нерѣдко люди очень низменнаго уровня. Казалось, была забыта даже самая память борцовъ, и мелкая интрига или прямое насиліе стали основнымъ тономъ болгарской политической жизни. Авторъ разбираемой книги и самъ З. Стояновъ, приводя факты паденія гражданскихъ и политическихъ нравовъ въ болгарскомъ обществѣ послѣ освобожденія, кажется, готовы признать болгаръ недостойными принесенныхъ имъ жертвъ. Но это, конечно, ошибка. Правда, политическое освобожденіе только уничтожило препятствія для нормальнаго

развитія страны, но чисто націоналистическая освободительная идея не дала еще самаго содержанія гражданственности и свободы. Если бы книга писалась теперь,—когда въ Болгаріи на конституціонной почвѣ уже значительно выросли и окрѣпли положительные идеалы народной, а не только національной свободы, то, вѣроятно, тонъ ея по отношенію къ настоящему былъ бы менѣе пессимистиченъ. Героическая борьба уже приноситъ свои плоды и „милая майка Болгаря“, съ именемъ которой на устахъ умирали первые четники, теперь становится дѣйствительно свободной матерью своихъ дѣтей. Во всякомъ случаѣ, книга г. Иванoviча, написанная живо, порой даже художественно, прочтется, мы увѣрены, съ большимъ интересомъ.

Дѣтскіе пріюты-корабли. Сборникъ свѣдѣній, издаваемый Канцеляріей по управленію всѣми дѣтскими пріютами вѣдомства учрлженій Императрицы Маріи. Часть XVIII. Спб. 1904.

Мысль объ устройствѣ въ Россіи дѣтскихъ пріютовъ-кораблей принадлежитъ самому послѣднему времени. Въ 1902—1903 году, по порученію председателя комитета главнаго попечительства дѣтскихъ пріютовъ, членъ этого комитета баронъ О. О. Буксгевденъ ѣздилъ въ Италію и въ Англію осматривать и изучать существующіе тамъ корабли-пріюты, а затѣмъ дѣлалъ доклады о нихъ въ Кронштадтѣ, Баку, Батумѣ, Севастополѣ, Таганрогѣ и Ростовѣ на Дону. По словамъ представленнаго барономъ Буксгевденомъ доклада, во всѣхъ этихъ городахъ мысль объ устройствѣ пріютовъ-кораблей была встрѣчена очень сочувственно, и тотчасъ же собирались по подпискѣ деньги для осуществленія этого предпріятія. А денегъ для этого требуется сравнительно не мало: покупка паруснаго судна должна обойтись отъ 8,000 до 10,000 руб. и ежегодное содержаніе 25 воспитанниковъ отъ 6,000 до 7,000 р., т. е. по 240—280 руб. въ годъ на человѣка. Такъ это высчитано по смѣтамъ въ Батумѣ и Севастополѣ и также, приблизительно, обходится содержаніе одного воспитанника въ годъ въ Англіи—24 фунта 3 шиллинга, при чемъ 60% этой суммы падаетъ на содержаніе администраціи.

Что же собственно представляютъ собой эти пріюты-корабли и почему желательно у насъ обзаведеніе этого рода воспитательными учрежденіями? Изъ доклада барона Буксгевдена и напечатанной въ той же брошюрѣ статьи г. В. Несслера „Учебные корабли въ Англіи“ видно, что за границей эти учрежденія играютъ не столько роль пріютовъ, сколько роль исправительныхъ колоній для малолѣтнихъ преступниковъ и, кромѣ исправленія преступныхъ наклонностей, имѣютъ цѣлью дать для торговаго и военнаго флота дисциплинированныхъ и опытныхъ матросовъ. У насъ, говорить г. Буксгевденъ, корабли-пріюты были бы годны специально

для исключенныхъ до окончанія курса гимназистовъ и реалистовъ. Въ Англіи приюты-корабли существуютъ около 150 лѣтъ и тамъ имѣется 15 такихъ кораблей. Въ Италіи есть только одинъ такой корабль съ 1883 года. Въ другихъ государствахъ Западной Европы такихъ кораблей еще нѣтъ. Корабли, служащіе приютами, принадлежатъ обыкновенно къ числу старыхъ судовъ и стоятъ на якоряхъ или на канатахъ прикрѣпленными къ берегу и плавать на нихъ нельзя. Дисциплина на нихъ строгая: такъ, напр., получить книгу для чтенія, *писать домой письмо черезъ каждые два мѣсяца* *), получить свиданіе съ родными—все это дозволяется, только какъ награда за хорошее поведение въ срокъ не менѣе года. „Въ качествѣ орудій для тѣлеснаго наказанія употребляются: трость, которой наносятъ черезъ одежду до 8 ударовъ, и розги, которыми бьютъ по голому тѣлу, при чемъ количество ударовъ не превышаетъ 18. Что же касается другихъ тѣлесныхъ наказаній въ видѣ *смирительной рубашки, треххвостной кошки, желѣзныхъ кандаловъ, кожаныхъ наручниковъ и привязыванія къ мачтѣ*, то объ нихъ нѣтъ и помину“ (стр. 32. Къ чему же тогда о нихъ расписывать?). „Занятія, по докладу барона Буксгевдена, заключаются въ слѣдующемъ: *въ чисткѣ и скобленіи палубъ, стиркѣ бѣлья, окраскѣ судна и шлюпокъ, въ шитьѣ и починкѣ обуви*, въ *такелажныхъ работахъ*, въ *портняжныхъ работахъ*, въ *катаніи на шлюпкахъ подѣ парусами и на веслахъ*, въ *упражненіи ружьемъ и въ игрѣ въ оркестрѣ*“ (стр. 18). Таковы морскія „науки“, проходимыя на корабляхъ-приютахъ! Въ оправданіе пословицы, что корень ученія горекъ, слѣдуетъ еще добавить, что по отчетамъ о состояніи здоровья ежегодно 18,45% *всѣхъ воспитанниковъ* подвергаются ушибамъ и пораненіямъ и 13,84% *простуднымъ заболѣваніямъ*, другими словами, третья часть воспитанниковъ ежегодно подвергается своего рода профессиональнымъ заболѣваніямъ.

Нужно думать, что молодой человѣкъ, получившій такое спеціальное образованіе и воспитанный въ такой болѣе, чѣмъ спартанской дисциплинѣ, если Богъ судитъ ему претерпѣть до конца, долженъ считать раемъ свое поступленіе въ матросы. Если, затѣмъ, воспитаніе не сдѣлаетъ его окончательно озлобленнымъ, а подавить въ немъ волю и чувство собственного достоинства, то онъ выйдетъ весьма удобнымъ объектомъ для всяческой эксплуатаціи на любомъ торговомъ или военномъ суднѣ. Уже не этими ли собственно результатами и обуславливается столь восхваляемое различными морскими чинами превосходство кораблей-приютовъ надъ другими заведеніями подобнаго рода?

Интересно еще и то, что *корабль* собственно тутъ почти что не при чемъ. Корабль этотъ, какъ сказано выше, прежде всего

*) Курсивъ вездѣ нашъ.

лишенъ самаго своего существеннаго свойства: онъ не плаваетъ. „Затѣмъ—дѣлаемъ выписку изъ статьи г. Несслера,—по мнѣнію г. Леггъ, главнаго правительственнаго инспектора всѣхъ англійскихъ исправительныхъ заведеній, человека искренне преданнаго этому дѣлу и глубоко вѣрующаго въ его благотворность, болѣе удобнымъ представлялся бы такой порядокъ, при которомъ воспитанники жили бы на берегу въ специально устроенныхъ баракахъ или казармахъ... Живя на берегу, воспитанники были бы поставлены въ несомнѣнно лучшія гигиеническія условія, чѣмъ теперь, гдѣ они скучены на тѣсномъ пространствѣ корабля; кромѣ того, они имѣли бы болѣе мѣста для военныхъ и гимнастическихъ занятій и игръ и т. д.“ (стр. 45).

Не смотря на видимое желаніе гг. Буксгевдена и Несслера представить пріюты-корабли въ наиболѣе выгодномъ свѣтѣ, у лица не предубѣжденнаго, на основаніи чтенія ихъ же докладовъ, создается прямо отрицательное отношеніе къ этому типу воспитательныхъ учрежденій.

Баронъ Буксгевденъ, какъ уже упомянуто, говоритъ, что у насъ, въ Россіи, корабли-пріюты могли бы быть въ особенности пригодны для огромной массы малолѣтнихъ, ежегодно исключаемыхъ изъ гимназій и реальныхъ училищъ, и что корабли-пріюты могли бы быть хорошимъ средствомъ борьбы противъ того зла, которое представляется *„направленіемъ нашей учащейся молодежи, отличающимся отсутствіемъ вѣры и идеальныхъ стремленій и обнаруживающимъ чрезвычайную испорченность нравовъ“* (стр. 19).

Можно одно сказать: дай Богъ, чтобы надежды барона Буксгевдена покрыть русскія моря кораблями-казематами оказались столь же невѣрными, какъ невѣрно его огульное осужденіе нашей учащейся молодежи.

Краткій указатель литературы по крестьянскому вопросу. Составленъ комиссіей по устройству отдѣла имени Г. И. Успенскаго при Тульской общественной библіотекѣ. Чистый сборъ поступаетъ на устройство народной библіотеки имени Г. И. Успенскаго въ Тульской губ. Тула. 1904 г.

Судьбы тульской общественной библіотеки служатъ нагляднымъ примѣромъ того, какъ шатко существованіе нашихъ просвѣтительныхъ учреждений, сколько-нибудь широко развертывающихъ свою общественную работу. Тульская библіотека несомнѣнно занимала одно изъ почетныхъ мѣстъ среди такихъ учреждений, и самый „Указатель“, лежащій предъ нами, является однимъ изъ доказательствъ вдумчиваго и серьезнаго отношенія библіотеки къ своимъ задачамъ. Но, какъ извѣстно, этотъ „Указатель“ оказывается лебединою пѣснью почтеннаго учрежденія..

Свою задачу составители „Указателя“ опредѣляютъ слѣдующими словами предисловія: „крестьянскимъ вопросомъ за послѣд-

нія 50 лѣтъ занято все русское общество, при чемъ работа ведется и въ центрахъ умственной жизни, и въ провинціи. Но въ Москвѣ и въ Петербургѣ имѣются публичныя библіотеки, дающія полную возможность заняться теоретической разработкой вопроса. Въ совершенно инныя условія поставлены провинціальныя практики: стоя близко къ народу, они въ громадномъ большинствѣ случаевъ совершенно лишены возможности освѣтить свой путь сколько-нибудь обстоятельнымъ знакомствомъ съ литературой предмета“. „Указатель“ и поставилъ своей задачей помочь провинціаламъ въ этотъ отношеніи. Составители остановились при этомъ только на *главномъ* въ литературѣ предмета, понимая „крестьянскій вопросъ“ въ узкомъ смыслѣ слова и сосредоточивъ свое вниманіе на работахъ, освѣщающихъ экономическое и юридическое положеніе крестьянъ.

„Указатель“ поэтому принялъ слѣдующіе отдѣлы и подраздѣлы: а) Крестьяне на Западѣ. б) Крестьянскій вопросъ въ Россіи: I. Происхожденіе крестьянъ. Происхожденіе крѣпостного права. II. Развитіе крѣпостного права. Помѣщичье хозяйство при крѣпостномъ правѣ. III. Освобожденіе крестьянъ. IV. Крестьянскій вопросъ послѣ освобожденія: а) общіе вопросы, б) землевладѣніе и земледѣліе, в) кустарная промышленность, г) артели, д) кредитъ, кооперація, е) сельскіе рабочіе, ж) переселеніе и отхожіе промыслы, з) ростовщичество, и) нищенство и призрѣніе, і) крестьянскій судъ и законъ о крестьянахъ. Обычное право.

Во всѣхъ этихъ отдѣлахъ указано свыше 200 книгъ, статей и брошюръ. Выборъ сдѣланъ вдумчиво и удачно. „Указатель“ безусловно принесетъ огромную пользу и провинціаламъ, и столичнымъ жителямъ, но онъ всетаки не лишенъ нѣкоторыхъ недостатковъ, которые мы и считаемъ необходимыми здѣсь отмѣтить.

Мы не будемъ останавливаться на отдѣльныхъ книгахъ (хотя можно было бы, напр., отмѣтить отсутствіе книги г. Прокоповича о русскомъ кооперативномъ движеніи или признать недѣлесообразной ссылку на книгу г. Осипова „Пособіе для устройства промышленныхъ и кустарныхъ артелей“, изд. 1897 г., когда позднѣйшія новеллы внесли въ законъ объ артеляхъ существенныя измѣненія и т. д.), но укажемъ на отдѣлы, отсутствіе которыхъ особенно чувствуется въ „Указателѣ“. Такъ, напр., совершенно нѣтъ указаній на тему объ отношеніи между земствомъ и крестьянствомъ (вопросъ о цензѣ, который подвергался за послѣднее время тщательной обработкѣ въ литературѣ и земской, и общей), слабо разработанъ вопросъ о земскихъ начальникахъ (для этого достаточно было бы привести рядъ статей по внутреннему обозрѣнію, хотя бы изъ „Вѣстника Европы“). Совершенно не затронутъ вопросъ о народномъ образованіи, которое несомнѣнно имѣло огромное вліяніе и на юридическое, и на экономическое положеніе кре-

стыянаства; ничего не говорится о страховомъ дѣлѣ, хотя пожаръ—одинъ изъ сильнѣйшихъ экономическихъ недуговъ деревни; не разработанъ и вопросъ о народномъ здравіи, представляющій огромный интересъ и вообще, и въ связи съ отходомъ.

Конечно, эти отдѣлы будутъ, вѣроятно, понемногу пополняться при слѣдующихъ изданіяхъ, которыхъ „Указатель“ дождется, думаемъ, въ непродолжительномъ времени, такъ какъ нужда въ немъ несомнѣнно очень большая.

Великіе люди изъ простого званія. Пересказалъ Е. Чижевъ. Съ рисунками. 1) Стефенсонъ, изобрѣтатель желѣзныхъ дорогъ. 2) Фултонъ, изобрѣтатель пароходовъ. 3) Уаттъ, изобрѣтатель паровыхъ машинъ. 4) Ливингстонъ, знаменитый путешественникъ по Африкѣ.

„Великіе люди изъ простого званія“—эта тема, думается намъ, какъ нельзя кстати въ настоящее время. Она будетъ обслуживать общество съ двухъ сторонъ: на читателя изъ „народа“ она произведетъ подбадривающее дѣйствіе, привилегированнымъ напомнимъ о тѣхъ услугахъ, которыя „народъ“ оказалъ и оказываетъ нашей культурѣ и цивилизаціи. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ мы знаемъ, что все матеріальное богатство человѣчества создано руками и горбомъ „народа“ или, говоря словами настоящей серіи, „людьми изъ простого званія“. Но многіе ли знаютъ, что все богатство идей и образовъ, которыми гордится современное человечество, обязано въ значительной степени своимъ происхожденіемъ и развитіемъ тѣмъ же „великимъ людямъ изъ простого званія“. Намъ невольно вспоминается небольшая, но изящная статейка В. В. Стасова: „Артистическая статистика“. Этотъ критикъ просмотрѣлъ происхожденіе цѣлаго ряда нашихъ знаменитыхъ художниковъ, скульптуровъ, граверовъ и т. д. и былъ пораженъ подавляющимъ числомъ лицъ „низкаго званія и происхожденія“, которыя заполняютъ списки нашихъ знаменитостей въ области искусства. То же, вѣроятно, имѣетъ мѣсто и среди дѣятелей науки чистой и прикладной, литературы, политики... Названная серія, по крайней мѣрѣ, напоминаетъ намъ объ этомъ.

Пересматривая отдѣльныя книжечки этой серіи, мы можемъ отмѣтить рядъ положительныхъ сторонъ даннаго предпріятія. Изложены онѣ простымъ, легкимъ языкомъ; свободны отъ фактическихъ, по крайней мѣрѣ грубыхъ, ошибокъ, которыя бы бросались въ глаза; изданы очень опрятно и дешево. Но тѣмъ не менѣе данная обработка указанныхъ темъ обладаетъ и нѣкоторыми существенными недостатками. Прежде всего слабо или даже почти не очерчена та историческая среда, которая выдвинула того или другого изъ великихъ людей, привлечшихъ на себя вниманіе автора, и великій человѣкъ является передъ читателемъ, какъ

„*deus ex machina*“. Во-вторыхъ, авторъ недостаточно показываетъ на конкретныхъ фактахъ, какъ то и другое изъ великихъ открытій и изобрѣтеній оказалось, дѣйствительно, великимъ и за что оно въ такой рангъ возведено. Наконецъ, изложеніе слишкомъ мало драматизировано, слишкомъ оно мѣстами протокольно, что для такихъ популярныхъ работъ является несомнѣннымъ недостаткомъ.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются*. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя комиссію по приобретенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Федоръ Смородскій. Пѣсня чепуха. Стихотворенія. Спб. 1904. Ц. 50 к.

Владиміръ Ж. Бѣдная Шарлотта. Поэма. Спб. 1904. Ц. 5 к.

Осенніе цвѣты, покрытые снѣгомъ. Стихотворенія **Александры Костомаровой.** Спб. 1902.

М. В. Глѣбовъ. Сибирь. Стихотворенія. Семипалатинскъ. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Ольга Шаниръ. Инвалиды и новобранцы. Спб. 1905. Ц. 1 р.

В. Висновскій. Разказы. Т. I. Изд. 2-е. М. 1904. Ц. 1 р.

Е. Милицына. Разказы. М. 1905. Ц. 1 р.

Алексій Худеновъ. На пашнѣ. Очерки и разказы. Спб. 1905. Ц. 80 к. Библиотека для юношества. Подъ гнетомъ инквизиціи. Историческая повѣсть **А. Алтаева.** Изд. П. П. Солякина. Спб. 1904. Ц. 1 р. 25 к.

Б. Михайловъ-Стоянъ. Еврей-Ивановъ. Двадцать лѣтъ на цѣпи. Спб. 1904.

П. С. Уваровъ. Типы и нравы Сахалина. Изд. Д. П. Ефимова. М. 1904. Ц. 1 р. 25 к.

Избранныя русскія пословицы. Составилъ **П. Богомазовъ.** М. 1905. Ц. 20 к.

Ради хлѣба насущнаго. Романъ. **Клары Фибигъ.** Переводъ В. Кошевичъ. Изд. „Посредника“. М. Ц. 1 р. 50 к.

Эскизы **Петера Альтенберга.** Переводъ А. и Е. Герцыкъ. Изд. Д. П. Ефимова. М. 1904. Ц. 50 к.

Изъ дневника **Амеля.** Гер. съ франц. М. А. Толстой. Подъ редакціей и съ предисловіемъ Л. Н. Толстого.

2-е изд. „Посредника“. М. 1905. Ц. 40 к.

Дочь Лигійскаго царя, или изъ царства тьмы къ царству свѣта. Романъ. По Сенкевичу. Составила **В. Лукьянская.** Изд. „Посредника“. М. 1904. Ц. 50 к.

Безъ семьи. **Генторъ Мало.** Переводъ (въ сокращеніи) О. Н. Поповой. Спб. 1905. Ц. 40 к.

Генрихъ фонъ-Клейстъ. Михаилъ Кольгазъ (Изъ старинной хроники). Переводъ О. Ф. Брандтъ. Спб. 1904. Ц. 40 к.

М. Г. Болтадае. Исповѣдь адвоката. 2-е изд. книгоиздательства „Югъ“. Кіевъ. 1904. Ц. 60 к.

Джорджъ-Генри Льюисъ. Биографическій очеркъ съ его портретомъ. **Н. В. Волкова.** Владикавказъ. 1904. Ц. 15 к.

И. Я. Стечкінъ. Максимъ Горькій. Его творчество и его значеніе въ исторіи русской словесности и въ жизни русскаго общества. Спб. 1904. Ц. 1 р. 25 к.

Н. Н. Барновъ. Чеховъ и его творчество. Спб. 1904. Ц. 40 к.

И. И. Гливенко. Типы героевъ въ литературѣ въ ихъ отношеніи къ дѣйствительности. Кіевъ. 1904.

Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. Вып. II. Ч. 2-я. Составилъ **В. Зелинскій.** Изд. 4-е. М. 1905. Ц. 2 р.

Полное собраніе сочиненій **Н. М. Астырева.** Въ волостныхъ писаряхъ. Очерки крестьянскаго самоуправления. Т. I. Изд. 3-е. М. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Профессоръ **Мих. Грушевскій.**

Очеркъ исторіи Украинскаго народа. Изд. Т-ва „Общественная Польза“. Спб. 1904. Ц. 2 р.

Собрание сочинений **Н. И. Востокарова**. Историческія монографіи и изслѣдованія. Книга четвертая. Тт. IX—XI. Изд. „Литературнаго Фонда“. Спб. 1904. Ц. 4 р.

А. Бенз. Психологія. Переводъ съ англійскаго пр.-доц. Вл. Н. Ивановскаго. Т. II. Изд. маг. „Книжное Дѣло“. М. 1905.

Фридрихъ Энгельсъ. Философія, политическая экономія, социализмъ. Переводъ съ 3-го нѣмецкаго изданія. Изд. В. И. Яковенко. Спб. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Гансъ Корнелиусъ. Введеніе въ философію. Переводъ съ нѣмецкаго Г. А. Котляра, подъ редакціей и съ предисловіемъ проф. Н. Н. Ланге. Изд. Д. П. Ефимова. М. 1905. Ц. 2 р.

Гаральдъ Гефдингъ. Философскія проблемы. Переводъ съ нѣмецкаго Г. А. Котляра. Изд. Д. П. Ефимова. М. 1904. Ц. 50 к.

Собрание сочинений **Артура Шопенауэра**. Въ переводѣ и подъ редакціей Ю. И. Айхенвальда. Вып. XI. Изд. Д. П. Ефимова. М. 1904.

В. Богучарскій. Изъ прошлаго русскаго общества (книгоиздательство М. В. Пирожкова). Спб. 1904. Ц. 2 р.

Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета (1805—1819). Разказы по архивнымъ документамъ. **Н. Булича**. Ч. II. Изд. 2-е. Спб. 1904. Ц. 3 р.

М. П. Манасеинъ. Матеріалы къ столѣтнему юбилею Казанскаго университета. Спб. 1904.

Великія реформы шестидесятихъ годовъ въ ихъ прошломъ и настоящемъ. Подъ редакціей **Г. В. Гессена** и пр.-доц. **А. И. Каминна**. Т. I. **К. К. Арсеньевъ**. Законодательство о печати. Книгоиздательство П. П. Гершунина и Ко. Спб. 1903. Ц. 1 р. 25 к. — Т. II. **Г. В. Гессенъ**. Судебная реформа. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Законы о крестьянахъ и крестьянскихъ учрежденіяхъ. Вып. I. Общія положенія о крестьянахъ. **П. Богомазовъ**. М. 1905. Ц. 60 к.

Мотивы преобразованія мѣстныхъ учреждений. Мнѣніе члена Волынскаго губернскаго совѣщанія **Г. И. Вобринова**. 1904.

Избранныя рѣчи и статьи **Генри Джорджа**. Переводъ съ англійскаго. С. Д. Николаева. Изд. „Посредника“. М. 1905. Ц. 2 р. 50 к.

А. С. Пругавинъ. Монастырскія тюрьмы въ борьбѣ съ сектантствомъ.

Съ критическими замѣчаніями духовнаго цензора. Изд. „Посредника“. М. 1905. Ц. 60 к.

Арсеній, епископъ Псковскій. Изслѣдованія и монографіи по исторіи Молдавской церкви. Спб. 1904. Ц. 3 р.

Изъ исторіи общественныхъ теченій. **Е. Каутскій**. Перев. Е. К. и И. Н. Леонтьевыхъ.

Историко-политическая бібліотека № 6. **Л. В. Новгородцевъ**. Германія и ея политическая жизнь. Изд. т-ва „Знаніе“. Спб. 1904. Ц. 1 р. 20 к.

Идеалы социальной политики. **В. Зомбартъ**. Переводъ съ нѣмецкаго П. Ф. Теплова. Изд. 2-е т-ва „Знаніе“. Спб. 1905. Ц. 40 к.

Земля и люди. **Э. Ренно**. Вып. VII. Германія. Переводъ съ французскаго, подъ редакціей Д. А. Корончевскаго. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1904. Ц. 2 р. 50 к.

Каеэдра физической географіи въ Новороссійскомъ университетѣ (1880—1904). **А. Классовскаго**. Одесса. 1905.

Сергій Рунинъ. Въ Манчжуріи. Спб. 1904. Ц. 1 р.

П. Головачевъ. Россія на Дальнемъ Востоцѣ. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Изданіе **Крамхельдъ**. — Политическія и экономическія задачи Японіи. Харьковъ. 1905. Ц. 45 к.

Графъ **Э. Ревентловъ**. Русско-Японская война. Вып. I—III. Цѣна выпуска 30 к. Спб. 1904.

Проф. **И. Х. Озеровъ**. Экономическая Россія и ея финансовая политика. Изд. Д. С. Горшкова. М. 1905. Ц. 1 р. 75 к.

Николай Бухъ-Полтевъ. Даныя механики къ выясненію общественно-экономическихъ вопросовъ. Харьковъ. 1905. Ц. 80 к.

Рудольфъ Штаммлеръ. Законность правового порядка и народнаго хозяйства. Кіевъ. 1904. Ц. 15 к. Гр. **Сергій Толстой**. О составѣ крестьянскаго сословія. Изд. журнала „Русская Мысль“. М. 1904.

А. А. Корфодъ. Опытъ самостоятельнаго перехода крестьянъ къ хозяйству на отрубныхъ участкахъ надѣльной земли. Спб. 1904.

Очерки по крестьянскому вопросу. Собрание сочинений подъ редакціей проф. **А. А. Мануилова**. Вып. III. Изд. Д. С. Горшкова. М. 1905. Ц. 1 р. 75 к.

С. Н. Пропоповичъ. Мѣстные люди о нуждахъ Россіи. Изд. Е. Д. Кусковой. Спб. 1904. Ц. 2 р.

Проф. **В. А. Косинскій**. Къ ве-

просу о мѣрахъ къ развитію производительныхъ силъ Россіи. Одесса. 1904.

Сборникъ свѣдѣній для опредѣленія убытковъ, причиняемыхъ культурнымъ растеніямъ градобитіями и др. асмосферическими вліяніями и пр. Составилъ **В. А. Таргонскій**. М. 1904. Ц. 2 р.

Климатологія въ связи съ климатотерапіей и гигиеной. **А. Класовскаго**. Одесса. 1904.

Территорія и населеніе врачебныхъ районовъ Московской губ. **В. С. Лебедева**. Изд. Московск. Губернскаго земства. М. 1904.

Научный архивъ Виленской окружной лѣчебницы №№ 3—4. Вильна. 1904.

Неорганическая химія (Начальный курсъ). Пр.-доц. **А. Реформатскаго**. М. 1905.

Символы элементарной математики. Проф. **А. Класовскаго**. Одесса. 1905.

Педагогическая мысль. Изд. коллегіи Павла Галагана. Подъ редакціей **И. А. Сикорскаго** и пр.-доц. **И. И. Глиненко**. Киевъ. 1904.

Г. Б. Дорофеевъ. Къ вопросу о реформѣ средней школы. Варшава. 1904.

П. Сануминъ. Сборникъ статей для упражненія въ знакахъ препинанія. Второе изд. М. 1904. Ц. 25 к.

Книги для дѣтскаго чтенія. Учебники и учебныя пособія. Составилъ **Н. В. Чеусовъ**. Изд. П. Д. Путиловой. М. 1905. Ц. 25 к.

Вода и ея значеніе въ природѣ. **М. Пряслова**. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1904. Ц. 50 к.

О пьянствѣ. Врача **О. В. Антенмана**. № 6. Изд. комиссіи по распространенію гигиеническихъ знаний въ народѣ. М. 1904. Ц. 4 к.

Библиотека для нашихъ дѣтей: **А. Ботромъ**. Сестра Вѣрочка. Ц. 15 к.—**Э. Томпсонъ**. Разказы изъ жизни животныхъ. Ц. 25 к. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1905.

Библиотека для всѣхъ: Междоусобица. **В. Ивмайловъ**. Ц. 1 к.—Въ госпиталѣ. **Ив. Навионинъ**. Ц. 3 к.—Въ одиночку. **В. Беронитамъ**. Ц. 3 к.—Въ стѣнахъ. **Ив. Навионина**. Ц. 10 к.—На китайской рѣкѣ. **Л. Меллишина**. Ц. 10 к. Изд. О. Н. Рутенбергъ и А. И. Жуковой. Спб. 1904.

Разказы о подвигахъ человѣческаго ума и о чудесахъ науки. Ц. 30 к.—Разказы о дѣлахъ въ царствѣ животныхъ. Ц. 35 к.—Разказы о великихъ и грозныхъ явленіяхъ природы. Ц. 25 к. Составилъ **Н. А. Рубанинъ**. Каталогъ книгъ для школьныхъ, на-

родныхъ, публичныхъ и домашнихъ библиотекъ. Ц. 15 к. Изд. книжн. склада „Школьное Дѣло“. Спб. 1904.

Изданія Горбунова-Посадова: Мой цвѣтникъ. Ц. 15 к.—Наши комнатныя растенія. Ц. 10 к. Составила **Е. Ельманова**.—Какъ дѣлать крестьянскія вѣялки и молотилки. Ц. 6 к.—Человѣкъ, животныя и растенія. **О. Штейль**. Вып. I.—70 к., II—90 к. Плодовое садоводство. **Е. И. Поповъ**. Ц. вып. I—60 к., вып. II—15 к.—Почва, ея обработка и удобреніе. Проф. **П. А. Костычевъ**. Ц. 1 р.—О борьбѣ съ засухами посредствомъ обработки полей и накопленія на нихъ снѣга. **Его же**. Ц. 20 к. М. 1905.

Сокровища искусства. Вып. I. Изд. т-ва „Просвѣщеніе“.

Е. Михайловъ-Отолинъ. Къ столѣтнему юбилею М. И. Глиники. Спб. 1904.

Генезисъ, анализъ и методъ естественнаго гѣнія. **Его же**. Спб. 1904.

Г. Риманъ. Музыкальный словарь. Изд. П. Юргенсона. Вып. XIX. М. 1904.

Указатель источниковъ для ознакомленія съ Южной Русью. Составилъ **Д. Дорошенко**. Спб. 1904. Ц. 40 к.

Главнѣйшія предварительныя данныя переписи г. Москвы 31 января 1902 г. Вып. 4-я. М. 1904.

Труды IX Пироговскаго сѣзда. Подъ редакціей д-ра П. Н. Булатова. Спб. 1904.

В. Норовъ. Казенная винная монополія при свѣтѣ статистики. Ч. I. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Сводъ свѣдѣній о финансовыхъ результатахъ и главныхъ оборотахъ по казенной продажѣ питей 1903 г. Спб. 1904.

Л. О. Снегиревъ. Подставные акціонеры. М. 1904.

J. Baudouin de Courtenay. Kwestya Alfabetu litewskiego w państwie Rosyjskiem i jej rozwiązanie. Kraków. 1904.

Turcs et Grecs contre Bulgares en Macédoine. Paris. 1904.

Отчетъ русскаго литературнаго кружка въ г. Ригѣ за 1903—4 годъ. Рига. 1904.

Отчетъ о состояніи Роменской общественной библиотеки за 1903 г. Ромны. 1904.

Meister Martin der Rufner, erzählung von E. T. A. Hoffmann bearbeitet von Pl. Linkewicz. Изд. книжнаго магазина. К. М. Тихомірова. М. Ц. 35 к.

Specimens of english lyrical poetry, selected by Dr. Thor Lange. Moscow. 1904. Ц. 26 к.

Господа юнкеры.

(Письмо изъ Германіи).

I.

Внѣклассовой и внѣпартійный характеръ монархической власти неоднократно получалъ въ научной литературѣ свое теоретическое обоснованіе. Однимъ изъ наиболее блестящихъ опытовъ въ этомъ отношеніи является безспорно попытка Лоренца фонъ Штейна нарисовать, при помощи гегелевской философіи и исторіи французскаго соціальнаго движенія, призваніе и цѣли безстрастной идеальной монархіи. „Королевство, какъ носитель чистой государственной идеи, стоитъ надъ общественными классами и ихъ противоположностью. Какъ личное представительство личности государства, оно съ необходимостью стремится къ самостоятельному внимательству въ его движеніе. Но господствующій общественный классъ выступаетъ противъ него и желаетъ захватить государство въ свои руки. Борьба, которая возникаетъ отсюда между этимъ классомъ и королевствомъ, нѣкоторое время можетъ длиться съ мѣняющимся успѣхомъ и безъ окончательнаго результата. Но, въ концѣ концовъ, въ этой борьбѣ королевство всегда оказывается побѣжденнымъ и или изгоняется вовсе, или превращается въ лишеннаго всякой самостоятельности представителя государства. Въ противномъ случаѣ общественный строй уничтожается извнутри безнравственными средствами, и тогда вмѣстѣ съ гибелью моральности и свободы погибаютъ постепенно и общество, и государство. Въ этой борьбѣ королевство имѣетъ только единственный вѣрный путь для сохраненія своей самостоятельности и своего высокаго положенія. Это — во имя народнаго благосостоянія и свободы, со всею разсудительностью достоинствомъ и силой, которыя пристойны высшей власти въ государствахъ, стать во главѣ соціальной реформы. Всякое королевство или превращается въ пустую тѣнь или извращается въ деспотію, или, наконецъ, становится почвой для возникающей республики, если оно не имѣетъ высокаго нравственнаго мужества стать царствомъ соціальной реформы“ *). И такой прогрессивный писатель, какъ проф. Антонъ Менгеръ, не считаетъ „невозможнымъ“ „соглашеніе между монархіей и немущими классами“. „Правда, — замѣчаетъ по этому поводу авторъ, — въ Германіи и Италіи — но не въ Англіи — монархическія и рабочія партіи

*) Lorenz von Stein. Geschichte der socialen Bewegung in Frankreich. 1850. Leipzig, B. III, S. 49.

стоять, по большей части, на почвѣ безпощадной борьбы и враждебности“, однако это является для него не убѣдительнымъ: „принѣръ перехода „Константина I къ христіанству“ даетъ ему увѣренность въ томъ, что не менѣе возможенъ и переходъ монархіи къ коллективизму. Понятно отсюда утвержденіе автора, что „цѣлесообразная политика династій у англичанъ, нѣмцевъ и другихъ германскихъ націй можетъ добиться того, что монархія и послѣ введенія новаго общественнаго строя останется обезпеченной еще на долгое время, а, можетъ быть, и на неопредѣленный срокъ“. Примеромъ такого развитія подъ общимъ кровомъ монархіи Менгеръ справедливо считаетъ Англію. Въ этой странѣ „уже болѣе двухъ столѣтій не было сдѣлано никакой попытки къ государственному перевороту; наиболѣе широко идущія народныя желанія здѣсь были удовлетворены путемъ законодательства. Континентальный военный и полицейскій гнетъ здѣсь почти неизвѣстенъ. Съ справедливой гордостью можетъ британецъ указать на то обстоятельство, что вѣрность законамъ въ его отечествѣ не только требуется отъ низшихъ классовъ населенія, но и на дѣлѣ осуществляется сильными міра, а личная свобода массъ неприкосновенна для придворныхъ или аристократическихъ интересовъ. Весьма вѣроятно поэтому, что и социальный вопросъ въ Англіи будетъ разрѣшенъ при помощи продолжительнаго законодательнаго и административнаго развитія и при сохраненіи монархіи“. „Гораздо менѣе благоприятно все политическое положеніе въ Германіи“. Здѣсь не только совершился цѣлый рядъ государственныхъ переворотовъ, который закончился въ послѣднее время исключительнымъ законодательствомъ культуркампфа и закономъ о социалистахъ, но къ этому присоединился еще „все возрастающій военный и полицейскій гнетъ, благодаря которому личная свобода широкихъ народныхъ массъ была ограничена во имя далеко лежащихъ, по большей части, имъ непонятныхъ цѣлей“. Эти и подобныя вліянія вызвали въ нѣмецкомъ народѣ революціонныя стремленія въ такомъ объемѣ, о которомъ не смѣли даже приблизительно комышлять самые отчаянные фантазеры революціи“ *).

И это вполне понятно. Прусская монархія уже во время своего абсолютнаго періода далеко не была виѣклассовымъ или надклассовымъ господствомъ. Правда, старое нѣмецкое государство полицейскаго типа никакого „общества“ не знало, оно дѣлило всѣхъ жителей государства только на два разряда: на управляющихъ и управляемыхъ, и никакими социальными вопросами не задавалось. Къ управляющимъ и опекающимъ оно причисляло, такъ называемые, привилегированные классы или сословія, къ подвластнымъ и опекаемымъ—всѣ остальные. Задачей первыхъ

было преусиживать въ наукахъ и искусствахъ, въ свойственныхъ „благороднымъ“ и „среднему разряду людей“ добродѣтеляхъ, вторые же должны были своимъ трудомъ содержать первыхъ и преусиживать въ добродѣтеляхъ „хамскихъ“, основными заповѣдями которыхъ были: смиреніе, терпѣніе, послушаніе и трудолюбіе. Никакого общества въ этой массѣ атомизированныхъ индивидовъ, связанныхъ другъ съ другомъ только механически, старая наука и государство не видѣли, а старались только „о томъ, какъ-бы похитрѣе изобрѣсти такую механику, которая охватила бы каждого отдѣльнаго индивида тысячу петель, связала бы его цѣлою еѣтью различныхъ административныхъ инстанцій съ единымъ общимъ центромъ и сдѣлала бы изъ него только маленькій рычагъ, колесико или винтикъ для свыше назначенныхъ цѣлей. Однако нѣтъ никакого сомнѣнія, что старое нѣмецкое государство было тоже одной изъ формъ социальнаго господства однихъ общественныхъ группъ и классовъ надъ другими; особенность этого господства заключалась только въ томъ, что властвующие общественные слои цѣликомъ отождествляли себя съ государствомъ и свои узко-кастовые интересы прикрывали гордымъ знаменемъ общаго блага. Подобное явленіе въ старомъ нѣмецкомъ государствѣ можно, конечно, не иначе назвать, какъ узурпаціей государственной власти въ цѣляхъ монопольнаго господства привилегированныхъ классовъ надъ непривилегированными; и въ цѣляхъ именно этой узурпаціи властвующимъ элементамъ чрезвычайно важно было отождествить именно себя съ государствомъ, выдѣливъ всѣ остальные подвластные сословія и классы въ видѣ „народа“.

Какъ извѣстно, подобное противоположеніе между „правительствомъ“, съ одной стороны, и „народомъ“—съ другой, достигло въ старомъ нѣмецкомъ государствѣ чрезвычайнаго развитія. Между этими двумя полюсами не было ничего общаго, кромѣ того, что правительство повелѣвало, а народъ повиновался. Безграничная и мелочная опека свыше, чрезвычайное развитіе произвольныхъ и дисциплинарныхъ наказаній, крайне тяжелая матеріальная зависимость подданныхъ отъ господъ, а сплошь и рядомъ безысходная нужда—такова была обстановка, предназначенная различными большими и маленькими нѣмецкими фюрстами и ихъ правящими классами для того, что тогда называлось „народомъ“.

И когда настало время „сумасшедшаго года“ и его реформъ, неминуемо и неизбежно вышелъ наружу тотъ союзъ между абсолютизмомъ и феодально-юнкерскими интересами, который одинъ изъ демократическихъ писателей современности называетъ „монархически лучшей тиранизаціей монархіи“. Рядомъ съ интересами „колеблющагося трона“ внезапно оказалось гораздо болѣе задѣтыми и болѣе сильными, чѣмъ тронъ, интересы феодальнаго дворянства. Защищая абсолютизмъ короли, юнкерство на самомъ

дѣлъ защищало только свой собственный абсолютизмъ. Монархъ оказался на положеніи „перваго слуги феодальнаго дворянства“; его самодержавіе получило характеръ власти не столько „Божьей милостью“, сколько милостью юнкеровъ. И реакціонное юнкерство нисколько не отъснвалось высказывать совершенно открыто свои права на абсолютизмъ и на его дальнѣйшее поддержаніе.

Въ своей статьѣ „о необходимости и святости абсолютизма“ графъ Бресслеръ слѣдующимъ образомъ привѣтствовалъ въ 1850 году „утро“ наступающей реакціи: „Мы должны возвратиться къ абсолютной монархіи, мы должны возстановить наше дворянство“. И въ интересахъ этого послѣдняго почтенный графъ отрицалъ даже право короля распорядиться своею короною: „Корона не есть собственность короля, который ее носитъ. Онъ не уполномоченъ распорядиться ею или ея отдѣльными правами по своему усмотрѣнію. Если бы одинъ изъ королей сдѣлалъ что-нибудь подобное, то этимъ самымъ онъ отрекся бы отъ нея совершенно... Если бы, однако, онъ осуществилъ силу на мѣсто права и... уменьшилъ въ дѣйствительности права короны, то въ такомъ случаѣ очень скоро разорвался бы тотъ волосокъ, на которомъ Провидѣніе укрѣпило мечъ надъ его головою. Лучше республика, чѣмъ выполненіе подобнаго плана, заключающаго въ себѣ насиліе надъ священными правами короны; лучше пусть короны не будетъ совсѣмъ, чѣмъ останется опозоренная корона“. И эти безспорно измѣнническія слова достойно дополнилъ въ свое время Леопольдъ фонъ Герлахъ, который прямо противопоставилъ королю самодержавнаго феодала: „Король есть власть, установленная Божіею милостью для обузданія плоти; но точно такъ же вѣтчинный господинъ есть Божіею милостью отецъ королевскаго права“. Вполнѣ понятно отсюда, что когда 2 апрѣля 1848 года князь Лихновскій предложилъ проектъ благодарственнаго адреса королю за его уступки конституціонному принципу, то господинъ Бисмаркъ, представитель саксонскаго рыцарства, голосовалъ противъ этого адреса, такъ какъ вполнѣ естественно полагалъ, что безъ согласія феодаловъ король не смѣетъ распорядиться своею властью: „Прошлое похоронено“, говорить этотъ геніальный юнкеръ: „и корона сама бросила землю на свой собственный гробъ“. Скоро, однако, подъ вліяніемъ юнкерства корона открыла этотъ гробъ и вызвала оттуда чудовище трехкласснаго избирательнаго закона. Съ этихъ поръ прусское феодальное дворянство уже не пряталось болѣе за синюю королей и не дѣлало изъ правительства одной только ширмы для прикрытія своихъ махинацій. Свои классовые интересы провозгласило оно высшей цѣлью самаго прусскаго государства и постаралось обосновать свое открытое господство и надъ королями, и надъ правительствомъ, и надъ народомъ.

Указомъ 30 мая 1849 года была создана прусская избира-

таккая система, которая, вопреки обеспеченному по конституции 3 апреля 1848 года всеобщему и равному избирательному праву, установила насильственнымъ путемъ уродливое преобладаніе феодаловъ надъ массой прусскаго населенія, а при помощи прусскаго ландтага и надъ германской имперіей. Прусское избирательное право не имѣетъ себѣ равнаго въ исторіи. Прежде всего, по признанію такихъ представителей консервативнаго принципа, какъ Италь, оно съ формальной стороны совершенно противозаконно: „Мы готовы признать,—говорилъ онъ въ первой камерѣ въ 1849 году,—что это революція, на почвѣ которой мы находимся сейчасъ, благодаря этому акту (т. е. избирательному указу)... Мы признаемъ, что на этомъ указѣ 30 мая тяготеетъ вина, однако, не вина тѣхъ, которые издали этотъ законъ, но вина тѣхъ, которые добивались и достигли всеобщаго избирательнаго права. Мы согласны, что наша точка зрѣнія, при обсужденіи этого закона, находится въ области высшей справедливости, чѣмъ обыкновенное право, которое держится только за внѣшность писаннаго закона...“ На этой точкѣ зрѣнія, отрицанія права во имя „высшей справедливости“, и остались стоять прусскіе феодалы. Они считали „невыносимой тираніей“ равное участіе всѣхъ гражданъ государства въ народномъ представительствѣ на ряду съ „образованнымъ и состоятельнымъ классомъ“. Для нихъ только одні „руки“ были приспособлены къ тому, чтобы „содѣйствовать благу отечества“, и это руки всѣхъ тѣхъ, кто не принадлежитъ къ „такъ называемому народу“. По своему содержанію избирательный прусскій законъ дѣлаетъ совершенно нѣмой и безгласной громадную массу народа и 85% всего населенія отдаетъ на полный произволъ пятнадцати-процентнаго меньшинства. Удивительнѣйшая система ценза процѣживаетъ избирателей при помощи искусственнаго классоваго сита и обеспечиваетъ развѣ навсегда полное и нерушимое господство состоятельнымъ классамъ населенія,—прежде всего феодальному юнкерству. И сколько бы ни возрастало малосостоятельное населеніе въ числѣ, въ какой бы мѣрѣ оно ни несло на себѣ тяжесть государственныхъ налоговъ, оно ни на одну минуту не можетъ повліять на составъ прусскаго представительства и ослабить власть своихъ прирожденныхъ господъ. Это избирательное право данандъ. Въ немъ безслѣдно исчезаетъ народъ со своими интересами и стремленіями. Народъ здѣсь парія, которые безпрестанно носятъ воду рѣшетомъ. И если Пруссія, охваченная новымъ индустріальнымъ развитіемъ, идетъ гигантскими шагами впередъ по пути соціальной „интеграціи“ и „дифференціаціи“, то весь этотъ процессъ нѣсколько не отражается на твердости и устойчивости прусскаго политическаго механизма. Исторія идетъ мимо и его не касается *).

*) Der preussische Landtag, herausgegeben von Paul Hirsch. Berlin. 1903, стр. 16 и слѣд.

Самое производство выборовъ въ не меньшей степени содѣйствуетъ нерушимому господству прусскаго юнкерства. Благодаря скрытой подачѣ голосовъ, всякій избиратель непосредственно поставленъ подъ надзоръ своихъ хозяевъ и работодателей и рискуетъ всѣмъ своимъ матеріальнымъ благосостояніемъ въ случай своего несогласія съ политическими убѣжденіями господина. И консервативная печать не постыдилась оправдывать такое насиліе надъ гражданиномъ высокими нравственными мотивами и представить стремленія къ тайному производству выборовъ въ качествѣ тенденціи скрыть что-то „боящееся свѣта“, какъ трусость въ высказываніи „самостоятельнаго убѣжденія“. За высказываніе своихъ убѣжденій, конечно, феодалы ничѣмъ не рискуютъ, ихъ нравственность поэтому не можетъ быть заподозрѣна. Вѣднѣсть въ ихъ глазахъ есть достаточное основаніе для того, чтобы требовать отъ бѣдняка еще нравственного героизма. Установленное въ 1858 году раздѣленіе на избирательные округа еще лучше отбѣиваетъ всю систему. Она совершенно не желаетъ знать роста городского населенія и грандіознаго увеличенія богатствъ въ городахъ. Вудучи основана на системѣ имущественнаго ценза, она предоставляетъ городу Берлину всего девять депутатскихъ мѣстъ, въ то время какъ 150 консервативныхъ депутатовъ врядъ ли по высотѣ платимыхъ ихъ участками налоговъ могутъ сравниться съ столицей нѣмецкаго государства. Благодаря такому раздѣленію участковъ, бѣдныя вотчинныя и сельскія мѣстности получаютъ искусственное преобладаніе надъ населенными и богатыми городами и поднимаютъ „капустное юнкерство“ на недосигаемую высоту сравнительно съ крупными городскими капиталистами.

И другія установленія прусскаго конституціонализма не менѣе рѣшительно обезпечиваютъ абсолютизмъ патримоніальныхъ господъ. Въ палатѣ господъ созданъ спеціальный органъ для представительства феодальныхъ интересовъ, который налагаетъ свою тяжелую руку и на законодательство, и на государственное хозяйство страны. Прекрасную характеристику этому учрежденію далъ еще покойный Трейчке въ 1872 году: „Сильному государству, пожалуй, не можетъ повредить такое тасканіе на своемъ тѣлѣ мертваго члена, въ видѣ этого унижительнаго и недостойнаго собранія, и постоянное откладываніе необходимой по общему мнѣнію реформы, какъ уплаты денегъ по ненадежному векселю. Однако, существованіе палаты господъ вредитъ твердому и послѣдовательному законодательству, колеблетъ консервативный образъ мыслей націи... Гнилое зданіе палаты господъ не выноситъ болѣе никакихъ поправокъ. Несчастный указъ 12 октября 1854 года остается поэтому однимъ изъ отвратительнѣйшихъ воспоминаній нашей исторіи... Наша первая палата показываетъ въ удивительномъ совершенствѣ всѣ пороки, которые тяготѣютъ на верхнихъ палатахъ, она оскорбляетъ гордость націи одностороннимъ упор-

ствомъ ограниченаго государственнаго пониманія... Естественная лѣньность привилегированныхъ классовъ оказывается необычайно разившейся въ этомъ мелкомъ дворянствѣ. Рѣдкія посѣщенія и безжизненные дебаты: развѣ только разбудятъ партійную страсть основныя интересы“. И къ этому собранію наслѣдственныхъ законодателей изъ числа прусскаго юнкерства достойно примыкаетъ ничѣмъ неограниченное господство феодаловъ въ государственномъ управленіи, въ арміи, въ области мѣстнаго управленія и вотчинной полиціи. Въ 1903 году изъ 12 оберъ-президентовъ провинцій 9 принадлежало къ дворянству, а изъ 36 регирунговъ-президентовъ было 26 дворянъ. Изъ 28 ландратовъ одного бреславльскаго округа 20 принадлежатъ къ юнкерскому сословію; въ потсдамскомъ округѣ и въ округѣ Кейслина всѣ ландраты безъ исключенія благородной крови. Въ кенигсбергскомъ округѣ на 19 ландратовъ приходится 13 высокорожденныхъ, а въ кельнскомъ 7 на 10. Въ Магдебургѣ изъ 14 десять обладаютъ бѣлой костью и голубою кровью.

Интересныя дебаты возникли въ прусскомъ ландтагѣ по поводу преобладанія въ государственномъ управленіи не только дворянъ, но и, въ частности, бывшихъ членовъ дворянскихъ корпорацій при университетахъ. Возбудилъ ихъ профессоръ Фридбергъ, который уже нѣсколько лѣтъ борется противъ монополіи феодаловъ на государственной службѣ. И надо замѣтить, что эта монополія тѣмъ болѣе неконятна, что, какъ жаловался въ 1887 г. директоръ имперскаго отдѣла внутреннихъ дѣлъ, профессора постоянно указываютъ на возрастающую лѣньность состоятельныхъ студентовъ юристовъ, въ особенности тѣхъ, которые носятъ цвѣтныя корпоративныя ленточки, а въ послѣдствіи посвящаютъ себя административной дѣятельности. Полная „индифферентность ко всему“, „полное отсутствіе идеальнаго возрѣнія на жизнь“, „поверхностное сужденіе обо всемъ сплеча“,—таковы черты, отличающія собой этихъ избранныхъ судьбы, и это нисколько не мѣшаетъ имъ составлять невѣжественную, но, тѣмъ не менѣе, крѣпко организованную касту привилегированныхъ правителей государства. Господа корпоранты тянутъ другъ друга по лѣстницѣ служебнаго преуспѣянія и относятся съ чрезвычайной враждой и высокомѣріемъ ко всѣмъ лишеннымъ счастья имѣть семь поколѣній благородныхъ предковъ, проживать въ качествѣ „фукса“ по 6000 марокъ въ годъ и носить бѣлую кепку прусскихъ государственныхъ цвѣтовъ. Но профессоръ Фридбергъ имѣлъ мало успѣха въ своей борьбѣ. Прусскій министръ внутреннихъ дѣлъ фонъ-Гаммерштейнъ, самъ питомецъ корпоративной оранжереи, отвѣтилъ Фридбергу откровеннымъ панегирикомъ дворянству и корпораціямъ. При этомъ оказалось, что прусское дворянство созидало въ Пруссіи самое государство, что съ нимъ Фридрихъ Великій одержалъ свои побѣды и сдѣлалъ великимъ государство

что правительство въ общемъ очень „хорошо дѣйствуетъ“ при помощи дворянъ-чиновниковъ, что корпоративные дворянчики, это — „вѣрные слуги своего короля и отечества“, что въ корпорацияхъ они получаютъ „великолѣпное воспитаніе“, а въ силу этого каждый корпоративный студентъ въ глазахъ министра имѣетъ „безспорное преимущество“ передъ остальными. Коротко и ясно. Только для тѣхъ, кто хоть немножко знаетъ нѣмецкую жизнь, не можетъ при этомъ не представиться невольнаго вопроса: неужели же для того, чтобы быть прусскимъ чиновникомъ, нужна именно та подготовка, которую даютъ аристократическія корпорации, неужели, въ самомъ дѣлѣ, безъ этой школы безпробуднаго пьянства, взаимнаго рѣзанія фizioномій (на дуэляхъ) и нелѣпныхъ театральныхъ процессій нельзя стать способнымъ чиновникомъ, а глубокое невѣжество и твердость кастовыхъ предразсудковъ являются единственно плодотворной почвой для возрастанія пыльных цвѣтовъ святого Бюрократіи (*des heiligen Bürokratiens*)? Мы въ этомъ сомнѣваемся, но тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ упроченіи классового господства жаднаго и ограниченнаго юнкерства, само собою разумѣется, лучшей школы для административнаго восторга и полицейской лихости, чѣмъ корпорации, Гаммерштейну не найти: только въ полномъ презрѣніи къ исторіи, только при тамбентской безъ азбучности можно съ такимъ трескомъ попирать принципы правового государства, какъ это дѣлаютъ подчиненные ему административные генералы и нѣмецкіе „держиморды“ всевозможныхъ ранговъ и ступеней.

Владычество прусскаго юнкерства, однако, было бы не полно, если-бъ мы умолчали о тѣхъ центрахъ феодальнаго абсолютизма, которые до сихъ поръ сохранились въ Пруссіи въ видѣ патримоніальныхъ участковъ высокоблагородныхъ господъ. Какъ извѣстно, освобожденіе крестьянъ въ Пруссіи, начавшееся съ 1811 г., не столько было эмансипаціей крестьянъ отъ барской крѣпости, сколько освобожденіемъ ихъ отъ ихъ собственнаго имущества. И если, съ одной стороны, часть крестьянъ заплатила помѣщикамъ громадные деньги за свои уцѣлѣвшіе участки, то съ другой — отдѣльнымъ вотчинамъ была присвоена полная административная автономія, и обезземеленные батраки были поставлены подъ непосредственную полицейскую власть своихъ прирожденныхъ командировъ. Для русскаго пониманія эти вотчинные участки представляютъ собою нѣчто весьма странное; въ нихъ помѣщикъ обладаетъ правами мѣстной общины; въ своей единой особѣ онъ представляетъ и общинное собраніе, и общинную власть, и плательщика податей, и раскладчика ихъ на свою собственную особу. Онъ самъ налагаетъ на себя подати для содержанія школъ и находящихся въ немъ мѣстныхъ дорогъ, самъ контролируетъ поступленіе этихъ податей съ самого себя, самъ расходуетъ ихъ по своему усмотрѣнію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самъ возводитъ себя въ

разрядъ такихъ мѣстныхъ единицъ, которыя пользуются крупными политическими правами,—смотря по размѣру платимыхъ имъ податей. И вполне естественно, что, совмѣщая въ своемъ лицѣ цѣлую общину, помѣщикъ, при помощи простой канцелярской работы, можетъ создать изъ себя крупную величину въ области мѣстнаго управленія. Стоитъ ему только наложить самому на себя громадныя сборы для поправки своихъ дорогъ и затѣмъ донести самому себѣ, что за эти громадныя суммы имъ сдѣланы соответственные расходы по водворенію мѣстнаго благоустройства, и дѣло въ шляпѣ. Помѣщикъ получаетъ голосъ, благодаря этой несложной операци, и въ мѣстномъ представительствѣ, и въ привилегированномъ классѣ избирателей ландтага, и получаетъ такой же вѣсъ и вліяніе, какъ тысячи субъектовъ „такъ называемаго народа“, не имѣющіе возможности совмѣщать въ своемъ лицѣ одновременно и одѣщика, и заказчика, и исполнителя по совершенію важныхъ мѣстныхъ предпріятій общественнаго характера. Но важнѣе всего, конечно, тѣ полномочія, которыя дѣлаютъ помѣщика высшей полицейской властью надъ всѣмъ поселеніемъ въ предѣлахъ его вотчины. Онъ не только въ силу этого налагаетъ денежныя штрафы съ замѣною ихъ соответственнымъ арестомъ, но и пользуется правомъ, принуждать своихъ подданныхъ къ тѣмъ или другимъ дѣйствіямъ подъ страхомъ совершенія за нихъ счетъ этихъ работъ третьими лицами. Въ особенности, однако, полицейская власть помѣщика оказывается для нихъ полезной въ отношеніяхъ съ ихъ рабочими и челядью. Благородный господинъ здѣсь играетъ роль и судьи, и хозяина вмѣстѣ. Гдѣ не хватаетъ хозяйскаго глаза и голоднаго принужденія, тамъ дополняетъ ихъ полицейская мощь и насиліе именемъ государства. Челядь оказывается, во всякомъ случаѣ, обузданной и приведенной къ соответственной добродѣтели.

Нельзя обойти молчаніемъ и тѣ искусственныя мѣры, при помощи которыхъ прусскіе феодалы застраховываются за государственный счетъ отъ бурь и бѣдъ современнаго капиталистическаго производства и получаютъ возможность жить въ XVII вѣкѣ при наличности XX столѣтія. Мы не говоримъ здѣсь специально о податныхъ изыятіяхъ благородныхъ господъ, о желѣзнодорожныхъ тарифахъ и таможенныхъ пошлинахъ, которые прикрываютъ словно теплой периной страждущихъ и нуждающихся аграріевъ въ ихъ постоянной финансовой бѣдѣ, мы хотимъ отмѣтить здѣсь только тѣ любовныя дары правительства аграріямъ, которые прямо выделяютъ ихъ въ особенный привилегированный классъ государства. Изъ такихъ мѣръ отмѣтимъ мы пока только слѣдующія: знаменитый фондъ для расширенія нѣмецкой колонизаціи среди польскихъ мѣстностей принесъ сотни милліоновъ марокъ нуждающимся нѣмецкимъ помѣщикамъ и за счетъ казны повысилъ въ громадной степени цѣнность ихъ имѣній. Въ результатъ этого

было значительное возвышеніе ренты, которая менѣ всего можетъ считать своимъ теоретикомъ Рикардо и несомнѣнно усилила потребление устрицъ и шампанскаго среди обнищавшихъ землевладельцевъ. Учрежденіе 1900 года о рентныхъ имѣніяхъ пришло на помощь задолженнымъ прусскимъ помѣщикамъ и за счетъ государства устроило имъ погашеніе многочисленныхъ ипотечныхъ долговъ. Цѣлый рядъ законовъ о наслѣдованіи крестьянскихъ дворовъ, установившихъ „единонаслѣдіе“ съ правомъ собственника исключать по произволу всѣхъ своихъ дѣтей, кромѣ одного, отъ наслѣдства, обезпечили помѣщикамъ резервный фондъ безземельныхъ пролетаріевъ въ качествѣ дешевой рабочей силы для культуры ихъ скромныхъ владѣній. Наконецъ, существованіе досихъ поръ землевладельческихъ фиденкомиссовъ, выводящихъ крупныя имѣнія изъ процесса мобилизаціи земли, содѣлываетъ для бѣдныхъ феодаловъ неприступную твердыню экономическаго благосостоянія, о которую разбивается весь напоръ современнаго хозяйственнаго движенія. И въ самомъ дѣлѣ, эти имѣнія не подлежатъ ни наслѣдственному раздробленію, такъ какъ переходятъ только къ одному въ родѣ, ни экономическому отягощенію, такъ какъ, по закону они свободны отъ долговъ, ни, наконецъ, продажѣ или парцелляціи, такъ какъ не могутъ быть проданы ни съ торговъ, ни по добровольному соглашенію. И подобныя заповѣдныя вотчины охватываютъ собою въ Пруссіи громадныя пространства земли. Къ концу 1895 года было занято фиденкомиссами не менѣе 2.121.600 гектаровъ земли. До 1889 года къ этому присоеди- нились еще 19,000 гектаровъ, а въ слѣдующіе два года еще 52,000 гектаровъ. Эта громадная площадь земли, охватывающая собою не менѣе $\frac{1}{16}$ части всей Прусской монархіи, принадлежитъ всего на всего 1133 особамъ. Изъ этого пространства 200,000 гектаровъ принадлежитъ владѣтельнымъ господамъ, болѣе полмилліона гектаровъ—63 князьямъ и другимъ персонамъ съ правами равно- родства, болѣе $\frac{3}{4}$ милліона гектаровъ—246 графамъ, 630,000 гектаровъ—571 изъ числа нетитулованныхъ дворянъ и 42,000 гектаровъ—103 затесавшимся въ ряды крупнаго землевладѣнія представителямъ бюргерства. Крупныя дворянскіе фиденкомиссы являются достойной опорой для юнкерскаго владычества въ Прусской монархіи. За стѣнами заповѣдныхъ имѣній современное юнкерство можетъ спокойно хранить тѣ традиціи, которыя уна- слѣдованы имъ отъ рыцарскихъ грабителей средневѣковья, отъ офранцузенныхъ и развращенныхъ дворянчиковъ стараго абсо- лютизма, наконецъ, отъ тѣхъ неблагородныхъ, но, тѣмъ не менѣе, равнородныхъ тузовъ финансоваго міра, которые влили въ за- сохшія жилы феодальнаго хозяйства золотую струю промышленной эксплуатаціи и банковской аферы. И всѣ эти приращенія свой- ства и благопріобрѣтенныя сокровища не только могутъ хра- ниться въ полной безопасности въ юнкерскихъ гнѣздахъ, но и

сыграть влиятельную роль въ дѣлѣ устройства прусскаго „общаго блага“. На нихъ зиждется удивительное прусское представительство помимо и безъ вѣдома народа; ими проникнута юнкерская бюрократія Пруссіи съ ея кастовой замкнутостью и презрѣніемъ къ бюргерскимъ „канальямъ“; ихъ лицемѣрнымъ духомъ и грубымъ своекорыстіемъ проникнута идеологія прусскаго консерватизма, который подъ звонкими и пышными фразами скрываетъ грубую политическую мощь и кастовую исключительность.

II.

Вѣра, монархія, народность!—вотъ девизъ, который въ старыя нѣмецкія времена производилъ воинству чудодѣйственное впечатлѣніе. И прежде всего „вѣра“, „христіанство“! Припомнимъ хотя бы ту эпоху, когда, по выраженію строго-христіанскаго писателя, „волны движенія свободы, которыя залили Европу, некатились назадъ, и при восстановленіи старой монархической системы ея приверженцы думали прикрыться союзомъ со вновь ожившими христіанскими идеями и при ихъ помощи оправдать все движеніе“, а „графъ Іосифъ де-Местръ, римско-католическій дипломатъ, былъ тѣмъ, кто придавъ религіозную окраску системѣ, представленной Меттернихомъ и Генцемъ“. Въ это время, дѣйствительно, начала монархіи и народности вошли въ удивительное сочетаніе съ христіанствомъ, и именно идея „христіанскаго государства“ стала оффиціальной основой того союза, который, по мѣткому выраженію Наполеона I, былъ ничѣмъ инымъ, какъ „une alliance des rois contre leurs peuples“. Специально въ Пруссіи это христіанское направленіе получило особенно мощную и государственную, и полицейскую поддержку; и если здѣсь Фридрихъ-Вильгельмъ III называлъ „оглутившими фанатиками“ всѣхъ тѣхъ, кто не раздѣлялъ его христіанскихъ воззрѣній въ области проведенія евангелическаго единства среди его протестантскихъ подданныхъ, и почиталъ „безумными“ тѣхъ родителей, которые въ теченіе 6 недѣль не крестили своихъ дѣтей, то старое прусское земское право прямо опредѣляло, что „государство... вправе настолько понуждать каждаго обывателя къ соблюденію вышнихъ обрядовъ и установленій церкви его вѣроисповѣданія, насколько отъ нихъ силою закона зависитъ опредѣленность и точность его гражданскихъ правъ“. И даже революція 1848 года не устранила этой якобы христіанской тенденціи изъ прусской оффиціальной идеологіи. И хотя, благодаря этой, по выраженію Фридриха-Вильгельма IV, „самой вздорной, глупой и скверной, хотя, слава Богу, и не самой злой въ этомъ столѣтіи“ революціи и совершилось то, чего менѣе всего ожидалъ король, а именно между „Господомъ Богомъ на небѣ и этой страной (т. е. Прус-

сіей) вторгся, какъ второе провидѣніе, исписанный листъ бумаги. дабы править нами при помощи своихъ параграфовъ и замѣнить нѣмъ старую святую вѣрность“; однако, и здѣсь въ огропированной конституціи 1850 г. въ ст. 146 было сказано: „христіанская религія полагается въ основаніе при тѣхъ установленіяхъ государства, которыя стоятъ въ связи съ отправленіемъ религіи“... Такъ Пруссія даже при своемъ новомъ порядкѣ ревниво охраняла свой христіански-пруссскій принципъ, и вполне понятно, что именно эта идея христіанскаго государства стала опорой, съ одной стороны, полицейско-религіозной практики въ Пруссіи, съ другой же—аграрно-юнкерскаго міровоззрѣнія.

Раскроемъ книжку, наданную официально вождями консервативной партіи къ минувшимъ выборамъ въ рейхстагъ *), и мы найдемъ здѣсь опять то же христіанство, съ которымъ мы уже познакомились выше. Здѣсь мы читаемъ: „высокое почитаніе христіанства и сохраненіе нѣмецкаго народа въ христіанской вѣрѣ является для насъ одной изъ нашихъ величайшихъ цѣлей“; „христіанство“, возглашаютъ далѣе аграріи: „для насъ не дѣло партій, но дѣло сердца и совѣсти, и, вслѣдствіе его высокаго значенія и силы для важнѣйшихъ благъ отечества, оно есть также выдающееся отечественное дѣло“; „не внѣшняя принадлежность къ христіанству“, проповѣдуютъ далѣе благочестивые юнкеры: „является условіемъ принадлежности къ консервативной партіи, но внутреннее сочувствіе нашимъ стремленіямъ, направленнымъ къ поддержанію христіанства“. Такъ здѣсь внутренняя расположенность къ партійнымъ цѣлямъ уже отчасти замѣняетъ самое христіанство.

„Мы“, заключаютъ первый отдѣлъ ученія о Богѣ господа консерваторы: „только съ тѣми можемъ быть заодно, кто признаетъ на основаніи историческаго развитія, что христіанское государство есть необходимость для нашего народа“. Однако на этомъ чистая догма христіанскаго консерватизма и кончается. За этой догмой не стоитъ больше ни бисмарковскаго крѣпкаго кулака, который всегда приходилъ на помощь тамъ, гдѣ догмы не хватало, ни той полицейской палки временъ Фридриха-Вильгельма III-го, которая водворяла въ свое время христіанское смиреніе среди старо-лютеранъ и католиковъ и ограждала ихъ отъ анти-христіанской заразы. Теперь представителямъ охранительнаго юнкерства приходится и нападать, и защищаться до нѣвыистой степени за свой страхъ и рискъ. Является необходимость созданія своеобразной апологіи партійнаго христіанства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обнаруживать многіе изъ своихъ совсѣмъ уже нехристіанскихъ разчетовъ и плановъ.

„Почему мы выступаемъ за такое высокое почитаніе христіанства?“ задаютъ вопросъ представители партій въ упомянутой

*) Ratgeber für die konservativen im Deutschen Reich, Leipzig, 1903.

книжки и отвѣчаютъ слѣдующимъ образомъ: „въ силу того, что мы христіане, мы національны“, „въ силу того, что мы христіане, мы вѣрны королю и конституціи“, „въ силу того, что мы христіане, мы народолюбивы“; „это-же послѣднее обстоятельство обнаруживается изъ справедливаго вниманія ко всѣмъ интересамъ цѣлаго и индивидовъ“. Таковы добродѣтели, которыя по юнкерскому катехизису принадлежатъ консерваторамъ, именно какъ христіанамъ. И нисколько не смущаетъ въ этомъ отношеніи авторовъ катехизиса, что менѣе всего можно признать націоналистической ту религію, которая не различаетъ ни эллина, ни іудея, что менѣе всего могъ имѣть Христосъ въ виду какую-бы то ни было конституцію, а въ особенности германскую. Во всякомъ случаѣ, какъ очевидно, полезность христіанства обосновывается здѣсь уже чисто земнымъ порядкомъ, и довольно ярко выступаетъ грубо-политическая подкладка громкихъ фразъ и высокопарныхъ заявленій.

И это вполне понятно. Аграрій стремится къ устойчивому, опредѣленному доходу, который бы далъ ему возможность пріоритетно сообразно требованіямъ сословнаго кодекса, а тутъ со всѣхъ сторонъ вторгается спекуляція, которая вышибаетъ его изъ „пріюта сладкихъ отдохновеній“, нарушаетъ покой и сладость жизни, колеблетъ уровень ренты, понижаетъ цѣнность заложеннаго и перезаложеннаго имѣнія, связываетъ его благородный дворянскій „Neim“ съ условіями и требованіями мірового рынка и тѣмъ самымъ лишаетъ юнкера и надлежащаго покоя, и возможности проводить время такъ, какъ этого требуетъ прадѣдовская традиція. „Еврей“ становится олицетвореніемъ этого рокового хозяйственнаго процесса и въ воображеніи аграрія вырастаетъ въ чудовище, которое нужно засадить въ клетку, чтобы сдѣлать его безвреднымъ. Такъ аграрій сердится на исторію и дѣлаетъ за нее отвѣтственными отдѣльныя ея созданія.

Не менѣе ясно, далѣе, что еще болѣе сердится аграрій и на „разлагающее“ вліяніе исторіи, въ частности же ея капиталистическаго періода, на „народъ“. Кажется, далеко ли то время, когда люди искренне вѣрили, что они созданы исключительно съ тою цѣлью, чтобы служить феодаламъ и работать на нихъ. Вѣдь еще въ концѣ XVIII в. было въ ходу изреченіе стараго мудреца, герцога Риншелье, которое гласило, что народъ можно „уподобить осламъ, которые, пріобывши къ выюкамъ, портятся отъ долговременнаго покоя больше, нежели отъ работы“; при чемъ была сдѣлана тогда же и гуманная оговорка: „но чтобы та работа была въ мѣру, и бремя оныхъ животныхъ равно было ихъ силѣ“. Давно ли, кажется, согласно положеніямъ земскаго прусскаго права было постановлено, что тотъ, „кто принадлежитъ къ крестьянскому сословію, не можетъ безъ разрѣшенія государства ни самъ заниматься мѣщанскими промыслами, ни посвящать имъ своихъ

дѣтей", а вмѣстѣ съ тѣмъ была обезпечена аграріямъ та рабочая сила, которая при существованіи патримоніальной или вотчинной полиціи находилась дѣйствительно въ истинно-нѣмецкой вѣрности господамъ феодаламъ. Увы, это все уже минувшій золотой вѣкъ. Современная „еврейская“ пресса уже отлично разоблачаетъ мечты о нѣмецкой вѣрѣ и вѣрности аграріевъ, которые не прочь на этихъ добродѣтеляхъ нѣмецкаго Михеля сдѣлать хорошій гешефтъ и этимъ обезпечить себѣ средства для истинно-нѣмецкаго, истинно-христіанскаго, истинно-дворянскаго образа жизни. Что можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, лучше старо-нѣмецкаго батрака или крестьянина, который особо дрессировался въ добродѣтели трудолюбія, смиренія и той вѣрности, которая господамъ приносила вѣрный, обезпеченный доходъ. Увы, теперь эти добродѣтели не въ модѣ и на мѣсто старо-нѣмецкой добродѣтели вѣрности у Михеля появилась теперь новая добродѣтель: чувство человѣческаго достоинства и стремленіе обезпечить себѣ кусокъ хлѣба помимо милости феодальнаго господина. Мало того, обязанный питать довѣріе и вѣрность, Михель дошелъ даже до того, что когда аграріи во имя „общаго блага“ рѣшили теперь подъ видомъ новыхъ таможенныхъ пошлинъ обложить Михеля изрядной податью въ свой карманъ за право кунать хлѣбъ, онъ не только не принялъ этого благодѣянія съ должнымъ смиреніемъ, но даже проявилъ вѣдущую неблагодарность и руки, протянувшіяся было за соотвѣтственной мздой, безъ церемоній отвелъ въ сторону. Да, велико вліяніе „разлагающихъ“ старыя нѣмецкія добродѣтели новыхъ теченій въ жизни и въ прессѣ.

Вообще, какъ правило, надо замѣтить, что тамъ, гдѣ слабо на счетъ правъ, тамъ всегда съ особеннымъ удобствомъ на аренѣ политической жизни появляется добродѣтель. И ея услуги часто могутъ быть и въ самомъ дѣлѣ незамѣнимы. Прежде всего, она совершенно не знаетъ того двусторонняго характера права, который доставляетъ подчасъ такъ много горя различнымъ приверженцамъ національнаго нѣмецкаго христіанства. Добродѣтель не противопоставляетъ людей другъ другу, какъ различныхъ „субъектовъ права“, какъ двѣ враждебныя стороны, которымъ нужно дѣлиться и опредѣлять взаимно права и обязанности. Теперь при новѣйшей изворченности это дѣйствительно происходитъ такъ: рабочіе противопоставятъ, какъ опредѣленный классъ населенія со своими классовыми интересами, капиталистамъ, прогрессивные классы капиталистической формаціи—консервативнымъ преемникамъ феодализма и цехового ремесла; ихъ, въ самомъ дѣлѣ, никакъ не подведешь подъ одну добродѣтель, такъ какъ у каждого класса своя добродѣтель, отрицающая чужую. Этихъ людей иначе не примиришь, какъ отведя каждому строго опредѣленнымъ, защищеннымъ общественной властью права и не менѣе точно опредѣленнымъ правовыя же обязанности. Но не такъ было въ доброе старое время.

Тогда хотя и лежали на феодалах обязанности, но не юридическія, а возложенныя на нихъ снисходительной и мягкой добродѣтелью. Обязанности эти осуществлялись „по возможности“, и отъ нихъ выполненія нисколько не зависѣло распоряженіе властью, потому что эта послѣдняя сама по себѣ была уже такой опорой добродѣтели, что если даже она и оказывалась въ не совсѣмъ добродѣтельныхъ рукахъ, то это все же торжеству добродѣтели въ принципѣ нисколько не препятствовало. Съ другой стороны, та же добродѣтель обращала свое строгое чело съ справедливымъ негодованіемъ къ тѣмъ изъ числа вотчинной власти подчиненныхъ, кто осмѣливался хоть чѣмъ-нибудь преступить ея велѣнія, изъ которыхъ главнѣйшими, однако, всегда были именно смиреніе, терпѣніе и трудъ. И въ этой области добродѣтель никогда не оставалась молчаливой свидѣтельницей совершающихся на ея глазахъ пороковъ и злоухищреній. Нѣтъ, здѣсь-то и приходила къ ней на помощь твердая и близкая къ народу вотчинная власть, вооруженная спасительной ловой и водворяла моральную тишину и спокойствіе тамъ, гдѣ только сейчасъ, кажется, буйствовало безначаліе и надругалось надъ добродѣтелью своеволие. Такъ, съ одной стороны, и феодальные господа оказывались не безъ высокой нравственной заслуги, ибо самое положеніе ихъ въ качествѣ вотчинниковъ или прирожденныхъ полиціймейстеровъ вмѣнялось имъ въ великую добродѣтель—служенія „благу общему“,—съ другой же, и лоза оставалась не только не праздною, но даже какъ бы освященной самой добродѣтелью. Какъ очевидно, не раздѣленіе здѣсь является основой общественнаго организма, какъ это мы видимъ въ современномъ капиталистическомъ обществѣ, а нѣкоторое гармоническое соединеніе слуги и господина, при чемъ первый получаетъ отъ второго лозу, второй же отъ перваго препитаніе. И вотъ на мѣсто этой феодальной идилліи наступаетъ, такъ называемый, правовой порядокъ со своимъ строгимъ распределеніемъ правъ и обязанностей, который одинаково ставитъ передъ собою и аграрія, и батрака и, награждая послѣдняго правами, налагаетъ и на перваго тяжелое ярмо правовыхъ обязанностей. Нѣтъ, съ добродѣтелью легче было и лучше, и немудрено, что именно на стражу добродѣтели становятся аграріи въ своей послѣдней программѣ и ея тронъ желаютъ установить тамъ, гдѣ теперь у нѣмцевъ царитъ лишь одно равное для всѣхъ суровое и неумняемое право. Увы, мораль, которую теперь выдвигаютъ снова юнкеры, потеряла свою дѣвическую невинность еще въ XVIII вѣкѣ, когда, захмелѣвъ за пышными трапезами просвѣщеннаго абсолютизма, она проповѣдывала, съ одной стороны, добродѣтель „доброму христіанскому народу“, съ другой же—разыгрывала нескромныя пасторали съ петиметрами въ косахъ и пудрѣ. Нѣтъ, время добродѣтельнаго „Zorienzeit“ прошло невозвратно, и его уже болѣе не воскресить никакими исключительными за-

конами. Поэтому, только какъ на характерномъ пунктѣ консервативной программы, остановимся мы на моральныхъ требованіяхъ юнкерства.

„Мы выступаемъ“,—гласить цитированный нами уже выше со-
вѣтникъ для консерваторовъ: „за цѣлесообразное ограниченіе
безнравственности, въ особенности ея выступленія въ публичной
жизни“.—Дѣйствительно, глубоко характерное заявленіе! Особенно
хороша вторая часть этого требованія, которая готова поми-
риться съ пороками подъ нѣкоторымъ, въ особенности домашнимъ,
прикрытіемъ, но отнюдь не въ публичной жизни. „Основной не-
достатокъ“, читаемъ мы дальше: „лежитъ здѣсь, конечно, въ посто-
янно все больше возрастающемъ слабостъ и свободномъ возрѣніи
(на мораль), которое въ особенности ужасающимъ образомъ прояв-
ляется въ произведеніяхъ печати“. „Полнаго улучшенія воз-
можно здѣсь ожидать только отъ обновленія всего духа народа въ
его основахъ, и для этого слѣдуетъ именно охранять и под-
держивать религію, какъ единственное вѣрное лѣкарство“. Однако,
кромѣ религіи, аграріи знаютъ въ этой области еще другіе пути;
именно, путь расширенія полицейскихъ полномочій, путь исклю-
чительнаго законодательства, которое устранило бы въ данной
области господство правового принципа и замѣнило бы его сво-
боднымъ усмотрѣніемъ подлежащей власти. Именно этотъ путь
и былъ испробованъ консерваторами при проведеніи въ послѣд-
нюю легислатуру пресловутаго закона Гейнце.

Но то, чего не удастся достигнуть исключительными законами,
то достигается съ великимъ удобствомъ при помощи обрывковъ
дореформеннаго полицейскаго права, дѣйствующихъ вопреки и
помимо конституціи, и административныхъ мѣропріятій въ обла-
сти народнаго просвѣщенія. Какъ наиболѣе яркій образчикъ бю-
рократически юнкерской системы, отмѣтимъ мартирологъ сцени-
ческихъ вещей, погибшихъ въ Берлинѣ подъ ножомъ уцѣлѣвшей
съ 1851 г. театральной цензуры. И хотя попытка полиціи из-
дать общій запретъ представленія на сценѣ пьесъ опредѣленнаго
рода не удалась, а такія вещи, какъ „Власть тьмы“ Толстого и
Гауптмановскіе „Ткачи“, пробились въ театръ, не смотря на всѣ
запреты полиціи, однако для Берлина погибло всетаки много за-
мѣчательныхъ и интересныхъ произведеній искусства. Въ 1890 г.
былъ запрещенъ „Конецъ Содомы“ Зудермана и при томъ по
очень простой причинѣ; какъ заявила тогда полиція возмущен-
ному автору: „все направленіе намъ не подходитъ“. И когда ми-
нистръ въ концѣ концовъ разрѣшилъ представленіе и доложилъ
куда слѣдуетъ, что онъ безъ всякихъ опасеній могъ бы повести
жену на это представленіе, ему было указано свыше: „только
тѣ пьесы заслуживаютъ разрѣшенія, на которыя вы могли бы по-
вести вашихъ дочерей...“ Такая мѣрка придворной критики не
падаетъ даже специально гогенцоллернскихъ поэтовъ въ родѣ

Вильденбруха; его „Царь Лавринъ“ былъ удаленъ со сцены только потому, что содержаніе пьесы показалось неподходящимъ для пониманія юныхъ королевскихъ принцевъ. „Ганна Ягертъ“ Гартлебена была запрещена берлинской полиціей на томъ основаніи, что „произведенія искусства, которыя стоятъ въ противорѣчіи съ господствующими воззрѣніями на приличіе и нравы, не должны быть допускаемы на сцену“ — автору была поставлена на видъ „адюльтерная“ тенденція его пьесы. „Влюбленные“ Мориса Донне погибли только потому, что тамъ „естественнымъ“ закономъ любви предоставлялась переѣзна объектовъ страсти. Въ послѣднее время возникли три новыя могилки въ области берлинскаго искусства; во-первыхъ, безжалостной рукой полиціи была зарѣзана „Марія Магдалина“ Поля Гейзе: эта пьеса оказалась слишкомъ близко стоящей къ библейской исторіи, не смотря на свою полную и глубокую нравственность. „Долина Жизни“ Дрейера скончалась насильственной смертью только потому, что она осмѣлилась представить на сценѣ старую исторію изъ жизни одной вѣтви бранденбургской династіи, происшедшую за полтора-ста лѣтъ до настоящаго времени: это была исторія искусственнаго созданія наслѣдника тамъ, гдѣ его въ дѣйствительности не было. Въ самое послѣднее время, наконецъ, совершенно неожиданно погибъ въ Берлинѣ и безъ того уже „Мертвый Левъ“ Блюментала: авторъ въ картинахъ XVI вѣка попробовалъ изобразить паденіе желѣзнаго канцлера подъ гнетомъ юнаго и благороднаго монарха; оказалось, что эта тема можетъ слишкомъ „взволновать“ берлинцевъ.

Таковы заботы о нравственности въ юнкерскомъ государствѣ; благодаря имъ, изъ одной пьесы были вычеркнуты слѣдующія слова: „Анхенъ, ты прекрасна, такъ прекрасна, когда такъ сидишь. Я могу все позабыть, цѣлуй, цѣлуй меня“—и въ то же самое время высшіе дворянскіе круги утѣшаютъ здѣсь публику веселыми скандалами или въ родѣ описанныхъ графомъ Бодмесеномъ, въ его „Первоклассныхъ Людахъ“, или того, который оглашенъ надняхъ въ залѣ судебного засѣданія. Какъ оказалось, нѣкая госпожа Гартертъ, неоднократно наказанная за сводничество, была близкой пріятельницей массы обѣднѣвшихъ титулованныхъ гвардейцевъ и доставляла имъ банкирскихъ дочекъ въ качествѣ женъ для погашенія долговъ. При этомъ судебной огласкѣ подверглись такіе фамиліи, какъ барона Мальцанъ, графа и графини Кенигсдорфъ, лейтенанта фонъ-Нетельблята и т. п. Благодаря этой сводницѣ, задолжавшимъ феодаламъ удавалось подпѣпить такіе жирные кусочки, какъ внуки самого Ротшильда. „Салонъ“ госпожи Гартертъ былъ центромъ оживленной торговли высоко нравственнаго характера, но только, къ сожалѣнію, судебное разбирательство положило конецъ практиковавшейся тамъ юнкерской „добродѣтели..“

III.

Вѣра безъ дѣлъ мертва есть, и юнкерское христіанство было бы совершенно не полно, если бы оно не дополнялось изобильными подвигами христіанской любви и милосердія. Недаромъ brave юнкеры рисуютъ себя въ слѣдующей картинѣ, словно заимствованной изъ какого-нибудь изданія XVIII вѣка: „одна рука“ у нихъ будетъ „далеко простерта ко всѣмъ слабымъ и безпомощнымъ въ нашемъ народѣ“ во имя „сердечной, дѣйтельной, христіанской любви къ ближнему“, а „другая, закованная въ панцырь, желѣзная рука подыметъ мечъ съ угрозою противъ всѣхъ наглецовъ и разнузданныхъ въ нашемъ народѣ“ и будетъ служить защитой „противъ все болѣе и болѣе угрожающаго переворота“, чтобы остановить „почти несокрушимый, казалось бы, ходъ „безмысленнаго“ и „безбожнаго“ „господства массъ въ народѣ!“ Итакъ, передъ нами христіанство, снабженное „кулакомъ въ панцырь“ и съ мечомъ противъ безбожныхъ. Воистину высшее воплощеніе христіанской любви! Впрочемъ, любовь тоже бываетъ разная. Развѣ не „съ любовію“ сожигали въ средніе вѣка еретиковъ, развѣ не „съ любовію“ пытали ихъ въ застѣнкахъ? Любовь консерваторовъ къ меньшому брату, дѣйствительно, заслуживаетъ болѣе обстоятельнаго разсмотрѣнія.

Разсмотримъ сначала любовь аграріевъ къ сельскому народу, въ частности къ сельскимъ рабочимъ. Здѣсь мы встрѣтимъ уже весьма поучительные образцы этой добродѣтели. Прежде всего оказывается, что сельскіе рабочіе пользуются у столь любящихъ ихъ аграріевъ самыми печальными условіями жизни и даже находятся въ гораздо худшемъ положеніи, чѣмъ ихъ собратья—промышленные рабочіе. Заработная плата здѣсь гораздо ниже, чѣмъ на фабрикахъ и заводахъ; то содержаніе натурой, которое получаютъ сельскіе рабочіе въ добавленіе къ денежной платѣ, приводятъ, какъ выражаются сами аграріи, къ тому, что сельскіе рабочіе не могутъ вести правильнаго домашняго хозяйства и бѣгутъ въ городъ; жилищныя условія сельскихъ рабочихъ до крайности печальны—это опять-таки не только признаютъ сами помѣщики, но и подтверждено свидѣтельствомъ Вильгельма II, который нашелъ, что во многихъ имѣніяхъ конюшни и хлѣва устроены съ неслыханной роскошью въ то время, какъ сельскіе рабочіе кутятся при невозможныхъ условіяхъ. Надо присоединить къ этому еще то обстоятельство, что сельскіе рабочіе не подчинены общему закону о застрахованіи на случай болѣзни, а эти правила могутъ быть на нихъ только распространены особыми мѣстными законами или обязательными постановленіями; и именно въ Пруссіи, гдѣ больше всего крупныхъ помѣщиковъ, а

слѣдовательно, казалось бы, и большая возможность для примѣненія христіанскихъ чувствъ, именно здѣсь, проведеніе этихъ законовъ встрѣчается съ особенно упорнымъ сопротивленіемъ любвеобильнаго юнкерства. Въ силу же этого положеніе сельскихъ рабочихъ въ случаѣ болѣзни становится очень тяжелымъ. Распространеніе на сельскихъ рабочихъ страхованія на случай увѣчья или несчастія хотя и установлено, но въ гораздо меньшемъ объемѣ, чѣмъ это сдѣлано для рабочихъ промышленныхъ, и при томъ именно крупные помѣщики несутъ значительно менѣе тягостей, чѣмъ промышленные предприниматели. Съ другой же стороны, выяснилось, что съ введеніемъ сельско-хозяйственныхъ машинъ значительно участились случаи увѣчья ими сельскихъ рабочихъ и работницъ. Такъ, число пострадавшихъ на работѣ при машинахъ лицъ съ 12,573 въ 1890 году возросло въ 1901 году до 55,983 лицъ, которыхъ поврежденія были настолько серьезны, что они оказались не способными къ труду болѣе 18 недѣль! Однако, христіанская любовь аграріевъ не только здѣсь не оказывается достаточной для того, чтобы оградить рабочихъ отъ подобныхъ бѣдствій, но стремится еще къ ухудшенію ихъ положенія, добиваясь исключительнаго относительно ихъ законодательства; пользованіе болѣе дешевыми иностранными рабочими, приходящими изъ Силезіи, Познани, Россіи, Галиціи, Венгріи—аграріевъ не удовлетворяетъ; и они, очевидно, изъ національных чувствъ стремятся, съ одной стороны, еще болѣе понизить заработную плату нѣмецкаго рабочаго при помощи приглашенія итальянцевъ, а за ихъ недостаткомъ, даже арестантовъ и солдатъ, съ другой же—установить особыя уголовныя кары для тѣхъ сельскихъ рабочихъ, которые осмѣлились бы прекратить работу у одного или нѣсколькихъ помѣщиковъ, вопреки контракту. Тѣмъ же крѣпостническимъ характеромъ отличаются и тѣ безчисленныя особыя постановленія о прислугѣ, въ особенности помѣщицѣй, которыя унаслѣдованы въ основной своей части еще отъ XVIII вѣка и поддерживаются аграріями и до сихъ поръ съ величайшимъ рвеніемъ и настойчивостью. Такъ на дѣлѣ проявляется христіанская любовь юнкерства къ стоящимъ съ нимъ въ ближайшемъ общеніи ближнимъ! Положимъ, если послушать господъ юнкеровъ, то окажется, что не потому бѣгутъ сельскіе рабочіе изъ деревни въ городъ, что имъ плохо приходится отъ юнкерской любви, а потому, что хлѣбъ очень дешевъ, доходъ помѣщиковъ малъ, заработная плата въ деревнѣ низка, и рабочіе въ силу этого не имѣютъ достаточно „развлеченій“. Чего не бываетъ на свѣтѣ, вѣдь, пожалуй, и дѣйствительно только развлеченій недостаетъ полуголодному рабочему, живущему при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ и находящемуся въ постоянной опасности попасть въ число тѣхъ 50 тысячъ, которые ломаютъ себѣ руки и ноги на машинахъ! Впрочемъ, надо аграріямъ отдать справедливость, они

указываютъ еще на другую прихоть, которая влечетъ работника въ городъ и заставляетъ его бросать счастливое пребываніе на лонѣ природы: это его стремленіе къ образованію, или къ „полу-образованію“, какъ презрительно выражаются бароны; при этомъ подразумѣвается, конечно, что „образованіе“ можетъ быть доступно имъ или еще—съ нѣкоторымъ снисхожденіемъ—среднему классу людей.

Но болѣе всего, однако, христіанскія чувства аграріевъ выражаются въ отношеніи къ рабочему классу въ индустріи и въ особенности къ тѣмъ рабочимъ, которые принадлежатъ къ партіи социалистовъ. Здѣсь уже силѣ одушевляющихъ аграріевъ чувствъ положительно нѣтъ предѣловъ. „Въ могучемъ распространеніи“ нѣмецкой социаль-демократіи видать консерваторы „величайшую опасность“, „громадный кризисъ“, даже „судъ Божій“; „каждый серьезный христіанинъ долженъ подумать о томъ, насколько слѣдуетъ искать вину въ этомъ на сторонѣ имущихъ классовъ народа, при чемъ далеко не въ малой степени среди такъ называемыхъ избранныхъ десяти тысячъ“. „Мы видимъ“, продолжаетъ далѣе консервативная книжка для выборовъ, „въ этомъ развитіи третій актъ той трагедіи, которая началась французской революціей, когда она возникла съ такимъ ужаснымъ взрывомъ. Во второмъ актѣ слѣдовали отдѣльныя изверженія вулкана тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, во время которыхъ не только завоеваны народныя права, но и революціонный ядъ, не смотря на сравнительно короткое время потрясеній, тѣмъ не менѣе проникъ все въ болѣе широкіе круги населенія континента, пока, наконецъ, въ третьемъ актѣ—при господствѣ довѣреннаго нѣмецкому народу тайнаго и равнаго избирательнаго права — болѣзнь, на подобіе легко заражающаго яда, не пронизала народное тѣло, чтобы въ концѣ концовъ стало возможно великое крушеніе, о которомъ неустанно мечтаетъ Бебель и надъ которымъ сознательно работаетъ со своими помощниками“. „Пропитать народное тѣло принципами французской революціи въ формѣ кажущейся научности — таково современное положеніе вещей“, по мнѣнію юнкерства. Но и этого мало. Мы въ этомъ ученіи, по мнѣнію той же книжки, встрѣчаемся даже съ самимъ антихристомъ: „мы видимъ при томъ“, возглашаютъ далѣе консерваторы: „въ социаль-демократическихъ заблужденіяхъ систему ясно выраженнаго антихристіанства“. Здѣсь аграріямъ приходятъ на помощь страшилища французской революціи: „то, что произошло въ Парижѣ въ 1789 г.“, инсинуируютъ они далѣе на рабочую партію: „когда женщина съ бутылкой водки была посажена на алтарь одной церкви и была почитаема, какъ богиня Разума, это былъ грубый прообразъ той противохристіанской ненависти, которой учатъ пророки социаль-демократіи теперь, болѣе чѣмъ когда-нибудь“, и это—даже не смотря на то, что социалисты считаютъ, вообще,

„религію дѣломъ частнаго лица“! Таковы ужасы, которые несетъ съ собой нѣмецкій социалистъ. Но и на этихъ размалеванныхъ чудовищахъ, для устрашенія „вѣрнаго“ Михеля, феодалы не останавливаются: „если бы только они (т. е. социалисты) получили власть, то они постановили бы, такъ же какъ и тогда, упразднить Бога и королевство“, даже „захотѣли бы уничтожить всякій небесный и земной авторитетъ“. „Какъ христіанство“, поучаетъ далѣе выборная книжечка, „есть религія любви съ заповѣдью: „все, что мое, то и твое“, такъ социаль-демократія есть религія ненависти, зависти и нетерпѣнія съ обратной заповѣдью: „все, что твое, то и мое“. Таковъ матеріализмъ неимущихъ, котораго „не можетъ преодолѣть матеріализмъ имущихъ, но только сознающая свою великую отвѣтственность государственная власть и возрожденіе нашей народной жизни на основахъ практическаго христіанства“. И вотъ для того, чтобы пресѣчь эту ужасную заразу антихриста, которую разносятъ повсюду „апостолы современнаго невѣрія“, консерваторы указываютъ два средства: во-первыхъ, извѣстныя мѣры предупрежденія въ духѣ указа императора Вильгельма II, которымъ онъ открывалъ свой знаменитый курсъ государственнаго социализма, и, во-вторыхъ, какъ мѣру пресѣченія, „цѣлесознающее выступленіе правительства“, которое, какъ бы съ упрекомъ по адресу бывшаго канцлера Каприви замѣчаетъ партійная книжка, „не должно забывать, что мечъ ему врученъ не напрасно“.

Остановимся на первомъ положеніи. Въ самомъ дѣлѣ, если мы припомнимъ, что выше говорилось объ одной изъ рукъ собирательнаго юнкера, которая протянута для утѣшенія „ко всѣмъ слабымъ и безпомощнымъ въ нашемъ народѣ“ во имя любви къ ближнему, то мы сейчасъ же и согласимся съ правильностью утвержденія аграріевъ. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ счастливая мысль: сдѣлать въ дѣйствительности такъ, чтобы „все мое“ стало въ дѣйствительности и „все твое“, тогда вѣдь не будетъ никакой надобности и переворачивать этотъ воистину христіанскій афоризмъ на грубое: „все твое“ и „мое“ тоже. И мы видимъ уже аграріевъ не только принимающими въ своихъ наслѣдственныхъ помѣстьяхъ всѣхъ обездоленныхъ и неимущихъ, не только представляемъ ихъ себѣ прощающими долги всѣмъ ихъ арендаторамъ и фермерамъ, но и зримъ, какъ они дѣлятся своей второю одеждой съ пролетаріемъ и предлагаютъ ему свои обѣ ланиты для немедленнаго испробованія силы чувствъ и добродѣтели! Да, если бы водворилась такая идиллія въ предупрежденіе заразы, которую юнкеры рисуютъ такими невѣроятными красками, то навѣрно погибъ бы немедленно самъ Бебель въ видѣ антихриста, а съ нимъ и все звѣриное число! И съ самымъ дѣлѣмъ, обратимся къ дѣятельности аграріевъ въ Пруссіи и посмотримъ, что сдѣлали они въ дѣйствительности для предупрежденія царства богини Разума, да

еще вооруженной бутылкой водки! (Историческую достоверность этой бутылки, конечно, оставляем на ответственности нашей „Wahlbüchlein“).

Благодаря своему парламентскому влиянію, они свели фабричную инспекцію къ жалкому побочному институту по „ревизіи паровыхъ котловъ“, уменьшили, насколько возможно было, число женщинъ среди фабричной инспекціи и такъ поставили все это дѣло, что среди всей массы занятыхъ въ 1900 г. прусскихъ рабочихъ и промышленныхъ предпріятій было осмотрѣно всего только 33% послѣднихъ и 75% первыхъ. Такимъ образомъ, остались безъ всякаго надзора, не считая дѣтей, 466,548 взрослыхъ мужчинъ, около 100,000 женщинъ, 35,710 юношей и 13,225 дѣвушекъ. Въ нѣкоторыхъ участкахъ число осмотрѣнныхъ заведеній не превышало собою 17,31%. Мы не будемъ останавливаться здѣсь на тѣхъ полицейскихъ и судебныхъ мѣрахъ, при помощи которыхъ прусское правительство вмѣшивается въ социальную борьбу между предпринимателями и рабочими и угнетаетъ послѣднихъ во имя односторонне понятыхъ интересовъ, такъ называемой, „промышленности“. Мы отмѣтимъ здѣсь только ту рабочую политику, которую прусское государство проводить въ качествѣ „хозяина“ по отношенію къ трудящимся массамъ, занятымъ въ фискальныхъ или казенныхъ предпріятіяхъ.

Обладая громаднымъ желѣзнодорожнымъ хозяйствомъ и получая съ него значительную часть своихъ государственныхъ доходовъ, Пруссія, какъ юнкерское государство, считаетъ возможнымъ, прежде всего, лишить всѣхъ желѣзнодорожныхъ служащихъ ихъ политическихъ гражданскихъ правъ за счастье смазывать казенный паровозъ или мѣнять на дорогѣ сгнившія шпалы. Не желая, чтобы до парламента, а вмѣстѣ съ тѣмъ до общественнаго мнѣнія, доходили вѣсти о матеріальномъ положеніи мелкихъ и среднихъ служащихъ, прусскіе министры, съ одобренія юнкерскаго большинства ландтага, принимаютъ всевозможныя мѣры къ тому, чтобы отучить желѣзнодорожниковъ отъ пользованія общимъ правомъ петицій и не стѣсняются при этомъ передъ суровыми дисциплинарными взысканіями. Въ послѣднее время можно считать совершенно установленнымъ тотъ принципъ, что лицо, поступившее писаремъ или чертежникомъ въ желѣзнодорожное управленіе, этимъ самымъ признается лишеннымъ гарантированнаго конституціей права петицій и за его законное осуществленіе подвергается тяжкимъ послѣдствіямъ, такъ какъ юнкеры въ палатѣ господъ и палатѣ депутатовъ считаютъ это „грубымъ нарушеніемъ порядка“ и „вредной агитаціей“. Самая скромная просьба служащихъ о прибавкѣ имъ жалованья оскорбляетъ грубѣйшимъ образомъ христіанскія чувства прирожденныхъ законодателей.

Точно также должны платиться своими политическими правами,—правомъ сходакъ и собраній, правомъ союзовъ и соеди-

ней—и тѣ рабочіе, которые заняты въ казенныхъ кузницахъ и слесарняхъ или копаютъ землю на полотнѣ желѣзной дороги. Имъ запрещается даже вообще имѣть свои политическія убѣжденія. Всякій кочегаръ на желѣзной дорогѣ обязанъ избирать только удобныхъ правительству кандидатовъ въ парламентъ, всякій смазчикъ и кондукторъ подвергаются суровымъ репрессіямъ, если при выборахъ въ ландтагъ они отдадутъ свой голосъ по своему внутреннему убѣжденію, а не по указкѣ начальства; имъ запрещается не только участіе въ союзѣ желѣзнодорожныхъ служащихъ, гдѣ членами могутъ быть приверженцы рабочей партіи, но даже сочленство въ потребительныхъ обществахъ, гдѣ случайно пайщиками могутъ оказаться приверженцы социализма. Подобной же участи подвергаются горнорабочіе на казенныхъ шахтахъ. Какъ это было вскрыто на послѣднихъ судебныхъ процессахъ, имъ прямо, подъ угрозой увольненія или взысканія, было предписано избирать удобныхъ юнкерству національ-либераловъ, но отнюдь не представителей центра.

И за такое лишеніе величайшихъ благъ человѣка юнкерское государство далеко не щедро вознаграждаетъ желѣзнодорожниковъ въ матеріальномъ отношеніи. Христіанская любовь аграрнаго большинства скорѣе спасаетъ „слабыхъ въ народѣ“ отъ непріятной для себя политической заразы, чѣмъ заботится объ ихъ здоровьи, безопасности и необходимомъ отдыхѣ. Простое сравненіе суммъ, затрачиваемыхъ на каждого желѣзнодорожнаго служащаго въ Пруссіи, сравнительно съ другими германскими государствами, показываетъ намъ, на какой низкой ступени стоитъ вознагражденіе пруссаковъ сравнительно съ баденцами, баварцами и такъ далѣе. Если въ Баденѣ приходится на желѣзнодорожный персоналъ въ среднемъ по 1,401 марки на голову ежегодно, а въ Баваріи по 1,372, то въ Пруссіи эта цифра доходитъ всего только до 1,278 м. Если же причислить сюда расходы на благотворительныя учрежденія для служащихъ, то разниа получается слѣдующая: въ то время, какъ въ Баденѣ на человѣка приходится 1,509 марокъ, въ Пруссіи всего 1,355 м.; Пруссія стоитъ на послѣднемъ мѣстѣ въ дѣлѣ вознагражденія своихъ служащихъ, и еще болѣе ухудшаетъ дѣло то обстоятельство, что здѣсь содержаніе распределяется крайне неравномѣрно. Если бы Пруссія пожелала такъ же оплатить своихъ служащихъ, какъ Баденъ, она должна была бы тратить на нихъ ежегодно, по крайней мѣрѣ, на 55¹/₂ миллионновъ больше, чѣмъ теперь.

Но свои желѣзныя дороги Пруссія дѣлаетъ прямо средствомъ для помощи нуждающимся и страждущимъ аграріямъ. Съ особенной энергіей желѣзнодорожное управленіе привлекаетъ къ себѣ на службу дешевыхъ заграничныхъ рабочихъ и создаетъ, такимъ образомъ, цѣлыя арміи голодныхъ рабовъ, которые являются неисчислимымъ резервомъ для помѣщиковъ, въ виду непрестанной

нужды въ дешевыхъ рабочихъ рукахъ. Этимъ аграріи спасаются отъ многихъ грозящихъ имъ неприяностей. Укажемъ одну изъ нихъ и при томъ въ высшей степени характерную. Свои рабочіе не только дороги, они имѣютъ еще другое, очень неприяное свойство: по истеченіи полугода службы въ помѣстьи, они становятся въ немъ „осѣдлыми“ въ юридическомъ смыслѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, въ случаѣ бѣдности и неспособности къ труду, получаютъ право на пособіе отъ помѣщика. Это, конечно, противорѣчитъ совершенно юнкерскому христіанству. И если феодалы въ парламентѣ считаютъ наиболѣе полезнымъ умѣренность и воздержаніе для служащихъ и рабочихъ въ казенныхъ заведеніяхъ, то, тѣмъ болѣе, они считаютъ лишнимъ пособіе тому бѣдняку, который работалъ въ ихъ имѣніи. Чтобы избѣжать такого нарушенія своихъ христіанскихъ принциповъ, они пускаются на довольно оригинальныя штуки: они строятъ свои рабочія казармы на чужой землѣ или переселяютъ ихъ до истеченія каждаго полугодія въ разныя мѣста и къ себѣ, и по сосѣдямъ. Искусственно превращенные въ бродячую команду, не имѣющіе постоянного мѣстожителства, эти рабочіе, такимъ образомъ, въ случаѣ бѣдности, уже не обременяютъ собою христіанской души помѣщика, они сваливаются на шею общему фонду страны. Но, повторяемъ, это стоитъ ухищреній и денегъ, съ иностранцами гораздо легче, и въ этой-то области доставленія дешевыхъ рабочихъ рукъ юнкерское государство, „какъ ховяинъ“, дружески протягиваетъ руку отдѣльнымъ феодаламъ, какъ истиннымъ и великимъ властителямъ прусской классовой монархіи.

IV.

Теперь перейдемъ къ „народности“ или „національности“, какъ къ одному изъ главнѣйшихъ боевыхъ девизовъ юнкерства, а съ нимъ, къ сожалѣнію, и большей части либеральныхъ круговъ Германіи. Національность, какъ историческое явленіе, есть вещь, вполне понятная и необходимо вездѣ проявляющаяся тамъ, гдѣ мы встрѣчаемся съ той или другой формой культуры, выросшей на почвѣ опредѣленнаго языка, быта, правового сознанія и давшей опредѣленную окраску искусству, наукѣ или даже религіи. Гдѣ національность есть или образуется, она есть явленіе весьма устойчивое и держится всегда до тѣхъ поръ, пока болѣе широкая культурная волна не захватитъ ее и не приведетъ къ расширенію національныхъ рамокъ, къ повышенію узко-національнаго въ область обще-человѣческаго. Психологически національность зиждется на чувствѣ. Она основана на любви къ „своимъ“, къ сородичамъ, къ соотечественникамъ. Это чувство по своей природѣ способно къ чрезвычайному расширенію. Первоначаль-

ная фанатическая и узкая любовь и пристрастие къ близкимъ людямъ очень легко вырастаетъ въ любовь къ ближнимъ, а затѣмъ и дальнимъ. Въ настоящее время національныя особенности сохраняютъ свое значеніе, поскольку онѣ создаютъ разнообразіе культурныхъ формъ и придаютъ полноту и жизнь общему ходу развитія человѣчества, но національное чувство, чувство любви къ близкимъ, далеко вышло изъ узкихъ племенныхъ границъ и превратилось въ чувство культурнаго братства, которое общее всѣмъ народамъ современной Европы. Это — безспорный фактъ, противъ котораго возражать было бы совершенно бесполезнымъ трудомъ. И именно здѣсь наилучшимъ доказательствомъ является непосредственный опытъ каждаго русскаго человѣка, побывавшаго за границей. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ничего удивительнаго, если англичанинъ, пріѣзжая на континентъ, нѣмецъ, перебираясь во Францію, или французъ, переходя въ Италію, чувствуютъ себя, какъ дома. Хотя онъ дорожитъ и своимъ языкомъ, и національностью, но, тѣмъ не менѣе, и среди чужестранцевъ находитъ ту же культурную обстановку и атмосферу, съ которой онъ уже у себя сжилъ на родинѣ, и въ этомъ смыслѣ все же остается среди своихъ; и именно съ этой точки зрѣнія въ виду чрезвычайной разницы въ самой высотѣ культурнаго развитія Россіи и заграницы, казалось бы, русскій человѣкъ долженъ чувствовать себя и потеряннѣмъ, и чуждымъ послѣ переѣзда черезъ границу къ людямъ другого языка и культуры. Но на дѣлѣ происходитъ нѣчто совершенно другое. Здѣсь мы говоримъ, конечно, не о томъ „истинно-русскомъ“ человѣкѣ, который созданъ фантазіей нашихъ газетъ крайняго реакціоннаго направленія, а о томъ „просто-русскомъ“ человѣкѣ, котораго мы ежедневно встрѣчаемъ на Руси и въ городѣ, и деревнѣ, и при томъ безразлично, носить ли онъ фракъ или сермяжный zipунъ. Для этого русскаго человѣка переходъ къ заграничѣ далеко не представляетъ собою ничего неожиданнаго или непонятнаго, а еще болѣе чуждаго или страннаго; и если его поражаетъ интенсивность и благоустройство заграничной жизни; если ему пріятно и радостно наслаждаться самымъ благообразіемъ и быстротой ея темпа; если онъ глубоко цѣнитъ высоту заграничной духовной культуры,—то, съ другой стороны, развѣ не пестрятъ имена русскихъ великихъ писателей на окнахъ всѣхъ магазиновъ, развѣ не такіе же рабочіе, какъ и у насъ, создали своими мозолистыми руками и эти дворцы, и театры, и трамваи, и магазины; развѣ, наконецъ, это движеніе, интенсивность, благоустроенность и красота жизни не стали бы и нашимъ достояніемъ, если бы были даны для этого надлежащіе условія? — Нѣтъ, не чужимъ и чуждымъ представляется намъ ходъ заграничной жизни, а, безусловно, своимъ, понятнымъ и близкимъ. Не какъ дикари бродимъ мы среди европейской жизнерадостной и пестрой толпы, а какъ свои и близкіе ей люди, не

одинокими и заброшенными мы чувствуемъ себя въ Европѣ среди иноземцевъ, а такими же и одаренными, и работоспособными, и разумными людьми, какъ воѣ эти нѣмцы, французы, англичане и т. д. Мало этого, захваченный общимъ потокомъ этой дѣятельной и организованной жизни, стоя рядомъ съ людьми, которые выросли и созрѣли подъ эгидой политической свободы, нашъ соотечественникъ и самъ чувствуетъ, какъ и у него словно вырастаютъ крылья, удесятеряются силы, и онъ успѣваетъ столько здѣсь сдѣлать, сколько никогда бы не сдѣлалъ въ то же самое время на родинѣ. Пороку—это прямо чудесное превращеніе: изъ забитаго, загнаннаго, не довѣряющаго ни своимъ силамъ, ни призыванію пессимиста онъ, словно по мановенію волшебнаго жезла, превращается въ удивительнаго работника, одареннаго и увѣреннаго въ себя и своихъ силахъ оптимиста. Таковы результаты соприкосновенія нашего брата-россіянина съ социальной и правовой обстановкой Запада, таково вліяніе на него заграничной политической организаціи, ея интеллектуальной и нравственной атмосферы. Нѣтъ, не чуждъ современному русскому человѣку Западъ, а родной, и, можетъ быть, еще болѣе родной, чѣмъ тѣ во множествѣ фигурирующіе подъ русскими ярлыками обычаи и установленія, которые были у тѣхъ же нѣмцевъ заимствованы нами въ доброе старое время, а теперь хранятся на родинѣ, какъ созданія якобы чисто-русскаго духа. Но, конечно, такъ чувствуетъ себя на Западѣ только обыкновенный русскій человѣкъ, въ отличіе отъ „истинно-русскаго“ человѣка; этотъ послѣдній судить о заграничной культурѣ критически и свысока; приверженный къ той нѣмецкой старинѣ, которая во множествѣ еще хранится у насъ въ Россіи со временъ Петра и второй Екатерины, онъ, считая въ доброй вѣрѣ это нѣмецкое наслѣдіе истинно-русскими особенностями, разноситъ въ пухъ и прахъ нѣмецкую современность. Такъ проявляются русскія патріотическія чувства во множествѣ за границей; и каждый непредубѣжденный человѣкъ невольно начинаетъ искать какую-нибудь болѣе существенную подкладку у этого своеобразнаго національнаго энтузіазма: ужъ очень представляется странной самая вѣра въ то, что истинно-русскими являются только заимствованія у нѣмцевъ изъ XVIII вѣка, а не XIX или XX.

И чѣмъ болѣе повышается уровень нашего культурнаго развитія, тѣмъ менѣе мы чувствуемъ себя чуждыми Западу азіатами, тѣмъ болѣе растутъ у насъ братскія связи съ лучшими слоями западнаго общества, и мѣсто націоналистической исключительности заступаетъ широкое общеніе и заимствованіе наиболѣе подходящихъ для насъ социальныхъ формъ у нашихъ сосѣдей. Исходя изъ тѣхъ же основаній, какъ прогрессивные и культурные народы Запада, мы не можемъ не пережить тѣхъ же общественныхъ стадій, какъ и они, мы не можемъ не заимствовать у нихъ ихъ

современныхъ политическихъ формъ и учреждений. Мы должны рушить китайскую стѣну, отдѣляющую насъ отъ Запада, если мы хотимъ не только казаться, но и быть великой европейской державой.

Но прусскіе феодалы имѣютъ всѣ основанія для того, чтобы не желать нравственнаго и политическаго пробужденія русскаго народа. И если сами они изъ всѣхъ силъ стремятся къ воскрешенію въ Германіи стараго прусскаго *Polizeistaat'a*, подъ кровомъ котораго они безъ всякой публичности и общественнаго контроля водворяли свое благополучіе на плечахъ закрѣпощеннаго народа, то тѣмъ болѣе желаютъ они, чтобы могучій сѣверный сосѣдь подольше ходилъ въ прусскихъ государственныхъ обноскахъ и былъ связанъ тѣми узами, которыя давно ужъ сбросила съ себя сначала только южная, а затѣмъ и поднявшаяся надъ Пруссіей единая „имперская“ Германія.

Прусское юнкерство отлично знаетъ, что пробужденіе общественныхъ силъ въ Россіи и политическое признаніе тамъ моральной и сознательной личности грозитъ ему и нравственнымъ, и матеріальнымъ пораженіемъ. При господствѣ въ Россіи системы довѣрія къ обществу и единенія между правительствомъ и народомъ, юнкерская гегемонія уже потому терпитъ моральное пораженіе, что она лишается того блестящаго примѣра бюрократическаго всемогущества и непогрѣшимости, который служилъ въ ея рукахъ своеобразнымъ доказательствомъ „*ad oculos*“ для всѣхъ невѣрующихъ въ магическую силу полицейской палки. До сихъ поръ прусская реакціонная пресса ковала себѣ довольно сильное оружіе изъ тѣхъ остатковъ полицейскаго государства, которые временно сохранились въ русскомъ государственномъ организмѣ. Связывая въ одно цѣлое, съ одной стороны, русскую мощь и богатство, а съ другой—существованіе на сѣверѣ старой бюрократической системы по прусскимъ образцамъ, здѣшніе реакціонеры выставляли первое результатомъ второго, и выходило, что Россія только потому и велика и могуча, что она рядится въ политическій мундиръ Фридриха-Вильгельма IV и водворяетъ у себя блаженство среди широкихъ народныхъ массъ фуктелями и шпицрутенами полицейско-прусскаго образца. На русскихъ выпадала, такимъ образомъ, завидная роль быть представителями той отжившей формы общественной жизни, которая раздвояла государство на темныя массы закрѣпощеннаго народа и чисто механически организованную армію начальства, при чемъ обѣ эти части не имѣли между собою никакихъ точекъ соприкосновенія и ни малѣйшей общности ни въ культурѣ, ни въ духовныхъ потребностяхъ.

Такія неслестныя для насъ возрѣнія прусскаго правящаго класса основывались еще на томъ странномъ представленіи о русскомъ народѣ, которое, къ сожалѣнію, господствуетъ и среди

такъ называемыхъ бюргерскихъ круговъ. Согласно этому воззрѣнію, русскій народъ представляется чѣмъ-то въ родѣ стада животныхъ, для которыхъ не нужно ни одного изъ тѣхъ правовыхъ и культурныхъ благъ, которыми въ изобиліи пользуется нѣмецъ у себя дома. И если юнкеръ считаетъ своимъ неотъемлемымъ правомъ пользованіе неограниченной свободой совѣсти, то это, конечно, есть привилегія однихъ европейцевъ, въ отличіе отъ русскихъ. Этимъ послѣднимъ не нужно истинной религіи, основанной на свободѣ убѣжденія, имъ не нужно быть честными передъ лицомъ Бога: какъ низшая раса, они могутъ пользоваться, вмѣсто религіи, обрядами и лицемѣріемъ. Точно такъ же, по мнѣнію прусскаго феодала, русскимъ не нужно свободы слова и печати, такъ какъ вообще имъ не слѣдуетъ много думать, за нихъ-де въ достаточной степени подумаетъ и устроитъ всѣ ихъ дѣла на нѣмецкій ладъ организованная бюрократія. Не нужно русскимъ дикарямъ, конечно, и политическихъ правъ, и если свой, такъ называемый, народъ юнкеры не считаютъ достойнымъ участвовать иначе въ государственной жизни, какъ на положеніи безгласной и пассивной массы, то тѣмъ болѣе считаютъ они русскій народъ прирожденными рабами, которымъ присуща только одна добродѣтель—животной покорности судьбѣ и преданности пришедшему „изъ нѣмцевъ“ чиновнику-культуртрегеру.

Съ этой точки зрѣнія вполне естественно прусскіе феодалы считаютъ себя призванными мѣшаться въ русскія внутреннія дѣла и рѣзко принимать сторону того теченія въ русской общественной жизни, которое еще такъ недавно хотѣло превратить Россію въ грандіозную темницу, а правительство великаго народа низвести на положеніе укротителя дикихъ звѣрей. Прусское юнкерство уже видѣло Россію въ образѣ какого-то всесвѣтнаго жандарма, который долженъ былъ жертвовать народными средствами и кровью для спасенія прусскихъ аграріевъ отъ „переворота“, для вѣчной безопасности ихъ патримоніальныхъ правъ и классового господства. Создавъ въ своемъ воображеніи Россію въ видѣ какого-то дикаго и вмѣстѣ съ тѣмъ нравственно убогаго великана, прусская реакція лстила себя пріятной надеждой приручить къ себѣ это чудовище при помощи различныхъ любовныхъ услугъ, чтобы затѣмъ, въ надлежащій моментъ, спустить его съ цѣпи, какъ дворовую собаку, на своего домашняго, прусскаго „врага отечества“. И ясное дѣло, что когда Пруссія почувствовала приближеніе русской общественной весны, когда все шире и просторнѣе становились пути между русской общественной жизнью и передовымъ идейнымъ движеніемъ на Западѣ, то прусская правящая клика стала чувствовать себя крайне безпкойной и съ лихорадочнымъ напряженіемъ начала принимать мѣры къ тому, чтобы—чего Боже сохрани—не попало въ Россію

того свѣта и воздуха, которые такъ нужны русской мысли и русской душѣ.

Свое внимательство въ русскія внутреннія дѣла пруссаки могли осуществить, конечно, только путемъ воздѣйствія на тѣхъ русскихъ, которые находились на территоріи Пруссіи, занимались здѣсь наукой или лѣченіемъ, учились не только изъ книжекъ, но и изъ самой окружающей жизни. И въ нихъ Пруссія увидѣла страшную опасность. Въ нихъ прусскіе феодалы признали почему-то именно тѣхъ предвозвѣстниковъ русской „весны“, которые могли принести съ собою на родину запретные плоды широкаго просвѣщенія, вѣры въ прогрессъ и уваженія къ человѣческому достоинству. И на этомъ основаніи за русскими въ Пруссіи былъ учрежденъ самый тягостный полицейскій надзоръ. Ихъ выслѣживали, какъ дичь, нарушали тайну ихъ переписки, въ ихъ помѣщеніяхъ производились секретные и нелѣпые обыски, всѣми возможными и невозможными способами ихъ возводили въ званіе „анархистовъ“, а затѣмъ или высылали вонъ изъ предѣловъ Пруссіи, или выдавали ничего не подозревавшимъ „о преступленіи“ данныхъ „анархистовъ“ русскимъ властямъ. Даже политическими доносами занимались прусскіе агенты по отношенію къ русскимъ студентамъ и путешественникамъ, пребывающимъ въ Пруссіи, и неоднократно бывали случаи, что прусская полиція обвиняла тѣхъ или другихъ лицъ въ революціонной дѣятельности противъ русскаго правительства, а это послѣднее, по самомъ тщательномъ разслѣдованіи, не находило никакой революціи въ дѣйствіяхъ. выданныхъ ему обратно изъ Пруссіи.

Послѣдній инцидентъ съ русской студенткой г-жей Барсонъ является однимъ изъ наиболѣе характерныхъ проявленій прусской „національной политики“. Эта дѣвушка, дочь состоятельныхъ родителей, внушила мѣстной полиціи большое подозрѣніе уже тѣмъ, что, получая отъ отца 200 марокъ въ мѣсяцъ, она не покупала себѣ шикарныхъ шляпокъ, не радилась въ шелковыя тряпки, а вела самый скромный образъ жизни. Это было уже въ высокой степени неблагонадежно. Женщина, которая имѣетъ деньги и не тратитъ ихъ по моднымъ лавкамъ на Фридрихштрассе, это съ юнкерской точки зрѣнія уродъ, который подлежитъ самому строгому надзору. Устоять передъ соблазномъ пестрой мишуры можетъ несомнѣнно только страшная революціонерка. Остающіяся въ ея кошелекѣ деньги могутъ въ силу этого пойти на помощь нуждающимся товарищамъ или, что еще ужаснѣе, на покупку „Освобожденія“ и т. п. страшныхъ вещей. Отсюда новое умозаключеніе. У г-жи Барсонъ голова должна быть революціонизована. Она, при наличности денегъ и отсутствіи модныхъ костюмовъ, непременно должна заниматься „революционными происками“; мало того, она должна быть непременно анархисткой. И предположенія полиціи блестяще оправдались: оказалось, что эта не

модная барышня, нарушившая всѣ принципы кисейной морали и полицейскаго кодекса, остановилась въ Берлинѣ у своихъ знакомыхъ и въ теченіе цѣлыхъ 10 дней и 10 ночей не исполнила своего долга передъ прусскою государственностью: она забыла сообщить о своемъ торжественномъ приѣздѣ въ мѣстный полицейскій участокъ! Страшная кара не замедлила свалиться на грѣшницу; не смотря на то, что за такое полицейское упущеніе полагается всего только нѣсколько марокъ штрафа, русская дѣвушка была схвачена жандармами, была раздѣта и обыскана въ участкѣ, у ея знакомыхъ въ квартирѣ все было перевернуто вверхъ дномъ, а самую преступницу до нахожденія уликъ и вещественныхъ доказательствъ посадили въ тюрьму подъ особый надзоръ и охрану. У нея отнято было право пользоваться прогулкой по тюремному двору и дышать свѣжимъ воздухомъ—право, которымъ въ Германіи пользуются воры и грабители, понававшие подъ стражу—къ ней не допустили знакомыхъ, желавшихъ ее посѣтить, ей запрещено было даже взять себѣ защитника, и только послѣ долгихъ хлопотъ къ ней удалось проникнуть адвокату и получить отъ нея законную довѣренность. Десять дней томилась бѣдная студентка подъ замкомъ, и ея судьба грозила принести ей всѣ прелести этапнаго путешествія въ Россію, когда, на ея счастье, приѣхалъ ея отецъ изъ Россіи и вызволилъ свою дочь изъ юнкерскаго пріюта подъ условіемъ, что онъ немедленно же вмѣстѣ съ нею покинетъ предѣлы гостепріимной Пруссіи. Въ одномъ только прусская полиція не достигла своей цѣли: она до конца не могла найти ни уликъ, ни вещественныхъ доказательствъ, и ей пришлось ограничиться голымъ утвержденіемъ, что г-жа Б. „по вышеуказаннымъ соображеніямъ можетъ быть заподозрѣна въ революціонныхъ проискахъ“.

Такъ спасаютъ прусскіе феодалы Россію отъ „весны“, а себя отъ грядущей бури и политическаго переворота. Для нихъ страшенъ всякій прогрессъ гдѣ бы то ни было, а въ особенности въ Россіи. Крѣпостники по всему своему существу, они не останавливаются ни передъ какимъ произволомъ, когда дѣло идетъ объ ихъ интересахъ политическаго господства и экономической эксплуатаціи. Своими врагами считаютъ они повтому и свободное слово драматурга, и союзную организацію рабочихъ, и русскихъ студентовъ, стремящихся къ свѣту и пробужденію своей родины. Государственную власть Пруссіи захватили они въ свои руки, а изъ монарха они сдѣлали орудіе своихъ узкихъ корыстныхъ интересовъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что преобразование прусскаго классового парламента и устраненіе оскорбительныхъ для массы народа привилегій есть вопросъ, отъ котораго зависитъ дальнѣйшая судьба Пруссіи и ея роль среди культурнаго движенія современности.

Реусъ.

Изъ замѣтокъ школьнаго учителя.

Учебная система.

I.

Графа Д. А. Толстого — творца современной, хотя и запоздѣвшей, но далеко еще не отжившей свой вѣкъ школы, — считаютъ поклонникомъ классицизма и убѣжденнымъ врагомъ естествознанія. Толстовская система называется по преимуществу классической, — въ чемъ и полагаютъ ея вредъ. Мнѣнiе это довольно распространено, но едва ли справедливо.

Безспорно, классицизмъ въ избыткѣ — вещь нестерпимая. Но, во-первыхъ, самъ гр. Толстой заявилъ, что классическiе языки ему интересны, какъ наиболѣе удобное средство надзора.

„Надлежащее пониманiе — говорилъ онъ въ своей объяснительной запискѣ къ проекту устава — учениками преподаваемаго изъ всѣхъ другихъ наукъ, особенно же изъ естествознанiя, почти ускользаетъ изъ-подъ учительскаго контроля, почему здѣсь и возможны, съ одной стороны, развитiе крайняго самолюбiя, а съ другой — образованiе самыхъ превратныхъ понятiй“.

А во-вторыхъ, какъ онъ могъ быть врагомъ естествознанiя, если этотъ предметъ занялъ чрезвычайно видное мѣсто въ программѣ городскихъ училищъ, учительскихъ институтовъ и семинарiй? Да и вообще вопросъ, какихъ наукъ другомъ или врагомъ былъ гр. Толстой, весьма не легко поддается рѣшенiю.

Суть не въ классицизмѣ и не въ реализмѣ. Значенiе Толстого совершенно въ другомъ. Министръ Уваровъ полагалъ, что логика — наука опасная, и на этомъ основанiи ее подвергли изъятiю. Въ толстовскихъ учительскихъ институтахъ ее вполне безпрепятственно изучаютъ. Но чтобы показать, какой она видъ приняла, воспроизвожу § изъ тѣхъ „лекцiй“ по логикѣ, которыя мы, воспитанники, зазубривали:

„Индукцiя (Inductio: in — въ, dico — веду). 1) Способъ наведенiя въ логикѣ; 2) возбужденiе электричества на разстоянii; индуктивный — относящiйся къ индукцiи, идущiй путемъ ея. Индуктивное сужденiе представляетъ сложную ассоциацию сначала по смежности, потомъ по сходству. Индукцiя есть прежде всего сужденiе о соотношенiи извѣстныхъ фактовъ. Отличiе ея отъ понятiя индуктивный процессъ — сложнѣе, чѣмъ абстракцiя. Тамъ вышнее объединенiе чертъ, здѣсь связь между раздѣльными свойствами предметовъ. Индукцiя есть прежде всего сужденiе о неизмѣнномъ отношенiи, о твердой связи двухъ доселѣ раздѣльных фактовъ или качествъ. Это операцiя по смежности, сосуществованiи или послѣдовательности. Индукцiя идетъ далѣе. Связь между фактами, справедливая для данныхъ случаевъ,

справедлива и для всѣхъ другихъ случаевъ, существенно сходныхъ съ первыми“.

Беру параграфъ изъ психологiи, которую мы опять таки въ учительскомъ институтѣ зубрили:

„Разумъ: Въ глубинѣ своего существа мы внутреннимъ чувствомъ (сохраняя вездѣ курсивъ подлинника) созерцаемъ безусловное. Созерцательная сила, съ помощью которой человекъ способенъ созерцать свой внутренний міръ и объяснять внутреннія движенія своего духа, называется разумомъ. Разумъ есть такое высшее обнаруженіе познавательной дѣятельности, которое состоитъ въ созерцаніи безусловнаго, безконечнаго, которое должно быть основною цѣлью всего конечнаго, должно быть тѣмъ, безъ чего же можетъ быть конечнаго бытія. Источникомъ, откуда нашъ духъ почерпаетъ матеріаль для познанія безусловнаго, служатъ идеи. Идея форма созерцанія, форма неуловимая, не чувственная, отвлеченная. Итакъ, созерцаніе облекается въ форму идеи. Отсюда, человекъ, далекій отъ всего матеріальнаго, называется идеальнымъ, интеллектуальнымъ. Точно такъ же христіанство есть въроученіе идеальное, ибо имѣетъ цѣлью поднять человека отъ земли, сдѣлать его истиннымъ подобіемъ Божию“.

Опаснымъ предметомъ считалось нѣкогда естествознаніе. Въ толстовскую школу оно вошло и даже успѣло сдѣлаться однимъ изъ очень нелюбимыхъ учениками предметовъ.

Правда, естествознанія, собственно, т. е. знакомства съ законами и исторіей органической и неорганической жизни, гр. Д. А. Толстой не допустилъ. Подъ названіемъ „естественной исторiи“, въ школу вошли учебники, которые съ необыкновенною тщательностью описываютъ „представителей“. Чтобы не быть голословнымъ, ссылаюсь на школьныхъ авторовъ:

1) *Минералогія*, учебн. Александрова, для средн. школы, стр. 72:

Апатитъ (Apatit, Apatite), кристаллизующійся въ формахъ гексагональной системы. По твердости онъ считается пятымъ образцовымъ тѣломъ. Удѣльный вѣсъ его 3,2. Онъ бываетъ безцвѣтный, но чаще окрашенъ зеленымъ, синимъ, красноватымъ или сѣрымъ цвѣтомъ. Химическій составъ его: фосфорнокислая известь съ хлористымъ или фтористымъ кальціемъ (послѣднія соли могутъ быть и вмѣстѣ) — $3\text{Ca}_3(\text{PO}_4)_2 + \text{Ca Cl}_2$ (или Ca F_2).

2) *Зоологія*, учебн. Вараввы для городскихъ училищъ, стр. 159:

„Кратовница, длиною около 7 линій, шириною съ распущенными крыльями около 2 дюймовъ. Тѣло ея удлинненное, цилиндрическое, верхняя сторона крыльевъ кирпично-красная, наружный край окаймленъ бурожелтою оторочкою, и передъ нею черная лента съ голубыми пятнышками. На переднемъ краѣ переднихъ крыльевъ находится три большихъ черныхъ пятна, промежутки между которыми свѣтло-желтые. На серединѣ же два маленькихъ черныхъ пятна, и ближе къ внутреннему краю еще одно, немного больше, возлѣ котораго находится свѣтло-желтое пятно; вершина переднихъ крыльевъ съ бѣлымъ пятномъ. Заднія крылья, начиная отъ основанія до середины, черныя; на переднемъ же краѣ основаніе свѣтло-желтое. Нижняя сторона крыльевъ у основанія черноватая, далѣе пестрая и на наружномъ краѣ съ чернымъ ломанымъ ободкомъ“...

№ 11. Отдѣлъ II.

3) *Ботаника*, учебн. Ярошевскаго, для средней школы, §§ 51, 52:

„Ятрышникъ испятнанный (*Orchis maculata*). Небольшое травянистое растеніе въ 1 или 2 фута вышины съ глубоко-сидящими въ землѣ длинными придаточными волокнистыми корнями, между которыми помѣщается два особенные органы, имѣющіе видъ продолговатыхъ шишекъ (опускаю подробное описаніе этихъ „шишекъ“, около которыхъ „видѣется“ еще „маленькая шишечка“...). „Стебель кругловатый, плотный или подъ конецъ, въ послѣднихъ междоузліяхъ, пустой внутри, полный, несущій до 10 сухихъ нижнихъ чешуй и до 10 вполне развитыхъ, простыхъ дугонервныхъ листьевъ, пластинки которыхъ постепенно суживаются книзу“, и т. д., и т. д. — на противоположныхъ четырехъ печатныхъ страницъ.

Существуетъ анекдотъ о какомъ-то находчивомъ оппонентѣ. На ученомъ засѣданіи, не возражая противъ доклада по существу, этотъ оппонентъ предложилъ въ награду 5000 руб. тому, кто своими словами сумѣетъ передать основныя положенія докладчика. Такого же рода „конкурсъ“, не рискуя заплатить деньги, можно устроить и по поводу только что процитированныхъ параграфовъ. Мысль, выраженную въ нихъ, тоже нельзя „передать своими словами“. Да и какая же тутъ мысль? Кажется, правильнѣе ихъ разсматривать, какъ выписки изъ спеціальныхъ словарей, не всегда удачно сдѣланныя и расположенныя въ алфавитномъ безпорядкѣ.

Впрочемъ, сами авторы учебниковъ кое-гдѣ ухитряются объ однихъ и тѣхъ же предметахъ говорить разными словами. У Ясенскаго „свинья ростомъ бываетъ до 1½ и длиною до 2 арш., а вѣсомъ до 20 пудовъ и болѣе. Зубная формула 6 — 6, 2 — 2, 14 — 14“. Варавины же свиньи „имѣютъ около 3 ф. вышины и отъ 5 до 6 длины, вѣсятъ до 25—30 п., зубная формула 6 — 6, 2 — 2, 12 (14) 12 (14)“.

Кошка г. Ясенскаго бываетъ величиною до 3 футовъ; Варавина кошка „длиною около десяти, высотой около 6 вершковъ“.

Муха г. Ясенскаго имѣетъ „яички овальной формы и бѣлаго цвѣта“; имѣющая такое же латинское названіе муха г. Варавы кладетъ: „яички цилиндрической формы, оболочка ихъ нѣжная, блестяще бѣлая“...

Ученику, очевидно, остается лишь во всемъ положиться на автора и вызубрить слова въ томъ именно порядкѣ, въ какомъ они составителемъ учебника написаны. Это и называется учить естественную исторію.

А что значить, напр., учить географію?

Вмѣстѣ со мною готовился къ поступленію въ институтъ одинъ изъ моихъ товарищей дѣтства. Онъ зубрилъ географію Россіи по Лебедеву, я — по Баранову, — оба учебника для средней школы. Товарищъ поѣхалъ въ московскій институтъ, я въ В—скій. Потомъ мы встрѣтились и стали дѣлиться впечатлѣніями.

— Вотъ еще географія мнѣ сильно мѣшала, — жаловался мой товарищъ. — Я вѣдь училъ Лебедева. А въ въ институтѣ меня заставили учить Баранова. Пришлось заново перезубривать.

— Представь и со мною тоже случилось, — отвѣтилъ я. — Готовился то я по Баранову, а въ институтѣ заставили учить Лебедева. Совсѣмъ какъ будто новая наука!

Гг. Лебедевъ и Барановъ описали Россію разными словами — и въ этомъ весь секретъ. Ибо географіи, какъ науки, въ школахъ нѣтъ. Ученики заучиваютъ сборники географическихъ названій и справочныхъ свѣдѣній, выбираемыхъ каждымъ авторомъ по своему усмотрѣнію. Иногда, впрочемъ, одинъ и тотъ же авторъ для новаго изданія беретъ изъ специальныхъ книжекъ и новыя свѣдѣнія, или старыя располагаетъ въ другомъ порядкѣ. Для примѣра укажу хотя бы на извѣстнаго школьнаго географа г. Смирнова.

Подъ видомъ исторіи, школа предлагаетъ болѣе или менѣе подробное описаніе войнъ, походовъ, а главное — „погуще хронологіи, побольше именъ“.

Вмѣсто физики, — детальное описаніе безчисленнаго множества приборовъ и машинъ.

Вмѣсто языка, — сводъ грамматическихъ правилъ, опредѣленій, исключеній, перечисленіе суффиксовъ, союзовъ, предлоговъ и пр.

Толстовская школа ввела новый и совершенно отличный отъ общепринятаго взглядъ на умственную зрѣлость. Общепринято считать человѣка умственно зрѣлымъ и образованнымъ, если онъ вполне понимаетъ методы и схемы современной ему мысли и знаетъ, гдѣ ту или иную частность можно найти, и какъ этой частностью надо пользоваться. По школьному же воззрѣнію, образованъ и умственно зрѣлъ тотъ, кто схемъ современной мысли не понимаетъ, но безошибочно рассказываетъ о частностяхъ или, вѣрнѣе, хорошо и бойко повторяетъ слова, какими написанъ учебникъ. На этомъ основаніи общая, философская часть науки упразднена, а ея мѣсто заняло описаніе крыльевъ бабочки крапивницы etc. И если ученикъ этого описанія не умѣетъ повторить, ему, какъ человѣку совершенно необразованному и умственно незрѣлому, ставятъ двойку: такъ, между прочимъ, поступали съ воспитанниками въ московскомъ учительскомъ институтѣ.

Но какой смыслъ имѣетъ заучивать слова, какими въ учебникѣ описывается расположеніе цвѣтовъ на крыльяхъ крапивницы? Смыслъ есть и очень серьезный.

II.

Во-первыхъ, благодаря обилію частныхъ, учебники получаютъ весьма внушительными по объему. То, что можно бы пройти въ одинъ годъ и выѣстить въ одну школьную книгу, растягивается на 3—4 книги и на 3—4 года. Отсюда — чрезвычайное обиліе учебниковъ. „Нижегородскій Листокъ“ въ 1897—8 уч. г. подсчиталъ, сколько требуется книжекъ для учениковъ средней школы. Оказалось: въ третьемъ классѣ мужской гимназіи—20, реального училища—17, женскаго института—22, въ высшихъ классахъ отъ 30 до 42. Подсчетъ довольно скромный. Моимъ ученикамъ городскихъ училищъ требовалось: въ третьемъ отдѣленіи (средній возрастъ 11—12 лѣтъ), около 13 книгъ, въ шестомъ до 30.

Конечно, множество учебниковъ и довольно частая замѣна однихъ другими удорожаетъ учебу, дѣлаетъ школу менѣ доступной. Но это чисто побочное обстоятельство.

Во-вторыхъ, обиліе не столько фактическаго, сколько словеснаго, матеріала ставитъ работу ученика въ строго опредѣленныя рамки. Разъ попалъ въ школу, заняться „посторонними дѣлами“, или унести въ заоблачныя мечтанія о предметахъ социальныхъ“ некогда. Впору зубрить, зубрить и зубрить. Шутка ли мальчику 13—14 лѣтъ знать наизусть, или почти наизусть, до 30 книгъ. А вѣдь, кромѣ книгъ, есть еще и письменныя работы. Чего стоятъ одні только математическія задачи, необыкновенно тонко приуроченныя къ общему духу толстовской школы! Вотъ, напр., задача 60-я изъ § 199 „Алгебры“ Малинина:

$$\sqrt[12]{1001200660220049507920924079204950220006600120001}$$

Т. е. изъ числа, стоящаго подъ радикаломъ, ученикъ долженъ извлечь корень двѣнадцатой степени. И не только извлечь, но и аккуратно переписать въ тетрадь всѣ вычисленія. Можетъ быть, впоследствии, у потомковъ, явится мысль увѣковѣчить одну изъ такихъ задачъ—выгравировать ее на надгробномъ мавзоль Малинина, что ли, или даже самого гр. Д. А. Толстого, — точно такъ же, какъ выгравировано 35-значное π на памятникѣ кельнскаго математика Людольфа. Но это вопросъ будущаго. А пока несомнѣнно, что толстовская программа рассчитана на всѣ, сколько есть, силы ученика и ничего не оставляетъ для „внѣпрограммныхъ увлеченій“.

Въ-третьихъ, мысль, прикованная ко множеству частныхъ, „куда зря“ не летитъ. И чѣмъ дольше ее держать подъ давлениемъ мелочей, тѣмъ тѣснѣе суживается ея кругозоръ, тѣмъ значительнѣе утрачиваетъ она перспективы. Въ концѣ концовъ

шаствуетъ то особенное состояніе психической близорукости, о которомъ говорятъ:

— Изъ-за деревьевъ человекъ пересталъ видѣть лѣсъ.

Въ-четвертыхъ, — программа, составленная сплошь изъ частей, дѣйствительно, очень удобна для контроля. Установить, занимался ли ученикъ, и какъ занимался, легко и просто. Стоитъ лишь спросить у него:

— Назови всѣ суффиксы существительныхъ, всѣ предлоги, которые управляютъ родительнымъ падежемъ, всѣхъ русскихъ патріарховъ, всѣхъ французскихъ королей послѣ Генриха IV и время ихъ царствованія.

Или:

— Сколько сухихъ чешуй на стеблѣ у ятрышника? тычинокъ у крапивы? У какихъ представителей семейства мотыльковыхъ однократственные тычинки? и т. д.

Такими вопросами въ теченіе урока легко проконтролировать всѣхъ учениковъ. Толстовская школа отводитъ для мысли тѣсное пространство. А на маленькомъ мѣстѣ наблюдать легко.

Единственное время, когда ученикъ могъ бы ускользнуть отъ контроля со стороны правительственнаго учителя, — это каникулы. Но, какъ видно изъ печатнаго „Очерка Ѳеодосійскаго Учительскаго Института“ *), еще въ 1879 г. состоялось распоряженіе: „наблюдать, чтобы ученикамъ были задаваемы на лѣтнее вакаціонное время письменныя работы“. Когда я сталъ учителемъ, работы задавались и письменныя, и устныя и при томъ въ размѣрахъ по истинѣ гомерическихъ. Математикъ, порою приказывалъ рѣшить до 100 и даже до 150 задачъ, естествовѣдъ — „выучить всѣхъ лѣтнихъ представителей“, географъ — „начертить всѣ карты“ и т. д. Отмѣнены обязательныя каникулярныя работы лишь въ 1900 г. „Однако — говорилъ по этому поводу въ своемъ циркулярѣ министръ Боголѣповъ — я нахожу нежелательнымъ предоставить учениковъ самимъ себѣ, въ теченіе продолжительнаго вакаціоннаго времени“.

Какими же средствами можно заставить ребенка вызубрить нѣсколько десятковъ книжекъ? Гдѣ тотъ рычагъ, чтобы оторвать мальчика отъ свойственной его лѣтамъ рѣзвости, а юношу отъ стихійной потребности къ обобщеніямъ? Мало того — оторвать, — но и направить всѣ силы души на задачки Малинина и зоологію Вараввы? Рычагъ этотъ старый, испытанный. Называется балловой системой. Имѣетъ свою исторію, о которой не лишне сказать нѣсколько словъ.

*) „Очеркъ“ вышелъ въ 1888 г. и выпущенъ въ продажу.

III.

Честь изобрѣтенія балловой системы приписывается ордену іезуитовъ. Генералъ Аквавива чуть ли не первый—или, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ первыхъ,—указалъ на баллы, какъ на весьма надежный способъ „подстрекнуть соревнованіе и возбудить честолюбіе“. Дѣйствительно, способъ оказался довольно удобнымъ. Отъ іезуитовъ онъ былъ позаимствованъ другими и, между прочимъ, вошелъ въ обиходъ и нашей школы. Впрочемъ, у насъ на баллы стали смотрѣть, какъ на средство оцѣнивать поведеніе и опредѣлять уровень познаній.

Но относительно поведенія еще въ 1857 г. Шестаковъ замѣтилъ, что „существующій способъ означать нравственность цифрами не удовлетворяетъ цѣли, не выдерживаетъ даже самаго снисходительнаго разбора; это произведеніе большого ума, до того увлекающагося математическими выкладками, что высшій моральный вопросъ былъ совершенно упущенъ“.

„Не выдерживаютъ даже самаго снисходительнаго разбора“ принятыя цифровыя отмѣтки, и какъ способъ оцѣнивать знанія. Онѣ пытаются установить максимумъ познаній (5) и минимумъ (3). „Но максимума—напомнилъ, между прочимъ, Н. И. Пироговъ—нѣтъ, потому что по направленію вверху нѣтъ никакой границы человѣческихъ свѣдѣній“. Отъ ученика можно требовать лишь условный минимумъ. Для школы, которая зиждется на экзаменахъ и переводахъ изъ класса въ классъ, нужны, слѣдовательно, двѣ отмѣтки: одна для обозначенія, что ученикомъ установленный министерствомъ минимумъ усвоенъ, другая,—что не усвоенъ. Какъ изображать эти отмѣтки буквами: „знаетъ—не знаетъ“, цифрами ли 3—2, или иными знаками—по существу безразлично.

Но вѣдь учитель при пятибалльной системѣ употребляетъ не двѣ, а около 20 отмѣтокъ *).

Если лишнія 18 отмѣтокъ существуютъ не для того, чтобы „подстрекать соревнованіе и возбуждать честолюбіе“, то какъ могли онѣ уцѣлѣть въ школьномъ обиходѣ?

Секретъ долготѣи ихъ устойчивости весьма простъ: онѣ—дешевое и гибкое средство карать и награждать. Это по преимуществу орудіе дрессировки. Его воспитательное значеніе, по меньшей мѣрѣ, сомнительно, потому что балловая система рассчитана вовсе не на инстинкты дружества и взаимной пріязни.

Общераспространенное, насколько я могу судить по личному опыту, явленіе: ученики, равнодушные къ хорошимъ отмѣткамъ,

*) Вотъ наиболѣе употребительныя: 5, 5—, $4\frac{1}{2}$, 4+, 4, 4—, $3\frac{1}{2}$, 3+, 3, 3—, $2\frac{1}{2}$, 2+, 2, 2—, $1\frac{1}{2}$, 1+, 1, 1—, 0; Менѣе употребительны: $\frac{1}{2}$, 0+, 0—, 5+, 5=, 4++ и т. д.

или, какъ ихъ чаще называютъ, „лѣнтя“—добрые товарищи и живутъ между собою въ трогательномъ единодушіи. За то два „первыхъ ученика“ въ одномъ классѣ своего рода несчастіе: они всегда на ножахъ; жить въ мирѣ для нихъ, повидимому, такъ же трудно, какъ собакѣ не драться съ кошкой. Да оно и понятно.

Съ виду невинныя пятерки, четверки, плюсы и минусы ро-
дятъ зависть, вооружаютъ ребенка противъ ребенка. Воспитывать помощью ихъ „добрыя чувства“ равносильно затѣѣ—водворять порядокъ, бросая въ толпу прыжки.

Нельзя также сказать, что баллы водворяютъ согласіе между учителемъ и учениками. Изъ-за отмітокъ въ классѣ постоянныя пререканія. Ивановъ жалуется, что ему поставили 3—, хотя онъ знаетъ урокъ не хуже Степанова, которому, однако, поставлено 3+. А Степановъ доказываетъ, что онъ знаетъ „на всю четверку, а тройка съ плюсомъ для него кровная обида“. Учителю волей неволей приходится давать объясненія. И горе ему, если онъ не сумѣетъ это сдѣлать тактично, не сохранить полного само-
обладанія!

Въ Б—скомъ уѣздномъ училищѣ одно время ученики, пользуясь отмітками, устраивали своеобразную мелодраму. Ея первый актъ заключался въ томъ, чтобы учителя математики, Степана Николаевича, человѣка очень нервнаго, раздражить, или, какъ выражались ученики,—„довести до бѣлаго каленія“. Эту задачу бралъ на себя кто-либо посмѣлѣе и добивался такъ, что Степанъ Николаевичъ сердито кричалъ:

— А ты все шалишь!.. Такъ вотъ тебѣ нуль.

Кстати: усмирять шалуновъ плохими отмітками за успѣхи—средство довольно обычное.

Ученикъ, получившій нуль, заливался горячими слезами:

— Ой, простите!..—вопилъ онъ.—Никогда больше не буду... Простите...

— Простите его, Степанъ Николаевичъ, — присоединялись 2—3 ученика.

Степанъ Николаевичъ, хорошо понимавшій, что его дурачатъ, злился пуще.

— Молчать!—кричалъ онъ.

— Да вѣдь онъ намъ мѣшаетъ заниматься, — возражали ученики.—Простите его.

Взбѣшенный учитель ставилъ еще 2—3 нуля. Подымался плачъ и вой въ три—четыре голоса. Остальные просили „простить этихъ дураковъ, потому что они мѣшаютъ“. Учитель ставилъ нули. Ревъ усиливался. Дѣйствіе развивалось crescendo, вплоть до заключительнаго акта мелодрамы: Степанъ Николаевичъ схватывалъ журналъ и убѣгалъ изъ класса.

Нѣсколько лѣтъ спустя, когда Б—ское училище было пре-

образовано въ городское, я засталъ другой способъ дурачить учителя—Павла Дмитріевича. Ученикъ рѣдко оставался доволенъ полученной отмѣткой и весьма почтительно увѣрялъ Павла Дмитріевича, что онъ знаетъ, положимъ, не на 3 +, а на 4.

— Ей Богу, я на четверку училъ. Позвольте мнѣ еще разъ отвѣтить.

— Молчи...

— Пожалуйста, Павелъ Дмитріевичъ, спросите меня. Я мамѣ обѣщаль, что на четверку вамъ отвѣчу. Мнѣ очень тяжело маму огорчать. Она такъ вашимъ предметомъ интересуется...

— Вонъ изъ класса! — кричалъ Павелъ Дмитріевичъ, не находя другого способа прекратить объясненія, которыя мѣшаютъ продолжать урокъ.

Да и вообще, сколько я могъ замѣтить, пререканія изъ-за отмѣтокъ далеко не всегда ведутся въ серьезъ. Чаше же это способъ отнять у учителя время, устроить развлеченіе, правда, дешевое, но все же развлеченіе. И хоть ученики въ такихъ случаяхъ отводять учителямъ вовсе не почетную роль, и хоть балловая бухгалтерія съ ея гроссбукомъ,—класснымъ журналомъ,—требуется, чтобы содержать ее въ порядкѣ и исправности, не маляго труда,—тѣмъ не менѣе, Степаны Николаевичи и Павлы Дмитріевичи, въ массѣ, остаются убѣжденными друзьями отмѣтокъ. И это они дѣлають, конечно, не потому, что имъ нравится вступать въ пререканія изъ-за плюсовъ и минусовъ.

„Когда ученица знала на полныхъ три, — признавался отставной учитель г. Розановъ, — я ей неизмѣнно ставилъ два“ („Нов. Вр.“, № 7798).

— Но вѣдь это несправедливо! — скажетъ сердобольный читатель.

Да, несправедливо, но скупые учителя à la Розановъ (порода, какъ извѣстно, довольно распространенная) считаютъ это очень педагогичнымъ. „Скупая отмѣтка“ повышаетъ, видите ли, уровень класса. Ученику нужно получить три, ибо это баллъ обязательный: значить, пусть учитъ на „полную четверку“.

Не бѣда, что посидитъ онъ надъ географіей Смирнова ночью лишнихъ 1½—2 часа. Въ старинныхъ азбучкахъ не зря стишокъ печатался:

„Если хочешь лучше знать,
То поменьше нужно спать.“

А затѣмъ можно плюсикомъ кого-либо поощрить: у другихъ соревнованіе подстрекнется. И, наконецъ, ученикъ, получившій въ награду за усердіе четверку или даже пятерку, неминуемо станетъ напрягаться изо всѣхъ силъ, чтобы награды этой и впредь не быть лишеннымъ. На сцену выступаетъ сильная у каждого ребенка жажда похвалъ. Начинается игра на дѣтскомъ самолюбіи, напряженная погоня за отличіями и не менѣе напря-

женная боязнь потерять благорасположеніе учителя. Ученикъ, награждаемый хорошими отмѣтками, самый послушный, но врядъ ли самый счастливый. По крайней мѣрѣ, школьный языкъ лишь тройку признаетъ „балломъ душевнаго спокойствія“.

Въ рукахъ учителя сложная балловая машина — то же, что кнутъ въ рукахъ извозчика. Это орудіе татарской пытки самому злomu возницѣ бесполезно, пока лошадь везетъ посильную тяжесть по хорошей дорогѣ. Но если кладъ не въ мѣру тяжела, или дорога очень плоха, — вовсе не надо быть злымъ, чтобы пустить въ дѣло кнутъ, т. е., причиняя острую боль, довести животное до крайняго нервнаго напряженія; по словамъ опытныхъ кучеровъ, кнутомъ можно придать лошади такую силу, что она, стараясь сорвать съ мѣста возъ, отламываетъ собственные копыта.

Нѣтъ спора, отмѣтка — орудіе болѣе утонченное. Физической боли сдѣлать ими нельзя. Но раздражать дѣтское самолюбіе, причинять ему острую боль онѣ приспособлены. И довести, помощью ихъ, ребенка до крайняго нервнаго напряженія — не трудно. Такъ что учителя вполне правы, когда говорятъ:

— Съ отмѣтками, правда, много хлопотъ и возни. Но если ученики зубрятъ греческія исключенія и славянскія склоненія и знаютъ Смирнова и Варавву, — за это мы должны быть глубоко признательны балловой системѣ.

Но отсюда же вытекаетъ и тотъ кошмаръ, который съ жестокою образностью увѣковѣченъ однимъ изъ авторовъ „ученическихъ воспоминаній“. Насъ, — говорить онъ, — поступило въ гимназію 53. Изъ нихъ:

- 1) Получили аттестатъ зрѣлости — 7.
- 2) Покончили самоубійствомъ — 3 *).

Жестокость заключается не въ цифрѣ — 46 „поломавшихъ собственные копыта“, ибо цифра эта ничего исключительнаго не представляетъ. Толстовская школа считала вполне достаточнымъ, если удовлетворительныхъ („переводныхъ“) отмѣтокъ получилось $66\frac{2}{3}\%$ общаго числа учениковъ. Т.-е. нормальнымъ признавался слѣдующій расчетъ: изъ 53 перваго класса во II-й должно перейти 36, въ III — 24, въ IV — 16, въ V — 11, въ VI — 8, въ VII — 6, въ VIII — 4 и окончить курсъ 3. Несложныя ариметическія вычисленія показываютъ, гдѣ надо искать жестокости: училище, о которомъ идетъ рѣчь, имѣло „процентъ успѣшности“ 75, или на $8\frac{1}{3}$ выше нормальнаго.

*) См. „Русск. Шк.“, 1900 г., кн. IV.

IV.

Допустимъ, однако, что на того или другого ученика балловая система не подѣйствуетъ, какъ нѣкогда, въ дореформенной школѣ, не дѣйствовали розги. Не смотря на боль отъ укуловъ самолюбію, ученикъ не захочетъ вести школьный возъ и станетъ заниматься „посторонними дѣлами“. Какъ съ нимъ быть? Очень просто: онъ не отвѣтитъ на экзаменахъ и будетъ уволенъ на малоуспѣшность.

Еще предположеніе:

О каждомъ учителѣ, прежде чѣмъ принять его на службу, забираются очень тщательныя справки. Возможно, однако, что какой-либо учитель окажется охотникомъ заниматься не указанными въ программахъ разговорами и наталкивать на вопросы „соціальныя“. Но и съ этой стороны толстовская школа казалась неуязвимой.

Во-первыхъ, программа обширна; времени выполнить ее—въ обрѣзъ, или даже не хватаетъ; курсъ, какъ выражаются учителя, „приходится гнать на почтовыхъ“. Когда жъ тутъ „разговоры разговаривать“?

Во-вторыхъ, учитель долженъ записать, чѣмъ онъ занимался на урокъ, и что имъ пройдено. Учениковъ надо спрашивать не-престанно, потому что журналъ необходимо заполнить баллами. Ко многимъ учителямъ, и ко мнѣ въ томъ числѣ, прямо предъявлялось требованіе, чтобы каждому ученику по каждому предмету, въ теченіе недѣли было поставлено не менѣ одной отмѣтки.

Въ-третьихъ, во время ревизій и въ особенности на экзаменахъ, чрезвычайно легко обнаружить, чѣмъ склоненъ заниматься учитель—„дѣломъ“ или „разговорами“. Если ученики знаютъ слова, которыя въ учебникахъ напечатаны,—было дѣло. Если не знаютъ—были разговоры.

Словомъ, если смотрѣть на толстовскую школу съ высоты птичьяго полета, она должна казаться крѣпостью неприступной. Попавъ въ нее, ребенокъ могъ сбѣжать или залѣниться и быть исключеннымъ; могъ покончить трагически, какъ та пятнадцатилѣтняя дѣвочка въ Смоленскѣ, что оставила записку: „лишаюсь жизни изъ-за проклятой географіи“ (1902 г., „Смол. Вѣстн.“). Но разъ ему удалось окончить курсъ, школа выпуститъ его въ жизнь, дѣйствительно, „скромнымъ молодымъ человекомъ“, который „соціальныхъ“ вопросовъ не смыслитъ, и ничего, кромѣ учебниковъ, не знаетъ.

Когда толстовскій школьный режимъ былъ окончательно осужденъ высочайшимъ рескриптомъ 25 марта 1901 г., разда-

лось очень много голосовъ, горячо присоединившихся къ этому обвинительному приговору. Но были голоса и въ защиту обвиненнаго. Остановлюсь только на двухъ отзывавъ: одинъ, согласный съ рескриптомъ, другой не согласный.

„Толстовская гимназія—высказался А. В. Амфитеатровъ—была не педагогическимъ учрежденіемъ. Она являлась системою заложничества, въ которой государство потребовало себѣ отъ русской семьи всѣхъ дѣтей ея, въ обезпеченіи политической благонадежности. Это заявлялось и печаталось совершенно откровенно. Гимназія брала ребенка всего. Комедія,—что она отпускала его послѣ уроковъ въ семью, домой! Онъ не видалъ семьи... О, проклятое время! Десятый кругъ Дантова ада—горючее море слезъ, наплаканныхъ русскими дѣтьми и матерями! Когда отцы заглядывали въ науку дѣтей, они хватились за голову:

— Что дѣлають? Чему учать?

Къ какой жизни готовятъ? Поколѣніе слѣпыхъ котятъ! Ихъ судьба утонуть въ первой же глубокой житейской лужѣ!.. *)

Это голосъ, присоединившійся къ рескрипту. Защищать же „десятый кругъ Дантова ада“ выступилъ, между прочимъ, С. Рачинскій, небезызвѣстный идеологъ классицизма. Послѣ 25 марта онъ издалъ брошюру: „Absit omen“, гдѣ и возстаетъ противъ „плана“ упразднить толстовскую систему образованія:

„Исходить этотъ планъ—говорить онъ—отъ вершинъ правительственныхъ, общественныхъ и научныхъ, въ странѣ монархической и сословной, слѣд., устроенной на началахъ охранительныхъ,—въ странѣ, въ коей достигаютъ крайняго выраженія естественныя различія состояній, матеріальнаго достатка, умственнаго развитія и политической власти, и сопряженныя съ ними различія обязанностей и сферъ возможной дѣятельности. Между тѣмъ, весь этотъ планъ носить на себѣ утопическій характеръ теории безусловнаго равенства, игнорируя до сихъ поръ не достигнутаго и по силѣ вещей недостижимаго“.

Характерно: оба автора съ удивительнымъ единодушіемъ отмѣчаютъ въ толстовской школѣ прежде всего начало политическое. И только непостижимое затменіе разсудка мѣшало. Рачинскому видѣть, что школа эта одинаково бесполезна всѣмъ политическимъ направленіямъ, и въ томъ числѣ „охранительнымъ началамъ“, во имя которыхъ онъ запугиваетъ читателя слишкомъ прозрачными намеками на „декларацию правъ человека и гражданина“. Допустите на минуту, что С. Рачинскій правъ, т. е. что такъ и впредь должно быть, какъ гр. Д. А. Толстымъ установлено. Жизнь пусть себѣ кипитъ какими угодно философскими и социальными вопросами, а школа будетъ учить греческимъ склоненіямъ и словамъ, которые въ учебникахъ напечатаны, предоставивъ молодежи самой знакомиться съ тѣмъ, что для пониманія жизни и для общественной дѣятельности необходимо. Попрошу единомышленниковъ Рачинскаго откровенно и прямо отвѣтить:

— Какъ такой способъ воспитывать „въ духѣ охранительныхъ

*) „Житейская накипь“, стр. 51—52.

началь“ называется? Есть ли это рѣшеніе задачи, или возведенное въ систему нежеланіе рѣшать ее? Воспитательный ли это пріемъ или примѣненіе къ школьному дѣлу канцелярскаго метода: по справкѣ за № 00 соціальные вопросы программами запрещаются, а потому все обстоитъ благополучно? И кого школа „охраняетъ“ — самое себя или учениковъ?

Предложу единомышленникамъ С. Рачинскаго на размышленіе и еще одно обстоятельство:

Семья отдаетъ правительственной школѣ подъ надзоръ правительственныхъ учителей 53 ребенка. Трое покончили самоубійствомъ и исключаются изъ списковъ. Изъ остальныхъ 50-ти школа доучиваетъ только семерыхъ, а 43 выбрасываются за бортъ, куда-то, въ пространство, подъ чье-то невѣдомое и совершенно ускользающее отъ правительственнаго контроля вниманіе. Неужели и это значитъ — „воспитывать въ духѣ охранительныхъ началъ“?

Наконецъ, относительно семерыхъ, которые курсъ окончили, исполнена ли въ дѣйствительности толстовская программа? да и можно ли ее исполнить?

У.

По учебникамъ, созданнымъ школою гр. Толстого, учиться не легко. Они должны бы отнять у ребенка все время. И отъ обязанности зубрить ихъ, казалось бы, нѣтъ способовъ уклониться. Но... вотъ какъ начиналъ свои уроки одинъ изъ моихъ товарищей-соослуживцевъ, учитель исторіи. Это былъ мученіе идеи — искоренить ученическое „мошенничество“, которое, кстати сказать, приняло повсемѣстно размѣры, воистину, легендарные.

Явившись въ классъ, онъ прежде всего отбиралъ у всѣхъ учениковъ учебники по своему предмету и тетрадки, гдѣ записывается „хронологія“. Отобранное складывалось на каѳедрѣ. Затѣмъ онъ тщательно осматривалъ классъ — нѣтъ ли гдѣ на стѣнѣ или доскѣ относящейся къ уроку надписи, и не валяется ли гдѣ нибудь комочекъ бумаги (статья важная, потому что на такихъ, съ виду невинныхъ, комочкахъ оказывается порою полный конспектъ урока). Убѣдившись, что никакого „мошенства“ не подготовлено, онъ вызывалъ ученика — обязательно къ каѳедрѣ — и приказывалъ:

— Покажи руки.

Руки тщательно осматривались — опять таки статья важная, потому что на ладоняхъ и ногтяхъ ученики ухитряются записывать нужныя для урока имена, „хронологію“, математическія формулы etc.

— Теперь разстегни поясъ, — приказывалъ искоренитель мошенничества (за поясомъ вѣдь тоже можетъ быть затѣнута какая-нибудь „жульническая штука“).

И лишь послѣ столь детальнѣхъ приготовленій онъ считалъ себя до нѣкоторой степени въ безопасности и говорилъ:

— Можешь отвѣчать... Да держи руки по швамъ. Не смѣй ихъ подымать. Не то... я знаю вашего брата...

— Ученики жалуются,— рѣшился я однажды сказать этому учителю,—что имъ, держа руки по швамъ, отвѣчать трудно. Согласитесь сами: стоять на вытяжку и докладывать о наукѣ, и вправду, не совсѣмъ для ребенка удобно.

— Толкуйте!—возразилъ онъ.—Не знаете вы развѣ ихняго брата! Имъ позволъ только пальцемъ шевельнуть, а они ужъ того... Весь свѣтъ пройди—такихъ мошенниковъ не встрѣтишь... Знаете,—онъ даже голосъ понизилъ,—я все думаю, не двѣ ли у нихъ исторіи? Одну-то они мнѣ отдаютъ, а другую себѣ оставляютъ. Кажется, и хронологіи у нихъ по двѣ... Ну, погоди—я до этого доберусь.

— Но вѣдь вы ученика къ каедрѣ вызываете. Какъ же онъ можетъ васъ обмануть?

— Да ужъ не знаю какъ, но чувствую, что обманываютъ. Непремѣнно надо прослѣдить и поймать.

Спустя нѣсколько дней послѣ этого разговора, ему таки удалось „поймать“.

— Можете себѣ представить,—говорилъ онъ,—они къ нашему же учительскому столу бумажки приклеиваютъ. Напишутъ, что нужно, и приклеютъ...

Черезъ недѣлю онъ печально сознался:

— Подлепы опять какое-то мошенство придумали. Понять не могу какое! А чувствую, что мошенство есть...

Бороться съ мошенничествомъ, т. е. умѣньемъ получать удивительныя баллы, не зная урока,—занятіе чрезвычайно бесполезное. На сторонѣ ученика слишкомъ много пособниковъ и укрывателей. И главнѣйшимъ пособникомъ является сама толстовская программа. Если бы она требовала отъ ученика пониманія общій смыслъ той или иной эпохи, напр.,—подлогъ былъ бы немислимъ. Ну, а имена, годы, названія рѣчекъ и городовъ, гдѣ были битвы,—все это при нѣкоторой сноровкѣ легко написать въ потребномъ для урока количествѣ на собственныхъ ногтяхъ. Строго говоря, программа, основанная исключительно на мелочахъ и частностяхъ, даже подстрекаетъ школьника обманывать. Заинтересоваться этими мелочами мальчикъ не можетъ. А учить ихъ трудно и имѣетъ лишь одинъ смыслъ—получать хорошую отмѣтку. Но разъ все дѣло сводится къ отмѣткѣ, то зачѣмъ мучить себя и „долбить эти противныя книжки?“ Гораздо проще организовать систему подсказываній, подбрасывать другъ другу записки...

Благо и родители, и общество до того приняхались къ школьному обману, что его и за обманъ не считаютъ. Не секретъ

вѣдь, что когда нужно выкрасть экзаменаціонную тему, складчину для подкупа нужныхъ лицъ устраиваютъ отцы, а дѣти лишь обдумываютъ планъ дѣйствій и приводятъ его въ исполненіе.

Дѣятельно помогаютъ водить учителей за носъ и книгопродавцы, которые, угадывая духъ и потребности вѣка, выпускаютъ на рынокъ обильное число подстрочниковъ, конспектовъ, сборники рѣшенныхъ задачъ по Малинину, по Давыдову, по Верещагину, „образцовыя сочиненія на общеупотребительныя школьныя темы“... И надо отдать справедливость авторамъ этихъ книжекъ—дѣло свое они знаютъ мастерски. Вотъ, напр., какъ рекомандуетъ нѣкто г. П. Л. начинать сочиненіе о Гоголѣ: „Я съ дѣтства любилъ чтеніе книгъ и, благодаря тому, что могъ свободно читать ихъ болѣе или менѣе безконтрольно, рано познакомился съ корнями русской литературы... Сколько разъ перечиталъ я Гоголя—не помню. Но и теперь, когда мнѣ не по себѣ, или когда я усталъ, я беру наудачу одинъ изъ томовъ, открываю наугадъ—и черезъ минуту я уже въ другомъ мірѣ“...

П. Л. за свои двѣ книжечки—„Сочиненія на темы по русскому языку“—назначилъ цѣну не дешевую—3 р. 50 к. Но, конечно, не дешево стоитъ и искусство—написать такое „сочиненіе“, чтобъ оно относилось сразу ко всѣмъ корнямъ, отъ Гомера до Шекспира и Л. Н. Толстого включительно, и въ то же время могло быть съ пользою употреблено для другихъ темъ,—напр., о пользѣ чтенія, о значеніи литературы и т. д.

При столь искусныхъ руководителяхъ толстовская наука требуетъ не больше труда, чѣмъ это вызывается надобностями болѣе или менѣе ловкаго плагиата. Любопытно: плагиаторскій способъ одолѣвать науку ученикъ несетъ—такова сила привычки!—далеко за предѣлы гимназіи. Нѣкоторымъ молодымъ врачамъ, между прочимъ, хорошо извѣстенъ адресъ вѣнскаго профессора Ш., такъ какъ подъ его „руководствомъ“ чрезвычайно легко и просто пишутся докторскія диссертациі. О русскихъ ученикахъ этого Ш. существуетъ множество анекдотовъ. Напомню только одинъ. Молодой врачъ, вмѣстѣ съ женой, поѣхалъ за границу, явился къ проф. Ш. и сказалъ, какая ему нужна диссертациа и къ какому сроку. Профессоръ посоветовалъ „все-таки немножко заняться изслѣдованіемъ“. Врачъ послушался добраго совѣта и купилъ гуся, утку и еще какую-то птицу, которая была нужна для изслѣдованія. Но тутъ ему понадобилось куда то уѣхать, а жена въ его отсутствіе велѣла приготовленныхъ для науки птицъ зарѣзать и изжарить. Вернувшись, будущій докторъ устроилъ по этому поводу бурную сцену. Квартирная хозяйка сочла нужнымъ вступиться за жену:

— О mein Herr, — сказала она, — пожалуйста, не волнуйтесь! Фонъ Ш. такъ много на своемъ вѣку написалъ диссертаций!.. Онъ и безъ вашего гусака знаетъ, что вамъ нужно.

Школьные учителя къ своимъ естественнымъ помощникамъ, вродѣ автора „образцовыхъ сочиненій“—г. П. Л., относятся далеко недружелюбно. На „подстрочники“ и прочую „мошенническую“, какъ ее называютъ, литературу устраиваются временами облавы, по всѣмъ правиламъ повальнаго обыска: старательно изслѣдуются парты, ранцы, верхнее ученическое платье, печи, промежутки между стѣной и шкафами... „Въ грандіозныхъ обыскахъ—разсказывалъ, напр., рецензентъ „Вѣстника Воспитанія“ (1898 г., кн. V, ст. 59)—принимало участіе почти все начальство. Уличенныхъ въ пристанодержательствѣ іогансоновскихъ, главнымъ образомъ, изданій сурово наказывали“. Но эти и другія мѣры строгости отнюдь не мѣшаютъ „мошеннической“ литературѣ процвѣтать и множиться. Къ тому же „воровскіе“ сборники рѣшенныхъ задачъ по Малинину, Верещагину etc. находятъ дружелюбный притонъ у самихъ учителей.

VI.

Еще въ сороковыхъ годахъ о германскихъ учителяхъ Кехли замѣтилъ, что они, „исправляя латинскія сочиненія, прибѣгаютъ къ лексикону такъ же часто, какъ и ихъ ученики“. Спѣшу оговориться: рѣчь веду не о безграмотности учителей древнихъ языковъ: это свое качество „классики“ доказали столь блестяще, что къ ихъ собственному показанію рѣшительно нечего добавить. Уже слишкомъ извѣстностью пользуются сочиненныя ими фразы: „животъ коротокъ, штука длинна“ (переводъ съ лат.: *Vita brevis, ars longa*); „лазутчики донесли Цезарю, что они нашли въ лѣсу человѣка, трепещущаго въ неопреоборимомъ страхѣ и бормотавшаго какую-то бессмысленницу, едва ли не пораженнаго молніемъ“—etc.

Успѣли надобѣсть, какъ опошленный анекдотъ, ссылки на „бессмысленницы“, вродѣ тѣхъ, какими полна, напр., „Книга упражненій гг. Ходобая и Виноградова: „часто молчащее лицо имѣетъ голосъ и слова; зимній южный вѣтеръ распускаетъ мерзлыя воды; рѣсницы весьма удобны для закрытія и открытія врачковъ; черви вначалѣ бывають голыми бабочками“ и т. д. Мало кого трогаютъ даже указанія, что эти цитаты заимствованы изъ *седьмого, одобреннаго ученымъ комитетомъ* министерства народнаго просвѣщенія изданія. Да и вообще въ наши дни невѣжествомъ учебниковъ, даже такихъ распространенныхъ, какъ „исторіи“ Иловайскаго и „географіи“ Смирнова *), никого не удивить: привыкли всѣ къ этому.

Не буду говорить и о томъ, что среди педагоговъ попадаются

*) См., напр., ст. г. Южакова въ «Рус. Бог.» 1897 г. №№ 6 и 7.

порою не только малограмотные люди, но и упорствующие въ своей малограмотности. Въ Б... городскомъ училищѣ (1896 г.) былъ даже такой случай. Дѣвушка К. держала экзаменъ на званіе сельской учительницы. Педагогическій совѣтъ призналъ ее достойною этого званія. По обычаю, протоколъ совѣта, вмѣстѣ съ экзаменаціонными работами, былъ отправленъ на утвержденіе директору народныхъ училищъ. Къ великому удивленію учителей, директоръ протокола не утвердилъ, собственноручно отмѣтилъ въ письменныхъ работахъ „грубые промахи“, которыхъ на самомъ дѣлѣ не было и слѣда; и въ довершеніе всего директорская резолюція содержала около десятка грамматическихъ ошибокъ, изъ нихъ четыре прямо таки конфузныя:

— За такія ошибки, — возмущались учителя, — даже ученикамъ приходскаго училища двойку слѣдуетъ ставить.

Обезкураженной дѣвушкѣ тихонько посоветовали жаловаться попечителю округа, что она и сдѣлала. Жалоба возымѣла дѣйствіе. Работы, забракованныя директоромъ, были потребованы на просмотръ въ канцелярію округа. Испытательный комитетъ нашелъ ихъ очень хорошими, и попечитель предписалъ совѣту Б—скаго училища выдать свидѣтельство. Директорскія ошибки, когда все „дѣло объ экзаменахъ“ возвращено было обратно, оказались подчеркнутыми чѣмъ-то краснымъ карандашомъ.

Но вопросъ объ общемъ уровнѣ учительской образованности оставимъ пока открытымъ. Въ данную минуту меня интересуетъ иное:

Знаютъ ли учителя свой предметъ въ предѣлахъ того учебника, который обязателенъ для учениковъ?

Къ сожалѣнію, моя восьмилѣтняя жизнь среди учителей рѣшительно не даетъ мнѣ основаній сказать утвердительно:

— Да, знаютъ.

Даже относительно русскаго правописанія, въ которомъ всѣ бы должны быть сильны, приходится высказать сомнѣніе. Изъ учителей русскаго языка, какихъ я знаю, рѣдкій провѣрялъ тетради по диктанту (старшихъ классовъ), не положивъ возлѣ себя книги, по которой онъ диктовалъ. А безъ справокъ въ грамматикѣ, или въ орфографическомъ словарѣ, и руководствѣ Грота не обходился ни одинъ. И это бы не бѣда: въ американскихъ школахъ на такого рода справкахъ (тамъ ихъ дѣлаютъ, впрочемъ, ученики) основано обученіе орфографіи. При томъ же наше, т. е. гротовское, правописаніе слишкомъ субъективно и слишкомъ капризно. Недаромъ В. П. Шереметевскій (довольно извѣстный педагогъ) предлагалъ всѣмъ русскимъ образованнымъ людямъ „порѣзаться“ на слѣдующей диктовкѣ, составленной въ строгомъ соотвѣтствіи съ указаніями Грота:

„Поваръ Владимиръ, желая серіознымъ образомъ спрыснуть свой новый *сертукъ*, купилъ склянку вина, фунтъ *вядчины*, пару *колачей*; напекъ *отру-*

шекъ, пироговъ съ кашей и снитками, сварилъ уху изъ *пескарей* и пригласилъ... дядю *Остафія*... и другого дядю *Онисима*, а также сестру *Олену* и своячениницу *Овдотью*... Не забылъ Владимиръ любимца своего *сыпиря*, который съ *лодони* клевалъ крошки... Трезорка..., привязываемая на *бечевкѣ* у *конуры*, на этотъ разъ получила свободу".

Хотя эта диктовка, при желаніи, можетъ быть дана ученикамъ 4—5 отдѣленія городского училища или 2—3 класса гимназій, но изъ нея далеко не всякій учитель благополучно выплыветъ. И не потому, что Шереметевскій составилъ свой диктантъ съ цѣлями, такъ сказать, клаяузными: въ 1897 г. мнѣ лично посчастливилось присутствовать въ Д-скомъ городскомъ училищѣ при горячемъ спорѣ двухъ учителей, есть ли въ русскомъ языкѣ слово: „гостыя“, и какъ будетъ его родит. пад. множ. числа; два года спустя въ Б... училищѣ цѣлыхъ семь учителей сразу спорили, какого рода мозоль и овощъ, и изъ семерыхъ только одинъ высказалъ мнѣніе, согласное съ академическимъ словаремъ.

Во всякомъ случаѣ, справка у Грота или въ грамматикѣ ничего зазорнаго, страннаго не заключаетъ. Странно лишь то, что справляться учителя разрѣшаютъ себѣ, а ученикамъ сплошь и рядомъ запрещаютъ. При мнѣ въ Б—омъ городскомъ училищѣ учитель Г—евъ „захватилъ“ въ ученической партіи орфографическій словарь Покровскаго и, на этомъ основаніи, требовалъ примѣрно наказать виновнаго, какъ притоносодержателя „мошеннической литературы“.

— Но вѣдь вы и сами въ Покровскаго заглядываете, — напомнили ему.

— Мало ли куда я заглядываю!—возразилъ Г—въ.—У меня вонъ и жена есть. И водку я пью. А ученикъ дѣлать этого не смѣетъ.

Точно такъ же, повидимому, разсуждаютъ учителя математики, полагая, что только они „смѣютъ“ заглядывать въ „Сборники рѣшенныхъ задачъ“. И пока такой „сборникъ“ на учительскомъ столѣ, его считаютъ „пособіемъ“. Попадъ въ ученическую парту, онъ уже становится „мошенничествомъ“. Ученики столь шаткую терминологию объясняютъ не совсѣмъ почтительно.

Въ 1894 г., во время каникулъ, гимназистъ В—чъ, юноша лѣтъ 15, обратился ко мнѣ съ просьбой, не пособию ли я ему „задачу изъ алгебры рѣшить“.

— Какую задачу?

— Да видите ли,—началъ объяснять В—чъ.—Требуха... Это мы математика Требухой дразнимъ... Такъ вотъ, говорю, онъ ее еще въ январѣ задалъ. А мы не рѣшили. Сталъ Требуха самъ рѣшать. Всѣ доски мѣломъ исписалъ, а толку не добился. Послѣ звонка схватилъ журналъ да поскорѣй изъ класса. — А какъ же, спрашиваемъ его, задача? — Ну, теперь, говорить, пустяки остались: къ слѣдующему уроку вы ее дома докончите...

В—чь засмѣялся:

— Все равно, какъ въ сказкѣ солдатъ изъ топора кашу сварилъ: крупу поѣлъ, а топоръ, говоритъ, бабушка, сама завтра довари... Мы, конечно, опять не рѣшили... Сказали Требухѣ, а онъ говоритъ: теперь мнѣ некогда — къ слѣдующему уроку попробуйте дома рѣшить. Такъ мы его до конца года этой задачей допекали, а онъ ее все къ слѣдующему уроку задавалъ... И на каникулы вмѣстѣ съ другими задачами задавъ.

— И вы ее хотите непременно рѣшить?—спросилъ я.

— Любопытно бы, какъ она въ самомъ дѣлѣ рѣшается,—отвѣтилъ В—чь.

Задачу намъ удалось рѣшить, и В—чь былъ, повидимому, очень доволенъ.

— Держись теперь, Требуха!—говорилъ онъ, смѣясь и пряча исписанную бумагу.—Я же тебѣ докажу!..

— Ничего вы не докажете,—замѣтилъ я.—Вашихъ каникулярныхъ тетрадокъ онъ, навѣрное, читать не станетъ...

— Что вы! что вы!—засмѣялся В—чь и даже руками замаяхалъ.—Дуракъ я развѣ, что стану въ тетрадку рѣшеніе писать! Мы-то ему скажемъ, будто опять не рѣшили. И опять будемъ допекать, пока не надойдетъ. Впередъ ему наука — не задавая трудныхъ задачъ...

Два года спустя, въ октябрѣ, я попалъ учителемъ въ Д... городское училище. Тамъ была классная система преподаванія, т. е. учитель долженъ заниматься въ одномъ только классѣ, но по всѣмъ предметамъ. На первомъ же урокѣ ариметики, ученики заявили мнѣ, что имъ еще Иванъ Алексѣевич (мой предшественникъ) задалъ задачу...

— Какую задачу?

— А вотъ №...

— Когда-жъ вамъ ее задали?

— Да въ первый-то разъ еще въ августѣ. А потомъ все къ слѣдующему уроку... Такъ мы ее и до сихъ поръ не рѣшили.

Иначе говоря, новому учителю классъ предложилъ подвергнуться тому же экзамену, на которомъ срѣзался „старый“.

Разумѣется, не совсѣмъ удобно для учителя математики обиваться и запутываться, объясняя ученикамъ, напр., геометрическую теорему; или, доказывая въ классѣ ту же теорему, минутно заглядывать въ учебникъ: хотя бывають и такіе случаи. Но даже болѣе свѣдущій въ своемъ предметѣ школьный математикъ порою попадаетъ впросакъ: задалъ второпяхъ нѣсколько задачъ, а въ число ихъ попадетъ и такая, которую онъ и самъ не рѣшить. Въ сущности, ничего очень зазорнаго въ этомъ нѣтъ. Многія задачи въ нынѣшнихъ учебникахъ правильнѣе бы отнести въ область спорта, а не науки. Онѣ построены слишкомъ условно, и требуютъ чисто парадныхъ методовъ рѣшенія.

Рѣшить или не рѣшить задачу-шараду—вопросъ спортивнаго самолюбія. Тѣмъ болѣе странно: учитель, чтобъ разгадать головоломную задачу, сплошь и рядомъ обращается за помощью къ своимъ коллегамъ или къ „воровскимъ сборникамъ“, а въ крайнемъ случаѣ задаетъ ее безъ конца „къ слѣдующему уроку“. Ученикъ же, не рѣшившій задачи, получаетъ двойку, а уличенный въ укрывательствѣ „мошеннической литературы“ по математикѣ подвергается болѣе или менѣе суровой дисциплинарной карѣ.

Изъ учителей „предметовъ памяти“, т. е. исторіи, географіи, естествовѣдѣнія и т. д., я знаю только одного г. И—каго, который имѣлъ мужество начать свой первый урокъ естественной исторіи въ В—ой учительской семинаріи такою приблизительно рѣчью:

— А что, господа, умѣете вы галку отъ вороны отличить? Вотъ и хорошо, что умѣете. А я не умѣю. Да вы не смѣйтесь. Ничего тутъ смѣшного нѣтъ. Ибо такъ ужъ премудро устроено, что въ учительскихъ семинаріяхъ исторію, географію и естествовѣдѣніе полагается одному учителю преподавать. Будь на моемъ мѣстѣ естествовѣдъ, онъ ничего не смыслилъ бы въ исторіи. А такъ какъ я историкъ, то ничего не смыслю въ естествовѣдѣніи. Поняли? Поэтому буду я учиться вмѣстѣ съ вами. Но вы больше моего знаете, и потому мнѣ помогайте и, коли совру, подсказывайте... За однимъ разомъ, чтобъ ужъ не возвращаться, скажу и объ исторіи. Историкъ я это безспорно. Домосковскую Русь знаю лучше васъ. Эпоху Карла Великаго тоже знаю. А во всемъ остальномъ могу шибко напутать. То же и на счетъ географіи. Среднюю Азію я случайно изучалъ и недурно знаю. Но по нѣмой картѣ указывать не пробовалъ—пожалуй, собоюсь. На счетъ же всего остального у меня багажъ не важный. Москву, конечно, покажу, и чѣмъ она замѣчательна—знаю. И что въ Московской губ. есть города Серпуховъ и Клинь—тоже знаю: по желѣзной дорогѣ мимо проѣзжалъ. Но сколько въ Германіи великихъ и малыхъ герцогствъ, и какъ они называются—сказать не умѣю. Такъ что вы мнѣ всякое лыко въ строку не ставьте. А я, съ своей стороны, вамъ обещаю, что зубрить буду здорово и постараюсь учебники выучить поскорѣе.

Тотъ же И—скій въ послѣдствіи въ В—скомъ учительскомъ институтѣ откровенно заявилъ ученикамъ:

— Кромѣ исторіи и географіи, на меня возложили преподавать космографію. Науки этой я никогда не зналъ, и теперь не знаю. А штудировать ее мнѣ некогда. Поэтому вполнѣ полагаюсь на вашу совѣсть: учите космографію сами, какъ знаете. На экзаменахъ же я о ней спрашивать не стану. Если же кто, паче чаянія, предложитъ вопросъ, не смущайтесь. Отвѣтайте только бойчѣе, увѣреннѣе. Коли ужъ очень явной глупости не скоро-

зите, передъ бойкимъ, увѣреннымъ отвѣтомъ нашъ братъ, учитель, пасуетъ.

Надо отдать справедливость И—скому: слово свое онъ держалъ крѣпко, и учебники по исторіи и географіи вы зубрилъ, дѣйствительно, „здорово“. Но даже онъ начиналъ урокъ традиціонною учительскою фразою:

— Дайте книжку.

— Ничего не подѣлаешь,—оправдывался И—скій.—И зубрить я гораздъ. И память у меня, безъ похвалы скажу, крѣпкая. А улетучивается оно изъ головы. Безъ учебника на урокъ, какъ безъ рукъ... Слушаешь ученика, или самъ рассказывать станешь—гдѣ, кромѣ учебника, въ сомнительныхъ случаяхъ, справиться?

Дѣйствительно, И—скій зналъ свой предметъ настолько, что могъ лишь „справляться“. Другіе на его мѣстѣ просто слѣдятъ по учебнику за отвѣтомъ ученика. И такъ же просто глядятъ въ учебникъ, когда объясняютъ „новый урокъ“. Третьи—болѣе самолюбивые—заглядываютъ на урокъ въ книжку исподтишка, „глаза запускаютъ“, какъ нѣсколько вульгарно выражаются о такихъ учителяхъ ученики. Четвертые—очень самолюбивые—зубрятъ уроки дома, и, что плохо запоминается, заносятъ для памяти въ записную книжку, которая и служитъ для нихъ класснымъ пособіемъ. Даже тотъ маньякъ, искоренитель мошенничества, что заставлялъ учениковъ руки показывать и пояса разстегивать, имѣлъ въ своемъ журналѣ узенькую тетрадку изъ очень тонкой бумаги, гдѣ кабалистическими знаками изображалась „хронологія“ и какія то еще свѣдѣнія. Учитель, который вполнѣ знаетъ обязательный для ученика учебникъ, надо полагать, большая рѣдкость. По крайней мѣрѣ, я такого не встрѣчалъ. Вмѣстить въ головѣ все море частныхъ, какими наполняетъ свою книжку каждый школьный авторъ,—идеаль, коего многіе пытаются достичь, но, кажется, никто еще не достигъ.

Я далекъ отъ мысли обвинять учителей въ поголовномъ невѣжествѣ. Среди нихъ, несомнѣнно, есть люди образованные, которые знаютъ свой предметъ и любятъ его. Но разсуждая о толстовскихъ программахъ, безусловно необходимо напомнить два обстоятельства:

1) память человѣческая не одарена безграничною вмѣстительностью,

2) и потому частности и мелочи она выбрасываетъ вонъ при первомъ удобномъ случаѣ.

И только совокупность особыхъ причинъ заставляетъ требовать отъ ученической головы, чтобы она вмѣстила то, чего не могутъ вмѣстить сами учителя всѣ вообще и каждый по своей специальности.

VII.

Къ началу девяностыхъ годовъ учителя русскаго языка, по М—скому учебному округу, переживали безпокойное время: окружной инспекторъ Н., видимо, не на шутку рѣшилъ „упорядочить ореографію“. Говорили объ Н., что человѣкъ онъ въ сущности добрый, но имѣетъ два недостатка. Во-первыхъ, въ молодости былъ нѣсколько косноязыченъ, а подъ старость сталъ шамкать, такъ что нужна привычка, чтобъ разобрать или догадаться, о чемъ онъ говоритъ. А во вторыхъ, Н.—большой поклонникъ диктовокъ, которыя сочиняетъ самъ и диктуетъ тоже самъ.

Въ первую его ревизію диктовки получились, какъ и слѣдовало ожидать, „ужасныя“. Въ интересахъ служебной репутаціи, учителя стали „практиковать“ учениковъ въ особенныхъ диктантахъ, которые кое-гдѣ, чуть ли не изъ простой вѣжливости, называются „фонетическими“. Употребляются они, сколько я могъ замѣтить, чаще всего въ министерскихъ двухклассныхъ училищахъ. А чтобъ объяснить, что это такое, приведу общезвѣстный отрывокъ изъ „Евгенія Онѣгина“, какъ его надо продиктовать „фонетически“ (паузы учителя обозначая многоточіемъ):

„Древняя гдѣ... Скучалъ Евгеній... Была прелесная... Угалокъ тамъ... Дружъ невинныхъ... Наслаждени благославить бы небо... Мою гаспоцѣи домъ... Удивленный гарой... Атъ вѣтравъ агражденная... Стаялъ надъ рѣчкаю вдали... Пистрѣли и цвѣли луга“ etc.

Цѣль „фонетическаго“ диктанта—скрыть знаки препинанія и вообще сбить ученика съ толку, или, точнѣе, подготовить къ ревизіи. Отъ учениковъ я слышалъ другое названіе такому способу диктовать, но оно не можетъ быть оглашено въ печати.

О нѣсколькихъ учителяхъ, которые старались окружному инспектору угодить, говорили, что они диктовали такъ же, какъ Н. т. е. шамкали и шепелявили. Разумѣется, имъ пришлось предварительно внушить ученикамъ, что смѣяться не слѣдуетъ, такъ какъ это нужно для дѣла и общей пользы.

Черезъ 3—4 года стало извѣстно, что Н. каждый разъ во всѣхъ училищахъ даетъ одну и ту же диктовку. Не берусь судить, какъ это открытіе принято было въ другихъ мѣстахъ, но въ гор. В. ему очень обрадовались и къ ревизіи начали учениковъ готовить способомъ болѣе легкимъ, нежели фонетическая диктовка.

Передъ пріѣздомъ Н. ученики писали „реvisorовъ“ диктантъ. Учитель его исправлялъ и возвращалъ для переписки набѣло. Затѣмъ онъ исправлялся вторично, и учитель русскаго языка говорилъ ученикамъ такую, примѣрно, рѣчь:

— Такого-то числа наше училище посѣтитъ дѣйств. стат. сов. N. Онъ будетъ диктовать вамъ то же самое. Надо, чтобы вышло у васъ лучше. Поэтому вы диктовку перепишите еще разъ набѣло, да постарайтесь, потому что N. большое вниманіе на каллиграфію обращаетъ. Постарайтесь также, чтобы не было ошибокъ. И чтобы къ приходу окружного инспектора у васъ это лежало въ столахъ. А когда онъ продиктуетъ, такъ вы написанное подѣ его диктовку, того... спрячьте въ столъ. А это ему отдайте. Поняли? Да осторожнѣе надо дѣлать.

Съ общаго вѣдома и согласія такъ велось нѣсколько лѣтъ. И нужно полагать, что соотвѣтственные мѣры принимались не только въ Б. По крайней мѣрѣ, N. хвалился учителямъ:

— Если бѣ вы знали,—говорилъ онъ,—что я засталъ! Ужасъ! Въмѣсто письменныхъ работъ, мнѣ тарабарщину какую-то подавали... Повѣрите ли—въ диктовкахъ, бывало, ни одного правильного слова! А теперь каллиграфія отличная; ореографія не оставляетъ желать лучшаго. Положительно, нашъ округъ за послѣднее время по успѣшности въ русскомъ языкѣ занялъ первое мѣсто.

Такъ какъ учителя разными путями своевременно получаютъ вѣсти, когда пріѣдетъ ревизоръ, то „нашему округу“ ничто не препятствовало занимать „передовое мѣсто“, кабы въ Б.скомъ городскомъ училищѣ не оплошалъ ученикъ Р—нъ: онъ вручилъ инспектору оба листа: и только что написанный, и заранѣе приготовленный... Къ счастью для учителей, онъ оказался парнемъ тихимъ и очень послушнымъ. Когда его вызвали на допросъ, онъ упорно молчалъ.

— У тебя въ М.,—подсказалъ кто-то изъ учителей,—товарищи учатся?

— Да, учатся,—покорно согласился допрашиваемый.

— Не они ли тебѣ прислали?

— Да, они прислали...

— А ты, значитъ, переписалъ, чтобы безъ ошибки было?

— Да, я переписалъ...

— А какъ онъ по русскому языку учится?—спросилъ N.

— Плохо—отвѣтилъ учитель,—на двойку.

— Это и видно,—согласился N.—на одномъ листѣ его работа очень плоха, а на другомъ вполнѣ прилично написано.—Ай-ай-ай, такой мальчикъ, и такъ безнадежно испорченъ!..

Вообще ревизоры, вродѣ N., страшны лишь въ первое время, пока къ нимъ не привыкнешь и не узнаешь, какой именно отдѣлъ программы они „возобновляютъ въ памяти“ передъ поѣздкой на ревизію. Изберетъ ли такой ревизоръ исторію, или географію, или математику,—вначалѣ онъ поражаетъ учениковъ и подавляетъ учителей необыкновенною освѣдомленностью, тщательно входитъ во всѣ мелочи и детали, не пропускаетъ ни одного года, ни

одного собственнаго имени. Первая ревизія заканчивается для учителей довольно плачевно. Но загладить первое невыгодное впечатлѣнiе, обыкновенно, большого труда не составляетъ: стоитъ лишь узнать, изъ какихъ, приблизительно, учебниковъ ревизоръ запасается ученостью передъ поѣздкою. Ревизорамъ, какъ и всѣмъ смертнымъ, свойственно экономить свои силы. Потрудившись одинъ разъ, положимъ, надъ войнами за испанское наслѣдство, они и въ будущую поѣздку отправляются съ тѣми же войнами, но, конечно, повторивши ихъ. Черезъ 2—3 года ученики прекрасно отвѣчаютъ на всѣ вопросы, которые относятся къ испанскому наслѣдству. Ревизоръ доволенъ, ибо видитъ, что, благодаря его трудамъ, достигнуты поразительные успѣхи. Учителя получаютъ благодарность и тоже довольны.

Гораздо опаснѣе начальство, которое имѣетъ привычку отправляться на ревизію безъ подготовки, налегкѣ. Во-первыхъ, никакъ нельзя предугадать, что ему придется въ голову спрашивать. Во-вторыхъ, неподготовленный ревизоръ, по необходимости, держится общихъ вопросовъ. Напримѣръ, на урокъ географіи онъ потребуетъ объяснить, отчего въ Донской области, не смотря на близость моря, климатъ сухой? на урокъ исторіи—въ чемъ сказалось вліяніе культуры египетской и греческой на культуру римскую? На урокъ Закона Божія...

— Извольте начальству угодить,—жаловался мнѣ законоучитель М—аго городского училища. — Приходить въ классъ его превосходительство. „Продолжайте, говорить, урокъ“. Хорошо, продолжаю. Четвертая заповѣдь была задана. Дѣти, слава Богу, хорошо выучили, отвѣчаютъ безъ запинки. Только вдругъ его превосходительство спрашиваетъ: „А кто, говоритъ, правильнѣе день субботній чтить—евреи, или мы, православные христіане?“ Дѣти на меня смотрятъ—покажи, дескать, хоть знакомъ, какъ отвѣтить надо. А что я покажу? Спроси онъ по настоящему: „кто, молъ, правильнѣе четвертую заповѣдь понимаетъ?“ Другое бы дѣло. А тутъ какъ разсудить? Ежели съ правоучительными цѣлями вопросъ заданъ, надо отвѣтить: евреи, потому что мы, христіане, отъ праведнаго житія уклонились. А ежели съ апологетическими, преимущество на сторонѣ православія должно быть. Пока я размышлялъ, Веревкинъ—какъ на грѣхъ, хорошій ученикъ—поднялся: и говоритъ: „евреи субботній день правильнѣе чтутъ“. Взглянулъ я на генерала—эхъ, думаю, не въ ту точку мы съ тобою, братъ Веревкинъ, попали!..

— Что ты, что ты?—говорю.—Разскажи изъ Новаго Завѣта объ исцѣленіи сухорукаго... Веревкинъ-то поправился. А его превосходительство всетаки недовольство выразилъ: „желательно, говорить, чтобы хоть лучшіе ученики духъ христіанства понимали. Надо бы, говорить, съ ними почаще бесѣдовать объ этомъ“... Легко сказать! У меня, сами знаете, сколько работы. Катихизисъ пройди—разъ. По-

втори его—два. Богослужение—три. Церковная история—четыре. Ветхий и Новый Завет—пять. Молитвы—шесть. И на все это въ выпускномъ отдѣленіи 70 уроковъ. Въ пору ли тутъ казуистикой заниматься? Пошли Богъ силы программу выполнить...

Сколько я могъ замѣтить, учителя вообще не любятъ, если ревизоръ требуетъ „развитія“:

— Есть когда намъ,—говорятъ они,—развитіями заниматься. Одакъ-то легко—пріѣхалъ, поболталъ на общіе вопросы и уѣхалъ. А ты побывай-ка въ нашей шкурѣ!..

Съ своей стороны и ревизоры, которые „болтаютъ на общіе вопросы“, учителями рѣдко довольны. Да оно и понятно: они требуютъ отъ толстовской школы невозможнаго и невыполнимаго.

Гораздо лучшее впечатлѣніе оставляютъ по себѣ ревизоры дѣловскаго характера. Такимъ былъ, между прочимъ, директоръ народныхъ училищъ М—ой губ. г. Н—кій. Ревизовать онъ выѣзжалъ тоже „налегкѣ“, безъ „подготовки“, за то и съ вопросами обращался исключительно къ учителямъ:

— Что задано? Чей учебникъ? Кто сдѣлалъ на стѣнѣ чернильное пятно? и т. д.

Просидѣвъ на урокъ минутъ 15—20, Н—кій бралъ классный журналъ, смотрѣлъ отмѣтки, записъ пройденнаго и уходилъ ревизовать другого учителя.

На большой переѣмнѣ онъ высказывалъ свои замѣчанія:

— Изъ вашего журнала, — говорилъ Н—скій одному, — я вижу, что программа вами закончена. Прекрасно. Къ февралю вообще слѣдуетъ курсъ заканчивать. Мартъ, апрѣль — повтореніе. Май—экзамены. Совершенно правильное распредѣленіе года. Письменные работы вы задаете не большія, но часто. Тетради опрятны. Пишутъ ученики старательно. Видна система подчеркивать орфографическія ошибки двумя чертами, синтаксическія одной. Хорошо также, что отмѣчаются числа, когда работа задана, и когда вами исправлена. Одобряю внимательное отношеніе къ журналу: отмѣтки выставляются часто. Благодарю васъ.

— А васъ, — обращался Н—скій къ другому учителю, — не могу одобрить. Уже февраль, а вы на имени прилагательномъ сидите. Когда же будетъ пройдено остальное? Курсъ скомканъ, годъ потерянтъ. Потомъ — въ вашихъ тетрадкахъ подъ всѣми работами стоитъ какой-то „см.“. Что это значитъ?

— Значить — смотрѣлъ...

— Кто, когда?

— Когда ученики напишутъ, я смотрю.

— Сразу за полгода?

— Зачѣмъ за полгода? Каждую работу своевременно.

— Я этого не вижу. Вы не датируете своихъ отмѣтокъ. Зачѣмъ, что это за отношеніе къ дѣлу? Въ вашемъ журналѣ нѣтъ записи уроковъ...

Нѣсколько часовъ Н—скій тратилъ въ каждомъ городскомъ училищѣ, чтобы обревизовать канцелярію, и горе инспектору, если какая либо изъ книгъ оказывалась не въ порядкѣ! Суровыя замѣчанія слѣдовали, если Н—кій замѣчалъ пыль, паутину, если въ библиотечномъ шкафу на мѣстѣ каждой взятой книги не находилось бумажки съ надписью, кѣмъ она взята и когда. Норовилъ онъ пріѣхать въ училищѣ во время общей молитвы передъ уроками. Учитель, не присутствовавшій на молитвѣ, или оказавшійся не въ формѣ, въ цвѣтномъ галстухѣ, или пестрыхъ брюкахъ, могъ жестоко поплатиться.

Первые два года Н—скій нагонялъ на своихъ подчиненныхъ оторопь. Потомъ къ нему привыкли, приспособились; онъ сталъ всюду находить образцовый порядокъ. И могъ съ полнымъ правомъ сказать:

— Благодаря моимъ трудамъ, учебная часть во вѣренной мнѣ дирекціи поставлена образцово.

И, дѣйствительно, учителя съ трогательною заботливостью охраняли Н—скаго отъ обидныхъ разочарованій. Самъ того не вѣдая, онъ находился подъ весьма бдительнымъ негласнымъ надзоромъ. Около него находился „вѣрный человекъ“, который увѣдомлялъ учителей заблаговременно, когда директоръ думаетъ выѣхать. За его проѣздомъ слѣдили станціонные телеграфисты. О томъ, что прибылъ, немедленно сообщали хозяева гостиницы...

— Стало быть, директоръ скоро пріѣдетъ? — спросили меня какъ-то ученики Д—скаго городского училища.

— Почему же это „стало быть“?

— А Ѳедоръ Ѳедоровичъ ужъ два урока въ журналѣ все пишетъ, — отвѣтили ученики. — И тетрадки отобралъ — не иначе, какъ для того, чтобъ баллы и числа поставить...

Передъ пріѣздомъ Н—скаго, работа закипала спѣшная: тетради „датировались“, графы заполнялись отмѣтками, „пройденное“ записывалось въ журналы, канцелярія приводилась въ порядокъ, учителя, не полагаясь на бдительность станціонныхъ телеграфистовъ, нѣсколько дней подрядъ, въ полномъ составѣ и полной формѣ приходили на общую молитву, библиотечныя полки украшались бумажками съ надписями. Н—скій находилъ все въ томъ видѣ, какой соответствовалъ его вкусамъ и желаніямъ.

Упомяну вскользь, какъ готовились въ Б—скомъ городскомъ училищѣ къ пріѣзду старика директора Б—скаго. Б—скій спрашивалъ „развитія“, но имѣлъ слабость — чрезвычайно интересовался физическими опытами. Поэтому специально для него въ физическомъ кабинетѣ заготовлялось что-нибудь сложное и, по возможности, новое. Б—скій охотно шелъ на приманку, и у него не оставалось времени „заглянуть“, — какъ выразился гоголевскій Лука Лукичъ, — въ классы.

Конечно, отъ учениковъ не ускользало волненіе учителей,

получившихъ вѣсть о скоромъ прїѣздѣ директора. Ни мало не стѣняясь, они говорили:

— Иосифъ Козьмичъ (учитель физики) опять за опыты взялся. Значить, ревизора ждетъ...

Но какія бы мѣры ни принимать противъ ревизоровъ, они свое дѣло дѣлаютъ. Благодаря имъ, программу надо выполнять въ точности и быть такъ или иначе „на чеку“. Какою бы мелочью ни казалось подробное описаніе крыльевъ крапивницы, напр.,—но и эту мелочь надо пройти: а вдругъ—кто можетъ поручиться? — нагрянетъ ревизоръ неожиданный, который именно на крапивницу и обратитъ сугубое вниманіе.

VIII.

Im wunderschönen Monat Mai кого изъ учителей не беспокоитъ серьезный вопросъ:

— А что-то дадутъ экзамены? Какъ-то отвѣтять ученики? Будетъ ли „спасень процентъ“?

Заботливые люди „спасаютъ процентъ“ съ самаго начала учебнаго года, вызывая родителей на объясненіе, т.-е. для того, чтобы сказать:

— Вашъ сынъ учится плохо. Ему необходимо взять репетитора.

Но даже и безпечному человѣку трудно не волноваться, когда наступаетъ четвертая, роковая четверть. Успѣхи, при самой снисходительной оцѣнкѣ, оказываются далеко не блестящими. Несмотря на подсказываніе и на разныя другія уловки, ученики „врутъ“ безбожно: существительныя спрягаютъ, глаголы склоняютъ, Генриха французскаго смѣшиваютъ съ Генрихомъ германскимъ, зубныхъ формулъ не знаютъ. Объ заставляютъ течъ въ Индійскій океанъ и т. д., и т. д. А между тѣмъ, хочется, чтобы успѣвающихъ учениковъ было больше нормы, т.-е. $66\frac{2}{3}\%$. Значить, надо вывести годовыя отмѣтки щедрѣе. Однако, простая осторожность заставляетъ не быть щедрымъ до крайнихъ размѣровъ, дабы не вызвать у начальства подозрѣнія, у коллегъ — насмѣшки. Кому же изъ очень многихъ недостойныхъ и плохо подготовленныхъ поставить двойку?

Первыми жертвами процентной политики падаютъ, обыкновенно, такъ называемые „тупицы“—порода особенная, которую врядъ ли основательно смѣшивать съ нѣмецкими Schwachsinnig-schüller'ами. Schwachsinnig-schüller, какъ замѣтное социальное явленіе, мыслимъ лишь при обязательномъ обученіи, котораго у насъ нѣтъ. Наши училища берутся съ бою. Повсемѣстные конкурентные экзамены, безъ которыхъ не обходятся даже начальныя школы, слишкомъ мало благопріятствуютъ слабоумнымъ дѣ-

тѣмъ попасть въ число учениковъ. Правда, иногда ребенокъ, который успѣшно одолѣлъ своихъ конкурентовъ на экзаменѣ, черезъ нѣсколько лѣтъ въ школѣ дѣлается тупицею. Но отсюда не слѣдуетъ, что причину надо искать въ природномъ слабоуміи.

Отъ обобщеній и выводовъ воздержусь, но расскажу вкратцѣ, что знаю, объ одномъ типичномъ тупицѣ, котораго я наблюдалъ въ Б—скомъ городскомъ училищѣ. Фамилія его Сусловъ. Сидѣлъ онъ въ пятомъ отдѣленіи. Было ему лѣтъ 16. Съ виду казался сумрачнымъ, подавленнымъ, но, по наружности, слабоумнымъ его едва ли можно было назвать. Въ первый разъ на моемъ урокѣ онъ началъ замѣтно, волнуясь, но вполнѣ осмысленно говорить о персидскихъ царяхъ, и вдругъ перескочилъ на какіе-то тычинки и пестики, кажется, крапивы.

— Сусловъ!—остановилъ я его.

Онъ вадрогнулъ и замолчалъ.

— Съ нимъ это случается,—стали мнѣ объяснять ученики.— Намедни по геометріи рассказывалъ Пиеагорову теорему, такъ гипотенузу называлъ Геклой, а катеты — Краблой... Онъ у насъ шибко учить, да только нынѣшнее съ третьегоднішнимъ смѣшивается.

Я познакомился съ семьею Суслова. Его старшій братъ, по рассказамъ матери, учился хорошо. Младшія сестры тоже четверки изъ гимназіи приносятъ.

— Только вотъ одинъ Ваня у меня такой,—говорила мать.— Знаете, каждая ворона свое дитя хвалить. Я вамъ по совѣсти, безъ материнскихъ нѣжностей, скажу: не дуракъ вѣдь онъ, Ваня-то. Право, не дуракъ. Черезъ собственное упрямство онъ у меня пропадаетъ.

— Какое же упрямство?

— А вотъ какое. Вы меня извините, на чистоту буду говорить. Учеба-то нынче мудреная пошла. Нельзя, чтобъ все на-прямки, грудью брать. Иной разъ и на хитрости пуститься нужно. Старшій-то сынъ у меня ловекъ по этой части былъ. И дѣвочки тожь—ничего, умѣютъ. А Ваня не можетъ. Раньше-то, бывало, товарищи говорятъ ему: „Ну, что тебѣ, Сусловъ, надъ задачами надрываться? На-ка тетрадку, спиши“... Нѣтъ, вишь, не хочу, ночь, говорить, просижу, а своего добьюсь... Ну, вотъ и добился, и попалъ на дурацкую линію. Въ первые-то годы онъ у меня четверки да пятерки приносилъ. Два похвальныхъ листа имѣетъ. А потомъ наука сложнѣе пошла. Въ третьемъ отдѣленіи на второй годъ застрялъ. Съ тѣхъ поръ онъ все во второгодникахъ состоитъ, а ночи напролетъ сидитъ. Ужъ не придумаю, право, что мнѣ съ нимъ дѣлать...

Впослѣдствіи ученики подтвердили слова матери: Сусловъ, дѣйствительно, не могъ брать „хитростью“.

— Мы ему и подсказывать пробовали, — говорили они, — и записки подбрасывали... Не умѣть... Одинъ разъ ему прямо на столъ разогнутую книжку положили. Такъ онъ покраснѣлъ, смѣшался... Съ тѣхъ поръ мы его ужъ не трогаемъ.

И характерно: сколько мнѣ ни приходилось видѣть учениковъ „тупицъ“, всѣ они безусловно не умѣли обманывать учителей, а если и пытались это дѣлать, то у нихъ выходило очень плохо. Неумѣнье обманывать свойственно, впрочемъ, иногда и взрослымъ. Не нужно быть воромъ, чтобы шутя вытащить у хорошаго знакомаго изъ кармана носовой платокъ. Но есть люди, которые даже въ шутку украсть не могутъ. Происходить ли это отъ тупоумія, или отъ другихъ причинъ, — мнѣнія, очевидно, могутъ быть разными.

Но учителю, спасающему процентъ, разсуждать некогда. Тупицы получаютъ годовую двойку. Той же участи подвергается нѣсколько „лѣнтыевъ“. Для остальныхъ, получившихъ удовлетворительныя отмѣтки и намѣченныхъ къ переводу или выпуску, наступаетъ пора окончательной подготовки къ экзамену. Способы подготавливать крайне разнообразны. Учитель русскаго языка В—скій, въ В—городскомъ училищѣ, практиковалъ, напр., нѣчто вродѣ репетицій: ученики, по одному, выходили на середину класса, „какъ бы на экзаменѣ“. В—скій давалъ каждому какой-либо отрывокъ для грамматическаго разбора, задавалъ вопросы. Репетиція имѣла очень серьезный характеръ, такъ какъ экзаменъ въ точности съ нею совпадалъ. Ученику оставалось лишь запомнить назначенный ему отрывокъ и вопросы, какіе будутъ предложены на экзаменѣ. Затѣмъ В—скій „размѣчалъ билеты“, т.-е. говорилъ о славянской, напр., грамматикѣ:

— Первое, второе и третье склоненія существительныхъ войдутъ во второй билетъ. *Обратите особенное вниманіе на двойственное число.* Склоненія прилагательныхъ составить седьмой билетъ. *Обратите особенное вниманіе на творительный и родительный падежи.* Спряженіе правильныхъ глаголовъ — пятнадцатый билетъ. *Обратите особенное вниманіе на аористъ и давно-прошедшее время...*

Это и значило, что собственно должно вызубрить къ экзамену.

За 3—4 дня до „письменныхъ испытаній по русскому языку“ къ В—скому „всѣ желающіе“ ученики выпускнаго класса могли приходиться для послѣдней, заключительной бесѣды. Для этой цѣли классъ выбиралъ тѣхъ, кто побойчѣе и одаренъ способностью писать быстро и четко. В—скій говорилъ съ ними и о прошедшемъ, и о будущемъ, но каждый годъ неизмѣнно въ самый разгаръ бесѣды его кто-либо вызывалъ въ сосѣднюю комнату, и тамъ „задерживалъ“ никакъ не меньше 10—15 минутъ. А тѣмъ временемъ ученики переписывали заботливо лежащіе на столѣ списки экзаменаціонныхъ диктантовъ и темъ. Потомъ В—скій возвращался,

вновь бесѣдоваль... Конечно, на завтра каждый классъ знаетъ, кому какая тема назначена.

Законоучитель М—каго городского училища употреблялъ другой приемъ. Билеты имъ также „размѣчались“, а сверхъ того, онъ приказывалъ ученикамъ въ день экзамена придти пораньше, „чтобы ознакомиться съ программой“. И, дѣйствительно, часовъ въ 8 утра ученики получали совершенно неинтересную для нихъ программу, но въ ней бумажки съ цифрами, т. е. тѣ именно „билеты“, которые будутъ разложены на экзаменаціонномъ столѣ. Съ ними ученики „знакомились“, и на экзаменѣ каждый бралъ знакомую бумажку съ цифрой.

Другой законоучитель, о. Дмитрій (К—ая учительская семинарія), ни къ „размѣткамъ“, ни къ другимъ вспомогательнымъ средствамъ не прибѣгалъ. Это былъ суровый и взыскательный человѣкъ. Ученическое „мошенничество“ преслѣдовалъ онъ безпощадно. Бывая ассистентомъ на чужихъ экзаменахъ, онъ все время глядѣлъ туда, гдѣ полагалось сидѣть ученику, уже вызванному и обдумывающему свой билетъ. Но на собственномъ экзаменѣ Закона Божія онъ никогда не забывалъ сѣсть къ этому мѣсту спиной и ни разу на него не оглянуться.

Мой сослуживецъ Б—нъ (К—ое уѣздное училище) устраивался гораздо проще: его ученики заранѣе знали, что на экзаменѣ будетъ тотъ диктантъ, который два раза подрядъ продиктованъ, и то сочиненіе, которое въ теченіе года велѣно написать не въ тетрадь, а на отдѣльныхъ листахъ.

Противъ такого рода „подготовокъ“ относительно среднихъ учебныхъ заведеній приняты мѣры рѣшительныя. Экзаменаціонныя темы для письменныхъ работъ составляютъ тайну учебнаго округа. Онѣ рассылаются въ запечатанныхъ конвертахъ. Вскрыть ихъ только можно передъ самымъ экзаменомъ въ присутствіи учительской корпораціи, въ одинъ и тотъ же день и часъ по всему округу (дабы не было телеграфныхъ передачъ). Мѣры эти, однако, скорѣе затрудняютъ „подготовку“, но вовсе не устраняютъ ее. Какъ заблаговременно написать сочиненіе на окружающую тему, которая неизвѣстна и хранится въ запечатанномъ конвертѣ,—искусство сложное и требующее специальныхъ знаній. Приведу лишь одинъ рецептъ, который былъ напечатанъ въ „Русской Школѣ“.

— Заставьте—совѣтуетъ болѣе опытный учитель менѣе опытному—учениковъ написать три отвлеченныхъ сочиненій: одно о пользѣ труда и знаній, другое о значеніи нравственнаго и религіознаго въ жизни человѣка, третье о патріотизмѣ. Здѣсь можно воспользоваться Карамзинымъ. Затѣмъ, исправивъ, какъ слѣдуетъ, эти сочиненія, заставьте учениковъ выучить ихъ наизусть, безъ ошибки. Какая бы ни была прислана на экзаменъ тема, ученики должны свести ее такъ или иначе на эти три основные мотива.

Тутъ все искусство только въ томъ, чтобы ученикъ сумѣлъ отъ заданной ему темы незамѣтно перейти къ одному изъ выученныхъ имъ сочиненій. Успѣхъ обезпеченъ. Рецензенты напишутъ: „хотя ученикъ значительно отступилъ отъ данной темы и вначалѣ сдѣлалъ нѣсколько логическихъ промаховъ, тѣмъ не менѣе въ дальнѣйшемъ изложеніи вполне обнаружилъ умѣнье писать грамотно и связно и высказалъ весьма дѣльные мысли“... И поставятъ ему, конечно, не менѣе трехъ балловъ, а это все, что требуется.

Шутка ли этотъ рецептъ—судите сами:

Онъ сдѣлался достояніемъ гласности въ апрѣлѣ 1895 г. Недѣли двѣ спустя, въ гимназіяхъ Харьковскаго, напр., учебнаго округа была предложена для экзамена на аттестатъ зрѣлости слѣдующая тема „сочиненія по русскому языку“:

„О Ахиллъ, о мой родитель
(Возгласилъ Неоптолемъ),
Быстрый міра посѣтитель —
Жребій лучший взялъ ты въ немъ.
Жить въ любви племенъ дѣлами —
Благо первое земли.
Будемъ вѣчны именами
И сокрытые въ пыли,
Слава дней твоихъ негнѣнна;
Въ пѣсняхъ будетъ жить она:
Жизнь живущихъ не вѣрна,
Жизнь отжившихъ неизмѣнна.

Въ сущности это—тема элегическая, хотя, конечно, быть можетъ, удобнѣе соловью запѣть въ когтяхъ у кошки, нежели абитуриенту подъ страхомъ двойки сочинить элегію. Но вполне отъ ученика зависитъ, какъ написать сочиненіе такого свойства.

Онъ можетъ начать:

„В. А. Жуковский, какъ всегда, правъ: именно надо „жить въ любви племенъ дѣлами“... (дальше слѣдуетъ заранѣе выученное о патриотизмѣ).

Или:

„Какъ много смысла въ этихъ немногихъ словахъ: „будемъ вѣчны именами и сокрытые въ пыли“. Но что дѣлаетъ имя человека вѣчнымъ? Во-первыхъ, трудъ, окрыленный знаніями, и во-вторыхъ, опять таки трудъ, окрыленный знаніями. Значеніе труда и знаній и т. д.

Съ такимъ же точно правомъ можно писать:

„Воистину—только „жизнь отжившихъ неизмѣнна“. Эту великую мысль открываетъ намъ религія“ (слѣдуетъ исправленное учителемъ сочиненіе о религіозномъ и нравственномъ).

Впрочемъ, гораздо лучше учителей къ окружающимъ темамъ готовятся сами ученики. Не секретъ, что въ одномъ изъ округовъ гимназисты составляли правильно организованное товарищество для открытія экзаменаціонныхъ темъ. Товарищеская касса

располагала родительскими взносами и пожертвованіями. Делегаты изъ разныхъ гимназій собирались около Пасхи на съѣздъ для совмѣстнаго обсужденія способовъ, какъ лучше тому купить. И ее каждый годъ покупали въ округѣ у канцеляристовъ, у почтовыхъ чиновниковъ, у директорскихъ лакеевъ и т. д.,—смотря по тому, гдѣ дешевле и удобнѣе. „Въ Россіи все продажно“—выразился еще Пушкинъ, и при томъ какъ разъ въ своей запискѣ „О народномъ воспитаніи“. Въ общемъ кража темъ абитуриентамъ всего округа стоила ежегодно 4000—5000 руб.

Не лишентъ интереса способъ подготовки къ экзаменамъ, какой употребляютъ учителя иностранныхъ языковъ. Кромѣ общепотребительныхъ и универсальныхъ, такъ сказать, методовъ, они изобрѣли особый жаргонъ. Не припомню, кто именно рекомендовалъ называть этотъ жаргонъ интерлингвальнымъ нарѣчіемъ. Имѣетъ онъ этимологию общую сразу для двухъ языковъ и такой же синтаксисъ. Его цѣль облегчить ученикамъ переводы съ русскаго на иностранный, съ иностраннаго на русскій. Для образца приведу два примѣра интерлингвалки: оба взяты изъ работъ, данныхъ въ 1879 г. ученикамъ VII класса Оренбургской гимназій учителемъ Клевановымъ (онъ же переводчикъ классическихъ авторовъ на русскій языкъ).

1) Для перевода по-латыни:

...за оружіе взялись тѣ, которые, обучась ими (лат. агта склоняется во мн. ч.) пользоваться со славою, не находили, какимъ бы образомъ воспользоваться оружіемъ ко благу отечества. А потому мнѣ кажется, что счастливо и благополучно жили какъ въ прочихъ государствахъ, такъ и въ особенности въ нашемъ, которымъ было дозволено съ значеніемъ совершенныхъ дѣяній наслаждаться славою мудрости“.

2) Для перевода по-гречески:

„Въ ту же зиму аеиняне присовѣтовали снова большимъ приготовленіемъ того, что было съ Лакесомъ и Евримедономъ, отплывъ въ Сицилію, покорить ее, если бы смогли, многіе будучи не свѣдующіе величины острова и количества живущихъ тамъ еллиновъ и дикарей, и что не многимъ чѣмъ мало-значительнѣе войну предприняли они, что противъ пелопонесцевъ. Ибо плаваніе вокругъ Сициліи есть въ лодкѣ немного менѣе восьми дней и будучи столь велика на двадцать стадій самое большое мѣрою моря отдѣлена, чтобы не быть твердою землею“.

Было бы, однако, большою ошибкою думать, будто столь тщательная подготовка къ экзаменамъ, даетъ блестящіе результаты. Увы, результаты получаются слишкомъ не блестящіе! Не взирая на интерлингвальное нарѣчіе, ученикамъ Т—ской, напр., гимназій приходилось тратить на каждый письменный экзаменъ по-латыни около 100 рублей: 40 р. переводчику, 50 сторожу, который сидѣлъ въ трубѣ надъ выгребной ямой и передавалъ отъ переводчика работы, 10 руб. на другіе мелкіе расходы. Не смотря на кражу темъ и вспомогательные приемы учителей, начальство, счи-

таясь съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей, признало, что „не препятствуетъ допущенію къ устнымъ испытаніямъ русское сочиненіе, одѣненное отмѣткою ниже трехъ, но въ ореографическомъ отношеніи удовлетворительное“ (Цирк. 18 мая 1897 г.).

При самой тщательной „размѣткѣ билетовъ“, отвѣты учениковъ сплошь и рядомъ анекдотически бессмысленны и нелѣпы. „Ученикъ VIII класса—разсказываетъ одинъ преподаватель гимназіи—на испытаніи зрѣлости затруднился отвѣтить о Крымской войнѣ. Экзаменаторъ, желая ему помочь, спросилъ: „Кто съ кѣмъ воевалъ въ Крымскую войну?“ Ученикъ отвѣтилъ: „Россія съ Крымомъ“.—„А Крымъ кому принадлежитъ?“—„Турціи“... Тѣмъ не менѣе ученикъ получилъ удовлетворительный баллъ и аттестатъ зрѣлости“ *).

И какъ же иначе? Спасать-то процентъ вѣдь надо. Въ этомъ заинтересованъ не только учитель, но и весь совѣтъ, директоръ и даже—отчасти—округъ. Ради процента самый скупой на отмѣтки преподаватель становится во время экзаменовъ тароватымъ. Изъ-за процента яростнѣйшій гонитель и врагъ ученическаго мошенничества позволяетъ себѣ кое когда пользоваться тѣмъ же мошенничествомъ, какъ весьма полезною силою. Но это отнюдь не мѣшаетъ экзаменамъ быть суровыми и строгими. Возвращусь хотя бы къ о. Дмитрію, законоучителю К—ой семинаріи. Онъ прекрасно зналъ, что за его спиною каждый билетъ прочитывается по учебникамъ и конспектамъ, и сознательно, съ заранѣе обдуманномъ намѣреніемъ, этому занятію не препятствовалъ: и всетаки находилъ для чего-то нужнымъ экзаменовать ученика не менѣе 30—40 минутъ.

Невѣдомо, для какихъ цѣлей онъ мучилъ и себѣ, и еще больше учениковъ. И такъ поступаетъ далеко не одинъ о. Дмитрій. Впрочемъ, среди учителей существуетъ мнѣніе, будто на экзаменѣ надо „хорошенько гонять лѣвтяевъ и жуликовъ“, потому что иначе они совсѣмъ не станутъ готовиться и работать. Въ переводѣ на практическій языкъ это значитъ: строгій экзаменъ нуженъ опять таки для спасенія процента, т. е. чтобы въ годовой отчетной вѣдомости общая усвѣшность выразилась цифрою не меньше 66 $\frac{2}{3}$ %.

IX.

Люди, выдавшіе остатки средневѣковыхъ тюремъ, разсказываютъ, что еще удѣлили казематы, устроенные такъ, чтобы заключенному нельзя было ни спать, ни лечь, ни сѣсть. Человѣкъ, втиснутый въ такую нору, могъ лишь полусидѣть, полустоять, изогнувъ тѣло и наклонивъ низко голову. Въ этомъ положеніи

*) „Рус. Шк.“ 1895 г. кн. XI, стр. 128.

онъ ѣлъ, спалъ и вообще жилъ вмѣстѣ съ червями, которые въ немъ заводились. Трудно сомнѣваться, что попасть сюда значило быть приговореннымъ къ смертной казни, самой утонченной, какую только могла придумать средневѣковая власть для ослушника ея вельній. И расчетъ на необыкновенную живучесть человека оказывался вполне вѣрнымъ, казнь была очень медленною: бывали примѣры, что обреченный на нее жилъ 10—15 лѣтъ.

По словамъ криминалистовъ, смертной казни, которая длится года, теперь нѣтъ, и бывлыя тюрьмы приводятъ въ содроганіе лишь туристовъ. Но человекъ все также живетъ. Въ какую бы пору его ни втиснула судьба, онъ всетаки живетъ, живетъ порою столь же непостижимо, какъ деревцо, выросшее среди скалъ: его корни ползутъ во всѣ стороны прямо по голымъ камнямъ, переброшены по воздуху изъ одной скважины въ другую, а находятъ гдѣ-то силу, чтобы каждый годъ давать хоть чахлую, но листву, хоть блѣдныя, но цвѣты.

Эту удивительную приспособляемость живого существа ко всякимъ условіямъ необходимо серьезно учитывать, когда мы судимъ объ ученикахъ и учителяхъ толстовской школы. Откровенно говоря, ихъ взаимныя отношенія построены на сплошной неискренности, пожалуй, даже на сплошномъ обманѣ. Моралистъ найдетъ, что они ужасны и унизительны для обѣихъ сторонъ. Но не пытайтесь исправлять эти отношенія мѣрами строгости и надзора и не торопитесь винить тѣхъ, которые возвели обманъ въ законъ общежитія. Не будь обмана, процентъ успѣшности выразился бы нулемъ, и толстовская учебная система немедленно бы умерла — по той простой причинѣ, что ее нельзя выполнить. Своимъ тридцатилѣтнимъ существованіемъ она обязана приспособляемости, какую получили отъ природы ученики и учителя, и всѣ усиленныя мѣры надзора, которыя были ею вызваны (ревьюеры, окружныя темы etc.), только изощряли приспособляемость, т. е. вели къ еще большому обману.

А. Петрищевъ.

Хроника внутренней жизни.

„Въ характеристикѣ настоящаго момента. — Страшный лозунгъ. — Поиски „внутреннихъ враговъ“. — Изъ сессіи уѣздныхъ земскихъ собраній. — Факты изъ жизни народныхъ учителей. — Подвигъ депутата волчанскаго дворянства г. Задонскаго. — Случай возвращенія лицъ, подвергшихся административной ссылкѣ. — Рѣчь г. Рождественскаго въ нижегородскомъ земскомъ собраніи и рѣшеніе собранія. — Возможныя ожиданія отъ губернскихъ земскихъ собраній. — II. Извѣстія объ еврейскихъ погромахъ. — Безпорядки, произведенныя запасными. — III. Правительственныя распоряженія и сообщенія. — Сообщенія относительно Финляндіи. — IV. Административныя распоряженія по дѣламъ печати.

I.

За послѣднее время въ русскомъ обществѣ проявляется замѣтное оживленіе. Периодическая пресса горячо обсуждаетъ темы, еще недавно считавшіяся для нея крайне неудобными, а то и совершенно недопустимыми. Земскія собранія и городскія думы наперерывъ спѣшаютъ отозваться на обращенный по ихъ адресу призывъ къ „взаимному довѣрію“, а нѣкоторые изъ нихъ попутно высказываютъ и свои взгляды на условія осуществленія такого довѣрія въ государственной жизни. Угрюмое безмолвіе страны, въ которой такъ долго „на всѣхъ языкахъ все молчало“, какъ будто начинаетъ уступать свое мѣсто живому человѣческому разговору и многимъ довѣрчивымъ людямъ уже представляется, что для русской жизни наступила совершенно новая эпоха.

Въ дѣйствительности послѣднее, конечно, невѣрно. Быть можетъ, русское общество и стоитъ передъ дверью, ведущею къ новой эпохѣ, но эту дверь во всякомъ случаѣ нужно еще открыть. Вполнѣ возможно, что страна, дѣйствительно, находится наканунѣ свѣтлаго будущаго, но это будущее предстоитъ еще создать путемъ дружной работы активныхъ общественныхъ силъ. Между тѣмъ въ переживаемой нами дѣйствительности подобная работа далеко еще не получила достаточнаго развитія. Мало того — даже въ хорѣ голосовъ, говорящихъ о необходимости кореннаго обновленія русской жизни, порою прорываются рѣзкіе диссонансы и самые призывы къ такому обновленію сопровождаются подчасъ крайне своеобразнымъ лозунгомъ, способнымъ создать глубокое разъединеніе въ обществѣ и, если не обезсилить, то во всякомъ случаѣ на нѣкоторое время ослабить возростающее общественное движеніе.

Такого рода лозунгъ былъ недавно провозглашенъ въ нашей прессѣ кн. Е. Трубецкимъ, помѣстившимъ въ газетѣ „Право“ статью „Война и бюрократія“. Статья эта любопытна во многихъ

отношеніяхъ, но особенно интересны ея заключительныя строки, суммирующія весь ея смыслъ. „Г. министр внутреннихъ дѣлъ—замѣчаетъ кн. Трубецкой въ концѣ своей статьи—на дняхъ говорилъ о необходимомъ довѣріи правительства къ обществу. Въ добрый часъ! Привѣтствуя эти слова, пожелаемъ отъ души, чтобы они поскорѣе стали дѣломъ. Пусть только смѣлѣе и громче раздастся призывъ къ обществу; тогда мы вступимъ на единственно спасительный для насъ путь національнаго обновленія. Тогда намъ нечего бояться ни внѣшняго, ни внутренняго врага, и престоль, собравшій вокругъ себя землю, будетъ славенъ, великъ и силенъ“ *). Вслѣдъ за провозглашеніемъ этого лозунга въ печати онъ былъ повторенъ и въ нѣсколькихъ земскихъ собраніяхъ. Елецкое уѣздное собраніе, выслушавъ рѣчь мѣстнаго предводителя дворянства А. А. Стаховича, отправило министру внутреннихъ дѣлъ привѣтственную телеграмму, въ которой, между прочимъ, помѣстило и такія слова: „мы твердо вѣримъ, что только на почвѣ широкаго и полнаго развитія мѣстнаго самоуправления и самостоятельности возрастетъ мощь обновленной Россіи до такого внутренняго благоустройства и могущества, что не страшны ей будутъ никакіе внутренніе и внѣшніе враги“ **). Въ свою очередь нижегородское уѣздное земское собраніе въ за-сѣданіи 3 октября рѣшило подать всеподданнѣйшій адресъ, въ которомъ, между прочимъ, высказало увѣренность въ томъ, что при укрѣпленіи „непосредственнаго сердечнаго единенія“ между престоломъ и народомъ „ни внутренніе враги, ни внѣшніе не прервутъ спокойной жизни нашего государства“ ***).

Въ елецкомъ собраніи разговоры о „внутреннихъ врагахъ“ и о необходимости для земства борьбы съ ними не вызвали, повидимому, никакого недоумѣнія. Нѣсколько иначе сложилось дѣло въ нижегородскомъ уѣздномъ собраніи. Здѣсь процитированная выше редакція адреса была первоначально принята единогласно, но на другой день нѣкоторые гласные, повидимому, спохватились и, усомнившись въ существованіи „внутреннихъ враговъ“, постарались разъяснить, кого собственно слѣдуетъ разумѣть подъ этимъ страннымъ именемъ и какого рода борьба предлагается земству. „Мы не знаемъ, — заявилъ гласный Рождественскій, — о какомъ внутреннемъ врагѣ говорится въ адресѣ. Понятіе это крайне неопредѣленное. Всѣмъ извѣстно, напримѣръ, что всего нѣсколько мѣсяцевъ назадъ земство считалось до нѣкоторой степени внутреннимъ врагомъ. Выходитъ такимъ образомъ, что мы предлагаемъ бороться съ самими собой. Предлагаю исправить вкравшуюся въ адресъ неточность и избрать для этого комиссію“.

*) „Право“ 1904 г., № 39.

**) „Русск. Вѣдомости“, 1 окт. 1904 г.

***) „Нижегор. Листокъ“, 10 окт. 1904 г.

Къ г. Рождественскому присоединилось еще нѣсколько гласныхъ, изъ которыхъ одни отрицали самое существованіе „внутреннихъ враговъ“, а другіе находили, что борьба съ такими врагами во всякомъ случаѣ „не дѣло земства“. Эти заявленія вызвали, однако же, со стороны большинства собранія горячій отпоръ, сопровождавшійся нѣсколькими попытками опредѣлить, что такое „внутренній врагъ“, причемъ едва ли не самая оригинальная изъ такихъ попытокъ была одѣлана предсѣдателемъ мѣстной управы А. А. Остафьевымъ. „Я считаю—сказалъ онъ—врагомъ Россіи въ извѣстной степени всѣ тѣ фракціи, которыя возбуждаютъ партіи одну противъ другой, разжигаютъ страсти, травятъ. Вотъ „Московскія Вѣдомости“ этимъ занимаются, — онѣ тоже враги“. Предложивъ такимъ образомъ союзъ власти съ земствомъ для борьбы съ внутреннимъ врагомъ въ лицѣ г. Грингмута, г-нъ Остафьевъ тутъ же, впрочемъ, прибавилъ, что земское собраніе вообще не имѣетъ права трактовать о внутреннемъ врагѣ. Въ концѣ концовъ таинственная сущность „внутренняго врага“ такъ и осталась неразъясненной, но тѣмъ не менѣе большинство собранія признало ненужнымъ вносить какія-либо измѣненія въ редакцію своего адреса *).

Въ сущности немногимъ больше посчастливилось „внутреннимъ врагамъ“ и въ статьѣ г. Трубецкого, взявшаго на себя трудъ провозгласить въ печати тотъ самый лозунгъ, который породилъ столько недоумѣній въ нижегородскомъ земскомъ собраніи. Выступая съ этимъ лозунгомъ въ печати, кн. Трубецкой имѣлъ возможность обосновать и мотивировать его и усиленно воспользовался такою возможностью. Тѣмъ не менѣе его мотивировка во свою очередь оказалась не особенно удачной и въ его горячо написанной статьѣ несравненно больше краснорѣчія и чувства, чѣмъ строгой логики и послѣдовательной мысли.

Поставивъ себѣ задачей объясненіе тѣхъ сюрпризовъ, какими явились для Россіи военныя дѣйствія на Дальнемъ Востокѣ, г. Трубецкой прежде всего указываетъ, что внезапность этихъ сюрпризовъ не можетъ быть поставлена въ вину русскому обществу, которое „спало по распоряженію начальства“. „Въ теченіе многихъ лѣтъ—говоритъ онъ—принимались всѣ мѣры къ тому, чтобы оно не пробудилось. Когда наръдка кто-либо пытался приподняться, встать на ноги и молвить человѣческое слово, это разсматривалось, какъ нарушеніе общественнаго спокойствія и безопасности. Раздавался грозный окрикъ: „молчать,“ лежать смирно“ и сильная рука пришибала ницъ подымающуюся голову“. Съ своей стороны русская бюрократія „искала врага, но внѣшняго врага она не замѣтила, потому что вниманіе ея было от-

* „Нижегор. Листокъ“, 10 окт. 1904 г.

влечено въ другую сторону; ей грезился — поясняетъ авторъ — врагъ внутри государства“.

Судя по этимъ послѣднимъ словамъ, можно было бы думать что самому г. Трубецкому не будутъ грезиться „внутренніе враги“. Но всего черезъ нѣсколько строкъ онъ говоритъ о такихъ врагахъ уже отъ собственнаго имени и при этомъ, подобно г. Остафьеву, зачѣмъ-то считаетъ нужнымъ соединять, самыя разнородныя понятія и киваетъ на реакціонную прессу, мѣтя по существу совсѣмъ въ другую сторону. „Крайнія партіи — восклицаетъ онъ — захватили въ свои руки монополію организаціи. Благодаря нашимъ законамъ о печати и дѣятельности нашей цензуры, имъ же принадлежитъ въ настоящее время монополія свободнаго слова. Въ то время, когда люди умѣренные вынуждены молчать за невозможностью высказываться въ легальныхъ органахъ печати, нелегальные листки у насъ наводняютъ улицы и вліяніе ихъ, ничѣмъ не будучи сдержано, растетъ не по днямъ, а по часамъ. Неужели же въ этомъ заключается цѣль нашихъ законовъ о цензурѣ и печати! Неужели мы не видимъ вытекающей отсюда грозной опасности и неужели мы когда-нибудь встрѣтимъ ее такъ же, какъ были встрѣчены нами однажды японскіе миноносцы въ Портъ-Артуръ? Въ настоящій критическій моментъ русской исторіи, когда мы боремся съ грознымъ вѣшнимъ врагомъ, забота о сохраненіи мира внутренняго должна стоять для насъ на первомъ планѣ. Бюрократія и общество не должны стоять другъ противъ друга, какъ два враждебные лагеря, а соединиться въ служеніи общимъ національнымъ цѣлямъ“. Бюрократія — говоритъ далѣе г. Трубецкой — „должна стать доступнѣе общественному контролю и править съ обществомъ, а не вопреки обществу“, и, если это исполнится, „намъ нечего бояться ни вѣшняго, ни внутренняго врага“ *).

Вчитываясь въ эту горячую тираду, нельзя прежде всего не замѣтить, что г. Трубецкой крайне своеобразно обращается съ понятіемъ монополіи. Если бы почтенный профессоръ далъ себѣ трудъ справиться о дѣйствительномъ значеніи этого слова у кого-либо изъ юристовъ, составляющихъ редакцію „Права“, онъ, надо думать, убѣдился бы, что „монополіей свободнаго слова“ обладаетъ только одна изъ тѣхъ „партій“, о которыхъ онъ говоритъ, тогда какъ другая пользуется лишь такою „монополіей“, какая имѣется къ услугамъ всякаго желающаго. При надлежащемъ вниманіи къ этому обстоятельству, г. Трубецкой, несомнѣнно, могъ бы уберечься и отъ другой ошибки, вкравшейся теперь въ его разсужденія. Когда онъ говоритъ о той спячкѣ, въ которую было погружено русское общество, какъ о главной причинѣ переживаемыхъ странною бѣдствій, онъ безусловно правъ. Но, очевидно, лишь

*) „Право“, № 39.

при полномъ отказѣ отъ логики можно искать средства къ прекращенію общественной спячки въ организаціи союза противъ тѣхъ людей, которые старались пробудить общество отъ этой спячки и, говоря словами самого г. Трубецкого, „пытались приподняться, встать на ноги и молвить человеческое слово“ въ окружавшемъ ихъ сонномъ царствѣ. Мало того,—результаты такого союза, если бы онъ осуществился на дѣлѣ, предвидѣть тѣмъ легче, что они уже неоднократно повторялись въ исторіи, въ томъ числѣ и въ исторіи русской. Разъ начатая борьба съ „внутреннимъ врагомъ“, въ томъ пониманіи, какое придаетъ этому термину г. Трубецкой, при первыхъ же успѣхахъ роковымъ образомъ обращается въ борьбу противъ всѣхъ „несогласно мыслящихъ“ и въ концѣ концовъ всею своею тяжестью обрушивается на тѣхъ самыхъ „умѣренныхъ“, которые на первыхъ порахъ приглашаются ей содѣйствовать. Благодаря этому практическое осуществленіе проектированнаго г. Трубецкимъ союза могло бы имѣть своимъ послѣдствіемъ лишь повтореніе той исторіи, которая была уже пережита русскимъ обществомъ за послѣднія десятилѣтія и конечные итоги которой такъ огорчаютъ самого г. Трубецкого.

Повидимому, однако, для значительной части русскаго общества эти уроки оказались болѣе поучительными, чѣмъ для кн. Трубецкого. По крайней мѣрѣ, провозглашенный послѣднимъ лозунгъ до сихъ поръ былъ повторенъ только въ двухъ названныхъ выше земскихъ собраніяхъ—елецкомъ и нижегородскомъ. Всѣ остальные земскія собранія не нашли пока нужнымъ принимать участіе въ разысканіи „внутреннихъ враговъ“ и предпочли указывать внутренне недуги страны. Отмѣчая этотъ фактъ, нельзя, впрочемъ, на ряду съ нимъ не отмѣтить и того обстоятельства, что въ своихъ указаніяхъ на нужды страны уѣздные земскіе дѣятели проявили большую осторожность, едва-ли соотвѣтствовавшую требованіямъ того момента, когда дѣлались эти указанія, и во всякомъ случаѣ до извѣстной степени затемнявшую смыслъ послѣднихъ. Громадное большинство уѣздныхъ земскихъ собраній нынѣшней сессіи громко выразило свое сочувствіе словамъ новаго министра внутреннихъ дѣлъ о необходимости довѣрія къ общественнымъ учрежденіямъ и къ населенію, но лишь немногія изъ этихъ собраній сочли возможнымъ присоединить къ своимъ сочувственнымъ откликамъ вполне опредѣленные указанія на ту программу, какую они желали бы видѣть воплощенной въ жизни страны. Такъ, напримѣръ, воронежское уѣздное собраніе въ привѣтственной телеграммѣ новому министру внутреннихъ дѣлъ высказалось въ томъ смыслѣ, что „только довѣріе къ органамъ самоуправленія можетъ служить дѣйствительною основой для широкой просвѣтительной и экономической ихъ дѣятельности, развить непочатыя силы нашей страны въ переживаемомъ нынѣ тѣ-

желомъ военномъ времени и отстоять ей подобающее мѣсто среди другихъ европейскихъ державъ“. Екатеринославское земское собраніе нашло нужнымъ въ подобномъ же привѣтствіи отмѣтить, что „широкая самостоятельность общественныхъ силъ, просвѣщеніе народа вмѣстѣ съ укрѣпленіемъ его экономическаго быта и съ улучшеніемъ правового положенія, господство закона во всѣхъ сферахъ внутренняго управленія послужатъ прочнымъ основаніемъ для мирнаго прогресса и счастья Россіи“. Балашевское собраніе въ своей телеграммѣ министру заявило, что „въ постоянномъ и правомѣрномъ сотрудничествѣ правительственныхъ органовъ съ общественными представителями“ оно видитъ „необходимое условіе внутренняго мира“. Въ свою очередь сумское уѣздное собраніе выразило пожеланіе, чтобы кн. Святополкъ-Мирскому даны были „силы и возможность въ ближайшемъ будущемъ воплотить великій принципъ довѣрія къ странѣ и ея органамъ самоуправленія въ конкретныя законодательно опредѣленныя формы общественнаго содѣйствія правительству“ *).

Но такія, болѣе или менѣе опредѣленныя, заявленія были сдѣланы лишь немногими уѣздными земскими собраніями. Въ нѣкоторыхъ же изъ нихъ даже гораздо болѣе скромныя по своему смыслу заявленія, разъ они имѣли свою цѣль отгнать симпатіи земства къ извѣстной общей программѣ, встрѣчали стойкій отпоръ. Въ горбатовскомъ земскомъ собраніи былъ предложенъ слѣдующій текстъ привѣтственной телеграммы министру внутреннихъ дѣлъ: „усматривая въ вашемъ призывѣ къ совмѣстной работѣ и въ довѣрїи къ общественнымъ учрежденіямъ *единственный вѣрный путь*, отвѣчающій вполнѣ назрѣвшимъ потребностямъ населенія, земское собраніе убѣждено, что при выраженномъ вами довѣрїи къ общественнымъ учрежденіямъ *и при расширенїи ихъ компетенціи* они оправдаютъ тѣ надежды, которыя вы на нихъ возлагаете“. Большинство собранія приняло этотъ текстъ, но выбросило изъ него подчеркнутыя слова, тѣмъ самымъ какъ будто за-свидѣтельствовавъ, что горбатовское земство готово признавать одинаково вѣрными самыя различныя пути и можетъ довольствоваться выраженіемъ довѣрія на словахъ, нисколько не требуя перехода этихъ словъ въ дѣло **). Подобныя же случаи уклоненія отъ всякихъ рѣшительныхъ заявленій произошли и въ нѣкоторыхъ другихъ земскихъ собраніяхъ.

Значительно большую рѣшительность проявили уѣздныя собранія нынѣшней сессіи при разсмотрѣнїи нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ, выдвинутыхъ на очередь современной жизнью земства. Въ Черниговской губерніи „проектная“ коммиссія городнянскаго земскаго собранія, разсматривавшая вопросъ объ обезпеченіи

*) „Р. Вѣдомости“, 19 окт. 1904 г.

**) „Нижег. Листокъ“, 8 окт. 1904 г.

сѣмействъ запасныхъ чиновъ арміи, нашла нужнымъ въ своемъ докладѣ собранію указать, что „въ настоящее время, когда для отраженія врага русскій народъ уже пролилъ столько крови, понесъ столько жертвъ и въ виду неопредѣленнаго будущаго, вѣроятно, долженъ будетъ еще въ огромной степени напрячь всѣ свои силы, ему для успѣха въ предстоящей громадной работѣ необходимъ громадный же подъемъ духа“. „Къ сожалѣнію,—продолжала коммиссія—условія жизни какъ всего нашего народа, такъ и представителей его—довѣріемъ общественнымъ обремененныхъ земскихъ дѣятелей, а также и земства вообще, представляютъ чрезвычайныя препятствія не только къ желательному подъему духа, но и къ правильному теченію земской жизни и плодотворности работы земскихъ дѣятелей. Недовѣріе, постоянно оказываемое земству устраненіемъ лучшихъ людей его отъ дѣятельности въ земствѣ, въ связи съ необезпеченностью личности русскаго гражданина вообще,—недовѣріе, выразившееся, между прочимъ, въ установленіи предѣльности увеличенія земскихъ смѣтъ, въ изъятіи изъ вѣдѣнія земства нѣкоторыхъ отраслей земскаго хозяйства, какъ, напримѣръ, продовольственнаго дѣла, въ чрезвычайной, подавляющей административной опеке и еще недавно въ томъ, что пересмотръ законодательства о сельскомъ состояніи производится не „при ближайшемъ участіи достойнѣйшихъ дѣятелей, довѣріемъ общественнымъ обремененныхъ“, какъ о томъ было возвѣщено въ высочайшемъ манифестѣ 26 февраля прошлаго года, а почти совершенно бюрократическимъ способомъ, искаженіе самаго понятія о земствѣ введеніемъ въ него начала сословности и назначеніемъ гласныхъ администраціей, полное ограниченіе земскихъ собраній въ возможности высказывать свои пожеланія по вопросамъ, тѣсно связаннымъ съ удовлетвореніемъ пользы и нужды населенія, но имѣющимъ хотя бы отдаленный намекъ на желательныя измѣненія нѣкоторыхъ общегосударственныхъ законовъ, запрещеніе печати указывать и разъяснять всю ненормальность установившихся отношеній,—вотъ причины, которыя не только не могутъ содѣйствовать столь желанному чрезвычайному подъему духа населенія, а, наоборотъ, приводятъ къ унынію и уменьшенію энергіи лучшихъ силъ народа и его представителей въ земствѣ“. Городнянское собраніе, выслушавъ этотъ докладъ, постановило „согласиться съ соображеніями, высказанными проектною коммиссіей, и мнѣніе, выраженное ею, считать мнѣніемъ земскаго собранія настоящей сессіи“ *).

Аналогичное мнѣніе было высказано и черниговскимъ уѣзднымъ собраніемъ. Проектная коммиссія послѣдняго, представивъ докладъ о желательныхъ измѣненіяхъ въ условіяхъ земской дѣятельности, указала, что сословное начало, введенное въ земство

*) „Р. Вѣдомости“, 11 окт. 1904 г.

положеніемъ 1890 г., отсутствіе свободнаго представительства сельскаго населенія, полная необезпеченность личныхъ правъ земскихъ представителей, дискреціонное право администраціи не утверждать лицъ, избираемыхъ на земскія должности, назначать другихъ по своему усмотрѣнію, не допускать назначаемыхъ управами должностныхъ лицъ и подвергать земскихъ служащихъ ограниченіямъ въ правахъ по собственному усмотрѣнію, право администраціи задерживать исполненіе постановленій земскихъ собраній, если, по ея мнѣнію, эти постановленія не соотвѣтствуютъ интересамъ населенія, установленіе предѣльности земскаго обложенія, изыятіе изъ вѣдѣнія земства продовольственнаго дѣла и, наконецъ, цѣлый рядъ стѣсненій и ограниченій, созданныхъ для земства въ послѣдніе годы, представляютъ собою такія условія, которыя въ корнѣ подрываютъ самыя основы мѣстнаго самоуправленія и нарушаютъ первоначальную мысль законодателя, возложившаго на земство непосредственныя заботы о нуждахъ мѣстнаго населенія. По мнѣнію комиссіи, всѣ указанныя ею условія должны быть отмѣнены и положеніе о земскихъ учрежденіяхъ должно подвергнуться коренному пересмотру, съ тѣмъ, чтобы послѣдній былъ произведенъ въ соотвѣтствіи съ численнымъ и культурнымъ ростомъ населенія и съ измѣнившимися въ теченіе 40 лѣтъ условіями жизни и общественныхъ отношеній. Сообразно этому комиссія внесла въ собраніе слѣдующія предложенія: 1) право участія въ земскихъ выборахъ надлежитъ предоставить всѣмъ одинаково, безъ различія сословій и національностей; сельское управленіе необходимо замѣнить всесословнымъ и ввести его въ строй земскихъ учрежденій; 2) цензовые нормы для участія въ земскихъ выборахъ необходимо значительно понизить; 3) крайне необходимо значительное увеличеніе числа уѣздныхъ гласныхъ противъ нормы 1864 г. и соотвѣтственное увеличеніе числа губернскихъ гласныхъ отъ уѣзда; 4) необходимо предоставить пассивное и активное избирательное право въ земствѣ женщинамъ; 5) право администраціи не утверждать избираемыхъ на земскія должности и назначаемыхъ управами на земскую службу, а также подвергать земскихъ служащихъ административнымъ карамъ, необходимо отмѣнить, такъ какъ недопущеніе правонарушеній въ земской дѣятельности можетъ быть достигаемо возбужденіемъ противъ нарушителей закона судебного преслѣдованія; 6) право администраціи задерживать исполненіе земскихъ постановленій и вмѣшиваться по существу въ распоряженія земскихъ управъ также необходимо отмѣнить, оставивъ за администраціей только право протеста противъ такихъ постановленій, въ которыхъ заключается нарушеніе дѣйствующихъ законовъ; 7) впредь до изданія закона, основаннаго на изученіи источниковъ обложенія, временный законъ 1900 г. о предѣльности земскаго обложенія необходимо отмѣнить. Собраніе единогласно приняло всѣ

эти предложенія комиссіи и постановило ходатайствовать объ ихъ исполненіи *).

Многіе вопросы, затронутые въ этихъ постановленіяхъ город-
нянскаго и черниговскаго уѣздныхъ собраній, явились предметомъ
обсужденія и въ другихъ уѣздныхъ собраніяхъ настоящей сессіи.
Бобровская уѣздная управа доложила мѣстному собранію о тѣхъ
затрудненіяхъ, какія она встрѣчаетъ при замѣщеніи должностей
земскихъ служащихъ. Согласно закону, такое замѣщеніе произво-
дится съ согласіемъ губернатора и послѣдній обязанъ въ теченіе двухъ-
недѣльнаго срока увѣдомить управу о своемъ согласіи или не-
согласіи. На практикѣ же губернаторъ въ указанный срокъ въ
большинствѣ случаевъ лишь извѣщаетъ управу о томъ, что пред-
ставленіе ею лицо „не можетъ быть допущено къ службѣ впредь
до собранія о немъ необходимыхъ справокъ“; окончательный же
отвѣтъ дается губернаторомъ по большей части черезъ одинъ—два
мѣсяца, а то и черезъ три—четыре мѣсяца, и за это время при-
глашенные управой кандидаты обыкновенно устраиваются въ
другихъ мѣстахъ. Благодаря такому порядку, управа не могла
пригласить врача въ медицинскій участокъ, гдѣ свирѣпствовала
эпидемія оспы; въ силу тѣхъ же причинъ въ уѣздѣ остается уже
болѣе года вакантной должность земскаго агронома и имѣется
цѣлый рядъ другихъ незамѣщенныхъ должностей земскихъ слу-
жащихъ. Бобровское земство не составляетъ, впрочемъ, въ этомъ
отношеніи какого-либо исключенія. Тотъ же самый порядокъ прак-
тикуется и въ Уфимской губерніи, гдѣ губернаторъ еще въ про-
шломъ году циркуляромъ отъ 18 іюня потребовалъ представленія
на его утвержденіе не только постоянныхъ служащихъ земства,
но и лицъ, приглашаемыхъ на различнаго рода сдѣльныхъ работъ,
и гдѣ утвержденіе всѣхъ этихъ лицъ также затягивается на чрез-
вычайно долгіе сроки, вопреки прямому постановленію закона.
Такъ, изъ 149 лицъ, представленныхъ на утвержденіе губернской
управой послѣ упомянутаго циркуляра губернатора, окончатель-
ный отвѣтъ въ теченіе двухнедѣльнаго срока былъ данъ только о
сорока лицахъ, отвѣты же объ остальныхъ затянулись на 2—6 мѣ-
сяцевъ и болѣе. Въ нынѣшнемъ году потребовалось утвержденіе
даже для тѣхъ лицъ, которыя временно работали весной на борьбѣ
съ сусликами и въ числѣ которыхъ были, между прочимъ, нѣ-
сколько воспитанниковъ земской белебеевской сельскохозяйствен-
ной школы, нѣсколько мѣстныхъ крестьянъ и бывший белебеев-
скій исправникъ г. Ляминъ. Въ результатъ весьма многія долж-
ности на земской службѣ въ Уфимской губерніи остаются въ тече-
ніе долгаго времени незамѣщенными. Съ тѣми же самыми неудоб-
ствами пришлось считаться богородицкому и ковровскому зем-
скимъ собраніямъ и оба они постановили ходатайствовать объ

*) „Кіевскіе Отклики“, 6 окт. 1904 г

измѣненіи закона въ томъ смыслѣ, чтобы губернатору предоставлено было право не утверждать земскихъ выборныхъ и служащихъ только въслѣдствіе допущенныхъ при ихъ избраніи или приглашеніи отступленій отъ требованій закона *).

Въ нѣсколькихъ другихъ уѣздныхъ собраніяхъ, какъ въ клинскомъ, саратовскомъ, сызранскомъ, мензелинскомъ и вологодскомъ, постановлено было ходатайствовать объ отмѣнѣ закона о предѣльности земскаго обложенія, который, по словамъ вологодскаго собранія, „желѣзнымъ кольцомъ стягиваетъ плодотворную работу земства и ставитъ послѣднее въ такое положеніе, когда ему приходится только констатировать нужды и потребности населенія, а не удовлетворять ихъ“. Кроме того вологодское и яренское собраніе рѣшили ходатайствовать о передачѣ дѣла народнаго продовольствія изъ рукъ земскихъ начальниковъ обратно въ вѣдѣніе земства, а мензелинское — о передачѣ на обсужденіе земства вопросовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. Бирское уѣздное собраніе постановило возобновить однажды уже возбужденное имъ ходатайство о передачѣ на обсужденіе земскихъ учреждений проекта комиссіи министерства внутреннихъ дѣлъ о преобразованіи крестьянскихъ учреждений и кроме того признало своевременнымъ разработать вопросъ о замѣнѣ имущественнаго ценза налоговымъ путемъ установленія особаго земскаго подоходнаго налога **).

Не менѣе любопытными оказались постановленія нѣкоторыхъ уѣздныхъ собраній по вопросамъ народнаго образованія. Сызранское собраніе постановило ходатайствовать о расширеніи программы для низшихъ школъ, о расширеніи каталоговъ сельскихъ бібліотекъ до каталога городскихъ публичныхъ бібліотекъ и о возвращеніи земству правъ, предоставлявшихся ему земскимъ положеніемъ 1864 года. Петровское собраніе рѣшило ходатайствовать о полной публичности учительскихъ съѣздовъ и объ отмѣнѣ всѣхъ постановленій, раздѣляющихъ земство и народную школу, а вмѣстѣ съ тѣмъ постановило представить министру внутреннихъ дѣлъ особую докладную записку съ выясненіемъ всѣхъ наболѣвшихъ нуждъ, которыя испытывало и испытываетъ дѣло народнаго образованія. Въ саратовскомъ уѣздномъ собраніи также былъ поднятъ вопросъ о народныхъ бібліотекахъ. Гласный Безобразовъ, возбудившій здѣсь этотъ вопросъ, указалъ, что давно уже настало время освободить русскаго крестьянина отъ административной опеки, созданной существующими узаконеніями о народныхъ бібліотекахъ и читальняхъ, и предоставить ему возможность читать все, что онъ пожелаетъ. Сообразно этому названный гласный предложилъ ходатайствовать

*) „Р. Вѣдомости“, 8 и 11 окт. 1904 г.

**) „Русь“, 1, 4, 16 октября; „Спб. Вѣдомости“, 10 октября, Н. Время“, 14 октября; „Р. Вѣдомости“ 11 октября 1904 г.

о допущеніи въ народныхъ бібліотеки и читальни всѣхъ книгъ, изданныхъ съ разрѣшенія цензуры. Уѣздное собраніе единогласно присоединилось къ этому предложенію и рѣшило провести его черезъ губернское собраніе *).

Обсужденіе вопросовъ народнаго образованія вызвало въ одномъ изъ земствъ попытку разсмотрѣнія и другого немаловажнаго вопроса. Саратовское уѣздное собраніе въ текущемъ году удѣлило немало вниманія дѣламъ народнаго образованія, но всѣ происходившія въ собраніи по этому предмету пренія появлялись въ мѣстной печати въ искаженномъ до неузнаваемости видѣ. Въ концѣ концовъ въ одномъ изъ засѣданій собранія нѣкоторые его гласные обратились къ предсѣдателю съ заявленіемъ о томъ, что въ помѣщаемыхъ въ мѣстныхъ газетахъ отчетахъ о засѣданіяхъ собранія они замѣтили чрезвычайныя сокращенія, а мѣстами даже и извращенія того, что происходитъ въ собраніи; въ виду этого названные гласные предлагали обратиться къ редакціямъ мѣстныхъ газетъ съ просьбою или совершенно не печатать отчетовъ о земскомъ собраніи, или же печатать ихъ въ формѣ, отвѣчающей дѣйствительности. Въ отвѣтъ на это представители всѣхъ трехъ мѣстныхъ газетъ („Саратовскаго Листка“, „Саратовскаго Дневника“ и „Приволжскаго Края“) представили предсѣдателю собранія слѣдующее заявленіе: „Въ виду обращенныхъ къ намъ, представителямъ мѣстной прессы, запросовъ г.г. гласныхъ саратовскаго уѣзднаго земскаго собранія, почему въ печатанныхъ нами отчетахъ о засѣданіяхъ собранія допускаются крупныя сокращенія, а мѣстами весьма значительныя искаженія, совершенно уничтожающія истинный смыслъ произнесенныхъ рѣчей, мы, референты отчетовъ, обращаемся къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою довести до свѣдѣнія г.г. гласныхъ, что всѣ сокращенія и всѣ искаженія ихъ рѣчей произведены не нами и не редакціями, а мѣстнымъ отдѣльнымъ цензоромъ г. Виноградовымъ, признающимъ возможнымъ не только вычеркивать цѣликомъ рѣчи ораторовъ, но даже вставлять свои собственные слова въ официальные документы, оглашаемые въ собраніи, и замѣнять своими собственными выраженія, употребленные г.г. гласными. Такимъ образомъ мы слагаемъ съ себя всякую отвѣтственность за точность воспроизведенія въ газетахъ дѣйствительнаго содержанія и истиннаго характера засѣданій собранія“. Это заявленіе вызвало въ собраніи бурныя пренія, во время которыхъ гласнымъ Ничипоровичемъ былъ поднятъ вопросъ о необходимости возбудить общее ходатайство о пересмотрѣ существующихъ законовъ о печати. Но на это послѣдовали возраженія, что положеніе саратовской прессы могло явиться слѣдствіемъ злоупотребленія отдѣльнаго лица, а не общихъ недостатковъ законоположеній о

*) „Русь“ 4 октябръ; „Н. Время“, 16 окт.; „Од. Новости“ 12 окт. 1904 г.

печати, и собраніе постановило оставить возбужденный г. Ничипоровичемъ вопросъ открытымъ, а пока лишь ходатайствовать передъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, чтобы пренія саратовскаго уѣзднаго земскаго собранія были восстановлены во всѣхъ мѣстныхъ газетахъ по протоколамъ, утвержденнымъ собраніемъ, принести министру жалобу на дѣйствія саратовскаго отдѣльнаго цензора Виноградова, который, присвоивъ не принадлежащія ему права, позволялъ себѣ дѣлать приписки отъ себя къ рѣчамъ гласныхъ и къ документамъ, и, наконецъ, просить министра, чтобы вообще отношенія мѣстной цензуры къ отчетамъ газетъ о земскихъ и общественныхъ собраніяхъ были поставлены въ болѣе нормальныя рамки *).

Въ своихъ рѣшеніяхъ саратовскіе земцы исходили изъ того предположенія, что поразившіе ихъ цензурные порядки объясняются всецѣло мѣстными условіями и составляютъ своего рода исключеніе изъ общаго правила. Но для всякаго, сколько-нибудь знакомаго съ положеніемъ русской прессы, совершенно очевидна несостоятельность такого предположенія и дѣйствительность не замедлила опровергнуть его. Не прошло и нѣсколькихъ дней послѣ разсказанной саратовской исторіи, какъ такая же исторія повторилась въ Одессѣ. Гласные одесской городской думы подали головѣ такое заявленіе: „Въ двухъ мѣстныхъ газетахъ, а именно въ „Одесскомъ Листѣ“ и въ „Южномъ Обзорѣ“, въ №№ отъ 17 октября, напечатаны рефераты послѣдняго засѣданія городской думы 15 октября, причемъ какъ въ одной, такъ и въ другой газетѣ совершенно опущенъ отчетъ о происходившемъ въ этомъ засѣданіи разсмотрѣніи доклада управы по дѣлу о переустройствѣ зданія, занимаемаго бульварнымъ полицейскимъ участкомъ; въ газетѣ же „Одесскія Новости“ совсѣмъ не появился рефератъ этого засѣданія. Такой пропускъ можетъ быть приписанъ либо гг. референтамъ, либо редакціямъ газетъ, либо цензурѣ. Признавая гласность однимъ изъ основныхъ и необходимыхъ условій дѣятельности городского управленія и, считая, что въ этомъ отношеніи она должна встрѣчать полное содѣйствіе со стороны печати, мы находимъ желательнымъ выяснитъ причину означеннаго пропуска и потому предлагаемъ просить городского голову принять мѣры къ выясненію этого обстоятельства“. Городской голова, согласно единственному желанію думы, обѣщавъ озаботиться выясненіемъ дѣла. Въ результатъ такого выясненія, какъ и слѣдовало ожидать, оказалось, что ни репортеры, ни редакціи газетъ неповинны въ искаженіи отчетовъ о думскихъ засѣданіяхъ, и тогда 29 гласныхъ одесской думы предложили ей ходатайствовать о подчиненіи отчетовъ о думскихъ засѣданіяхъ

*) „Р. Вѣдомости“, 14 октября; „Русь“, 14 октября 1904 г.

дѣйствию общей цензуры *). Можно думать, однако, что въ случаѣ удовлетворенія этого ходатайства одесская дума такъ же мало выиграетъ отъ замѣны специальной цензуры общео, какъ мало выигралъ Саратовъ отъ замѣны вѣдавшего цензуру губернаторскаго чиновника отдѣльнымъ цензоромъ. Для того, чтобы обезпечить печати дѣйствительную возможность правильнаго и всесторонняго освѣщенія земскихъ и муниципальных дѣлъ, недостаточно, конечно, ни частныхъ распоряженій, касающихся отдѣльных мѣстностей, ни мелкихъ палліативовъ, не выходящихъ изъ сферы болѣе или менѣе благожелательнаго произвола. Указанная цѣль можетъ быть достигнута только однимъ путемъ — путемъ кореннаго измѣненія тѣхъ условій, въ которыхъ дѣйствуетъ современная русская пресса и которыя въ свою очередь тѣсно связаны съ еще болѣе общими условіями всей русской жизни. И если бы ходатайства земскихъ и городскихъ дѣятелей были поставлены на эту единственно вѣрную почву, они, несомнѣнно, много выиграли бы въ своемъ значеніи, явившись не только болѣе опредѣленными, но и болѣе цѣлесообразными.

Возвращаясь къ постановленіямъ уѣздныхъ земскихъ собраній нынѣшней сессіи, нельзя не отмѣтить еще двухъ крайне характерныхъ рѣшеній, принятыхъ въ саратовскомъ и мензелинскомъ собраніяхъ. Въ первое изъ названныхъ собраній поступило заявленіе отъ бывшихъ учителей земскихъ школъ Саратовскаго уѣзда гг. Бендерова и Борисовскаго и бывшей учительницы г-жи Васильевой. Всѣ эти лица вынуждены были оставить свою службу и, попавъ благодаря этому въ крайне стѣснительное положеніе, обратились къ земству съ просьбой о пособіи, причемъ первые двое изъ нихъ просили пособія на воспитаніе дѣтей, а г-жа Васильева — лично для себя. Собраніе сдѣлало по этому поводу слѣдующія постановленія: 1) выдавать гг. Бендерову и Борисовскому ежегодное пособіе по 200 р. каждому, а г-жѣ Васильевой выдать единовременное пособіе въ 150 р.; 2) выразить названнымъ лицамъ благодарность за ихъ продолжительную и весьма полезную дѣятельность въ качествѣ земскихъ учителей; 3) возбудить въ установленномъ порядкѣ ходатайство о возвращеніи всѣхъ этихъ трехъ лицъ къ педагогической дѣятельности въ земскихъ школахъ; 4) поручить управѣ совмѣстно съ училищной комиссіей разработать вопросъ объ измѣненіи правового положенія учителей и 5) ходатайствовать передъ мѣстнымъ архіереемъ объ устраненіи священника с. Лохъ Архангельскаго отъ педагогической дѣятельности **). Эти постановленія достаточно ярко освѣщаютъ подкладку того случая, благодаря которому земскія школы саратовскаго уѣзда лишились

*) „Кіевскіе Отклики“, 28 октября; „Русь“, 6 ноября 1904 г.

**) „Кіевскіе Отклики“, 9 окт. 1904 г.

трехъ своихъ учителей. Съ подобнымъ же случаемъ пришлось встрѣтиться и мензелинскому уѣздному собранію. Въ одномъ изъ засѣданій послѣдняго гласный Мазуровскій сообщилъ своимъ товарищамъ такого рода факты: мѣстная учительница Фомина была устранена отъ должности за храненіе трехъ брошюръ, а учитель Барабановъ уволенъ отъ должности по одному лишь подозрѣнію въ политической неблагонадежности. Подозрѣніе это оказалось неосновательнымъ и въ этомъ Барабанову выдано даже удостовѣреніе отъ прокурора казанской судебной палаты. Тѣмъ не менѣе, по словамъ гласнаго, г. Барабановъ уже уволенъ, земство потеряло лучшаго учителя и школа, гдѣ г. Барабановымъ, помимо обученія грамотѣ, велась прекрасная мастерская и былъ устроенъ небольшой образцовый пчельникъ и садъ, вѣроятно, долго такого учителя не увидить. Скороспѣлость постановленія училищнаго совѣта объ увольненіи г. Барабанова объясняется, по мнѣнію гласнаго, тѣмъ обстоятельствомъ, что рѣшали участь учителя всего 3—4 лица, среди которыхъ не было ни одного представителя земства. Находя такой порядокъ совершенно ненормальнымъ, г. Мазуровскій предложилъ собранію въ видахъ гарантіи спокойной службы земскихъ учителей и обезпеченія интересовъ земства просить училищный совѣтъ, чтобы вопросы объ увольненіи земскихъ учителей рѣшались въ присутствіи представителей отъ земства и попечителей школъ, и собраніе съ своей стороны единогласно присоединилось къ этому предложенію *).

Приведенныя постановленія уѣздныхъ собраній, несомнѣнно, свидѣтельствуютъ о томъ, что въ средѣ земскихъ дѣятелей назрѣло уже сознаніе необходимости оградить личность народнаго учителя отъ чрезмѣрнаго административнаго произвола. Но тѣ формы, въ какія вылилось это сознаніе, едва-ли можно считать вполне удовлетворительными. Окружающая насъ дѣйствительность знаетъ массу случаевъ, совершенно подобныхъ тѣмъ, какіе обсуждались въ саратовскомъ и мензелинскомъ земскихъ собраніяхъ. „На-дняхъ—писали недавно „Новому Времени“ изъ гор. Тихвина — послѣдовало предложеніе завѣдующему колбечскимъ двухкласснымъ министерскимъ училищемъ оставить занимаемую имъ должность. Учитель О—въ, человекъ не первой молодости, считается однимъ изъ лучшихъ и опытнѣйшихъ учителей въ уѣздѣ, такъ какъ 22 года работаетъ на педагогическомъ поприщѣ, непрерывно служа вначалѣ въ земскихъ, а затѣмъ въ министерскихъ школахъ. Репутація его безупречна. За время своей продолжительной дѣятельности онъ принесъ не мало пользы дѣлу народнаго просвѣщенія; при его содѣйствіи было выстроено нѣсколько образцовыхъ школьныхъ помѣщеній, оборудованъ рядъ крестьянскихъ библіотекъ, при колбечскомъ училищѣ возникъ

*) „Н. Время“, 31 окт. 1904 г.

интернатъ для крестьянскихъ дѣтей и пр. Какъ учитель, О—въ пользовался любовью своихъ учениковъ. Не любили его лишь мѣстные богатѣи да духовенство за необщительность и независимое поведеніе. Неоднократные доносы и кляузы на какую-то неблагонадежность О—ва, вызвавшіе полицейскій обыскъ (не давшій, какъ и слѣдовало ожидать, никакихъ искомыхъ результатовъ) привели къ тому, что О—ву предложено было подать въ отставку, съ частнымъ предупрежденіемъ, что при неисполненіи этого предложенія онъ будетъ уволенъ безъ прошенія^{*)}.

При царствующей у насъ смутѣ въ области нравственныхъ и правовыхъ понятій „доносами и кляузами“ по адресу народнаго учителя не брезгаютъ подчасъ даже нѣкоторые общественные избранники. Не такъ давно въ газетахъ сообщалось, что въ Волчанскомъ уѣздѣ Харьковской губерніи исправляющій должность уѣзднаго предводителя дворянства, г. Задонскій, внесъ въ мѣстный училищный совѣтъ заявленіе о необходимости удалить одного изъ народныхъ учителей въ виду распространенія имъ вредныхъ мыслей противоправительственнаго характера, предсказанія „политической весны“ и пропаганды ученія Толстого. Свое обвиненіе г. Задонскій подкрѣпилъ лишь ссылкой на мѣстнаго землевладѣльца г. Киріянова. Послѣдній съ своей стороны заявилъ, что ему извѣстенъ лишь одинъ предосудительный фактъ относительно названнаго учителя, а именно — у него въ квартирѣ находится портретъ Л. Н. Толстого и на вопросъ Киріянова: „зачѣмъ у васъ этотъ портретъ?“ учитель отвѣтилъ выраженіемъ своего уваженія къ Толстому. По отзыву училищнаго совѣта, учитель, о которомъ идетъ рѣчь, за все время своей службы никогда не былъ замѣченъ ни въ чемъ предосудительномъ и даже пользовался такой репутаціей благонадежности, что ему одному изъ всѣхъ учителей уѣзда разрѣшено было преподаваніе Закона Божьяго. Тѣмъ не менѣе, совѣтъ постановилъ произвести по заявленію г. Задонскаго разслѣдованіе и для такого разслѣдованія была организована коммиссія, въ которую вошли самъ г. Задонскій, инспекторъ народныхъ училищъ и одинъ земскій начальникъ. Эта коммиссія, по словамъ газетъ, „представила собранныя ею свѣдѣнія въ училищный совѣтъ, а послѣдній, разсмотрѣвъ ихъ, нашелъ, что въ нихъ нѣтъ ровно ничего компрометирующаго учителя, и закрытой баллотировкой оставилъ его на мѣстѣ“^{**)}.

Когда эти свѣдѣнія были оглашены въ печати, г. Задонскій нашелъ, что они выставили его „личное отношеніе къ этому дѣлу въ весьма неприглядномъ свѣтѣ“, и прислалъ въ редакцію сообщившей ихъ газеты письмо съ нѣкоторыми поправками. „Дѣло возникло—такъ поправляетъ г. Задонскій газетный разсказъ—не

*) „Н. Время“, 17 окт. 1904 г.

**) „Русь“, 12 окт. 1904 г.

по „добровольному сыску“, какъ полагаетъ анонимный корреспондентъ, а потому, что я былъ обязанъ, на основаніи закона и на основаніи моей вѣрноподданнической присяги, принять всѣ зависящія отъ меня мѣры для прекращенія вредной, по моему убѣжденію, дѣятельности учителя-пропагандиста въ крестьянской средѣ. Коммиссія, выѣхавшая на мѣсто для изслѣдованія дѣла, исполнѣ установила: 1) что упомянутый учитель часто приглашалъ къ себѣ на квартиру мѣстныхъ крестьянъ, даже вовсе не частныхъ къ школѣ, и въ бесѣдахъ знакомилъ ихъ съ воззрѣніями гр. Толстого, 2) что между крестьянами уже нашелся такой, который заявилъ приходскому священнику о намѣреніи скоро „отколѣться“ отъ церкви, и 3) что учитель въ частныхъ разговорахъ высказывалъ свою надежду на скорую перемѣну нашего государственнаго строя. Кромѣ того, выяснилось, что упомянутый преподаватель охотно принималъ участіе въ попойкахъ съ крестьянами и не отличался нравственнымъ поведеніемъ. При этихъ данныхъ я считалъ удаленіе его необходимымъ. Дѣло, конечно, зависитъ отъ взглядовъ, но, что мои взгляды не были единичными, доказываетъ результатъ баллотировки. Большинствомъ шести голосовъ противъ пяти, училищный совѣтъ рѣшилъ не увольнять эту личность окончательно. Однако совѣтъ единогласно согласился съ моимъ предложеніемъ удалить учителя по крайней мѣрѣ изъ той школы, въ которой онъ до сихъ поръ преподавалъ. Въ настоящее время этотъ учитель уже переведенъ въ другую школу, болѣе близкую къ уѣздному центру, и отстраненъ отъ преподаванія Закона Божія. Результатъ этотъ, правда, не соответствуетъ моимъ надеждамъ; но онъ не соответствуетъ и изложенію г. корреспондента, заявившаго читателямъ, что совѣтомъ постановлено „оставить учителя на его мѣстѣ“. Корреспондировать—дѣло хорошее, но не надо самовольно мѣнять окраску передаваемого и не надо извращать факты, хотя бы мелкими штрихами“ *).

Какъ видно изъ этого письма, г. Задонскій нисколько не стѣсняется ни своего вздорнаго и тѣмъ не менѣе имѣвшаго нѣкоторый успѣхъ доноса, ни самой роли доносчика, и скорѣе даже наклоненъ гордиться такою ролью, вмѣняя ее себѣ въ прямую обязанность. Вкусы, очевидно, бываютъ различные и г. Задонскаго, конечно, трудно было бы разубѣдить въ томъ, что удовлетвореніемъ своихъ вкусовъ онъ выполняетъ нѣкоторую гражданскую обязанность. Тѣмъ не менѣе едва ли возможно считать нормальнымъ порядокъ, при которомъ такое учрежденіе, какъ уѣздный училищный комитетъ, идетъ на встрѣчу подобнымъ вкусамъ и считаетъ нужнымъ наряжать цѣлыя слѣдственные коммиссіи для изслѣдованія вопросовъ о томъ, виситъ ли въ квартирѣ учителя портретъ гр. Толстого, приглашалъ ли учитель въ

*) „Русь“, 7 ноября 1904 г.

гости мѣстныхъ крестьянъ и не ждетъ ли онъ „политической весны“.

Та атмосфера безправія, произвола и доносительства, въ которой процвѣтаютъ подвиги гг. Задонскихъ, дѣлаетъ, конечно, крайне тяжелою жизнь народнаго учителя. Но странно разсчитывать на серьезное освѣженіе этой атмосферы путемъ такихъ ничтожныхъ палліативовъ, какъ обязательное участіе земскихъ представителей въ рѣшеніяхъ училищныхъ совѣтовъ по дѣламъ, касающимся судьбы учителей. Не говоря уже о томъ, что такое участіе далеко не всегда можетъ обезпечить справедливое рѣшеніе, судьба народнаго учителя зависитъ не только отъ училищныхъ совѣтовъ и гг. Задонскіе проявляютъ свое благородное рвеніе не только въ этихъ учрежденіяхъ. Такимъ образомъ вопросъ о правовомъ положеніи народнаго учителя является гораздо болѣе сложнымъ, чѣмъ представляло его мензелинское земское собраніе. При всемъ томъ для правильнаго рѣшенія этого вопроса едва-ли была нужда и въ той спеціальной его „разработкѣ“, какую собрались производить саратовскіе земцы. Вопросъ о правовомъ положеніи народнаго учителя составляетъ лишь часть общаго вопроса о положеніи личности въ Россіи и не можетъ быть рѣшенъ внѣ связи съ этимъ общимъ вопросомъ. Громадная масса фактовъ обыденной жизни какъ нельзя болѣе краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о томъ, что народный учитель прежде всего и больше всего нуждается въ установленіи такого порядка, при которомъ его личность была бы прочно ограждена отъ всякихъ произвольныхъ дѣйствій и онъ не могъ бы быть лишень никакихъ гражданскихъ правъ иначе, какъ въ силу законно состоявшагося рѣшенія суда. Высказавъ вполне опредѣленно эту нужду, земскія собранія поступили бы тѣмъ правильнѣе, что ее въ такой же мѣрѣ испытываютъ и всѣ другіе земскіе служащіе и земскіе дѣятели, равно какъ и всѣ вообще русскіе граждане.

Въ хроникѣ прошлаго мѣсяца мнѣ уже приходилось упоминать о распоряженіяхъ новаго министра внутреннихъ дѣлъ, направленныхъ къ восстановленію правъ нѣкоторыхъ лицъ, подвергшихся въ послѣдніе годы различнаго рода административнымъ карамъ. Съ тѣхъ поръ количество такихъ распоряженій значительно увеличилось. Какъ сообщаютъ газеты, въ Суджѣ получено отъ курскаго губернатора увѣдомленіе, что кн. П. Д. Долгоруковъ, лишенный по докладу покойнаго министра Плеве права общественной дѣятельности, восстановленъ въ своихъ правахъ; вслѣдъ за полученіемъ этого извѣстія суджанское земское собраніе избрало кн. Долгорукова председателемъ своей управы *). Гласному новоторжскаго уѣднаго и губернскаго тверскаго земства Ив. Ил. Петрункевичу, которому еще съ 1887 года при ми-

*) „Право“, № 40.

нистрѣ внутреннихъ дѣлъ Д. А. Толстомъ былъ запрещенъ въѣздъ въ Петербургъ, теперь разрѣшенъ такой въѣздъ въ виду приглашенія его председателемъ московской губернской управы на сѣздъ земскихъ дѣятелей въ Петербургъ 6 ноября *). Всѣмъ земскимъ дѣятелямъ Тверской губерніи, высланнымъ по распоряженію покойнаго министра Плеве, разрѣшено вернуться; въ томъ числѣ возвращены г.г. Апостоловъ и Балавинскій **). Воронежской губернской управой получено увѣдомленіе отъ мѣстнаго губернатора, что съ участвовавшего въ засѣданіяхъ воронежскаго уѣднаго комитета о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности члена губернской управы Д. А. Перелешина, отстраненнаго отъ должности въ началѣ 1903 года, слагается наложенное на него взысканіе, и того же числа г. Перелешинъ вступилъ въ исправленіе должности члена губернской управы ***). Въ Курскѣ получено увѣдомленіе, что уволенные со службы по распоряженію покойнаго министра Плеве гг. Бернашевскій и Каллистратовъ вновь получили право служить въ земскихъ учрежденіяхъ; точно также снято запрещеніе служить въ земствѣ съ бывшаго секретаря губернской управы г. Звягинцева, завѣдующаго земскимъ книжнымъ складомъ г. Сытина и съ нѣсколькихъ другихъ лицъ, лишенныхъ права работать въ земскихъ учрежденіяхъ за демонстративный разрывъ съ губернской управой, происшедшій въ связи съ увольненіемъ гг. Бернашевскаго и Каллистратова ****). Освобожденъ изъ-подъ гласнаго надзора бывший старшій врачъ севастопольской городской больницы докторъ С. А. Никоновъ, который былъ сосланъ на пять лѣтъ въ Архангельскъ за участіе въ коллективномъ протестѣ противъ назначенія новаго смотрителя севастопольской городской больницы безъ вѣдома ея врачей ***). Равнымъ образомъ освобождены и получили разрѣшеніе выѣхать изъ Архангельска бывший секретарь уфимской губернской земской управы г. Гудъ и одинъ помощникъ присяжнаго повѣреннаго, высланные въ прошломъ году изъ Уфы въ Архангельскую губернію на пять лѣтъ за политическую неблагонадежность, и болѣе десяти человекъ крестьянъ, изъ которыхъ одни были высланы по случаю аграрныхъ безпорядковъ въ Балашовскомъ уѣздѣ Саратовской губерніи послѣ оправданія ихъ судомъ, а другіе—за стачки *****). Освобожденъ также изъ ссылки инженеръ-технологъ В. Н. Смирновъ, который былъ сосланъ на пять лѣтъ въ Архангельскую губернію за председательство на студенческой сходкѣ, собравшейся въ прошломъ году во время студен-

*) „Русь“, 25 окт. 1904 г.

**) „Р. Вѣдомости“, 27 окт. 1904 г.

***) „Р. Вѣдомости“, 23 окт. 1904 г.

****) „Р. Вѣдомости“, 23 окт. 1904 г.

*****) „Р. Вѣд.“, 19 окт. 1904 г.

*****) „Р. Вѣд.“, 27 окт. 1904 г.

ческаго вечера въ петербургскомъ технологическомъ институтѣ. За участіе въ этой сходкѣ былъ сосланъ въ Олонецкую губернію еще присяжный повѣренный Волкенштейнъ, теперь тоже освобожденный *). Изъ Архангельска возвращенъ еще, по ходатайству председателя петербургскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, прис. пов. А. В. Переверзевъ **). Наконецъ, изъ Иркутска возвращенъ сосланный туда за участіе въ послѣднемъ стѣздѣ дѣятелей по техническому образованію писатель и гласный петербургской городской думы Г. А. Фальборкъ ***).

Всѣ эти лица, въ свое время понесшія различныя кары въ силу простого административнаго распоряженія, теперь освобождены такимъ же распоряженіемъ. Но не надо забывать, что въ томъ положеніи, изъ котораго они вышли, остаются еще сотни и тысячи другихъ и число это можетъ и впредь безпрепятственно возрастать, разъ остается неотмѣненной самая возможность административной расправы. Въ свою очередь и лица, только что избавившіяся отъ послѣдствій такой расправы, ничѣмъ не гарантированы отъ новаго знакомства съ нею, причемъ такое знакомство можетъ послѣдовать безъ всякаго видимаго повода. Не далѣе, какъ на дняхъ, въ газетахъ былъ разсказанъ чрезвычайно характерный случай такого рода. Въ іюнѣ 1903 года въ г. Каркаралы Семипалатинской области былъ присланъ подъ гласный надзоръ полиціи срокомъ на два года В. Д. Соколовъ (В. Д. Митричъ), принимавшій ближайшее участіе въ редакціи газеты „Степной Край“. „Неизвѣстно,—говоритъ газетный корреспондентъ,—что послужило поводомъ высылки г. Соколова,—ему было предъявлено постановленіе особаго совѣщанія министерства внутреннихъ дѣлъ о ссылке его на два года въ Каркаралы и передъ этимъ администрація по отношенію его не предприняла ни обыска, ни какаго-либо опроса. Въ Каркаралахъ г. Соколовъ жилъ уроками, очень скромно и тихо. Когда въ концѣ этого года Каркаралы выгорѣли, отъ пожара сильно пострадалъ и г. Соколовъ. У него сгорѣли рукописи, замѣтки, недоконченные рассказы и пр., сгорѣла вся мебель и всѣ запасы. Пришлось ему сдѣлать долги для того, чтобы собрать на зиму новые запасы и обзавестись на новой квартирѣ. Не успѣлъ онъ сдѣлать этого, какъ ему было объявлено, что по высочайшему манифесту онъ свободенъ, но что ему воспрещено жительство въ Степномъ генераль-губернаторствѣ и въ полосѣ отчужденія Сибирской желѣзной дороги. Человѣкъ безъ средствъ, семейный, преклонныхъ лѣтъ, связанный различными дѣловыми обязательствами, г. Соколовъ очутился въ очень тяжеломъ положеніи. Въ настоящее время онъ подалъ заявленіе о разрѣшеніи ему перезимовать въ мѣстѣ ссылки или остаться тамъ

*) „Р. Вѣд.“, 26 окт. 1904 г.

**) „Кіевск. Отклики“, 13 окт. 1904 г.

***). „Правд“, № 46.

до тѣхъ поръ, пока онъ не подыщетъ себѣ какого-либо заработка или даже просто не выберетъ опредѣленнаго мѣста для будущаго своего жительства“ *).

Въ виду такихъ фактовъ, переполняющихъ собою русскую жизнь, нельзя не подивиться тому слабому интересу, какой проявили земскія собранія нынѣшней сессіи къ вопросу объ обезпеченіи личности русскаго обывателя, и той чрезмѣрной осторожности, съ какою обсуждали этотъ вопросъ немногія собранія, такъ или иначе ближе подходившія къ нему. Не меньшую осторожность проявили, впрочемъ, уѣздныя собранія и по отношенію къ другому основному вопросу, выдвинутому на очередь современною русскою жизнью и сводящемуся къ формулировкѣ того пути, ка-кимъ могли бы быть проведены необходимыя коренныя измѣненія этой жизни. Изъ всѣхъ состоявшихся до сихъ поръ земскихъ собраній только въ одномъ этотъ вопросъ былъ поставленъ вполне опредѣленно, но и здѣсь онъ не встрѣтилъ достаточнаго сочувствія.

Въ нижегородскомъ уѣздномъ собраніи гласный Рождественскій, отиѣтивъ рядъ принятыхъ собраніемъ ходатайствъ о расширеніи правъ земства, обратился къ собранію съ такою рѣчью: „Недостаточно, господа, ходатайствовать,—необходимо еще поддерживать свои ходатайства. Мы этой возможности лишены. Въ виду этого является насущная потребность для населенія участвовать въ законодательной работѣ. Не пугайтесь, прошу васъ, этихъ „страшныхъ“ словъ! Среди насъ нѣтъ ни крамольниковъ, ни враговъ правительства. Но мы должны откровенно заявить о насущной потребности нашего участія въ законодательствѣ. Какой можетъ быть вредъ отъ того, что правительство узнаетъ о народныхъ нуждахъ непосредственно отъ заинтересованныхъ въ нихъ людей? Стремиться къ этому—наша священная обязанность. Позволю себѣ маленькій намекъ (вы поймете его): не подлежитъ сомнѣнію, что масса юношей, неопытныхъ, способныхъ дѣлать ошибки, принимаетъ у насъ участіе въ тѣхъ дѣлахъ, которыми слѣдовало бы заниматься зрѣлымъ людямъ. Господа, у васъ есть дѣти, есть младшіе братья. Не возлагайте на нихъ непосильное дѣло! Сами беритесь за него! Не бойтесь, что на васъ взглянуть, какъ на крамольниковъ, если вы захотите служить родинѣ. Намъ нужно объединиться, нужно идти навстрѣчу нуждамъ населенія. Это возможно только въ томъ случаѣ, если представители населенія будутъ участвовать въ законодательной работѣ. Въ какой формѣ это можетъ осуществиться, я не знаю. Но наша священная обязанность просить объ этомъ, особенно теперь, когда мы слышимъ призывъ правительства къ обществу. Не пугайтесь! Вы только поможете правящимъ классамъ. Я прошу передать мое предло-

*) „Р. Вѣдомости“, 28 окт. 1904 г.

женіе въ комиссію и разработать въ связи съ ходатайствами о земскомъ положеніи“.

Нижегородское собраніе выслушало эту рѣчь, но не исполнило обращенной къ нему ораторомъ просьбы „не пугаться“ и выразителемъ создавагоса въ собраніи настроенія выступилъ гласный Каргеръ. „Думаю,—заявилъ онъ—единственнымъ справедливымъ возраженіемъ правительства противъ расширенія правъ земства было бы то, что оно считаетъ наше общество неподготовленнымъ для созидательной работы, то общество, которое состоитъ еще въ большинствѣ изъ людей неграмотныхъ. Это было бы, повторяю, единственнымъ возможнымъ возраженіемъ. Чѣмъ же намъ доказать нашу способность въ такой дѣятельности? Главный признакъ этого—умѣніе сдерживаться, обладаніе извѣстнымъ тактомъ. По моему, прежде, чѣмъ интеллигенція этого не докажетъ, нечего рассчитывать на сочувственный откликъ правительства. Поэтому, привѣтствуя отъ души какъ бы новое направленіе правительства, я думаю, что на нашей отвѣтственности лежитъ держать себя корректно, съ достоинствомъ, и показать, что мы обладаемъ той выдержкой, въ которой, повидимому, правительство сомнѣвается. Думать о новыхъ правахъ намъ обязательно нужно, но въ извѣстной послѣдовательности. Поэтому я противъ предложенія г. Рождественскаго“ *). По существу, конечно, странно думать, что способность къ созидательной работѣ доказывается „умѣніемъ сдерживаться“ отъ участія въ такой работѣ и что корректность и тактъ заключаются въ искусствѣ молчанія. Не менѣе странно ожидать, что не высказываемыя обществомъ нужды будутъ угаданы и удовлетворены именно потому, что онѣ никѣмъ не высказываются. Въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій массу русскаго общества всего меньше можно было упрекнуть въ отсутствіи „умѣнія сдерживаться“, но, какъ извѣстно, это умѣніе не принесло ей особенно благопріятныхъ результатовъ. Но нижегородское собраніе, очевидно, рассуждало иначе и приняло мнѣніе г. Каргера, отвергнувъ предложеніе г. Рождественскаго.

Таковы выяснившіеся до сихъ поръ главные итоги сессіи уѣздныхъ земскихъ собраній. Этими итогам нельзя отказать въ извѣстной поучительности, но нельзя и назвать ихъ вполне соответствующими требованіямъ переживаемаго момента. Уѣздныя земскія собранія указали много темныхъ сторонъ современной русской жизни и, въ частности, жизни земской, но они не свели своихъ указаній въ одно цѣлое, не договорили ихъ до конца и не намѣтили съ достаточною ясностью того пути, какимъ страна можетъ выйти изъ переживаемаго ею настоящаго къ болѣе свѣтлому будущему. Такой результатъ, конечно, въ значительной мѣрѣ объясняется самымъ составомъ уѣздныхъ собраній, страдаю-

*) „Нижегор. Листокъ“, 15 октября 1904 г.

щимъ крайней односторонностью. Надо надѣяться, что предстоящія губернскія собранія, являющіяся болѣе вѣрными и болѣе авторитетными выразителями нуждъ земской Россіи, договорятся то, что осталось недосказаннымъ въ постановленіяхъ уѣздныхъ земствъ, и съ большею полнотою и отчетливостью выяснять условія, необходимыя для правильнаго развитія русской общественной жизни. Надо надѣяться также, что въ дѣлѣ этого выясненія земскіе дѣятели не разойдутся съ ясно обозначившимися стремленіями прогрессивной части русскаго общества, ставящей своей цѣлью удовлетвореніе наиболѣе насущныхъ нуждъ великой народной массы путемъ предоставленія возможно болѣе широкаго простора ея самостоятельности. Въ недавнемъ прошломъ русское земство не разъ отставало отъ общественнаго движенія страны. Въ настоящемъ оно не должно повторять этой ошибки и можно надѣяться, что она не повторится. По крайней мѣрѣ, послѣдніе шаги наиболѣе видныхъ представителей земства даютъ право рассчитывать, что въ настоящій моментъ окажется вполне возможнымъ единеніе тѣхъ общественныхъ силъ, дружныя усилія которыхъ способны создать почву для лучшаго будущаго.

II.

За послѣдніе мѣсяцы опять возобновились еврейскіе погромы. Опять приходятъ вѣсти о разграбленіи еврейскихъ домовъ, объ уничтоженіи имущества сотенъ и тысячъ семействъ, объ избіеніи десятковъ и сотенъ ни въ чемъ не повинныхъ людей и эти печальныя, возмущающія душу вѣсти идутъ изъ цѣлаго ряда городовъ и мѣстечекъ юго-западнаго и сѣверо-западнаго края.

Въ м. Смѣлѣ Черкаскаго уѣзда Кіевской губерніи 22 и 23 августа толпа громилъ „бушевала по улицамъ, разрушая дома и лавки и разграбляя имущество“. „Въ результатѣ—по словамъ выпущеннаго комитетомъ по сбору пожертвованій пострадавшимъ евреямъ и подписаннаго гр. А. Бобринскимъ и А. Прилуцкимъ воззванія—172 лавки и 96 домовъ, по нѣскольکو квартиръ въ каждомъ, подверглись разгрому. Внутри квартиръ не осталось ни одной вещи цѣлой. Триста еврейскихъ семей осталось безъ хлѣба, безъ источниковъ заработка и средствъ въ существованію“ *).

Двухдневный погромъ, принеся съ собою такіе результаты, повидимому, не встрѣтилъ никакихъ препятствій со стороны мѣстныхъ властей. Подобный же погромъ разыгрался 22 августа въ г. Ровно, Волынской губерніи, причемъ адѣсь главными дѣятелями погрома явились солдаты, служащіе на мѣстномъ сухар-

*) „Од. Новости“, 30 сентября 1904 г.

номъ заводѣ *). Немного позже новый погромъ произошелъ въ г. Александріи, Херсонской губерніи. „Въ субботу 6 сентября—по словамъ описывающей этотъ погромъ газетной корреспонденціи—толпа мѣстныхъ хулигановъ, подкрѣпленная немногими изъ мобилизованныхъ запасныхъ чиновъ, бросилась громить еврейскіе магазины и лавочки. Въ теченіе одного часа было разгромлено болѣе десятка лавокъ... Происходилъ среди бѣлаго дня грабежъ на глазахъ у всѣхъ. Свистъ и гиканіе полусотни громилъ потрясали воздухъ; вся же остальная толпа спокойно, безъ всякаго шума и крика, забирала товары изъ еврейскихъ магазиновъ... Попутно громиламъ попалась синагога и здѣсь случилось нѣчто ужасное; говорятъ, что какіе-то выстрѣлы возбудили толпу и она ворвалась въ синагогу. Тутъ пошло извѣщеніе молящихся. Болѣе двухъ десятковъ евреевъ было изувѣчено. Въ эту тяжелую минуту на помощь евреямъ явился священникъ Алексѣй Александровичъ. Онъ вышелъ на площадь съ хоругвями и началъ служить молебенъ подъ открытымъ небомъ. Этимъ онъ пріостановилъ на время погромъ. По окончаніи службы погромъ возобновился и обрушился главнымъ образомъ на богатые магазины. Опять человекъ 50 принялись громить и грабить, а многотысячная толпа уносила и увозила награбленное. Ночью громилы пріостановили свою „работу“, а на слѣдующій день погромъ былъ прекращенъ прибывшей сотней казаковъ“ **). Раньше же этого мѣстные власти, повидимому, бездѣйствовали, вмѣшавшійся было въ погромъ священникъ счелъ свою задачу выполненной, отслуживъ молебенъ, а русская интеллигенція города не нашла въ себѣ достаточно мужества, чтобы выступить противъ толпы громилъ и грабителей. Около этого же времени менѣе значительные по размѣрамъ погромы произошли еще въ нѣсколькихъ мѣстахъ.

Съ конца сентября погромы еще болѣе участились, принявъ почти эпидемическій характеръ. Помѣщенное въ газетахъ официальное сообщеніе главную вину въ этомъ возлагаетъ на мобилизованныхъ въ это время запасныхъ. „Безпорядки запасныхъ—говоритъ названное сообщеніе—происходили въ разныхъ мѣстахъ Витебской, Смоленской и Кіевской губерній и приняли наиболѣе острый характеръ въ г. Каневѣ, гдѣ партіи запасныхъ, произведшія на пути слѣдованія въ названный городъ разгромъ винныхъ лавокъ, еврейскихъ и помѣщичьихъ домовъ и мельницъ, оказали сопротивленіе полиціи, пожелавшей помѣшать имъ разгромить винную лавку. Пьяная толпа, воспользовавшись малочисленностью воинской команды, ворвалась въ управленіе воинскаго начальника, произвела тамъ буйство и, бросившись на базарную площадь, разграбила нѣсколько лавокъ. При подавленіи

*) „СПБ. Вѣдомости“, 11 сентября 1904 г.

**) „СПБ. Вѣдомости“, 12 октября 1904 г.

беспорядковъ былъ раненъ камнемъ въ голову помощникъ исправника и въ ногу одинъ нижній чинъ. Въ г. Смоленскѣ партія запасныхъ также произвела у помѣщенія воинскаго начальника буйство, начавшееся съ драки съ евреями. Самые продолжительные беспорядки произошли въ г. Полоцкѣ, гдѣ прибывавшіе послѣдовательно въ теченіе трехъ дней эшелонами запасные нижняго чина производили разгромъ винныхъ лавокъ и расхищали вино; попытка буйствовавшихъ произвести разгромъ въ еврейскихъ кварталахъ не увѣнчалась успѣхомъ въ виду внимательства полиціи. Винныя лавки были разгромлены, кромѣ того, въ г. Лепель и м. Ушачи Витебской губерніи, въ шести селахъ Кіевской губерніи, въ г. Сѣнно Могилевской губерніи и въ гг. Люцинѣ и Рѣжицѣ Витебской губерніи; въ Рѣжицѣ также пострадалъ винный складъ и избитъ полицейскій приставъ, а въ Сѣнно убитъ одинъ конвойный. Во время остановки воинскаго поѣзда на станціяхъ Крейцбургъ и Сиротино Риго-Орловской желѣзной дороги запасными были разгромлены буфеты и разбиты двѣ частныя лавки. Точно такъ же въ г. Витебскѣ слѣдовавшая изъ Смоленска партія въ 400 запасныхъ по остановкѣ поѣзда бросилась въ городъ за покупками, причемъ хватала и разбрасывала товары изъ лавокъ. Въ одномъ селѣ произведено нападеніе на сахарный заводъ, въ другомъ—на почтово-телеграфную контору. Въ Кіевской губерніи былъ раненъ толпой въ своемъ домѣ помѣщикъ, причемъ денежная касса его была разгромлена: въ той же губерніи у ст. Таганча запасные побили и отняли деньги у проезжавшаго священника, при чемъ у жандармскаго унтеръ-офицера, пытавшагося повліять на толпу увѣщаніемъ, была выхвачена шашка, а самъ онъ поваленъ на землю и побитъ. Наконецъ, въ г. Быховѣ Могилевской губерніи безчинствующие запасные разбивали и грабили дома обывателей“.

Частныя газетныя корреспонденціи значительно дополняютъ свѣдѣнія, переданныя въ официальномъ сообщеніи. Въ Каневскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи болѣе или менѣе значительныя погромы произошли, по словамъ такихъ корреспонденцій, въ нѣсколькихъ пунктахъ. Въ м. Богуславѣ 11 октября была разбита и разграблена масса еврейскихъ домовъ и лавокъ; почти одновременно то же самое повторилось въ Мироновѣ, м. Степанцахъ и Козинѣ *). Еще болѣе крупныя размѣры приняли еврейскіе погромы въ сѣверо-западномъ краѣ. Въ Витебскѣ такой погромъ продолжался пять дней, причемъ нѣсколько евреевъ было убито и нѣсколько десятковъ ранено **). Въ г. Быховѣ Могилевской губерніи погромъ длился три дня и въ результатъ его городъ оказался на-половину разрушеннымъ ***). Подобные

*) „Нижег. Листокъ“; 23 окт.; „Русь“, 22 окт. 1904 г.

**) „Русь“, 21 октября; „Од. Новости“, 28 октября 1904 г.

***) „Р. Вѣдомости“, 19 окт. 1904 г.

же погромы произошли и въ другихъ мѣстахъ Могилевской губерніи, въ городахъ Мстиславѣ и Сѣнномъ, въ мѣстечкахъ Княжичахъ, Сухарахъ, Будничахъ, Сельцахъ и т. д. *). Въ самомъ Могилевѣ при объявленіи мобилизаціи также разыгрался двухдневный еврейскій погромъ, сопровождавшійся человѣческими жертвами **). Наконецъ, подобные же погромы, хотя и въ менѣе серьезныхъ размѣрахъ, происходили и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Петроковской губерніи ***).

Такимъ образомъ еврейскіе погромы охватили гораздо болѣе значительную территорию и приняли гораздо болѣе грозный характеръ, чѣмъ можно было бы подумать, судя по даннымъ официальнымъ сообщеніемъ свѣдѣніямъ. Въслѣдъ съ тѣмъ, хотя погромы и вспыхивали по большей части тамъ, гдѣ была объявлена мобилизація, но въ нихъ принимали участіе далеко не одни запасные и послѣднимъ часто даже принадлежала въ погромѣ сравнительно второстепенная роль. Выяснить съ надлежащей полнотой всю картину этихъ погромовъ въ настоящее время еще нѣтъ возможности за отсутствіемъ необходимыхъ свѣдѣній. Но уже и теперь можно отмѣтить двѣ рѣзко выдающіяся черты этой картины. Одною изъ нихъ является странное бездѣйствіе мѣстныхъ властей, нигдѣ почти не принявшихъ своевременныхъ мѣръ для предупрежденія и прекращенія возникавшихъ погромовъ. Между прочимъ, по этому поводу въ газетахъ разсказанъ чрезвычайно любопытный случай. Когда товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, заведующій полиціею, генералъ-маіоръ Рыдзевскій, выѣхавшій изъ Петербурга для разслѣдованія безпорядковъ, произведенныхъ запасными, посѣтилъ Могилевъ, къ нему явились представители мѣстнаго еврейскаго общества и подали подробную записку о томъ, что творилось въ городѣ въ теченіе тѣхъ дней, когда толпа громила и грабила еврейское имущество, не встрѣчая ни малѣйшаго препятствія со стороны мѣстныхъ властей. Товарищъ министра общалъ потерпѣвшимъ, что о дѣйствіяхъ могилевской полиціи будетъ произведено строгое разслѣдованіе. Такое разслѣдованіе, несомнѣнно, требуетъ нѣкотораго времени. Между тѣмъ сейчасъ же послѣ отъѣзда изъ Могилева г. Рыдзевского въ „Могилевскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ появился приказъ губернатора съ объявленіемъ благодарности полицеймейстеру Родіонову и чинамъ полиціи за успѣшную дѣятельность по прекращенію безпорядковъ и сообщеніемъ, что губернаторомъ выдано въ распоряженіе г. Родіонова 150 р. для раздачи полицейскимъ денежныхъ наградъ ****). Этотъ эпизодъ бросаетъ неожиданно яр-

*) „Р. Вѣд.“, 23 октября; „Кіевск. Отклики“, 25 и 28 окт. 1904 г.

**) „Р. Вѣд.“, 18 окт. 1904 г.

***) „Нов. Время“, 26 окт. 1904 г.

****) „Спб. Вѣдомости“, 29 окт. 1904 г.

кій свѣтъ на поведеніе могилевской полиціи, а, быть можетъ, и не одной только могилевской.

Другою характерною чертой развернувшейся передъ нами печальной картины погромовъ является безучастное поведеніе мѣстной русской интеллигенціи. Масса этой интеллигенціи, повидимому, спокойно смотрѣла, какъ рядомъ съ нею грабятъ, избиваютъ и убиваютъ беззащитныхъ людей, и не считала нужнымъ выйти изъ своего пассивнаго состоянія и дать энергическій отпоръ тѣмъ темнымъ силамъ, которыя подготовили и осуществили это жестокое преступленіе, налагающее позоръ на русское имя. Трудно понять такое поведеніе, трудно и оправдать его какими бы то ни было соображеніями.

Какъ произошли только что разыгравшіеся погромы,—выяснить будущее, надо надѣяться, недалекое. Но они во всякомъ случаѣ заключаютъ въ себѣ поучительный урокъ для настоящаго. Возможность повторенія еврейскихъ погромовъ при новомъ министрѣ почти въ томъ же самомъ видѣ, въ какомъ они происходили при его предшественникѣ, сама по себѣ уже является какъ нельзя болѣе убѣдительнымъ напоминаніемъ о томъ, что для дѣйствительнаго обновленія русской жизни нужны не благожелательныя слова, не маленькіе палліативы, а рѣшительныя и смѣлыя дѣйствія, направленныя къ переустройству государственнаго строя на началахъ равноправности и свободы. И этимъ жестокимъ урокомъ надо воспользоваться какъ можно скорѣе, не дожидаясь другихъ, еще болѣе жестокихъ, не вызывая новыхъ страданій и не создавая новыхъ жертвъ.

Собственно безпорядки, произведенные запасными, далеко не вездѣ получили характеръ еврейскихъ погромовъ. Мѣстами эти безпорядки носили совершенно иной характеръ. Случаи такого рода указаны уже въ цитированномъ выше официальном сообщеніи, но, кромѣ того, извѣстно и еще нѣсколько такихъ же случаевъ.

Одинъ изъ этихъ случаевъ, происшедшій въ Москвѣ, передается газетами въ такомъ видѣ. 25 октября, рано утромъ, по пути изъ г. Кадникова Вологодской губерніи въ г. Томскъ прибылъ въ Москву на товарную станцію Казанской желѣзной дороги эшелонъ призванныхъ на дѣйствительную службу нижнихъ чиновъ запаса числомъ въ 1.000 человекъ. Отправившіеся въ городъ чины запаса въ сильно нетрезвомъ видѣ стали буйствовать, желая силой ворваться въ заблаговременно закрытыя винныя лавки и трактирныя заведенія, расположенныя вблизи станціи. Для восстановленія порядка прибыла военная команда, которая водворила запасныхъ на товарную станцію. Во 2-мъ часу дня запасные стали требовать, чтобы ихъ отпустили въ городъ, и стремились силой выйти

со станціоннаго двора. На всѣ увѣщанія военнаго начальства прекратить безпорядокъ, съ предупрежденіемъ о томъ, что воинская часть будетъ вынуждена прибѣгнуть къ оружію, толпа запасныхъ отвѣчала бранью и стала бросать полѣньями и камнями, которыми были ранены начальникъ команды, три офицера и девять нижнихъ чиновъ. Видя, что убѣжденія и угрозы не дѣйствуютъ и что запасные, не смотря на нѣсколько выстрѣловъ, произведенныхъ умышленно въ воздухъ, не только не успокаиваются, но продолжаютъ наступать на войска съ цѣлью прорваться, начальникъ приказалъ стрѣлять, причемъ были убиты два запасныхъ нижнихъ чина: Алексѣй Кузьминъ и другой, имя котораго пока не выяснено, и ранены шесть человѣкъ: Степанъ Гуляевъ, Иванъ Колдуновъ, Николай Косталовъ, Александръ Соколовъ, Василій Милютинъ и Алексѣй Каптинъ. Послѣ этого порядокъ возстановился *). По свѣдѣніямъ „Гражданина“, весь этотъ инцидентъ въ значительной мѣрѣ объясняется дѣйствіями мѣстнаго военнаго управленія, которое „распорядилось, вмѣсто того, чтобы приютить и накормить запасныхъ на станціи, приказавъ имъ пройти нѣсколько верстъ, чтобы получить въ казармахъ пищу“ **).

Значительные безпорядки запасныхъ произошли также въ Варшавѣ 28 октября. По словамъ газетъ, „при посадкѣ въ поѣздъ партіи въ 1.500 запасныхъ изъ Бендинскаго уѣзда на с.-петербургскомъ вокзалѣ въ Варшавѣ начались безпорядки, вызванные нерадѣніемъ желѣзнодорожнаго начальства, которое подало поѣздъ исключительно изъ товарныхъ вагоновъ безъ всякихъ приспособленій; при томъ запасные не получали горячей пищи. Послѣ нѣсколькихъ часовъ волненій, запасные успокоились и большая часть ихъ отправилась на мѣсто службы“ ***). Еще въ нѣсколькихъ мѣстахъ Варшавской и Петроковской губерній „были проявленія неудовольствія, но не со стороны запасныхъ, а со стороны провожавшихъ ихъ семействъ“. Кромѣ того, „были замѣшательства по поводу скопленія большого количества войскъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ, что вызывало недостатокъ помѣщенія для ожидающихъ“ ****).

Безпорядкамъ, возникавшимъ при такихъ условіяхъ, когда отправляемые на войну солдаты должны были ѣхать въ товарныхъ вагонахъ безъ печей, ожидать на станціяхъ своей очереди подъ открытымъ небомъ и оставаться подолгу безъ пищи, едва-ли приходится удивляться. Гораздо болѣе способны вызвать удивленіе сами эти условія, создавшія почву для безпорядковъ.

*) „Р. Вѣдомости“, 27 октября 1904 г.

**) „Гражданинъ“, 31 октября 1904 г.

***) „Н. Время“, 29 окт. 1904 г.

****) „Русь“, 30 окт. 1904 г.

III.

За послѣдній мѣсяць состоялось нѣсколько перемѣнъ въ составѣ высшей мѣстной администраціи. Именнымъ высочайшимъ указомъ отъ 12 октября помощникъ главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ и командующаго войсками кавказскаго военнаго округа генералъ-отъ-инфантеріи Фреге назначенъ виленскимъ, ковенскимъ и гродненскимъ генералъ-губернаторомъ и командующимъ войсками виленскаго военнаго округа. Такимъ же указомъ отъ 13 октября тверской губернаторъ кн. Ширинскій-Шихматовъ назначенъ присутствовать въ сенатѣ; на мѣсто же тверскаго губернатора назначенъ бывшій бессарабскій губернаторъ кн. Урусовъ.

Въ теченіе послѣдняго мѣсяца опубликовано еще рядъ правительственныхъ распоряженій и сообщеній, касающихся охраны порядка. Воспроизводимъ здѣсь важнѣйшія изъ нихъ.

Петербургскимъ губернаторомъ издано новое обязательное постановление о ношеніи оружія. Согласно этому постановленію, ношеніе безъ надобности ножей наказывается трехмѣсячнымъ арестомъ или штрафомъ въ 500 р. *).

Въ „Варшавскомъ Дневникѣ“ напечатано слѣдующее обязательное постановление, изданное 2 октября варшавскимъ генералъ-губернаторомъ, ген.-ад. Чертковымъ: „Въ виду замѣченныхъ за послѣднее время многократныхъ случаевъ со стороны нарушителей порядка и злонамѣренныхъ лицъ употребленія въ ссорѣхъ, дракахъ и иныхъ личныхъ расправахъ при скопищахъ и сборищахъ на улицахъ и площадяхъ и другихъ общественныхъ мѣстахъ, помимо ножей, и иныхъ, по своей прочности и тяжести наносящихъ серьезныя увѣчья, орудій, какъ-то: кастетовъ, разнаго рода кистеней и палокъ со скрытымъ въ нихъ оружіемъ или имѣющихъ тяжелые металлическіе набалдашники, я, въ дополненіе къ изданному мною 5-го іюня 1903 г. обязательному постановленію относительно воспрещенія ношенія при себѣ ножей внѣ вызываемой потребностями занятія или ремесла необходимости, на основаніи предоставленныхъ мнѣ Высочайше утвержденнымъ 21-го марта 1903 г. положеніемъ комитета министровъ правъ постановляю: 1) ношеніе при себѣ кастетовъ, разнаго вида кистеней и палокъ, со скрытымъ въ нихъ оружіемъ или имѣющихъ тяжелые набалдашники, воспрещается; 2) виновные въ нарушеніи этого постановленія подвергаются въ административномъ порядкѣ штрафу до 500 рублей или аресту до 3 мѣсяцевъ; 3) настоящее постановленіе распространяется на гор. Варшаву, Вар-

*) „К. Отлики“, 31 окт. 1904 г.

павскій уѣздъ, гг. Лодаъ, Ченстоховъ, Томашевъ и Бендинскій уѣздъ Петроковской губерніи и входитъ въ силу по опубликованіи его въ установленномъ порядкѣ; 4) на разрѣшеніе сихъ дѣлъ уполномочиваю начальниковъ Варшавской и Петроковской губерній и варшавскаго оберъ-полицеймейстера по принадлежности“ *).

Въ Петербургѣ 14 и 17 октября были произведены попытки демонстраціи со стороны учащейся молодежи, по поводу которыхъ въ газетахъ появилось слѣдующее сообщеніе: „9 октября въ петербургской тюрьмѣ покончилъ съ собой самоубійствомъ студентъ петербургскаго технологическаго института Ив. Малышевъ, арестованный по обвиненію въ государственномъ преступленіи. Смерть его возбудила волненіе въ учащейся молодежи, среди которой ходили слухи о томъ, что арестъ Малышева былъ произведенъ безъ достаточныхъ поводовъ и что причиной его самоубійства было дурное обращеніе съ нимъ въ тюрьмѣ. Слухи эти привели къ тому, что появились гектографированные листки, приглашающіе молодежь къ массовому протесту, для чего назначался день—17-е октября и мѣсто—площадь Казанскаго собора. Малышевъ былъ арестованъ 18-го іюля текущаго года и пробылъ въ тюрьмѣ менѣе 3-хъ мѣсяцевъ; причиной его ареста было обвиненіе въ принадлежности къ подпольному кружку и въ агитаціи среди рабочихъ съ цѣлью организаціи вооруженныхъ безпорядковъ въ день похоронъ покойнаго министра внутреннихъ дѣлъ В. К. Плеве. Передъ смертью Малышевъ оставилъ письмо отцу и записку, въ которой между прочимъ говорится: „Не хочется жить, и не тюрьма причиной этому; причина во мнѣ самомъ: негодящій я человѣкъ для жизни; давно я уже хотѣлъ покончить съ собой“ **).

14 октября нѣсколько десятковъ человѣкъ учащейся молодежи собралось на Выборгской сторонѣ, около тюремнаго зданія, съ цѣлью произвести демонстрацію по поводу смерти Малышева, но послѣ увѣщанія градоначальника, лично прибывшаго на мѣсто и отославшаго полицію, демонстранты разошлись ***). 17 октября такая же попытка повторилась въ болѣе крупныхъ размѣрахъ на Невскомъ проспектѣ и окончилась такимъ же образомъ. Но эта попытка не обошлась уже безъ нѣкоторыхъ инцидентовъ, о которыхъ даетъ понятіе письмо, напечатанное въ газетѣ „Русь“. „Придя въ первомъ часу въ Казанскій соборъ,—разсказываетъ авторъ письма—я засталъ въ соборѣ довольно много народу, но не замѣтилъ почти формъ учащихъ. На Невскомъ же, противъ

*) Цитирую по „Р. Вѣдомостямъ“, 19 окт. 1904 г.

**) „Р. Вѣд.“, 16 окт. 1904 г.

***) „Р. Вѣд.“, 18 окт. 1904 г.

собора, въ это время собралось довольно много публики и не мало учашихся. Стоя у алтаря, я вдругъ замѣтилъ, что недалеко отъ меня какой-то человѣкъ накинулся на молодую дѣвушку, по виду курсистку, и началъ ее грубо тащить. Она громко закричала, но это не остановило схватившаго ее дворника; къ нему подошелъ другой и оба они потащили ее къ выходу. На ея просьбу отпустить, одинъ изъ нихъ ударилъ ее по головѣ и затѣмъ оба они соединенными силами вытащили ее на паперть. Въ это же время начали тащить еще другую дѣвушку со стриженными волосами, затѣмъ начали хватать еще другихъ и всего такимъ образомъ вытащили силой около двѣнадцати человѣкъ. На паперти собора полицейскій офицеръ отдалъ приказъ: „Не отпускать никого“. Взятыхъ повели во дворъ ближайшаго дома. Когда я обратился къ дворникамъ съ упреками, туда же потащили и меня, но вскорѣ отпустили. Когда я вышелъ на площадь, къ панели противъ Казанскаго собора подѣхалъ с.-петербургскій градоначальникъ и, сойдя на тротуаръ, началъ весьма деликатно уговаривать публику расходиться. Въ это время я подошелъ къ г. градоначальнику и спросилъ его, за что дворники били въ соборѣ женщинъ, которыхъ не обращали ничѣмъ на себя вниманія и стояли у алтаря, какъ и всѣ собравшіеся въ церкви. Градоначальникъ пригласилъ меня и нѣсколькихъ студентовъ, стоявшихъ въ окружавшей насъ толпѣ, слѣдовать за нимъ къ арестованнымъ, обѣщая тотчасъ же выпустить ихъ на свободу. Арестованные, когда мы пришли къ нимъ, уже были въ участкѣ, были переписаны и обысканы. Градоначальникъ, войдя къ нимъ, обратился съ вопросомъ, гдѣ арестованные, и тутъ же всѣ начали ему жаловаться на побои (дворники били кулаками по головѣ). Въ это время я замѣтилъ курсистку, которую ударили на моихъ глазахъ, и показавъ на нее градоначальнику, а затѣмъ увидѣлъ и дворника, ее бившаго, который бросился къ выходу, но былъ тутъ же мною задержанъ. Градоначальникъ спросилъ дворника, билъ ли онъ, но дворникъ отвѣтилъ: „никакъ нѣтъ“. Градоначальникъ приказалъ записать имя дворника. Послѣ этого градоначальникъ еще нѣсколько минутъ разговаривалъ съ арестованными и отпустилъ ихъ на свободу, выразивъ сожалѣніе о происшедшемъ. Выйдя изъ участка, онъ тотчасъ же отдалъ приказъ снять немедленно нарядъ и вышелъ на площадь, гдѣ вокругъ него опять собралась толпа молодежи. Поговоривъ съ нѣсколькими лицами (къ нему подошли двѣ изъ избитыхъ дѣвушекъ; съ одной изъ нихъ передъ тѣмъ сдѣлалась истерика), градоначальникъ простился съ толпой и уѣхалъ. Вслѣдъ за нимъ всѣ начали расходиться, безъ всякаго участія полицейскихъ *).

Вслѣдъ затѣмъ, по сообщеніямъ газетъ, „25 октября, въ

*) „Русь“, 18 окт. 1904 г.

2 часа дня, послѣ схода въ зданіи петербургскаго университета, толпа студентовъ съ пѣніемъ и криками направилась по набережной Невы, черезъ Дворцовый мостъ, на Невскій проспектъ. Здѣсь толпа раздѣлилась на двѣ группы. Первая, въ числѣ около 200 человѣкъ, пошла по лѣвой сторонѣ Невскаго проспекта съ пѣніемъ такъ называемой „Марсельезы“, а другая—изъ представителей консервативной партіи „Денница“ направилась по правой сторонѣ съ пѣніемъ гимна. Обѣ враждебныя партіи обмѣнивались взаимными протестами и свистками и т. д., причемъ отношенія между ними принимали иногда настолько обостренный характеръ, что грозили кончиться рукопашной схваткой. Вскорѣ прибывшій помощникъ спб. градоначальника г.-м. О. К. Вендорфъ и мѣстный полицеймейстеръ убѣдили манифестантовъ, дошедшихъ до Садовой улицы и постепенно уменьшавшихся въ числѣ, разойтись, и къ 4 часамъ Невскій проспектъ принялъ свой обычный видъ“ *).

Въ г. Могилевѣ, по словамъ газетъ, 2 октября евреи-рабочіе произвели противоправительственную демонстрацію **).

Изъ г. Лодзи сообщаютъ „Варшавскому Дневнику“: „жандармскому унтеръ-офицеру Назаренку кто-то бросилъ въ голову камень, затѣмъ къ нему подбѣжалъ какой-то человѣкъ и тоже бросилъ въ него камень. Назаренко ударилъ его пашкой и неизвѣстный упалъ. Казаки задержали обоихъ нападавшихъ; они старались вырваться, на ихъ крики собралась толпа и пыталась ихъ освободить, но это ей не удалось. Задержанные оказались братьями Чехъ. Одинъ изъ нихъ и Назаренко помѣщены въ больницу“ ***).

Въ той же газетѣ помѣщено нѣсколько сообщеній о демонстраціяхъ, происходившихъ въ Варшавѣ. „10 октября, послѣ 5 часовъ пополудни,—говоритъ первое изъ этихъ сообщеній,—собравшаяся за городской чертой, около Вольскаго кладбища, толпа двинулась въ городъ, безчинствуя и разбрасывая по пути прокламаціи. Около Вольской заставы толпа была остановлена подоспѣвшимъ полицейскимъ нарядомъ, который былъ осыпанъ камнями и потому вынужденъ былъ дѣйствовать огнестрѣльнымъ оружіемъ, послѣ чего толпа разсѣялась и нѣсколько вожаковъ ея были захвачены. При столкновеніи съ толпою ранены камнями: приставъ 7 участка кол. асс. Фукеъ и помощникъ пристава

*) „СПБ. Вѣдомости“, 27 окт. 1904 г.

**) „Право“. Цитирую по „Нижег. Листку“, 21 окт. 1904 г.

***) Цитирую по „Нижег. Листку“, 21 окт. 1904 г.

кап. Алферовъ, убитъ камнемъ старшій околоточный надзиратель Левандовскій“ *).

„Во вторникъ 19 октября, по случаю дня Всѣхъ Святыхъ, на Брудновскомъ кладбищѣ на Прагѣ было—по словамъ официальной газеты—большое стеченіе народа. Когда стемнѣло, на одной изъ аллей кладбища кто-то выкинулъ красный флагъ и группа людей, съ пѣніемъ, двинулась по кладбищу. Одинъ изъ городскихъ преградилъ путь толпѣ, но въ него было одѣлано 7 револьверныхъ выстрѣловъ, на которые онъ отвѣчалъ выстрѣломъ въ челоуѣка, несшаго красный флагъ. Городовой былъ раненъ въ голову около уха, но самъ ранилъ въ спину несшаго флагъ. Переполнявшая кладбище публика, не желая принимать участія въ манифестаціи, весьма скоро очистила кладбище, и манифестанты, испугавшись, сами разсѣялись еще до прибытія воинской части. Въ тотъ же день въ больницу св. Роха поступилъ на излеченіе челоуѣкъ, раненный пулею казеннаго образца и старавшійся скрыть, что онъ пріѣхалъ изъ Праги. Челоуѣкъ этотъ несъ красный флагъ во время безпорядка на кладбищѣ. Другая уличная манифестація произошла въ субботу, 23 октября, въ 6 ч. 15 м. вечера, на Налевкахъ, гдѣ группа въ 7 или 8 челоуѣкъ, окруженная толпою челоуѣкъ въ сто, въ теченіе нѣсколькихъ минутъ разбросала около 800 прокламацій и поранила ножами двухъ городскихъ. Не встрѣтивъ никакого сочувствія въ публикѣ, манифестанты скрылись при появленіи полицейскаго наряда“ **).

„Въ воскресенье, 31 октября, въ 12 ч. 30 м. дня,—говоритъ еще одно официальное сообщеніе,—въ Варшавѣ, передъ самымъ окончаніемъ богослуженія, изъ костела Всѣхъ Святыхъ вышла на Грибную площадь небольшая сплоченная группа, которая, выкинувъ красный флагъ, начала пѣть пѣсни революціоннаго содержанія. Въ то же время изъ нея были одѣланы выстрѣлы въ нарядъ полиціи, коими убитъ наповаль городской Прокофій Шиманица, ранены околоточный надзиратель и двое другихъ городскихъ. Нарядъ, въ свою очередь, принужденъ былъ дѣйствовать оружіемъ, причемъ околоточный надзиратель, въ котораго были произведены въ упоръ два выстрѣла, ударомъ пашки свалилъ стрѣлявшаго. Послѣ этого толпа манифестантовъ разсѣялась и значительная часть ея устремилась на паперть, смѣшавшись съ публикой, выходившей изъ костела, гдѣ въ это время уже окончилась служба. Съ паперти манифестанты продолжали производить выстрѣлы въ полицейскихъ и бросать камнями, въ виду чего выходъ изъ костела былъ оцѣпенъ полицейскими, жандармскими отрядами и прибывшими по вызову войсками. Въ

*) Цитирую по „Руси“, 16 окт. 1904 г.

**) Цитирую по „Руси“, 1 ноября 1904 г.

толпѣ, стоявшей на паперти костела, оберъ-полицеймейстеръ предложилъ выдѣлить стариковъ, женщинъ и дѣтей, которые были свободно пропущены черезъ оцѣпление. Вслѣдъ затѣмъ часть толпы, активно принимавшая участіе въ безпорядкахъ, вошла обратно въ костелъ; остальные, въ числѣ 413 человекъ, подѣ конвоемъ пѣхоты, были отправлены во дворъ ратуши, гдѣ были переписаны и, по установленіи личностей, частью отпущены. Въ это же время демонстранты собирались отдѣльными группами на прилегающихъ къ Грибной площади улицахъ и, съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсней и выстрѣлами, направились къ Грибной площади. На улицѣ Багно толпа, не смотря на требованіе полиціи разойтись, продолжала наступать, бросая камнями и стрѣляя въ полицію и войска. Одновременно изъ расположеннаго въ той же мѣстности дома произведено было нѣсколько выстрѣловъ. Вслѣдствіе этого, послѣ новыхъ неоднократныхъ предупрежденій, находившаяся на улицѣ Багно воинская команда вынуждена была дать залпъ. Изъ числа демонстрантовъ, какъ выяснено собранными свѣдѣніями, убито 6 человекъ, 26 ранено. Лицамъ, оставшимся въ костелѣ, оберъ-полицеймейстеръ, въ присутствіи настоятеля костела, дважды предлагалъ добровольно выйти, но, не смотря на увѣщеванія, они продолжали тамъ оставаться. Лишь спустя нѣсколько часовъ демонстранты вышли отсюда и въ числѣ 205 человекъ доставлены подѣ конвоемъ во дворъ ратуши, гдѣ переписаны и частью отпущены. Полиція, жандармы и войска въ костелъ не входили. Къ 4 часамъ пополудни порядокъ былъ восстановленъ и въ последующіе дни болѣе нарушаемъ не былъ *).

Въ г. Ригѣ, по словамъ „Рижскихъ Вѣдомостей“, 24 октября „до свѣдѣнія властей дошло, что въ виду назначеннаго на слѣдующій день засѣданія въ окружномъ судѣ отдѣленія с.-петербургской судебной палаты демонстранты собираются устроить передъ этимъ зданіемъ уличные безпорядки. Со стороны мѣстныхъ властей были приняты надлежащіе мѣры къ недопущенію этихъ безпорядковъ. Когда демонстранты увидѣли, что ихъ планъ уже извѣстенъ властямъ, они разсѣялись, но снова собрались на Театральномъ бульварѣ, чтобы двинуться къ зданію мѣстнаго полицейскаго управленія. Здѣсь они подняли шумъ и съ криками „ура“ стали камнями и выстрѣлами изъ револьверовъ разбивать стекла полицейскаго управленія. При этомъ разбрасывались по улицамъ также и прокламаціи. Все это продолжалось лишь нѣсколько минутъ: демонстранты сами быстро разсѣялись и на улицѣ осталась только толпа любопытныхъ **).

*) „Русь“, 5 ноября 1904 г.

**) „СПБ. Вѣдомости“, 30 окт. 1904 г.

Въ кievскихъ газетахъ напечатаны слѣдующія постановленія мѣстнаго губернатора:

Постановленіями отъ 5 октября подвергнуты аресту при полиціи: мѣщанинъ Ф. М. Шульманъ, за нарушеніе обязательнаго постановленія генераль-губернатора отъ 9 апрѣля 1901 г.,—на одинъ мѣсяцъ; мѣщанинъ В. С. Стефановичъ и прусскій подданный К. А. Вейнъ, за нарушеніе обязательнаго постановленія генераль-губернатора отъ 16 марта текущаго года,—на 3 мѣсяца каждый *).

Постановленіемъ отъ 10 октября, за нарушеніе обязательнаго постановленія генераль-губернатора отъ 17 марта с. г., подвергнуты аресту при полиціи: кр. Д. С. Шелестъ-Куденко—на три мѣсяца, крестьяне Т. Г. Стригуненко и Н. П. Фонченковъ—на одинъ мѣсяцъ каждый и крестьянки У. С. Лукашевичъ и Х. М. Сѣрикова—на двѣ недѣли каждая **).

Постановленіемъ отъ 19 октября кр. О. В. Стебновскій, за нарушеніе обязательнаго постановленія генераль-губернатора отъ 16 апрѣля с. г., подвергнутъ аресту при полиціи на три мѣсяца ***).

Постановленіемъ отъ 28 октября мѣщане И. Е. Радзiевскій и П. П. Лѣсовскій, за нарушеніе обязательнаго постановленія генераль-губернатора отъ 9 апрѣля 1901 г., подвергнуты аресту на три мѣсяца каждый ****).

Кромѣ того, постановленіемъ отъ 18 октября, за нарушеніе обязательнаго постановленія генераль-губернатора отъ 15 іюля с. г. о пропискѣ видовъ на жительство, одинъ домовладѣлецъ подвергнутъ штрафу въ 100 р. или аресту на одинъ мѣсяцъ, одинъ квартирнаниматель—штрафу въ 300 р. или аресту на три мѣсяца и дворникъ Г. Д. Мухинъ—аресту на двѣ недѣли, съ увольненіемъ отъ службы и съ воспрещеніемъ впредь занимать мѣсто дворника или ночного сторожа въ г. Кіевѣ *****).

По словамъ тѣхъ же газетъ, въ октябрѣ на дверяхъ кievскаго университета было вывѣшено слѣдующее объявленіе ректора: „Въ послѣднее время лекціи нѣкоторыхъ профессоровъ не состоялись за отсутствіемъ слушателей, которые въ это время были заняты обсужденіемъ какихъ-то своихъ дѣлъ. Считаю нужнымъ предупредить гг. студентовъ, что если подобныя явленія повторятся въ будущемъ, то виновные въ томъ не будутъ оставлены безъ взысканія и, прежде всего, всѣ студенты даннаго курса подвергаются опасности быть лишенными всякихъ льготъ (освобожденіи).

*) „Кіевскіе Отклики“, 9 окт. 1904 г.

**) „К. О.“, 14 окт. 1904 г.

***) „К. О.“, 23 окт. 1904 г.

****) „К. О.“, 1 ноября 1904 г.

*****) „К. О.“, 23 окт. 1904 г.

денія отъ платы, стипендій, пособій), хотя бы таковыя были имъ назначены факультетомъ“ *).

Послѣ того 2 ноября на дверяхъ кievскаго университета появилось такое объявленіе ректора: „Считаю нужнымъ предупредить студентовъ, что если соберется сходка, то по распоряженію высшей власти противъ нея будутъ приняты самыя строгія мѣры и соучастники ея, какъ нарушившіе изданное г. кievскимъ, волынскимъ и подольскимъ генералъ-губернаторомъ постановленіе о воспрещеніи сборищъ, могутъ подвергнуться, кромѣ прочихъ послѣдствій, тюремному заключенію до 3-хъ мѣсяцевъ по постановленію административной власти; поэтому я приглашаю благомыслящихъ студентовъ держаться по возможности далѣе отъ того мѣста, гдѣ соберется толпа, дабы не быть причисленными къ участникамъ сходки или единомышленникамъ ея. Ректоръ Н. Бобрецькій“ **).

По поводу этого объявленія въ „Кievскихъ Откликахъ“ была напечатана слѣдующая замѣтка: „Обращаясь къ обязательнымъ постановленіямъ начальника края отъ 17-го марта с. г., усматриваемъ, что этими постановленіями жителямъ г. Кіева и его предмѣстій подъ угрозой ареста до 3-хъ мѣсяцевъ или штрафа до 500 р., воспрещаются всякія сходбища и собранія для совѣщаній и дѣйствій, общему спокойствію и тишинѣ противныхъ. Постановленія эти, изданныя г. начальникомъ края для жителей г. Кіева и его окрестностей, никоимъ образомъ не могутъ относиться къ университету, въ стѣнахъ котораго студенты, какъ вообще воспитанники всякаго учебнаго заведенія, подчиняются своему непосредственному начальству. Принятіе мѣръ къ прекращенію безпорядковъ, буде таковыя возникнутъ среди студентовъ въ стѣнахъ университета, зависитъ исключительно отъ университетскаго начальства. Чины полиціи не имѣютъ права входить въ университетъ иначе, какъ по приглашенію завѣдывающаго учебнымъ заведеніемъ или же г. попечителя учебнаго округа. Равнымъ образомъ и взысканія на участниковъ безпорядковъ, возникшихъ въ стѣнахъ университета, могутъ быть налагаемы только университетскимъ начальствомъ, а не административною властью. Такимъ образомъ, объявленіе, вывѣшенное г. ректоромъ университета св. Владиміра, содержитъ въ себѣ распространительное толкованіе изданныхъ г. начальникомъ края обязательныхъ постановленій, совершенно несогласное съ точнымъ смысломъ этихъ постановленій, и указаніе на „распоряженіе высшей власти“, представителемъ коей въ г. Кіевѣ является г. начальникъ края, представляется необоснованнымъ. Какъ мы имѣли возможность узнать изъ достовѣрныхъ источниковъ, такого распоряженія г. началь-

*) Цитирую по „Од. Новостямъ“, 16 окт. 1904 г.

**) „К. О.“, 4 ноября 1904 г.

никомъ края одѣлано вовсе не было“. Аналогичное разъясненіе было одновременно напечатано и въ „Кіевской Газетѣ“ *).

Въ Харьковѣ, какъ сообщаютъ газеты, 2 ноября въ 9 ч. вечера по улицамъ города „прошла толпа въ нѣсколько сотъ чело-
вѣкъ, неся портретъ государя, съ пѣніемъ „Спаси, Господи, люди Твоя“ и народнаго гимна. Эта патріотическая манифестація была вызвана состоявшимися наканунѣ вечеромъ попытками нарушить порядокъ и тишину въ нѣкоторыхъ мѣстахъ города, быстро прекращенными энергичными мѣрами военной и пѣшей полиціи“ **).

Въ одесскихъ газетахъ напечатанъ слѣдующій приказъ командующаго войсками одесскаго военного округа: „Обозный унтеръ-офицеръ 201 полевого подвижнаго госпиталя Тимофѣй Запорожецъ, встрѣтивъ 18 минувшаго сентября на желѣзнодорожномъ мосту пос. Крюкова двухъ неизвѣстныхъ людей, возбудившихъ въ немъ подозрѣніе своими разговорами, приблизился къ нимъ съ намѣреніемъ арестовать ихъ. Тогда одинъ изъ неизвѣстныхъ выхватилъ имѣвшійся при немъ кинжалъ, а Запорожецъ, обнаживъ свое оружіе, объявилъ имъ, что арестуетъ ихъ; при этомъ нападавшій съ оружіемъ бросилъ въ рѣку кинжалъ и бывшія при немъ бумаги, послѣ чего, по указанію Запорожца, оба неизвѣстныхъ, въ послѣдствіи оказавшіеся не русско-подданными, были задержаны полиціей и переданы подлежащимъ властямъ. За такое похвальное поведеніе унтеръ-офицера Запорожца объявляю ему мое спасибо и жалую 15 руб.“ ***).

Главноначальствующій гражданскою частью на Кавказѣ, по словамъ мѣстныхъ газетъ, призналъ возможнымъ отмѣнить принятую противъ штабсъ-капитана запаса Исаака Карапетова Теръ-Саркисова административную мѣру взысканія — воспрещеніе жительства въ предѣлахъ Кавказскаго края.

По словамъ тѣхъ-же газетъ, крестьянину Полтавской губерніи, Пирятинскаго уѣзда, Диночинской волости, села Мамаевки Семену Кононенко и крестьянамъ Кіевской губерніи, Каневского уѣзда, Корсунской волости, села Пѣшокъ, Мееодию Щербинѣ и Григорию и Данилу Варварскимъ за значительный вредъ, приносимый предосудительнымъ образомъ жизни населенію Кубанской области, журналомъ совѣта главноначальствующаго гражданскою

*) Цитирую по „Р. Вѣдомостямъ“, 9 ноября 1904 г.

**) „Русь“, 4 ноября 1904 г.

***) „Од. Новости“, 20 окт. 1904 г.

частью на Кавказѣ, утвержденнымъ и. д. главноначальствующаго на Кавказѣ генераломъ-отъ-инфантеріи Фреге 5 сентября 1904 г., воспрещено жительство въ предѣлахъ Кавказскаго края *).

Въ петербургскихъ газетахъ была помѣщена слѣдующая телеграмма изъ Ченстохова отъ 30 октября: „Въ Ченстоховѣ у железнодорожнаго вокзала неизвѣстнымъ лицомъ нанесена тяжелая рана ножомъ полицеймейстеру фонъ-Нерлиху. Розыски ведутся энергично. Положеніе раненаго серьезное“ **).

За истекшій мѣсяцъ опубликованы также свѣдѣнія о нѣкоторыхъ судебныхъ процессахъ, касающихся охраны порядка.

По словамъ газетъ, уголовный департаментъ правительствующаго сената постановилъ отмѣнить упомянутый въ предыдущей нашей хроникѣ приговоръ саратовской судебной палаты, которымъ бывшій членъ саратовской городской управы г. Милашевскій былъ признанъ виновнымъ по 1-й ч. ст. 250-й, 1-й ч. ст. 251-й и 1-й ч. 252-й ст. улож. о наказ. и приговоренъ късылѣ въ каторжныя работы на шесть лѣтъ съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія. Дѣло это будетъ вновь слушаться въ саратовской судебной палатѣ при новомъ составѣ, причемъ будутъ примѣнены не указанныя статьи уложенія о наказаніяхъ, а новый законъ о политическихъ преступленіяхъ 7-го іюня 1904 г. ***).

Въ г. Витебскѣ 7 октября особымъ присутствіемъ выѣздной сессіи с.-петербургской судебной палаты въ усиленномъ составѣ слушалось дѣло по обвиненію Лабковскаго, Перлина, Пинта, Влюдникова, Арона Левинтова, Хаима Левинтова, Лифшица и Хаи Муриксонъ въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 126-й ст. уголовного уложенія 22-го марта 1903 г., т. е. въ участіи въ сообществѣ, заведомо поставившемъ цѣлью своей дѣятельности ниспроверженіе существующаго въ государствѣ общественнаго строя. Дѣло разбиралось при закрытыхъ дверяхъ, резолюція же суда была объявлена при открытыхъ дверяхъ. Всѣ подсудимые были признаны виновными по 126-й ст. улож. и присуждены къ заключенію въ крѣпости отъ одного года одного мѣсяца до одного года восьми мѣсяцевъ, причемъ шести подсудимымъ палата постановила зачесть время предварительнаго заключенія, каковое для пяти подсудимыхъ, находившихся подъ стражей, составляетъ около 8-ми мѣсяцевъ, а для троихъ бывшихъ на свободѣ—около четырехъ мѣсяцевъ. По объявленіи резолюціи со-

*) Цитирую по „Кіевск. Откликамъ“, 23 окт. 1904 г.

**) „Н. Время“, 31 окт. 1904 г.

*) „Р. Вѣдомости“, 27 окт. 1904 г.

гласно заключенію прокурора палата постановила подсудимыхъ, бывшихъ на свободѣ, взять подъ стражу и защитѣ въ ходатайствѣ замѣнить арестъ по отношенію ко всѣмъ подсудимымъ болѣ легкой мѣрой отказала *).

Въ г. Лубнахъ Полтавской губерніи 18 октября особымъ присутствіемъ харьковской судебной палаты были рассмотрѣны при закрытыхъ дверяхъ два дѣла: 1) о мѣщанахъ Ольховскомъ, Вудницкомъ, Кацовичѣ, Бубелѣ и Бройтѣ, обвиняемыхъ по 1 п. 130 ст. новаго уголовного уложенія, предусматривающему распространение среди сельскаго населенія или рабочихъ учений, возбуждающихъ къ учиненію бунтовщическаго дѣянія, и 2-ое по обвиненію крестьянина Кушинаго въ томъ же преступленіи. Приговоромъ палаты, объявленнымъ публично, Ольховскій присужденъ къ заключенію въ крѣпости на 8 мѣсяцевъ; всѣ остальные подсудимые оправданы **).

Въ г. Баку 18, 19 и 20 октября выѣздная сессія тифлисской судебной палаты слушала при закрытыхъ дверяхъ дѣла: 1) 18-го по обвиненію Г. И. Хундадзе, И. С. Арлова и М. И. Щелчкова въ нарушеніи 1 ч. 126, 2 п. 1 ч. 129 и 2 п. 132 ст. новаго уголовного уложенія. Резолюціей, объявленной при открытыхъ дверяхъ, Хундадзе и Арловъ признаны виновными и приговорены первый — къ поселенію (пожизненному) въ Сибири, второй — къ 6 мѣсяцамъ крѣпости. Щелчковъ по суду оправданъ; 2) 19-го по обвиненію Г. А. Аскандарова (онъ же Александровъ) по 1 ч. 131 ст. угол. улож. Подсудимый приговоренъ къ 4-мѣсячному заключенію въ крѣпости; 3) 20-го по обвиненію А. С. Аракелова и К. А. Погосова (онъ же Амирбекианцъ) по 2 п. 132 ст. и 3 п. 1 ч. 129 ст. угол. улож. Подсудимые приговорены къ заключенію въ исправительный домъ: Погосовъ — на 1 годъ и Аракеловъ — на 8 мѣсяцевъ, причемъ первому зачтено 9 мѣсяцевъ послѣдственнаго заключенія, а второму — все время, въ виду чего Аракеловъ подлежитъ немедленному освобожденію изъ-подъ стражи, а Погосову остается три мѣсяца ***).

Виленской судебной палатой 19 октября разбирались при закрытыхъ дверяхъ два дѣла: первое о мѣщанинѣ Менделѣ Абрамовѣ Шаевичѣ, обвинявшемся по 2 части 130 ст. уголовного уложенія, и второе о крестьянинѣ И. Г. Васильевѣ, обвинявшемся по 130 ст. уголовного уложенія. Резолюціями палаты, объявленными при открытыхъ дверяхъ, постановлено заключить Шаевича и Васильева въ крѣпость на 8 мѣсяцевъ каждый. 20 октября той же палатой разбиралось дѣло о мѣщанахъ Абрамѣ Ицекѣ Либерзонѣ и Абелѣ Лейбѣ Гликманѣ, обвинявшихся по 129 ст. уголов-

*) „Р. Вѣдомости“, 20 окт. 1904 г.

**) „К. Отклики“, 20 окт. 1904 г.

***) „Од. Новости“, 26 окт. 1904 г.

наго уложенія. Палата Либерсона оправдала, а Гликмана постановила заключить на 4 мѣсяца въ крѣпость *).

Въ Варшавѣ 25 октября 2-мъ уголовнымъ отдѣленіемъ варшавскаго окружнаго суда было рассмотрѣно при закрытыхъ дверяхъ дѣло о сопротивленіи чинамъ полиціи во время пожара склада аптечныхъ товаровъ Списса и К°, 31 мая текущаго года. Приговоромъ суда подсудимый Путовскій присужденъ въ арестантскія отдѣленія на одинъ годъ; остальные трое подсудимыхъ, Остроменскій, Сукульскій и Дзевульскій, какъ недостигшіе совершеннолѣтія, присуждены къ заключенію въ тюрьмѣ на 8 мѣсяцевъ каждый **).

Въ г. Ригѣ 25, 26 и 27 октября особымъ присутствіемъ с.-петербургской судебной палаты въ усиленномъ составѣ былъ рассмотрѣнъ цѣлый рядъ дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ. По постановленію палаты всѣ дѣла слушались при закрытыхъ дверяхъ, причѣмъ въ залъ засѣданія допускались защитники (только по тому дѣлу, по которому каждый выступалъ), товарищи прокурора, составлявшіе обвинительные акты (также только по данному дѣлу), лица жандармскаго управленія и лифляндскій губернаторъ. Защитники по другимъ, — однороднымъ и въ тотъ же день слушавшимся — дѣламъ допущены не были, равно и товарищи прокурора и даже члены суда. Первымъ разбиралось дѣло о студентѣ рижскаго политехникума Фридманѣ, обвинявшемся по ст. 129 угол. улож., предусматривающей, между прочимъ, произнесеніе публично рѣчей, возбуждающихъ къ ниспроверженію существующаго въ государствѣ общественнаго строя. Приговоромъ особаго присутствія Фридманъ оправданъ. Вторымъ и третьимъ слушались дѣла о фабричныхъ рабочихъ Завицкомъ и Зандовскомъ, обвинявшихся по 2 п. 129 ст. угол. улож. въ распространеніи прокламацій. Завицкій приговоренъ къ 3 мѣсяцамъ крѣпости, Зандовскій къ 6 мѣсяцамъ, оба безъ лишенія правъ, къ обоимъ примѣнена ст. 53 угол. улож., говорящая о наличности уменьшающихъ вину обстоятельствъ, и по сему нормальное по 2 п. 129 ст. наказаніе — ссылка на поселеніе — замѣнено заключеніемъ въ крѣпости. На слѣдующій день, 26-го октября, слушалось дѣло о студентѣ рижскаго политехническаго института Янѣ Мастерѣ и крестьянахъ Торманѣ, Крестманѣ и Лайцентѣ, обвинявшихся: 1) Мастеръ — по ст. 126 угол. уложенія, предусматривающей „участіе въ сообществѣ, за вѣдомо поставившемъ цѣлью своей дѣятельности ниспроверженіе существующаго въ государствѣ общественнаго строя или учиненіе тяжкихъ преступленій посредствомъ взрывчатыхъ веществъ или снарядовъ“, каковое участіе наказывается каторгою на срокъ не свыше 8 лѣтъ или ссылкой на поселеніе; причѣмъ если такое

*) „К. Отклики“, 30 окт. 1904 г.

**) „К. О.“, 28 окт. 1904 г.

сообщество завѣдомо имѣло въ своемъ распоряженіи средства для варыва или складъ оружія, то наказаніе—срочная каторга; 2) тотъ же Мастеръ, выѣстъ съ вышеупомянутыми Крестманомъ, Торманомъ и Лайценомъ,—также и по 2 п. 129 ст. угол. уложенія (распространеніе прокламацій, возбуждающихъ къ ниспроверженію государственнаго строя). Приговоромъ особаго присутствія Янъ Мастеръ, равно какъ и остальные трое подсудимыхъ, на основаніи 1 п. 771 ст. уст. угол. суд., оправданы по всемъ предъявленнымъ обвиненіямъ. Затѣмъ слушалось дѣло фабричнаго рабочаго, крестьянина Эдуарда Звирадина, обвиняемаго по 2 п. 129 ст. угол. уложенія. Приговоромъ особаго присутствія Звирадинъ оправданъ. Всѣ приговоры объявлены при открытыхъ дверяхъ *).

27 октября тѣмъ же присутствіемъ было разсмотрѣно 5 политическихъ дѣлъ: 1) крестьянина Курляндской губерніи Мартина Аносова Плитыня, обвинявшагося по 1 п. 129 ст. угол. улож. Приговоренъ къ заключенію въ крѣпости на 4 мѣсяца; 2) митавскаго мѣщанина Георга Юрова Матушевича, обвинявшагося по 2 п. 129 ст. угол. улож. Приговоренъ къ заключенію въ крѣпости на 4 мѣсяца, съ зачетомъ ему въ счетъ наказанія 3 мѣсяцевъ предварительнаго заключенія; 3) крестьянина Яна Михелова Зилмана, обвинявшагося по 2 п. 129 ст. угол. улож. По Высочайшему манифесту отъ наказанія освобожденъ; 4) крестьянъ Эрнеста Якова Янсона и Паулины Яковлевой Карклинтъ, обвинявшихся по 1 п. 1 ч. 130 ст. угол. ул. (нарушеніе государственнаго порядка). Судебной палатой оба оправданы; 5) крестьянина венденскаго уѣзда Альвина Карлова Видермана, обвинявшагося по 128 ст. и 1 и 3 пп. 129 ст. угол. улож. Приговоренъ къ заключенію въ крѣпости на 6 мѣсяцевъ съ зачетомъ ему 3 мѣсяцевъ изъ времени проведеннаго подъ слѣдствіемъ, причемъ судъ потребовалъ отъ обвинявшагося залогъ въ 100 руб. до вступленія приговора въ силу. За непредставленіемъ этой суммы осужденный былъ взятъ подъ стражу *).

Въ г. Аткарскѣ 24 октября въ засѣданіи выѣздной сессіи саратовскаго окружнаго суда при открытыхъ дверяхъ была объявлена въ окончательной формѣ резолюція суда по дѣлу, разбиравшемуся 23 октября при закрытыхъ дверяхъ съ участіемъ пріезжихъ засѣдателей, о крестьянахъ с. Широкаго Карамыша Аткарскаго уѣзда,—Александрѣ Антоновѣ Драгинѣ, 24 лѣтъ, и Андрей Николаевѣ Романовѣ, 37 лѣтъ, по обвиненію ихъ въ подстрекательствѣ на поджоги ометовъ сѣна и кладей ржи въ имѣніи г-жи Чаплицъ при с. Широкомъ Карамышѣ, съ цѣлью принудить ее сдать въ аренду землю крестьянамъ по болѣе дешевой цѣнѣ, и о крестьянахъ Федорѣ Васильевѣ Жупиковѣ, 21 г., Дмитріи

*) „СПБ. Вѣдомости“, 1 ноября 1904 г.

**) „Рижскій Вѣстникъ“. Цитирую по „К. Откликамъ“, 1 ноября 1904 г.

Васильевъ Полубаровъ, 24 л., Иванъ Макаровъ Терешенковъ, 37 л., Иванъ Федоровъ Роговъ, 20 л., Иванъ Ивановъ Маиоровъ, 20 л., и Василии Тихоновъ Мозжилинъ, 18 л., по обвиненію ихъ въ поджогахъ этихъ кладей и ометовъ съ той же цѣлью. Всѣ подсудимые присяжными засѣдателями признаны виновными, но заслуживающими снисхожденія, а судомъ приговорены: Драгинъ и Романовъ по лишеніи всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ къ отдачѣ въ арестантскія роты на 1 годъ и 6 мѣсяцевъ каждый; Жупиковъ, Полубаровъ и Терешенковъ тоже на 1 годъ и съ отдачей всѣхъ подъ надзоръ полиціи на 4 года; Роговъ, Маиоровъ и Мозжилинъ, какъ несовершеннолѣтніе, къ заключенію въ тюрьмѣ на 8 мѣсяцевъ. Ко всѣмъ приговореннымъ примѣненъ Высочайшій манифестъ, почему первые двое приговорены на 1 годъ, трое—къ 8 мѣсяцамъ и остальные трое на 5 мѣсяцевъ и 10 дней *).

Въ 1-мъ уголовномъ департаментѣ тифлисской судебной палаты 28 сентября разсматривалось въ апелляціонномъ порядкѣ, при закрытыхъ дверяхъ, дѣло по обвиненію жителей сел. Аштаракъ, Эчмиадзинскаго уѣзда, Эриванской губ., Карапета Атомяна, Гарегина Амиряна и Арменака Парваняна по 263 ст. улож. о наказ. эриванскимъ окр. судомъ обвиненіе по 263 ст. было отвергнуто и подсудимые были осуждены по 271 ст. улож. о нак. къ 6-мѣсячному тюремному заключенію каждый. Дѣло перешло въ судебную палату по протесту товарища прокурора эриванскаго окр. суда и по апелляціонному отзыву подсудимыхъ. Тифлисская судебная палата утвердила приговоръ эриванскаго окружнаго суда, приговоривъ подсудимыхъ, съ примѣненіемъ Высочайшаго манифеста, къ тюремному заключенію на 2 мѣсяца cadaго **).

Въ томъ же департаментѣ тифлисской судебной палаты съ 14 по 18 октября слушалось дѣло 40 армянъ, жителей Елисаветпольской губерніи, по обвиненію ихъ въ томъ, что они 29 августа 1903 года въ гор. Елисаветполѣ, по предварительному между собою и съ другими, слѣдствіемъ необнаруженнымъ, лицами соглашенію, произвели безпорядки и буйство и оказали сопротивленіе чинамъ полиціи и членамъ особой комиссіи при исполненіи ими служебныхъ обязанностей во время передачи армяно-григоріанскихъ церковныхъ имуществъ въ вѣдѣніе казны. Весной текущаго года елисаветпольскій окружный судъ, разсмотрѣвъ настоящее дѣло, 18 обвиняемыхъ призналъ невиновными и оправдалъ, а остальныхъ, признанныхъ виновными, приговорилъ къ тюремному заключенію: 5 чел.—на 6 мѣсяцевъ, 7 чел.—на 4 мѣсяца, 2 чел.—на 2 мѣсяца и къ аресту при полиціи: 3 чел.—на 1 мѣсяць и 5 чел.—на 2 недѣли. Въ палату дѣло это перешло

* „Сар. Дневникъ“. Цитирую по „К. Откликамъ“, 31 окт. 1904 г.

** „Новое Обозрѣніе“. Цитирую по „К. О.“, 5 окт. 1904 г.

по протесту товарища прокурора и по отзыву обвиняемых. Судебная палата, послѣ 12 часового совѣщанія, 16 октября, объявила резолюцію, которой приговоръ окружнаго суда въ отношеніи 9 оправданныхъ подсудимыхъ утвердила, а въ отношеніи всѣхъ остальныхъ отмѣнила и, признавъ 31 подсуд. виновными, приговорила 19 подсудимыхъ къ лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и къ отдачѣ въ исправ. арест. отдѣл., изъ нихъ 9 лицъ—на 10 и 10—на 8 м.; 6 подсуд.—къ заключенію въ тюрьмѣ на 6 мѣс., одного на 4 мѣс., 3-хъ подсудимыхъ—на 2 мѣс. и 20 дней и 2-хъ—къ аресту при полиціи на полтора мѣсяца. Въ силу Высочайшаго манифеста послѣднія 12 лицъ, приговоренныя къ тюремному заключенію безъ лишенія правъ и къ аресту при полиціи, освобождены отъ наказанія *).

Приведемъ еще состоявшіяся за послѣдній мѣсяцъ распоряженія относительно Финляндіи.

Какъ сообщаютъ газеты, высочайше повелѣно перечислить изъ финляндскихъ казенныхъ средствъ въ государственное казначейство 4.230,000 марокъ въ видѣ аванса на военныя потребности **).

По словамъ тѣхъ же газетъ, въ силу манифеста 11 августа разрѣшено высланнымъ изъ Финляндіи въ предѣлы Имперіи директору банка Шюбергсону, учителю Вайніо и профессору барону Вреде выѣхать за границу, причемъ послѣднему срокъ высылки сокращенъ съ пяти лѣтъ до одного года ***).

Дѣло бывшаго сенатора Шаумана еще не окончилось, но абосскій гофгерихтъ, разбирающій это дѣло, въ концѣ октября призналъ возможнымъ впредь до окончанія судебного разбирательства освободить Шаумана изъ-подъ стражи. 28 октября освобожденный изъ заключенія Шауманъ пріѣхалъ въ Гельсингфорсъ. На желѣзнодорожной станціи уже задолго до прихода поѣзда собралась большая толпа, которая встрѣтила Шаумана восторженнымъ „ура“. Когда же онъ вышелъ изъ вокзала, онъ былъ встрѣченъ пѣніемъ гимна „Vart land“, исполненнаго собравшеюся на площади публикою. Вслѣдъ затѣмъ передъ квартирою Шаумана была произведена вторая демонстрація ****).

Согласно сообщеніямъ изъ Гельсингфорса, въ концѣ октября, по представленію сената, воспослѣдовало высочайшее соизволеніе на учрежденіе комиссіи, состоящей изъ пяти русскихъ и столькихъ же финскихъ, юридически и научно образованныхъ, чле-

*) „Новое Обозрѣніе“. Цитирую по „Нижегор. Листку“, 31 окт. 1904 г.

**) „Русь“, 31 окт. 1904 г.

***) „Русь“, 31 окт. 1904 г.

****) „Русь“, 30 окт. 1904 г.

новъ для разработки проекта согласованія февральскаго манифеста и сеймоваго устава. Сенату повелѣно предложить финскихъ членовъ комиссіи; по слухамъ, этими членами явятся главные представители старофинноманской партіи *). Во всякомъ случаѣ можно думать, что организація такой комиссіи не особенно подвинетъ впередъ дѣло умиротворенія страны. Старофинноманская партія, на которую до извѣстной степени опиралась политика покойнаго генералъ-губернатора Вобрикова и которая готова и въ настоящее время идти на большіе компромиссы и уступки, на выборахъ въ нынѣшній сеймъ потерпѣла рѣшительное пораженіе, получивъ для себя лишь 83 депутатскихъ мѣста изъ общаго числа 232. Остальные 149 мѣстъ достались представителямъ свекоманской и младо-финской партій, которыя передъ выборами объединились въ одну партію „конституціоналистовъ“, заявившую о своемъ намѣреніи неуклонно стремиться къ восстановленію законнаго порядка управленія страной и высказавшуюся за невозможность работы сейма при условіи сохраненія въ силѣ постановленій, изданныхъ въ отмѣну основныхъ законовъ Финляндіи. Въ виду столь ясно обнаружившагося настроенія населенія нельзя, конечно, ожидать серьезнаго умиротворенія края отъ мелкихъ палліативовъ, не измѣняющихъ основныхъ началъ принятой по отношенію къ нему политики.

IV.

За мѣсяцъ, прошедшій со времени послѣдней нашей хроники, состоялись слѣдующія административныя распоряженія по дѣламъ печати:

1) 10-го ноября 1904 г.: „на основаніи ст. 178 устава о цензурѣ и печати (сводъ законовъ, т. XIV, изд. 1890 г.), министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: воспретить розничную продажу нумеровъ газеты „Наша жизнь“;

2) 14-го ноября 1904 г.: „въ виду вреднаго направленія газеты „Право“, выразившагося, между прочимъ, въ статьѣ „Война и Отечество“, помѣщенной въ № 46 этого изданія, министръ внутреннихъ дѣлъ, на основаніи статьи 144 уст. о ценз. и печ., св. зак., т. XIV, изд. 1890 г., опредѣлилъ: объявить газетѣ „Право“ первое предостереженіе въ лицѣ издателей-редакторовъ ея, приватъ-доцента Императорскаго университета Владиміра Гессена и коллежскаго ассесора Николая Лазаревскаго“;

и 3) 18-го ноября 1904 г.: „въ виду вреднаго направленія газеты „Сынъ Отечества“, выразившагося, между прочимъ, въ статьѣ „Благовременно ли?“, помѣщенной въ № 1 этой газеты,

*) „Русь“, 28 окт.; „СПБ. Вѣдомости“, 2 ноября 1904 г.

министръ внутреннихъ дѣлъ, на основаніи ст. 144 уст. о ценз. и печ., св. зак. т. XIV (изд. 1890 г.), опредѣлилъ: объявить газетѣ „Сынъ Отечества“ первое предостереженіе въ лицѣ издателя-редактора ученаго лѣсовода Сергѣя Юрицына и, на основаніи ст. 178 того же устава, воспретить розничную продажу отдѣльныхъ номеровъ этого изданія“.

Изъ Баку сообщаютъ о дѣятельности мѣстнаго цензора, вице-губернатора П. А. Лилѣва, который не пропускаетъ въ мѣстной газетѣ „Бакинскія Извѣстія“ ни одной перепечатки распоряженій министра внутреннихъ дѣлъ о возвращеніи правъ общественной дѣятельности разнымъ лицамъ, о разрѣшеніи возвращенія изъ ссылки нѣкоторыхъ лицъ и т. д. Не разрѣшается также „Бакинскимъ Извѣстіямъ“ перепечатывать адреса земствъ и городовъ кн. Святополкъ-Мирскому. Послѣдніе мѣсяцы пришлось едва не прекратить веденіе обычнаго газетнаго отдѣла „обзоръ печати“, такъ какъ ни одной статьи „Права“, „Р. Вѣдомостей“, многихъ статей „Новостей“, „Н. Времени“ и даже „Гражданина“, „Моск. Вѣдомостей“ и подцензурныхъ кіевскихъ, одесскихъ и другихъ газетъ нельзя процитировать, — все вычеркивается до послѣдней строчки. Не допускалось, напримѣръ, перечисленіе, въ чемъ заключалось антисанитарное состояніе Чернаго городка. Не было разрѣшено напечатать письмо санитарнаго попечителя, служившее возраженіемъ на письмо губернскаго врача, взявшаго подъ покровительство врача холернаго барака. Даже нѣкоторые перепечатки изъ тифлискихъ газетъ, въ томъ числѣ и оффиціального „Кавказа“, подвергались воспрещенію. Резолюціи суда объ армянскихъ процессахъ, объявленныя при открытыхъ дверяхъ, бакинскій читатель могъ узнать изъ тифлискихъ и какихъ угодно газетъ, только не изъ бакинскихъ. Оффиціально оглашенные документы, какъ, напримѣръ, приказъ адмирала Чухнина и другіе, были вычеркнуты г. Лилѣвымъ, хотя и разрѣшены военнымъ цензоромъ *).

Еще болѣе странно положеніе печати въ Закаспійской области. Здѣсь на долю печати выпадаютъ поистинѣ курьезныя испытанія, недурнымъ образчикомъ которыхъ можетъ служить слѣдующій эпизодъ.

12 октября въ № 228 газеты „Асхабадъ“ появилась слѣдующая замѣтка:

„Счастливый путь!

„Въ числѣ 18 офицеровъ мѣстнаго гарнизона, отправляющихся

*) „Право“, 1904 г., № 44.

сегодня на Дальний Востокъ, отъѣзжаютъ и два нашихъ сотрудника—штабсъ-капитаны Д. С. Гамченко и В. К. Герштенцвейгъ. Первый изъ нихъ принималъ ближайшее и дѣятельное участіе въ „Асхабадѣ“ болѣе года, второй время отъ времени помѣщалъ „досуги пера“ въ формѣ маленькихъ разсказовъ и сценочекъ. Оба офицера—симпатичные и развитые люди, которые, вопреки установившемуся въ военной средѣ обычаю, досуги свои посвящали интеллигентнымъ занятіямъ. Д. С. Гамченко съ самаго начала военныхъ дѣйствій велъ въ нашей газетѣ обзоръ военныхъ событій, и его обзоры всегда отличались серьезностью и знаніемъ дѣла. Въ сжатомъ видѣ, съ нѣкоторымъ, по большей части вѣрнымъ, освѣщеніемъ, Гамченко знакомилъ читателей съ текущими событіями, давая возможность читающимъ при помощи своихъ обзоровъ и замѣтокъ болѣе или менѣе, правильно оріентироваться въ цѣлой кучѣ телеграфическихъ извѣстій, часто одно другому противорѣчащихъ. Съ чувствомъ глубокаго сожалѣнія расстаемся мы съ названными сотрудниками, особенно съ Гамченко. Надѣемся, впрочемъ, что, и находясь на Дальнемъ Востокѣ, они не порвутъ связи ни съ нашей газетой, ни съ ея читателями. Пожелаемъ отъѣзжающимъ счастливаго пути и успѣховъ на полѣ брани. Будемъ надѣяться, что Богъ сохранитъ ихъ жизнь на пользу родины, какъ сохранилъ въ нихъ до сихъ поръ „душу живу“, несмотря на всю несвойственную тому обстановку. Счастливыя пути!..“

Въ отвѣтъ на эту замѣтку начальника Закаспійской области генералъ-лейтенантъ Уссаковский распорядился напечатать въ газетѣ нижеслѣдующій приказъ отъ 23 октября за № 326:

„Въ № 228 газеты „Асхабадъ“ въ редакціонной замѣткѣ подъ заглавіемъ „Счастливый путь“ заключается, между прочимъ, злобная выходка противъ военной среды, члены которой въ настоящее время кровью отстаиваютъ честь и достоинство Россіи на Дальнемъ Востокѣ и изумляютъ міръ геройскими подвигами. Каждому здравомыслящему человѣку должно быть ясно, что сотрудничество въ такой газетѣ, какъ „Асхабадъ“, отнюдь не можетъ служить признакомъ особаго умственнаго развитія или наличія „души живой“ у сотрудниковъ-офицеровъ и что по меньшей мѣрѣ странно ставить имъ въ заслугу частныя занятія въ газетѣ. Во всякомъ случаѣ можно было бы разсчитывать, что руководитель газеты, хоть сколько-нибудь понимающій высокое значеніе печати, не станетъ пользоваться даннымъ случаемъ для того, чтобы порочить среду, къ которой принадлежать его сотрудники, отправляющіеся на тяжелое и опасное служеніе родинѣ. И такъ какъ газета „Асхабадъ“ есть изданіе подцензурное и потому редакторъ является лицомъ невмѣняемымъ, то вся отвѣтственность падаетъ на цензора, который не долженъ былъ допускать незаслуженныхъ злобныхъ выходокъ противъ военной

среды, давшей такъ много людей высокаго таланта и способностей на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ служенія Царю и родинѣ. Объявляю временно завѣдывающему цензурою газеты „Асхабадъ“ выговоръ и предлагаю ему впредь внимательнѣе относиться къ возложеннымъ на него обязанностямъ“ *).

В. Мянотинъ.

О П Е Ч А Т К И.

Въ сентябрьской «хроникѣ внутренней жизни» на стр. 164 напечатано: «Были ли обойдены такіе камни нижегородскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ, которое въ виду разоренной неурожаемъ губерніи нашло «неловкимъ» ограничиться сравнительно скромной ассигновкой на нужды войны въ 20.000 р. и потому рѣшилось увеличить эту ассигновку до 300.000 р.»? Конецъ этой фразы слѣдуетъ читать: «и потому рѣшилось увеличить эту ассигновку до 30.000 р.»

Въ октябрьской «хроникѣ внутренней жизни»:

			напечатано:	слѣдуетъ читать:
на стр.	180	строка 1 снизу:	«довѣрія»	«дѣйствія»
» »	184	» 10 сверху:	«возраженіе»	«выраженіе»
» »	184	» 12 снизу:	«поставленной»	«поставленной»
» »	185	» 17 сверху:	«немыслимо»	«немыслимы»
» »	186	» 18 снизу:	«которая имѣетъ возможность»	«которая имѣетъ свою цѣлью возможность»
» »	187	» 17 снизу:	«государственныхъ правъ»	«гражданскихъ правъ»
» »	191	» 12 снизу:	«касается»	«касаются»
» »	193	» 14 сверху:	«Оно сдѣлалось»	«Оно «сдѣлалось»
» »	203	» 8 сверху:	«Орловскомъ»	«Оргѣвскомъ»
» »	212	» 1 сверху:	«которыя по новому разсматриваются»	«которыя по новому закону разсматриваются»

Галлерей современныхъ французскихъ знаменитостей.

Жанъ Жоресъ.

Человѣкъ, которому посвященъ предлагаемый читателямъ этюдъ, болѣе десяти лѣтъ занимаетъ общественное мнѣніе Франціи да и всего свѣта. Бываютъ періоды, когда имя Жореса отбрасываетъ на второй планъ имена прочихъ политическихъ дѣятелей современности; хоръ проклятій и благословеній, выражений энтузіазма и

*) Цитирую по „Спб. Вѣдомостямъ“, 5 ноября 1904 г.

криковъ ненависти сопровождаетъ чуть не на каждомъ шагу проявленія въ словѣ и жизни этой крупной личности, у которой нѣтъ недостатка ни въ жаркихъ идейныхъ товарищахъ, ни въ безпощадныхъ идейныхъ врагахъ. Уже это одно показываетъ, въ какой степени фигура Жореса стоитъ въ центрѣ жгучихъ вопросовъ дѣйствительности, и какія усилія долженъ употребить біографъ этого человѣка, чтобы, вмѣсто болѣе или менѣе добросовѣстнаго портрета, не дать смѣшно идеализированнаго образа или же, наоборотъ, безобразной карикатуры. Да, тѣмъ изъ насъ, которымъ дороги счастье личности и развитіе общества, не легко выдерживать объективный тонъ по отношенію къ человѣку, который такъ много можетъ сдѣлать,—и дѣлалъ уже,—и добра, и зла, и который въ состояніи, насколько это вообще возможно для индивидуума, ускорить рѣшеніе гигантскаго вопроса нашего времени, вопроса социальнаго, или замедлить и исказить это рѣшеніе.

Это я чувствую на самомъ себѣ; и тѣ изъ моихъ читателей, которымъ пришлось перелистовать хотя бы мои „Очерки современной Франціи“, составившіеся изъ писемъ, печатавшихся въ „Русскомъ Богатствѣ“ на протяженіи нѣсколькихъ лѣтъ, навѣрно, уже замѣтили разность моего отношенія къ Жоресу въ различные періоды его дѣятельности. Я началъ съ живого любопытства и горячей симпатіи къ нему, когда онъ остановилъ на себѣ вниманіе политическихъ круговъ и широкихъ слоевъ интеллигенціи и рабочихъ въ первой половинѣ 90-хъ годовъ. Эти чувства перешли у меня въ идейный энтузіазмъ и прямое восхищеніе Жоресомъ въ началѣ его кампаніи за право и справедливость, поправивша въ лицѣ Дрейфуса, когда онъ выдерживалъ съ немногими пока союзниками натискъ темныхъ силъ реакціи. Это восхищеніе значительно, хотя и не сразу, поблѣднѣло, послѣ того, какъ Жоресъ явился и въ теоріи, и на практикѣ однимъ изъ главнѣйшихъ, если не самымъ главнымъ основателемъ „министерскаго социализма“. И дѣлая по этому поводу оговорки, объясняя его передвиженіе вправо отчасти крупными тактическими ошибками бланкистовъ и гадистовъ въ дѣлѣ Дрейфуса, я все же не могъ, не хотѣлъ и не имѣлъ права ни предъ собой, ни предъ читателями закрыть глаза на „фатальную переоцѣнку Жоресомъ совмѣстной дѣятельности социалистовъ съ буржуазіей, и возведеніе имъ даже въ принципъ участія социалистовъ въ управленіи государственнымъ механизмомъ“ и т. д. *). Послѣднія статьи, перепечатанныя въ моихъ „Очеркахъ“, относились къ 1901 г. Съ тѣхъ поръ прошло чуть не четыре года, и все, что я вижу кругомъ себя, убѣдило меня еще больше въ серьезности „фатальнаго“ заблужденія Жореса, восхищеніе которымъ смѣни-

*) Н. Е. Кудринъ. *Очерки современной Франціи*. Спб., 1904, изд. второе, стр. 610—611.

лось у меня не только рѣзко отрицательнымъ отношеніемъ къ его тактикѣ, но чувствомъ идейной вражды къ тому, кому много дано и съ кого много должно быть взыскано. Въ этой перемѣнѣ чувствъ мнѣ нечего оправдываться: эту психологическую эволюцію я пережилъ,—на подобіе знаменитаго „портного изъ Зигрингена“ въ извѣстномъ нѣмецкомъ анекдотѣ, „въ хорошей компаніи“. Пусть приведетъ себя на память читатель хотя бы то обстоятельство, что было время, когда тѣ самые „ортодоксальные“ марксисты Германіи, которые теперь наиболѣе рѣзко критикуютъ министерскую тактику Жорэса, находили, что въ дѣлѣ Дрейфуса „Жорэсъ спасъ честь французскаго социализма“.

Съ другой стороны, именно мое измѣненіе чувствъ къ Жорэсу обязываетъ меня если не къ безпристрастному,—вещь невозможная для живого человѣка, — то къ объективному изученію личности, являющейся предметомъ этого этюда. Я постараюсь вдохновиться словами великаго Спинозы и нарисовать по возможности точный портретъ Жорэса, не давая завлакиваться своему взгляду облакомъ идейной страсти, но стараясь объяснить особенности умственной фисіономіи пророка министерскаго социализма изъ условій его натуры, развитія, среды, политическаго положенія, какъ если бы дѣло шло о выработкѣ естественнаго продукта:

... Чтобы изслѣдовать то, что относится къ этой наукѣ (къ политикѣ, *ad politicam*. Н. К.) съ той же свободой ума, съ какой обыкновенно мы изучаемъ математику, я тщательно старался,—говоритъ Спиноза,—не смѣяться и не плакать надъ человѣческими дѣйствіями, не ненавидѣть ихъ, но понимать. Поэтому и человѣческіе аффекты, каковы любовь, ненависть, гнѣвъ, зависть, властолюбіе, состраданіе и прочія движенія души, я разсматривалъ не какъ пороки человѣческой природы, но какъ свойства, стоящія къ ней въ такомъ же отношеніи, въ какомъ стоятъ къ природѣ воздухъ, жаръ, холодъ, буря, громъ, и тому подобныя вещи, которыя хотя и непріятны для насъ, но необходимы и имѣютъ извѣстныя причины, при помощи коихъ мы пытаемся монять ихъ природу, и истиннымъ созерцаніемъ которыхъ умъ нашъ столь же наслаждается, какъ и познаніемъ тѣхъ вещей, какія пріятны нашимъ чувствамъ *).

Насколько мнѣ удастся разсмотрѣть въ духѣ Спинозы „жаръ“ ораторскихъ рѣчей и „холодъ“ министеріализма Жорэса, „бурю и громъ“, исходящіе отъ его личности, какъ если бы то были явленія природы, будетъ судить читатель. Во всякомъ случаѣ, мое намѣреніе — написать литературно-біографическій этюдъ о Жорэсѣ, а не политическій памфлетъ противъ него, какъ и не восторженный панегирикъ его личности и дѣятельности.

Мнѣ очень рѣдко приходилось видать Жорэса, какъ частнаго человѣка, и всегда по дѣлу, ибо всѣ фибры моего существа протестуютъ противъ той „охоты за знаменитостями“, которая характеризуетъ Тряпичкиныхъ-очевидцевъ, особенно изъ категоріи

*) *Tractatus politicus*, I, 4 въ таухницевскомъ изданіи (Bruder'a) „*Benedicti de Spinoza Opera quae supersunt omnia*“; Лейпцигъ, 1844, т. II, стр. 52.

„благополучныхъ россіянъ“, висѣщихъ на звонкѣ то у того, то у другого выдающагося дѣятеля Европы и оповѣщающихъ затѣмъ *urbi et orbi*,—и родной Москвѣ или Чухломѣ, и читателямъ своего „политическаго“ органа,—о цвѣтѣ мебели и прическѣ жены „интервьюируемаго“ ими субъекта. Съ другой стороны, мнѣ не хотѣлось свѣдѣніями, добытыми частнымъ же способомъ у пріятелей Жореса, восполнять недостатокъ о немъ печатныхъ біографическихъ данныхъ, которые сводятся къ короткимъ замѣткамъ въ словаряхъ „знаменитостей“ и многочисленнымъ, но ненадежнымъ слухамъ и сплетнямъ во враждебныхъ, главнымъ образомъ реакціонныхъ, газетахъ. Само собою разумѣется, это относится только къ личной жизни Жореса, потому что съ тѣхъ поръ, какъ онъ получилъ извѣстность, его общественная дѣятельность можетъ быть легко прослѣжена по печатнымъ отчетамъ о парламентскихъ засѣданіяхъ, публичныхъ собраніяхъ и т. п. Я не говорю уже о самыхъ этихъ засѣданіяхъ и собраніяхъ, о безчисленныхъ рѣчахъ Жореса и его газетныхъ и журнальныхъ статьяхъ, выходящихъ затѣмъ зачастую въ видѣ брошюръ и книгъ, наконецъ, о его ученыхъ или учено-публицистическихъ, порою очень объемистыхъ, трудахъ. Не мѣшаетъ здѣсь, между прочимъ, отмѣтить обстоятельство, показывающее, какую роль этотъ человѣкъ играетъ въ общественной жизни страны: недавно вышелъ первый очень громоздкій томъ „Парламентскихъ рѣчей“ Жореса, и, по видимому, это изданіе расчитано на цѣлый рядъ такихъ томовъ, такъ какъ вышедшій пока томъ не заходитъ далѣе конца 1894 г., т. е. самыхъ первыхъ лѣтъ политической дѣятельности Жореса. Если мы обратимъ вниманіе на то, что многіе даже изъ очень выдающихся парламентскихъ ораторовъ Франціи не находятъ возможнымъ печатать сборники своихъ рѣчей за недостаткомъ издателей или изъ-за опасенія не найти читателей, то уже одинъ фактъ появленія въ свѣтъ упомянутыхъ „Парламентскихъ рѣчей“ Жореса свидѣтельствуетъ о томъ вниманіи, съ какимъ публика относится къ дѣятельности вожака министерскихъ социалистовъ.

Кстати сказать, въ различныхъ статьяхъ, брошюрахъ и книгахъ Жореса мы находимъ нѣкоторыя небезынтересныя данныя автобіографическаго характера, рисующія личность автора, оратора и политическаго дѣятеля. Этихъ данныхъ, вмѣстѣ съ тѣми, которые можно извлечь изъ проникнувшихъ въ печать свѣдѣній, подвергая ихъ, однако, просѣиванію и взаимной провѣркѣ, достаточно для того, чтобы попытаться по возможности объективно построить индивидуальность Жореса, не вдаваясь въ лично-біографическіе вопросы, порою очень сомнительнаго характера, которые такъ любилъ Сентъ-Бевъ.

Жанъ-Леонъ Жорэсъ роділся 3 сентабря 1859 г. (значить, ему теперъ 45 лѣтъ) на югѣ Франціи, въ Кастрѣ, очень старомъ и наиболѣе населенномъ и промышленномъ центрѣ Тарнскаго департамента, главнымъ городомъ котораго онъ даже былъ въ самую бурную эпоху первой революціи (съ 1790 по 1798 г.). Жорэсъ происходитъ изъ зажиточной буржуазной семьи, отчасти сохранившей связи съ крестьянскимъ классомъ, изъ котораго она вышла, отчасти поднявшейся до верховъ гражданской и военной администраціи. Глава министерскихъ социалистовъ довольно близкій родственникъ вице-адмирала и республиканскаго сенатора Констана Жорэса, бывшаго посланникомъ въ Мадридъ и Петербургъ и военнымъ министромъ (въ 1888 г.) и умершаго въ 1889 г. Родной братъ Жорэса избралъ себѣ тоже морскую карьеру: теперъ онъ— капитанъ второго ранга; и имя его часто цитировалось въ прошломъ году по поводу остроумно придуманнаго и удачно выполненнаго имъ плана спасенія французскихъ импровизированныхъ матросовъ, бывшихъ на службѣ у Жака Лебоди, пресловутаго „императора Сахары“, и попавшихъ въ плѣнъ къ одному изъ мароккскихъ племенъ.

И по семейнымъ связямъ, и лично Жорэсъ принадлежитъ къ категоріи французовъ-южанъ, къ которымъ болѣе, чѣмъ къ какой либо этнологической группѣ французскаго населенія, можетъ быть отнесена характеристика галловъ стариннымъ римскимъ писателемъ, утверждавшимъ, что этотъ народъ больше всего любитъ на свѣтѣ „войну и краснорѣчіе“ (*rem militarem et argute loqui*). Объ ораторскомъ искусствѣ Жорэса намъ еще придется говорить: никто, во всякомъ случаѣ, въ немъ не сомнѣвается, и вопросъ лишь въ томъ, насколько нравится тому или другому изъ насъ самый родъ жорэсовскаго краснорѣчія. Военственныя же наклонности, находящія прямое удовлетвореніе въ военной карьерѣ у родственниковъ Жорэса, принимаютъ у самого трибуна форму боевого политическаго темперамента. И надо видѣть, съ какимъ пыломъ онъ бросается въ атаку на своихъ враговъ въ тотъ самый моментъ, когда развиваетъ хотя бы совершенно противоположную военственной темѣ тему всеобщаго разоруженія и братства народовъ. Въ параллель съ этимъ боевымъ политическимъ темпераментомъ не мѣшается, можетъ быть, для курьеза, отмигивать обычные приемы Жорэса при фехтовкѣ, этомъ любимомъ упражненіи французовъ изъ „общества“, которые предаются ему отчасти въ виду нелѣпаго обычая дуэли. Бульварныя газеты съ комичною серьезностью оповѣщали нѣсколько лѣтъ тому назадъ, что Жорэсъ приводилъ въ оглашеніе своихъ фехтовальныхъ учителей, потому что, пренебрегая изученіемъ всѣхъ выпадовъ, финтъ, отбоевъ и прочихъ тонкостей благороднаго искусства, онъ неизмѣнно и чисто инстинктивно прибѣгалъ къ одной тактикѣ въ поединкѣ: устремляться на противника съ

высоко поднятой шпагой и стараться нанести ему во что бы то ни стало ударъ, даже оставляя самого себя безъ прикрытія...

Замѣтимъ, наконецъ, что Жоржесъ относится по происхожденію къ наиболее серьезной группѣ южанъ, а именно къ лангедокцамъ, у которыхъ положительные качества ума и характера уравновѣшиваютъ недостатки крайняго южнаго темперамента, скамывающагося, на примѣръ, въ страсти къ преувеличеніямъ и хвастовству провансальца или гасконца. Лангедокъ, дѣйствительно, далъ Франціи генерала Лафайета, знаменитаго доктринара Гизо, главу позитивизма Огюста Конта, путешественника Лаперуза, остроумнаго и ѣдкаго публициста Ривароля, родоначальника „идеалистической“ школы живописи Энгра, и т. д.

Молодой Жоржесъ рисуется по рассказамъ школьных сверстниковъ живымъ, не по годамъ умнымъ, впечатлительнымъ ребенкомъ, уже въ бытность свою въ гимназій питавшимъ склонность къ произнесенію рѣчей и поражавшимъ своихъ юныхъ товарищей умѣнемъ импровизировать на всевозможныя темы. Кромѣ дара природнаго краснорѣчія, ему помогали при этомъ его поистинѣ феноменальная память, позволявшая ему вставлять въ свои рѣчи громадные куски въ стихахъ и прозѣ французскихъ и иныхъ классиковъ, и недюжинная способность выразительно декламировать. Боссюэтъ и Вольтеръ, Гете и Дантъ, Виргилій и Гомеръ,— всѣ эти писатели служили юному Жоржесу предлогомъ для упражненій въ элоквиенціи, вызывавшихъ порою веселый смѣхъ въ его товарищахъ, къ которымъ присоединялся въ этомъ случаѣ и самъ пятнадцатилѣтній ораторъ. Въ этомъ приблизительно возрастѣ Жоржесъ перешелъ изъ мѣстной гимназій въ парижскій лицей (правительственную гимназію) Людовика Великаго, заключающій въ себѣ лишь высшіе классы средней школы. Но пребываніе въ дѣтскихъ годахъ на родномъ югѣ, съ его солнцемъ и растительностью, живымъ населеніемъ и памятниками галло-римской цивилизаціи,—на югѣ, куда молодой Жоржесъ продолжалъ возвращаться на каникулы,—оставило неизгладимые слѣды на впечатлительномъ мальчикѣ и обострило его способность къ эстетическимъ и идейнымъ эмоціямъ.

Въ докторской диссертациі Жоржеса о „Реальности чувственного міра“ (на французскомъ языкѣ) есть любопытная автобиографическая страничка, рисующая эту сторону его психологіи:

Я вспоминаю, какъ однажды вечеромъ, съ своей школьницей кровати, я увидалъ чрезъ открытую верхнюю часть окна маленькую звѣзду, сияющую невыразимо сладкимъ свѣтомъ въ глубинѣ неба; я видѣлъ только ее, и мнѣ казалось, что вся нѣжность, которую только могли заключать въ себѣ отдаленныя сферы, что все невѣдомое состраданіе, которое, можетъ быть, отвѣчало въ безконечномъ пространствѣ на наши заботы и наши страданія, что всѣ наивныя и чистыя грезы, которыя съ начала временъ лучеиспускались человѣческими душами въ тайнѣ ночи, выражали свою прелесть въ прелести звѣзды, и на мигъ я наслаждался до слезъ этою братскою и

тайнственной дружбой души и безконечнаго пространства. Потомъ, мало-помалу и помимо всякой опредѣленной мысли, которая могла бы объяснить эту жеремьну, я почувствовалъ какой-то странный разрывъ. Дружественныя глубины неба превратились въ исполненную равнодушія и молчанія бездну. И я сказалъ себѣ, что горѣвшій во мнѣ огонь юной мысли и юной поэзіи угаснетъ, не успѣвъ согрѣть этихъ ледяныхъ пространствъ *).

Кончивъ курсъ въ гимназіи, Жоржъ перешелъ въ такъ называемую высшую нормальную школу („Ecole normale superieure“), родъ педагогическаго института, изъ котораго выходятъ учителя среднихъ школъ и профессора университета. Было бы лишнимъ вдаваться въ подробности организаціи и характера этого спеціального расадника высшихъ слоевъ учащаго персонала. Оторванная до послѣдняго времени отъ прочихъ университетскихъ школъ, она съ самаго основанія своего (1794 г.) сохраняла особый духъ, особыя традиции и составляла своеобразное „государство въ государствѣ“. Недаромъ въ настоящее время она подверглась преобразованію, которое имѣетъ цѣлью приблизить ее къ остальнымъ высшимъ (не спеціальнымъ) школамъ. Нечего, конечно, отрицать ея научныя и даже общественно-политическія заслуги: въ дни реакціи она старалась сохранить по возможности свободный духъ изслѣдованія; она всегда пыталась усиленной научной тренировкой развить возможно больше способности своихъ воспитанниковъ; изъ ея рядовъ вышли такія крупныя личности (я оставляю, конечно въ сторонѣ ихъ убѣжденія), какъ Огюстенъ Тьерри, Кузэнъ, Прэво-Парадолъ, Тэнъ, знаменитый Пастёръ. Когда вамъ порою приходится просматривать темы экзаменаціонныхъ сочиненій, а въ особенности ихъ выполненіе лучшими воспитанниками школы, вы не можете удержаться отъ восторга, видя, съ какимъ знаніемъ дѣла, съ какимъ талантомъ молодые, едва перешедшіе за 20 лѣтъ, люди справляются съ трудностями задачи.

Но у этой казовой стороны медали есть своя обратная сторона. Самая замкнутость высшей нормальной школы, представляющей собою закрытое учебное заведеніе (ея воспитанники — казенные пансіонеры, состоящіе на иждивеніи государства и обязующіеся за то прослужить въ учебномъ вѣдомствѣ извѣстное число лѣтъ), вѣрнее удаляетъ молодыхъ людей отъ жизни и жгучихъ вопросовъ современности. Спеціальная тренировка, которой они подвергаются, носитъ чрезвычайно книжный характеръ и вселяетъ въ нихъ комичный порою фетишизмъ къ печатнымъ и писаннымъ документамъ и преклоненіе передъ отвлеченными формулами. Когда Тэнъ, напр., вооружается, — и вооружается несправедливо, — противъ „абстрактнаго“, „классическаго“ духа, создавшаго якобы всю нелѣпицу, извѣстную подъ названіемъ великой революціи, то въ сущно-

*) Jean Jaurès, *De la réalité du monde sensible*; Парижъ, 1902, 2-е изд., стр. 295—296.

сти онъ изображаетъ и осуждаетъ, самъ того не замѣчая, природныя и еще болѣе разившіяся въ нормальной школѣ особенности своего крайне отвлеченнаго и априорнаго ума. Эта оторванность отъ жизни, этотъ книжный характеръ умственной работы въ связи съ корпоративнымъ духомъ закрытаго заведенія придаютъ даже самымъ выдающимся „нормалистамъ“ (normaliens) особый отпечатокъ, который остается у нихъ на всю жизнь. Самоувѣренность; докторальный тонъ; большая эрудиція и тутъ же, рядомъ, поразительные пробѣлы мысли, маскирующіеся для нихъ же самихъ убѣжденіемъ въ своемъ всезнаніи,—вотъ наиболѣе типичные признаки бывшихъ воспитанниковъ школы, которые дѣлаютъ изъ нихъ великолѣпныхъ представителей „педавтократіи“. И, разговаривая съ „нормалистомъ“, вы не можете забыть ни на минуту, что передъ вами человекъ, который, кажется, даже и во снѣ не можетъ выпустить изъ рукъ учительской указки. Есть, конечно, блестящія и немалочисленныя исключенія, но они лишь подтверждаютъ правило...

У Жорэса въ предисловіи къ его „Парламентскимъ рѣчамъ“ указана очень рельефно одна сторона „нормального“ воспитанія, хотя, разумеется, бывший питомецъ школы не безъ нѣжности относится къ своей alma mater, самые недостатки которой онъ считаетъ общими ей съ университетомъ, — что не совсѣмъ вѣрно. Вотъ, во всякомъ случаѣ, что говорить Жорэсъ:

Когда въ 26 лѣтъ я вошелъ въ парламентъ, я, могу сказать, только что вышелъ изъ гимназій. Ибо въ нашей странѣ, въ которой нѣтъ ничего подобнаго англійской аристократіи, распространяющей политическое образованіе во всякой средѣ, куда только ни бываютъ призваны ея сыновья, нормальная школа и университетъ представляютъ собою почти простое продолженіе гимназій: это какъ бы интеллектуальный закрытый пансіонъ, оживляемый порою чудеснымъ броженіемъ идей, и откуда умъ со страстью слѣдитъ за мировымъ движеніемъ, но гдѣ онъ лишенъ непосредственнаго соприкосновенія съ людьми и вещами. Въ умахъ, получившихъ такую подготовку, самыя тонкія порою и самыя глубокія свѣдѣнія соприкасаются съ самымъ поразительнымъ незнаніемъ...

Что касается до меня, то еще въ первые годы своихъ занятій я уже или предугадывалъ весь социализмъ, или проникъ въ него, начиная отъ Фихте и кончая Марксомъ, но въ то же время не зналъ, что во Франціи существовали социалистическія группы, велась цѣлая агитація съ цѣлью распространенія идей и отъ Гэда до Малона пылало сектантское соперничество фракцій (ferveur de rivalité sectaire). Какъ же умамъ, получившимъ такой родъ подготовки, какъ я, не научиться многому отъ жизни, когда они, наконецъ, приходятъ въ соприкосновеніе съ нею? Имъ приходится не только исправлять и пополнять свое первое слишкомъ книжное и одинокое воспитаніе имъ должно еще, цѣною новыхъ усилій, защищаться или реагировать противъ слишкомъ сильнаго впечатлѣнія, производимаго на нихъ самою новизною вещей *).

*) *Discours parlementaires*; Парижъ, 1904, стр. 2 введенія (посвященнаго изображенію „Социализма и радикализма въ 1885 г.“)

Стараясь дать понятіе читателю, на основаніи свидѣтельства самого Жорэса, объ оторванномъ отъ жизни и въ извѣстномъ смыслѣ схоластическомъ характерѣ образованія, получаемого въ высшей нормальной школѣ, я забѣжалъ собственно нѣсколькими годами впередъ. Но достаточно двухъ-трехъ строкъ, чтобы возстановить пропущенный нами промежутокъ времени. Жорэсъ поступилъ въ школу въ 1878 году, 18 лѣтъ отъ роду, какъ то полагается по ея правиламъ о минимумѣ возраста для допущенія. Въ 1881 г., т. е. три года спустя, какъ опять таки полагается для способнаго „нормалиста“, онъ вышелъ изъ нея 21-лѣтнимъ юношей и получилъ званіе адъюнктъ-профессора (agrégé, приблизительно соответствующаго нашему приватъ-доценту философіи). Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ былъ преподавателемъ философіи въ гимназій Альби, главнаго города его роднаго департамента; затѣмъ получилъ катедру по философіи же на словесномъ факультетѣ тулузскаго университета и вмѣстѣ съ тѣмъ читалъ курсъ психологіи въ женской гимназій Тулузы. Во время выборовъ по спискамъ въ палату депутатовъ онъ былъ внесенъ въ республиканскій листъ Тарнскаго департамента и прошелъ первымъ изъ шести, 4 октября 1885 года, получивъ 48.040 голосовъ—изъ 94.392 голосовъ всѣхъ вотивировавшихъ.

Онъ былъ посланъ въ палату своими избирателями, какъ „кандидатъ республиканскаго единенія и концентраціи“, и не записался ни въ одну изъ группъ, на которыя дѣлились тогда республиканцы, состоявшіе, какъ извѣстно, въ палатѣ 1885—1889 г. наполовину изъ оппортунистовъ, наполовину изъ радикаловъ. Эти фракціи свирѣпо боролись между собой, благодаря чему, образуя двѣ трети всей палаты, онѣ находились въ рукахъ послѣдней трети, слагавшейся изъ монархистовъ и вообще реакціонеровъ. Жорэсъ въ предисловіи къ своимъ „Парламентскимъ рѣчамъ“ такъ изображаетъ свою тогдашнюю политическую позицію, равно какъ всю свою послѣдующую политическую эволюцію:

Я имѣю право сказать, что съ тѣхъ поръ, какъ занимаюсь общественной дѣятельностью (depuis que je suis dans la vie publique), основное направленіе моей мысли и моихъ стремленій оставалось постоянно однимъ и тѣмъ же. Я всегда былъ республиканцемъ, и всегда былъ социалистомъ: моимъ идеаломъ была всегда социальная республика, республика организованнаго и державнаго труда. И за нее я боролся съ самаго перваго дня, со всею своею неопытностью и своимъ незнаніемъ. Объ этомъ единствѣ дѣйствія рѣшительно свидѣтельствуетъ рядъ рѣчей, произнесенныхъ мною въ парламентъ; и съ еще большими подробностями могъ бы свидѣтельствовать рядъ напечатанныхъ мною статей.

Я не надѣюсь разрушить легенду, которая дѣлаетъ изъ меня прежняго депутата „лѣваго центра“, перешедшаго внезапно къ социализму. Легенды,

созданный партийным духомъ, не разрушимы, а эта легенда въ частности имѣть за собою извѣстное правдоподобіе; ибо если во все время существованія палаты 1885—1889 г. я не былъ записанъ ни въ одной группѣ, если я часто вотируялъ съ передовой лѣвой, если я при всякомъ случаѣ обнаруживалъ все болѣе и болѣе ясное тяготѣніе къ социализму, то съ географической точки зрѣнія я, дѣйствительно, сидѣлъ въ центрѣ; и этого было достаточно въ глазахъ многихъ людей, чтобы меня классифицировать. Но уже въ ту пору я, глубоко и систематически, былъ социалистомъ-коллективистомъ. И во всѣхъ словахъ, сказанныхъ мною, ясно обнаруживается вдохновеніе социализмомъ. И какъ мой идеалъ остался въ общихъ чертахъ тѣмъ же самымъ, тѣмъ же самымъ остался и методъ.

Если невѣрно, что я перешелъ отъ доктрины и программы лѣваго центра къ доктринѣ и программѣ социализма, то невѣрно также, что я совѣтовалъ и самъ практиковалъ, съ 1893 по 1898 г., грубо революціонный и неприморимо оппозиціонный методъ, чтобы затѣмъ избрать путь смягченнаго реформизма и медленно тянущейся эволюціи. Несомнѣнно, въ пылу первыхъ крупныхъ успѣховъ социализма въ 1893 г., я питалъ порою иллюзію полной, всемъ недалекой и, поистинѣ, чрезчуръ легкой побѣды нашего идеала. И въ жару борьбы противъ систематическихъ реакціонныхъ министерствъ, которыя насъ вызывали и намъ угрожали, которыя изъявляли претензію выбросить насъ вонъ изъ республики, отлучить насъ отъ общаго права національной жизни, я обращался съ призывомъ къ бурной энергіи пролетаріата, какъ я обращаюсь къ ней завтра же, если правительство выразитъ притязаніе запретить свободную и легальную эволюцію коллективизму и рабочему классу. Но во всѣхъ моихъ рѣчахъ этой бурной эпохи, сильныя ощущенія которой я до сихъ поръ переживаю съ гордостью, легко найти всѣ черты нашей современной социалистической политики.

Въ нихъ та же основная забота связать социализмъ съ республикой, дополнить политическую демократію демократіей социальной. Въ нихъ тотъ же призывъ къ силѣ республиканской законности, если только эта законность не насилуется дерзостью ретроградныхъ партій или искажается ихъ вѣроломствомъ. Въ нихъ та же страсть къ высокой человѣческой культурѣ и въ то же время къ возростающей организаціи и экономическому освобожденію пролетаріата. Въ нихъ та же постоянно озабочивающая меня мысль о томъ, чтобы закончить періодъ чистой критики и выразить въ положительныхъ законопроектахъ органическій характеръ социализма. Въ нихъ тотъ же оппортунизмъ, ставящій своею задачею утилизировать, въ интересахъ социалистической партіи и рабочаго движенія, всѣ несогласія въ рядахъ буржуазіи, всѣ силы свободы или всѣ шансы наименьшаго угнетенія, какіе только завѣщаны намъ демократической и революціонной традиціей Франціи. Въ нихъ то же желаніе осуществить непосредственныя реформы, которыя готовятъ или даже которыя открываютъ собой рѣшительное преобразованіе общества. Въ нихъ та же гибкость тактики, которая между рѣзкой оппозиціей министерствамъ Дюпюи и Казиміра-Перье и не менѣе рѣзкой оппозиціей министерству Мелина сумѣла вставить въ дни министерства Буржуа періодъ самаго рѣшительнаго, самаго постояннаго, я готовъ почти сказать, самаго непримиримаго социалистическаго министеріализма. Такимъ образомъ я могу снова пробѣжать мысленно всю линію поведенія, которой я слѣдовалъ въ теченіе двадцати лѣтъ; не натываясь на собственныя противорѣчія. Эта линія не ровна и шероховата, какъ и самая почва, по которой она проходитъ, то прямо и круто поднимаясь словно на приступъ, то пробѣгая по самому краю пропасти, то принимая характеръ извилистаго и повидимому легкаго пути; но она все время ведетъ къ одной и той же цѣли, ориентирована въ направленіи къ все растушему и растушему свѣту социализма *).

*) *Discours*, стр. 3—5.

Собственно и здѣсь мы зашли далеко впередъ того момента, на которомъ остановились, а именно, перваго выступленія Жорэса на политическое поприще. Но мнѣ не хотѣлось перерывать этого очень любопытнаго „человѣческаго документа“, такъ какъ въ немъ Жорэсъ рисуетъ намъ себя такимъ, какимъ онъ самъ себя представляетъ, т. е. по необходимости рисуетъ свой *идеалъ* политическаго дѣятеля. Что сказать относительно этого документа? Такъ какъ я не пишу политическаго памфлета, то я оставляю совершенно въ сторонѣ вопросъ объ искренности этой исповѣди Жорэса. Враги его увѣряютъ, что онъ слишкомъ часто и не спроста испещряетъ свои рѣчи и статьи словами „честность“, „лояльность“ (*loyauté*), рассчитывая на простаковъ и пуская въ ходъ именно этотъ приѣмъ всякій разъ, какъ замышляетъ новый ловкій планъ противъ идейныхъ противниковъ или „братьевъ-враговъ“ изъ социалистическаго лагеря. Но я принимаю все сказанное Жорэсомъ въ приведенной цитатѣ за выраженіе его глубокаго убѣжденія. За то мы должны помнить,—какъ выразился уже однажды мимоходомъ Марксъ,—что для оцѣнки того, что представляетъ собою данный индивидуумъ, не надо придавать особое значеніе тому, что онъ самъ воображаетъ о себѣ („so wenig man das, was ein Individuum ist, nach dem beurteilt, was es sich selbst dünkt“ и т. д.). Самому Жорэсу можетъ казаться, что его „линія поведенія“ обладаетъ непрерывностью и неизмѣннымъ общимъ направленіемъ. А вотъ одинъ изъ самыхъ жаркихъ противниковъ современнаго Жорэса,—я разумѣю Гада,—выразился, въ виду разговоровъ о необходимости объединенія между двумя враждующими фракціями французскаго социализма, что „есть нѣсколько Жорэсовъ“; и что Жорэсъ второй половины 80-хъ годовъ прошлаго вѣка такъ же мало похожъ на Жорэса большей части 90-хъ, какъ Жорэсъ этой эпохи мало напоминаетъ современнаго Жорэса. Можно, съ другой стороны, и такой отзывъ объяснять жаромъ идейной борьбы и находить, что въ немъ преувеличена разница послѣдовательныхъ „воплощеній“ Жорэса, и линія его эволюціи является чересчуръ изломанной и прерывающейся. Но, стараясь по возможности объективно отнестись къ Жорэсу „первой“, „второй“ и „третьей манеры“,—какъ любятъ выражаться французскіе критики, говоря о различныхъ періодахъ въ литературной дѣятельности писателей,—стараясь по возможности объективно рассмотреть сочетаніе различныхъ элементовъ въ этой сложной личности и преобладаніе того или другаго изъ нихъ въ разные моменты ея дѣятельности, я прихожу къ заключенію, что къ истинѣ все же ближе враги Жорэса, чѣмъ самъ Жорэсъ.

Такъ, прежде всего, мнѣ кажется, что глава министерскихъ социалистовъ страшно преувеличиваетъ опредѣленность своего міровоззрѣнія въ самомъ началѣ своей политической карьеры, утверждая, что „уже въ ту пору, глубоко и систематически, онъ

былъ социалистомъ-коллективистомъ“. Точно также мнѣ сдается, что Жорэсъ допускаетъ подобное же страшное преувеличеніе уже въ другомъ направленіи, преуменьшая яркость своего міровоззрѣнія и рѣзкость своей тактики въ 90-ые годы. Слово „оппортунизмъ“, многозначительно употребленное имъ для характеристики этой полосы въ его дѣятельности, является лишь инстинктивной попыткой Жорэса отбросить тѣнь своего теперешняго министеріализма по возможности далеко назадъ, затемнивъ ея исполнѣ ясные и рельефные контуры своей боевой фizioноміи того времени. Это слово „оппортунизмъ“ побуждаетъ меня, съ другой стороны, провести въ настоящемъ этюдѣ давно приходившую мнѣ на мысль параллель между Гамбеттой и Жорэсомъ, параллель, въ результатѣ которой я надѣюсь доказать читателямъ, что эволюція Гамбетты въ области политическаго радикализма находитъ свой pendant въ эволюціи Жорэса внутри социализма. Какъ пламенный трибунъ временъ второй имперіи, общавшій націи въ своей рѣчи къ университетской молодежи „основать на началахъ справедливости истинный порядокъ и матеріальную обезпеченность“ *), не походитъ на главу оппортунистовъ, который бросалъ освищавшимъ его бельвийскимъ избирателямъ бранный эпитетъ „пьяныхъ рабовъ“, такъ Жорэсъ стачки въ Кармо и процесса Казимира - Перье, Жорэсъ, произносившій великолѣпную апологію социальной „ненависти“, какъ великой „творческой силы“, не походитъ на Жорэса, который строитъ цѣлую теорію „сотрудничества классовъ“ и упорно примѣняетъ ее на практикѣ. Разумѣется, въ томъ и въ другомъ случаѣ надо брать вопросъ, по нѣмецкому выраженію, „въ общемъ и цѣломъ“, а не вылавливать отдѣльные слова изъ разныхъ періодовъ дѣятельности какъ Гамбетты, такъ Жорэса, и софистическимъ сближеніемъ возможнаго формальнаго сходства выраженій доказывать отсутствіе перемѣны взглядовъ того и другого дѣятеля. Эту параллель между Жорэсомъ и Гамбеттой я проведу, впрочемъ, ниже, тамъ, гдѣ она будетъ у мѣста по самой эволюціи Жорэса.

Прежде всего, можно ли сказать, что уже при первомъ вступленіи своемъ въ парламентъ, т. е. еще помѣщаясь „географически“ на скамьяхъ лѣваго центра, Жорэсъ былъ,—какъ это ему кажется на разстояніи двухъ десятиковъ лѣтъ,—„глубоко и систематически социалистомъ-коллективистомъ“? Онъ рекомендуетъ читателямъ въ подтвержденіе этой самооцѣнки заглянуть въ его тогдашнія рѣчи и статьи. Я сдѣлалъ это и прихожу къ заключенію, что въ самомъ началѣ своей парламентарной дѣятельности Жорэсъ не былъ не только коллективистомъ, но и социалистомъ,

*) *Discours et plaidoyers choisis de Léon Gambetta*; Парижъ, 1895, стр. 51.

какъ понимается теперь это слово. Нѣкоторый прогрессъ въ работѣ социальныхъ взглядовъ Жореса я замѣчаю въ послѣдующіе годы его первоначальной депутатской карьеры, такъ, приблизительно, съ 1888 г., и то, впрочемъ, гораздо болѣе въ газетныхъ статьяхъ, которыя онъ пишетъ для мѣстныхъ органовъ юга, чѣмъ въ парламентскихъ рѣчахъ. Этотъ процессъ „соціализаціи“, если можно такъ выразиться, мировоззрѣнія Жореса ускоряется и дѣлается болѣе энергичнымъ уже послѣ того, какъ ему приходится оставить временно палату депутатовъ. На выборахъ 22 сентября 1889 г., произведенныхъ по округамъ, онъ, дѣйствительно, ставитъ свою кандидатуру въ первомъ избирательномъ дѣленіи Кастрскаго округа и побить монархическимъ кандидатомъ, Абріалемъ, который получаетъ 9,632 голоса противъ 8,766 голосовъ, поданныхъ за Жореса *). Но, повторяю, социализмъ Жореса на первыхъ шагахъ его „парламентарной карьеры“ носитъ очень неопредѣленный характеръ. И если въ своемъ предисловіи онъ дѣлаетъ козвенную попытку объяснить тотъ фактъ, что онъ не примкнулъ въ то время въ какой-либо изъ социалистическихъ фракцій, изображеніемъ противорѣчій и невѣрности тогдашняго социализма, то не надо забывать, что, во-первыхъ, эта пессимистическая картина нарисована имъ теперь, заднимъ числомъ и въ защиту своего министерскаго социализма, а во-вторыхъ, что нѣсколько лѣтъ спустя такое же положеніе дѣлъ не помѣшало ему стать открыто въ ряды социалистической партіи.

Его тогдашняя межеумочная позиція объясняется, по нашему мнѣнію, проще: вліяніемъ окружавшей его буржуазной среды и нормальной школы, препятствовавшихъ критической работѣ его недюжиннаго ума. И по этому поводу я считаю полезнымъ лишній разъ предостеречь читателей противъ чрезчуръ обычнаго приѣма объяснять явленія частной и общественной психологіи главнымъ образомъ или даже исключительно элементами сознанія и пониманія. Этотъ, если можно такъ выразиться, интеллектуализмъ недостаточно считается съ тѣмъ обстоятельствомъ, что до сихъ поръ громадное большинство человѣчества и въ громадной долѣ случаевъ управляется всемогущими безсознательными инстинктами и чувствами; и что въ частности, какъ бы ни была крупна данная личность, ея взгляды опредѣляются гораздо меньше тѣмъ, что она можетъ абстрактно понять, чѣмъ тѣмъ, что она можетъ ассимилировать воимъ существомъ своимъ и привести въ гармонію съ интересами, привычками и вкусами своей среды и своего первоначальнаго воспитанія. Какъ вы хотите, чтобы безъ

*) „Другъ“ Жореса, Кларисъ, собравшій и снабдившій примѣчаніями его „Парламентскія рѣчи“, вдвойнѣ ошибается, говоря, что Жоресъ совсѣмъ не представлялся на выборахъ 1889 г., и относя ихъ къ августу мѣсяцу этого года. См. *Discours parlementaires*, прим. къ стр. 381.

долгой борьбы, безъ нравственнаго кризиса молодой Жоресъ, вышедшій изъ буржуазно-административной семьи, прошедшій черезъ нормальную школу, которая въ самомъ благопріятномъ случаѣ не опережаетъ, а лишь слѣдуетъ за общественнымъ движеніемъ, наконецъ, окруженный своими „географическими“ сосѣдями лѣваго центра, — какъ вы хотите, говорю я, чтобы при этихъ условіяхъ 26-лѣтній депутатъ „республиканскаго единенія и центраціи“ могъ надлежащимъ образомъ войти умомъ и сердцемъ въ чуждыя его средѣ „соціалистическія группы“? А не сдѣлавъ этого акта проникновенія, этой внутренней ассимиляціи, онъ не могъ быть въ ту пору „глубоко и систематически“, — какъ кажется ему теперь, — „соціалистомъ-коллективистомъ“.

Возьмите его первый политическій актъ въ парламентѣ, внесенное имъ въ палату, 8-го апрѣля 1886 г., предложеніе закона объ „организаціи корпоративныхъ кассъ взаимопомощи, пенсій и коопераціи для рабочихъ различныхъ отраслей промышленности“. Мотивировка этого предложенія представляетъ собою соціальное *profession de foi* тогдашняго Жореса. Что видите вы въ немъ? Правда, авторъ относится критически къ „либеральной экономіи“, которая враждебна всякому вниманію государства въ дебаты между трудомъ и капиталомъ. Но „либеральная экономія“ стала отрицаться на почвѣ Франціи во второй половинѣ 80-хъ годовъ даже такими умѣренными республиканцами, какъ Поль Дешанзель. И можно лишь констатировать отсталость французской буржуазіи въ соціальной области, указавъ на тотъ фактъ, что политическій радикализмъ у ея выдающихся представителей зачастую плелся позади плановъ общественной реформы, которые стали предлагаться людьми оттѣнка Вальдека-Руссо. Съ другой стороны, Жоресъ, повидимому, вдохновляется людьми 48-го года, употребляетъ даже ихъ терминологию, говоря о „банкирѣ“*), которымъ будетъ для производительныхъ ассоціацій проектируемый имъ для cadaque департамента совѣтъ изъ выборныхъ рабочихъ, или восхваляя „тотъ идеалъ экономической независимости, мира и добраго согласія въ трудѣ, который наши учителя 1848 г. сохраняли такимъ близкимъ, такимъ яркимъ въ своемъ сердцѣ и умѣ“**). Но это вдохновеніе „нашими учителями“ не идетъ у Жореса дальше тѣхъ неопредѣленныхъ стремленій къ кооперации, которыя были въ модѣ во время февральской революціи, и не доходитъ, напр., даже до плана „организаціи труда“ Луи-Блана. Впрочемъ, самъ Жоресъ говоритъ, что „та самая мысль, которая одушевляла людей 1848 г., руководила и нами; но только мы научились быть болѣе робкими и дѣй-

*) „Банкиръ бѣдныхъ“, такъ часто называлось государство у соціальныхъ филантроповъ февральской революціи.

**) *Discours*, стр. 366.

ствовать болѣе медленными способами“ *). Точно такъ же Жорэсъ противопоставляетъ современной „экономической безпорядочности (dérèglement)“ „справедливое и разумное распредѣленіе занятій“, „гармонію производства и потребностей“, которая устранитъ „мало-по-малу“ періодическіе кризисы. Онъ говоритъ даже о „соціалистической идеѣ, къ которой все насъ ведетъ“. Но въ то же самое время, съ какой тщательностью онъ устанавливаетъ различныя категоріи рабочихъ по ихъ отношенію къ этой идеѣ; и съ какимъ видимымъ удовольствіемъ противопоставляетъ „великодушныхъ и благоразумныхъ“ рабочихъ „другимъ людямъ“, питающимъ „предвзяту“ склонность къ „насилю“ (les violents de parti pris) и усѣвающимъ „въ часы кризиса и обостряющейся нищеты поднимать порою криками ненависти тѣхъ изъ рабочихъ, которыхъ не могли привести въ движеніе слова разума, даже и соединеннаго со страстью“ **). И онъ увѣщаетъ государство „рѣшительно стать на точку зрѣнія смѣлыхъ, но благоразумныхъ рабочихъ“, если только оно не хочетъ „сдѣлаться по своей инертности соучастникомъ людей насилія“ ***).

Вы видите, какъ робко еще горитъ въ это время у Жорэса маленькое пламя новаго общественнаго идеала; и какъ его колеблютъ и чуть не задуваютъ на каждомъ шагѣ собственные же предразсудки депутата „республиканской концентраціи“, являющіеся, конечно, предразсудками среды и воспитанія. Объективно всматриваясь въ фигуру Жорэса этой эпохи, можно констатировать незаурядную силу ума, облегчившую этому типичному сыну интеллигентной буржуазіи приподняться нѣсколько надъ роковымъ кругомъ классовыхъ интересовъ и бросить черезъ него взглядъ на разстилающійся во всѣ стороны отъ него широкій міръ интересовъ всеобщаго труда. Но вмѣстѣ съ тѣмъ приходится отмѣтить все разстояніе, еще отдѣлявшее въ то время Жорэса отъ „соціалиста-коллективиста“, и при томъ „глубокаго и систематическаго“, какимъ онъ является самому себѣ въ зеркалѣ своихъ пристрастныхъ воспоминаній.

Возьму еще рѣчь, произнесенную Жорэсомъ 8-го марта 1887 г. во время преній въ палатѣ объ измѣненіи общаго таможеннаго тарифа, а именно о введеніи покровительственныхъ пошлинъ на хлѣбъ. Какъ извѣстно, эта рѣчь заслужила тогда же похвалы соціалистическаго депутата Густава Руанэ (кстати сказать, теперешняго пріятеля Жорэса), который писалъ въ „La Revue socialiste“ за апрѣль 1887 г., что сдѣлай Жорэсъ еще одинъ шагъ, и его можно было бы считать „однимъ изъ нашихъ“. Ибо, молъ, его „взгляды въ соціальной экономіи“, не смотря на то, что онъ „си-

*) *Ibid.*, стр. 365.

**) *Ibid.*, стр. 370.

***) *Ibid.*, стр. 371.

дять въ центрѣ или на границѣ лѣвой“, несомнѣнно „обгоняють не одного члена крайней лѣвой, воображающаго себя очень передовымъ человѣкомъ потому только, что проповѣдуетъ экономическую свободу“. Но опять таки, читая эту рѣчь, вы не можете не замѣтить, это мысль Жореса выражаетъ лишь общее тяготѣніе защищать интересы непосредственнаго производителя, но лишена всякой опредѣленной теоретической основы, которая позволяла бы видѣть въ этомъ тяготѣніи послѣдовательный планъ дѣйствій, исходящій отъ „соціалиста - коллективиста“. Дѣло шло тогда объ обложеніи пшеницы, овса, муки и т. п. ввозными пошлинами. Становясь на точку зрѣнія протекціонизма, начавшаго въ то время сильно проявляться во французскомъ парламентѣ, Жоресъ предлагаетъ лишь отложить пренія о покровительственныхъ пошлинахъ до того времени, когда правительство изучитъ и представитъ на обсужденіе предварительныя мѣры, клонящіяся къ тому, чтобы дать возможность фермерамъ, полоникамъ и сельскимъ рабочимъ дѣйствительно воспользоваться выгодами протекціоннаго тарифа. И я нахожу въ рѣчи Жореса слѣдующія наиболѣе яркія мѣста:

Я заявляю, что я не врагъ покровительственнаго режима; я не только признаю со многими изъ товарищей по палатѣ, что въ извѣстные моменты можетъ быть полезно отклониться отъ принциповъ свободной торговли, но я безусловно убѣжденъ, что покровительство, извѣстнымъ образомъ понимаемое, отвѣчаетъ требованіямъ демократической идеи. Нужно только, чтобы оно было окружено извѣстными предосторожностями, дополнено извѣстными мѣрами социальной справедливости...

Нация не представляетъ собой однородной глыбы; нація раздѣлена на различныя и порою антагонистическія интересы; и однѣ и тѣ же мѣры не обнаруживаютъ одинаковаго дѣйствія на всѣ части населенія.

Вполнѣ законно поэтому, разъ покровительство представляется намъ необходимымъ, организовать его такъ, чтобы оно шло на пользу не земельного капитала, а земледѣльческаго труда. Крупная собственность, когда она начинаетъ требовать отъ имени полониковъ и фермеровъ, походить немного на тѣхъ кормилицъ, которыя выбираютъ себѣ лучшіе куски, говоря, что это для ребенка (*Смѣхъ и рукоплесканія на лѣвой сторонѣ*). Постараемся же, насколько возможно, чтобы и ребенокъ получилъ свою порцію *).

И опять таки здѣсь, несомнѣнно, видно искреннее стремленіе помочь трудящимся элементамъ деревни. Но это стремленіе не опирается на ясное мѣровоззрѣніе труда; и Жоресъ доходитъ лишь до нѣкотораго пониманія классовой борьбы, этого рычага современной политики, говоря, что „въ націи“ существуютъ „порою (?) антагонистическія интересы“. Насколько и здѣсь Жоресъ далекъ отъ міросозерцанія „глубокаго и систематическаго соціалиста-коллективиста“, съ крайнею очевидностію вытекаетъ хотя бы изъ того, что въ эту пору онъ вѣритъ еще въ протекціонизмъ, который является почти повсюду излюбленною доктриною

*) *Discours*, стр. 191, 198—199, *passim*.

современной буржуазіи, а въ формѣ ввозныхъ пошлинъ на хлѣбъ обогащаетъ аграріевъ цѣною голодавія трудящихся массъ.

Я не буду останавливаться на другихъ рѣчахъ Жореса въ этотъ начальный періодъ его парламентской дѣятельности, тѣмъ болѣе, что ихъ очень немного, ибо, не смотря на свое природное краснорѣчіе, молодой депутатъ крайне стѣснялся говорить въ палатѣ. „Одна мысль появиться на трибунѣ вызвала во мнѣ почти непобѣдимый страхъ и буквально стѣдила меня“ *), говорить самъ будущій знаменитый ораторъ, который первое время долженъ былъ преодолевать смущеніе, являясь передъ публикой, хотя его тогдашнія рѣчи уже обращали на себя вниманіе знатоковъ, напр., тогдашняго радикальнаго депутата, нынѣ президента палаты, Анри Бриссона.

Я сказалъ выше, что проясненіе міровоззрѣнія Жореса обнаруживается въ самомъ концѣ 80-хъ годовъ и преимущественно въ газетныхъ статьяхъ, которыя молодой „нормалистъ“ пишетъ въ демократическомъ органѣ „La Dérèche“, выходящемъ въ Тулузѣ. Но и здѣсь прогрессъ „соціализаціи“ взглядовъ Жореса принимаетъ форму постепенной эволюціи. Въ номерѣ отъ 17-го марта 1889 г. упомянутой газеты Жоресъ пишетъ, напр., статью о „среднемъ классѣ и социальномъ вопросѣ“. Здѣсь авторъ уже рѣзко вооружается противъ силы капитала, съ одной стороны, концентрирующаго средства производства, а съ другой—разрушающаго средній классъ и создающаго пролетаріатъ, и предвидитъ общественный переворотъ. Но, на подобіе нѣкоторыхъ крайнихъ радикаловъ съ социалистическимъ отбѣнкомъ, онъ сливаетъ еще воедино интересы рабочаго класса (называя его даже предпочтительно неопредѣленнымъ терминомъ „народа“) и интересы „производительной“ буржуазіи и противопоставляетъ ихъ вмѣстѣ „капиталистическому феодализму“:

Почему была въ 1789 г. революція противъ земельного и движимаго феодализма? Потому что французская буржуазія была по своимъ качествамъ лучше своего положенія. Почему противъ капиталистическаго феодализма будетъ неизбежно подобная же революція, которую нашъ долгъ приготовить, не регулируя ее? Потому что народъ мастерскихъ и народъ полей, трудолюбивая и бѣдная буржуазія стоятъ выше по своему уму и сердцу, чѣмъ созданное для нихъ социальное положеніе... Капиталистическій феодализмъ, причиняющій столько зла націи, полезенъ небольшому лишь числу. Такимъ образомъ справедливость возникаетъ не изъ насильственной и исключительной агитациі той или другой фракціи социализма, а изъ извѣстнаго рода національнаго движенія. Какъ въ 1789 г. народъ и буржуазія соединились, чтобы уничтожить привилегіи знатныхъ и злоупотребленія феодаловъ, такъ же точно, наканунѣ 1889 г., народъ и трудолюбивая буржуазія должны соединиться, чтобы уничтожить капиталистическія привилегіи и злоупотребленія **).

*) Ibid., стр. 16, „введенія“.

**) Перепечатано въ сборникъ рѣчей и статей: Jean Jaurès, *Action sociale*; Парижъ, 1899, I, стр. 46—47.

Почти полтора года спустя, уже провалившись на выборах въ палату и возвратившись къ преподаванію философіи въ тулузскомъ университетѣ, т. е., значить, снова имѣя досугъ для серьезнаго изученія соціальнаго вопроса, Жорэсъ все еще колеблется рѣшительно стать на точку зрѣнія социализма. Онъ еще въ періодѣ сомнѣній. И эта психологія наглядно отражается въ газетной статьѣ отъ 15-го октября 1890 г. Статья эта, носящая поэтическое заглавіе „При лунномъ сіяніи“, выражаетъ, очевидно, тогдашніе взгляды Жорэса на социализмъ съ его тяготѣніемъ къ этому мировоззрѣнію, но и съ его сомнѣніями. Авторъ употребляетъ литературный пріемъ діалога, позволяющій ему раздвоиться и развить аргументы *за* и *противъ* социализма. Въ этомъ діалогѣ Жорэсъ избираетъ себѣ роль приверженца социалистическаго мировоззрѣнія; но его оспариваетъ нѣкій „молодой инженеръ“, родъ „адвоката дьявола“ въ средневѣковыхъ диспутахъ, однако, такого адвоката, который гораздо сильнѣе и искуснѣе своихъ обычныхъ собратовъ по адвокато-дьявольской профессіи. Это знаменательно въ томъ смыслѣ, что служитъ литературнымъ выраженіемъ субъективнаго настроенія Жорэса, для котораго возраженія противъ социализма имѣли еще въ то время не малое значеніе.

Вотъ, напр., какъ говорить о социализмѣ самъ Жорэсъ „При лунномъ сіяніи“:

Когда социализмъ восторжествуетъ, когда періодъ согласія смѣнитъ періодъ борьбы, когда всѣ люди будутъ обладать своей долей собственности въ гигантскомъ капиталѣ человѣчества и своей долей инициативы и воли въ гигантской дѣятельности человѣчества, тогда всѣ люди будутъ испытывать полноту гордости и радости; въ самомъ скромномъ ручномъ трудѣ они будутъ чувствовать себя сотрудниками всемірной цивилизаціи; и этотъ трудъ, ставшій болѣе благороднымъ и братскимъ, они регулируютъ такимъ образомъ, чтобы оставить себѣ нѣсколько часовъ отдыха для размышленія и оцущенія жизни...

Они скоро начнутъ чувствовать, что эта вселенная, изъ которой возникло человѣчество, не можетъ быть въ самомъ основаніи своемъ грубой и слѣпой, что повсюду присутствуетъ умъ, повсюду душа, и что само мірозданіе является лишь гигантскимъ и смутнымъ стремленіемъ къ порядку, красотѣ, свободѣ и добру. Да, другимъ взоромъ и другимъ сердцемъ они будутъ смотрѣть не только на людей своихъ братьевъ, но и на землю и небо, на скалу, на дерево, на животное, цвѣтокъ и звѣзду *).

Хорошо говорить Жорэсъ, хорошо и чувствительно, и послѣднія слова рисуютъ намъ его даже поэтомъ-философомъ пантеистическаго склада мыслей. Но недурно по своему отвѣчаетъ и „адвокатъ дьявола“:

— „Отлично,—возразилъ мнѣ мой инженеръ,—но почему вы не говорите просто о социальномъ прогрессѣ? Для чего вы говорите о социализмѣ? Соціальныи прогрессъ есть вещь реальная, а социализмъ—пустое слово. Это—имя малочисленной, фразистой, насильствующей и раздѣленной внутри самой

*) *Action socialiste*, стр. 108—109, *passim*.

себя секты; но это не есть серьезная прогрессивная сила. Можетъ случиться, что рѣшенія, предлагаемыя социалистами, будутъ постепенно приняты, но ужь, конечно, не социалисты дадутъ восторжествовать имъ. Никогда не будетъ правительства, дѣйствующаго и законодательствующаго во имя социализма. Ибо правительство, даже для того, чтобы улучшить современный строй и создать новый, необходимо опирается на то, что есть. Но социализмъ дѣлаетъ видъ, что онъ есть нѣкое поразительное откровеніе и новое евангеліе, ищущее для созданія будущаго точку опоры въ будущемъ же *).

Болѣе ясное и безъотговорочное признаніе социализма находится въ статьѣ Жореса отъ 1-го октября 1891 г., посвященной критикѣ рѣчи, произнесенной покойнымъ папою въ отвѣтъ на привѣтствіе графа де-Мена отъ имени рабочихъ-католиковъ. Въ этой статьѣ, озаглавленной „Папа рабочихъ“, Жоресъ удачно вскрываетъ противорѣчіе въ разсужденіяхъ Льва XIII-го, который провозглашаетъ многозначительную формулу „заработная плата должна вполне соответствовать труду“ и вмѣстѣ съ тѣмъ нападаетъ на социалистовъ:

Социалисты никогда и не требовали чего-либо другого. И если они съ беспокойствомъ ищутъ болѣе рациональной, болѣе научной и болѣе справедливой организаціи труда, то съ тою цѣлью, чтобы каждый человѣкъ—получалъ плату, дѣйствительно строго равную его труду (*adéquat au travail*). Поэтому, если папа осуждаетъ ихъ, то въ силу соображеній, вполне постороннихъ социальному вопросу: дѣло въ томъ, что рабочіе-социалисты организуются внѣ церкви, внѣ ея догматовъ и ея опеки; дѣло въ томъ, что они начинаютъ свободно мыслить съ тѣмъ, чтобы имѣть возможность свободно работать; наконецъ, можетъ быть также, что въ ихъ страстномъ стремленіи къ справедливости, въ ихъ любви къ человѣчеству заключается скрытый принципъ новаго религіознаго возрожденія, которое довершитъ разрушеніе потрясеннаго католицизма **).

Жоресъ, видимо, теперь уже сталъ на прямую дорогу, ведущую къ современному социализму. И объективному историкъ приходится, повторяю, отмѣтить недюжинную силу умственной и нравственной энергіи, обнаруженной Жоресомъ, чтобы освободиться изъ подъ ига предрассудковъ среды и воспитанія, не смотря на рядъ обстоятельствъ, неблагопріятно складывавшихся для его эволюціи. Такъ, въ своемъ введеніи къ „Парламентскимъ рѣчамъ“ Жоресъ рассказываетъ, какимъ смѣхомъ редакціи социалистическаго органа „La Revue socialiste“,—куда онъ пришелъ знакомиться съ Малономъ послѣ своей рѣчи о крестьянахъ,—онъ былъ сопровождается, едва захлопнувъ дверь комнаты и очутившись на лѣстницѣ послѣ неудачной попытки „пилигримства изъ лѣваго центра на священную гору интегральнаго социализма“. Съ другой стороны, ко второй же половинѣ 80-хъ годовъ относится женитьба Жореса на вѣрующей католичкѣ,—фактъ, который, къ сожалѣнію, такъ обыченъ во Франціи и послѣдствія кото-

*) Ibid., стр. 109—110.

**) Ibid., стр. 124—125.

раго Жорэсу пришлось испытать десять лѣтъ спустя во время его замѣчательной кампаніи въ дѣлѣ Дрейфуса. Тогда, дѣйствительно, враги уличали его въ противорѣчіи между его антиклерикальной политикой въ странѣ и его снисходительнымъ отношеніемъ къ католическимъ тенденціямъ жены, старавшейся въ томъ же духѣ воспитывать и двухъ малолѣтнихъ дочерей. Нечего, конечно, преувеличивать этого обстоятельства до разрывовъ политической измѣны, какъ то дѣлали въ полемикѣ съ Жорэсомъ его противники, многіе изъ которыхъ не только поступали такъ же, какъ бывшій депутатъ лѣваго центра, но были еще непослѣдовательнѣе Жорэса. Этотъ, по крайней мѣрѣ, пытался установить въ душѣ дѣвочекъ невозможное среднее арифметическое между католицизмомъ и свободной мыслью, воспитывая дочерей въ свѣтской гимназій, тогда какъ не одинъ изъ враговъ Жорэса, особенно въ лагерѣ радикальствующихъ демагоговъ, помѣщалъ своихъ дѣтей въ учебныя заведенія, содержимыя патерами и монашенками. Но мы не сочли возможнымъ пройти молчаніемъ мимо этого факта въ личной жизни Жорэса, такъ какъ онъ указываетъ, какіе невыгодные для нормальнаго развитія Жорэса элементы заключались въ ближайшей, непосредственно окружавшей его атмосферѣ семьи...

Какъ бы то ни было, дальнѣйшая эволюція Жорэса въ сторону социализма получила наглядное выраженіе въ томъ, что бывшій питомецъ нормальной школы не побоялся одну изъ своихъ диссертаций на степень доктора словесности, съ успѣхомъ полученную имъ въ февралѣ 1892 г., посвятить социализму и опредѣленно заявить себя его сторонникомъ. Слѣдуетъ, впрочемъ, познакомить читателя и съ другой диссертацией, такъ какъ обѣ онѣ, ваяты вмѣстѣ, рисуютъ намъ міровоззрѣніе Жорэса почти наканунѣ формальнаго вступленія его въ ряды социалистовъ. И та, и другая диссертация были написаны въ 1891 г.,—одна изъ нихъ (уже цитированная нами нѣсколькими страницами выше) по-французски и носила названіе о „Реальности чувственнаго міра“; другая,—согласно курьезной традиціи,—по-латыни и трактовала „О первыхъ проявленіяхъ (собственно очертаніяхъ, *lineamentis*. Н. К.) нѣмецкаго социализма у Лютера, Канта, Фихте и Гегеля“ *).

Французская диссертация любопытна въ томъ отношеніи, что даетъ намъ понятіе не только о философскомъ міровоззрѣніи Жорэса, оставшемся въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ неизмѣннымъ и до сихъ поръ, но и о складѣ и особенностяхъ ума Жорэса, придающихъ своеобразный отпечатокъ его духовной фizioноміи. Надо прежде всего замѣтить, что читатель, ожидающій найти въ

*) *De primis socialismi germanici lineamentis apud Lutherum, Kant, Fichte et Hegel*; Тулуза, 1891 (позже появилась во французскомъ переводѣ въ „La Revue socialiste“).

работѣ Жорэса „О реальности чувственнаго міра“ что-нибудь оригинальное или, по крайней мѣрѣ, сильно продуманное, жестоко разочаруется. Это сочиненіе можетъ быть названо „философскимъ“ развѣ только въ томъ смыслѣ, какой дается этому слову въ нѣкоторыхъ университетскихъ кругахъ Франціи, живущихъ болѣе, чѣмъ это можно было бы, казалось, ожидать, традиціями Кузэна и его школы: это—не „философія“, а риторика, упражняющаяся въ темахъ общаго характера и полагающая, что она что-то анализируетъ, тогда какъ на самомъ-то дѣлѣ она въ болѣе или менѣе красивой формѣ развиваетъ отжившія свой вѣкъ схоластическія банальности. Замѣтите, я обращаю эту критику къ диссертациі Жорэса вовсе не потому, что она написана въ идеалистическомъ духѣ, но потому, что она пропитана поверхностнымъ идеализмомъ, который то превращается въ вульгарный спиритуализмъ, то ищетъ опоры въ поэтическомъ пантеизмѣ, къ которому инстинктивно тяготѣетъ натура Жорэса. Авторъ, повидимому, даже не далъ себѣ труда основательно познакомиться съ первоклассными мыслителями своего направленія, ибо то, что онъ пишетъ, напр., о „реальности“ пространства, показываетъ, что онъ не хотѣлъ или не успѣлъ проштудировать какъ слѣдуетъ для своей диссертациі не только Канта, не только выдающихся нѣмецкихъ неокантіанцевъ, въ родѣ Ланге, Когэна или Рия, но и такого представителя критицизма во Франціи, какимъ былъ недавно умершій Шарль Ренувье. Ибо онъ не написалъ бы тогда цѣлаго ряда фразъ въ родѣ слѣдующей и одинаковой убѣдительности (*lucius a non lucendo!*) съ нею:

Такъ какъ пространство является столь же реальнымъ, какъ бытіе, то свѣтъ и тѣнь могутъ играть въ пространствѣ; ихъ тонкая и бѣгущая реальность ведетъ свою игру на фонѣ недвижной и интеллигибельной реальности *).

Прямо можно подумать, что если бы въ лѣто Божіею милостью 1891-е Жанъ Жорэсъ не „доказалъ“, т. е. не декретировалъ рядомъ риторическихъ фразъ „реальности“ пространства, то бѣдные „свѣтъ и тѣнь“ не могли бы до сихъ поръ проявлять своей „игры“ за недостаткомъ мѣста! Это называется понять отношеніе „феноменовъ“ къ „категоріямъ разума“ въ системѣ отца современнаго идеализма!..

Намъ нечего, съ другой стороны, особенно скандализироваться тѣмъ обстоятельствомъ, что Жорэсъ въ своей философской диссертациі злоупотребляетъ разсужденіями, которые были бы у мѣста въ трактатѣ догматическаго богословія. Это опять таки совершенно въ духѣ вульгарнаго спиритуализма, который думаетъ риторикой замѣнить анализъ. Вотъ, напр., разсужденіе о механизмѣ перехода радости въ горе, разсужденіе, которое предста-

*) *De la réalité etc*, стр. 347.

вляеть типичное смѣшеніе мнимой философіи и теологической фразеологии.

...Какъ то, что есть радость, можетъ стать горестью и обратно? Истина здѣсь заключается въ томъ, что всякое существо самымъ центромъ своимъ обрѣтается въ Богѣ, т. е. въ той самой точкѣ, гдѣ радость и горестъ взаимно примиряются. Богъ есть безконечная дѣятельность, гармонія и высочайшая радость: отсюда для всѣхъ существъ, которыя развиваются въ немъ, которыя соприкасаются съ нимъ, возникаютъ безконечныя возможности радости, но въ то же самое время Богъ, именно потому, что Онъ есть жизнь, кладеть основаніе противорѣчію и борьбѣ: отнынѣ для всѣхъ существъ, которыя быются въ этихъ противорѣчіяхъ, возникаетъ безконечная возможность страданія; и существа могутъ переходить безъ скандала (! Н. К.) отъ радости къ горести, отъ горести къ радости, потому что самъ Богъ создаетъ этотъ переходъ и потому что, переходя отъ одной къ другой, души несутся по самому теченію божественной жизни *).

Но было бы несправедливо оставить читателей подѣ этимъ нѣсколько комичнымъ впечатлѣніемъ, производимымъ философскою диссертациею Жореса. Если читатель будетъ твердо помнить, что эта диссертация представляетъ собою риторическое упражненіе на философскую тему, и при томъ упражненіе въ духѣ поверхностнаго идеализма, который, черезъ голову увлеченныхъ позитивизмомъ поколѣній, подаетъ руку эклектическому спиритуализму 30-хъ и 40-хъ годовъ,—если читатель, говорю я, станетъ на эту точку зрѣнія, то новый масштаб оцѣнки позволитъ ему найти положительныя стороны въ этой работѣ Жореса. Въ ней разсыпано не мало тонкихъ замѣчаній, высказано не мало интересныхъ мыслей. Въ ней есть страницы, которыя положительно волнуютъ читателя широтою гуманнаго вдохновенія или свѣжестью и искренностью чувствъ. Всею лучше мѣста, напоминающія приемы оратора. И любопытно, что они имѣютъ біографическое значеніе, касаясь или тяготяща автора къ живой рѣчи, или его инстинктивнаго пантеизма, который въ минуты воодушевленія отодвигаетъ въ немъ на задній планъ полу-оффиціальныи спиритуализмъ и подсказываетъ ему наиболѣе прочувствованныя страницы.

Вотъ, напр., мысль о противоположеніи индивидуальнаго искусства символистамъ общественному искусству демократическихъ артистовъ въ широкомъ значеніи этого слова:

Я знаю, что преувеличенія интимнаго таинства души, столь привлекающаго нѣкоторыхъ современниковъ, представляютъ собою реакцію противъ вишняго и формальнаго искусства, противъ пустоты поэзии, напоминающей скульптуру или архитектуру, и противъ демократической фразистости. Гамбетта, охваченный энтузіазмомъ ораторской агитации на югѣ Франціи, писалъ г-жѣ Аданъ: „вся страна кажется мнѣ одной громадной трибуной; я чувствую, что у меня хватило бы силъ обратиться съ рѣчью къ безконечному пространству“. Какъ! наши мягкіе холмы въ глазахъ нашихъ Дантоновъ не

*) Ibid., стр.

что иное, какъ простыя тумбы, съ которыхъ они хотятъ упражняться въ краснорѣчіи; и эти голоса, раздающіеся громомъ на публичныхъ собраніяхъ, хотятъ захватить въ свою власть даже то таинственное эхо, что спитъ подъ сводомъ лѣсовъ. Будемъ же защищаться, будемъ обращаться внутрь себя, сжиматься по мѣрѣ возможности...

Пусть такъ. Но мнѣ хотѣлось бы, чтобы могучій ораторъ вырвался изъ подъ вліянія этихъ узкихъ и утонченныхъ кружковъ, обращаясь къ безконечному пространству. Мишлэ говорилъ: „если всѣ существа, вплоть до самыхъ скромныхъ, не войдутъ въ вашъ городъ грядущаго, то я останусь внѣ его“. Что за великій день, когда человѣческая рѣчь, слово справедливости, нѣжности и надежды, дѣйствительно будетъ въ состояніи увѣрить, утѣшить, привести въ экзальтацію всѣ существа! Дайте же краснорѣчивой грезѣ великаго оратора, какъ братской грезѣ великаго мыслителя, охватить собой пространство и толпу, міръ людей и міръ всѣхъ живыхъ существъ. Я боюсь, что исключая изъ умственной и нравственной жизни пространство и внѣшній міръ, вы втискиваете ее въ узкія рамки эгоизма *).

Или вотъ одно изъ многочисленныхъ мѣстъ, гдѣ пантеистическое міровоззрѣніе, къ которому, повторяю, инстинктивно тяготѣетъ Жоресъ, приводитъ его душу въ состояніе поэтическаго экстаза:

...Странное впечатлѣніе производитъ на меня видимый міръ. Я проникаю мало по малу его жизнью, его формою, его цвѣтами, его голосами, и я позволяю его вліяніямъ тихо проникать въ меня. Мало по малу мнѣ начинаетъ казаться, что жизнь всѣхъ вещей приходитъ въ движеніе, чтобы вырваться изъ смутнаго состоянія и вылиться въ болѣе определенное сознаніе. Уже дубъ не довольствуется тѣмъ, что посылаетъ мнѣ могучій шумъ своихъ вѣтвей и листьевъ. Уже колеблющейся травѣ оврага недостаточно ласкать мои глаза своимъ мягкимъ волнообразнымъ движеніемъ. Дубъ зоветъ теперь самую душу мою; онъ хотѣлъ бы, чтобы моя мысль вошла въ него и придала большую отчетливость его смутной и разсѣянной жизни; и поле, которое тихо-тихо шепчетъ при вечернемъ вѣтеркѣ, желало бы, чтобы моя греза смѣшалась съ его грезой и придала бы ей, самъ не знаю какую, крылатую и легкую форму, которая позволила бы ей восходить выше и выше. Всѣ вещи страдаютъ, повидимому, отъ смутности своего состоянія и завидуютъ человѣческому сознанію, самые мимолетные сны котораго все же обладаютъ осязательной формою **).

Но, кромѣ указаній на общее міровоззрѣніе Жореса, его философская диссертация позволяетъ намъ еще охватить основныя черты его ума и вообще его духовной организаціи, черты, которыя остаются неизмѣнными, какимъ бы варіаціямъ ни подвергались взгляды трибуна. Умъ Жореса—не особенно глубокій и не особенно оригинальный, но очень широкій, очень гибкій и очень открытый, легко ассимилирующій и удачно формулирующій идеи оригинальныхъ мыслителей, — подъ условіемъ, впрочемъ, чтобы онѣ будили въ немъ извѣстную идейную или эстетическую эмоцію. И здѣсь мы переходимъ къ другой сторонѣ его индивидуальности. Жоресъ одаренъ живымъ, не столько тоякимъ, сколько

*) Ibid., стр. 185—186.

**) Ibid., стр. 373.

могучимъ воображеніемъ, которое сейчасъ же облакаетъ поразившую его мысль въ форму конкретнаго образа, не всегда, можетъ быть, согласованнаго въ своихъ деталяхъ, но почти всегда производящаго впечатлѣніе своею выпуклостью и размѣрами. Это не тонкая живопись, но обширныя фрески, зачастую лишь гигантскія декораціи, дѣйствующія яркостью красокъ и размахомъ кисти, не смотря на возможные условности и неправильности отдѣльныхъ подробностей,—качество, крайне цѣнное въ ораторѣ и трибунѣ, которому нужно не доказывать новыя истины и не анализировать передъ аудиторіей сложныя идеи, а увлекать ее сильнымъ изображеніемъ среднихъ чувствъ или же мыслей, уже добытыхъ оригинальными умами. И эта сторона Жореса ярко выступаетъ въ его философской диссертациі, лучшія мѣста которой представляютъ собой образное и патетическое выраженіе какой-либо довольно простой идеи или даже нѣсколько неопредѣленнаго, но могучаго чувства. Тутъ, пожалуй, можно даже видѣть настоящую оригинальность Жореса: онъ обладаетъ обширнымъ и сильнымъ, если можно такъ выразиться, регистромъ чувствительности, понимая подъ этимъ словомъ не специальную склонность къ сентиментальности, а общую способность реагировать аффектами на впечатлѣнія, получаемыя отъ природы и людей. Въ частности же онъ привлекаетъ своею способностью къ эстетическому и идейно-нравственному энтузіазму, который является у него едва-ли не самымъ обычнымъ посредникомъ между міромъ мысли и міромъ дѣйствія. Эти черты читатель могъ, вѣроятно, уже и самъ отмѣтить въ нѣкоторыхъ приведенныхъ мною выше цитатахъ изъ диссертациі Жореса. И если бы я не опасался чересчуръ удлинить этотъ этюдъ, я бы привелъ читателямъ еще одно мѣсто изъ „Реальности чувственнаго міра“, гдѣ Жоресъ съ заразительнымъ энтузіазмомъ говоритъ о „глубокой и трогательной дружбѣ нашего тѣла и земли“ *), все въ духѣ пантеистическаго мировоззрѣнія или, лучше сказать, чувствованія.

Но я перехожу къ его латинской диссертациі о „Первыхъ проявленіяхъ нѣмецкаго социализма“, диссертациі, которая, не смотря на свой небольшой объемъ (въ 83 страницы), гораздо интереснѣе его чуть не въ пять разъ болѣе громоздкой диссертациі, и интереснѣе, прежде всего, потому, что если въ ней и не обходится совсѣмъ безъ риторики, то содержаніе ея посвящено жизненно-историческому вопросу о происхожденіи социализма Маркса и Лассалля. Нельзя сказать, чтобы авторъ взялъ этотъ вопросъ во всей его широтѣ или даже вполне вѣрно поставилъ его: мировоззрѣніе родоначальниковъ современнаго нѣмецкаго социализма основано не только на Кантѣ, Фихтѣ и Ге-

*) Ibid., стр. 217

гелъ (еще менѣе того на Лютерѣ), но и на школѣ буржуазной классической экономіи Англіи, равно какъ на социалистическихъ системахъ Франціи. Но допустимъ, что Жоресъ по той или другой причинѣ умышленно съузиль свою задачу, отыскивая лишь въ Германіи зародыши „германскаго“ же „соціализма“ (если оставить въ сторонѣ упоминаніе Жореса о вліяніи на Фридриха Великаго французскихъ писателей просвѣщенія, а на Канта и Фихте—первой французской революціи).

Интересна уже самая мысль Жореса заговорить въ докторской тевѣ о социализмѣ, которой вызывалъ до тѣхъ поръ лишь презрительное пожатіе плечами въ официальныхъ университетскихъ сферахъ. И какъ, если можно такъ выразиться, самъ традиціонный латинскій языкъ долженъ былъ изумляться, когда кандидатъ на доктора словесности то сгибалъ его ученый и сложный синтаксисъ, то вводилъ въ него варваризмы современной жизни на служеніе жгучимъ вопросамъ дѣйствительности! Жоресъ чувствовалъ эту новизну сочетанія традиціонной формы и жизненнаго содержанія, заключая свою диссертацию словами:

И я не безъ удовольствія (*Nec mihi displicuit*) пользуюсь для современныхъ вещей латинскимъ языкомъ, ибо на этомъ языкѣ получило свое выраженіе человѣческое право въ древней нравственной философіи, на немъ вздыхало и пѣло христіанское братство, и еще понынѣ латинскій языкъ является единственнымъ универсальнымъ и общимъ діалектомъ, и такимъ образомъ вполне подходитъ къ универсальному социализму. Латинскій языкъ соответствуетъ тому интегральному социализму, который описалъ Бенуа Малонъ: въ немъ социализмъ представляется намъ не какъ незначительная партія, но какъ само человѣчество, и является *sub specie aeternitatis et humanitatis* *).

Слѣдуетъ, дѣйствительно, замѣтить, что, какъ самъ Жоресъ признавался въ томъ,—теоретическимъ мостомъ къ современному социализму служило для него изученіе Малона, этого недюжиннаго самоучки-рабочаго, явившагося во Франціи отцомъ „интегральнаго социализма“. Суть послѣдняго заключалась въ томъ, что въ экономикѣ бралось за основаніе ученіе Маркса; но въ социологіи и въ общественно-политической практикѣ это основаніе, согласно рецепту Малона, „дополнялось“ и „расширялось“ моральными элементами до предѣловъ „интегральнаго“ мировоззрѣнія. Надо прибавить, что такимъ мировоззрѣніемъ Жореса осталось въ сущности и до сихъ поръ,—новое подтвержденіе гибкости и широты, но вмѣстѣ съ тѣмъ и отсутствія истинной оригинальности въ умѣ Жореса. Не должно, однако, забывать, что съ упрекомъ въ такомъ отношеніи къ Марксу можно было бы обратиться чуть ли не ко всѣмъ социалистамъ современной эпохи. Ученики Маркса чувствуютъ, что доктрина „научнаго социализма“ нуждалась бы въ критической переработкѣ, чтобы вполне удо-

*) *De primis socialismi germanici lineamentis*, стр. 83 и послѣдняя.

влетворять требованіямъ безпокойной мысли нашего времени; но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ между ними не нашлось достаточно самостоятельныхъ умовъ для выполненія этой работы. Что касается до „критиковъ“ Маркса, то, къ меньшему сожалѣнію, они недалеко ушли отъ „интегральнаго социализма“: они, какъ Малонъ и его послѣдователи, соглашаются съ „важностью“ марксистской теоріи, но считаютъ нужнымъ такъ „расширять“ и „дополнять“ ее, что за этими механическими привѣсками исчезаетъ ядро системы, но ни міровоззрѣніе не становится отъ того яснѣй, ни социологическая истина ближе...

Какъ бы то ни было, „интегралистъ“ Жорэсъ не безъ убѣдительности и таланта, хотя и не безъ нѣкоторыхъ натяжекъ, отыскиваетъ первыя проявленія современнаго нѣмецкаго социализма у мыслителей, имена которыхъ онъ выписалъ въ самомъ заглавіи своей диссертациі. Но главное достоинство его работы заключается въ краткомъ и недурномъ изложеніи нѣкоторыхъ основныхъ положеній Маркса и Лассала: зависимости (преувеличенной, впрочемъ, Жорэсомъ для послѣдняго) „всей философіи и исторіи отъ формъ владѣнія“; реалистической діалектики общественнаго развитія въ противоположность идеалистической діалектикѣ разума у Гегеля; измѣренія стоимости количествомъ общественно-необходимаго рабочаго времени (кстати сказать, какъ курьезно выходитъ по-латыни эта формула: *id laboris tempus quod in summam et generaliter, aut, ut Marx ait, „socialiter“ necessarium est* *); и т. д.

Я сказалъ выше о натяжкахъ. Что, въ самомъ дѣлѣ, какъ не натяжка причисленіе Лютера къ первымъ провозвѣстникамъ хотя бы и зародышеваго германскаго социализма? Можно ли считать серьезной аргументаціей указаніе на то, что какъ социализмъ признаетъ безусловную зависимость такъ называемой „свободной воли“ индивидуума отъ общественныхъ условій (или, по выраженію Жорэса, отъ понятій „истины и справедливости“, *aequitate et veritate*), такъ и Лютеръ признаетъ зависимость свободной воли отъ Божія произволенія и благодати? Но въ такомъ случаѣ пришлось бы признать провозвѣстниками социализма всѣхъ богослововъ, которые держались этой точки зрѣнія, основываясь на словахъ апостола Павла въ посланіи къ филиппійцамъ: „ибо Богъ содѣлываетъ въ васъ и хотѣніе, и дѣйствіе по своему благоволенію“ **).

Точно также не особенно вѣскимъ представляется по отношенію къ Лютеру и то соображеніе, что онъ жестоко нападаетъ на ростов-

*) De primis, стр. 49.

**) Посл. къ филиппійцамъ, гл. II, ст. 13. Греческій текстъ говоритъ непереводимо энергично: *ὁ Θεὸς γὰρ ἐστὶν ὁ ἐνεργῶν ἐν ὑμῖν καὶ τὸ θέλει καὶ τὸ ἐνεργεῖν ὑπὲρ τῆς εὐδοκίας*.

щиковъ, и даже цитируется по этому случаю Марксомъ въ „Капиталѣ“. Ибо, не смотря на страстную рѣзкость выражений, „соціализмъ“ Лютера не дѣлаетъ изъ обличенія безжалостныхъ кредиторовъ болѣе радикальныхъ выводовъ, чѣмъ хотя бы раньше отцы церкви, напр., Василій Великій и его братъ, Григорій Нисскій, въ своихъ проповѣдяхъ „Противъ отдающихъ деньги въ ростъ“ (*Katá tōn tokizōntōn*). Съ другой стороны, почему не остановиться предпочтительнѣе, чѣмъ на Лютерѣ, на тѣхъ религіозныхъ соціалистахъ и коммунистахъ реформаціи, которые, по словамъ же самого Жорэса, „ближе походятъ на соціализмъ“ (*socialismo similiiores*)? Не мѣшало бы, вѣстакъ сказать, представить доказательство, что для развитія соціалистической мысли Германіи сочиненія фанатическихъ коммунистовъ XVI вѣка имѣли гораздо меньше значенія, чѣмъ писанія Лютера.

За волосы притащенъ Жорэсомъ, какъ непочтительно выражаются французы, въ ряды предвозвѣстниковъ германскаго соціализма и Кантъ, вліяніе котораго на развитіе этого направленія было въ общемъ незначительно и развѣ въ послѣднее время стало проявляться среди „критиковъ“, да и то неизмѣримо больше въ философскомъ, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ отношеніи.

Всѣ эти частныя замѣчанія нисколько не имѣютъ, однако, цѣль умалить значеніе небольшой, но довольно содержательной диссертациі Жорэса, который вносилъ ею струю свѣжаго воздуха въ старыя стѣны официальной науки и несомнѣнно способствовалъ тому, что въ университетскихъ сферахъ міровоззрѣніе труда стало отнынѣ находить приверженцевъ—и во всякомъ случаѣ перестало разсматриваться, какъ бредъ сумасшедшаго. Это вліяніе Жорэса, впрочемъ, особенно проявилось съ того момента, какъ онъ, послѣ почти четырехлѣтняго отсутствія *), снова вошелъ въ палату, но уже не депутатомъ, „географически“, по крайней мѣрѣ, помѣщавшимся на скамьяхъ лѣваго центра, а очень выдающимся членомъ самой крайней, соціалистической, лѣвой. Отнынѣ, въ особенности нѣсколько мѣсяцевъ спустя, начинается героическая и самая блестящая эпоха въ жизни Жорэса, которая будетъ продолжаться вплоть до раскола соціалистовъ на „министеріалистовъ“ и „революціонеровъ“.

Обстоятельства, при которыхъ Жорэсъ снова начиналъ парламентскую карьеру, были слѣдующія. Въ концѣ 1892 г. одинъ изъ администраторовъ каменноугольной компаніи Кармо, находящейся въ родномъ Тарнскомъ департаментѣ Жорэса, маркизь Людовикъ де-Солажъ, засѣдавшій съ 1889 г. въ палатѣ депутатовъ на

*) Жорэсъ въ теченіе нѣкотораго времени былъ помощникомъ мэра въ Тулузѣ.

скамьяхъ правой, разсчитавъ интеллигентнаго рабочаго, нѣкоего Кальвиньяка, мстя ему за политическую роль, которую тотъ игралъ въ качествѣ секретаря синдикальной палаты рудокоповъ и мэра города.

Рабочій классъ Франціи,—говоритъ новѣйшій историкъ социальнаго движенія,—не одинъ разъ доказалъ, что вопросы заработной платы имѣютъ въ его глазахъ меньше значенія, чѣмъ уваженіе его человѣческаго достоинства и его правъ; а право голоса представляется ему наиболѣе драгоцѣннымъ изъ всѣхъ. Рудокопы Кармо устроили стачку, требуя, чтобы компанія снова приняла Кальвиньяка; такъ какъ дѣло шло лишь о принципѣ, то послѣдній обѣщалъ даже оставить самъ работу на другой же день послѣ своего принятія. По всей Франціи синдикаты пришли на помощь стачечникамъ Кармо. На этотъ разъ уже не одни социалисты говорили въ пользу стачки; къ нимъ присоединились вожаки радикаловъ для защиты всеобщей подачи голосовъ, которой угрожала опасность *).

Въ результатѣ стачка эта, длившаяся съ 15-го августа по 3-е ноября, окончилась почти полнымъ успѣхомъ, такъ какъ приговоръ, произнесенный тогда выбраннымъ въ посредники первымъ министромъ Эмилемъ Лубэ (нынѣшнимъ президентомъ республики), лишь въ одномъ второстепенномъ пунктѣ отличался отъ первоначальныхъ требованій забастовщиковъ *). Маркизъ де-Солажъ, чувствуя себя нравственно побитымъ, счелъ нужнымъ сложить съ себя обязанности депутата. И на его мѣсто представителемъ 2-го избирательнаго дѣленія округа Альби (въ которомъ находится Кармо) былъ выбранъ Жоресъ, дѣятельно поддержанный, кромѣ социалистическихъ элементовъ, еще и всѣми радикальными и получившій на этихъ частныхъ выборахъ (перебаллотировкѣ 20-го января 1893 г.) 5317 голосовъ противъ 4843 голосовъ, поданныхъ за умѣреннаго республиканца Эраля (Héral).

Теперь Жоресъ затушевываетъ,—можетъ быть, безсознательно для самого себя,—разницу между своими взглядами въ палатѣ 1885—1889 г. и тѣми взглядами, блестящимъ выразителемъ которыхъ онъ явился при своемъ вторичномъ выступленіи въ парламентѣ. Однако, въ то время яркость этой эволюціи служила не только предметомъ оживленныхъ разговоровъ въ политическихъ сферахъ, но была признана самимъ Жоресомъ въ его первой же рѣчи, которую онъ произнесъ вскорѣ послѣ своего избранія, а именно 8-го февраля 1893 г. Задавшись цѣлью вывести социальные слѣдствія изъ Панамскаго дѣла, возбуждавшаго тогда страшное волненіе въ странѣ и больно зацѣпившаго буржуазныя партіи въ парламентѣ, Жоресъ былъ прерванъ восклицаніемъ типичнаго оппортуниста и панамиста Эммануэля Арэна: „семь лѣтъ тому

*) Georges Weill, *Histoire du mouvement social en France* (1852—1902); Парижъ, 1904 (обложка помѣчена впередъ 1905 г.), стр. 278.

**) Th. Lavallée, *Histoire des Français*; Парижъ, т. VII (написанный Maurice Dreyfous'омъ, 1901, стр. 393.

назадъ въ принадлежали къ лѣвому центру“. И, отвѣчая на это возраженіе, онъ указалъ на „честное и искреннее движеніе своей мысли“. Въ этой первой рѣчи Жореса, произнесенной имъ уже въ качествѣ социалиста (онъ примкнулъ къ незначительной по числу, но богатой талантами фракціи „независимыхъ социалистовъ“), смыслъ Панамы былъ охарактеризованъ рельефными словами заключенія:

Не достаточно приносить сюда неопредѣленные протесты честности вродѣ тѣхъ, какіе были сдѣланы съ трибуны г. Кавеньякомъ, но новымъ моральнымъ рѣшеніямъ должно дать въ видѣ санкции и гарантии и новыя социальныя рѣшенія... Передъ нами не узкій процессъ, который ведется противъ нѣсколькихъ лицъ въ стѣнахъ суда; то начался процессъ отмирающаго социального строя, и здѣсь мы для того, чтобы замѣнить его новымъ и болѣе справедливымъ *)).

Отнынѣ на Жореса ходили въ палату и по публичнымъ собраніямъ, какъ на знаменитаго актера или примадонну. И ходили не только его единомышленники, не только тяготившая къ социализму молодежь и пробуждавшіеся къ сознательной жизни рабочіе. Его шли слушать и буржуа, и совершенно индифферентные люди, которыхъ привлекали любопытныя и новыя для нихъ вещи, при томъ облеченныя въ прекрасную форму и согрѣтыя искреннимъ ораторскимъ пыломъ, — обстоятельство, всегда манящее любящихъ краснорѣчіе французовъ. Двѣ другія причины способствовали популярности Жореса. Одна, общая, заключалась въ томъ, что въ то время общественное мнѣніе страны, разочаровавшееся въ прежнихъ политическихъ партіяхъ и скандализированное социальнымъ гнѣніемъ, обнаружившимся въ Панамѣ, искало новыхъ путей и стремилось къ новымъ идеаламъ, находя ихъ, главнымъ образомъ, въ различныхъ рѣшеніяхъ социального вопроса, отъ католическихъ и до анархическихъ включительно. Другая, частная, состояла въ той особенноти Жореса, что буржуазному обществу онъ говорилъ о социалистическомъ идеалѣ языкомъ буржуазнаго же, — разумѣется, интеллигентнаго, общества. Въ смыслѣ опредѣленности, рѣзкости и даже обоснованности нѣкоторые старые вожаки социализма ничуть не уступали Жоресу, если не превосходили его. Но ихъ аргументація слишкомъ прямо была въ забрало предразсудковъ имущихъ и правящихъ классовъ. У Жореса же всегда оказывалась въ распоряженіи цѣлая гамма мыслей и образовъ, которые по ассоціаціи идей и чувствъ вызывали у буржуа одною своею стороною знакомыя ощущенія, тогда какъ другою ставили слушателей этого рода передъ непривычнымъ имъ новымъ міровоззрѣніемъ, міровоззрѣніемъ труда. И какъ за этотъ мостъ между двумя разными мірами была благодарна эта публика Жоресу, забывая неуклюжесть его

*) *Discours parlementaires*, стр. 384.

широкой привземистой фигуры, мужиковатость его физиономіи съ ея толстымъ носомъ и небольшими щурящимися глазами, монотонную рѣзкость его жестовъ, грубость его могучаго голоса; и вся отдавалась то баюкающей, то потрясающей позіи образовъ, оживлявшихъ среднее теченіе нѣсколько профессорской, отчеканивающей рѣчи Жореса и бросаемыхъ имъ во все концы переполненной залы на гребнѣ широко волнующихся періодовъ, въ то время какъ голосъ оратора крѣпчалъ, и гремѣлъ, и сливался съ аплодисментами и криками „браво“ въ концѣ каждой патетической фразы.

Но особенно рельефно выдѣлилась фигура Жореса послѣ общихъ выборовъ въ палату депутатовъ 20-го августа—3 го сентября 1893 г., когда на ряду съ 311 республиканцами умѣреннаго оттѣнка,—именовавшими себя отнынѣ „прогрессистами“—122 радикалами, 35 „присоединившимися“, 58 членами правой, въ парламентъ прошла компактная группа социалистовъ въ 50 человекъ (Жоресъ былъ выбранъ 5895 голосами противъ 4107 голосовъ, поданныхъ за оппортуниста Грока). Говоримъ „компактная“ потому, что къ этому времени различія между гэдистами, бланкистами, POSSIBILISTAMI стали стираться на практикѣ. И въ социалистическомъ лагерѣ ощущалась потребность объединить усилія различныхъ фракцій, чтобы противопоставить ихъ социальной реакціи, все сильнѣе и сильнѣе охватывавшей большинство буржуазіи въ парламентѣ и странѣ, между тѣмъ какъ меньшинство въ рядахъ имущихъ и правящихъ охотно шло къ крайнимъ партіямъ. То была эпоха, когда самъ пламенный и революціонно настроенный Гэдъ подчеркивалъ значеніе парламентарной дѣятельности социалистовъ, обращаясь къ буржуазіи съ трибуны палаты: „довольно кровопусканій; васъ убьетъ ваша собственная легальность: ея достаточно намъ въ борьбѣ противъ васъ“ („elle nous suffit contre vous“). Понятно, съ какимъ интересомъ, соединеннымъ или съ симпатіями, или съ враждой, различные партіи выслушали общее социалистическое profession de foi, которое было развито на первыхъ же порахъ въ новой палатѣ Жоресомъ. Я живо помню, между прочимъ, безконечны толки въ обществѣ по поводу статьи глубоко буржуазнаго и скептическаго, но умнаго редактора „Фигаро“, Маньяра, который всячески старался разрушить впечатлѣніе, произведенное рѣчью Жореса, но признавалъ, что дебаты въ парламентѣ переносили Францію къ эпохѣ 1848 г. и страстныхъ социальныхъ дебатовъ о „правѣ ихъ труда“ и т. п. Таково было, дѣйствительно, общее мнѣніе. Это была знаменитая рѣчь 21 ноября 1893 г. о ростѣ социализма, принявшаго наслѣдство обанкротившейся свободомыслящей буржуазіи и ставившаго задачей устранить реальные страданія отрезвленного свѣтскимъ образованіемъ пролетаріата:

Вы привели,—говорилъ Жорэсъ, обращаясь къ республиканской буржуазіи,—вы привели въ гармонію народное образованіе съ результатами современной мысли; вы окончательно вырвали народъ изъ подъ опеки церкви и догмата; вы разорвали... узы пассивности, привычки, традиціи и рутины, которыя еще оставались.

Но что вы сдѣлали этимъ? А, я знаю, то была привычка, а не настоящее вѣрованіе, выживавшее еще въ большомъ числѣ умовъ; но привычка эта была, по крайней мѣрѣ, для нѣкоторыхъ успокаивающимъ и утѣшающимъ средствомъ. И что же! вы, вы именно прервали старую колыбельную пѣсню, которая баюкала человѣческую нищету (*applaudissements на крайней лѣвой и на крайней правой*,—тамъ за недостаткомъ мѣста сидѣли нѣкоторые изъ социалистовъ. Н. К.), и нищета проснулась съ крикомъ, она стала предъ вами, и она требуетъ теперь себѣ мѣста, широкаго мѣста на солнцѣ физическаго міра, единственномъ солнцѣ, блескъ котораго вы еще не затемнили.

Подобно тому, какъ земля утрачиваетъ вслѣдствіе ночного лучеиспусканія часть теплоты, накопившейся въ ней за день, такъ и часть народной энергіи тратилась путемъ религіознаго лучеиспусканія въ бездонной пустотѣ пространства.

Но вы основали это религіозное лучеиспусканіе, и такимъ образомъ вы сконцентрировали въ непосредственныхъ требованіяхъ, требованіяхъ социальныхъ, весь огонь мысли и весь пылъ желанія; вы подняли революционную температуру пролетаріата, и если вы ужасаетесь теперь, то знайте, вы ужасаетесь предъ вашимъ же собственнымъ твореніемъ! (*Аплодисменты на крайней лѣвой и на правой*) *).

Послѣдующая роль Жорэса въ парламентѣ и странѣ слишкомъ извѣстна и служила въ свое время неоднократно предметомъ моихъ писемъ изъ Франціи, чтобы нужно было въ подробностяхъ вспоминать ее. Заходила ли рѣчь о пропагандѣ социалистическаго идеала среди университетской молодежи, Жорэсъ обращался къ ней при помощи группъ „студентовъ-коллективистовъ“. Шло ли дѣло о судебной защитѣ единомышленника, обвинявшагося въ оскорбленіи реакціоннаго президента республики, Казимира-Перье, и Жорэсъ произносилъ страстную рѣчь, клеймящую всю буржуазную династію Перье, славную „величіемъ своихъ вѣковыхъ грабительствъ, позоръ которыхъ стерло время, не уничтоживъ, однако, ихъ прибыльности“ **). Надо ли было поддерживать долгую стачку стекольщиковъ Кармо (въ 1895 г.), возмущившихся противъ тираніи фабриканта, Жорэсъ снова былъ на бреши, ободряя забастовщиковъ своимъ присутствіемъ на мѣстѣ, не смотря на грубыя насилія администраціи, не стѣсняявшейся депутатскимъ шарфомъ. И онъ же своей агитаціей во всей странѣ помогалъ рабочимъ устроить въ Альби стеклянный заводъ, ставшій достояніемъ не простой кооперативной группы, а всего пролетаріата Франціи. Уже говорить нечего о томъ, что Жорэсъ былъ однимъ изъ наиболѣе авторитетныхъ представителей социализма

*) *Discours parlementaires*, стр. 492—493.

**) См. въ приложеніи къ *Discours parlementaires* (стр. 900) рѣчь, произнесенную 5-го ноября 1894 г. предъ сенскимъ окружнымъ судомъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

въ палатѣ, гдѣ онъ отзывался на всевозможные вопросы: о свободѣ научной мысли въ университетахъ; о крестьянствѣ, земельномъ кризисѣ и аграрной программѣ социализма; о необходимости сохранить самую широкую свободу печати (по поводу ограниченій, вводившихся въ нее законодательствомъ противъ анархистовъ); о государственной монополизациі хлѣбной торговли; объ отменѣ смертной казни для солдатъ, оскорбившихъ дѣйствіемъ начальство; о турецкихъ звѣрствахъ въ Арменіи; и, наконецъ, въ самомъ концѣ политическаго существованія палаты, выбранной въ 1893 г., о нарушеніяхъ правъ въ дѣлѣ Дрейфуса (январь 1898 г.).

Во все это время и вплоть до дѣла Дрейфуса, Жоресъ находился въ идейномъ общеніи со всѣмъ французскимъ социализмомъ, который, раздѣляясь формально на различныя фракціи, обнаруживалъ въ этотъ періодъ наибольшее единство мысли и дѣйствія. Недаромъ многіе не только изъ французскихъ, но и заграничныхъ социалистовъ считаютъ для Франціи упомянутый періодъ, приблизительно соотвѣтствующій жизни палаты 1893—1895 г., за время наиболѣе плодотворной работы представителей труда въ парламентѣ и странѣ. Продолжая называть себя „независимымъ“ социалистомъ (какъ и Миллеранъ), Жоресъ былъ въ сущности главнымъ вожакомъ и безспорно наилучшимъ выразителемъ социализма въ палатѣ. Въ самой странѣ представители другихъ фракцій, даже такихъ рѣзкихъ и послѣдовательныхъ, какъ гедистская, съ большою симпатіей относились къ Жоресу и сквозъ пальцы смотрѣли на различіе общаго философскаго мировоззрѣнія, которое отдѣляло отъ нихъ Жореса, изъ уваженія къ его крупнымъ практическимъ заслугамъ.

Это философское мировоззрѣніе Жореса продолжало оставаться тѣмъ неопредѣленнымъ идеализмомъ, съ которымъ мы познакомились въ его французской диссертациі: эволюція его состояла развѣ въ томъ, что онъ утрачивалъ мало по малу элементы банальнаго спиритуализма и все болѣе и болѣе замѣнялъ ихъ широкимъ, не столько научнымъ, сколько поэтическимъ пантеизмомъ. Совсѣмъ наканунѣ выступленія рѣшительнымъ социалистомъ онъ еще писалъ въ „La Dépêche“ (отъ 4 го іюля 1892 г.): „материалистическое рѣшеніе мировой проблемы узко и ложно“ и дѣлалъ даже комплименты официальному спиритуализму современной эпохи, какъ „очень высокой формѣ религіознаго чувства“ *). Три года спустя, уже будучи однимъ изъ наиболѣе крупныхъ представителей социализма, онъ еще дѣлалъ попытку примирить „материалистическое пониманіе исторіи“ у Маркса съ собственнымъ „идеалистическимъ истолкованіемъ“ ея. И надо прибавить, что это послѣднее онъ дѣлалъ даже не въ духѣ тѣхъ

*) *Action socialiste*, стр. 160, 161.

критиковъ Маркса, которые, стоя на точкѣ зрѣнія общаго матеріализма, указываютъ на значеніе идей въ жизни человѣчества, приписывая имъ, однако, какъ и всему въ мірѣ, матеріальное происхожденіе. Нѣтъ, его попытка была въ духѣ тѣхъ метафизическихъ идеалистовъ, которые приписываютъ общую эволюцію міра и человѣческаго общества осуществленію какого-то раньше существовавшаго идеала. Въ своей лекціи объ „Историческомъ идеализмѣ“ (январь 1895 г.) Жорэсъ говорилъ:

На ряду съ матеріалистическимъ міровоззрѣніемъ существуетъ еще идеалистическое міровоззрѣніе, выливающееся въ разнообразныя формы. Я резюмирую его такъ: это такое міровоззрѣніе, согласно которому человѣчество, начиная съ самаго отправнаго пункта своего, обладаетъ, такъ сказать, смутной идеей, первымъ предчувствіемъ своихъ судебъ и своего развитія. Еще до всякаго историческаго опыта, еще раньше установленія такого или иного экономическаго строя, человѣчество уже носить въ самомъ себѣ предварительную идею справедливости и права, и этотъ-то предвзятый идеаль (cet idéal préconçu) оно и преслѣдуетъ, переходя отъ одной формы цивилизаціи къ другой, все высшей и высшей *).

И далѣе, пытаясь охватить уже однимъ общимъ закономъ эволюцію природы и людей:

... Исторія является въ то же время и феноменомъ, который развертывается согласно механическому закону, и стремленіемъ, которое осуществляется сообразно идеальному закону. И, въ концѣ концовъ, развѣ въ эволюціи жизни вообще мы не замѣчаемъ того же, что и въ эволюціи исторіи?.. Всѣ безчисленныя существа, которыя претерпѣвали эволюцію, въ то же самое время, какъ подчинялись извѣстному закону, содѣйствовали своими тайными стремленіями осуществленію опредѣленнаго плана жизни **).

Этотъ общій философскій идеализмъ, допускавшій, впрочемъ, эклектически у Жорэса и „материалистическое истолкованіе“ исторіи, не только, однако, не препятствовалъ практической дѣятельности Жорэса въ этотъ лучшій періодъ его жизни, но, соединяясь съ общимъ прекраснымъ образованіемъ „нормалиста“, его краснорѣчіемъ, наконецъ, воодушевлявшимъ его идейнымъ энтузіазмомъ къ новому для него самого міровоззрѣнію труда, могущественно влиялъ на свѣжую публику и тѣхъ слушателей изъ буржуазной интеллигенціи, которые еще искали себѣ путей и общаго идеала. Съ другой стороны, тонкое чутье прирожденнаго оратора, — чутье, которое подсказываетъ этой категоріи людей, какъ обращаться съ различными аудиторіями, — заставляло Жорэса оставлять въ сторонѣ такіе въ извѣстномъ смыслѣ академическіе вопросы, какъ „идеализмъ и матеріализмъ“, когда онъ дѣйствовалъ въ чисто рабочей, особенно же непочатой средѣ, гдѣ число

*) *Idéalisme et matérialisme dans la conception de l'histoire. Conférence de Jean Jaurès et réponse de Paul Lafargue*; Лилль, 1901, стр. 5 (перепечатка парижскаго изданія 1895 г.).

**) *Ibid.*, стр. 20.

сознательныхъ элементовъ могло быть еще сравнительно мало. И здѣсь онъ со свойственнымъ ему энтузіазмомъ трактовалъ жгучія злобы дня или же агитировалъ на почвѣ непосредственныхъ практическихъ требованій, вызывая искренній восторгъ своихъ не всегда особенно развитыхъ, но всегда свѣжихъ умомъ и чувствомъ слушателей. Всѣ эти особенности рѣдкостнаго таланта Жореса создавали ему горячія симпатіи среди социалистовъ и поддерживали его идейное общеніе съ представителями различныхъ фракцій.

Его первый крупный разладъ съ наиболее сильными изъ этихъ фракцій произошелъ по дѣлу Дрейфуса; и произошелъ не потому, что онъ былъ въ этотъ моментъ уже „оппортунистомъ“, а потому, наоборотъ, что онъ хотѣлъ вмѣшаться въ эту историческую борьбу за общечеловѣческую справедливость съ энергією, передъ которой отступали другіе социалисты. Они боялись изъ-за частнаго, какъ имъ казалось, дѣла отпугнуть отъ социализма населеніе страны, науськиваемое въ то время противъ „интернаціоналистовъ“ и „измѣнниковъ отечества“ демагогами изъ шовинистскаго и клерикальнаго лагеря. Замѣчательно, однако, что въ самомъ началѣ этого дѣла нѣкоторые наиболее активные члены гадистской партіи, и прежде всего самъ Гадъ, полагали, что социалистамъ надо рѣшительно вмѣшаться въ дѣло съ тѣмъ, чтобы обратить его противъ милитаризма. И нѣсколько лѣтъ спустя, во время дебатовъ о политикѣ между Жоресомъ и Гедомъ на публичномъ собраніи въ Лиллѣ, слушателямъ пришлось узнать, что Гадъ выразилъ горячее одобреніе Жоресу за энергію, съ какою тотъ интерпеллировалъ въ палатѣ министерство Мелина по поводу махинацій военнаго суда, осудившаго Дрейфуса. Но затѣмъ и Гадъ, и Вальянъ, и другіе видные социалисты отступили назадъ. И большинство партіи труда оставило Жореса бороться противъ шовинистовъ, реакціонеровъ и клерикаловъ, опираясь лишь на аллеманистскую и POSSIBILISTСКУЮ фракцію, на анархистовъ и на демократическіе элементы буржуазіи.

Въ какой степени эта крупная тактическая ошибка руководителей французскаго социализма способствовала эволюціи Жореса вправо и выработкѣ имъ политики „сотрудничества классовъ“; и не продолжалъ ли бы онъ этой эволюціи даже помимо странной перетасовки партій, произведенной дѣломъ Дрейфуса, — сказать трудно. Во всякомъ случаѣ, забаллотированный на выборахъ 8—22-го мая 1898 г. (какъ и Гадъ, впрочемъ), Жоресъ отнюдь не оказался пришибленнымъ парламентарной неудачей, а наоборотъ, заявилъ даже въ одной изъ статей „La petite République“, что онъ считаетъ крайне полезнымъ, чтобы социалисты не увлекались исключительно парламентскою дѣятельностью, но энергично работали и въ самой странѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ съ еще большимъ пыломъ бросился въ самую гущу политической и идей-

ной борьбы, кипевшей вокруг дела Дрейфуса и переросшей размеры простого протеста против юридической несправедливости. Говорить об этой высоко драматической и вместе благо-родной страницѣ биографіи Жореса мнѣ нечего: я посвятилъ въ своихъ „Очеркахъ современной Франціи“ не одну статью делу Дрейфуса и выдающейся роли Жореса въ немъ. Гораздо большій интересъ представляетъ эволюція Жореса вправо, первые шаги которой, отъ образованія министерства Вальдэка-Руссо (22-го іюня 1899 г.) до ліонскаго конгресса (26—28 го мая 1901 г.), на которомъ остались въ концѣ концовъ лишь „министеріалисты“, я уже, впрочемъ, изобразилъ опять-таки въ упомянутой книгѣ.

Объективный изслѣдователь долженъ считать, однако, дѣятельную поддержку, оказанную Жоресомъ министерству Вальдэка-Миллерана-Галлиффе при самомъ образованіи его, тактической ошибкой, но не принципиальной измѣной дѣлу пролетаріата. Во-первыхъ, заднимъ числомъ легко говорить, что въ то время республика не подвергалась никакой опасности; и что „республиканская оборона“ была измыслена лишь дальновидными представителями буржуазіи, чтобы раздѣлить социализмъ и подорвать этимъ путемъ его значеніе. Что эта опасность не была воображаемой, показываетъ уже рядъ многочисленныхъ заговоровъ и попытокъ реакціонныхъ и шовинистскихъ элементовъ свалить свободныя учрежденія страны. Съ другой стороны, весь 1898 и начало 1899 г. прошли въ выработкѣ различныхъ органовъ объединенія между социалистическими фракціями,—главнымъ образомъ, въ виду исключительныхъ условій смутнаго положенія: напомнимъ о „комитетѣ бдительнаго наблюденія“ (Comité de vigilance), о „комитетѣ соглашения“ (Comité de d'entente), состоявшемъ изъ представителей пяти социалистическихъ организацій, и т. д.

Во-вторыхъ, самый вопросъ объ участіи социалистовъ въ буржуазномъ правительствѣ лишь мало-по-малу вырисовывался во всей своей сложности и громадномъ историческомъ значеніи. Сначала онъ представлялся Жоресу и другимъ социалистамъ, раздѣлявшимъ его мнѣнія, лишь въ видѣ исключительнаго рѣшенія исключительной политической задачи. Не знаменательно ли, что, цѣлый годъ спустя, на международномъ социалистическомъ конгрессѣ 1900 г. въ Парижѣ, прошло еще предложеніе такого ортодоксальнаго марксиста, каковъ Каутскій, предложеніе, разсматривавшее, однако, участіе социалиста въ буржуазномъ кабинетѣ все же лишь какъ „опасный опытъ“ и „не какъ вопросъ принципа, а какъ вопросъ тактики“, требующій согласія „мѣстной или національной организаціи“ *). Лишь въ чинѣвшемъ году,

* Ср. *Очерки современной Франціи*, стр. 236.

на Амстердамскомъ конгрессѣ, международный пролетаріатъ высказался въ принципѣ противъ такого участія, и то далеко не единодушно и лишь послѣ тяжелыхъ,—еще не кончившихся,—коллизій внутри партій всего міра.

Эволюція Жореса вправо приняла лишь тогда характеръ рѣшительнаго оппортунизма (который позволить мнѣ сейчасъ провести обѣщанную параллель между Жоресомъ и Гамбеттой), когда Жоресъ, не смотря на явные политическія и нравственныя невыгоды своей тактики, возвелъ участіе социалистической партіи въ буржуазномъ правительствѣ въ настоящій принципъ и построилъ цѣлую теорію правильного и постоянного „сотрудничества классовъ“. Не надо только, конечно, проводить это сравненіе двухъ дѣятелей во всѣхъ деталяхъ подъ опасеніемъ сдѣлать его натянутымъ: недаромъ Плутархъ въ своихъ „Параллельныхъ жизнеописаніяхъ“, сравнивая, положимъ, біографіи Аристиды и Катона, находитъ, что при большомъ сходствѣ одной жизни съ другой въ цѣломъ (*ὅλος ὁ βίος*), между ними все же есть различія.

Я упомянулъ, дѣйствительно, въ началѣ этого этюда, что эволюція Жореса внутри социализма напоминаетъ эволюцію Гамбетты внутри радикализма. Посмотримъ на нѣсколько аналогій. Всѣ знаютъ, съ какимъ жаромъ, съ какимъ энтузіазмомъ молодой Гамбетта провозглашалъ, въ своемъ манифестѣ къ бельгийскимъ избирателямъ (1869 г.), „верховенство народа, организованное интегральнымъ и полнымъ способомъ“ и во имя его объявлялъ войну „живой цезаристской демократіи“. Онъ повторялъ еще въ одной изъ своихъ рѣчей въ законодательномъ корпусѣ (5-го апрѣля 1870), что „надо сдѣлать рѣшительный выборъ между всеобщей подачей голосовъ и монархіей“. Увы! Шесть лѣтъ спустя Гамбетта защищалъ противъ Гриви сближеніе съ лѣвымъ центромъ для выработки какъ разъ полу-монархической конституціи 1875 г., а еще нѣсколькими мѣсяцами позже восхвалялъ крайне реакціонный по составу (въ особенности до пересмотра 1884 г.) и по тенденціямъ сенатъ, именую его „великимъ совѣтомъ французскихъ общинъ“. Выступая съ жаромъ неопита социализма противъ реакціоннаго министерства Шарля Дюпюи, Жоресъ ярко показалъ всю необходимость торжества „социалистическаго движенія“, потому, что оно „коренится въ одно и то же время и въ сердцѣ вещей, и въ глубинѣ всего существа пролетаріата“; и вмѣстѣ съ тѣмъ кратко и энергично обрисовалъ отношеніе партіи труда къ реформизму, сказавъ, что политика буржуазнаго насилія не оставитъ умѣренныхъ республиканцамъ „ни времени, ни свободы ума, ни энергіи, чтобы осуществить даже тѣ частныя реформы, которыя не могутъ спасти современный социальный строй, но которыя, успокаивая кое-какія боли и обезоруживая нѣкоторые проявленія

тѣва, дали бы вамъ, по крайней мѣрѣ, хоть нѣсколько передохнуть" (un peu de répit) *). Но въ послѣднія пять лѣтъ Жорэсъ произнесъ великое множество рѣчей и написалъ не меньшее количество статей, чтобы доказать, что торжество мировоззрѣнія труда зависитъ исключительно отъ „сотрудничества классовъ“, буржуазіи и пролетаріата,—на почвѣ реформъ и отъ „болѣе или менѣе добровольнаго присоединенія большинства націи къ реформамъ, послѣдовательно предлагаемымъ социалистическимъ меньшинствомъ“, при чемъ это большинство онъ принужденъ даже раздувать до предѣловъ „громаднаго и сознательнаго большинства“ и во имя его презрительно трактовать „усилія и нечаянные удары смѣлаго меньшинства“ **).

Въ 1878 г. Гамбетта въ марсельской рѣчи, забывая свои клятвы и планы „непримиримой оппозиціи“, увѣщевалъ всю республиканскую партію послѣдовать по его оппортунистскимъ стопамъ: „надо, чтобы она стала министерской... Что касается до меня, то,—я всегда говорилъ это,—я человѣкъ правительства, а не человѣкъ оппозиціи... Годъ власти плодотворнѣе десяти лѣтъ героической оппозиціи“. И онъ не переставалъ упрекать послѣдовательныхъ радикаловъ въ родѣ Клемансо въ томъ, что они изъ-за любви къ „абстрактнымъ дѣламъ“ пренебрегаютъ „политикой положительныхъ результатовъ“. Буквально почти въ такихъ же выраженіяхъ Жорэсъ, по вступленіи Милльрана въ министерство, бросалъ упрекъ послѣдовательнымъ социалистамъ въ томъ, что они не поддерживаютъ въ принципѣ кабинетъ „республиканской защиты“, и двоямбически прославлялъ результаты „соціальной политики“ министра-социалиста (идущаго, не замѣчая это замѣтить, нынѣ съ націоналистами).

Въ частности, даже въ социальномъ вопросѣ Жорэсъ обнаружилъ не меньшую эволюцію, по крайней мѣрѣ, съ точки зрѣнія тактики, чѣмъ Гамбетта. Въ той самой рѣчи (Гавръ, 18-го апрѣля 1872 г.), въ которой Гамбетта выразилъ возбуждившую цѣлую бурю мысль, что нѣтъ социальнаго вопроса, а есть лишь „рядъ задачъ, требующихъ разрѣшенія“, онъ высказалъ увѣренность въ томъ, что „народы будутъ приведены къ освобожденію“ не „нападеей“, не „единственной формулой“, а „трудомъ, изученіемъ, ассоціаціей, все болѣе и болѣе постояннымъ усиленіемъ правительства честныхъ людей“. Пусть читатель сравнитъ съ этимъ критику, направляемую Жорэсомъ противъ носителей „магиче-

*) Discours parlementaires, стр. 485, 486 (рѣчь 21-го ноября 1893 г.).

**) См., напр., перепечатку его статей изъ „La Petite République“ въ сборникѣ, носящемъ заглавіе: Etudes socialistes и изданномъ въ 1901 г. журналомъ „Cahiers de la quinzaine“, стр. 31, 51 и т. д. Заднимъ числомъ Жорэсу начинаетъ даже казаться, что онъ „всегда видѣлъ въ реформахъ не палліативы современной нищеты, а начало социалистической организаціи“. Ibid., стр. XCIX „введенія“.

ской формулы „декрета“, „пролетарского провозглашенія *Fiat*“ и сопровождающей эту критику (положительный планъ создания „новой социальной системы“:

Она не может функционировать иначе, какъ съ согласія громаднаго большинства гражданъ. И большинство гражданъ мало-по-малу умножить ея первыя очертанія и зародыши. Оно, это большинство, извлечетъ постепенно изъ капиталистическаго хаоса различные типы общественной, кооперативной, коммунальной и корпоративной собственности, и оно разрушитъ послѣдніе остатки капиталистической системы, лишь когда основанія социалистическаго строя будутъ обеспечены и т. д. *).

У Жорэса не замѣчается даже отсутствія апологій „правительства честныхъ людей“, которое принимало въ его глазахъ въ теченіе трехъ лѣтъ форму кабинета Вальдэка-Миллерана-Галлиффе...

Но пойдемъ дальше. Гамбетта провозглашалъ необходимость сдѣлать республику довѣрчивой, любезной, открытой для всѣхъ, лишивъ ее характера подозрительнаго и сектантскаго режима. Съ него начинается политика не только мирволенія, но благоволенія „присоединившимся“. И въ дни великаго министерства Гамбетты заклятый реакціонеръ генераль де-Мирибэль былъ назначенъ начальникомъ генеральнаго штаба; маршалъ Канроберъ и генераль Галлиффе призваны въ высшій военный совѣтъ; графъ де-Шодорди и де-Курсель получили посольскіе посты въ Петербургъ и Берлинъ; недавній еще ожесточенный врагъ республики, Ж. Вейссъ, вызвавшій къ государственному перевороту въ пользу монархіи, становился „политическимъ директоромъ“ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Словомъ, всѣ враги республики, заявлявшіе (какъ Вейссъ) о своемъ „честномъ присоединеніи къ правительству страны“ или даже вовсе ничего не заявлявшіе, были осыпаны милостями; и, наоборотъ, вѣрные и горячіе защитники республиканскихъ учреждений служили предметомъ насмѣшекъ и прямой вражды, какъ „хмурые фанатики отвлеченнаго догмата“.

Жорэсъ не имѣлъ, конечно, такого вліянія въ дни образованія министерства „республиканской обороны“, чтобы опредѣлить составъ кабинета. Но онъ употребилъ популярность, которой пользовался среди рабочаго класса, на то, чтобы заставить значительную часть его одобрить, — по крайней мѣрѣ, временно, — участіе своего друга Миллерана въ буржуазномъ правительствѣ и, мало того, продолжать поддерживать политику этого участія даже послѣ того, какъ опасность исключительнаго положенія миновала, а кабинетъ совершилъ нѣсколько актовъ рѣзкаго анти-социалистическаго характера. И предводимые имъ парламентарные социалисты вотировали и секретные фонды, и довѣріе пра-

*) *Etudes socialistes*, стр. 93.

зительству послѣ избіенія рабочихъ въ Шалонѣ, и т. п. А, главное, съ той поры началась тактика „широкаго“, „открытаго всѣмъ социализма“,—столь же широкаго и всѣмъ открытаго, какъ и „республика“ Гамбетты,—тактика, которая раскрывала объятія „присоединившимся“ къ социализму и неудовольствіемъ и насмѣшками встрѣчала старыхъ и испытанныхъ защитниковъ міровоззрѣнія труда. „Гамбетта заставляетъ насъ полюбить республику, которая казалась намъ верхомъ политической анархіи“,—говорили карьеристы изъ консервативнаго лагеря, присоединяясь къ „афинской республикѣ“ Гамбетты, дававшего имъ доступъ и вліяніе въ правительственныхъ сферахъ. „Жоресъ заставляетъ насъ съ симпатіей относиться къ социализму, который раньше представлялся намъ нелѣпой и опасной грезой“,—говорятъ теперь многіе передовые буржуа (напр., такъ называемые „радикалы-соціалисты“), которымъ открывается возможность разсчитывать при выборахъ на голоса рабочихъ, въ виду того, что они являются постоянными союзниками жоресистовъ въ палатѣ и странѣ.

Но такой же параллелизмъ въ судьбѣ Гамбетты и Жореса обнаруживается и по отношенію къ ихъ вліянію въ парламентѣ и странѣ. Подливши оппортунистской воды въ вино своего радикализма, Гамбетта сталъ вожакомъ умѣренныхъ и почти консервативныхъ республиканцевъ въ палатѣ, пользуясь одно время, какъ говорилъ Клемансо, „тайной властью“ (*puissance occulte*) безъ ответственности. Но за то онъ не могъ показаться передъ своими бывшими болѣвильскими избирателями безъ того, чтобы они не ошибали его, и прекратилъ хожденіе по публичнымъ митингамъ въ столицѣ. Подливши реформистской воды въ вино своего социализма, Жоресъ сталъ въ самое послѣднее время пользоваться „тайной властью“ въ буржуазно-радикальномъ большинствѣ палаты, направляя порою министерство Комба, но не принимая на себя ответственности. За то ему стало невозможно показываться, какъ прежде, на обширныхъ публичныхъ собраніяхъ столицы; и онъ вынужденъ искать для своего краснорѣчія дорогія концертныя залы, въ родѣ Трокадеро, доступъ въ которыя уже по самой высотѣ входной платы немолдимъ для рядового рабочаго и ремесленника и которыя, дѣйствительно, наполняются теперь „сочувствующей“ Жоресу радикальной буржуазіей.

Я знаю, что въ одномъ пунктѣ аналогія здѣсь не полна: известные избиратели Жореса (въ Альби) именно въ послѣднее время снова выразили довѣріе къ своему прежнему депутату, давъ на выборахъ 27-го апрѣля—11-го мая 1902 г. 6,544 голосовъ Жоресу противъ 6,154 голосовъ, поданныхъ за маркиза де-Солажа, постоянного противника Жореса. Но требуется еще доказать, насколько вѣрны останутся главѣ министерскихъ со-

ралистовъ эти избиратели, послѣ рѣшенія амстердамскаго конгресса, который выразилъ желаніе видѣть французскихъ социалистовъ объединенными на почвѣ принципиальной борьбы противъ буржуазіи. Чѣмъ болѣе будетъ развиваться политическое пониманіе теперешнихъ избирателей Жореса, тѣмъ ближе наступитъ, вѣроятно, и день, когда они потребуютъ у него поведенія, лучше отвѣчающаго интересамъ рабочаго класса.

Мнѣ хотѣлось бы кончить эту параллель нѣсколькими чертами сходства и различія между Гамбеттой и Жоресомъ уже не столько съ политической, сколько съ личной точки зрѣнія. Оба они блещутъ краснорѣчіемъ, и у обоихъ же можно найти извѣстные изъяны въ ихъ рѣчахъ; но изъяны эти нѣсколько разнаго рода. У Гамбетты было, можетъ быть, еще больше дара импровизаціи; онъ менѣе готовился къ рѣчамъ (готовился, конечно, въ той или иной мѣрѣ всегда, за исключеніемъ нѣкоторыхъ экстренныхъ случаевъ: пора оставить легенду, которая смѣшиваетъ даръ слова съ возможностью импровизировать безо всякой подготовки по любому самому сложному вопросу). Но за то вы найдете въ рѣчахъ Гамбетты много неточныхъ и крайне банальныхъ выраженій, неправильныхъ конструкцій, фальшивыхъ образовъ, выкупавшихся неподражаемою страстностью рѣчи, музыкой великолѣпнаго голоса, широтою жестовъ. Жоресъ, при своей замѣчательной способности импровизировать, предпочитаетъ тщательно готовить свои рѣчи. Онъ произноситъ ихъ болѣе по-профессорски; и раньше мы видѣли, чего ему недостаетъ съ чисто внѣшней стороны. Но за то въ общемъ его рѣчи отличаются болѣею правильностью, и образы болѣе выдержаны, грѣша развѣ нѣкоторымъ педантизмомъ, обнаруживающимся въ желаніи черезчуръ напирать на детали образнаго сравненія, что естественно вызываетъ у слушателей реплику: *contra raison n'est pas raison*. Но было бы еще большимъ педантизмомъ выискивать эти ошибки противъ вкуса или естественности сравненія.

Гамбетта вообще не любилъ писать и писалъ очень мало: не считалъ же за литературу его парижскія корреспонденціи въ одной франкфуртской газетѣ, или его портреты знаменитыхъ адвокатовъ той эпохи. Жоресъ же пишетъ, наоборотъ, очень много, въ въ послѣднее время гораздо больше, чѣмъ говорить. И, однако, его статьи и книги ниже въ литературномъ отношеніи, чѣмъ его рѣчи въ ораторскомъ. Пишетъ Жоресъ нѣсколько растянута, порою очень длинными періодами, которые выигрываютъ, если ихъ выразительно продекламировать вѣдухъ. Его образы чаще обнаруживаютъ здѣсь искусственность и вообще отступаютъ на задній планъ передъ отвлеченнымъ и порою громовымъ и вѣстѣ сухимъ изложеніемъ. Однако, нѣкоторыя его газетныя статьи полемическаго характера и въ редактировавшейся имъ до прошлаго года „La petite République“, и въ редактируемой теперь

„L'Humanité“ составляютъ замѣчательное исключеніе своею краткостью, живостью и остроуміемъ. Надо, кстати, замѣтить, что въ разговорныхъ репликахъ и парламентскихъ выпадахъ Жоресъ очень остроуменъ и находчивъ; и нѣкоторые его фразы столь же тонки, сколько ядовиты.

И Гамбетта, и Жоресъ поражаютъ ассимилирующими способностями ума и вмѣстѣ практическимъ чутьемъ при столкновеніяхъ съ людьми и партіями. Это послѣднее удивляетъ больше въ Жоресѣ, ибо у него умъ несомнѣнно болѣе отвлеченный, чѣмъ у Гамбетты. Можетъ быть, эта природная гибкость интеллектуальныхъ способностей Жореса лишь скрывалась, раньше подъ наносомъ схоластическаго „нормализма“, а затѣмъ проявилась и развилась въ самой практикѣ политической жизни.

И Жоресъ, и Гамбетта, говорю для удобства сравненія въ настоящемъ времени, — люди, повидимому, способные испытывать глубокія и сильныя чувства, не только общественныя, но и личныя: оба они не только способны къ энтузіазму, любви, ненависти идейнаго характера, но отличаются семейными привязанностями, тяготѣніемъ къ сильной личной дружбѣ; словомъ, оба могутъ сказать, что ничто человѣческое имъ не чуждо. Было бы интересно, однако, прослѣдить у обоихъ, насколько эта естественная склонность къ аффективнымъ проявленіямъ „я“ развита упражненіемъ. Можетъ быть, порою она лишь ви́шнимъ образомъ, лишь для эффекта показывается толпѣ, доставляя политическому дѣятелю эмоціональное орудіе вліянія на отдѣльныхъ людей и коллективность. Не знаменательно ли, что въ то время, какъ друзья превозносятъ и того, и другого за ихъ честность, искренность, мягкость, преданность не только идеямъ, но и людямъ, враги жестоко нападаютъ на нихъ за ловкость, коварство, умѣнье съ вибраціей въ голосѣ говорить о вещахъ, которыя въ сущности мало трогаютъ ихъ, и ради достиженія политической цѣли не останавливаться передъ актами, обнаруживающими глубокую неискренность. Здѣсь, впрочемъ, нужно считаться съ политической же страстью, которая подсказываетъ часто друзьямъ и врагамъ крупной личности противоположныя нравственныя оцѣнки.

Есть еще, по моему, одна сторона, которая сближаетъ Гамбетту и Жореса: эти жизнерадостные, находящіе и въ борьбѣ удовольствіе люди являются порою, не смотря на свое тонкое политическое чутье, жертвами своихъ идейныхъ увлеченій и, благодаря своему сангвиническому темпераменту, дѣлаютъ тогда грубыя тактическія ошибки. И если бы я не боялся удлинять черезчуръ эту статью, я могъ бы привести рядъ такихъ политическихъ промаховъ, — то, что французы называютъ на своемъ непочтительномъ жаргонѣ *gaffe*: и Гамбетта, и Жоресъ, несомнѣнно, принадлежать нѣкоторыми сторонами своей фیزیономіи

къ категоріи *gauche* овъ. Къ чему было, напр., Гамбетта такъ настаивать въ 1881 г. на введеніи выборовъ по спискамъ, когда онъ замѣтилъ, что въ парламентѣ противъ этой реформы многіе были лишь потому, что видѣли въ реформѣ средство, какъ имъ казалось, осуществленія диктаторскихъ плановъ Гамбетты? Зачѣмъ, съ другой стороны, Жорэсу такъ понадобилось нѣсколько лѣтъ тому назадъ агитировать въ пользу „единства“ социалистической партіи, когда онъ могъ ясно видѣть, что при томъ недовѣріи, которое возбуждалъ его „министеріализмъ“, его братья-враги рассматривали эту тактику лишь какъ желаніе Жорэса провести свои оппортунистическіе взгляды во всѣ фракціи социализма безъ исключенія, и т. п.

Есть, однако, одна—двѣ черты, которыя возвышаютъ Жорэса рѣшительно надъ Гамбеттой: это его несравненно большая образованность, идущая рука объ руку съ живымъ интересомъ къ наукѣ и такой наукѣ, которая, благодаря общественному характеру дѣятельности Жорэса, принимаетъ у него въ послѣднее время тоже общественный отпечатокъ. Политическая жизнь освободила Жорэса отъ тѣхъ схоластическихъ тенденцій, которыя оставила въ немъ нормальная школа, хотя и изопрившая въ немъ общую способность къ труду. Гамбетта дѣйствительно и въ голову бы не могло придти приняться за писаніе исторіи французской революціи, которой Жорэсъ выпустилъ уже четыре тома, доведя ее до паденія Робеспьера *). Въ одной изъ своихъ статей **) я далъ оцѣнку перваго изъ четырехъ томовъ этой исторіи и отсылаю къ своему этюду читателя. Съ другой стороны, не въ этой биографической статьѣ дѣлать подробный обзоръ очень объемистаго труда, который, не смотря на нѣкоторые свои изъяны, заслуживаетъ серьезнаго вниманія не только большой публики, но и специалистовъ. И я надѣюсь когда-нибудь подробно поговорить объ исторіи французской революціи Жорэса. Здѣсь же да будетъ позволено мнѣ сказать по поводу этой работы лишь то, что можетъ касаться общей характеристики Жорэса, а именно его значенія, какъ научнаго историка.

Я думаю, внимательный читатель большого труда Жорэса найдетъ, что автору не удалось вполне справиться съ трудной задачей разработать исторію французской революціи сразу въ духѣ тройственнаго „источника вдохновенія.“ Маркса, Мишлэ и Плутарха. Не удалось уже потому, что сама задача врядъ-ли была осуществима, да, пожалуй, и желательна. Тотъ же внимательный читатель найдетъ изложеніе неравнобѣрнымъ, растяну-

*) Jean Jaurès, *La Constituante*, Парижъ 1901. — *La Législative*, 1902. — *La Convention*, 2 тома, 1903 — 1904 (составляютъ первые четыре тома «Histoire socialiste»).

**) «Послѣдніе труды о происхожденіи современной Франціи», „Русское Богатство“, 1902, февраль.

тымъ, не всегда одинаково интереснымъ, что объяснялось писаньемъ этой работы для выхода выпусками, рассчитанными, по крайней мѣрѣ отчасти, не на специалистовъ. Онъ, можетъ быть, сочтетъ неудачнымъ и приемъ Жорэса подражать Мишлэ, обращая вопросы, восклицанія, интерпелляціи къ историческимъ дѣятелямъ и злоупотребляя этимъ вышатательствомъ въ ходъ разсказа. У Мишлэ это выходило болѣе естественно, и врядъ ли онъ заставилъ бы, — какъ это сдѣлалъ Жорэсъ, — Людовика XVI-го произносить на нѣсколькихъ страницахъ гипотетическую рѣчь къ судившимъ его членамъ конвента, рѣчь, въ которой король старается оправдать себя съ такой точки зрѣнія и пониманія тогдашнихъ политическихъ и обще-историческихъ условій, которая, несомнѣнно, была недоступна кому бы то ни было изъ участниковъ тогдашней трагедіи. Это, если хотите, историко-литературное сочиненіе въ родѣ тѣхъ, что задаются въ нормальной школѣ, но это далеко не подходящій приемъ историческаго анализа. Точно также читатель замѣтитъ въ работѣ Жорэса очень явственные порою усилія защитить ту или другую позицію, какую онъ занимаетъ теперь по отношенію къ вопросамъ современной политической борьбы, изображеніемъ перипетій прошлой борьбы партій.

Но всѣ эти оговорки не помѣшаютъ объективно оцѣнивающему читателю видѣть въ трудѣ Жорэса очень серьезную и временами очень удачную попытку разсмотрѣть великое французское движеніе позапрошлаго вѣка не совсѣмъ съ той стороны, какъ ее разсматривали до сихъ поръ, а именно, ввести въ исторію революціи гораздо большее количество экономическаго и социальнаго матеріала, чѣмъ это дѣлалось. Положеніе различныхъ классовъ наканунѣ переворота (въ томѣ, посвященномъ „Учредительному собранію“); первые симптомы расслоенія классовыхъ интересовъ между буржуазіею и пролетаріатомъ (въ томѣ „Законодательнаго собранія“); социальные взгляды конвента на собственность и т. п., — всѣ эти предметы разработаны Жорэсомъ тщательно и убѣдительно, и читатель современной эпохи найдетъ у него въ изученіи этой стороны дѣла много поучительныхъ сближеній. Въ общемъ работа Жорэса показываетъ, что и въ смыслъ научнаго анализа этотъ человекъ представляетъ незаурядную личность современной Франціи, оказываясь такимъ образомъ если не особенно оригинальнымъ и творческимъ, то, какъ уже было сказано, широкимъ, гибкимъ, интереснымъ умомъ...

Происходящія послѣ амстердамскаго конгресса усилія внести единство въ расколовшуюся социалистическую партію Франціи опредѣлять своими результатами, будетъ ли снова этотъ замѣчательный человекъ цѣликомъ принадлежать міру организующагося труда, или же, какъ въ послѣдніе годы, стоять на границѣ двухъ міровъ, — буржуазнаго и трудового, — являясь однимъ изъ самыхъ яркихъ выразителей всеобщаго кризиса, но и всеобщаго роста социализма.

Н. Е. Кудринъ.

Политика.

Около войны. — Заграничная хроника.

I.

Корреспондентъ газеты «Русь», Николай Кирилловъ, прислалъ въ эту газету глубоко интересную корреспонденцію объ условіяхъ дѣятельности корреспондентовъ на театрѣ военныхъ дѣйствій въ Манчжуріи и о цѣнности сообщаемыхъ ими свѣдѣній. Приводимъ существенную часть этой замѣчательной корреспонденціи, вскрывающей съ поразительною ясностью одну изъ наболѣвшихъ язвъ нашего быта вообще, нашего дальне-восточнаго бѣдствія въ частности и въ особенности. Вотъ эта корреспонденція съ нѣкоторыми сокращеніями собственныхъ разсужденій почтеннаго автора, но съ сохраненіемъ всего имъ сообщаемого:

Тяжела, очень тяжела доля корреспондента здѣсь, на полѣ военныхъ дѣйствій. Тяжела она не тѣми лишеніями и опасностями, которыя мы дѣлимъ на ряду съ войсками. Я скажу скорѣе, что эти лишенія, эта общность горя и страданія со всѣми, есть то, что скрашиваетъ нашу жизнь здѣсь, другія тяжелыя и темныя стороны ея. Невозможно насыщаться тонкимъ обѣдомъ въ теплѣ и комфортѣ, когда на глазахъ голодають и холодають другіе; нельзя и наблюдать съ безопаснаго, укрытаго мѣста, какъ идутъ на смерть, умирають на вашихъ глазахъ ваши же родные, дорогіе вамъ люди.

„На міру и смерть красна!“ правъ русскій народъ.

И только эта общность, чудная общность судьбы со всѣми здѣсь и поддерживаетъ и даетъ нравственную силу для тягостной работы.

— Какой тягостной работы?—спрашиваете, наконецъ, вы, изумленный читатель.

Быть историкомъ живого времени, *правдиво* излагать происходящія событія, уяснить себѣ причины ихъ, связать все въ одно и дать въ послѣдствіи полную картину всего—вотъ цѣль, къ которой стремиться представляетъ собою захватывающій, интересный интеллигентный трудъ.

Но я не усчиталъ *лжи*, которую мы должны посылать къ вамъ въ Россію потому что ложь посылаемъ мы вамъ, когда пишемъ письма, корреспонденціи, телеграммы.

Я не написалъ ни одного лживаго слова, но много ихъ послалъ въ Россію и посылаю ежедневно, потому что ложь получается въ результатѣ, *когда, наблюдая, описываешь лишь одну сторону дѣла, а о другой молчишь.*

И это безконечно тяжело.

Но особенно это тяжело, когда видишь, какую огромную пользу принесло бы описать извѣстное явленіе; тогда его легко можно было бы устранить теперь же, и это спасло бы многія сотни, часто тысячи жизней.

Вѣдь въ томъ-то и суть, что тутъ отъ незамѣтныхъ часто мелочей и небрежностей зависитъ бездна жизней и живого, ежедневнаго страданія, а отъ взятыхъ купно всѣхъ этихъ мелочей и частныхъ можетъ зависѣть и успѣхъ всего дѣла.

Замѣтьте, прошу, что я говорю здѣсь не о военной цензурѣ; она необходима...

Наши недостатки необходимо разрѣшить все указывать; а о японскихъ приказать строго молчать; пусть мы, пока есть время, все исправимъ, а о японскихъ прорѣхахъ лучше помолчимъ; пусть они съ ними и остаются до конца войны и служатъ имъ въ ущербъ, а намъ на пользу.

У насъ же поступаютъ наоборотъ: дыру на своей одеждѣ не смѣй указывать, а къ врагу поди, сколько хочешь, и скажи ему: наложи, дескать, заплату, а то простудишься и, пожалуй, еще ослабнешь, нашъ милый пріятель.

Умно это?

И здѣсь отлично это понимаютъ, разрѣшаютъ указывать и серьезные промахи, и важные недостатки въ организаціи арміи и всего дѣла...

А его взгляды непремѣнно отражаются и на всѣхъ его подчиненныхъ.

Живя же одной жизнью съ войсками, всюду со всѣми сталкиваясь, видишь и наблюдаешь много. Бездна, масса матеріалу.

Только писать и обрабатывать некогда, слишкомъ много времени отнимаютъ сами наблюденія, разѣзды, бои и т. д., да и условія, и матеріальныя, и нравственныя очень ужъ неблагоприятны для работы.

Но вотъ улучишь время, напишешь замѣтку, отнесешь въ цензуру. Не только пропуститъ цензоръ, а скажетъ еще часто: „Вотъ отлично, что объ этомъ пишете, это никогда не мало писать, всегда намъ на пользу будетъ“.

Чтобы замѣтка скорѣе оказала свое дѣйствіе и быстрѣе дошла до Петербурга — телеграфируешь ее; будьте увѣрены, черезъ три дня получаете отъ телеграфа извѣстіе: Вашъ № 5329, отъ 24 сентября, Петербургъ, „Русь“, цензурою не разрѣшенъ.

Руки опускаются и горько станеть на душѣ.

Неужели только и можно, что описывать „аметистовыя“ сопки да расхваливать „героевъ“ въ высокопарномъ стилѣ?!

А если я вижу изъяснѣ, отъ котораго страдаетъ дѣло, неужели же я не долженъ указать его?! Вѣдь только польза отъ этого и можетъ быть, а повредить я никакъ не могу.

И кого мы обманываемъ? Помню, я былъ въ первые мѣсяцы войны сначала за границей, а потомъ въ Петербургѣ, въ Москвѣ; вѣдь извѣстія черезъ письма отъ участвующихъ все равно приходятъ и часто преувеличенныя, извращенныя ходятъ въ видѣ достовѣрнѣйшихъ извѣстій и тревожить, смущаютъ, волнуютъ общество, подрывая только его довѣріе.

И это очень плохо — такія вѣсти вѣдь безответственны и часто это бываютъ чудовищныя искаженія истины, но имъ вѣрятъ, потому что нѣтъ гласности, которая одна только можетъ давать правду.

Тогда какъ гласность можно поставить подъ самую строгую драконовскую отвѣтственность передъ судомъ за ложь и искаженіе правды — это ей будетъ лишь на пользу, позволяя существовать только чистымъ источникамъ. Я бы согласился, да и многіе другіе тоже, хоть на смертную казнь за первое же слово неправды, лишь разрѣшите писать мнѣ важную, необходимую спасительную правду, лишь позвольте мнѣ писать то, что доложить всеародно во всеуслышаніе есть обязанность, долгъ передъ страной и государствомъ.

Описать, обнародовать извѣстное явленіе, изъяснѣ, это значитъ часто уже его уничтожить или, по крайней мѣрѣ, сдѣлать невозможнымъ повтореніе...

И когда при этомъ стремленіи, которымъ горятъ всѣ, видишь еще возможность полезной и болѣе необходимой работы и вамъ не даютъ выполнять ее, становится мучительно тягостно, хоть не живи.

Не видишь толку, нѣтъ просвѣта въ настоящемъ, въ кровавомъ, мрачномъ настоящемъ; хорошее будущее далеко; такъ тоскливо, такъ скверно станеть на душѣ, что хоть иди подъ японскія пули.

Я никогда до сихъ поръ не работалъ въ русской печати и только теперь ощутилъ весь ужасъ пишущаго, узналъ, какое страданіе желать помочь, ука-

звать на губительное зло, тѣмъ его уже исправить наполовину, быть можетъ, — и не имѣть возможности это сдѣлать.

Это все равно какъ, если брать вашъ, любимый дорогой братъ вашъ идетъ въ опасный бой, и вы видите, что онъ забылъ все оружіе, что онъ идетъ на вѣрную гибель, и вы не можете сказать, вамъ зажимаютъ ротъ и не даютъ крикнуть, и онъ идетъ и умираетъ... на вашихъ глазахъ.

Вѣдь это же страданіе, котораго больше нѣтъ; это хуже, чѣмъ погибнуть самому.

Гибнетъ родина или, по крайней мѣрѣ, въ опасности она и не имѣть возможности работать для нея!..

Горько и стыдно даже за себя; думаешь, зачѣмъ же ты послѣ того русскій, если не можешь ты работать для Россіи, отдать свой трудъ и силы?

И главное почему, для кого, для чего?

Для призрака, для фантазмагоріи въ умахъ людей, которымъ слово гласность кажется страшнымъ и губительнымъ и которые забыли или привыкли не видѣть, что этимъ страшнымъ словомъ называется вещь, спасительная для всѣхъ, и для страны, и для государства прежде всего.

Какой фабрикантъ, какой хозяинъ дорогой и сложной машины не поблагодарить того, кто ему укажетъ на недостатки въ ней, на соръ и грязь въ оси, увеличивающіе треніе, замедляющіе ходъ и работу, разстраивающіе и портящіе цѣнную машину, принося ему убытки.

Поблагодарить, да еще вознаградить такого человѣка умный фабрикантъ.

Но вѣдь страна, народное хозяйство, государство это огромная машина, колоссальная фабрика съ той разницей только, что порча, соръ и грязь, замедленіе работы и убытки вымѣщаются въ ней на живыхъ людяхъ, выражаются въ людскомъ, въ народномъ страданіи, высчитываются въ большей смертности, въ голодныхъ, въ тифозныхъ, а теперь въ убитыхъ и раненыхъ, въ слезахъ матерей, въ рыданіяхъ женъ и плачѣ дѣтей.

Ну какъ же тутъ не позволить, неужели же не разрѣшать намъ и теперь говорить о томъ, что можетъ уменьшить долю страданія и горя, которую нынѣ нести суждено намъ, русскому народу.

Скажите, неужели правда когда-нибудь, кому-нибудь могла повредить? Да, она повредитъ всему дурному, гнилому, она уничтожитъ его, но хорошему быть во вредъ правда никогда не можетъ.

Противодѣйствовать поэтому гласности, значить защищать все дурное, испорченное.

И ни въ какой странѣ, никакому государству правда, иначе свободное выраженіе ея, до сихъ поръ не повредило, да и повредить не можетъ.

А сколько больныхъ, негодныхъ организмовъ она уже оздоровила! сколько дала жизнь и процвѣтаніе!

Вспомнимъ хоть нашъ судъ, старый темный судъ и нынѣшній гласный. Поистинѣ безъ гласности нѣтъ суда праваго; этому много можно привести доказательствъ и въ исторіи, и въ нашей современности.

Гласность, что солнечный свѣтъ; безъ нея въ темнотѣ заводится и гниль, и плѣсень, и всякая дрянь; подъ ея же лучами пропадаетъ гниль, исчезаетъ плѣсень и все оздоравливается.

И какъ безъ солнечнаго свѣта не живетъ полной жизнью ни одинъ сложный организмъ на землѣ, такъ не можетъ существовать безъ правды, безъ гласности продолжительное время ни одинъ общественный и никакой государственный организмъ.

Безъ гласности онъ хирѣетъ, загнивается, разлагается и гибнетъ, или собственной смертью, какъ Турція, Персія, или насильственной, отъ столкновенья съ другимъ нравственно болѣе здоровымъ и свѣжимъ организмомъ.

Вѣдь прежде всего высшимъ лицамъ важна она, гласность! Развѣ безъ нея могутъ они когда-нибудь имѣть вѣрное, правдивое представленіе о томъ, что творится подъ ихъ рукой?!

Правда для них такъ же трудно доступна, какъ они сами для насъ и уши ихъ для нашихъ словъ неприступны.

А развѣ можетъ идти хорошо у меня хозяйство, если я не знаю, какъ оно ведется, какъ исполняются мои распоряженія, что въ немъ творится? Погибнетъ тогда мое хозяйство, и я разорюсь.

Перенесите это на государство, которое есть не что иное, какъ крупное хозяйство.

Тяжело и трудно положеніе хозяина такого государства безъ гласности, во тьмѣ, безъ свѣта правды вокругъ. Все это знакомыя старыя истины. Ихъ даже стыдно высказывать, такъ просты, ясны и очевидны онѣ. Это аксіомы, это—азбука вещей.

Но теперь все это приобретаетъ особенное значеніе, потому что за незнаніе этой азбуки, за пренебреженіе этими простыми и ясными аксіомами мы расплачиваемся живымъ страданіемъ и горемъ, рѣками крови, льющимися здѣсь непрерывно.

И когда вы, по мѣрѣ силъ вашихъ, стремитесь придти на помощь этой безднѣ горя и страданія, вамъ зажимаютъ ротъ, приказываютъ молчать.

Ужасное состояніе!

Нѣтъ возможности работать, опускаются руки, беретъ тоска, овладѣваетъ губительное равнодушіе или, еще того хуже, враждебность, желаніе противо-дѣйствовать такому порядку вещей, при которомъ работать, при которомъ дышать нельзя.

И вотъ тутъ получается опаснѣйшая для насъ и самая выгодная для враговъ разногласица, тутъ вырабатывается это ужаснѣйшее и вмѣстѣ съ тѣмъ естественное, вполне понятное явленіе, что хорошіе русскіе люди, прекрасныя, общественныя силы на каждомъ шагѣ говорятъ: „Пусть насъ побиваютъ японцы, это—хорошо, потому что бьются за нашу свободу“...

Не думайте, что армія у насъ та же, что пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Нѣтъ, теперь всѣ мыслятъ и желаютъ выражать свои мысли, хотятъ настойчиво возможности свободного выраженія ихъ.

Гласность, свобода печати у всѣхъ на языкѣ. „Безъ этого дѣло никогда не пойдетъ и толку никакого не будетъ“,—слышишь изъ устъ почти каждого офицера.

Дѣйствительно, имъ больше не къ кому и они часто обращаются къ намъ: „Будьте добры,—говорятъ они, рассказывая что-нибудь, иногда, на самомъ дѣлѣ, весьма важное,—напишите это, освѣтите; вѣдь это же возмутительно, можетъ быть, тогда какъ-нибудь и устроятъ“.

На это почти всегда приходится отвѣчать: „Голубчикъ, напишите сами, запечатайте въ конвертъ и слайте вашимъ дѣтямъ. Лѣтъ черезъ тридцать, сорокъ, когда васъ уже, можетъ, и не будетъ на свѣтѣ, они пошлютъ это въ „Русскую Старину“ въ назиданіе потомству. Тамъ, въ 1940 году это напечатаютъ, а теперь нельзя“.

— Что вы чепуху городите? Я вамъ серьезно говорю, а вы съ глупостями—люди гибнуть теперь, а не черезъ сорокъ лѣтъ, а вы тутъ съ „Русской Стариной!“—вскипятится часто въ первый разъ столкнувшійся съ подобнымъ явленіемъ честный, горячій человѣкъ.

— А я вамъ серьезно отвѣчаю: печатать этого нельзя; повѣрьте, не я въ томъ виноватъ,—отвѣтишь ему.

— Такъ что жъ это такое?! мы на смерть идемъ, вдовъ и сиротъ оставляемъ, а правду говорить нельзя,—начнетъ опять волноваться иногда сѣдой капитанъ или еще турецкой войны полковникъ; я не говорю уже о юныхъ, горячихъ душахъ.

И теперь, когда всѣ борются за страну и государство; когда здѣсь никто не жалѣетъ ни себя, ни жизни; когда во всей странѣ изъ конца въ конецъ раздается плачь и льются слезы, теперь настало время отказаться отъ напраснаго и губительнаго недоувѣрія къ русскимъ силамъ и разрѣшить

всѣмъ хотя бы мыслью и словомъ участвовать въ дѣлѣ спасенія страны отъ серьезно опасныхъ враговъ.

Мы молимъ о томъ во имя русской крови, которая льется здѣсь непрерывно, непрерывной рѣкой.

„Русь“, 6 ноября 1904 г. № 326.

Нельзя не принести самой искренней признательности и почтенному автору, и уважаемой газетѣ за эту корреспонденцію, описавшую этотъ ужасъ и эту ложь, которая была извѣстна и раньше, но пряталась въ сердцахъ и умахъ. Не имѣя возможности открыто проявить себя, недоувѣріе сказалось и въ постепенномъ сокращеніи и даже прекращеніи военныхъ хроникъ въ журналахъ, и въ сокращеніи, если не прекращеніи народныхъ жертвъ на Красный Крестъ, и во многомъ другомъ... Будемъ ждать правды и не будемъ внимать «лжи». Будемъ говорить, насколько это возможно, о войнѣ и по поводу войны, но не будемъ ее лѣтописать, если не имѣемъ всей правды для этого.

II.

Кромѣ военныхъ событій на Дальнемъ Востокѣ, приковывающихъ къ себѣ вниманіе всего цивилизованнаго міра, въ послѣднее время общее вниманіе обращали преимущественно два крупныхъ историческихъ событія: президентскіе выборы въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки и разрывъ Франціи съ Ватиканомъ съ его послѣдствіями, въ видѣ внесенія во французскій парламентъ законопроекта объ отдѣленіи церкви отъ государства. Послѣднее событіе еще не завершилось, и бесѣду о немъ мы отложимъ до окончательнаго разрѣшенія этого глубокаго историческаго кризиса, имѣющаго мировое значеніе. Президентскіе выборы въ Соединенныхъ Штатахъ, напротивъ того, уже вполне выяснились, и мы отмѣтимъ здѣсь это явленіе, какъ имѣющее очень серьезное значеніе не для одной Америки. 2 ноября (20 окт.) произошло голосованіе для избранія 477 выборщиковъ, призванныхъ черезъ два мѣсяца въ январѣ избрать президента. Это январское голосованіе является простою формальностью и результатъ выборовъ уже вполне обезпеченъ послѣ голосованія 20 октября, когда было выбрано сторонникомъ республиканскаго кандидата, нынѣшняго президента Теодора Рузвельта, — триста двадцать пять противъ ста пятидесяти двухъ сторонниковъ его противника Паркера, кандидата партіи демократической. Около трехъ-четвертей голосовъ принадлежитъ республиканской партіи и всего около $\frac{1}{4}$ демократамъ. вмѣстѣ съ присоединившейся къ нимъ партіей популяристовъ. Демократамъ остались вѣрны лишь старые рабовладѣльческіе штаты юго-востока. Западные штаты, тоже демократическіе на трехъ послѣднихъ президентскихъ выборахъ, нынѣ частью отпали, а равно голосовали за рес-

публиканцевъ всѣ спорные штаты, обыкновенно рѣшающіе исходъ борьбы (Нью-Йоркъ, Пенсильванія, Индіана и др.).

Эта побѣда республиканской партіи (которая одновременно съ этимъ значительно усилила свою численность въ палатѣ депутатовъ) является не простымъ пораженіемъ демократовъ, но полнымъ разгромомъ ихъ партіи. Побѣду республиканской партіи можно было предвидѣть, но ея успѣхъ въ такомъ размѣрѣ не предвидѣли самыя большіе оптимисты въ ея средѣ. Интересно поэтому нѣсколько разобратся въ причинахъ этого важнаго политическаго событія.

При самомъ возникновеніи великой американской республики, въ ней возникло двѣ партіи: сторонниковъ болѣе тѣснаго единства въ законодательствѣ и управленіи (партія, принявшая названіе *виговъ*, какъ называлась либеральная партія въ Англіи) и сторонниковъ широкой децентрализаціи при автономіи отдѣльныхъ штатовъ, назвавшихся демократической партіей. Это названіе въ то время соотвѣтствовало программѣ партіи, такъ какъ децентрализація болѣе съ родни демократіи, чѣмъ централизація, всегда имѣющая склонность вырождаться въ «имперіализмъ», какъ теперь англичане и американцы называютъ партію, стремящуюся къ господству надъ другими народами и странами. Истинной демократіи такое стремленіе должно быть чуждо, а децентрализація спасаетъ націю отъ созданія той власти, которая можетъ явиться носителемъ и осуществителемъ этой наступательной международной политики. Однако, въ то время, когда столѣтіе съ четвертью тому назадъ создавалась сѣверо-американская республика, опасность имперіализма еще не существовала въ Америкѣ. Только-что отбившаяся отъ англійскаго имперіализма и руководимая своими великими основателями, Вашингтономъ, Джефферсономъ, Франклиномъ, она ненавидѣла имперіализмъ и провозгласила совершенно добросовѣстно права человека, столь несовмѣстимыя съ идеей имперіализма. Преобладаніе демократовъ надъ вигами, характеризующее около девяти первыхъ десятилѣтій американской исторіи, было обязано своимъ существованіемъ только отчасти этому глубокому отвращенію американскаго народа къ централизаціи, связанной генетически съ агрессивною виѣшнею политикою. Въ значительной степени предпочтеніе демократической программы основывалось и на сознаніи, что единеніе въ законодательствѣ и въ управленіи между свободными и рабовладѣльческими штатами невозможно. Только принципъ широкой автономіи штатовъ спасалъ республику отъ опаснаго внутренняго конфликта. Долгое время спасалъ, но не спасъ.

Борьба изъ-за невольничества была неизбежна и вспыхнула прежде истеченія перваго полустолѣтія американской исторіи. Сначала она имѣла мало успѣха, и сторонники упраздненія рабства, аболиціонисты, подвергались повсемѣстно преслѣдованію. На югѣ ихъ преслѣдовали рабовладѣльцы, на сѣверѣ инертная масса, опа-

савшаяся разрыва съ южными рабовладѣльческими штатами. Однако, не смотря на всѣ преграды, идея освобожденія рабовъ крѣпла и завоевывала симпатію все болѣе и болѣе обширныхъ круговъ націи. Она становилась опасною для рабовладѣльцевъ, которые видѣли, что только въ систематическомъ отстаиваніи демократической программы автономіи отдѣльных штатовъ можно найти спасеніе отъ аболіціонизма. Всѣ рабовладѣльцы стали демократами, тогда же часть демократовъ въ сѣверныхъ штатахъ стала склоняться въ пользу виговъ. Когда же эти послѣдніе, идя навстрѣчу назрѣвшему движенію, приняли новое названіе республиканцевъ и новую программу освобожденія рабовъ, значительная часть сѣверныхъ демократовъ вошла въ составъ новой партіи, которая и одержала верхъ на первыхъ же послѣ того президентскихъ выборахъ (1861). Отсюда конфликтъ, междоусобіе, разгромъ южныхъ штатовъ и торжество сѣверныхъ штатовъ. Невольничество упразднено, вчерашнимъ рабамъ дарованы гражданскія и политическія права, и республика вступила въ новый періодъ своей еще недолгой, но уже очень богатой исторіи.

Побѣда сѣвера надъ югомъ была побѣдою свободы надъ рабствомъ, но и побѣдою промышленныхъ штатовъ надъ земледѣльческими. Она открыла собою новую широкую дорогу торгово-промышленнымъ успѣхамъ и самому разностороннему и головокружительно скорому экономическому развитію въ сторону капитализма. Обширныя пространства дѣвственной плодородной почвы на западѣ значительно смягчали остроту этого процесса, а постоянный приливъ европейскихъ переселенцевъ замѣняли отбывающія на западъ свободныя рабочія руки и гарантировали капитализму необходимое ему количество рабочихъ пролетаріевъ. По мѣрѣ того, какъ одни, скопивъ небольшія средства, шли на западъ основывать собственныя хозяйства, новые выходцы изъ Европы ихъ замѣщали на фабрикахъ и заводахъ промышленныхъ штатовъ сѣвера и центра. Возникла прямо исполинская промышленность и огромное невиданное и неслыханное скопленіе капиталовъ. Въ рукахъ побѣдителей 1861—1864 гг. была эта гигантская промышленность и въ ихъ же рядахъ находились эти милліардеры. Интересы капиталистической промышленности и ея руководителей милліардеровъ и стали мало по малу во главѣ программы республиканской партіи, которая изъ партіи освобожденія рабовъ постепенно выродилась въ партію плутократовъ. Сначала это былъ протекціонизмъ, затѣмъ золотая валюта, наконецъ, имперіализмъ, таковы этапы, по которымъ прошла программа республиканской партіи въ ея движеніи отъ демократіи (въ европейскомъ смыслѣ) къ плутократіи. Уже около десяти лѣтъ, какъ протекціонизмъ окончательно побѣдилъ идею свободной торговли. Восемь лѣтъ тому назадъ и вторично четыре года тому назадъ, на президентскихъ выборахъ 1896 и 1900 гг., О'Брайанъ, вождь со-

единенныхъ партій, демократической и популистской, бился противъ золотой валюты, но дважды былъ разбитъ, и въ «платформу» (программу) демократической партіи на президентскихъ выборахъ 1904 года вопросъ о валютѣ уже включенъ не былъ. Золотая валюта, какъ и протекціонизмъ, одержали уже полную побѣду и ихъ господства уже никто не оспаривалъ. Борьба шла изъ за «имперіализма», который и одержалъ вышеприведенную блистательную побѣду.

Побѣдиль имперіализмъ. Но кто же побѣжденъ при этомъ? Это трудно сказать, потому что главный противникъ республиканской партіи — партія демократическая — явилась на выборы съ такою неопредѣленною фizioноміей, что нѣтъ возможности вывести, какія собственно изъ взаимно противорѣчивыхъ идей, слагавшихъ собою программу партіи, заслужили это полное осужденіе со стороны сѣверо-американской націи. Въ программѣ демократовъ была борьба съ трестами и протестъ противъ агрессивной иностранной политики. Это дѣйствительно по-демократически. Однако, въ той же программѣ былъ протестъ противъ равноправности цвѣтного населенія съ бѣлымъ. Это же совершенно противорѣчитъ демократизму. Демократы протестовали противъ продажности и злоупотребленій чиновничества. Это не помѣшало имъ въ Нью-Йоркѣ заключить союзъ съ знаменитою лигою Tammany-Hall... Такимъ образомъ, въ то время, какъ плутократія, сосредоточившая свои силы въ лагерѣ республиканской партіи, имѣетъ ясную и послѣдовательную программу и организованные заинтересованные слои населенія, ея противники представляютъ скопленіе элементовъ, между собою не солидарныхъ и другъ друга подрывающихъ. Американская демократія еще нуждается въ организаціи, нуждается даже въ программѣ, а до тѣхъ поръ надолго обезпечено господство плутократіи, какъ то и доказали президентскіе выборы въ 1904 году.

Въ отчетномъ періодѣ происходили еще выборы въ Италіи, гдѣ побѣдила партія умѣренныхъ лѣвыхъ, нынѣ за смертью Дзанарделли предводимая Джолити... Число сторонниковъ Джолити (теперь министра-президента) значительно возросло; оппозиція и справа, и слѣва ослабѣла. Умѣренная лѣвая представляетъ собою буржуазно-прогрессивную партію, и ея побѣда является дальнѣйшимъ укрѣпленіемъ капитализма.

С. Юмановъ.

Къ сорокалѣтію судебныхъ уставовъ.

По какой-то странной ироніи судьбы съ самаго начала новаго, XX-го, вѣка намъ все приходится вспоминать старое и справлять не то юбилей, не то поминки по несбывшимся надеждамъ. На порогѣ вѣка, 19 февраля 1901 года, мы „праздновали“ сорокалѣтіе величайшей реформы прошлаго столѣтія—освобожденія крестьянъ. Въ томъ же году исполнилось десять лѣтъ съ большого голода 1891 года, открывшаго собою послѣдній періодъ въ жизни нашего крестьянства... Уже одно это мрачное совпаденіе достаточно подчеркиваетъ, на какія „праздничныя“ мысли и чувства могъ наводить этотъ юбилей. Два года спустя, въ январѣ 1903 г., мы *молча* „чествовали“ юбилей печатнаго слова: двухсотлѣтіе существованія періодической печати въ Россіи. 1 января нынѣшняго года исполнилось сорокалѣтіе „Положенія о земскихъ учрежденіяхъ“,—совпавшее съ частью осуществленными уже (въ формѣ новаго управленія по мѣстнымъ дѣламъ), частью задуманными преобразованіями, которыя должны были похоронить земство, созданное эпохою великихъ реформъ. Теперь мы опять стоимъ передъ юбилеемъ. И опять этотъ юбилей болѣе похожъ на поминки: 20 ноября истекаетъ сорокъ лѣтъ съ изданія „Судебныхъ уставовъ“ 1864 года. Изъ всѣхъ законодательныхъ актовъ первой половины шестидесятихъ годовъ „Судебные уставы“ представляются несомнѣнно наиболѣе цѣльнымъ, наиболѣе выдержаннымъ въ одномъ „освободительномъ“ стилѣ. И съ другой стороны, едва ли не всего безошаднѣе отнеслась именно къ этому акту послѣдующая работа правящаго механизма. Та переформированная юстиція, которую мы теперь имѣемъ предъ собою, сохраняетъ въ себѣ очень мало слѣдовъ великихъ началъ, провозглашенныхъ реформою 1864 года. Сквозь новую оболочку въ ней явно сквозятъ черты стараго, какъ казалось, совсѣмъ похороненнаго, дореформеннаго прошлаго.

Судьбы всѣхъ „великихъ реформъ“ шестидесятихъ годовъ имѣютъ много общаго между собою. Всѣ эти реформы вызваны были къ жизни тѣмъ подъемомъ общественнаго настроенія, тѣмъ могучимъ освободительнымъ движеніемъ, которое явилось вслѣдъ за крушеніемъ стараго, крѣпостнаго строя, обнаружившаго свое полное банкротство во время крымской кампаніи, съ ея „лицомъ и изнанкою“. Это обновительное движеніе на первыхъ своихъ порахъ широкою волною захватило самые разнообразныя круги—и правительственные, и общественные. Всѣ видѣли и чувствовали, что такъ жить далѣе нельзя, что необходима коренная

перестройка всѣхъ существующихъ порядковъ, всѣхъ устоевъ, на которыхъ держалась старая, крѣпостная Россія. Подъ напоромъ этого освободительнаго теченія были задуманы планы реформъ. Но уже при самой разработкѣ этихъ плановъ, при составленіи соотвѣтственныхъ законодательныхъ актовъ—первоначальное единство общаго настроенія было разрушено. Элементы, враждебные обновительному движенію, смятые и растерявшіеся подъ первымъ натискомъ новыхъ запросовъ жизни, скоро подняли голову. Теченіе въ верхнихъ слояхъ если не измѣнило еще направленіе, то значительно замедлило темпъ, и въ окончательномъ видѣ широко задуманныя преобразованія явились плодомъ компромисса между старымъ и новымъ. Не завершенныя и не связанныя между собою, открытыя со многихъ сторонъ для вторженія чуждыхъ имъ пережитковъ стараго,—они брошены были въ среду, въ которой если не нравственная, то матеріальная сила была на сторонѣ тѣхъ же „командующихъ“ элементовъ, которые господствовали и въ дореформенной Россіи. Люди шестидесятихъ годовъ слишкомъ поторопились зачислить ихъ въ списки мертвыхъ. Чтобы пробить себѣ дорогу и завоевать мѣсто въ общественномъ строѣ, новымъ началамъ приходилось выдерживать упорную и долгую еще не закончившуюся борьбу.

Если мы присмотримся къ перипетіямъ этой борьбы, мы различимъ два параллельно идущихъ процесса. Это, съ одной стороны, процессъ постепеннаго приспособленія новыхъ институтовъ къ средѣ, процессъ ихъ линіянія и извращенія. Этотъ процессъ такъ рѣзко и выпукло выражался въ нашей пореформенной жизни, что много говорить о немъ едва ли есть надобность. Въ старомъ дореформенномъ строѣ всѣ части государственнаго механизма были прилажены одна къ другой; этимъ поддерживалось его равновѣсіе. Это равновѣсіе было нарушено введеніемъ въ систему новыхъ учреждений, не гармонировавшихъ съ остальными ея частями. Система построена была на началахъ авторитета, опеки, сословной обособленности и іерархической подчиненности. Тѣ же начала постепенно проникли и въ новые институты и окрасили ихъ подъ общій казенный цвѣтъ. Дворянское земство, поставленное подъ чиновничью указку, судъ, переплетающійся съ администраціей и прислушивающійся къ ея камертону, земскій начальникъ, опекающій крестьянина, и чрезъ сорокъ лѣтъ по освобожденіи все еще причисляемаго къ низшему роду людей, всевластная бюрократія и безправное общество—вотъ тѣ наглядные результаты, къ которымъ привелъ указанный процессъ линіянія новыхъ началъ въ борьбѣ съ пережитками стараго. Но этотъ процессъ былъ не единственнымъ. Если среда вліяла и приспособляла къ себѣ попавшіе въ нее чужеродные элементы, то имѣло мѣсто также и обратное воздѣйствіе—и эти элементы въ свою очередь вліяли на измѣненіе среды. Оба процесса, какъ мы уже говорили,

шли рядомъ, параллельно другъ другу, какъ бы подѣливъ между собою области своего дѣйствія. Въ сферѣ внѣшней, въ области учрежденій и внѣшнихъ распорядковъ общественной жизни — первый процессъ получилъ рѣшительное преобладаніе; конечно, и здѣсь равнодѣйствующая должна была пройти между двумя крайними теченіями, — но много ближе къ тому, которое стремилось вернуть государственную жизнь въ старое русло, къ дореформеннымъ порядкамъ сословно-бюрократическаго строя. Не то видимъ мы въ средѣ общественной.

Здѣсь обновительная работа шла если и съ перерывами и замедленіями, то въ общемъ и цѣломъ несомнѣнно въ одномъ преобладающемъ направленіи. Ростъ общественной мысли, сознательнаго отношенія къ общественной жизни и навыковъ къ общественной работѣ въ пореформенномъ періодѣ составляетъ фактъ столь же бесспорный, какъ и параллельное ему выпѣтаніе зачатковъ новаго въ строѣ государственной жизни. Въ концѣ концовъ противоположное движеніе обоихъ описанныхъ процессовъ опять приводитъ къ такому же кризису, который послужилъ ихъ исходнымъ пунктомъ. Опять мы встрѣчаемся съ полнымъ разладомъ между требованіями и запросами общества и всею обстановкою его существованія. „Система“, приведенная къ единству и равновѣсію, оказывается совершенно неудовлетворительною въ работѣ и безсильною къ выполненію самыхъ элементарныхъ, самыхъ неотложныхъ потребностей. Вся энергія механизма уходитъ на поддержаніе его цѣлости. На внѣшнюю-же полезную работу, на развитіе живой его силы не остается ничего. Сознаніе, что такъ жить нельзя, что необходима перемѣна курса, опять такъ же настоятельно и такъ же всеобще, какъ было наканунѣ эпохи великихъ реформъ. Только теперь долгій и горькій опытъ дѣлаетъ совершенно ясною безцѣльность частичныхъ, разрозненныхъ реформъ. Выходъ изъ кризиса можетъ быть найденъ только въ перестройкѣ самой „системы“, а не въ измѣненіи тѣхъ или другихъ, органически между собою связанныхъ, ея отдѣльныхъ частей.

Участь судебной реформы можетъ служить хорошей иллюстраціей набросанной выше общей схемы.

„Судебные уставы 20 ноября 1864 г.“ должны были внести въ русскую жизнь то начало *законности*, которое оставалось и не могло не оставаться мертвою буквою въ дореформенной крѣпостной Россіи. Отнынѣ носителемъ и хранителемъ этого начала становился независимый судъ, отдѣленный совершенно отъ администрации; судъ съ участіемъ общественнаго элемента, въ видѣ присяжныхъ засѣдателей и выборныхъ мировыхъ судей; судъ устный и гласный, предоставляющій обвиняемымъ и тяжущимся воѣ гарантіи безпристрастія и соблюденія законныхъ ихъ интересовъ. Какъ мы уже говорили, „Судебные уставы“ представляютъ собою

наиболѣе цѣльный изъ законодательныхъ актовъ эпохи великихъ реформъ; колебанія курса сравнительно слабо отразились на послѣдовательномъ проведеніи въ нихъ основныхъ началъ, которыми задавалась реформа. Нельзя сказать, однако, чтобы такая послѣдовательность была соблюдена безусловно: то тутъ, то тамъ оставались щелочки, открывавшія доступъ въ сферу, отмежеванную, казалось бы, безраздѣльно суду и закону, для началъ, не имѣющихъ съ ними ничего общаго. И эти щелочки скоро обратились въ цѣлыя бреши, совершенно разрушившія цѣльность судебного зданія.

Когда судебные уставы были обнародованы, кривая прогрессивнаго движенія шестидесятыхъ годовъ начала уже клониться книзу. Первые признаки реакціи появились уже много ранѣе; съ польскаго возстанія 1863 г. они обозначались съ полной ясностью. Съ осуществленіемъ новаго закона не торопились. Судебные уставы введены были въ дѣйствіе только спустя полтора года и то не повсемѣстно, а лишь въ обѣихъ столицахъ. Распространеніе новыхъ судебныхъ порядковъ на всю территорію страны растянулось на десятии лѣтъ.

Очень знаменательна была та обстановка, при которой происходило открытіе новыхъ судовъ. 1866 годъ, въ сущности, заключалъ собою тотъ весенній періодъ нашей жизни, который носитъ названіе „шестидесятыхъ годовъ“. Съ половины этого года имѣло мѣсто рѣшительное измѣненіе курса: программный рескриптъ 13 мая на имя предсѣдателя государственнаго совѣта, князя Гагарина, явился формулировкой этого новаго курса; Муравьевская диктатура въ Петербургѣ, вслѣдъ за событіемъ 4 апрѣля—самымъ яркимъ его выраженіемъ. Въ это именно время, 17 апрѣля 1866 г., въ Петербургѣ, а вслѣдъ затѣмъ въ Москвѣ открылась дѣятельность новыхъ судебныхъ установленій, организованныхъ на началахъ судебныхъ уставовъ 1864 г. Въ памяти современниковъ еще живы впечатлѣнія этого медоваго мѣсяца судебной реформы. Могушая струя свѣжаго воздуха ворвалась въ общественную атмосферу. Все въ новомъ судѣ было необычно, все дѣйствовало приподнимающимъ и бодрящимъ образомъ. Уже одинъ мировой судъ дѣлалъ цѣлую революцію въ нравахъ. Не нужно забывать, что крѣпостное право со всѣмъ его обиходомъ было еще дѣломъ вчерашняго дня; будни жизни еще полны были переживаніями этого недавняго прошлаго, а съ этими буднями и имѣлъ дѣло „равный для всѣхъ“ мировой судъ. Вообще всѣ судебные порядки, въ ихъ цѣломъ, въ тѣ молодые для новаго суда дни, представлялись для общества какимъ-то обломкомъ другого міра, другого строя отношеній, не похожаго на то, что привыкли видѣть кругомъ. А рядомъ „внѣсудебная юстиція“ добраго стараго времени дѣлала свое дѣло. Слѣдствіе, руководимое гр. Муравьевымъ и выполняемое военными офицерами, получившими судебную подготовку при по-

давленіи мятежа въ сѣверо-западномъ краѣ, было кульминаціоннымъ пунктомъ этихъ старыхъ порядковъ. Оба начала, старое и новое, въ наиболѣе чистомъ своемъ видѣ одновременно выступали на государственной аренѣ.

Конечно, такое внутреннее противорѣчіе не могло длиться долго. Составныя части государства должны были приспособиться одна къ другой. Весь вопросъ заключался только въ томъ: какіе элементы должны играть при этомъ активную, приспособляющую и какіе приспособляющуюся роль. Дальнѣйшая исторія „Судебныхъ уставовъ“ показываетъ, что на ихъ долю выпало послѣднее. Дѣйствительно, ни одно изъ основныхъ началъ, на которыхъ построена была судебная реформа, не сохранилось въ своемъ первоначальномъ видѣ до настоящаго времени. Независимость судейскаго персонала пострадала прежде всего. Первая брешь въ этомъ коренномъ устоѣ новой системы пробита была даже не закономъ, а простою министерскою практикою: съ осени 1867 г. прекращено было назначеніе судебныхъ слѣдователей, пользующихся правомъ несмѣняемости; исполненіе слѣдовательскихъ обязанностей поручалось исправляющимъ должность слѣдователей чиновникамъ, находящимся въ полномъ подчиненіи министерству юстиціи. Такимъ образомъ слѣдственная часть была, такъ сказать, отрознена отъ независимаго суда и попала подъ фѣрулу судебной бюрократіи въ лицѣ прокурорскаго надзора и центральныхъ органовъ министерства юстиціи. Вслѣдъ затѣмъ (закономъ 1885 года) ограничено начало несмѣняемости судей и усилена ихъ служебная подчиненность старшему председателю судебной палаты и министру юстиціи; высшему дисциплинарному присутствію предоставлено было право увольнять ихъ безъ прошенія, какъ за служебныя упущенія, такъ и за предосудительныя и противныя нравственности виѣслужебныя проступки. Все это вмѣстѣ значительно оближало судейскій институтъ съ общими условіями чиновничьей службы; независимые судьи, огражденные отъ какихъ бы то ни было постороннихъ воздѣйствій и вмѣшательствъ въ отправленіе ихъ судейскихъ обязанностей, превращались мало по малу въ обыкновенныхъ „чиновниковъ вѣдомства юстиціи“. Съ другой стороны, цѣлый рядъ ограниченій испыталъ на себѣ институтъ присяжныхъ засѣдателей. Кругъ компетенціи этихъ представителей „общественной совѣсти“ суженъ былъ рядомъ послѣдовательныхъ узаконеній. Первые изъятія сдѣланы были въ 1879 и 1881 гг.; изъятія эти касались сравнительно небольшой группы преступленій государственныхъ. Гораздо болѣе существенныя ограниченія внесены были закономъ 1889, изъявшимъ изъ подсудности суду присяжныхъ цѣлый рядъ дѣлъ, такъ или иначе затрагивающихъ административные интересы. Ограничено было и начало гласности въ судебномъ производствѣ, и ограничено опять

таки по соображеніямъ внѣсудебнаго характера. Въ судебныхъ уставахъ были точно обозначены категории дѣлъ, по которымъ судъ имѣлъ право закрывать двери присутствія. Законъ 1887 г. предоставлялъ суду право вести дѣло при закрытыхъ дверяхъ каждый разъ, когда процессъ признавался опаснымъ для нравственности, религіи, государства и порядка. Такое же право дано министру юстиціи, а въ мѣстностяхъ, гдѣ дѣйствуетъ положеніе объ усиленной охранѣ—генералъ-губернаторамъ и министру внутреннихъ дѣлъ. Но самая существенная ломка началъ судебной реформы имѣла мѣсто въ области мировой юстиціи. По закону 12 іюля 1889 выборныхъ мировыхъ судей, независимыхъ и несмѣняемыхъ, замѣнили земскіе начальники, назначаемые и увольняемые по усмотрѣнію администраціи и соединяющіе въ своихъ рукахъ и судебныя, и административныя функціи. Такимъ образомъ мѣстная юстиція, всего ближе соприкасающаяся съ будничными интересами массы населенія, совершенно выведена была изъ круга общихъ судебныхъ учреждений. Вмѣстѣ съ тѣмъ рѣзко нарушался и принципъ раздѣльности административной и судебной властей, служившій однимъ изъ краеугольныхъ камней судебной реформы.

Мы перечислили только нѣсколько наиболѣе крупныхъ измѣненій въ судебныхъ уставахъ, но они ясно свидѣтельствуютъ, съ какою послѣдовательностью происходила въ теченіе всего пореформеннаго періода ассимиляція новыхъ судовъ съ общими порядками господствующаго строя, въ которые они должны были внести новую струю. Завершеніемъ этой ассимиляціи долженъ былъ явиться новый общій пересмотръ судебныхъ уставовъ, предпринятый въ 1894—1899 гг. именно съ тою цѣлью, чтобы устранить „несоотвѣтствіе нѣкоторыхъ началъ“ судебной реформы „особенностямъ нашего государственнаго и общественнаго быта“. Выработанный въ результатъ этого пересмотра „исправленный“ кодексъ судебныхъ уставовъ есть завтрашній день, ожидающій судебную реформу.

Мы видимъ такимъ образомъ, что первый изъ тѣхъ двухъ общихъ процессовъ, которые намѣчены въ приведенной выше схемѣ, очень ярко и выпукло можетъ быть прослѣженъ въ судьбахъ судебной реформы. Но рядомъ съ нимъ шелъ и другой, обратный процессъ, процессъ воздѣйствія введенныхъ реформою новыхъ началъ на среду. Выражался онъ не въ измѣненіяхъ во внѣшнихъ порядкахъ бюрократическаго строя государственной жизни, а въ развитіи и ростѣ общественнаго сознанія. Какъ ни далекъ былъ дѣйствительный судъ отъ того идеала, который носился предъ мыслью творцовъ судебной реформы; какимъ урѣзкамъ и „поправкамъ“ ни подвергались основныя начала этой реформы, — никакъ нельзя отвергать ея огромнаго воспитательнаго значенія для общества. Та *обществен-*

ная среда, въ которой приходится теперь дѣйствовать судебнымъ установленіямъ, рѣзко отлична отъ той, какая окружала первые шаги реформы. И въ ряду причинъ, вызвавшихъ это измѣненіе, несомнѣнно не малая роль принадлежала и той конкретной, живой пропагандѣ идей законности и справедливости, которую несла въ широкія массы работа новаго суда. Гласный и публичный судъ былъ широкою ареною, на которой, при состязательномъ процессѣ, свободно дебатировались вопросы, затрагивающіе самыя живые общественные интересы.

Въ результатъ противоположнаго теченія обоихъ названныхъ процессовъ, мы стоимъ теперь предъ такимъ же кризисомъ, какъ и наканунѣ судебной реформы. Какъ тогда порядки дореформенной юстиціи, „неправды черной“ полной, вызывали единодушные протесты современниковъ, такъ и теперь выросшее правовое сознаніе общества не удовлетворяется тѣмъ компромиссомъ закона и бюрократическаго произвола, какой представляетъ собой настоящее правосудіе. Но опытъ 40 лѣтъ не прошелъ даромъ. Теперь намъ очевидно, что начало законности не можетъ жить и расти, какъ какое то экзотическое растеніе, среди атмосферы ему чуждой. Независимый судъ не можетъ существовать рядомъ съ всевластнымъ полицейскимъ участкомъ. Только тогда судъ можетъ быть носителемъ и хранителемъ начала законности, когда то же начало является повелительнымъ руководящимъ указаніемъ для всѣхъ сферъ государственнаго и общественнаго организма. Прочный законный порядокъ возможенъ только при правовомъ строѣ этого организма.

Н. Анненскій.

Случайныя замѣтки.

„Тѣнь Сморгунера“ (къ дѣламъ ген. Ковалева и Е. Голицынскаго).—Читателямъ „Р. Бог.“ памятно еще, вѣроятно, громкое дѣло казачьяго полковника Сташевскаго, застрѣлившаго изъ револьвера беззащитнаго редактора газеты „Русскій Туркестанъ“, Сморгунера. Въ свое время въ нашемъ журналѣ были напечатаны подробности этого возмутительнаго убійства. Полковникъ Сташевскій былъ судимъ и понесъ наказаніе. Не касаясь размѣровъ этой кары и вопроса объ ея соответствіи съ преступленіемъ военнаго, напавшаго съ оружіемъ въ рукахъ на мирнаго гражданина,—мы должны сказать, что, повидимому, уголокъ российской имперіи за Каспіемъ особенно изобилуетъ „героями въ мирное время“, для которыхъ личность и даже жизнь ихъ мир-

ныхъ согражданъ представляется чѣмъ-то совершенно ничтожнымъ и ни въ какой мѣрѣ не ограждаемымъ существующими законами. Такъ, по крайней мѣрѣ, заставляють думать новыя дѣла, громкіе отголоски которыхъ вновь доносятся до насъ изъ за Каспія...

Въ мартѣ настоящаго года всѣ газеты облетѣло извѣстіе о томъ, что „одинъ изъ врачей, въ одномъ изъ городовъ, подвергся тяжкому насилію со стороны одного изъ лицъ, занимающихъ видное положеніе“... Извѣстіе было перепечатано во всѣхъ русскихъ, столичныхъ и провинціальныхъ газетахъ, и общественное мнѣніе чутко насторожилось. „Мы ждемъ, что судъ прольетъ свѣтъ на это мрачное дѣло“—писали въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, и другіе органы печати выражали надежду, что уже прошли времена, когда насилія, совершаемыя „лицами, занимающими видное положеніе“, проходили безнаказанно, и дѣла объ нихъ „заминались“. Еще черезъ нѣкоторое время таинственность, окружавшая это происшествіе, постепенно разсѣялась, и имена участниковъ стали достояніемъ гласности, какъ и подробности факта. Главнымъ его героемъ оказался генералъ Ковалевъ, бывшій тогда начальникомъ Закаспійской казачьей бригады. У этого генерала явились какіе-то счеты съ старшимъ врачомъ Средне-азиатской дороги, г. Забусовымъ. Что это были за счеты и въ чемъ они заключались,—совершенно неизвѣстно; дѣло, очевидно, партикулярное. Фактъ состоитъ въ томъ, что 14 марта настоящаго года генералъ Ковалевъ пригласилъ къ себѣ г-на Забусова, *какъ врача къ больному*, приказавъ предварительно казенной прислугѣ (т. е. денщикамъ) наръзать розогъ и позвать четырехъ военныхъ писарей, т. е. нижнихъ чиновъ, состоящихъ на службѣ, подъ его начальствомъ. Не подозрѣвая предательства, докторъ, позванный къ больному, явился въ квартиру генерала. Г. Ковалевъ предложилъ ему угощеніе, а затѣмъ, по данному знаку, вошли 7 казаковъ... Такимъ образомъ противъ одного врача, предательски вызваннаго для исполненія обязанностей его профессіи и, конечно, безоружнаго, въ квартирѣ позвавшаго его притворно-больного оказался цѣлый отрядъ казаковъ. По приказанію генерала Ковалева, принявшаго команду надъ отрядомъ, „казаки растянули доктора,—такъ лаконически говорится въ обвинительномъ актѣ,—и подвергли его жестокому истязанію розгами“...

Повидимому, генералъ, устроившій эту засаду, рассчитывалъ на то, что подвергшійся насилію г. Забусовъ изъ чувства стыда умолчитъ объ этомъ происшествіи... Тогда, конечно, въ „обществѣ“ начались бы перешептываніе и тѣ подлые, злорадные толки, которые всегда къ услугамъ торжествующаго насилія. Но г. Забусовъ обманулъ ожиданія генерала Ковалева. Онъ рѣшилъ, что невозможность защититься отъ нападенія одному противъ семи не составляетъ позора и что, наоборотъ, позоръ на сторонѣ

устроивших засаду. И поэтому доктор Забусов огласил фактъ и призвал генерала Ковалева на судъ officialный и на судъ общественнаго мнѣнія.

Общественное мнѣніе высказалось вполне опредѣленно. „Многоуважаемый товарищъ, Николай Петровичъ,—говоритъ одинъ изъ адресовъ, посланныхъ пострадавшему:—Общество русскихъ врачей въ Петербургѣ, ознакомившись въ засѣданіи своемъ 13 мая съ исторіей возмутительнаго оскорбленія и предательскаго насилія, которому вы подверглись со стороны генерала Ковалева при исполненіи вами врачебнаго долга, преисполненное чувствомъ глубокаго негодованія, постановило выразить вамъ, почтенный товарищъ, свое искреннее и горячее сочувствіе“ *). Въ томъ же тонѣ глубокаго негодованія составлены были другіе адреса и статьи газетъ, единодушно откликнувшихся на дикій поступокъ закаспійскаго генерала.

Дѣло слушалось недавно въ особомъ присутствіи кавказскаго военно-окружнаго суда. „Ковалевъ, признавая себя виновнымъ въ превышеніи власти, отрицалъ желаніе подвергнуть Забусова физическому истязанію, оправдывался невмѣняемостью (?) въ моментъ совершенія преступленія, о мотивахъ коего умолчалъ, и отказался отъ вызова свидѣтелей“ **). Послѣ четырехчасового совѣщанія судъ, признавъ ген. Ковалева виновнымъ въ превышеніи власти и истязаніи, постановилъ (за примѣненіемъ манифеста) исключить его со службы безъ лишенія чиновъ. Какъ на интересную черту этого процесса, „Нов. Время“ указываетъ на оглашенія въ судѣ „телеграммы генераловъ Куропаткина и Субботича, давшихъ подсудимому прекрасную аттестацію“, и особенно на телеграмму генерала Усаковского (начальника Закаспійской области), который „проситъ принять участіе и облегчить судьбу подсудимаго“. Газета не безъ основанія видитъ въ этомъ послѣднемъ обращеніи „противозаконное давленіе на судъ“ ***).

Мотивы преступленія остались совершенно невыясненными. Выявить ихъ, если они хоть сколько нибудь смягчали безобразный характеръ происшествія,—было въ интересахъ генерала Ковалева. Но онъ отъ этого воздержался, ссылаясь только на свою „невмѣняемость“, которая, однако, не помѣшала ему отдать храброму отряду всѣ распоряженія, точно передъ боемъ. Въ одномъ изъ первоначальныхъ газетныхъ извѣстій указывалось на „романическую подкладку“ происшествія. Генералъ Ковалевъ отомстилъ будто бы своему счастливому сопернику. Но никакихъ подтвержденій этого объясненія разбирательство дѣла не предста-

*) Подписали: предсѣдатель, академикъ Л. Поповъ, тов. предс. проф. И. Павловъ, секрет. прив.-доцентъ Ф. Чистовичъ.

**) „Русскія Вѣд.“, 11 ноября, № 314.

***) Замѣтку „Нов. Вр.“ цитируемъ по „Нижег. Листку“, № 313.

вило. Съ другой стороны, г. А. Ст—нъ, фельетонистъ „Новаго Времени“, счелъ возможнымъ огласить часть письма, полученнаго имъ отъ какого-то изъ своихъ корреспондентовъ „въ связи съ дѣломъ Ковалева“. „Имѣйте мужество—пишетъ этотъ неизвѣстный—отвѣтить печатно: 1) какъ бы вы поступили не на окраинѣ (повидимому, на окраинѣ корреспондентъ допускаетъ другіе законы поведения), а въ центрѣ столицы, если бы на вашихъ глазахъ хулиганъ оскорбилъ вашу родную мать, дочь или жену? 2) какой бы вы заплатили гонораръ врачу, который повелъ бы лѣченіе вашей матери, жены или дочери „на зоологической подкладкѣ“? *).

Нужно сознаться, что г. Ст—ну пишутъ иной разъ странныя письма и, быть можетъ, еще болѣе странно печатать ихъ „въ связи съ дѣломъ Ковалева“, когда самъ г. Ст—нъ удостоивается тутъ же, что никакого отношенія къ дѣлу Ковалева вопросы корреспондента не имѣютъ, „потому что, сколько навѣстно, въ этомъ дѣлѣ не замѣшаны родственники“. Какъ бы то ни было, противъ одного бездоказательнаго намека не въ пользу ген. Ковалева выдвигается другой, не менѣе бездоказательный, противъ потерпѣвшаго. И разумѣется, нѣтъ ни малѣйшихъ основаній отдавать предпочтеніе второй инсинуаціи только потому, что ея объектъ является потерпѣвшимъ отъ трудно объяснимаго насилія. Если бы вопросы, оглашенные г-мъ А. Ст—мъ, были обращены ко мнѣ, я отвѣтилъ бы, что не знаю еще, какъ бы я поступилъ въ перечисленныхъ случаяхъ. Но знаю твердо, что, во 1-хъ, не заманивалъ бы врача въ ловушку, прикинувшись больнымъ, потому что роль *всякаго* врача, призываемаго къ больному, должна служить ему полной гарантіей; во 2-хъ, не позорилъ бы полка, въ которомъ бы служилъ, приказаніемъ его солдатамъ играть роль бессмысленныхъ палачей надъ безоружнымъ человекомъ. А именно это сдѣлалъ генералъ Ковалевъ. И, сдѣлавъ это, онъ оскорбилъ не г-на Забусова, которому причинилъ лишь физическую боль, и не „корпорацию“ русскихъ врачей, которая стоитъ выше мундирныхъ представленій о чести. Онъ оскорбилъ все русское общество, которое не можетъ безъ тревоги видѣть, какъ легко состоящіе на службѣ солдаты исполняютъ приказы даже „невмѣняемыхъ“ начальниковъ по отношенію къ безоружнымъ обывателямъ...

Въ тѣхъ же Закаспійскихъ странахъ приобрѣлъ въ послѣдніе дни знаменитость и г. Е. В. Голицынскій. Г-нъ Е. В. Голицынскій не совсѣмъ военный, а только „почти военный человекъ“ (гражданскій чиновникъ военнаго вѣдомства). Онъ—не Сташевскій и не генералъ Ковалевъ, а нѣчто въ родѣ маленькой карикатуры на обоихъ. Его оружіе—не револьверъ, а перо, и не насиліе, а только прославленіе насилія и угроза... И намъ ка-

*) „Новое Вр.“, 14 ноября, № 10312.

жется, что зрѣлище, представляемое г-мъ Голицынскимъ, довольно поучительно и, пожалуй, можетъ имѣть до известной степени „отрезвляющее вліяніе“...

Господинъ Голицынскій поэтъ, повидимому, довольно плохой. Онъ прислалъ свои стихотворенія въ редакцію газеты „Самаркандъ“, которая признала ихъ для печати негодными. Спустя короткое время послѣ этого приговора, въ редакцію поступило анонимное произведеніе, написанное тѣмъ же почеркомъ и тѣми же чернилами, въ которомъ содержался рядъ оскорбительныхъ выраженій, заканчивавшихся недвусмысленной угрозой: „Мы русскіе,—писалъ анонимный авторъ,—*умѣемъ вызывать тѣни Сморгунеровъ, но умѣемъ и прогнать ихъ сначала нагайками, а потомъ и чѣмъ нибудь посылить*“. Въ дальнѣйшемъ этотъ храбрый „русскій человекъ“, считающій атрибутами патріотизма „нагайку и что нибудь еще посылить“,—сѣтуетъ на подборъ перепечатокъ, „которыя разстраиваютъ ему нервы, какъ русскому человеку и воину“, такъ какъ „подбираются въ угоду армяно-жидовскимъ симпатіямъ продажными русскими людьми“ *).

Редакція газеты представила это поэтическое упражненіе въ судъ, который, по сличеніи почерковъ письма и стихотвореній за подписью Е. В. Голицынского, пришелъ къ заключенію объ ихъ тождественности... При этомъ г. Голицынскій подалъ заявленіе, въ которомъ доказывалъ свою неподсудность мировому судѣ, въ качествѣ „гражданскаго чина военнаго вѣдомства“. Явившись въ камеру во время самаго разбирательства и узнавъ, что судья призналъ отводъ неосновательнымъ, г. Голицынскій тотчасъ удался со словами: „пусть ихъ разбираетъ. Мнѣ все равно“.

Послѣ рѣчей обвинителей (издателя Болотина и завѣд. редакціей Морозова), выяснявшихъ тяжелое положеніе провинціальной печати, мировой судья призналъ Голицынского виновнымъ въ оскорбленіи и угрозахъ и приговорилъ къ 10 днямъ ареста. Въ угрозахъ убійствомъ воинственный поэтъ призналъ оправданнымъ.

Рѣшеніе намъ кажется совершенно правильнымъ. Угрозы человека, который посылаетъ ихъ, прикрывшись анонимомъ, конечно, только комичны. Но есть въ этомъ маленькомъ эпизодѣ и очень серьезныя стороны...

Это, во 1-хъ, самое содержаніе анонимнаго письма, съ его якобы патріотическими флюритурами, которыя, въ другой формѣ, не разъ тяжело отзывались на провинціальной печати. Во 2-хъ, это великолѣпное пренебреженіе „гражданскаго чина военнаго вѣдомства“ къ суду, не облаченному въ военные мундиры. И въ 3-хъ, это тѣнь Сморгунера, которую съ такимъ кощунственнымъ легко-

*) „Спб. Вѣд.“ 16 окт., № 284.

мыслимъ вызываетъ этотъ „русскій человѣкъ и воинъ“. Очевидно, поступокъ полковника Сташевскаго имѣетъ въ извѣстной, средѣ своихъ идеологовъ... Но намъ, людямъ въ черныхъ сюртукахъ, которыхъ оружіе только мысль, слово, перо,—нѣтъ надобности напоминать о скорбной тѣни Сморгунера... Она укоризненно стоитъ и передъ нами, и передъ всѣмъ русскимъ обществомъ, и будетъ стоять до тѣхъ поръ, пока будутъ гг. Сташевскіе, генералы Ковалевы, Е. В. Голицынскіе... Къ сожалѣнію, этотъ перечень можно бы продолжать еще многими именами, приобрѣвшими печальную извѣстность на той же мало почетной аренѣ. Вл. Кор.

Напла водѣ. Отъ того, сравнительно давняго уже времени, когда я работалъ въ земской статистикѣ, у меня сохранились кое-какіе записи, бланки и другіе матеріалы. Недавно меня охватило сильное желаніе раскрыть эти пыльные папки и отыскать одинъ характерный документъ. Вотъ онъ. Это—описаніе одного изъ частныхъ хозяйствъ Орловской губерніи. Имѣніе: „с-цо Хомутово“; владѣлецъ: „коллежскій совѣтникъ А. Н. Тиньковъ“. Обширный бланкъ не богатъ записями, но за то самыя записи, при всей ихъ лаконичности, очень краснорѣчивы. „Управляетъ имѣніемъ,—читаю я,—самъ владѣлецъ; приказчиковъ приходится мѣнять чуть не черезъ мѣсяцъ: все мошенники и воры“. Постоянные рабочіе „не нанимаются, потому что всегда обманываютъ: сбѣгаютъ до срока“. Объязчикъ „былъ, но сбѣжалъ“. Изъ 600 дес. пашни въ экономической запискѣ находится 130 дес. и сдано въ аренду—68 дес.; „остальная пашня пустуетъ, такъ какъ владѣлецъ не желаетъ сдавать ее крестьянамъ, которые предпочитаютъ лучше пропить деньги, чѣмъ заплатить ихъ помѣщику; къ тому же они надѣются на коронаціонный манифестъ, думая, что имъ простятъ всѣ долги; самъ же владѣлецъ не обрабатываетъ за недостаткомъ рабочихъ рукъ“. „Горохъ,—читаю я въ слѣдующемъ пунктѣ,—не сѣютъ, потому что весь воруютъ мальчишки“. „Рождъ до сихъ поръ (описаніе составлено 20 февраля) еще не молочена, потому что мужики разлѣнились и на работу къ помѣщикамъ не идутъ“. Инвентаря „было гораздо больше, но крестьяне сожгли молотильный сарай, въ которомъ находились орудія“. „Было много овецъ, но раскрани крестьяне, а коровы все дохнутъ: почти каждый день приказчикъ докладываетъ о падежѣ“. Иѣсь „былъ бы столѣтній, если бы не вырубили его крестьяне, на которыхъ у владѣльца имѣется масса исполнительныхъ листовъ“. Вотъ и послѣдняя рубрика: садъ „дохода никакого не приноситъ, потому что крестьяне воруютъ всѣ яблody и ломаютъ деревья“. Таково это хозяйство.

Въ описанію приложенъ, впрочемъ, еще планъ имѣнія. Достаточно одного взгляда на него, чтобы понять все остальное содержаніе бланка. Конфигурація имѣнія прямо таки фантасти-

ческая: случайно получиться она не могла; нужна была особая, доведенная до какой-то виртуозности, изобретательность. Земля крестьян деревни Хомуты расположена въ пяти участкахъ и между ними нѣтъ иного сообщенія, какъ черезъ чужія земли; кромѣ того, еще три куска надѣльной земли вкраплены въ землю г. Тинькова и къ нимъ уже вовсе нельзя подступиться безъ его оогласія.

— Видите эту узенькую полосу,—съ какимъ-то злорадствомъ говорилъ онъ статистику, тыкая пальцемъ въ планъ:—вотъ я ихъ тутъ и прижму; весь скотъ подойдетъ, а не пушу къ водопой... Вотъ и тутъ я имъ ловушку заготовилъ...

Помню, что товарищъ, производившій описаніе, съ ужасомъ потомъ вспоминалъ про эту атмосферу злобы и ненависти, въ которой онъ очутился. Страшно было даже подумать, что въ этой атмосферѣ люди должны жить десятки лѣтъ: что же удивительнаго, если они бѣгутъ, если даже коровыдохнуть... Нужныхъ для оцѣнки данныхъ статистикъ такъ и не получилъ. Заполнивъ приведенными мною отвѣтами бланкъ, онъ снабдилъ его такою надписью: „всѣ замѣчанія объ испорченности сосѣднихъ крестьянъ записаны со словъ и по требованію владѣльца“.

„По требованію владѣльца“... Эта-то надпись и заставила меня сохранить описаніе хозяйства г. Тинькова. По существу во взаимныхъ отношеніяхъ его съ крестьянами не было ничего исключительнаго. Ту же основную ноту намъ, статистикамъ, приходилось слышать почти повсюду; варьировались лишь ближайшіе поводы взаимнаго озлобленія. Въ одномъ мѣстѣ были натянуты однѣ струны, въ другомъ—другія: здѣсь болѣннымъ мѣстомъ являлся прогонъ или водопой, тамъ—харчъ, еще чаще—аренда; даже грибы въ лѣсу и тѣ подчасъ служили объектомъ военныхъ дѣйствій. Въ данномъ случаѣ нота была исключительна только по своей крикливости и, главное, по той социальной позиціи, какую занимало лицо, со словъ котораго ее пришлось зарегистрировать.

Побывавъ у помѣщика, статистикъ обыкновенно выносилъ впечатлѣніе, что взаимныя отношенія между усадьбой и деревней самыя прекрасныя, и только потомъ, на крестьянскомъ сходѣ, передъ нимъ вскрывался иногда истинный ихъ характеръ. Затронувъ, подчасъ совершенно случайно, особо наболѣвшее мѣсто, онъ вдругъ слышалъ вопль невыносимой боли и накипѣвшей злобы. Что помѣщики не охотно открывали со статистиками, это, конечно, понятно. Вскрывать передъ „забѣжими“ людьми интимныя стороны деревенской жизни было не въ ихъ разчетахъ. Ихъ вопли неслись совсѣмъ въ иную сторону... Мольбы ихъ, какъ извѣстно, были слышаны, и „твердая власть“ русской деревнѣ была дарована...

Пора, однако, сказать, почему это мнѣ вздумалось перерывать

пыльные бумаги и вытаскивать на свѣтъ описаніе сельца Хомутова.

Въ газетахъ мнѣ недавно встрѣтилась корреспонденція изъ той же, довольно хорошо мнѣ знакомой, Орловской губерніи.

Дмитровскій помѣщикъ Муравьевъ, — рассказываетъ корреспондентъ „Руси“, — долго думалъ о томъ, чѣмъ бы ему свою власть и превосходство надъ мужичьемъ показать, и такъ какъ, очевидно, умнѣ ничего придумать не могъ, то взялъ да и запретилъ крестьянамъ ходить по прилегающей мимо его дома дорогѣ въ церковь, расположенную, къ несчастью, на его усадьбѣ.

Знакомая картинка! Передо мною, какъ живой, всталъ хомутовскій помѣщикъ. Стало быть, онъ не умеръ, не задохся въ атмосферѣ испускаемаго имъ человѣконенавистничества и даже не измѣнился. Десяти лѣтъ какъ бы не бывало. Впрочемъ, г. Муравьевъ оказался изобрѣтательнѣе г. Тинькова: тотъ все больше насчетъ прогона и водопоя фантазировалъ, а этотъ даже около церкви „ловушечку“ поставилъ...

На этомъ, заложенномъ вѣками, фундаментѣ высилась, однако, уже современная надстройка. Сверху до низу въ ней выдержанъ одинъ стиль, — стиль твердой власти.

Въ одинъ прекрасный день — продолжаетъ корреспондентъ — помѣщикъ Муравьевъ увидаль, что мѣстный крестьянинъ Панфиловъ, не смотря на упомянутый приказъ, идетъ себѣ мимо помѣщичьяго дома въ церковь Богу молиться. Помѣщикъ Муравьевъ крикнулъ крестьянину Панфилову, чтобы онъ не смѣлъ проходить мимо его дома, но тотъ, не оборачиваясь, прошелъ въ церковь. Въ этомъ поступкѣ крестьянина Панфилова земскій начальникъ Дмитровскаго уѣзда, отставной офицеръ П. Н. Шамшевъ, нашелъ самоуправство и подвергъ Панфилова взысканію. По перенесеніи дѣла въ сѣздъ (при чемъ, между прочимъ, выяснилось, что обвиняемый глухъ), приговоръ земскаго начальника былъ утвержденъ. Крестьянинъ Панфиловъ и этимъ не остался доволенъ и подалъ кассационную жалобу, но до выясненія ея юридическихъ результатовъ познакомился съ ея практическими послѣдствіями, ибо былъ внезапно арестованъ и посаженъ въ тюрьму по распоряженію орловскаго губернатора, г. Баляснаго. По совѣту присяжнаго повѣреннаго Л. І. Кржевскаго, который былъ защитникомъ Панфилова, родственники послѣдняго поѣхали въ Петербургъ съ жалобой на губернатора къ бывшему министру внутреннихъ дѣлъ В. К. Плеве, но министръ сказалъ, что онъ не допускаетъ и мысли, чтобы губернаторъ могъ такъ поступить, какъ изложено въ ихъ жалобѣ, и потому оставилъ ее безъ удовлетворенія и разслѣдованія. Послѣ смерти министра родственники Панфилова вновь обратились съ тою же жалобою къ его замѣстителю и, по предписанію изъ Петербурга, крестьянинъ Панфиловъ былъ, наконецъ, недавно освобожденъ изъ тюрьмы, гдѣ пробылъ 2½ мѣсяца...

Маленькая эта исторія, такая маленькая, что не будь въ ней этого счастливаго конца, мы, можетъ быть, никогда бы про нею и не слышали. Какой-то Панфиловъ, какой-то Муравьевъ, какой-то Шамшевъ... Но вѣдь этихъ Панфиловыхъ миллионы, этихъ Муравьевыхъ — десятки тысячъ. Муравьевы и Тиньковы издають приказы и тысячи Шамшевыхъ судятъ ихъ ослушниковъ. Ни

губернаторъ, ни министръ не допускаютъ даже мысли, чтобы эти ослушники,—эти, какъ именуетъ ихъ г. Тиньковъ, обманщики, пьяницы, воры, мошенники и поджигатели,—могли быть правы. Всѣ озабочены лишь тѣмъ, чтобы поддержать престижъ власти... и странное дѣло!—въ конечномъ счетѣ вѣдь ни больше, ни меньше, какъ власти Тиньковской...

Маленькая это исторія, но въ ней, „какъ солнце въ малой каплѣ водѣ“, отразился весь строй громадной страны: и социальное-экономическій его фундаментъ, и широко раскинувшійся надъ нимъ стильный замокъ многоэтажной бюрократіи.

Счастливъ, конечно, г. Панфиловъ, что онъ дожидъ до эпохи „довѣрія“. Иначе вѣдь за „сутяжничество“ ему не миновать бы пребыванія въ мѣстахъ болѣе или менѣе отдаленныхъ... Много ли такихъ счастливцевъ въ концѣ концовъ окажется, я не знаю. Думаю, однако, что такими каплями моря не высушишь, ибо и ведрами его, какъ извѣстно, не вычерпашь.

Да и странно какъ-то слышать о довѣріи къ многомилліонному народу. Во всемъ культурномъ мірѣ этотъ вопросъ ставится вѣдь совсѣмъ иначе: не Панфиловымъ, а Панфиловы тамъ оказываютъ довѣріе. А. П.

Голосъ изъ провинціи. Идея о фондѣ народнаго просвѣщенія возбуждаетъ вниманіе общества къ больному вопросу нашей жизни. Но, оставляя въ сторонѣ многія неясности и оцѣнку практической полезности, нельзя не сказать, что лучи фондоваго освѣщенія направлены на одну изъ самыхъ поверхностныхъ, формальныхъ сторонъ дѣла народнаго образованія, и вслѣдствіе этого идея фонда можетъ лишь заслонить настоятельныя первоочередныя нужды народа въ *этомъ* дѣлѣ, маскируя истинныя прорѣхи его. И людская отзывчивость, благодаря популярному ярлыку, направляется, такимъ образомъ, въ сторону пустую, мертвую, бездѣятельную.

Дѣло въ томъ, что менѣе всего мы нуждаемся *теперь* въ фондѣ, ибо и существующій, огромный по сравненію съ крохами фондоваго сбора, просвѣтительный фондъ страны лежитъ втунѣ. Порывъ къ просвѣщенію въ Россіи необыкновенно великъ самъ по себѣ и сдерживается онъ отнюдь не недостаткомъ средствъ: какъ земскія суммы, нынѣ отпускаемыя и *могущія* при извѣстныхъ условіяхъ общественности быть отпускаемы, такъ и тѣ средства, которыя населеніе готово особо нести въ видѣ содержанія своихъ школъ—въ странѣ весьма значительны. Бина въ искусственной задержкѣ этого порыва менѣе всего можетъ быть отнесена на долю отсутствія фонда.

Одинъ земскій дѣятель, возвратившійся изъ поѣздки по уѣзду, рассказывалъ, между прочимъ, слѣдующее: „Въ одной хатѣ, вижу, мальчикъ читаетъ книжку. Въ ихъ селѣ не числилось никакой школы, и ближайшая земская отстоитъ въ нѣсколькихъ верстахъ.

Спрашиваю, гдѣ онъ обучался грамотѣ? Въ земской школѣ?— „Нѣтъ, говорить, далеко она“.—Кто же выучилъ?— „У насъ на селѣ есть школа. Учителька тамъ обучаетъ“... Заинтересовался я, что это за школа. Оказывается, точно, у нихъ проживаетъ какая-то учителька, которая уже лѣтъ десять учитъ дѣтей этого села и грамотѣ, и закону Божьему, и географіи, и ариметикѣ. Началось дѣло съ двухъ-трехъ ребятешекъ, а теперь—форменная школа, только свидѣтельствъ не выдаетъ, да народъ за ними и не гонится. Ей платятъ деньгами, яйцами, мукой, масломъ (вотъ онъ—фондъ). Цѣлое поколѣніе грамотѣевъ вырастила. Сама себѣ учителька выработала и систему, и методъ, и планъ, и мужики предовольны: „муштруе дѣтей добре, и мыться и приче- саться заставляе...“ Инспектору народныхъ училищъ,—добавилъ рассказчикъ,—я не сказалъ объ этой школѣ, боюсь ненарокомъ проболтаться: сейчасъ полетитъ бумага о закрытіи. А вѣдь какой вредъ отъ этихъ добровольныхъ, независимыхъ педагоговъ: себя кормятъ школой, другихъ учатъ.“

Я знаю въ деревняхъ не мало такихъ „вольныхъ“ учителей, имѣющихъ три-четыре ученика и больше, безъ видимыхъ признаковъ школы. И все основано на „натуральномъ“ фондѣ: на приношеніяхъ муки, яицъ, обязательствъ вспахать десятину, за- сѣять, а подъ помѣщеніе ходятъ воѣ хаты села въ ежегодной очереди. Учителями являются мѣстные жители: бывшіе набор- щики, по болѣзни перебравшіеся въ деревню, дочери или сестры желѣзнодорожныхъ служащихъ, осиротѣвшіе родственники пса- ломщиковъ, дьячковъ, сельскихъ писарей и т. п. И все это „на- родное просвѣщеніе“ тщательно скрывается отъ высматриваю- щаго ока инспектора. Является начальство, или по собственной инициативѣ на основаніи уловленнаго гдѣ-нибудь намека, по на- слышкѣ, или вслѣдствіе прямого „отношенія“ и вопрошаетъ:— „гдѣ тутъ школа?“ А школа уже за нѣсколько минутъ ранѣе вся разбѣжалась.— „А ни какой школы у насъ нема“.—Какъ? А N. N. тутъ учительствуетъ?— „Какое учительствуетъ! Онъ хозяйство свое мае, невеличке такое хозяйство, а усе-жъ хозяйство, псал- тырь читаетъ по покойникамъ, письмо напишетъ (если она: покроить або шье дѣвчатамъ и бабамъ...), колы-колы покажетъ тамъ якому-сѣ: о це „а“, а це „бе“—ось и уся школа...“ Начальство разводитъ руками и уѣзжаетъ, а школа идетъ по прежнему.

Хорошо народное просвѣщеніе, которое надо прятать и скры- вать—и отъ кого?—отъ вѣдомства народнаго просвѣщенія! Здѣсь находитъ себѣ объясненіе часто встречаемое удивленіе—откуда столько грамотныхъ, не проходившихъ ни земскихъ, ни мини- стерскихъ школъ! Грамотная Русь растетъ, таясь, втихомолку, и вслѣдствіе того должна прибѣгать къ услугамъ самыхъ неудо- влетворительныхъ педагоговъ, тогда какъ при иной постановкѣ

дѣла, когда не нужно таять свое учительство, составъ педагоговъ могъ бы улучшиться.

Хотите убѣдиться, какой огромный просвѣтительный фондъ, вполне готовый, таятся въ странѣ? Добейтесь свободнаго открытія школъ въ селахъ—и на другой день величина этого фонда ослѣпитъ васъ. Фондъ есть, но онъ лежитъ мертво подъ замкомъ. Къ чему собирать, зная, что собранное скроется подъ тѣмъ же замкомъ?

А вотъ выписка изъ доклада управы собранію гласныхъ въ одномъ изъ южныхъ земствъ, которую приводимъ для того, чтобы показать, какъ идетъ дѣло въ „явныхъ“ земскихъ и министерскихъ школахъ.

„Печатной программы народныхъ школъ намъ не удавалось видѣть, но „какая-то“ неуловимая проводится по школамъ всей Россіи, и это портитъ, по нашему мнѣнію, все дѣло... Составители книгъ, введенныхъ въ наши школы, живутъ и печатаются въ городахъ, пишутъ преимущественно для городскихъ школъ, для великорусскихъ губерній, забывая, что для дѣтей юга, запада и востока Россіи нужны совершенно другія учебныя книги, въ которыхъ встрѣчались бы слова и понятія о предметахъ, окружающихъ нашихъ дѣтей, а не рѣпы и брюквы, у насъ не произрастающія, о которыхъ дѣти наши не имѣютъ никакого представленія. Въ книгахъ для чтенія Баранова, распространенныхъ въ нашихъ школахъ, дѣти читаютъ, что ячмень называется житомъ *). Такое обученіе, оставаясь школьникамъ чуждымъ, не втягиваетъ ихъ въ стремленіе къ дальнѣйшему образованію и вызываетъ скептицизмъ у родителей. Одинъ изъ лучшихъ и ревностнѣйшихъ учителей земскихъ школъ записывалъ самъ и просилъ школьниковъ записывать слова, которые оказывались непонятными для дѣтей при чтеніи учебниковъ и книгъ, принятыхъ въ нашихъ школахъ. Составился обширный словарь. Трудолюбивый учитель привелъ слова въ строго алфавитный порядокъ и, думая его напечатать для общаго пользованія, спрашивалъ нашего мнѣнія. Мы одобрили его вниманіе къ школѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ подумали, что книжку, предназначенную для школъ и требующую словарей при пользованіи ею—слѣдуетъ сжечь или, по крайней мѣрѣ, изъять изъ употребленія... Висятъ въ школѣ карты обоихъ полушарій, рассказывается о далекихъ странахъ: Африкѣ, Европѣ, Америкѣ, а также о Россійской имперіи, но нигдѣ въ школахъ не имѣется карты губерній, уѣзда, волости, плана деревни, школы, а учителя ничего не могутъ сказать о природѣ, нравахъ и обычаяхъ своего уголка, своей родины, съ чего именно и слѣдовало бы начинать, если желаютъ знакомить ученика съ землею, какъ

*) Въ пятнадцати южныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ „жито“ означаетъ рожь, а ячмень такъ и называется ячменемъ.

съ обиталищемъ человѣка. И дѣти заинтересовываются, отыскивая на картѣ свою и сосѣднія деревни и города, имъ хорошо знакомые.. Заговариваютъ о ярмаркахъ—непремѣнно о Нижегородской, о мѣстной—ни слова... Поэтому образованіе является внѣшнимъ, поверхностнымъ налетомъ, быстро проходящимъ, не связывающимъ жизнь деревни съ книгой, мѣстныхъ интересовъ школьниковъ съ образованіемъ... Преподаваніе закона Божія ведется не по силамъ дѣтей. Дѣти захлебываются отъ обилія матеріала, отъ множества названій (вродѣ: Сифъ, Енохъ, Фарра, Потифаръ, Иссахаръ, Асиръ, Левій, Іефеай, Невеалимъ, Хевронъ, Сунамъ, Моріа, Хоривъ, Хоравъ, Мадіамъ и т. д., Капернаумъ, Вилеелемъ, Іерихонъ, Еммаусъ, Ханаанъ, Вавилонъ, Тиверіада, Галилея, Филистимляне и т. д.). Вообще рассказы изъ библейской исторіи передаются какъ бы для того, чтобы изучать географію Палестины, а не ученіе пророковъ, великое ученіе Господа нашего и Его апостоловъ, и за ненужными подробностями ступшевывается главное. И эта ошибка—ошибка схоластиковъ, приведшихъ къ тому, что наши сельчане только съ обрядовой стороны христіане. Ихъ не коснулись, или очень мало коснулись, со времени принятія христіанства, начала этой великой религіи; мало восприняты ими и нравственныя основы, заключенныя въ превосходныхъ книгахъ, написанныхъ до-нельзя простымъ, дѣтскимъ языкомъ... Всѣ эти обстоятельства дурно вліяютъ на школьное дѣло... Земство нельзя обвинять, потому что деньги оно даетъ—во все же остальное не должно вмѣшиваться, и почему дѣло не идетъ, почему обозъ школьный движется грузно и тяжело—того оно можетъ не знать, не его отдѣла—дѣло“.

Стучаться въ закрытыя двери нашего просвѣщенія необходимо, но идея фонда стучить не въ тѣ двери. И мѣстнаго человѣка она поражаетъ своею отчужденностью отъ положенія дѣлъ въ провинціи, въ селахъ и деревняхъ. Идея отливаетъ *выдуманностью*, отсутствіемъ питающихъ ее корней въ нѣдрахъ нашей жизни. Л. Сокольскій.

Ошибка печати. — Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ появилось коротенькое сообщеніе слѣдующаго содержанія: „министръ внутреннихъ дѣлъ, на основаніи ст. 178 уст. о ценз. и печ., опредѣлилъ воспретить розничную продажу нумеровъ газеты „Наша Жизнь“. Случай не новый, настолько примелькавшійся, что русскій читатель пересталъ уже реагировать на впечатлѣнія этого рода. Подходить онъ къ газетному кіоску и спрашиваетъ: „Нашу Жизнь“. — Нѣтъ ея. Запрещена. — Какъ, совсѣмъ?... — Въ розницу... Не возьмете ли „Новое Время“? — Только и всего. Но если бы и нашелся настойчивый читатель, готовый повторить свое требованіе въ книжномъ магазинѣ или въ конторѣ газеты, то вездѣ онъ встрѣтилъ бы тотъ же отказъ. Не больше разговоровъ вызываютъ эти случаи и въ писательской средѣ. Здѣсь спраши-

вають: за что? — Неизвѣстно еще. Вѣдь это не предостереженіе, безъ мотивовъ... Редакторъ, говорятъ, поѣхалъ справиться. — Фельетонъ тамъ былъ... — Нѣтъ, скорѣе за передовую... — Да?... Ну, не первые они, да и не послѣдніе, должно быть... И „инцидентъ“ считается исчерпаннымъ.

Но, какъ часто бываетъ, эта обыкновенная въ газетномъ дѣлѣ напасть, всѣми извѣданная, всѣмъ, казалось бы, хорошо, до мельчайшихъ подробностей, извѣстная, остается на повѣрку, въ теченіе нѣсколькихъ-десятковъ лѣтъ, порядкомъ неразобранной, пребываетъ въ положеніи знакомой незнакомки. Легкомысленное или небрежное отношеніе къ фактамъ, затрогивающихъ жизненные интересы общества, никогда и нигдѣ не проходитъ даромъ. Конечно, и въ этомъ случаѣ оно оплачивается дорогою цѣною...

Что такое воспрещеніе розничной продажи повременного изданія? Отвѣтъ ясенъ: административная кара, налагаемая на газету или на журналъ за такъ называемое „вредное направленіе“. Фактически, пожалуй, эта мѣра имѣетъ именно такое значеніе. Но на-прасно вы стали бы искать подтвержденія этого взгляда въ законѣ. Глава цензурнаго устава „о мѣрахъ противъ распространенія произведеній печати, обнаружившихъ вредное направленіе, и объ административныхъ взысканіяхъ“ умалчиваетъ о воспрещеніи розничной продажи газетъ и журналовъ, какъ карательной или даже предупредительной мѣрѣ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, какъ и подчиненные ему цензурные органы, пользуется широкими полномочіями для огражденія публики отъ „вреда“, причиняемаго повременною печатью. Изданія дѣлаются предостереженія; отдѣльные выпуски ихъ могутъ быть задержаны по распоряженію администраціи и уничтожены; самое изданіе можетъ быть прекращено на срокъ, безсрочно или навсегда. Существуютъ даже такіе способы воздѣйствія на періодическую печать вреднаго направленія, какъ недозволеніе печатать разсужденія „о несовершенствахъ существующихъ у насъ постановленій“ и „о недостаткахъ и злоупотребленіяхъ администраціи и судебныхъ мѣстъ“. Легко понять, что значить подобное распоряженіе, если оно обращено къ органу, имѣющему, по утвержденной правительствомъ программѣ, характеръ общаго политико-литературнаго изданія. Мало того: русской газетѣ можно запретить печатаніе даже частныхъ объявленій. Но все же пока она существуетъ, ея редакторы и издатели не могутъ быть, согласно дѣйствующему уставу о цензурѣ и печати, лишены права распространять свое изданіе въ розницу, отдѣльными номерами, такъ же, какъ и по предварительной подпискѣ. И ни одно изданіе никогда еще не было объявлено лишеннымъ этого права, хотя на практикѣ многія изданія, иногда подолгу, не пользовались имъ, какъ бы слѣдовало. Но это уже плодъ недоразумѣнія и нашей непривычки или неумѣнья бережно хранить приобрѣтенныя права.

Ст. 178 уст. о ценз. и печ. дѣйствительно предоставляет министру внутреннихъ дѣлъ воспрещать розничную продажу какъ газетъ и журналовъ, такъ и отдѣльныхъ брошюръ, но не редакторамъ и издателямъ этихъ изданій, а разносчикамъ газетъ и держателямъ газетныхъ кіосковъ и книжныхъ ларей, т. е. лицамъ, по опредѣленію закона (ст. 177 уст. о ценз. и печ.), продающимъ книги и повременныя изданія „не въ лавкахъ, а на улицахъ и площадяхъ, равно какъ и въ разность“.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прочесть текстъ этой статьи. „Министру внутреннихъ дѣлъ—гласить ст. 178—предоставляется право указывать мѣстнымъ полицейскимъ начальствамъ, при выдачѣ оными дозволеній на розничную продажу на улицахъ, площадяхъ, станціяхъ желѣзныхъ дорогъ и въ другихъ публичныхъ мѣстахъ и торговыхъ заведеніяхъ разнаго рода дозволенныхъ книгъ и повременныхъ изданій, отдѣльными нумерами, тѣ періодическія наданія и отдѣльныя брошюры, которыя не должны быть допускаемы въ розничной продажѣ“. Но конторы и редакціи газетъ и журналовъ не нуждаются въ подобныхъ полицейскихъ разрѣшеніяхъ. Право распространять свои изданія въ публикѣ они получаютъ вмѣстѣ съ разрѣшеніемъ изданія, а не на основаніи дозволенія со стороны мѣстнаго полицейскаго начальства. Даже книжные магазины и лавки, учрежденіе которыхъ разрѣшается тоже въ особомъ порядкѣ (ст. 158, 159 и 175 уст. ценз.), не сходящемъ съ порядкомъ разрѣшенія уличнаго торгога газетами и книгами, не теряютъ права продавать отдѣльные номера газетъ, когда она, на основаніи ст. 178 уст. ценз., воспрещена въ розничной продажѣ у разносчиковъ и уличныхъ торговцевъ произведеніями печати. Законъ разрѣшаетъ книжнымъ лавкамъ и магазинамъ „держатъ у себя и продавать“, какъ гласить ст. 179 уст. о ценз. и печ., „все не запрещенныя изданія, напечатанныя въ Россіи“. Но очевидно, что повременное изданіе, относительно котораго принята мѣра, предусмотрѣнная въ ст. 178, не можетъ считаться запрещеннымъ. Напротивъ, это изданіе дозволенное, иногда даже—предварительною цензурою. Въ какой мѣрѣ неосновательно смѣшиваются эти два понятія, видно изъ того, что дѣйствіе ст. 178 распространяется не только на повременныя изданія, но и на брошюры. Повременное изданіе даже въ томъ случаѣ, если оно подверглось безусловному воспрещенію въ розничной продажѣ, можетъ быть распространяемо по подпискѣ на тотъ или иной срокъ. Но если придавать распоряженіямъ, основаннымъ на ст. 178, широкій смыслъ, то для отдѣльныхъ брошюръ такое воспрещеніе было бы равносильно полному запрещенію. Между тѣмъ, для запрещенія напечатанныхъ съ дозволенія цензуры книгъ (а всѣ брошюры безъ исключенія подлежатъ у насъ даже предварительной цензурѣ) существуетъ другой порядокъ, и самое запрещеніе обставлено, по закону, нѣкоторыми важными и для

власти, и для издателя условіями. Въ ст. 180 уст. о ценз. говорится: „если правительство признаетъ за нужное запретить напечатанную съ дозволенія цензуры книгу, то книгопродавцы обязываются, чрезъ полицію, подпискою, не имѣть и не продавать оной, подвергаясь за нарушение сего взысканію по законамъ. Напечатавшій же дозволенную и потомъ запрещенную книгу получаетъ отъ правительства удовлетвореніе за понесенный чрезъ то убытокъ“. Слѣдовательно, будь воспрещеніе розничной продажи на основаніи ст. 178 равнозначительно одному воспрещенію продажи отдѣльных экземпляровъ изданія, издатели брошюръ, подвергшихся дѣйствію такого распоряженія, имѣли бы право иска къ министерству внутреннихъ дѣлъ о возмѣщеніи убытковъ. Отъ такого смѣшенія понятій частичнаго ограниченія и изъятія изъ обращенія, вѣроятно, откажется прежде всего министерство. Но это одно изъ необходимыхъ послѣдствій широкаго толкованія права, предоставленнаго министру внутреннихъ дѣлъ ст. 178.

На самомъ дѣлѣ, однако, воспрещеніе розничной продажи какого-либо изданія есть лишь воспрещеніе, на точномъ основаніи ст. 178, продажи его въ уличныхъ кіоскахъ, съ ларей желѣзнодорожныхъ станцій, въ разносъ. Ни книжныхъ магазиновъ, ни тѣмъ болѣе конторъ и редакцій повременныхъ изданій такое запрещеніе отнюдь не касается. Если бы издатель газеты, изъятый изъ розничной продажи, или даже владѣлецъ книжнаго магазина былъ обвиненъ въ нарушеніи распоряженія, основаннаго на ст. 178, то судъ, по крайней мѣрѣ, въ высшей инстанціи, несомнѣнно освободилъ бы его отъ отвѣтственности за отсутствіемъ въ его дѣяніи какого-либо правонарушенія. Если, однако, на практикѣ ст. 178 уст. о ценз. примѣняется въ смыслѣ широкаго начала неограниченнаго воспрещенія розничной продажи газетъ и журналовъ, то вина за это лежитъ на издателяхъ. Въ оправданіе ихъ можно привести много вѣскихъ соображеній: это — ошибка, по обстоятельствамъ мѣста и времени извинительная, но всетаки это — ошибка дѣятелей печати. Практика примѣненія нашихъ цензурныхъ узаконеній изобилуетъ подобными ошибками. Въ однихъ случаяхъ онѣ сдѣланы цензурнымъ вѣдомствомъ, въ другихъ — учрежденіями, кодифицирующими наши законы, въ третьихъ — сенатомъ и т. д. Но ошибалась и печать. Такъ, въ данномъ случаѣ, широкое распространеніе, въ качествѣ административно-карательной мѣры, воспрещенія розничной продажи періодическихъ изданій должно быть, по всей справедливости, признано ошибкой печати. В. Р.

Удивительный случай забывчивости. Редакція „Русскаго Богатства“ получила отъ одного херсонскаго обывателя два миниатюрныхъ сборничка стиховъ, изданныхъ въ текущемъ году преподавателемъ мѣстнаго духовнаго училища г. Зеленецкимъ, — при

писемъ, полномъ недоумѣнныхъ вопросовъ. Въ чемъ именно послѣдніе заключаются, читатель увидитъ ниже, но, какъ бы то ни было, съ произведеніями г. Зеленецкаго письмо это заставило насъ внимательно ознакомиться.

Одна изъ книжечекъ, побольше размѣромъ, имѣетъ заглавіе: „А. А. Зеленецкій (А. Мартовъ). Ad astra. Грезы и Думы. Херсонъ. 1904“. Заглавіе другой короче: „А. Зеленецкій. Элегія. Херсонъ. 1904“.

Прочитавъ первую изъ нихъ, мы вспомнили крыловскихъ музыкантовъ:

Они немножечко деруть,
За то ужъ въ ротъ хмѣльного не берутъ!

Корявые, прозаичные стихи проникнуты такимъ добродѣтельнымъ пафосомъ, что даже и самые придирчивые рецензенты смѣло могли бы... умолчать объ ихъ существованіи.

Пусть стремятся люди
Деньгами разжиться,
Для меня нѣтъ лучше —
Вѣкъ живя, трудиться!

Даромъ готовъ человѣкъ трудиться—какое, въ самомъ дѣлѣ, рѣдкое и удивительное въ наши дни безкорыстіе! Но, увы,—какъ это часто случается съ носителями неземной добродѣтели, — г. Зеленецкій не опѣненъ и не понятъ своими ближними:

Среди толпы веселой и кичливой,
Среди толпы, не знающей заботъ,
Я прохожу угрюмо-молчаливый,
Какъ будто чей-то голосъ торопливый
Меня порой настойчиво зоветъ.
И этотъ голосъ лживый и прекрасный
Меня зоветъ бороться и страдать...

Но что это? Положительно недурные стихи, только... какъ-будто, гдѣ-то уже слышанные и не совсѣмъ вяжущіеся съ прозаически-благонравными виршами г. Зеленецкаго? Тщетно, однако, станетъ читатель перелистывать книжку, пытаясь найти ключъ къ этой загадкѣ: стихотвореніе „Мимо“ останется таинственно-красивымъ оазисомъ среди скучной пустыни...

Вторая, меньшая объемомъ, книжечка открывается слѣдующимъ стихотвореніемъ:

In memoriam.

Не весь я твой, поэзія... О, нѣтъ!
Ты только сонъ и дивный, и прекрасный,
Ты только сердца молодого бредъ, —
Не правда ты, не голосъ безпристрастный!
Ты не отвѣтъ на зовъ души моей,
На скорбный зовъ усталого страданья,
Не заглушишь мелодіей своей
Ты диссонансовъ мрачныхъ мірозданья!
Какъ позабыть толпы голодной стонъ?

Какъ позабыть безумный смѣхъ разврата?
Они страшатъ, какъ погребальный звонъ,
Они зовутъ, какъ вѣщій гулъ набата...
Суровыхъ думъ властительная рѣчь,
Она нашъ вѣкъ немолчно призываетъ —
Палящій свѣточъ Истины зажечь:
Сіянье грезъ его не согрѣваетъ.

Но вѣдь это, ужъ несомнѣнно, не стихи г. Зеленецкаго! Читаетъ дальше и дальше—все то же впечатлѣніе: гдѣ-то читано...

Вотъ оно, то недоумѣніе, по поводу котораго обратился къ намъ херсонскій корреспондентъ. Слѣдуя его указанію, беремъ „Русскую Музу“ (книгу, изданную недавно г-номъ П. Я.) и на стран. 321 находимъ воѣ эти стихи г. Зеленецкаго—А. Мартова, только приписанные не ему, а В. Мартову—литературному псевдониму, подъ которымъ скрывался въ началѣ 80-хъ годовъ „талантливый, но вскорѣ замолкшій и безслѣдно исчезнувшій изъ литературы“ Владиміръ Петровичъ Михайловъ. Кто же, спрашивается, ошибся? Составитель „Русской Музы“, или г. Зеленецкій?

Наводимъ справку въ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Ефрона, и въ томѣ XIX-A (стр. 496) отыскиваемъ краткую біографію В. П. Михайлова, въ концѣ которой говорится: „Въ *„Русской Мысли, Словѣ, Вѣстникѣ Европы* и др., подъ псевдонимомъ *Вл. Мартовъ*, помѣщаетъ не лишенная таланта стихотворенія“. Случайно у насъ есть подъ руками журналъ „Слово“ за 1879—80 годы; подвергая провѣркѣ и свѣдѣнія энциклопедическаго словаря, отряхаемъ пылъ съ этого стараго журнала — и адѣсь въ оглавленіи чуть не каждой книжки читаемъ фамилію Мартова: стоитъ она подъ тѣми самыми стихотвореніями, которыя перепечатаны г. Зеленецкимъ въ книжечкѣ: „А. Зеленецкій. Элегіи. Херсонъ. 1904“.

Итакъ, сомнѣнія быть не можетъ...

По этому поводу припоминается намъ не такъ давно имѣвшій мѣсто случай, когда другой поэтъ, изобличенный въ присвоеніи стиховъ Полонскаго, далъ слѣдующее оригинальное объясненіе. Рядомъ съ собственными произведеніями у него были списаны нѣкогда въ общей тетради стихи извѣстныхъ авторовъ, но съ теченіемъ времени память ему измѣнила: онъ пересталъ различать чужія вдохновенія отъ своихъ...

Конечно, точъ въ точъ такое же несчастіе могло приключиться и съ г. Зеленецкимъ, тѣмъ болѣе, что Мартовъ принадлежитъ къ числу такъ называемыхъ забытыхъ поэтовъ: печатался въ журналахъ давно, сборника стиховъ не издалъ и самъ находится гдѣ-то въ безвѣстной отлучкѣ. Безпамятность пошла, впрочемъ, у г. Зеленецкаго нѣсколько дальше, распространившись и на псевдонимъ Мартова...

Но, такіа ли чудеса на свѣтѣ бываютъ! Эль-Эмъ.

3 2044 050 649 813

